986 12

Вестник Европы.
1906 г.
т. 6, кн. 12.
декабрь.
СПБ - 1906.

17279.

Отдѣлъ редкихъ книгъ Библіотеки

И. П. ГАЛАХОВЪ

Одинъ изъ „людей сороковыхъ годовъ“.

I.

Иванъ Павловичъ Галаховъ былъ сверстникъ и пріятель Герцена, Огарева, Грановскаго и многихъ другихъ „людей сороковыхъ годовъ“, его имя часто попадается въ ихъ перепискѣ, еще чаще встрѣчаются имена его двухъ сестеръ—Кенни и особенно Фроловой, замѣчательной женщины, оказавшей сильное вліяніе на развитіе Станкевича и Грановскаго. Нѣсколько страницъ въ „Быломъ и Думахъ“, гдѣ Герценъ грустнымъ привѣтомъ почтилъ память Галахова, содержатъ все, что̀ мы знаемъ о послѣднемъ. Эти свѣдѣнія слишкомъ отрывочны, да и весь силуэтъ, набросанный Герценомъ, при всей своей привлекательности слишкомъ блѣденъ, чтобы остановить на себѣ наше вниманіе. Зачѣмъ же, спросятъ, вызывать изъ забвенія это безвѣстное имя и давно угасшую тѣнь?

Мы знали бы объ И. П. Галаховѣ немного, еслибы не уцѣлѣла пачка писемъ на французскомъ языкѣ къ женщинѣ, которую онъ любилъ. Въ этихъ письмахъ сказалась такая полнота жизни, такъ ярко отразился въ нихъ духъ времени, что они даютъ возможность глубоко заглянуть не только въ душу писавшаго ихъ, но и вообще въ душу „человѣка сороковыхъ годовъ“.

Ключъ къ исторіи идей всегда лежитъ въ исторіи чувства. Какъ измѣненія земной поверхности являются лишь слѣдствіемъ процессовъ, совершающихся въ нѣдрахъ земли, такъ, говоря вообще, и всякое умственное теченіе имѣетъ своимъ источникомъ темную и сложную чувственную сферу человѣческаго духа.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Во всякую данную эпоху, каждая общественная группа обладаетъ своимъ особеннымъ психическимъ складомъ; по законамъ, которыхъ еще и не пытались изслѣдовать психологи, въ каждой такой группѣ вырабатываются типическія чувства и наклонности, типическіе полу-инстинктивные способы реагированія на различныя стороны жизни,—и какъ ни велико вліяніе идей на психику, вообще надо признать, что сознательное міровоззрѣніе данной группы обусловливается прежде всего этими чувственными навыками,—при этомъ мы, конечно, оставляемъ въ сторонѣ первоначальное вліяніе экономическихъ, соціальныхъ и другихъ *внѣшнихъ* условій. Есть эпохи, въ исторіи которыхъ это особенно замѣтно; кто изучалъ исторію итальянскаго „возрожденія“, тотъ знаетъ, что понять это движеніе можно только, разсматривая его какъ революцію въ области чувствованій, и что такой простой фактъ, какъ возникновеніе въ эту эпоху неизвѣстнаго до тѣхъ поръ умѣнья чувствовать красоту ландшафта, гораздо больше даетъ для пониманія „ренессанса“, нежели кропотливыя изслѣдованія о вліяніи античной литературы. Сказаннымъ, конечно, вовсе не отрицается самостоятельная важность изслѣдованій, направленныхъ на выясненіе развитія идей, какъ таковыхъ.

Съ указанной точки зрѣнія великое движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ еще почти совсѣмъ не изучено. Это былъ прежде всего великій переворотъ въ области чувства; каковы же были формы чувственной жизни, унаслѣдованныя тѣмъ поколѣніемъ отъ прежнихъ,—какъ ломало оно эти формы и какъ создавало новыя, какія чувствованія преобладали у него? и т. д., и т. д.,—тутъ возникаетъ рядъ такихъ вопросовъ, методологически первостепенной важности. И вотъ, въ этомъ смыслѣ письма Галахова являются драгоцѣннымъ памятникомъ эпохи. Въ нихъ нѣтъ наблюдающаго глаза; въ нихъ дышетъ, стремится, ликуетъ и плачетъ сама жизнь, и въ этой жизни такъ ярко отражается историческій процессъ того времени, что они получаютъ характеръ какъ бы демонстраціи больного передъ аудиторіей.

Предъ нами обыкновенная исторія, какія случаются каждый день; характерно не то, что̀ случилось, а то, ка̀къ оно было пережито. Фабула нашей повѣсти заключается въ томъ, что Галаховъ полюбилъ жену своего друга Огарева; повидимому, она отвѣчала Галахову взаимностью,—и передъ Галаховымъ всталъ страшный вопросъ: что̀ дѣлать?—тѣмъ болѣе страшный, что онъ искренно любилъ и уважалъ Огарева. Это былъ вопросъ о правахъ свободнаго чувства и о смыслѣ брака. Поколѣніемъ раньше Галахова и поколѣніемъ позже его̀ молодой человѣкъ въ его по-

ложеніи рѣшилъ бы вопросъ конкретно, не спускаясь для этого на дно вещей; но то поколѣніе, къ которому принадлежалъ Галаховъ, было призвано пересмотрѣть всѣ устои нравственнаго быта и оттого ко всему подступало съ принципіальной стороны. Галаховъ принялся резонировать или,—какъ тогда говорили—grübeln.

Это было въ 1841 году, а въ 1842-мъ Герценъ писалъ („По поводу одной драмы"): „Отличительная черта нашей эпохи есть—„grübeln". Мы не хотимъ шага сдѣлать, не выразумѣвъ его, мы безпрестанно останавливаемся, какъ Гамлетъ, и думаемъ, думаемъ... Некогда дѣйствовать; мы переживаемъ безпрерывно прошедшее и настоящее, все случившееся съ нами и съ другими,—ищемъ оправданій, объясненій, доискиваемся мысли, истины. Все окружающее насъ подверглось пытующему взгляду критики. Это болѣзнь промежуточныхъ эпохъ. Встарь было не такъ: всѣ отношенія, близкія и дальнія, семейныя и общественныя, были опредѣлены—справедливо ли, нѣтъ ли,—но опредѣлены. Оттого много думать было нечего: стоило сообразоваться съ положительнымъ закономъ, и совѣсть удовлетворялась".

II.

Въ 1841 году, въ разгаръ романа, Галахову было, вѣроятно, лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Онъ происходилъ изъ аристократической семьи, юношей былъ отданъ въ гвардію, но скоро оставилъ ее и жилъ съ тѣхъ поръ независимымъ человѣкомъ, то въ пензенскихъ своихъ деревняхъ, то скитаясь по Европѣ въ поискахъ истины и красоты. Такъ скитались тогда—въ 1838—42 гг.—и Огаревъ, и Сатинъ, и Станкевичъ, и Тургеневъ, и многіе другіе богатые помѣщичьи сынки, которымъ на родинѣ было слишкомъ душно, а на Западѣ слишкомъ шумно. Всѣ они соединяли въ себѣ высшіе запросы европейской мысли съ бурной воспріимчивостью варваровъ, а Галаховъ былъ среди нихъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и наиболѣе пылкихъ. Вотъ какъ изображаетъ его Герценъ: „Умъ сильный, но больше порывистый и страстный, чѣмъ діалектическій, онъ съ строптивой нетерпѣливостью хотѣлъ вынудить истину, и притомъ практическую, сейчасъ прилагаемую къ жизни". Въ этихъ страстныхъ поискахъ онъ бросался всюду—„постучался даже въ католическую церковь", потомъ углубился въ философію, но, напуганный ея холодностью, ушелъ и отъ нея и на нѣсколько лѣтъ увлекся фурьеризмомъ. Глубокая неудовлетворенность, внутренній разладъ и

растущая вмѣстѣ съ опытомъ безнадежность обрѣсти душевную гармонію наложили на него печать тайной грусти, которая еще оттѣнялась присущимъ ему юморомъ. Онъ томился въ праздности и не могъ найти себѣ дѣла, ненавидѣлъ русскую грубость и презиралъ западное вылощенное „мѣщанство". Въ его нѣжной организаціи было много женскаго, и не только въ смыслѣ трепетной чуткости сердца, но и въ смыслѣ упорнаго консервативнаго романтизма. Этотъ романтизмъ, придающій такую чарующую теплоту его образу, сдѣлалъ то, что Галаховъ, какъ и Грановскій, остановился на полдорогѣ въ дѣлѣ освобожденія собственной личности,—дѣлѣ, къ которому было призвано ихъ поколѣніе, и, можетъ быть, именно поэтому Галаховъ такъ типиченъ.

Онъ типиченъ для своего поколѣнія, прежде всего, сочетаніемъ чрезвычайной напряженности чувства, доходящей до восторга, до слезъ, до умиленія,—съ непрестаннымъ самоанализомъ, оцѣнивающимъ каждое переживаніе и подозрѣвающимъ въ искусственности каждое собственное чувство. Всѣ они жили двойной жизнью: въ мірѣ мечты и въ банальной ежедневности; той здоровой середины, которую мы теперь зовемъ дѣйствительностью, они совсѣмъ не знали,—отсюда чувство глубочайшаго разлада между требованіями своего духа и жизнью, никогда не покидавшее ихъ. Правда, ихъ мысль дѣятельно работала надъ вопросомъ о перестройкѣ жизни согласно требованіямъ просвѣщеннаго разума, но эта работа оставалась чисто-теоретической, и результаты ея, такъ сказать, извнѣ прикладывались къ жизни, а не являлись плодомъ опыта, освѣщаемаго теоріей.

Письма Галахова къ Марьѣ Львовнѣ необыкновенно ярко рисуютъ весь этотъ рядъ чувствованій и настроеній. „Иногда,—пишетъ онъ,—сердце такъ полно, что невозможно передать. Тутъ и радости, и надежды, и особенно стремленія, которыя трудно выразить, потому что они превосходятъ не только дѣйствительность, но и нынѣшнюю возможность; между тѣмъ, они даютъ мгновенія восторга, часы и дни отчаянія. Наперекоръ всѣмъ силамъ природы внутренній голосъ, печальный и гармоничный вмѣстѣ, шепчетъ: выходъ—только въ смерти, потому что ничего не случилось, потому что воображеніе, мысль и чувство превосходятъ все, что можетъ быть достигнуто нашими средствами". Этому мучительному разладу онъ приписываетъ и свою склонность къ странствіямъ. Скитальческая жизнь ему надоѣла, но все же онъ предпочитаетъ ее неподвижности: „желаніе и мысль не даютъ покоя, а дѣйствительность—всегда лишь зародышъ". „Ахъ, Марія!—пишетъ онъ:—я не могу угадать окончательнаго

направленія, которое приметъ моя жизнь. Она была тревожна и трудна, въ ней и теперь нѣтъ спокойствія; я не могу сидѣть на мѣстѣ; едва остановлюсь гдѣ-нибудь, уже я долженъ бѣжать, какъ изъ тюрьмы. Это болѣзнь; мнѣ кажется даже, что всего лучше я чувствую себя въ самой дорогѣ, гдѣ отсутствуетъ всякій житейскій укладъ. Я желаю отъ себя и отъ вещей бо̀льшаго, чѣмъ въ нихъ есть. А время уходитъ, и я съ нимъ".

Изъ этого разлада рождалось особое чувство, представлявшее собою какъ бы фокусъ чувственной жизни тѣхъ людей: я говорю о жаждѣ упоенія или блаженства. Вѣнцомъ жизни казались тѣ минуты, когда какое-нибудь одно мощное впечатлѣніе всецѣло овладѣваетъ душой и возноситъ ее до восторга, такъ что пошлая дѣйствительность исчезаетъ изъ глазъ, нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, ни рефлексіи. Это упоеніе дается искусствомъ, всего чаще любовью, но способно рождаться въ душѣ и самопроизвольно, напримѣръ подъ дѣйствіемъ воспоминанія; одни называли его „полнымъ аккордомъ", а Огаревъ—его призванный пѣвецъ—называлъ шутя свою тоску по немъ жаждою того, „чѣмъ изъ самовара пахнетъ" (угара). Это чувство близко знакомо и Галахову. „Часто—пишетъ онъ Огаревой—я слышу музыку изъ моего окна, и когда звучитъ одинъ изъ этихъ вѣнскихъ вальсовъ, то молящихъ, то влекущихъ и торжествующихъ,—я слушаю и хотѣлъ бы вмѣстѣ съ вами быть на какомъ-нибудь блестящемъ празднествѣ; и при звукахъ этого пошлаго танца мои мечты и сожалѣнія несутся, мнѣ жаль моей молодости и исчезающей, почти уже исчезнувшей свѣжести—я хотѣлъ бы, чтобы меня подхватилъ и унесъ вихрь наслажденій и блаженства, который поднимаетъ въ моемъ воображеніи призывъ смычка. А вокругъ меня все такъ сурово—жизнь другихъ и моя собственная, и надо идти среди самоотреченія, борьбы и ночи, и иной разъ такъ не хочется—а нужно".

Это писано съ Гельголанда, маленькаго острова въ Сѣверномъ морѣ, гдѣ Галаховъ прожилъ нѣсколько дней лѣтомъ 1841 года. Онъ пишетъ далѣе, что иногда ему кажется спасеніемъ—всецѣло отдаться общимъ интересамъ, но порою этотъ спасительный маякъ исчезаетъ за облаками личной жизни. „И потомъ, я не могу довольствоваться тѣмъ, что моя голова набита мыслями, какъ книга: мнѣ надо жить и дѣйствовать ими и среди нихъ, иначе я долженъ жить чѣмъ-нибудь другимъ. Между тѣмъ я и это ставлю себѣ въ вину; мнѣ точно стыдно, что я неспособенъ мирно жить мыслью и чувствомъ, безъ всякой внѣшней сферы отношеній и дѣятельности, на безконечно маломъ пространствѣ

этого островка и въ безконечно тѣсныхъ предѣлахъ моей комнаты. Но увѣряю васъ—это невозможно: можно задохнуться. Лучшее, что остается, это—сѣсть въ лодку и выкупаться съ небольшой мели, которая лежитъ насупротивъ. Это я и сдѣлалъ сегодня. Потомъ ходишь вокругъ своего дома, какъ на игральной картѣ, и возвращаешься въ свою лачужку, какъ плѣнникъ".

Онъ не живетъ совсѣмъ,—потому что нельзя же назвать жизнью то пассивное существованіе, которое онъ влачитъ,—но, не живя, онъ безпрестанно занятъ размышленіемъ о томъ, что ему нужно для настоящей жизни. Общія условія довольства ему совершенно ясны: это, прежде всего, привязанность, затѣмъ интересъ къ вещамъ, потомъ здоровье и наконецъ занятіе. Но каковы его личныя, спеціальныя условія, требуемыя его природой? На это Галаховъ, по тщательномъ самоуглубленіи, отвѣчаетъ такъ: „Я долженъ любить женщину и быть съ нею, или любить какую-нибудь вещь, какой-нибудь принципъ, т.-е. либо одного человѣка, либо весь міръ,—но кто бы ни былъ предметъ моей любви, мнѣ нужно, чтобы онъ владѣлъ мною, наполнялъ меня, чтобы я могъ ему служить, быть дѣятельнымъ для него, вести его впередъ, потому что я вижу—мнѣ совершенно нестерпимо жить въ отрицаніи или голомъ созерцаніи, также какъ положительно жить для себя, ограничиваясь собственной драгоцѣнной особой, т.-е. заботой о томъ, чтобы быть здоровымъ, хорошо себя чувствовать, хорошо ѣсть и пить и т. д.".

Но этотъ отвѣтъ былъ еще недостаточно ясенъ: оставался выборъ между человѣкомъ и идеей, и спустя нѣкоторое время Галаховъ выноситъ свое окончательное рѣшеніе: „Я испыталъ себя и сказалъ себѣ:—либо существо, которое любишь и которое тебя любитъ, котораго не покидаешь и которое тебя не покидаетъ никогда—никогда,—либо культъ добра и сознанной истины и настойчивая дѣятельность, обусловливаемая имъ,—внѣ этой дилеммы я не вижу спасенія для себя. И въ то самое мгновеніе я почувствовалъ себя равнодушнымъ къ дѣлу добра и исканію истины,—болѣе равнодушнымъ, чѣмъ до того; я потерялъ ея слѣдъ и возлѣ меня не было никого, я былъ одинъ и видѣлъ себя одинокимъ въ будущемъ, и меня охватило отчаяніе. Я не могу такъ жить,—звучалъ внутри меня голосъ,—это невозможно; я всѣми силами ухвачусь за первую женщину, которая захочетъ остаться со мною". Мало того, что это—постулатъ его сердца, онъ возводитъ его и въ принципъ; онъ пишетъ въ другомъ письмѣ, что и самъ когда-то поклонялся будущему и славѣ,—„но когда, долго вглядѣвшись, откроешь вмѣсто божественныхъ

чертъ обличья грозящихъ чудовищъ и груду разнородныхъ элементовъ, тогда уходишь съ горечью въ сердцѣ и пустотой въ головѣ; надежда гаснетъ и вѣра исчезаетъ. Но если изъ глубины души возникнетъ любовь и благость, которымъ ничто не чуждо, тогда все спасено для личности и общества, — вмѣсто идоловъ, созданныхъ воображеніемъ и отдѣльными страстями, поклоняешься Богу, ищешь истину, и каждая частица этой истины, найденная умомъ, движимымъ любовью, содѣйствуетъ водворенію порядка, свободы и благоденствія, оживотворенію вѣры и надежды". Любовь всегда благотворна для человѣка—даже любовь ко многимъ, тѣмъ болѣе къ одному существу; она не убиваетъ рвенія къ добру, а напротивъ, усиливаетъ его: „Изъ глубочайшаго самоотреченія и полнѣйшаго взаимнаго присвоенія въ любви рождается для человѣка наибольшая свобода и наибольшая мощь во-внѣ, ибо, найдя себя въ одномъ существѣ, перестаешь искать себя въ остальныхъ".

III.

И вотъ Галаховъ полюбилъ и встрѣтилъ взаимность.

Женщина, которую онъ полюбилъ, представляла, можно сказать, его противоположность: насколько въ немъ воплотился сѣверный типъ, тяжелый, меланхолическій и нервный, настолько Марія Львовна Огарева олицетворяла собою капризъ и легкую женственность. Натура даровитая, гибкая, смѣлая, она была дѣйствительно „измѣнчива какъ волна", и законы свѣта были ей ни почемъ. Бѣдная племянница провинціальнаго губернатора, она быстро развернулась, выйдя замужъ за милліонера Огарева, и, быстро разойдясь съ нимъ во вкусахъ, зажила блестящей и угарной жизнью львицы модныхъ курортовъ, среди дилеттантскихъ увлеченій искусствомъ, флирта и пр. Безъ сомнѣнія, въ ней жили какіе-то глубокіе и страстные запросы, которыхъ она не умѣла осмыслить; самая любовь къ ней Галахова свидѣтельствуетъ о тонкости и изяществѣ ея духовнаго склада. Ей было въ это время лѣтъ двадцать-пять; она была уже три года замужемъ за Огаревымъ. Судя по портретамъ, ее нельзя назвать красавицей, но ея оживленное, миловидное лицо и граціозная фигура, вѣроятно, производили очень выгодное впечатлѣніе. Галаховъ зналъ ее всѣ эти три года, и она всегда ему нравилась; но рѣшающее значеніе имѣла зима 1840 года, которую оба они провели въ Москвѣ. Марія Львовна сумѣла вовлечь Галахова въ водоворотъ своей жизни, въ свои легкія и непринужденныя затѣи.

Позднѣе онъ какъ-то писалъ ей: „Мнѣ любопытно знать, какъ вы будете чувствовать себя теперь въ Неаполѣ, встрѣтите ли симпатичныхъ вамъ людей, чтобы смѣяться съ ними надъ всякимъ пустякомъ, какъ со мною. Теперь я уже такъ не смѣюсь; я говорилъ вамъ всегда, что это было исключеніемъ, что это была ваша вина, что обыкновенно я серьезенъ, грустенъ и даже молчаливъ. Вѣроятно, мнѣ уже никогда не провести такой оживленной, занятой и упоительной зимы, какую я провелъ бокъ-о-бокъ съ вами, и едва-ли я встрѣчу еще женщину, въ которой было бы столько находчивости, воли, капризовъ и фантазій, какъ въ васъ“. Результатомъ этой дружбы было то, что „лучистый взоръ и дѣтская веселость“ Маріи Львовны околдовали Галахова. Его короткій романъ разыгрался слѣдующимъ лѣтомъ (т.-е. 1841 года), когда М. Л. жила въ Эмсѣ и Карлсбадѣ, а онъ точно въ горячкѣ метался отъ нея къ сестрѣ въ Кёзенъ, отсюда въ Гамбургъ, обратно въ Карлсбадъ, и т. д., всюду унося съ собою ея образъ, отовсюду простирая къ ней руки въ страстной тоскѣ: „Où êtes vous, chère Marie, ma réalité phantastique?“

Сначала, когда онъ только-что созналъ свое чувство, въ немъ не возникало никакой борьбы. *Она*—жена другого, жена друга, хотя и охладѣвшая къ мужу и живущая въ разлукѣ съ нимъ,—значитъ, *его* чувство должно умереть; тутъ нѣтъ мѣста ни сомнѣніямъ, ни вопросу. Самое большее, о чемъ онъ можетъ мечтать, это—жить въ одномъ городѣ съ нею, сохранить ея дружбу. Въ іюлѣ 1841 г., въ одну изъ своихъ кратковременныхъ отлучекъ, онъ пишетъ Маріи Львовнѣ: „Моя милая; добрая, увлекательная Марія, какъ мнѣ грустно быть вдали отъ васъ!—я твержу вамъ объ этомъ со дня отъѣзда. Мнѣ кажется, что разлука съ вами еще ни разу не мучила меня такъ. Обнимаю ваши колѣни; вы выказали мнѣ столько привязанности, вниманія и интимности, что эта роскошь сдѣлалась для меня необходимостью—и что я принужденъ отказаться отъ нея. Но зачѣмъ же удаляться, почему не оставаться вмѣстѣ?... Гмъ!—потому что ко всему примѣшивается противорѣчіе, и потому что я не могу выносить его ежедневно, не подвигаясь ни въ ту, ни въ другую сторону. Иногда я испытываю то сожалѣніе — долгое, хотя длящееся мигъ,—которое чувствуетъ, можетъ быть, изгнанникъ, когда передъ нимъ убѣгаетъ его родная страна, а онъ вынужденъ искать новое отечество. Вы, столь хрупкая, столь юная, то шаловливая, веселая, то грустная или унылая,—вы могли бы быть для меня стойкой опорой: человѣкъ обезпеченъ во всемъ, когда удовлетворена его главная потребность; между тѣмъ нужно уйти, нужно

искать другихъ симпатій, новыхъ интересовъ и связей, когда вовсе этого не хочется, когда хотѣлось бы только продолженія старыхъ. Вы не скажете, что это сдѣлка съ самимъ собою или пустыя бредни,—вы поймете, что, по крайней мѣрѣ для одной стороны, это невозможность и справедливость—и вмѣстѣ жертва. Но сколько боли во всемъ этомъ!" Марія Львовна собиралась оставаться за границей еще годъ или два для леченія, а Галахову предстояло осенью по дѣламъ имѣнія надолго вернуться въ Россію; по этому поводу онъ пишетъ далѣе: „Я еще не могу освоиться съ мыслью, что мы разстанемся надолго, и меня охватываетъ желаніе броситься къ вамъ или крикнуть вамъ:—вернись и останься! Страшно подумать, что время отдалитъ насъ другъ отъ друга, что мы состаримся и охладѣемъ и будемъ искать иныхъ отношеній и передѣлывать старыя. Но что дѣлать?! Люди и жизнь такъ странно устроены; кажется, будто второстепенные интересы одерживаютъ верхъ надъ высшими, но въ дѣйствительности высшіе одерживаютъ верхъ надъ тѣми. Я боюсь рабства и лжи; свобода и честность легко подвергаются опасности. Можетъ быть, вамъ будетъ скучно читать мою болтовню, но вы поймете, что я хотѣлъ сказать вамъ только, что много люблю васъ, что вы очаровательны, что мнѣ недостаетъ васъ, что безъ васъ мѣняется цвѣтъ вещей, что я тоскую по васъ, Марія, что любовью меня подкупаютъ безконечно, что, оставаясь одинъ, я долженъ призывать на помощь все свое мужество, чтобы жить, что мнѣ безумно хочется васъ видѣть". Подъ-конецъ онъ опять возвращается къ мысли о разлукѣ и пишетъ по-русски: „Я хоть немножко стою васъ—и такъ смѣшонъ, что воображаю, что хоть горько, но надо васъ мнѣ убѣгать; какая глупость! А такъ хочется быть съ вами много-много, долго-долго! Бросьте лечиться, пріѣзжайте въ Москву!..."

Но его страсть развивалась быстрымъ тэмпомъ. Прошло еще три недѣли, и онъ уже едва владѣетъ собою. То, что онъ раньше съ грустной покорностью принималъ какъ элементарный долгъ, теперь ему уже почти не подъ силу. 2-го августа, онъ опять уѣхалъ на два-три дня изъ Карлсбада къ сестрѣ въ Кёзенъ, и въ тотъ же день, ночью, онъ оттуда пишетъ Марьѣ Львовнѣ (это письмо писано по-русски): „Видно, я къ вамъ очень привязался. Я два часа тому какъ пріѣхалъ. Вечеръ былъ свѣжій, но ясный, мѣста красивыя, я ѣхалъ одинъ и скоро, вѣтеръ дулъ въ лицо; мысли наединѣ разныя ходили, я жался и крѣпился, заглядывая въ даль свою, и говорилъ себѣ между прочимъ: разорву записку и писать не стану, — надо пожертвовать и обо-

ротъ дать другой, необходимый, ограниченный, не себялюбивый. Наконецъ подъѣхалъ я къ дому сестры—она вышла, мы обнялись. У ней мило; она была весела, обняла меня, радовалась, нашла, что я сталъ веселъ, спросила про васъ — и мнѣ такъ етало ужасно жалко, что васъ тутъ нѣтъ;—пробывъ съ сестрой, готовъ бы сейчасъ опять къ вамъ скакать; такая жажда быть съ вами совсѣмъ короткимъ, и вы чтобъ также были какъ сестра,—издалека кажется возможнымъ, и забываешь бунтующую природу, и хочется какого-то невыразимаго наслажденія и свободы, и любви, и продолженія, и близости,—и не разстраивая вещей и безъ укора все это хочется найти въ васъ, — и такъ жалко-жалко, что надо отвлекаться, такъ досадно, что надо смотрѣть за собой! И я почувствовалъ въ себѣ какую-то свѣтлую, сильную минуту, мнѣ какъ будто все принадлежало и могъ бы всѣмъ владѣть—и оттого пишу, и благодарю, и обнимаю васъ, и цалую у васъ руки". Онъ говоритъ дальше о своемъ твердомъ рѣшеніи уѣхать въ Россію: какъ ни тяжело отрываться отъ тѣхъ, кого онъ любитъ, но долгъ и необходимость повелѣваютъ ему ѣхать. Марія Львовна, должно быть, дразнила его пророчествомъ, что въ Россіи онъ женится. „У меня просьба къ вамъ, Марія,—пишетъ онъ.—Если я женюсь, сдѣлайте съ вашей любовью ко мнѣ что̀ хотите,—я не буду жаловаться, я не скажу ни слова; но до тѣхъ поръ сохраните мнѣ живую и нѣжную привязанность, и когда я вернусь къ вамъ, будьте со мною, какъ другъ,—вполнѣ свободной. Я не вернусь раньше, нежели сознаю, что могу выносить и заслуживаю это". И тутъ же внезапный взрывъ страсти и восхищенія: „Вы обворожительны и прекрасны, и наивны, и смѣлы, и забавны, я помню все въ васъ, и ваши бѣлыя и фіолетовыя платья, которыя я такъ люблю".

Очевидно, надо было на что-нибудь рѣшиться. 8-го августа, мы видимъ Галахова на о. Гельголандѣ: истерзанный, раздираемый страстью и рефлексіей, онъ бѣжалъ сюда, чтобы собраться съ мыслями передъ окончательной разлукой. Девять дней, проведенные лицомъ къ лицу съ моремъ, дѣйствительно успокоили его. Разумѣется, онъ писалъ ежедневно. Сидя подолгу на уступѣ береговой скалы, онъ передумывалъ свою жизнь, думалъ „о безплодности своихъ дней, о смерти глубокихъ убѣжденій, животворящихъ вѣрованій", думалъ о томъ, почему ускользаютъ отъ него люди и вещи, и онъ вѣчно одинъ, и чего жаждетъ его тоскующая душа; здѣсь въ письмахъ къ Марьѣ Львовнѣ онъ формулировалъ тѣ свои желанія и мечты объ активной любви, о женской привязанности, съ которыми читатель уже познакомился

выше. И всѣ эти мысли сводились къ ней и къ вопросу, какъ быть. Не практической развязки онъ жаждалъ, а внутренняго просвѣтленія, мира съ самимъ собою; ему стала не въ моготу эта жгучая нерѣшимость,—лучше было не родиться, чѣмъ такъ тянуть изо дня въ день. По мѣрѣ того, какъ онъ успокоивался, сознаніе одерживало верхъ надъ страстью: хорошо, онъ попытается жить одинъ въ мірѣ идей, не мучась отсутствіемъ людей, довольствуясь дальними привязанностями, а если это окажется ему не подъ-силу, онъ откажется отъ всякаго притязанія на роскошь бытія и станетъ жить близъ нея, если она позволитъ, нѣтъ—близъ нихъ (онъ разумѣетъ ее и Огарева), вѣрнымъ другомъ до смерти, довольный ея ежедневной добротой и по мѣрѣ силъ стараясь быть полезнымъ для ихъ существованія. Если же не удастся и это, тогда онъ будетъ жить несчастный, съ вѣчнымъ упрекомъ самому себѣ и судьбѣ.

Пока онъ такъ размышлялъ, Марія Львовна тоже рѣшала возникшую задачу, но рѣшала по-своему. Галаховъ былъ до такой степени поглощенъ самоанализомъ, что въ сущности вовсе забылъ о Маріи Львовнѣ. Размышляя и рѣшаясь, онъ совершенно не принималъ въ разсчетъ *ея* чувствъ, *ея* положенія въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, въ ней романъ съ Галаховыхъ вызвалъ совсѣмъ другія чувства и мысли, и Галаховъ долженъ былъ бы понять это. Она сама говорила ему, что никакой мужчина не можетъ сдѣлать ее счастливой надолго, да она и сама неспособна дать не то что счастіе, а даже покоя; она говорила ему, что предпочитаетъ брать, чѣмъ давать, что не любитъ слова „всегда“, что она неукротима и причудлива, что ее можно отпугнуть однимъ словомъ, и тогда она способна сразу порвать связь, казавшуюся прочной. Это все онъ повторяетъ въ своихъ письмахъ. Онъ очень хорошо ее знаетъ; онъ пишетъ ей однажды: „Когда вы любите, вы способны на всякія сумасбродства не хуже мужчины. И несмотря на мужскія черточки въ вашемъ характерѣ, вы больше женщина, чѣмъ всякая другая, вы своенравны сердцемъ въ высочайшей степени; съ вами нечего разсуждать—васъ надо заставить полюбить себя“. Но на дѣлѣ, въ своихъ принципіальныхъ выкладкахъ онъ считался только со своими чувствами и своими потребностями. Этотъ безсознательный эгоизмъ очень характеренъ для человѣка 40-хъ годовъ.

Когда, 18-го августа, Галаховъ, простившись съ Гельголандомъ, переплылъ въ Любекъ, онъ нашелъ здѣсь два письма отъ Маріи Львовны, въ отвѣтъ на свои, писанныя съ Гельголанда. Эти два письма изумили, потрясли, больше того—испугали его;

въ нихъ грозно и требовательно прозвучало то, о чемъ онъ совсѣмъ и не подумалъ, — голосъ женской страсти и женскаго оскорбленнаго самолюбія. Марія Львовна, наконецъ, потеряла терпѣніе; ей надоѣло быть объектомъ самоанализа, ей противно стало смотрѣть на эту безсильную любовь, ее возмущало пренебреженіе правами *ея* чувства, *ея* волею. „Вы три года добивались моей любви,—писала она;—вы дѣлали все, чтобы привлечь мое вниманіе и возбудить во мнѣ чувство къ вамъ, — и когда вы, наконецъ, достигли цѣли, вы медлите въ нерѣшительности. Вы добились моей любви,—почему же вы не взяли меня? Такъ ли поступаетъ страсть? Нѣтъ, еслибы вы дѣйствительно любили, вы не стали бы философствовать, васъ не остановили бы принципіальныя сомнѣнія. Да и какой тутъ можетъ быть вопросъ? Страсть сама въ себѣ носитъ свое право. И почему смотрѣть на обладаніе женщиной съ суевѣрнымъ страхомъ и обставлять его тысячью условій, какъ нѣкое священнодѣйствіе? Я горько проучена вами, и отнынѣ буду осторожнѣй. Мнѣ не нужно больше любви; я буду искать твердой дружеской руки, которая удерживала бы меня отъ необдуманныхъ шаговъ и непослѣдовательности; вы же и впредь останетесь мнѣ дороги, но только какъ книга".

Это было ударомъ бича, и въ первую минуту Галаховъ растерялся. Что онъ могъ противопоставить этой неотразимой цѣльности чувства? Ее можно было побѣдить только другою, высшею цѣльностью, а онъ самъ былъ такъ далекъ отъ гармоніи, въ немъ все было такъ раздергано, такая путаница чувствъ и мыслей! Между тѣмъ, отречься отъ своихъ сомнѣній онъ не могъ. Цѣльность Маріи Львовны была цѣльностью *неосмысленной* страсти; признать ея законность значило для Галахова запятнать свой человѣческій образъ, отказаться отъ собственнаго сознанія. Вся задача и гордость его поколѣнія заключалась въ томъ, чтобы внести логику и справедливость въ хаосъ человѣческихъ отношеній, подчинить жизнь, бытъ, собственное поведеніе—разуму: могъ ли Галаховъ измѣнить этому великому дѣлу? могъ ли признать абсолютное право за страстью?

Онъ отвѣчалъ Маріи Львовнѣ огромнымъ письмомъ въ двѣнадцать страницъ убористаго почерка, писаннымъ частью въ ночь того же 18-го августа, пока не догорѣла свѣча, частью утромъ. Въ этомъ письмѣ много любви, много страданія, но вопросъ уже рѣшенъ опредѣленно. Ударъ, нанесенный Галахову письмомъ Маріи Львовны, оказался благотворнымъ: онъ окончательно сознался себя—и на декларацію *безусловныхъ* правъ страсти отвѣчаетъ декларацією правъ *разума надъ страстью*.

„Я спѣшилъ сюда, — пишетъ онъ, — чтобы найти отъ васъ вѣсточку, Марія, и сегодня получилъ ваши два письма. Ихъ содержаніе кипитъ и клокочетъ и заливаетъ меня, какъ волны моря, которое я только-что покинулъ; но я не въ силахъ справиться съ нимъ и выхожу изъ него не укрѣпленный, а сломленный. Чтобы отвѣтить на это изліяніе, источникъ котораго въ нашемъ взаимномъ влеченіи и взаимномъ лишеніи, надо было бы все сказать, все объяснить, убѣдить и столковаться съ полной ясностью и искренностью, а для того, чтобы это объясненіе было дѣйствительнымъ и удовлетворило насъ, оно должно было бы сопровождаться превращеніемъ желанія въ добровольное самоотреченіе и личнаго чувства—въ культъ общихъ идей и чувствъ;— или же ничего не сказать, фактически подать руку другъ другу, прижать другъ друга къ груди, любить и идти такъ въ жизни и умереть, если можно, вмѣстѣ въ безумствѣ восторга. Ни тотъ, ни другой отвѣтъ, повидимому, невозможенъ. Но какъ остаться безмолвнымъ въ виду всего, что содержатъ ваши страницы? Въ сущности намъ не о чемъ разсуждать и не о чемъ объясняться, кромѣ нашего взаимнаго отношенія,—потому что, столковавшись о немъ, мы бы, думаю, легко согласились во всемъ прочемъ. Но именно этого нѣтъ, и мы бродимъ вокругъ вещей и принциповъ, чтобы найти по крайней мѣрѣ разумное основаніе для этихъ отношеній и поступковъ. И это законно, потому что не надо дѣйствовать безумно или по капризу, надо сохранить остатокъ разсудительности и воли, надо знать, для чего насилуешь и мучишь себя. У васъ немного запутана голова, а у меня немного запутаны сердце и чувства — поэтому вы не будете послѣдовательны въ вашихъ мысляхъ, чтобы не слишкомъ страдать сердцемъ, я же не буду послѣдователенъ въ требованіяхъ сердца и чувствъ, чтобы не слишкомъ страдалъ мой умъ. Отдаться мужчинѣ, говорите вы, столь же предосудительно, какъ выпить стаканъ шампанскаго. Вы правы: это столь же естественно—еслибы послѣдствія не были иныя. Стоитъ мнѣ пожелать васъ, и вы моя,—это для меня куда какъ удобно; но въ этомъ случаѣ вы не уподобите обладаніе вами глотку шампанскаго, вы отвергнете его, какъ унижающую васъ пошлость: вы ставите условіемъ симпатію, дружбу, прочность отношеній. Прекрасно,—это условіе принимаю, но тогда разстаньтесь съ мужемъ, съ его богатствомъ и именемъ, они болѣе не принадлежатъ вамъ, это ясно какъ день. Да и что ему дѣлать, этому третьему, между двухъ людей, которые принадлежатъ другъ другу сердцемъ, тѣломъ и душою,— потому что обладаніе есть великое присвоеніе любимаго суще-

ства. И затѣмъ признайте справедливымъ и естественнымъ, чтобы общество знало, что вы любите такого-то и принадлежите ему, и не бойтесь огласки. Но этого вы не хотите, вы хотите компромисса въ мысляхъ, а въ дѣйствительности невозможнаго. Любовникъ-другъ, любовникъ или другъ! Я былъ бы счастливъ быть для васъ первымъ, могъ бы быть и вторымъ—съ горечью за васъ и за себя, но третьимъ теперь и вблизи я не могу быть искренно. Чтобы не увязнуть въ пошлости, лжи и противорѣчіяхъ, чтобы эмансипироваться, т.-е. стать свободной на дѣлѣ, какъ на словахъ, воздѣйствовать примѣромъ на прогрессъ, женщина должна безповоротно выбрать одно изъ двухъ началъ: либо законы современнаго брака, либо фурьеризмъ; и если она хочетъ теперь же выступить изъ круга установленныхъ отношеній, она должна граждански поставить себя независимо и взять себѣ одного или нѣсколькихъ любовниковъ, рискуя въ современномъ обществѣ остаться со всѣми своими дѣтьми на рукахъ,—такова Жоржъ-Зандъ. Но нужно мужество, чтобы такъ поступать передъ лицомъ общества, столь сурово карающаго за явные грѣхи. Все остальное—противорѣчіе. Утверждать, что женщина способна въ томъ и въ другомъ случаѣ быть цѣльной и послѣдовательной, не значитъ презирать ее".

Во второй половинѣ письма Галаховъ какъ бы прощается со своимъ чувствомъ. Онъ говоритъ о томъ, какъ больно ему сознавать, что онъ долженъ искать счастія у другой женщины, и что встрѣча съ этой другой навѣки отдалитъ его отъ *нея*. Когда онъ думаетъ объ этомъ, его сердце сжимается, краски блекнутъ въ его глазахъ. Онъ желаетъ ей счастія — если возможно, съ Огаревымъ, потому что онъ любитъ Огарева. „Онъ игралъ важную роль въ нашихъ отношеніяхъ. Когда бы не онъ—простите, Марія, но я говорю не о васъ, а только о своемъ поведеніи,—съ однимъ собою я не боролся бы такъ и наперекоръ всѣмъ нашимъ теоріямъ легче поддался бы соблазну не такъ много жертвовать идеямъ"... „Вы не знаете, чего мнѣ стоитъ эта борьба и разрывъ, каково мнѣ сдерживать мое страстное чувство къ вамъ, тѣмъ болѣе, что минутами это мнѣ самому кажется нелѣпымъ. Я не притягиваю чувства за́ волосы, напротивъ, я не довѣряю своимъ и часто подрываю чужія, но то, что́ я говорю, вѣрно. Минутами я испытываю безмѣрную потребность видѣть васъ, держать васъ возлѣ себя, во мнѣ молча звучитъ голосъ: „несчастенъ безъ нея, счастливъ съ нею",—тогда я начинаю метаться и говорить себѣ, что это выдумка, что я могу найти счастіе въ чемъ-нибудь другомъ, въ другой женщинѣ, — и въ

ту же минуту мнѣ этого не хочется, я люблю мое страданіе, а все прочее мнѣ кажется невозможнымъ или основаннымъ на умерщвленіи чувства, которое я не хочу приносить въ жертву... Но, ради Бога, поймите и не говорите, что я неправъ. Вѣрьте, что мнѣ самому иной разъ невыносима моя правота,—но я не могу отдаться въ рабство духомъ и положеніемъ, это сильнѣе меня,—и вотъ почему я разрываю. Говорите мнѣ, что еще любите меня, говорите мнѣ, какъ вы живете, но не давайте мнѣ и не требуйте отъ меня объясненій; они немногаго стоятъ,—мы оба правы. Но скажите мнѣ—были бы вы навѣки счастливы со мною? хотѣли бы вы никогда не оставлять меня, всегда быть со мною и любить меня страстно, не потому, что я этого стою, а по прихоти, безъ всякой причины?"

IV.

Галаховъ сдержалъ слово и осенью уѣхалъ въ Россію. Обаяніе Маріи Львовны еще долго не теряло силы надъ нимъ. Онъ пишетъ ей, что, несмотря на время, разстояніе и рѣшимость, онъ иной разъ столько же жаждетъ, сколько боится свиданія съ нею. „Мнѣ жаль невыпитой чаши. Я не встрѣчу женщины, которая была бы въ такой степени самой собою, столь свободной, непринужденной, лишенной предразсудковъ, какъ вы, которая такъ подстрекала бы любопытство, самолюбіе, желаніе нравиться ей и имѣть вліяніе надъ нею". Одно письмо онъ кончаетъ такъ: „Дай Богъ вамъ всего лучшаго. Ужели мы будемъ такъ долго въ разлукѣ? А годы идутъ. Я ничего не понимаю ни въ человѣкѣ, ни въ судьбѣ, ни въ чемъ. Надо вѣрить въ безсмертіе или быть счастливымъ. Будьте счастливы, мой другъ".

Она тоже не была счастлива. Ея отношенія съ Огаревымъ становились все мучительнѣе. Несмотря на шумъ и блескъ своей жизни, несмотря и на мимолетныя свои увлеченія, она чувствовала себя глубоко одинокой, жаждала любви и съ тоскою взывала къ Огареву. Между ними шла безконечная переписка, запальчивая и мятежная съ ея стороны, полная мягкости и разсужденій съ его стороны. Это были настоящіе переговоры о мирѣ, и каждая сторона настаивала на своихъ условіяхъ. По существу это былъ тотъ же конфликтъ, какъ между М. Л. и Галаховымъ. Огаревъ требовалъ, чтобы въ основу ихъ совмѣстной жизни была положена отнынѣ не слѣпая сила страсти, а разумная человѣчность; онъ требовалъ строгаго равенства отношеній и взаим-

ной свободы, при которой онъ, мужчина, могъ бы безпрепятственно отдаваться высшимъ запросамъ своего духа; любовь не должна ни поглощать его всецѣло, ни даже въ малой степени связывать. При этомъ Огаревъ, разумѣется, не спрашивалъ себя, что̀ станетъ дѣлать со своей свободой женщина. Не спрашивала и Марія Львовна, но съ вѣрнымъ чутьемъ своего женскаго интереса она гнѣвно отвергала этотъ холодный договоръ: любовь безусловна, она беретъ всего человѣка, ей нельзя отвести уголка въ сердцѣ; настоящая любовь не терпитъ равенства и свободы: „я хочу властвовать или быть рабой“.

Въ этомъ спорѣ Галаховъ, довѣренный и мужа, и жены, былъ, разумѣется, всецѣло на сторонѣ Огарева. Въ отвѣтъ на письмо Маріи Львовны къ Огареву, которое послѣдній показалъ ему, онъ пишетъ ей: „Нѣтъ, женщина не должна и не можетъ властвовать въ любви, потому что сколько-нибудь развитой мужчина не можетъ подчинять свои убѣжденія и тенденціи, какъ бы ввѣренныя ему человѣческимъ обществомъ,—вкусамъ и взглядамъ женщины, часто невѣрнымъ. Подчиниться должны вы. Признайте суверенитетъ общихъ истинъ, научитесь обуздывать ваши неопредѣленныя желанія и вкусы, перестаньте вѣрить, что всякій инстинктивный порывъ и каждая своенравная мысль законны—и васъ будутъ любить нѣжно и беззавѣтно“.

Неудачный романъ съ Маріей Львовной не прошелъ безслѣдно для внутренняго развитія Галахова. Ему дорого стоило разстаться съ мечтою о личномъ счастіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ окончательно вышелъ на свободу, по крайней мѣрѣ въ сознаніи. Мы располагаемъ еще только однимъ его письмомъ къ Маріи Львовнѣ—отъ 18-го декабря 1842 г. Оно всецѣло посвящено ей, анализу ея положенія, но для насъ оно удивительнымъ свѣтомъ освѣщаетъ его собственную душу.

Онъ задается вопросомъ, почему она чувствуетъ себя такъ безмѣрно несчастной и печальной. Неужели потому, что она видитъ охлажденіе къ ней Огарева? Но она первая охладѣла къ нему, да и никогда особенно не дорожила его любовью. Почему же она теперь мечется въ тоскѣ и такъ страстно добивается хотя кое-какъ оживить угасшее чувство? Очевидно, дѣло не въ Огаревѣ и его охлажденіи; это просто знакъ болѣзненнаго состоянія ея души. „Я знаю: есть люди, которые должны пройти чрезъ тяжкія испытанія. Они живутъ — и чувствуютъ, какъ ихъ охватываетъ холодъ смерти; они кажутся мертвыми среди окружающаго ихъ міра, и носятъ пожирающій пламень въ своей душѣ. Ища спасенія, они цѣпляются то за человѣка,

то за вещи, и долго безъ успѣха, пока въ судилищѣ своей воли не принесутъ своего самовластнаго „я“ въ жертву верховной истинѣ и не примирятся съ Богомъ путемъ внутренней моральной и умственной работы, которая снова вноситъ порядокъ и свободу въ ихъ мысль и чувство. Вотъ, милый другъ, къ чему мы должны стремиться, а не считать себя погибшими потому, что такой-то человѣкъ насъ покинулъ или такое-то личное чувство ослабѣло въ насъ. Въ васъ бьется и страдаетъ не столько женщина, сколько человѣкъ вообще. Самое разнообразіе вашихъ дарованій усиливаетъ ваше страданіе: они сталкиваются и теребятъ васъ со всѣхъ сторонъ,—они не пріобрѣли достаточно энергіи, чтобы выступить планомѣрно. У васъ нѣтъ моральнаго или умственнаго центра тяжести — и въ то же время ваша натура не настолько пассивна, чтобы тихо и покорно идти путемъ традиціонныхъ принциповъ. Hinc itur ad astra“!..

Марія Львовна не послѣдовала этому совѣту, да и могла ли она? Она продолжала искать счастья по-своему, любила и заблуждалась, и умерла, десять лѣтъ спустя, въ духовной и матеріальной нищетѣ. Но и Галаховъ, какъ Моисей, только издали увидѣлъ обѣтованную страну. У него хватило силъ освободиться только наполовину, потому что въ каждомъ освобожденіи—двѣ ступени: мало стать вольноотпущеннымъ,—надо стать еще свободнымъ, какъ бываетъ свободенъ человѣкъ свободно-рожденный. На дѣлѣ Галаховъ до конца ни очага себѣ не устроилъ, ни алтаря общей идеѣ; онъ такъ и остался „лишнимъ человѣкомъ“. Еще семь лѣтъ скитался онъ по Европѣ, лишь изрѣдка наѣзжая домой, раздѣляя высшіе интересы своего вѣка и влача, какъ проклятіе, свою роковую праздность. Послѣдніе два года своей жизни онъ былъ особенно друженъ съ Герценомъ, много спорилъ съ нимъ (однимъ изъ этихъ разговоровъ начинается „Съ того берега“) и писалъ ему письма, полныя оригинальности. Онъ умеръ въ 1849 году.

М. Гершензонъ.

СРЕДИ БЕЗДѢЛЬЯ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XIV *).

На другой день, ровно въ девять часовъ, къ виллѣ, занимаемой Левецкими, съѣхались профессоръ, мѣстный врачъ и князь. Въ знакомой уже намъ пріемной ихъ встрѣтила Таня съ нѣсколько повеселѣвшимъ лицомъ: братъ прекрасво спалъ всю ночь, и что-то въ родѣ надежды зародилось въ ея сердцѣ, хотя она сознавала, что эта надежда—одинъ только обманъ.

—. Гдѣ же больной? — спросилъ профессоръ, когда всѣ поздоровались.

Врачи съ Таней отправились въ сосѣднюю комнату, князь же остался въ пріемной одинъ. Когда онъ увидѣлъ повеселѣвшую Таню, вся эта исторія съ больнымъ ея братомъ окончательно перестала его интересовать: „Напрасно только впутался,—говорилъ онъ себѣ,—и безъ меня дѣло обошлось бы прекрасно". Онъ всецѣло занятъ былъ другимъ—Мариною, о которой онъ думалъ непрерывно съ тѣхъ поръ, какъ вчера разстался съ нею въ Больё. Украдкой, передъ самымъ отелемъ она, пользуясь темнотою и отсутствіемъ людей, поцѣловала его еще разъ на прощанье, и этотъ поцѣлуй остался у него въ памяти какимъ-то жгучимъ воспоминаніемъ, соблазнительнымъ, чарующимъ и въ то же время нездоровымъ, — странно!—даже преступнымъ. Онъ не могъ дать себѣ отчета въ своемъ чувствѣ къ Маринѣ, но одно

*) См. нояб., стр. 100.

онъ ясно сознавалъ: этотъ поцѣлуй его не успокоилъ, а, наоборотъ, усилилъ ту тревогу, которая его теперь такъ часто терзала. И онъ спрашивалъ себя: что же это значитъ? Сомнѣнія его относительно Марины разсѣялись: онъ вѣрилъ въ безупречность ея прошлаго, вѣрилъ ей.

Въ сосѣдней комнатѣ по временамъ глухо раздавались голоса, передвигалась мебель. Старый Франсуа вышелъ оттуда, добродушно взглянулъ на князя и зачѣмъ-то прошелъ въ прихожую, но оттуда больше не возвращался: очевидно, изъ прихожей былъ другой ходъ въ комнату больного. Князь видѣлъ и слышалъ все, какъ во снѣ. Марина неотступно стояла передъ нимъ и загадочно ему улыбалась. Она говорила: „Да, любовь доставляетъ человѣку страданія, но и какое блаженство она даетъ!“ Эта мысль заставила князя вздрогнуть. „Если любовь не можетъ дать успокоенія, то всѣ ея блаженства мнѣ не нужны“,— проговорилъ въ немъ внутренній голосъ.

И онъ продолжалъ лихорадочно размышлять.

„Старикъ я, что-ли, что мнѣ нуженъ только миръ, успокоеніе? Да развѣ истинная любовь можетъ обойтись безъ бурь, безъ страданія, безъ сладостныхъ надеждъ и мучительнаго ожиданія? Я до сихъ поръ еще не любилъ, я собственно еще не знаю, что такое любовь. И вотъ я начинаю ее испытывать—и сразу требую мира, успокоенія. Что за вздоръ! Что за непослѣдовательность! Если я хочу спокойствія, то мнѣ любви не надо; если мнѣ любовь нужна,—мнѣ нечего желать спокойствія. Кажется, ясно. И что я дѣлалъ всѣ эти годы? Фланировалъ по Европѣ. Подумаешь, какой тяжелый трудъ, послѣ котораго требуется отдыхъ, миръ, успокоеніе“...

И снова передъ нимъ стояла Марина, снова она ему улыбалась, манила его къ себѣ, сулила счастіе.

„Да вѣрю ли я ей?“

Онъ всталъ и, забывая, гдѣ онъ находится и что его сюда привело, началъ быстро шагать по комнатѣ.

„Я не могу ей не вѣрить и... все-таки не вѣрю. До чего доводитъ человѣка самоанализъ! Жалкій я гамлетикъ,—вотъ что!“

Такъ размышлялъ князь еще долго. Онъ не замѣчалъ, какъ проходило время.

Портьера раздвинулась, и въ пріемную вошелъ профессоръ въ сопровожденіи врача. Послѣдній тщательно закрылъ дверь за собою.

— Мы будемъ здѣсь совѣщаться, — произнесъ внушительно знаменитый профессоръ:—но вы, князь, какъ человѣкъ, не осо-

бенно близко стоящій къ семьѣ больного, намъ не помѣшаете.

Лицо его выражало сосредоточенность, приличествовавшую серьезности случая.

— Къ тому же,—прибавилъ онъ:—намъ надо кому-нибудь сообщить о результатѣ нашего совѣщанія, а такъ какъ онъ не можетъ быть, какъ я предвижу, особенно утѣшительнымъ, то придется его сообщить вамъ для того, чтобъ вы могли подготовить къ нему сестру больного.

Князь въ знакъ согласія наклонилъ голову, хотя въ сущности думалъ мало о томъ, что̀ ему говорилъ профессоръ: ему все это представлялось соблюденіемъ какихъ-то неизбѣжныхъ формальностей,—такъ далеки и чужды ему были эти Левецкіе.

Врачи усѣлись, князь—въ нѣкоторомъ отдаленіи. Началось совѣщаніе, которое велось врачами вполголоса. Князь разслышалъ слово: „tabes“; затѣмъ они довольно долго говорили о вывихѣ и переломѣ позвонка; профессоръ очень авторитетно разъяснилъ, что при данномъ паденіи перелома произойти не могло, и что поэтому надо остановиться на вывихѣ.

Въ пріемную былъ приглашенъ Франсуа. Врачъ далъ ему въ присутствіи профессора подробныя инструкціи относительно ухода за больнымъ. Это длилось долго. Наконецъ, и это было окончено, и Франсуа было приказано пригласить въ пріемную „madame“.

Когда Франсуа ушелъ, профессоръ обратился къ князю, понижая, насколько возможно, свой звучный басъ.

— Случай безнадежный, — сказалъ онъ по-нѣмецки, должно быть полагая, что этотъ языкъ менѣе понятенъ окружающимъ.— Болѣзнь продлится уже недолго. Надо предупредить сестру, но осторожно... Вы это сдѣлаете, князь? Какой счастливый случай, что мы можемъ довѣрить эту трудную задачу дипломату!

Въ комнату вошла Таня.

Профессоръ тотчасъ же обратился къ ней съ замѣчаніемъ, что не надо никогда отчаиваться, привелъ нѣмецкую поговорку, что Богъ ближе всего во время тяжелыхъ испытаній, сказалъ еще, что больничному служителю даны точныя инструкціи, какъ ухаживать за больнымъ, затѣмъ съ чувствомъ пожалъ руку Тани и удалился вмѣстѣ съ своимъ коллегою.

Князь и Таня остались одни.

Простымъ движеніемъ руки она пригласила князя сѣсть.

— Большое вамъ спасибо, князь, — сказала она, — за вашу услугу. Братъ тоже хотѣлъ васъ поблагодарить, но изслѣдованіе его очень утомило, и я настояла на томъ, чтобы онъ отъ своего намѣренія на сегодня отказался.

Таня говорила съ тою естественною простотою, которая свойственна людямъ, думающимъ только о томъ, что они говорятъ. У князя же вниманіе раздваивалось. Онъ хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго порученія, возложеннаго на него профессоромъ, и въ то же время мысль его была занята Мариною.

— Я очень радъ, что случай позволилъ мнѣ быть полезнымъ вашему брату,—отвѣтилъ онъ, стараясь говорить такъ же просто, какъ Таня.

— Затѣмъ еще одинъ вопросъ, князь: что сказалъ профессоръ о здоровьи брата?

Князь смутился. Онъ только-что собирался подумать о томъ, какъ подготовить Левецкую, но она уже поставила ребромъ вопросъ. И вдругъ онъ вспомнилъ ея неподвижный взглядъ на набережной, который его такъ напугалъ.

— Да, видите ли,—проговорилъ онъ:—положеніе, конечно, серьезно, но...

— Я прошу васъ,—прервала его Таня,—повторить мнѣ то, что сказалъ вамъ профессоръ. Вѣдь онъ долженъ былъ кому-нибудь сообщить свое мнѣніе о болѣзни, а этотъ „кто-нибудь“ при данныхъ обстоятельствахъ могли быть только вы.

Князь сдѣлалъ усиліе надъ собою и рѣшился солгать.—„Солгать до завтра“,—подумалъ онъ.

— Профессоръ сказалъ,—отвѣтилъ онъ,—что положеніе серьезно, даже очень серьезно, но что надежды терять не слѣдуетъ...

Таня внимательно взглянула на него.

— Князь, вы хорошій, добрый человѣкъ,—сказала она:—вамъ тяжело мнѣ причинить боль. Но, извините, профессоръ этого сказать не могъ: неужели онъ, опытный врачъ, не видитъ того, что я сама вижу такъ ясно?

Князь промолчалъ.

— Вотъ что, — продолжала Таня: — тогда, когда вы меня встрѣтили на набережной, я окончательно разсталась съ надеждой... Правда, я иногда еще стараюсь себя обмануть, но другіе меня обманывать не должны: человѣкъ всегда и во всемъ долженъ видѣть ясно.

И то, чего князь такъ опасался, случилось: свѣтъ потухъ въ глазахъ Тани...

Что-то странное произошло съ княземъ. Его охватила непреодолимая жалость къ Танѣ. Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

Замѣтивъ это движеніе, Таня проговорила, какъ бы совершенно забывъ о присутствіи князя:

— Братъ мнѣ вчера сказалъ, что мою руку можно цѣловать только когда сердце исполнено уваженія и благодарности, — онъ хотѣлъ сказать: сожалѣнія...

Затѣмъ она, вдругъ опомнившись, продолжала:

— Спасибо, князь, за сочувствіе. Я очень несчастна. Два года тому назадъ я потеряла отца. Послѣ его смерти насъ было только двое на свѣтѣ: братъ и я. Теперь я и его теряю.

— Скажите, — спросилъ князь съ большимъ участіемъ: — у васъ здѣсь, въ Ниццѣ, близкихъ людей нѣтъ?

— Нѣтъ никого,—отвѣтила Таня.—Да и въ Россіи знакомыхъ много, но близкихъ людей, какъ это обыкновенно понимаютъ, нѣтъ. Я и отецъ жили почти исключительно съ крестьянами.

— Съ крестьянами?—переспросилъ князь.

— Да, у насъ въ имѣніи,—отвѣтила Таня.—Извините, князь, я должна теперь идти къ брату: онъ остается такъ долго безъ меня.

Князь всталъ. Она протянула ему руку и хотѣла уже удалиться, но вдругъ остановилась.

— Еще одно слово, князь,—обратилась она къ нему.—Вы, вѣроятно, испытали въ жизни горе, если можете съ такимъ участіемъ относиться къ чужому горю? Если не испытали, то, при вашемъ добромъ сердцѣ, можете его испытать. Обѣщайте мнѣ, что если съ вами случится что-нибудь печальное, вы придете ко мнѣ и посидите со мною такъ, какъ посидѣли теперь, когда я такъ несчастна. Прощайте, князь.

Она протянула ему еще разъ руку и вышла изъ комнаты.

Въ прихожей князя ожидала Марѝ. Уходя, онъ, самъ не сознавая, что̀ дѣлаетъ, отдалъ ей свою карточку съ адресомъ отеля, въ которомъ онъ жилъ, и настойчиво просилъ увѣдомить его въ случаѣ, если въ домѣ потребуется помощь.

XV.

Отъ Левецкихъ князь быстрыми шагами направился къ лучшему ювелиру на Avenue Masséna. Войдя въ магазинъ, онъ попросилъ показать ему брошки.

— Какого рода и на какую цѣну? — спросилъ его тучный, но очень благообразный хозяинъ, тотчасъ же замѣнившій приказчика, сунувшагося-было къ князю.

Выборъ продолжался очень долго. Хозяинъ не могъ угодить

князю, а самъ князь внутренно раздражался, что все это тянется такъ долго.

Наконецъ, одна брошка остановила его вниманіе. Это была не брошка, а скорѣе аграфъ, довольно значительной величины. Изображалъ онъ букетикъ изъ пармскихъ фіалокъ. Въ чашечкѣ каждой фіалки сверкалъ довольно крупный брилліантъ; кромѣ того, весь букетъ былъ покрытъ брилліантовою пылью. Въ общемъ получалось впечатлѣніе настоящихъ цвѣтовъ, покрытыхъ росою, и это впечатлѣніе должно было усиливаться при электрическомъ свѣтѣ.

Князь долго разсматривалъ аграфъ. Отдѣлка была безукоризненна; она свидѣтельствовала объ искусствѣ мастера. Князь наконецъ рѣшился.

— Эта вещь мнѣ нравится, — сказалъ онъ хозяину.—Что она стоитъ?

— Сезонъ кончается,—отвѣтилъ тотъ:—и мы вамъ ее уступимъ за четыре тысячи франковъ.

— Хорошо, я беру ее.

Въ его душѣ боролись обрывки чувствъ. „Вотъ эта дѣвушка, мнѣ совершенно чуждая, эта Левецкая,—размышлялъ онъ,—возбуждаетъ къ себѣ безусловное довѣріе: я ни на мигъ не задумался бы довѣриться ей. А Марина, которую я люблю, вызываетъ во мнѣ одни лишь сомнѣнія. Эта Левецкая—какое-то ничтожество, которое можно только жалѣть, а Марина—выдающаяся женщина, выдающаяся по уму, красотѣ, смѣлому взгляду на людей и на жизнь. Между ними нѣтъ ничего общаго, и различіе между ними доходитъ до того, что... одной я готовъ сразу довѣриться, а другой никакъ довѣриться не могу“.

„Нѣтъ,—рѣшилъ князь,—я къ Маринѣ не поѣду. Это будетъ слишкомъ торжественно, это меня окончательно свяжетъ. Лучше встрѣтиться на нейтральной почвѣ“.

— Не найдется ли у васъ конверта и почтовой бумаги?—спросилъ онъ.

— Къ вашимъ услугамъ,—предупредительно отвѣтилъ хозяинъ. Князь быстро написалъ двѣ строчки, безъ обращенія и подписи: „Не позавтракаемъ ли мы сегодня на Jetée? Я буду тамъ ровно въ два часа. Мой фіакръ васъ привезетъ“.

Вложивъ листъ съ этими строками въ конвертъ и надписавъ на немъ адресъ, онъ отрѣзалъ отъ другого листа почтовой бумаги маленькую полоску, написалъ на ней: „Звѣздочка—звѣздочкѣ“, вложилъ ее въ футляръ съ аграфомъ и попросилъ хозяина завернуть его такъ, чтобы незамѣтно было, что это за вещь.

— Можете вы отпустить одного изъ вашихъ приказчиковъ часа на два въ Больё?—спросилъ онъ, когда его приказаніе было исполнено.

— Пожалуйста!—повторилъ хозяинъ свою неизмѣнную фразу.

— Онъ свезетъ эту вещь по адресу въ моемъ фіакрѣ и вручитъ ее г-жѣ Ригò лично.

Князь вышелъ изъ магазина вмѣстѣ съ приказчикомъ и, убѣдившись лично, что лошади не утомлены, отпустилъ ихъ, а самъ направился къ себѣ въ отель пѣшкомъ.

Приказчикъ прямо изъ магазина поѣхалъ въ отель, гдѣ жила Марина, и передалъ ей письмо и аграфъ отъ князя. Марина стояла передъ трюмò и довершала свой туалетъ къ завтраку. Прочитавъ небрежно письмо, она отпустила приказчика, еще разъ внимательно прочла записку, затѣмъ развернула пакетъ, открыла футляръ и, увидѣвъ аграфъ, улыбнулась. Прищуривъ немного глаза, какъ она обыкновенно это дѣлала, когда хотѣла сообщить что-нибудь неожиданное и въ то же время пріятное, она крикнула:

— Мама, пойди сюда!

Изъ сосѣдней комнаты вышла знакомая намъ старушка, только не въ богатомъ платьѣ, а въ очень небрежномъ утреннемъ дезабильè, не скрывавшемъ морщинистой шеи, и, увидавъ въ рукахъ дочери аграфъ, нетерпѣливымъ шопотомъ спросила:

— Отъ князя?

— Отъ кого же еще?—отвѣтила Марина.

Мать сѣла въ ближайшее кресло и стала внимательно разсматривать подарокъ.

— Да, это подарокъ,—замѣтила она, подводя итогъ своей оцѣнкѣ.—Тысячи полторы стоитъ.

— Ты думаешь?—спросила Марина, стоя опять передъ трюмо.

— Ну, и сдѣлала же ты дѣло,—продолжала между тѣмъ мать, все еще любуясь аграфомъ:—колечко твое стоило двѣсти рублей, а это—ну, тысяча двѣсти; тысяча въ карманѣ.

— Ахъ, мама, какъ ты иногда глупо шутишь!—сказала Марина съ раздраженіемъ.—Лучше посовѣтуй, какое платье мнѣ одѣть. Я сейчасъ ѣду въ Ниццу завтракать. Лошади ждутъ.

— Съ нимъ?—откликнулась мать.—Это очень хорошо. Но смотри, дочка, чтобы все не кончилось завтраками да подарками.

Марина повернулась лицомъ къ матери.

— Ну, мама, мнѣ это лучше знать,—сказала она съ чувствомъ превосходства.

— Знаю, знаю, дочка, что ты у меня умница,—проговорила мать, и въ тонѣ ея слышалось почти подобострастіе.—Я только такъ.

И мать съ дочерью начали обсуждать вопросъ о туалетѣ.

Когда Марина черезъ полчаса вышла на перронъ, чтобы сѣсть въ экипажъ, ее окликнулъ изъ сада Комовъ.

— Вы куда, Марина?

Подошелъ и Мароковъ. Они, очевидно, вмѣстѣ сидѣли въ саду.

Марина не тотчасъ отвѣтила. Потомъ она съ удареніемъ проговорила:

— Ѣду по дѣламъ въ Ниццу, потомъ погуляю на Promenade des Anglais. День чудесный, и хочется людей посмотрѣть.

— Мы съ Комовымъ, значитъ, уже не люди,—пробасилъ Мароковъ.

Но Марина его уже не слушала. Она вскочила въ экипажъ, насмѣшливо кивнула головою и исчезла, скрывшись за чернымъ кружевнымъ зонтикомъ.

XVI.

Князь увидѣлъ Марину еще издали, когда она подъѣзжала къ Жетэ. Сердце у него замерло, и онъ самъ удивлялся своей взволнованности. „Точно влюбленный мальчишка, ожидающій перваго свиданія“,—подумалъ онъ.

Онъ не покидалъ своего мѣста у входа и ждалъ ея приближенія. Выходя изъ фіакра, она его тоже замѣтила и шла ему на встрѣчу, улыбаясь. Она была вся въ черномъ, и это придавало новое обаяніе ея красотѣ. Князь какъ будто видѣлъ незнакомую ему женщину, улыбавшуюся не ему, а кому-то другому, и онъ подумалъ: „Какъ счастливъ долженъ быть тотъ, кому она улыбается этой обворожительной улыбкой!“

Наконецъ, она приблизилась къ нему совсѣмъ. На груди сверкали пармскія фіалки князя. А онъ, стоя неподвижно, продолжалъ любоваться ею.

— Вы меня не узнаете, князь?—спросила она, заглядывая ему въ глаза.

— Узнаю и не узнаю,—отвѣтилъ онъ, пожимая ея руку.

— На половину забыли въ теченіе этой ночи?—спросила она снова, довѣрчиво касаясь плечомъ его плеча, пока они шли по Жетэ.

— О, нѣтъ, не забылъ,—произнесъ онъ сдавленнымъ голосомъ, точно ему не хватало воздуха:—но вы со дня на день мѣняетесь.

— Къ худшему?—она заглянула ему снова въ глаза.

— Марина, говорите серьезнѣе... Мнѣ хорошо.

— Тебѣ хорошо, милый, а я счастлива,—шепнула она тихо, почти касаясь губами его уха.

— Гдѣ же мы будемъ завтракать?—спросилъ князь.

— Конечно, на воздухѣ въ такой чудный день,—отвѣтила она и, понизивъ голосъ, прибавила:—а обѣдать, если хочешь, будемъ опять въ отдѣльной комнатѣ.

На верандѣ почти никого не было. Только въ отдаленномъ углу сидѣли двое посѣтителей, углубившись въ свои газеты. Князь предоставилъ Маринѣ заказывать завтракъ, а самъ смотрѣлъ на нее съ напряженнымъ вниманіемъ. Всецѣло занятая выборомъ блюдъ и переговорами съ гарсономъ, она о князѣ точно забыла. Она говорила очень увѣренно на своемъ русско-французскомъ языкѣ и не столько заказывала, сколько приказывала, при чемъ два раза полупрезрительными морщинками надъ правой красивой ноздрей оборвала не сразу понявшаго ее гарсона. Тонъ ея положительно не нравился князю, но затѣмъ это прошло.

Гарсоны засуетились у стола. Марина не умолкала ни на мигъ. Она успѣвала и ѣсть съ аппетитомъ, и говорить, говорить безъ конца. Ею какъ будто овладѣла лихорадочная потребность рѣзвиться, дразнить князя, занимать его остроумными замѣчаніями, дѣйствовать на его страсть игрою глазъ. Она не давала ему отвѣчать, закидывала его вопросами, разсказывала о разныхъ уморительныхъ встрѣчахъ заграницею, искусно передразнивала Марокова и Комова. Князь смотрѣлъ на нее и по большей части отвѣчалъ лѣниво, иногда невпопадъ, потому что имъ снова овладѣвалъ вопросъ: „Боже, да что это за женщина, что за женщина?“

Къ концу завтрака Марина вдругъ умолкла. Тѣнь скользнула по ея только-что оживленному лицу, глаза подернулись грустью, она застыла въ несвойственной ей неподвижности.

— Князь, вы счастливы?—спросила она и, не дождавшись отвѣта, сказала:—Нѣтъ, еслибы вы были счастливы, вы понимали бы мое счастье.

— Полно, Марина,—замѣтилъ князь:—у каждаго человѣка своя натура, каждый счастливъ по-своему. У меня не такая жизненная натура, какъ у васъ.

— Я попробую поддѣлаться подъ вашу натуру, чтобъ у насъ счастье выражалось одинаково.

— Да зачѣмъ же это?—возразилъ князь.—Ради Бога, будьте собою! Вы такъ хороши въ своемъ оживленіи.

— Ахъ, я вамъ нравлюсь?—отвѣтила Марина, словно успокоенная.—Я бы такъ хотѣла вамъ нравиться!—воскликнула она съ большою искренностью.

Когда подали кофе, Марина опять была оживлена, острила, дурачилась. Она нѣсколько разъ обмѣнялась съ княземъ чашками, желая узнать его мысли. Но у нея это не выходило, потому что она приписывала князю явныя несообразности въ родѣ того, что ему хотѣлось бы теперь сидѣть не здѣсь на Жетэ, а въ какомъ-нибудь посольствѣ и обсуждать дипломатическія дѣла съ посломъ, страдающимъ рамолисментомъ; или что князь пріѣхалъ въ Ниццу вовсе не для того, чтобы встрѣтиться съ нею, Мариной, а съ какой-нибудь старой дѣвой, бразильянкой, которая занимала бы его досуги разсужденіями о бразильской политической жизни. Только разъ она какъ будто угадала мысль князя, сказавъ ему, что онъ жаждетъ предвкусить благодарность за аграфъ, и что самымъ удобнымъ мѣстомъ для этого будетъ Château съ его тѣнистымъ водопадомъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, не поѣхать ли намъ туда?—тотчасъ же согласился князь.

— Поѣхать или пойти?—спросила Марина.

— А вамъ не трудно будетъ подняться по крутой лѣстницѣ?

— Пустяки,—отвѣтила она:—я взбираюсь на кручи, какъ коза.

— Какъ козочка,—поправилъ ее князь, которому она снова удивительно какъ нравилась.

Они ушли съ Жетэ полными друзьями. Она такъ довѣрчиво опиралась на его руку и по временамъ такъ наивно и любовно заглядывала ему въ глаза, что князь снова забылъ о всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ и всецѣло отдался чувству любви.

У самаго выхода на набережную они столкнулись почти лицомъ къ лицу съ Мароковымъ и Комовымъ. Оба видимо смутились. Комовъ даже какъ будто поблѣднѣлъ, но Мароковъ тотчасъ же оправился и весело проговорилъ:

— Королева, не унижаете ли вы своего королевскаго достоинства, идя подъ руку съ невладѣтельнымъ княземъ?

Съ княземъ онъ дружелюбно поздоровался. Комовъ подалъ руку князю какъ-то неохотно.

— А гдѣ же тутъ владѣтельные князья?—спросила Марина, повидимому нисколько не смущенная встрѣчею.—Что же, мнѣ оставаться безъ кавалера?

Князь высвободилъ руку и отошелъ, чтобы отпустить подъѣхавшій-было фіакръ.

— Ну, за кавалеровъ и мы можемъ сойти, — продолжалъ Мароковъ.—Мы пріѣхали въ Ниццу спеціально за тѣмъ, чтобы съ вами погулять, королева.

— А вы развѣ знали, что королева будетъ гулять именно здѣсь?—спросилъ вернувшійся князь.

— Какъ же, — отозвался Мароковъ:—королева сама намъ сказала. Вотъ мы и явились сюда, не желая проскучать безъ нея весь день.

— Такъ что же, господа, давайте гулять. Въ какую сторону мы идемъ?—спросилъ князь наружно совершенно спокойно, хотя въ душѣ его зародилось очень недоброе чувство къ Маринѣ, въ размѣрахъ котораго онъ самъ еще не давалъ себѣ яснаго отчета.

Вся компанія, подчиняясь уносившему ее потоку людей, двинулась въ противоположномъ направленіи отъ Château.

— Ну, теперь, генералъ, будьте вы моимъ кавалеромъ, — молвила Марина, взявъ его подъ-руку:—вы кажется, напрашивались, а князю я уже надоѣла.

— Можетъ ли такая женщина, какъ вы, королева, когда-нибудь и кому-нибудь надоѣсть! — отвѣтилъ Мароковъ, молодцовато ведя Марину.

Князь шелъ рядомъ съ генераломъ, Комовъ—рядомъ съ Мариной.

Но Комовъ тотчасъ отсталъ, встрѣтивъ какого-то знакомаго.

— А вотъ и моя испанка, — шепнулъ Мароковъ князю.— Посмотрите, какіе глаза! Съѣстъ живьемъ.

— Что вы тамъ шепчетесь?—спросила Марина, наклоняясь къ князю.

— Интимныя дѣла, королева,—отвѣтилъ Мароковъ.—Вы не обидитесь, если я скажу, что, кромѣ королевъ, существуютъ на свѣтѣ и огненныя женщины.

— Гдѣ же онѣ?—спросила Марина.

— Что съ возу упало, то пропало: прошла, но въ Больё вы можете опять ее встрѣтить.

— Слушайте, генералъ, вы, кажется, мнѣ измѣняете.

— А развѣ я давалъ вамъ обѣтъ вѣрности?

— Обѣта не давали, но вы на вѣрность и неспособны.

— Неспособенъ?—протянулъ Мароковъ.—Ахъ, королева,— вздохнулъ онъ:— еслибы вы только мнѣ дали случай доказать вамъ мою вѣрность!

— Да развѣ я огненная женщина?

— Вы, королева, больше и выше, вы—идеалъ женщины.

— Опять я на недосягаемой высотѣ!—взмолилась Марина.—Только-что я унижала свое королевское достоинство, идя подъ-руку съ невладѣтельнымъ княземъ... А гдѣ же я найду идеальнаго мужчину?

Разговаривали только Марина и Мароковъ. Князь все еще молчалъ.

— Позвольте, королева! я узрѣлъ идеальнаго мужчину! — воскликнулъ Мароковъ.—Хотите, я васъ съ нимъ познакомлю?

— Ради Бога, избавьте! Я не люблю идеальныхъ людей.

— Да, но мнѣ съ этимъ идеальнымъ человѣкомъ надо поздороваться,—возразилъ Мароковъ.—Старый товарищъ, котораго я цѣлый вѣкъ не видалъ. Сейчасъ догоню васъ.

И, выпустивъ руку Марины, онъ поклонился ей и князю и направился къ какому-то господину, сидѣвшему на боковой скамейкѣ. Марина съ княземъ продолжали путь.

Князь молчалъ.

— Вы чѣмъ-то недовольны, князь? — обратилась къ нему Марина.

— Чѣмъ же мнѣ быть недовольнымъ?—возразилъ уклончиво князь.

— Вы, какъ будто, дуетесь,—проговорила Марина, пытаясь заглянуть князю въ глаза.

— Скажите, Марина, вы предупредили Марокова и Комова, что будете гулять сегодня по набережной?

Марина гордо выпрямилась, не глядя на князя и не отвѣчая ему. Негодованіе, выразившееся на ея дѣвственномъ лицѣ, придавало ему выраженіе суровости. Она казалась неприступно-величественною и была очень эффектна. Вотъ когда она производила впечатлѣніе королевы. Только судорожно сдвинутыя брови немного портили ея красивое лицо: оно казалось не только суровымъ, но и злымъ.

Князь взглянулъ на Марину. Его лицо выражало страданіе.

Оба они были настолько заняты своими мыслями и чувствами, что не замѣтили устремленнаго на нихъ внимательнаго взгляда сидѣвшей на скамейкѣ Тани.

— Это—допросъ? — отвѣтила Марина. — Я человѣкъ свободный и дѣлаю то, что мнѣ вздумается. Кто мною недоволенъ, можетъ отъ меня отойти. Любя свободу, я никого не неволю. Но вамъ, князь, я отвѣчу. Вы — единственный человѣкъ, для котораго я готова отказаться отъ доли своей свободы.

Сказавъ это, она опять умолкла.

Такъ они шли рядомъ нѣсколько минутъ.

— Вы настаиваете на вашемъ вопросѣ, князь? — спросила наконецъ Марина.

— Да, настаиваю,— отвѣтилъ князь: — не потому, чтобы я хотѣлъ лишить васъ свободы, но потому, что мнѣ это необходимо, чтобы окончательно выяснить наши отношенія.

— Вы считаете ихъ еще невыясненными, князь? Извольте, я отвѣчу. Никого я ни о чемъ не предупреждала. Уѣзжая изъ Больё, я случайно встрѣтила Марокова и Комова. Они меня спросили, куда я ѣду. Я отвѣтила, что ѣду по дѣламъ въ Ниццу,— мнѣ незачѣмъ было прибавлять, по какимъ именно, — и что, пользуясь чудною погодою, можетъ быть, погуляю на набережной, чтобы людей посмотрѣть, себя показать. Обращаю ваше вниманіе на то, что прогулка по набережной между нами, князь, не была предусмотрѣна. Вотъ и все.

Князь виновато взглянулъ на Марину. Но лицо его выражало уже не страданіе, а какое-то радостное успокоеніе.

— Вы меня простите, Марина,—произнесъ онъ:—когда я съ вами, я самъ не знаю, что дѣлаю и говорю. Я подчиняюсь только своимъ чувствамъ.

— Это хорошо, дорогой, — шепнула ему Марина, утратившая свой гордый видъ и глядѣвшая теперь на него нѣжно: — но подчиняйся только добрымъ чувствамъ, а не злымъ.

Затѣмъ, подумавъ немного, она прибавила:

— Отсюда до Puits aux Étoiles, должно быть, недалеко. Поѣдемъ туда. Выйдетъ пріятная прогулка, а кто пожелаетъ—получитъ обѣщанную благодарность.

Они свернули на Pont Magnan. Мароковъ и Комовъ были забыты.

XVII.

Проснувшись на другое утро, князь почти съ ужасомъ замѣтилъ, что тревога въ немъ все растетъ, и тутъ онъ ясно почувствовалъ, что не Марина въ ней виновата. Она была такъ мила во время вчерашней прогулки, такъ нѣжно глядѣла на него. Чего онъ могъ больше желать, если онъ жаждалъ женской любви? Но въ женской ли любви тутъ дѣло? Не начались ли эти приступы тревоги гораздо раньше? Собственно когда же они начались? Онъ сталъ припоминать. Вполнѣ счастливымъ онъ себя почувствовалъ, когда разстался со службой, которая его страшно тяготила. Но почему же она его тяготила? Во-первыхъ,

зачѣмъ онъ ее избралъ? „Какъ это странно!“ — подумалъ онъ: онъ и до сихъ поръ въ точности не зналъ, почему онъ выбралъ именно дипломатическую карьеру. Свѣтское общество, въ которомъ онъ вращался въ Петербургѣ, ему надоѣло. Ему хотѣлось воздуха, свободы. Заграницей все же лучше, а служить надо. Вотъ все, что онъ зналъ. Не для службы поступилъ онъ на службу, а отъ бездѣлья. Но бездѣлье продолжалось и на службѣ: всѣ вѣдь знали, что она ему въ сущности совсѣмъ не нужна, и самъ онъ придерживался того же мнѣнія. Это стало тягостнымъ, невыносимымъ. И какъ онъ обрадовался, когда, наконецъ, отдѣлался отъ этого служебнаго бездѣлья! Съ какимъ увлеченіемъ онъ занялся своею виллою на Лаго-Маджіоре, когда для него настало блаженное время „свободы и покоя“. Но надолго ли? Нѣтъ, уже тамъ, въ этомъ благословенномъ уголкѣ, какое-то внутреннее безпокойство стало закрадываться ему въ душу и отравлять ему жизнь. Онъ бросилъ виллу и сталъ слоняться по Европѣ, подчиняясь тому же чувству внутренняго безпокойства. Откровенно говоря, онъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста, ища все новыхъ развлеченій, чтобы справиться съ этимъ мучительнымъ чувствомъ. Переживаемый имъ въ настоящее время романъ съ Мариной составлялъ только одно изъ такихъ развлеченій, наряду со многими другими, надоѣдавшими ему раньше, чѣмъ онъ успѣвалъ проникнуться ихъ прелестью. Сегодня нравится, завтра перестаетъ нравиться. Это была какая-то безконечная цѣпь разочарованій и въ общемъ получалось только чувство пресыщенія.

Онъ отставилъ недопитую чашку кофе, который показался ему вдругъ совершенно безвкуснымъ. Не было настоящаго аппетита.

„Такъ и во всемъ,—продолжалъ онъ разсуждать. — Что же это значитъ? Очевидно, душа моя больна. Вѣдь никто не сомнѣвается, что если вкусно приготовленная пища перестаетъ нравиться раньше, чѣмъ человѣкъ насытился, то, значитъ, онъ боленъ. И развѣ это не примѣнимо и къ духовной нашей жизни?“

Раздался стукъ въ дверь.

Въ комнату вошелъ своею развалистою походкою Комовъ. Лицо у него было сосредоточенное и даже какъ будто злое. Поздоровались гость и хозяинъ сухо.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ князь, когда они усѣлись.

Комовъ не тотчасъ отвѣтилъ.

— Я къ вамъ по щекотливому дѣлу, — произнесъ онъ наконецъ.

На лицѣ князя мелькнула свойственная ему саркастическая улыбка.

— Вы увѣрены, что этого дѣла избѣжать нельзя? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не увѣренъ,—отвѣтилъ Комовъ:—и тѣмъ не менѣе, какъ видите, князь, я къ вамъ пришелъ.

— Не потрудитесь ли говорить яснѣе?—замѣтилъ князь.

— Я отвѣчаю не менѣе ясно, чѣмъ вы спрашиваете.

Князь молчалъ. Лицо его говорило: „жду". Онъ откинулся на спинку кресла.

— Буду выражаться кратко, — продолжалъ Комовъ. — Насколько я могу судить, взгляды наши различны...

— Простите мени,—прервалъ князь:—но я вашихъ взглядовъ не знаю. Мы такъ мало съ вами знакомы; да я думаю, что и вы находитесь относительно меня въ томъ же положеніи...

— Поторяю, я буду говорить кратко,—возразилъ Комовъ.— Вы — представитель великосвѣтскаго общества, я — помѣщикъ средней руки. Ваши взгляды и мои не могутъ быть одинаковы.

— Вы, значитъ, индивидуальность ставите невысоко, — отвѣтилъ князь:—а кастовыя различія имѣютъ для васъ существенное значеніе. Однако, не для пререканій подобнаго рода вы, вѣроятно, ко мнѣ пришли.

— Нѣтъ, пререкаться я съ вами нисколько не намѣренъ, хотя причина моего визита имѣетъ непосредственное отношеніе къ тому, о чемъ я говорю.

— Слушаю васъ съ большимъ вниманіемъ,—отвѣтилъ князь, сохраняя свою нѣсколько небрежную позу.

— Я зашелъ съ вами поговорить о Маринѣ,—какъ-то неестественно торопливо проговорилъ Комовъ.

— Вѣроятно, по собственному почину?—спросилъ князь.

— Да, по собственному почину.

— Что вы мнѣ о ней хотите сказать?

— Мой отвѣтъ покажется вамъ страннымъ, неумѣстнымъ...

— О, пожалуйста, будьте откровенны, — прямодушіемъ вы меня никогда не оскорбите.

— Такъ вы позволяете мнѣ быть съ вами вполнѣ откровеннымъ?—переспросилъ Комовъ.

— Прошу васъ объ этомъ,—отвѣтилъ князь.

— Прекратите ваши отношенія къ Маринѣ,— съ тою же неестественною торопливостью заявилъ Комовъ.

— Что это?—спросилъ князь, и стальной блескъ сверкнулъ въ его глазахъ:—требованіе, предложеніе или просьба?

— Я не могу ни требовать, ни предлагать; я могу только просить.

Князь отдѣлился отъ спинки кресла и взглянулъ Комову прямо въ глаза.

— Чѣмъ объясняется ваша просьба?

— Моею любовью къ Маринѣ, — отвѣтилъ Комовъ, точно подчиняясь какому-то непреодолимому внутреннему порыву.

Князь внимательно посмотрѣлъ на него. Онъ не сомнѣвался въ его искренности.

— Но вѣдь и я, кажется, люблю Марину, — сказалъ онъ.

— Любите ли? Серьезны ли ваши намѣренія?

— Позвольте вамъ отвѣтить контръ-вопросомъ. Серьезны ли ваши намѣренія, — намѣренія женатаго человѣка?

— Ахъ, это не то! — съ мукою въ голосѣ воскликнулъ Комовъ. — Я ее люблю и всегда буду любить, но никогда на ней не женюсь.

— Почему?

— Потому что она никогда не выйдетъ за меня замужъ.

— Ваша любовь отвергнута?

— Она теперь не могла быть отвергнута, потому что я ее не предлагалъ.

— Прошу васъ быть вполнѣ откровеннымъ, — и я съ своей стороны обѣщаю вамъ то же, — мягко проговорилъ князь.

— Извольте, князь. Чтобы понять то, о чемъ я васъ прошу, надо вамъ выяснить мои отношенія къ Маринѣ. Я вамъ говорилъ о ней, — помните, тогда, на Капъ-Ферà. Но я вамъ тогда многаго не досказалъ...

— Помню, помню, вы говорили о ней очень неохотно...

— Да, это было мнѣ тяжело. Я ее въ первый разъ увидѣлъ дѣвочкой-подросткомъ. Все въ ней было непропорціонально, угловато, но глаза смотрѣли проницательно, совсѣмъ не по-дѣтски, и на всякій вопросъ отвѣтъ былъ тотчасъ готовъ, — отвѣтъ по большей части живой, осмысленный, подчасъ остроумный. Меня привело въ домъ ея отца одно дѣло по имѣнію. Дѣло рѣшилось въ мою пользу, но не такъ скоро. Пришлось часто бывать въ министерствѣ и въ домѣ отца Марины. Но когда дѣло кончилось и мнѣ доводилось бывать въ Петербургѣ — случалось это, правда, очень рѣдко, — я непремѣнно заходилъ къ Конарскимъ, и если заходилъ, то ради Марины. Мать ея вы знаете и, конечно, сразу поймете, что она не могла служить приманкою. То же можно сказать и объ отцѣ, типичномъ чиновникѣ, помышлявшемъ исключительно о томъ, какъ бы нажить состояніе, и

17279

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

пускавшемся для этого даже въ аферы. Но онъ былъ слишкомъ бездаренъ, чтобъ имѣть успѣхъ. И вотъ въ такомъ-то домѣ выросла Марина. Это почти походитъ на чудо, и это чудо меня заинтересовало. Я началъ питать нѣжность къ этой дѣвочкѣ-подростку, и мнѣ страстно хотѣлось, чтобъ она не погибла. Наступило время тяжелаго испытанія: отецъ умеръ, средства семьи были ничтожны, а изъ Марины вышла красавица. Ухаживателей было много: сперва бѣднота, потомъ и люди обезпеченные. Я даже серьезно началъ опасаться за Марину, тѣмъ болѣе, что семья, повидимому, перестала нуждаться и вела открытый домъ. Марина сводила мужчинъ съ ума и обращалась съ ними такъ вольно, что мнѣ на умъ приходили самыя невыгодныя для нея предположенія. Но чѣмъ больше я къ ней присматривался, тѣмъ больше убѣждался внутренно, что мои опасенія неосновательны. Грязь къ ней не приставала. Это было тоже своего рода чудо, которое заставляло меня съ интересомъ слѣдить за ея жизнью. Но, конечно, тутъ примѣшивалось и другое чувство: я уже тогда полюбилъ ее.

— Вы ей тогда сдѣлали предложеніе?

— Не сразу. Меня что-то удерживало, — именно вольность ея обращенія съ мужчинами. Она и со мною обращалась такъ вольно, что мысль о женитьбѣ — мною инстинктивно отклонялась. Но постепенно я убѣдился, что она — дѣвушка нравственная. Я, наконецъ, сдѣлалъ ей предложеніе и... получилъ отказъ.

— Она васъ не любила, — замѣтилъ князь.

— Она никого не любила, — отвѣтилъ Комовъ. — Я простился съ нею навсегда. Ей было тогда восемнадцать лѣтъ. Ахъ, какъ она была тогда уже хороша, и одинъ Богъ знаетъ, сколько я выстрадалъ. Потомъ я слышалъ, что она вышла за очень симпатичнаго и богатаго человѣка. Я самъ встрѣтилъ дѣвушку во всѣхъ отношеніяхъ достойную и женился на ней. Бракъ мой счастливъ. И теперь снова эта страсть...

Комовъ своимъ тучнымъ тѣломъ какъ бы совсѣмъ ушелъ въ кресло и прикрылъ рукою лицо.

Молчаніе, не прерываемое княземъ, длилось довольно долго.

— Иванъ Петровичъ, такъ что же вы собственно хотите отъ меня? — спросилъ, наконецъ, князь.

— Неужели вы не поняли, князь? — отвѣтилъ Комовъ, отнимая руку отъ лица. Маленькіе его глаза выражали страданіе.

— Чтобы я отказался отъ Марины?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Только вотъ о чемъ я хотѣлъ васъ просить. Марина полюбила васъ перваго. Мнѣ стоитъ взглянуть на

нее, когда она съ вами, и я ясно вижу, что она васъ любитъ. А такая женщина, если она разъ полюбитъ, пойдетъ на все. Не губите ее. Я много изъ-за нея страдалъ и страдаю—не прибавляйте новаго страданія. Меня терзаетъ мысль, что она, устоявъ противъ ряда искушеній, теперь все-таки можетъ пасть...

Князь протянулъ Комову руку.

— Мои намѣренія чисты, — произнесъ онъ твердо. — Даю вамъ слово, что Марина никогда моею любовницею не будетъ...

— Вы на ней женитесь?—спросилъ еще Комовъ.

— На этотъ вопросъ я вамъ сегодня отвѣтить не могу.

Они разстались менѣе враждебно, чѣмъ встрѣтились.

XVIII.

Когда князь остался одинъ, сомнѣнія снова овладѣли имъ. Комовъ—по природѣ, очевидно, честный человѣкъ—ребромъ поставилъ вопросъ, который терзалъ князя уже столько времени. Они оба любили Марину, но Комовъ, казалось, не задумался бы ни на минуту жениться на ней, еслибы она его полюбила; онъ же никакъ не можетъ рѣшиться и откладываетъ вопросъ до безконечности.

И опять онъ вспомнилъ слова Левецкой: „Человѣкъ всегда и во всемъ долженъ видѣть ясно“. Эта, на видъ недалекая, дѣвушка сказала ему слово, котораго онъ забыть не можетъ.

Вспомнивъ о Левецкой, онъ позвонилъ и велѣлъ подать фіакръ.

Таня встрѣтила его съ повеселѣвшимъ лицомъ. Брату было опять лучше.

Больной полулежалъ, окруженный подушками, въ своемъ большомъ креслѣ, на обычномъ мѣстѣ. Онъ слабымъ движеніемъ протянулъ князю руку.

— Благодарю васъ,—проговорилъ онъ.— Послѣ посѣщенія профессора мнѣ стало лучше, да и море сегодня такое спокойное. Посидите съ нами. Побесѣдуйте съ Танею, а я буду васъ слушать: мнѣ самому трудно говорить.

Таня пригласила князя сѣсть, а сама заняла обычное мѣсто и тотчасъ же принялась за свое вязанье.

— Какой у васъ отсюда чудный видъ на море!—заговорилъ князь, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, — отвѣтила Таня: — я нарочно выбрала эту виллу. Гриша такъ любитъ море; оно его успокаиваетъ.

— Говорятъ, однако,—возразилъ князь,—что нервныхъ больныхъ море иногда раздражаетъ.

Гриша отрицательно покачалъ головой.

— О, нѣтъ,—замѣтила Таня:—брата оно никогда не раздражаетъ... Да и я полюбила море, хотя вижу его въ первый разъ, если не считать Финскаго залива.

— Вы постоянно живете у себя, въ имѣніи? — полюбопытствовалъ князь.

— Да,—отвѣтила Таня.—Только по случаю болѣзни брата пришлось жить въ Петербургѣ, а теперь—въ Ниццѣ. Прежде только братъ жилъ въ Петербургѣ,—онъ вѣдь студентъ.

— На какомъ вы факультетѣ, Григорій...

— Григорьевичъ,—шепнула, улыбаясь, Таня, замѣтивъ, что князь запнулся. И потомъ пояснила громко:—Онъ—на юридическомъ, и теперь кончалъ бы курсъ, еслибы не болѣзнь. Но онъ наверстаетъ,—онъ у меня такой способный.

— Да и лекцій все время не было,—прибавилъ князь.

— Для насъ это хорошо, пока Гриша не поправится... Что, милый? — обратилась она, вставъ, къ брату, замѣтивъ, что онъ хочетъ что-то спросить.

— Писемъ не было?

— Не было: Марѝ сейчасъ бы подала.

Таня снова усѣлась на своемъ мѣстѣ.

— Онъ все безпокоится,—пояснила она князю:—боится, что аграрные безпорядки коснутся нашего имѣнія. Я ему говорю, что этого не можетъ быть, но онъ мнѣ не вѣритъ. Онъ вѣдь не знаетъ нашихъ крестьянъ такъ, какъ я ихъ знаю.

— Да, что̀ ни говорите, Татьяна Григорьевна, — замѣтилъ князь: — а я очень радъ, что раздѣлался съ своими имѣніями. Оно спокойнѣе.

Таня удивленно взглянула на князя.

— Гдѣ же были ваши имѣнія?—спросила она.

— Въ разныхъ мѣстахъ. Жалѣю я болѣе всего имѣніе въ лифляндской губерніи: тамъ было гнѣздышко моей покойной матери. Но я и его продалъ. И хорошо сдѣлалъ. Вы, конечно, читали объ ужасахъ, которые тамъ творятся.

— Такъ вы всѣ свои имѣнія продали и даже любимое имѣніе вашей покойной матери?—переспросила Таня, пытливо глядя на князя.—Вы родились не въ этомъ имѣніи?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ князь:—я родился въ Петербургѣ. Мой покойный отецъ тамъ постоянно служилъ: вы слышали, конечно,—онъ былъ при дворѣ...

— Скажите, князь,—продолжала допрашивать Таня:—и вы въ вашихъ имѣніяхъ никогда не жили?

— Нѣтъ, Татьяна Григорьевна,—отвѣтилъ князь съ простотою, которая его самого удивляла, потому что онъ вообще не любилъ говорить о себѣ: — я родился въ Петербургѣ, воспитывался въ лицеѣ, а потомъ сразу поступилъ на дипломатическую службу и жилъ въ разныхъ европейскихъ городахъ.

— Вы развѣ теперь не служите?—спросила Таня.

— Нѣтъ, вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ я вышелъ въ отставку и живу то на Лаго-Маджіоре, то въ разныхъ курортахъ.

— И васъ нисколько не тянетъ въ Россію?

— Нѣтъ, Татьяна Григорьевна. Что тамъ хорошаго?

— Можетъ быть, и мало хорошаго, но еслибы мнѣ пришлось навсегда разстаться съ Россіею, я бы этого не перенесла.

И лицо Тани сдѣлалось очень печальнымъ.

— Почему же вы такъ любите Россію?—спросилъ князь.

— Почему?—переспросила Таня. — Какъ бы вамъ сказать? Я съ отцомъ много занималась ботаникою. Такъ вотъ: есть ягода,—поленика. Она растетъ на опушкѣ лѣса, на сѣверѣ. Ученые садоводы всячески старались ее искусственно культивировать, выбирали для нея самыя подходящія мѣста. Но она либо хирѣла, либо не давала плодовъ, либо утрачивала свой ароматъ, по большей части погибала. Вѣроятно, я—такая ягода.

— Вы этою любовью любите всю Россію?

— Нѣтъ, князь, только то мѣсто, гдѣ я родилась. Тамъ мое „все“, за исключеніемъ брата, который, какъ только поправится, тоже будетъ стремиться туда, потому что онъ одной со мною породы,—прибавила она, глядя на брата, и въ ея глазахъ свѣтилось столько любви, что князь вдругъ почувствовалъ себя какъ бы брошеннымъ, одинокимъ.

Таня, должно быть, замѣтила это, потому что спросила:

— Ваша мать давно умерла, князь?

— Нѣтъ, не такъ давно, но мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ прошла цѣлая вѣчность: при ней время проходило скорѣе.

Таня очень внимательно взглянула на князя и, какъ бы подводя итогъ вынесенному ею впечатлѣнію, сказала:

— Вы любили вашу мать, какъ я—своего отца. Я всѣмъ обязана ему. Только нехорошо, князь,—прибавила она,—что вы продали ваши имѣнія.

— Почему?—спросилъ князь, не понимая Таниной логики.

— Потому что если вы такъ могли любить вашу мать, то

и въ васъ есть немного свойства... поленики. Это если не теперь, то со временемъ скажется.

— Вы думаете, Татьяна Григорьевна? — промолвилъ князь, глядя вмѣстѣ съ Гришею на разстилавшееся передъ окномъ лазурное море.

Въ комнатѣ водворилось молчаніе, но оно никого не тяготило.

Вошла Марѝ и подала Танѣ письмо. Взглянувъ на адресъ, она вся просіяла.

— Это отъ Прохора, Гриша!—воскликнула она.

— Ну, слава Богу!—промолвилъ братъ.—Что же онъ пишетъ?

Князь, самъ не зная почему, также заинтересовался тѣмъ, что пишетъ невѣдомый ему Прохоръ.

— Это—нашъ управляющій, которому мы довѣрили все имѣніе, когда уѣзжали,—пояснила Таня князю.—Онъ—замѣчательный хозяинъ, и на него можно положиться, какъ на каменную гору. Онъ воспитанъ моимъ отцомъ,—прибавила она съ гордостью.—Посмотрите, какъ онъ смѣшно выводитъ на адресѣ незнакомыя ему французскія буквы.

И Таня протянула князю конвертъ. Сама же она быстро пробѣжала письмо.

— Все благополучно, Гриша. Ты видишь, что совсѣмъ напрасно безпокоишься,—обратилась она къ брату.—Вотъ что онъ пишетъ въ концѣ письма: „Живите, дорогая барышня, спокойно заграницею, пока молодой баринъ не поправится. Правда, въ уѣздѣ пошаливаютъ, но наши крестьяне только въ бороду посмѣиваются: шалите, молъ, а мы свое дѣло знаемъ и нашу барышню никогда не выдадимъ, какъ не выдали бы покойнаго барина. Онъ насъ всѣхъ на ноги поставилъ, и мы за него и за нее—вѣчные молельщики". Гриша, Гриша, ты слышишь? И не грѣхъ ли тебѣ сомнѣваться?

Она подошла къ брату и съ нѣжностью его поцѣловала.

— Да, теперь я вѣрю,—произнесъ онъ медленно:—тебя выдать—это невозможно. На это не хватитъ ни у кого совѣсти.

— Ахъ, — обратилась Таня къ князю, — какъ я рада, что добрая вѣсточка получена при васъ!

Потомъ она взглянула на брата.

— Не усталъ ли ты, однако, Гриша?—спросила она съ нѣкоторымъ безпокойствомъ въ голосѣ.

Князь всталъ, хотя ему не хотѣлось уходить. Чѣмъ-то милымъ, добрымъ, роднымъ вѣяло на него въ этомъ домѣ, чѣмъ-то такимъ, отъ чего онъ давно отвыкъ.

Таня проводила его въ пріемную.

— Скажите,—спросила она его, передъ тѣмъ какъ окончательно проститься:—кто эта дама, съ которою вы вчера гуляли по набережной?

Князь слегка смутился отъ неожиданнаго вопроса.

— Это—нѣкто г-жа Ригò. Она—русская. Я съ ней познакомился здѣсь, въ Ниццѣ.

— Какъ она красива!—продолжала Таня съ неподдѣльнымъ восхищеніемъ.—Жаль только, что видъ у нея... какъ бы это сказать... слишкомъ увѣренный. И потомъ, скажите... съ ней ничего не случилось... несчастія какого-нибудь?..

— Почему вы это думаете?—удивился онъ.

— Вы смотрѣли на нее точь-въ-точь какъ тогда на меня... помните, когда мы съ вами бесѣдовали послѣ визита знаменитаго профессора. Тогда у васъ было такое же выраженіе... страданія или состраданія,—не умѣю сказать.

— Нѣтъ, Татьяна Григорьевна, могу васъ увѣрить, что съ нею никакого несчастія не было.

— А съ вами?.. Помните, я васъ тогда просила,—если у васъ будетъ горе, раздѣлить его со мною, какъ вы дѣлите теперь со мною мое тяжелое горе.

— Благодарю васъ, Татьяна Григорьевна,—сказалъ князь и вышелъ.

Таня смотрѣла ему вслѣдъ, въ раздумьи покачивая головой.

XIX.

Выходя отъ Левецкихъ, князь торопливо взглянулъ на часы. Было почти двѣнадцать, они же рѣшили съ Мариной завтракать пораньше, чтобы совершить по знаменитой „Route de la Corniche“ экскурсію на Обсерваторію. Надо было торопиться: князь уже и такъ опоздалъ.

Сборный пунктъ былъ назначенъ въ „Jardin Public“, у памятника. Какъ на зло, не оказалось ни одного фіакра. Свой онъ отпустилъ. Надо было очень торопиться: князь не любилъ опаздывать. Онъ пришелъ на мѣсто свиданія запыхавшись.

Марина, вся въ бѣломъ, сидѣла въ сторонкѣ, скрываясь отъ солнца. Она первая увидѣла князя, но не встала, а, напротивъ, закрывалась зонтикомъ, поворачивая его такъ, чтобы князь не могъ видѣть ея лица. Однако онъ сразу призналъ ее, но все-таки не рѣшался подойти, опасаясь ошибки. Она забавлялась его неловкимъ положеніемъ. Онъ прошелъ мимо, повернулъ

назадъ, и тутъ только она сжалилась надъ нимъ, приподняла зонтикъ и лукаво глядѣла на него снизу вверхъ.

— Дорогой! — сказала она чуть слышно, когда онъ усѣлся возлѣ нея, не протягивая ему руки и привѣтствуя его только глазами. Потомъ она вдругъ перемѣнила тонъ, замѣтивъ, что князь раскраснѣлся и усиленно дышитъ.

— Что вы такъ запыхались, князь?

— Да было у меня маленькое дѣло—опоздалъ.

— Какое дѣло?.. Не секретъ?

— Развѣ я вамъ не говорилъ? Встрѣтилъ тутъ, на набережной, полузнакомую барышню, у которой братъ умираетъ. Предложилъ ей врача, котораго я знаю. Она согласилась. Онъ былъ. Сегодня я зашелъ, чтобы провѣдать.

— Что же сказалъ врачъ?

— Сказалъ, что спасенія нѣтъ. Бѣдная Таня! Для нея это—ужасный ударъ.

И по лицу князя пробѣжала тѣнь.

— Какое у васъ доброе сердце, князь! Даже полузнакомая барышня вызываетъ въ васъ такое состраданіе, что вы ее называете уменьшительнымъ именемъ. Или вы ее уже знавали ребенкомъ?

Князь не сразу отвѣтилъ.

— Марина, вы ревнивы?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, князь, я не ревнива. Но факты остаются фактами,—отвѣтила она, улыбаясь.

— Да, да, Марина; факты фактами, но одни мы замѣчаемъ, другихъ не замѣчаемъ: все зависитъ отъ нашего настроенія. Идемъ?—спросилъ онъ, вставая.

— Не лучше ли еще отдохнуть? Вы оправились отъ вашего бѣшенаго бѣга?

— Перестаньте, Марина! Бѣга никакого не было, и я готовъ хоть сейчасъ взобраться на Обсерваторію пѣшкомъ.

— Не позавтракавъ?

— Да, могу и безъ завтрака, но только съ вами.

— Вы меня хотите съѣсть? Развѣ вы людоѣдъ? Нѣтъ, вы не людоѣдъ, но, кажется, — вздохнула она: — вы—сердцеѣдъ. Однако, я шутить устала. Мнѣ хочется ѣсть.

И она широко раскрыла свои темные глаза, стискивая зубы и поматывая головой, точно у нея, дѣйствительно, былъ волчій аппетитъ.

Они позавтракали на скорую руку. Они оба чувствовали, что предстоитъ объясненіе, что намѣренія князя должны же, нако-

нецъ, выясниться. Марина ждала этого момента съ тревожнымъ любопытствомъ, князь—съ нерѣшительностью, приводившею его въ смущеніе. Вагончикъ ихъ счастья, въ которомъ они усѣлись, катился по наклонной площади, и не было тормаза, который могъ бы его остановить. Все, что они говорили, казалось лишь вступленіемъ къ чему-то значительному, важному, и оно вотъ-вотъ должно было наступить помимо ихъ воли, вслѣдствіе какой-нибудь случайности.

Они встали изъ-за стола съ облегченіемъ. Имъ теперь казалось, что поѣздка на Обсерваторію все рѣшитъ. Но когда они сѣли въ экипажъ и медленно поднимались по живописной дорогѣ, чувство стѣсненности опять овладѣло ими. Князь сравнивалъ эту дорогу съ другими живописными дорогами. Марина слушала его невнимательно, иногда улыбалась ему безъ всякаго видимаго повода, на что князь отвѣчалъ такою же улыбкою. Разъ она положила свою руку на его руку и долго сохраняла ее въ этомъ положеніи. Но все это было не то, что требовалось. Сущность заключалась въ томъ нерѣшительномъ взглядѣ, который князь украдкой бросалъ на Марину и который она ловила, дѣлая видъ, что его не замѣчаетъ.

Передъ самою Обсерваторіею Марина начала разсказывать князю, въ первый разъ со времени ихъ знакомства, подробности изъ своей прошлой жизни, отдѣльные эпизоды, встрѣчи, забавные инциденты. Но все это выходило незанимательно, скучно, вяло. Князь не узнавалъ живого ума Марины и спрашивалъ себя, — зачѣмъ она разсказываетъ это. Но выводъ былъ подсказанъ самой Мариною: она вѣчно была одинока.

Князь пропустилъ этотъ выводъ мимо ушей. Онъ молчалъ, потому что говорить значило—слишкомъ много сказать.

Они подъѣхали къ сторожкѣ. Дальше надо было идти пѣшкомъ. Несмотря на точныя указанія сторожа, которыя они, впрочемъ, занятые своими мыслями, прослушали невнимательно, они сбились съ настоящей дороги и довольно долго блуждали. Ихъ поглощалъ вопросъ,—какъ выбраться къ Обсерваторіи, — и они оба были этому очень рады.

Наконецъ, они подошли къ цѣли. Начались совѣщанія, — осматривать ли Обсерваторію? Что она можетъ представлять интереснаго днемъ? Таково было мнѣніе Марины. Князь же указывалъ, что здѣсь—величайшій въ Европѣ рефракторъ.

— Рефракторъ, въ который мы все равно ничего не увидимъ, — возражала Марина. — А посмотрите, князь, какъ здѣсь хорошо!

Видъ со скамейки, на которой они сидѣли, былъ, дѣйствительно, великолѣпенъ. Вдали—безконечное голубое море, у ихъ ногъ—Ницца, подернутая дымкою, съ проступавшими, чѣмъ выше, тѣмъ яснѣе, бѣлыми зданіями съ красными черепичными крышами, надъ нею—возвышавшіяся со всѣхъ сторонъ амфитеатромъ горы съ ихъ мягкими, почти воздушными очертаніями, темнозеленыя у города, сѣровато-желтыя и даже бѣлыя тамъ, гдѣ онѣ приближались къ лазурному небу. Все это застыло въ сказочной неподвижности, все это тонуло въ тишинѣ, которая побѣдила и охватила и суетливую Ниццу, и море, и дремавшія горы, и возвышавшіяся тутъ же деревья, и притаившихся въ нихъ птицъ. Безмолвіе было такое глубокое, что, казалось, малѣйшій звукъ или даже шорохъ прозвучитъ какимъ-то рѣзкимъ диссонансомъ. Застылъ въ этой тишинѣ и князь. Она проникла во все его существо: не хотѣлось говорить, не хотѣлось спрашивать, не хотѣлось даже думать,—хотѣлось только воспринимать эту тишину, дышать ею, наполнить ею душу, суетящуюся, терзаемую страстью тамъ, внизу, гдѣ живутъ люди, и гдѣ этой тишины быть не можетъ, потому что она дается только тѣмъ, кто высоко стоитъ надъ людьми, кто стоитъ ближе къ небу.

— Не правда ли, здѣсь хорошо?—повторила Марина, и ея голосъ прозвучалъ рѣзко, такъ, что князь вздрогнулъ.

— Не правда ли, здѣсь хорошо, такъ хорошо, что вы даже забыли обо мнѣ?—повторила Марина еще разъ.

— Простите, я такъ залюбовался видомъ.

— А я любовалась вами. Такъ вы и поэтъ, князь?

— Люблю природу.

— А женщина вамъ не мѣшаетъ, когда вы увлекаетесь природою?

— Вы все шутите, Марина...

— Да, мнѣ опять весело.

— Развѣ вамъ было грустно?

— Да, въ экипажѣ, когда я вамъ разсказывала о своей жизни. Я сочувствія не встрѣтила. Природѣ вы больше сочувствуете.

— Марина, какъ вамъ не стыдно?

Онъ взялъ ея руку и привлекъ ее къ себѣ. Она покорно подчинилась, глядя ему серьезно въ глаза.

Такъ они сидѣли молча, а тишина вокругъ росла и росла.

Взоръ Марины затуманился. Она безсильно склонилась къ нему на грудь. Князь думалъ: „Она одинока, одинокъ и я. Что намъ мѣшаетъ слить наши жизни, какъ мы сливаемся теперь съ природою, забывая о себѣ, обо всемъ?“

Онъ не успѣлъ додумать этой мысли, какъ чары тишины были нарушены. Назойливый вопросъ, суета жизни, ворвались въ нее, и уже казалось, что въ ней все ожило.

Марина выпрямилась, заглянула ему въ глаза прежнимъ серьезнымъ взглядомъ и подставила ему губы для поцѣлуя. Онъ принялъ этотъ поцѣлуй, и на мигъ ему опять показалось, что тишина овладѣла всѣмъ.

Но Марина снова нарушила очарованіе. Она высвободилась изъ его объятій и стояла передъ нимъ съ опущеннымъ взоромъ, стыдливая, трепетная.

— Пора домой,—произнесла она чуть слышно.

— Пора,—подтвердилъ князь такъ же тихо.

И, стараясь ступать по возможности неслышно, не говоря ни слова, точно воры, боявшіеся преслѣдованія, они спустились съ горы.

Рѣшено было прямо проѣхать въ Больё.

Сидя въ колескѣ, князь все еще предавался упоенію тишины, заглянувшей въ его душу. Онъ чувствовалъ себя такъ же, какъ тогда, когда онъ ѣхалъ съ Мариной ночью, и она улыбалась ему при свѣтѣ фонарей. Онъ и теперь по временамъ бралъ ея руку, и она сильнымъ пожатіемъ отвѣчала на его ласку. Можно было подумать, что между ними безъ словъ было все рѣшено. Солнце обдавало и ихъ, и все вокругъ мягкимъ свѣтомъ. Природа, развертывая передъ ними всю свою красоту, нѣжила и успокаивала ихъ. Было въ ней что-то мечтательное. Высокіе, развѣсистые кедры встрѣчали ихъ торжественно; попадавшіеся на ихъ пути дома и домики смотрѣли на нихъ задумчиво; прохожіе мило имъ улыбались, любуясь красотою Марины. Все какъ будто было настроено празднично, когда протяжный вечерній звонъ призываетъ къ умиротворяющей молитвѣ. И въ тонъ этому настроенію Марина спрашивала:

— Тебѣ хорошо, милый?

Онъ, улыбаясь кроткою улыбкою, въ отвѣтъ ловилъ ея руку и тихо пожималъ ее.

Такъ они доѣхали почти до Больё.

Тутъ князь какъ бы очнулся отъ сладкаго сна и торопливо проговорилъ:

— Марина, вы доѣдете однѣ, а я пѣшкомъ дойду.

— Отчего, милый?—шепнула она.

— Такъ лучше,—отвѣтилъ онъ.

— Хорошо,—согласилась она.—Но вѣдь это лишнее.

Онъ все-таки приказалъ кучеру остановиться и вышелъ изъ коляски. Она закивала ему головой, точно родному.

Когда князь вошелъ позже на террасу, все общество было въ сборѣ, какъ тогда, въ день первой встрѣчи его съ Мариной. Мароковъ привѣтствовалъ его шумно, Марина поздоровалась съ нимъ, какъ будто они сегодня еще не видѣлись, мать взглянула на него съ нескрываемымъ любопытствомъ, только Комовъ смотрѣлъ какъ-то подозрительно.

— Прямо изъ Ниццы? — спросилъ Мароковъ.

— Да, почти, — отвѣтилъ князь.

— Публики убываетъ?—спросилъ еще Мароковъ, принимая поданный ему супъ.

— Понемногу.

— Пора въ Швейцарію, на Женевское озеро. Жарко становится, и другъ-пріятель что-то пріунылъ.

— Не могутъ же всѣ быть вѣчно веселыми, — огрызнулся Комовъ.

— Вотъ и врешь, милый человѣкъ,—замѣтилъ Мароковъ:— я никогда не бываю веселъ, но я всегда доволенъ, потому что въ унынiи не нахожу никакой прелести. А что правда, то правда. Пора разъѣзжаться, если даже наша королева пріуныла.

Комовъ взглянулъ на Марину.

— Въ самомъ дѣлѣ, королева, — продолжалъ Мароковъ: — что это вы обижаете князя и до сихъ поръ не сказали ему ни одного слова? Вѣдь онъ у насъ, въ Больё, нѣкоторымъ образомъ гость.

— Я думаю, что мы всѣ здѣсь нѣкоторымъ образомъ гости,— отвѣтила Марина, улыбаясь.

— Ну, только не квязь, — протянулъ Мароковъ. — Нашъ домъ — Россiя, а гдѣ его домъ — одному Богу извѣстно.

— Господа, — возразилъ князь: — я избралъ благую часть. Жить въ вашемъ „домѣ“ не особенно пріятно.

— А что, есть что-нибудь новенькаго? — полюбопытствовалъ Мароковъ.

— Нѣтъ, ничего не знаю, да и знать не хочу. Узнать—это растравить незаживающую рану.

— Ой, господа! — взмолилась Марина: — только не о политикѣ. Что вамъ за охота въ моемъ обществѣ возбуждать вопросы, въ которыхъ я ничего не смыслю!

— Скромность украшаетъ нѣмецкаго юношу и хорошенькую женщину, къ какой національности она бы ни принадлежала,— сентенціозно протянулъ Мароковъ. — Будто бы вы въ политикѣ ничего не понимаете, королева? Всѣ вѣдь теперь о политикѣ разсуждаютъ.

— Позвольте, позвольте, генералъ,—воскликнула Марина:—кто вамъ разрѣшаетъ оскорблять женщинъ? Я за нихъ заступаюсь. Зачѣмъ ихъ ставить на одну доску съ пренебрежительнымъ: „всѣ“? Съ какихъ это поръ вы стали такъ относиться къ женщинамъ? Или васъ постигли какія-нибудь разочарованія, и въ васъ говоритъ месть?

— Королева, королева, и вы спрашиваете? Кто же мнѣ нанесъ почти смертельный ударъ, какъ не вы?

При этомъ генералъ съ большимъ аппетитомъ прожевывалъ кусокъ сочной пулярдки.

— Нѣтъ, шутки въ сторону,—замѣтилъ князь:—если я бѣжалъ изъ Россіи, то именно потому, что тамъ всѣ занимаются политикой. Кажется, даже военные...

— Спасибо, князь, — весело поблагодарила его Марина: — вы чудесно отомстили генералу за его пренебрежительное отношеніе къ женщинамъ.

— Да, военнымъ политикой заниматься не слѣдуетъ,—подтвердилъ, улыбаясь, князь.

— Чтобы они могли служить вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ реакціи,—вмѣшался Комовъ язвительно.

— Чтобы они могли служить вѣрнымъ орудіемъ порядка, въ чьихъ бы рукахъ власть ни находилась,—возразилъ князь.

— Ну, ужъ простите, князь, — рѣшительно заявилъ Мароковъ:—если власть будетъ находиться въ рукахъ нынѣшнихъ господъ, то я лично порядокъ поддерживать не намѣренъ.

— Это только доказываетъ, что вы въ душѣ больше политикъ, чѣмъ военный, — мягко возразилъ князь. — Задача арміи поддерживать народную волю, и если народъ выскажется за господъ „кадетскихъ“ представителей...

— Да этого никогда не будетъ,—рѣшительно заявилъ Мароковъ.

— Почемъ знать, Егорушка,—иронически ввернулъ Комовъ.

— Почемъ знать, Егоръ Герасимовичъ,—подтвердилъ князь. —И въ предвидѣніи подобной возможности я и предпочелъ ликвидировать свои дѣла въ Россіи.

— Это не мирится съ чувствомъ патріотизма, — замѣтилъ Комовъ.

— А мирится ли съ чувствомъ патріотизма аплодировать японцамъ, когда они бьютъ русскихъ, и ставить на карту всю будущность страны изъ-за ненависти къ правительству? — спросилъ князь.—Я—не человѣкъ дѣла; я—простой наблюдатель, и поэтому не несу нравственной обязанности принимать непосредственное участіе въ разыгравшейся борьбѣ.

Споръ обострялся, и увѣщанія Марины, приглашавшей общество обратиться къ темамъ, ей болѣе доступнымъ, оставались тщетными. Она прибѣгла къ рѣшительному средству.

— Господа, здѣсь, на террасѣ становится свѣжо: кто хочетъ со мною пить кофе въ комнатѣ?—спросила она.

Пожелали всѣ.

XX.

Хотя князь и отрекся отъ Россіи, но онъ утромъ всегда внимательно читалъ газеты.

На другой день послѣ прогулки на Обсерваторію, онъ развернулъ листъ мѣстной газеты, чтобы просмотрѣть свѣжія телеграммы, но вдругъ ему бросилась въ глаза замѣтка съ знакомою фамиліею. Въ ней сообщалось, что вчера въ девять часовъ вечера скончался „симпатичный членъ здѣшней русской колоніи, Mr. Grégoire de Levetzky, юноша, подававшій блестящія надежды и горько оплакиваемый своею сестрою, M-lle Tatiane de Levetzky, которой мы спѣшимъ выразить наше искреннее соболѣзнованіе".

„Уже!"—подумалъ князь. Почему-то ему казалось, что смерть эта наступитъ еще не такъ скоро.

Онъ тотчасъ же рѣшилъ съѣздить къ Левецкимъ, чтобы выразить Танѣ сочувствіе и предложить ей свои услуги въ виду предстоявшихъ хлопотъ. „У нея вѣдь здѣсь никого нѣтъ",—вспомнилъ князь.

Въ большой комнатѣ, гдѣ Гриша любилъ смотрѣть съ своего кресла на море, онъ теперь лежалъ въ гробу, окруженный цвѣтами. Шла панихида. Кромѣ духовенства, пѣвчихъ, Франсуа и Марѝ, никого не было. Таня стояла посреди комнаты, стройная, прямая. Ея лица не было видно. Князь занялъ мѣсто въ сторонкѣ. Пахло ладаномъ. Свѣтъ врывался въ комнату цѣлыми снопами, такъ что Гришино лицо ясно просвѣчивало сквозь кисею, которою оно было прикрыто. Священникъ служилъ истово, читалъ надгробную поэму Іоанна Дамаскина съ искреннимъ чувствомъ: должно быть, ему было жаль юношу, лежавшаго передъ нимъ въ гробу. Пѣвчіе, мужчины и женщины, произносили слова съ французскимъ акцентомъ, но пѣли прекрасно. Князь вспомнилъ, что онъ давно не былъ на богослуженіи, даже не молился, и онъ внутренно притихъ, подчиняясь настроенію молившихся. Онъ невольно подражалъ Танѣ, крестился, точно такъ же, какъ она, склонялъ медленно голову, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, и опускался на колѣни, набожно, какъ и

она. Онъ дѣлалъ это безотчетно: ему хотѣлось просто въ этотъ горестный часъ ея жизни соединиться съ нею въ одномъ чувствѣ.

Панихида кончилась. Всѣ стали расходиться. Таня подошла къ священнику подъ благословеніе и долго съ нимъ о чемъ-то говорила. На князя она не взглянула, точно не замѣчая его присутствія. Но онъ наблюдалъ за нею. То, чего онъ опасался, не случилось. Лицо у нея было спокойно, только брови еще болѣе сдвинулись и придавали ему выраженіе какой-то суровой рѣшимости. Глаза смотрѣли опредѣленно, ясно. Въ эту страшную для нея ночь она какъ будто возмужала.

Когда всѣ ушли, Таня направилась прямо къ князю, и онъ замѣтилъ, что лицо ея нѣсколько смягчилось; въ глазахъ блеснуло что-то доброе.

— Я васъ ожидала,—сказала она, подавала ему руку, точно она его увѣдомила о случившемся.—Пойдемте взглянуть на Гришу.

Они приблизились къ гробу. Таня бережно отстранила кисею. Гриша лежалъ въ гробу какъ мраморное изваяніе.

— Вы видите, князь: онъ нисколько не измѣнился. Перемѣна произошла гораздо раньше.

Она умолкла и смотрѣла на брата долгимъ взглядомъ. Должно быть, безконечный рядъ печальныхъ мыслей овладѣлъ ею, потому что она о князѣ забыла.

— Милый!—прошептала она съ тоскою въ голосѣ, опустилась на колѣни, чтобы быть ближе къ его лицу, припала къ нему губами и потомъ безсильно поникла головою на его грудь, глядя на князя. Глаза ея какъ бы говорили: „Вы видите, я не могу, не могу“... И горе ея было такъ трогательно, что у князя къ горлу подступила судорога.

Таня пригласила его взглядомъ приблизиться. Онъ подошелъ съ другой стороны гроба и сталъ противъ нея, наклонивъ голову къ покойнику.

— Я его все звала изъ шумнаго Петербурга въ наше деревенское затишье,—говорила Таня какъ бы про себя:—но онъ попалъ въ другую тишину.

Она опять умолкла.

— Сколько надеждъ я на него возлагала!—промолвила она черезъ нѣкоторое время почти шопотомъ.—Я знала, что онъ отрѣшится отъ Петербурга, вернется къ намъ, что онъ приметъ дорогое наслѣдіе отца, будетъ работать со мною рука объ руку, тамъ, гдѣ работники такъ ужасно нужны. И вотъ эти надежды лежатъ въ этомъ гробу, и никакая сила не можетъ ихъ воскресить... Князь, князь, да что же это такое!

Она опять припала лицомъ къ груди покойника. Князь не зналъ, чѣмъ ее утѣшить, чѣмъ ободрить, чувствовалъ только непреодолимую потребность сказать ей доброе слово, но и это слово не навертывалось на уста. Такъ онъ стоялъ, выжидая, чтобы горе Тани немного улеглось.

Она продолжала лежать на груди брата, точно у нея не было другого мѣста на бѣломъ свѣтѣ.

Въ комнату вошелъ Франсуа и сдѣлалъ какой-то знакъ князю.

— Франсуа здѣсь,—шепнулъ князь Танѣ.

Она тотчасъ же встала и снова бережно надвинула кисею на лицо брата.

— Ахъ, это насчетъ перевезенія тѣла, — сказала она по-французски.

— Не могу ли я помочь? — спросилъ князь. — Я человѣкъ свободный, да и приходилось два раза отправлять покойныхъ товарищей изъ Франціи въ Россію.

Таня внимательно взглянула на князя.

Въ его взглядѣ выражалось, должно быть, большое сочувствіе, потому что Таня тотчасъ же согласилась.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо, князь. Франсуа въ вашемъ распоряженіи: онъ мнѣ вѣдь теперь не нуженъ.

Они направились въ пріемную, и князь ушелъ.

Вечеромъ онъ снова заѣхалъ къ Танѣ и обѣдалъ у нея. Она встрѣтила его такъ, какъ будто само собою подразумѣвалось, что онъ пріѣдетъ. Была она молчалива, но князь ея молчаніемъ не тяготился. Въ маленькой столовой было уютно. Несмотря на присутствіе въ домѣ покойника, во всемъ царилъ порядокъ. Таня, сосредоточенная, съ застывшимъ на лицѣ рѣшительнымъ выраженіемъ, вела себя такъ просто и въ то же время дружественно, что князю было по-себѣ. Онъ присматривался къ Танѣ и все не могъ понять, почему въ ея обществѣ, даже когда у нея такое горе, дышится свободно и легко. По осунувшемуся ея лицу, по темнымъ кругамъ подъ глазами, по невольному движенію руки, хватавшейся за сердце, ясно было видно, какъ она страдаетъ, даже еслибы князь не помнилъ того неподвижнаго взгляда, который на набережной такъ напугалъ его. Но тѣмъ не менѣе у нея находилось ласковое слово для князя, ободряющее замѣчаніе для Марѝ, — которая, подавая за столомъ, ходила съ заплаканными глазами,—и внимательное отношеніе къ обязанностямъ хозяйки. Во всемъ этомъ чувствовалась разъ навсегда пріобрѣтенная привычка думать о другихъ, а не о-себѣ.

Послѣ обѣда Таня пригласила князя пройти въ пріемную, сама же удалилась въ комнату брата. Она тамъ оставалась долго. „Бесѣдуетъ съ покойникомъ“, подумалъ князь. Онъ сѣлъ у круглаго стола, на которомъ, кромѣ кипсековъ и альбомовъ, онъ увидалъ не замѣченную имъ раньше книгу въ изящномъ переплетѣ. Онъ раскрылъ книгу. Это была: „Анна Каренина“.

Князь удивился. Утромъ этой книги не было. Значитъ, Таня ее читала въ теченіе дня. „Что общаго между Таней и Анной?“ — спросилъ себя князь, и тотчасъ же задумался о Маринѣ. Вотъ Марина и Анна—другое дѣло. Обѣ красавицы, жизнерадостны, сильны какою-то внутреннею всепобѣждающею силою. Образъ Марины стоялъ, какъ живой, передъ нимъ. Онъ закрылъ глаза и любовался имъ. Эти пышные волосы, это цвѣтущее здоровьемъ лицо, эти темные прекрасные глаза, то вспыхивающіе умомъ, то заволакивающіеся нѣжностью, эта стройность стана... Онъ вспомнилъ Марину, какъ она стояла передъ нимъ вчера на Обсерваторіи, послѣ поцѣлуя, и сладкая дрожь пробѣжала по его тѣлу. Отчего же онъ не можетъ рѣшить мучительнаго вопроса? Оба они свободны и любятъ другъ друга, и, конечно, были бы счастливы. Въ чемъ же дѣло, въ чемъ препятствіе? И вдругъ что-то черное, грозное встало между нимъ и Мариною. Это—ея прошлое. „Не могу я его понять,—прошепталъ князь.—Весталка? Что она за весталка!? Хранитъ свое цѣломудріе? Можетъ быть. Жрица богини домашняго очага? Что за вздоръ!“ И опять имъ овладѣла тревога, та мучительная тревога, которую Марина не только не успокоила, а, напротивъ, усилила до степени душевной боли. И душа его металась, изнывала отъ происходившей въ немъ внутренней борьбы.

— О чемъ вы задумались, князь?

Онъ вздрогнулъ. Онъ совершенно забылъ, гдѣ находится, забылъ объ этой милой дѣвушкѣ, вошедшей незамѣтно въ комнату и стоявшей теперь передъ нимъ, глядя на него добрымъ взглядомъ своихъ печальныхъ темно-голубыхъ глазъ.

— А я побесѣдовала съ моимъ покойникомъ,—продолжала Таня, присаживаясь къ князю.—Какъ онъ мирно спитъ, и море его убаюкиваетъ. Тамъ, на родинѣ, ему будетъ недоставать моря,—онъ его такъ любилъ. Но на нашемъ кладбищѣ есть развѣсистыя сосны: онѣ своимъ шумомъ будутъ напоминать ему море.

Таня задумалась, точно она унеслась на милую ей родину. Затѣмъ она взглянула на князя.

— Ну, вотъ теперь у васъ лицо опять спокойнѣе,—сказала она.—А когда я вошла въ комнату, оно было ужасно тревожно.

Князь, милый князь, не сердитесь на меня, но мнѣ очень хотѣлось бы знать... Вы любите ту женщину... ту красавицу, съ которой я васъ видѣла на набережной?

— Кажется, да...

Онъ самъ не зналъ, какъ у него сорвались съ языка эти слова, въ которыхъ все было неожиданно и противорѣчило свѣтскимъ приличіямъ, какъ неожиданъ былъ и вопросъ Тани. Онъ видѣлъ только ея добрый, сострадательный взглядъ, онъ чувствовалъ, что всѣ условности тутъ неумѣстны, что малѣйшая фальшь невозможна, потому что душа говоритъ съ душою.

— Но вы въ этомъ не увѣрены?

— Нѣтъ, не увѣренъ.

— Тревога, которую я такъ часто вижу на вашемъ лицѣ, мучила васъ уже и раньше?

— Да, мучила, хотя и не такъ жестоко.

— Князь, передъ вами лежитъ любимая моя книга...

— Ваша любимая книга? — спросилъ князь машинально, повторяя мысль, пришедшую ему уже раньше въ голову.

— Да, „Анна Каренина“. Я никогда не разстаюсь съ нею. Только, конечно, не Анна меня занимаетъ,—откровенно говоря, я даже не понимаю этой женщины. Меня занимаетъ Левинъ. Дайте мнѣ книгу.

Князь исполнилъ ея желаніе.

Таня раскрыла книгу въ концѣ, перелистала нѣсколько страницъ и начала читать.

„Всю эту весну онъ былъ не свой человѣкъ и пережилъ ужасныя минуты. Счастливый семьянинъ, здоровый человѣкъ, Левинъ былъ нѣсколько разъ такъ близокъ къ самоубійству, что спряталъ шнурокъ, чтобы не повѣситься на немъ, и боялся ходить съ ружьемъ, чтобы не застрѣлиться... Когда Левинъ думалъ о томъ, что онъ такое, и для чего онъ живетъ, онъ не находилъ отвѣта и приходилъ въ отчаяніе; но когда онъ переставалъ спрашивать себя объ этомъ, онъ какъ будто зналъ, и что онъ такое, и для чего живетъ, потому что твердо и опредѣленно дѣйствовалъ и жилъ; даже въ это послѣднее время онъ гораздо тверже и опредѣленнѣе жилъ, чѣмъ прежде“.

— Вы помните эти страницы? — спросила Таня. — Какъ только Левинъ отходитъ отъ своего родного гнѣзда и его заботъ и трудовъ, онъ не находитъ себѣ мѣста, и ужасныя мысли приходятъ ему въ голову. Посмотрите на меня. Вы застали меня въ такое время, когда меня поразило двойное, почти непосильное для меня горе. Но я не прихожу въ отчаяніе. Есть во мнѣ сила,

которая все преодолѣваетъ. А вы? Знаете ли, откуда у васъ эта тревога? Вы мнѣ разсказывали, что продали свои имѣнія, что скитаетесь по Европѣ. Милый князь, у васъ нѣтъ родины, а безъ родины человѣкъ жить не можетъ.

Князь смотрѣлъ на Таню и думалъ: „Она всѣхъ мѣритъ на свой аршинъ“; но въ то же время чувство умиленія проникало въ его душу. Онъ говорилъ себѣ: „Такое у нея горе, а душа ея рвется помогать другимъ. Что за душа, что за золотое сердце!“

И онъ протянулъ руку Танѣ.

— Я пришелъ, чтобы васъ ободрить въ вашемъ большомъ горѣ, а выходитъ такъ, что вы ободряете меня въ моихъ маленькихъ тревогахъ,—сказалъ онъ съ чувствомъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Таня:—ваши тревоги не маленькія. Онѣ могутъ испортить вамъ всю жизнь, если вы не найдете родины.

XXI.

Князь завершалъ на другой день съ какою-то лихорадочною торопливостью приготовленія къ отъѣзду Тани. И только когда онъ все кончилъ и заѣхалъ къ ней, чтобы извѣстить ее о томъ, что на слѣдующій день утромъ она можетъ тронуться въ путь, у него отъ сердца какъ будто отлегло. Онъ засталъ ее такою же сосредоточенною, съ тѣмъ же выраженіемъ рѣшимости на блѣдномъ лицѣ. Они долго спокойно бесѣдовали. Она разсказывала ему о своихъ предположеніяхъ и планахъ, о томъ, что она намѣрена дѣлать въ имѣніи по возвращеніи на родину. Князь былъ очень неопытенъ въ этихъ дѣлахъ и удивлялся знаніямъ Тани, а еще больше—той любви, которою были проникнуты всѣ ея слова. Усадьба и все, что съ нею связано, точно оживали въ представленіи князя. Это было живое существо, для котораго стоило жить и которому легко было приносить всевозможныя жертвы. Чѣмъ-то успокоительнымъ и отраднымъ вѣяло отъ Таниной усадьбы, отъ этого маленькаго хозяйства, затерявшагося въ громадной мало-культурной странѣ съ ея дикими выходками, безконечными убійствами, поджогами, грабежами, погромами, хищничествомъ, всякаго рода неправдою. Князь, который съ „презрѣньемъ отряхнулъ отчизны прахъ съ своихъ одеждъ“, слушалъ съ тайнымъ недовѣріемъ разсказы Тани о прелестяхъ русской деревенской жизни, но въ то же время никогда не испытанное имъ чувство вторгалось въ его душу. Танина „родина“ пробуждала въ немъ тоску по чемъ-то неизвѣданномъ, но ми-

ломъ, дорогомъ,—болѣе дорогомъ, чѣмъ все, что̀ его до сихъ поръ прельщало или соблазняло. Имѣть свой родной уголъ, имѣть близкихъ людей, съ которыми дѣлишь и горе, и радость, для которыхъ работаешь, живешь, съ которыми сливаешься въ общихъ помыслахъ и чувствахъ, — почему эта мысль не пришла ему раньше въ голову? Онъ вспоминалъ свое воспитаніе, всю свою жизнь: они съ этой тоской по родинѣ не имѣли ничего общаго. Но вдругъ онъ вспомнилъ о матери. Развѣ она не описывала ему съ тѣмъ же увлеченіемъ прелести ихъ лифляндскаго имѣнія? И князь взглянулъ совершенно другими глазами на Таню.

— Татьяна Григорьевна,—прервалъ онъ ее, какъ бы пораженный своимъ открытіемъ:—какъ вы похожи на мою покойную мать!

— Лицомъ?—спросила она, и ласка мелькнула въ ея печальныхъ глазахъ. Князь внимательно смотрѣлъ на Таню: онъ припоминалъ.

— Нѣтъ, лицомъ вы на нее не похожи,—отвѣтилъ онъ:—развѣ только въ вашихъ глазахъ, когда они такъ ласково смотрятъ на меня, есть что-то общее съ добрымъ взглядомъ моей матери. Но она съ такимъ же увлеченіемъ разсказывала мнѣ о своемъ лифляндскомъ имѣніи, какъ вы—о своей усадьбѣ.

— Князь, вы любили свою мать и все-таки продали ея родное гнѣздо?!—проговорила Таня.

— Да, можетъ быть, это нехорошо,—отвѣтилъ князь,—но вѣдь я тамъ никогда не жилъ.

— И не полюбопытствовали заглянуть? Если вы когда-нибудь вздумаете заглянуть въ Россію, заѣзжайте къ намъ въ имѣніе, и вы увидите, что ничего не можетъ быть для человѣка дороже родного гнѣзда.

— Татьяна Григорьевна, вы, какъ моя покойная мать, немного увлекаетесь.

— Не знаю, князь. Но я думаю, что ваша покойная мать, какъ и я, любила и охраняла домашній очагъ.

„Весталка“,—подумалъ князь, вспомнилъ о Маринѣ, и что-то кольнуло его въ сердце. Ему показалось, что настоящая жрица Весты—не та красавица, а эта простая дѣвушка, такъ ласково глядящая на него, и своимъ кроткимъ нравомъ, и своею отрѣшенностью отъ собственнаго „я“ осѣняющая его тревожную душу миромъ и тишиной.

— Вы и сегодня пообѣдаете у насъ?—спросила Таня.

— Нѣтъ, сегодня я отозванъ; но завтра, конечно, пріѣду васъ провожать,—отвѣтилъ князь.

— Жаль,—отвѣтила Таня.—Впрочемъ, если вы мнѣ обѣщаете, что вы на весь день сохраните то спокойное выраженіе лица, съ какимъ смотрите теперь на меня, то я охотно поскучаю одна. Итакъ, до завтра.

Князь всталъ.

— До завтра, Татьяна Григорьевна. А тамъ, Богъ дастъ, встрѣтимся опять въ Россіи.

— Вотъ это славно,—отвѣтила Таня:—въ родномъ моемъ гнѣздѣ!

Они простились.

Выйдя отъ Тани, князь шелъ своею увѣренною, спокойною походкою, но не успѣлъ онъ дойти до Жетэ, какъ вдругъ заторопился, почувствовавъ, что ему надо сдѣлать еще какое-то важное дѣло, что ему непремѣнно надо поскорѣе быть дома. Какое это дѣло, онъ самъ не зналъ или, лучше сказать, онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета. Въ немъ происходилъ какой-то безотчетный процессъ мысли, на время задержанный, но именно вслѣдствіе этой задержки возобновившійся съ новою силою.

Только когда онъ сидѣлъ уже у себя въ отелѣ, онъ ясно понялъ, о чемъ ему надо было думать. „Теперь или никогда“,—сказалъ онъ себѣ. И тутъ онъ взглянулъ на часы. Было почти три. Это его успокоило. „Неужели я въ теченіе трехъ часовъ не успѣю все сообразить, взвѣсить и рѣшить?“—подумалъ онъ и началъ соображать, взвѣшивать и рѣшать: слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ жениться на Маринѣ? Извѣстныя величины были: красота и умъ Марины, пожалуй любовь къ ней и та близость, которая установилась между нимъ и Мариной. „Нѣтъ,—говорилъ онъ себѣ,—тутъ есть какая-то погрѣшность. Красота и умъ Марины—величина неизвѣстная. Чего же не хватаетъ, чтобы Марина стала для меня величиною вполнѣ опредѣленною? Я въ сущности не знаю, какая она женщина. Да, не знаю. И что я требую отъ брака,—я тоже не знаю...“

„Можно ли,—спрашивалъ онъ себя далѣе,—продолжать знакомство съ Мариной, не выяснивъ вопроса о томъ, намѣренъ ли я на ней жениться? Нельзя,—отвѣтилъ онъ рѣшительно,—потому что это знакомство зашло уже слишкомъ далеко. Зашло ли оно такъ далеко только по моей винѣ? Нѣтъ, Марина тутъ даже больше виновата, чѣмъ я: она меня пригласила на тайное свиданіе и сдѣлала мнѣ вполнѣ ясные авансы. Но въ такомъ случаѣ я имѣю право порвать съ нею, если не хочу на ней жениться. Право я, конечно, имѣю, но лишь половинчатое, потому что ея авансы все-таки мною приняты. Еслибы я рѣшительно отказался

принять эти авансы, тогда, конечно, все обстояло бы благополучно. Почему же я ихъ принялъ? Потому что Марина мнѣ понравилась, и если я шелъ дальше по этому пути, то потому, что она продолжала мнѣ нравиться. Почему же она мнѣ сдѣлала авансы? Да потому что меня полюбила, и потому что она—человѣкъ болѣе рѣшительный, чѣмъ я. Итакъ, мы другъ друга любимъ, мы люди вполнѣ свободные, денегъ у меня больше, чѣмъ нужно для двоихъ. Не ясно ли, что надо жениться? Но какъ же жениться, когда я не знаю, кто собственно Марина, и чего я отъ брака ожидаю?"... И началась опять сказка про бѣлаго бычка.

„Вотъ что,—рѣшилъ князь:—я въ Монборонъ не поѣду, а пошлю ей записку, что наши свиданія должны прекратиться въ виду невыяснившихся между нами отношеній. Да что я—идіотъ, что ли? Написать такую записку—все равно, что сказать: „я васъ не люблю"; или: „я не знаю, люблю ли васъ". Глупо, просто глупо! Въ лучшемъ случаѣ она можетъ повѣрить моей искренности и сказать: „Ну, если вы меня недостаточно знаете, то постарайтесь познакомиться со мною ближе". И будемъ встрѣчаться... Опять начнется сказка про бѣлаго бычка только въ другомъ направленіи".

Князь взглянулъ на часы. Было уже четыре, а рѣшеніе вопроса нисколько не подвинулось. И имъ опять овладѣла тревога, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вспомнилъ, какъ ему было хорошо у Тани. Тамъ—умиротвореніе, душевное спокойствіе, и на этомъ фонѣ зарождались хорошія чувства: вѣришь во что-то, надѣешься на что-то. Здѣсь—одни сомнѣнія, порывы, душевная неудовлетворенность, вѣчные запросы, остающіеся безъ отвѣта, что-то нездоровое, лихорадочное. И князь вспомнилъ, какъ онъ при первой встрѣчѣ съ Таней сказалъ себѣ: „эту не любишь, но готовъ тотчасъ же ей довѣриться; ту любишь, а никакъ ей довѣриться не можешь".

„Да, но приближаетъ ли все это меня къ рѣшенію вопроса?"—сказалъ себѣ князь, и сталъ приготовляться къ выѣзду. „Чего я захотѣлъ? Любовь, бракъ,—все это лотерея. Тутъ навѣрняка идти нельзя. Взгляну еще разъ на Марину,—и, можетъ быть, сегодня, наконецъ, все выяснится".

У него точно гора съ плечъ свалилась, и теперь онъ уже съ нетерпѣніемъ ожидалъ часа свиданія. Сѣвъ въ экипажъ, онъ заторопилъ кучера, точно опоздалъ. Пріѣхалъ же онъ за три четверти раньше назначеннаго времени. Онъ сталъ заказывать обѣдъ. Но времени оставалось еще не мало. Онъ вышелъ на

террасу, усѣлся тамъ и сталъ смотрѣть на дорогу, по которой Марина должна была пріѣхать или придти. Время тянулось безконечно. Показывались разныя дамы, и всякій разъ сердце у него замирало. „Фу, да я влюбленъ!“—говорилъ онъ себѣ, и это казалось ему нелѣпымъ. Но вдругъ сердце у него совсѣмъ замерло. На этотъ разъ онъ увидѣлъ Марину.

Она шла, прикрываясь зонтикомъ, своею твердою, опредѣленною походкою и держала въ лѣвой рукѣ какую то книгу. По мѣрѣ того, какъ она приближалась, какъ ея станъ въ гладкомъ англійскомъ платьѣ все яснѣе обрисовывался, а черты лица становились явственнѣе, княземъ овладѣвало чувство удивленія. Онъ видѣлъ ее уже часто, но никогда еще не видѣлъ такою красивою. „Да, ея красота можетъ хоть кого съ ума свести“,—повторилъ онъ мысленно, и съ трепетомъ ожидалъ, какъ она приблизится, протянетъ ему руку и улыбнется. Она протянула ему руку раньше, чѣмъ онъ ожидалъ,—ему казалось, что должно было пройти больше времени,—но не улыбнулась. Лицо у нея было задумчивое, серьезное и, можетъ быть, поэтому такое прекрасное. Передъ нимъ стояла новая Марина, такая, какою онъ ее еще не видѣлъ.

— Вы давно уже здѣсь, князь?—спросила она какимъ-то утомленнымъ голосомъ.

— О, нѣтъ, Марина, но успѣлъ уже распорядиться.

— Мы гдѣ обѣдаемъ? Мнѣ бы хотѣлось на воздухѣ. Душно въ Ниццѣ. Пора уѣзжать отсюда. Такъ гдѣ же мы обѣдаемъ?

Рѣшено было обѣдать тутъ же, на террасѣ, и предложеніе исходило отъ Марины.

— Ахъ, какъ я устала!—вздохнула она, усаживаясь.

— Вамъ нездоровится, Марина? — спросилъ князь съ участіемъ.

— Нѣтъ, ничего. Ну, что подѣлываетъ ваша полузнакомая Таня? Все плачетъ?

И, не дождавшись отвѣта, она сказала:

— А я вамъ принесла книгу, очень интересную книгу.

Она протянула князю книгу, которую принесла съ собою.

Это былъ только-что вышедшій французскій романъ совершенно неизвѣстнаго автора.

— Какая же идея проводится въ этомъ романѣ?

— Почитаете — увидите. Одно только вамъ скажу: героиня этого романа не имѣетъ ничего общаго съ добродѣтельными хныкающими или не хныкающими барышнями, съ эмансипированными дѣвушками, дающими себя распропагандировать,—словомъ,

со всею этой обыденщиной, отъ которой человѣкъ готовъ бѣжать на край свѣта, чтобы только вздохнуть свободно.

— Да развѣ добродѣтель такъ обыденна, Марина?

— А вы въ ней отыскали что-нибудь новое?

— Нѣтъ, Марина, я только хочу сказать, что она встрѣчается очень рѣдко.

— Добродѣтель встрѣчается очень рѣдко?! Да помилуйте, князь, все ею такъ наполнено, что дѣваться отъ нея некуда! Добродѣтель индивидуальная, добродѣтель общественная, добродѣтель политическая—объ этомъ говорятъ всѣ. Богъ съ нею, съ добродѣтелью! Нужна не добродѣтель, нужна сила. Я мало читала Ницше; знаю только нѣсколько дюжинъ его афоризмовъ, но каждый изъ нихъ—перлъ. И подумайте только, какая трагическая участь: человѣкъ вѣритъ только въ силу, а основа силы, умъ, начинаетъ ему измѣнять, подтачиваемый душевною болѣзнью. Ахъ, это ужасно!

— И все-таки, Марина, обыденна не добродѣтель, обыденны только разговоры о ней. Сама же она встрѣчается очень рѣдко, а порокъ — такое общераспространенное явленіе, что можно только удивляться тѣмъ романистамъ, которые, описывая его, воображаютъ, что они даютъ что-то новое. Этихъ порочныхъ героинь теперь въ иностранныхъ и въ скроенныхъ по ихъ образцу русскихъ романахъ не оберешься, и новаго въ нихъ развѣ то, что у этихъ противныхъ женщинъ зеленые глаза, какіе-то совершенно небывалые костюмы, и что онѣ называютъ черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ...

— Князь, — возразила Марина утомленнымъ голосомъ: — бросьте добродѣтель и порокъ! Сила не въ нихъ, сила—въ силѣ. Къ тому же, я устала спорить. Я васъ и себя считаю сильными людьми, умѣющими прожить свою жизнь своеобразно. Прочитайте врученный вамъ романъ, и мы вернемся къ этой темѣ. А теперь довольно споровъ. Милый, я устала,—шепнула она и безсильно откинулась на спинку стула.

— Марина, да что съ вами?—испугался князь.

— Ничего, ничего,—отвѣтила она, и глаза ея, устремленные на князя, выражали нѣжность и мольбу:—я сказала, что считаю себя сильной, а въ сущности я, кажется, очень слаба...

Князь былъ встревоженъ: у Марины былъ такой серьезный и печальный видъ, какъ будто она испытывала или предчувствовала большое горе. Князь то-и-дѣло поглядывалъ на нее и добрымъ взглядомъ, а иногда и словомъ старался ее успокоить. Такъ прошелъ обѣдъ. Надвинулись вечернія сумерки, море по-

темнѣло, кое-гдѣ замигали огни, освѣтилась и терраса, и тогда на дворѣ стало еще темнѣе.

Подали шампанское. Но Марина еле дотрогивалась губами до бокала и вскорѣ заторопилась.

— Милый, пойдемъ!—шепнула она.

Они вышли изъ отеля.

— Погуляемъ; это меня освѣжитъ,—сказала она на улицѣ, взяла руку князя и прижалась къ нему.

— Куда же мы пойдемъ? — спросилъ князь, и близость этой женщины въ ея новомъ настроеніи волновала его все сильнѣе.

— Возьмемъ налѣво. Тамъ есть таинственная и густая оливковая роща, а выше, тамъ, хвойныя деревья — цѣлый лѣсъ. Смотри, смотри,—продолжала она, все ближе прижимаясь къ князю:—луна уже свѣтитъ. Скоро она зальетъ своими мягкими лучами всю окрестность, а въ лѣсу будетъ жутко и сладко. Пойдемъ, пойдемъ скорѣе туда!

И она заторопилась.

А по дорогѣ она говорила безъ умолка, лихорадочно:

— Я люблю лунный свѣтъ, потому что онъ обманываетъ, потому что при немъ все кажется инымъ, чѣмъ при будничномъ солнечномъ свѣтѣ,—болѣе таинственнымъ, болѣе прекраснымъ. То, что я тебѣ говорила за обѣдомъ, неправда. Когда я ясно вижу, мнѣ становится страшно за себя. Ясно видѣть—это значитъ быть ко всему готовымъ: въ жизни все—случайность. То, во что мы вѣримъ, на что надѣемся, что намъ дороже всего, можетъ оказаться только призракомъ. О, не будемъ вѣрить, не будемъ надѣяться, не будемъ любить! Одни страданія лишь впереди. О, милый, будемъ счастливы, не думая о завтрашнемъ днѣ! Посмотри, какъ луна освѣтила море, посмотри на эту широкую, колеблющуюся полосу! Какъ она красива! Глазъ не можетъ отъ нея оторваться, а что она такое? Нѣчто неуловимое. Такъ и человѣческое счастіе: сегодня оно есть, завтра отъ него и слѣда не останется...

Князь прислушивался къ рѣчамъ Марины, и ему казалось, что онъ начинаетъ понимать то, что до сихъ поръ отъ него ускользало, что онъ начинаетъ понимать ея душу.

За какимъ-то зданіемъ съ фальшивыми окнами, ярко освѣщеннымъ, какъ и дорога, луной, вела на гору каменная лѣстница. Только нижнія ступеньки ея были видны, сама же лѣстница уходила въ темноту густой рощи.

— Остановимся,—сказала Марина.

Она повернула князя такъ, что лицо его было освѣщено, положила ему руки на плечи и долго смотрѣла ему въ глаза. Князь больше чувствовалъ, чѣмъ видѣлъ устремленный на него взглядъ этой странной женщины. Никого на дорогѣ не было. Вся природа застыла въ лунномъ сіяніи.

Вдругъ Марина сняла руки съ его плечъ и быстро взошла на первыя ступеньки.

— За мной, въ темноту!—сказала она и остановилась.

Князь послѣдовалъ за ней, и какъ только ихъ окутала темнота, онъ почувствовалъ себя въ ея объятіяхъ. Марина осыпала его лицо поцѣлуями. Все это произошло такъ неожиданно, что князь не могъ опомниться. Цѣлуя его, Марина шептала:

— Ты мой, ты навсегда мой! Скажи только одно слово. Ты молчишь? Ну, скажи, скажи...

— Марина,—шепталъ князь въ отвѣтъ, чувствуя, что онъ все-таки не можетъ сказать того слова, котораго требовала Марина.

А она продолжала его страстно цѣловать и, цѣлуя, говорила:

— Счастье ты мое колеблющееся, сіяющая полоса моей жизни, свѣтъ моего одинокаго существованія, мой избавитель, моя вѣра, моя любовь, ну, откликнись, милый, на зовъ моего усталаго сердца...

И снова она его душила въ своихъ объятіяхъ.

— Ты молчишь?

— Марина, дорогая...

— Ты молчишь?

— О, Марина, зачѣмъ вы мучаете и себя, и меня?

— Ты молчишь? — спросила она въ третій разъ, вдругъ умолкла и выскользнула изъ его объятій.

— Подожди немного и закрой глаза, какъ тогда, помнишь, на Жетэ?

Онъ повиновался.

— Прощай, мой Эми!—послышался ея голосъ уже какъ бы издалека.

„Куда она ушла?“—спросилъ себя князь, и тотчасъ быстро сталъ подниматься по ступенькамъ по направленію ея голоса.

— Прощай, мой Эми! — раздалось еще разъ, но уже еле слышно, точно она была уже очень далеко отъ него.

— Марина, куда ты уходишь?—крикнулъ князь съ внутреннею тревогою. Онъ плохо видѣлъ въ темнотѣ. Лѣстница кончилась. Ему показалось, что голосъ Марины раздался въ послѣдній разъ справа. Онъ взглянулъ туда, но ничего не видѣлъ. Онъ

взглянулъ налѣво, и ему показалось, что въ просвѣтѣ скользнула тѣнь. Онъ быстро, насколько позволяла темнота, направился въ ту сторону, но на нѣкоторомъ разстояніи наткнулся на каменную ограду. Онъ хотѣлъ ее обойти, но она тянулась безконечно. Все время онъ звалъ: „Марина, Марина!“ Отвѣта не было. Все стихло, и только его зовъ раздавался тревожно въ темнотѣ.

Онъ началъ соображать, гдѣ онъ находится. Изъ отеля они взяли налѣво, затѣмъ шли нѣкоторое время внизъ къ морю, взяли опять налѣво, на этотъ разъ въ гору, пока не дошли до лѣстницы съ лѣвой стороны дороги, поднялись по этой лѣстницѣ, и онъ взялъ опять налѣво. Значитъ, они описали кругъ, и онъ теперь стоитъ лицомъ къ отелю, который долженъ быть подъ нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. Но ограда мѣшаетъ ему идти дальше. Онъ еще разъ громко крикнулъ: „Марина!“ Опять ни звука въ отвѣтъ. Что было дѣлать? Оставаться здѣсь и ждать? Но, можетъ быть, Марина ушла? Вѣдь она ему два раза крикнула: „прощай!“... Онъ постоялъ довольно долго въ нерѣшительности. Потомъ опять позвалъ Марину, но и на этотъ разъ безуспѣшно. Ему пришло въ голову, что она, вѣроятно, мѣстность знаетъ,—иначе не рѣшилась бы разстаться съ нимъ въ этихъ дебряхъ. Онъ началъ искать лѣстницу, по которой они попали сюда. Это ему не безъ нѣкотораго труда удалось. Онъ спустился по лѣстницѣ и снова попалъ въ яркій лунный свѣтъ. Постоявъ немного на дорогѣ, онъ вдругъ подумалъ, что Марина, навѣрное, въ отелѣ. Онъ быстро направился туда. Но въ отелѣ ея не оказалось. Тамъ вообще было пусто, и только неотлучный фіакръ терпѣливо его ожидалъ.

— Et madame?—спросилъ его кучеръ.

— Мы растерялись,—отвѣтилъ князь, чувствуя, что его отвѣтъ совершенно неправдоподобенъ.

— Мнѣ показалось, что она прошла тамъ, внизу къ морю. Вѣроятно, взяла трамвай,—замѣтилъ кучеръ.

— Ну, тогда поѣзжайте въ Больё!—приказалъ князь.

— Я не совсѣмъ увѣренъ,—сказалъ еще кучеръ:—но думаю, что не ошибаюсь.

Они тронулись въ путь.

Пріѣхавъ въ отель, князь прошелъ прямо въ ресторанъ, спросилъ себѣ чаю и велѣлъ гарсону освѣдомиться, вернулась ли г-жа Ригò.

Гарсонъ скоро принесъ отвѣтъ, что г-жа Ригò еще не вернулась.

Князь рѣшилъ подождать полчаса и, если Марина къ этому

времени не вернется, снова поѣхать въ Монборонъ и начать серьезные поиски. Но уже черезъ четверть часа доложили ему, что г-жа Риго вернулась. Князь тотчасъ же потребовалъ бумаги и конвертъ и быстро написалъ: „Удѣлите мнѣ минуту; надо поговорить“, и послалъ эту записку Маринѣ. Отвѣтъ получился почти немедленно. Марина писала: „Нездоровится, очень устала. До завтра. Прощай, милый“.

Князь вышелъ изъ отеля, сѣлъ въ экипажъ и велѣлъ кучеру ѣхать въ Ниццу, домой.

XXII.

Послѣ тревожно проведенной ночи, князь на другое утро пришелъ къ твердому выводу, что Марина безусловно права. Онъ отрѣшался отъ всѣхъ впечатлѣній прошлаго вечера, отъ формы, въ которую вылился ея протестъ, но по существу протестъ этотъ былъ не только вполнѣ законный, но болѣе того: онъ ограждалъ достоинство ихъ любви. Марина знала, чего она хочетъ, знала ясно, опредѣленно; самъ же онъ этого не зналъ, а между тѣмъ поступалъ такъ, какъ будто знаетъ. Онъ сказалъ вчера Маринѣ: „Зачѣмъ вы себя и меня мучаете?“ Но мучителемъ былъ онъ, а не она. Она полюбила и дѣлаетъ ясный выводъ изъ своей любви, а онъ полюбилъ и спрашиваетъ: что же дальше, или, лучше сказать, ничего не спрашиваетъ, а просто не знаетъ, что дѣлать, на что рѣшиться.

Послѣ безсонной ночи онъ всталъ поздно. Былъ уже одиннадцатый часъ, а въ двѣнадцать уѣзжала Таня. Онъ засуетился. Надо было одѣться, напиться кофе, купить Танѣ цвѣтовъ на дорогу, пріѣхать немного раньше, чтобъ встрѣтить ее на вокзалѣ. Онъ собирался выйти изъ дому, когда ему подали письмо безъ почтоваго штемпеля. Онъ быстро вскрылъ конвертъ, узнавъ почеркъ Марины, и прочелъ слѣдующее: „Чувства мои извѣстны. Теперешнія отношенія невозможны. Я уѣзжаю сегодня утромъ въ Каннъ, а оттуда на Женевское озеро, въ Монтрё-Вернэ. Прощай, мой Эми. Неизмѣнно твоя—Марина“.

„Это слишкомъ жестоко,—подумалъ князь:—такого наказанія я не заслужилъ, но я все-таки виноватъ. Сегодня же все улажу вечеркомъ, а теперь провожу Таню“.

На вокзалѣ Тани еще не было. Онъ прохаживался по пэррону, поджидая ее. Наконецъ, она подъѣхала и встрѣтила его словами:

— А я все-таки думала, что вы вчера зайдете.

Затѣмъ, направляясь съ нимъ къ платформѣ, она сказала:

— На прощанье получила дурныя извѣстія изъ Россіи. Паша серьезно заболѣла. Ахъ, да, вы не знаете!—спохватилась она: — это дочка моего сосѣда-крестьянина, такая славная дѣвчурка. Братъ ее очень любилъ. Неужели она умретъ?

— Да, что вы, Татьяна Григорьевна, — успокаивалъ ее князь:—Богъ милостивъ.

— Ахъ, князь, я такъ напугана. Мнѣ кажется, что все, что мнѣ мило и дорого, обречено на гибель. И вы, князь, тоже все въ какой-то тревогѣ.

Сторожъ подалъ князю букетъ, который онъ оставилъ ему на храненіе до пріѣзда Тани. Вручая его, князь сказалъ:

— Эти цвѣты не успѣютъ завянуть, какъ тревога моя кончится.

— Правда?—спросила Таня и очень внимательно посмотрѣла на князя.

— И не успѣютъ завянуть эти цвѣты, какъ вы, Татьяна Григорьевна, обо мнѣ забудете, — прибавилъ князь, какъ бы не разслышавъ вопроса Тани.

— Уляжется ли ваша тревога,—сказала Таня чрезвычайно серьезно,—я не знаю, потому что родины вы еще не нашли; но что я васъ никогда не забуду,—это я знаю, потому что память о васъ связана со смертью Гриши, и потому что вы были очень добры ко мнѣ въ одну изъ самыхъ трудныхъ минутъ моей жизни, а сдѣланнаго мнѣ добра я никогда не забываю. Со смертью брата я стала совсѣмъ одинока, а вы, пока я была въ Ниццѣ, смягчали мое чувство одиночества.

Раздался звонокъ, надо было садиться въ вагонъ. Металлическій гробъ съ тѣломъ Гриши былъ поставленъ въ вагонъ уже съ вечера; и Таня съ княземъ видѣли, какъ его прицѣпили къ поѣзду.

— Таня вошла въ свой вагонъ и заняла мѣсто у окна.

— Прощайте, князь,—сказала она ему.—Спасибо вамъ за все. Сейчасъ поѣздъ тронется, а мнѣ хочется сказать вамъ еще два слова. Это—потребность моей души, и вы, пожалуйста, не сердитесь... Когда мой отецъ вздумалъ жениться, онъ только мелькомъ видѣлъ свою суженую въ Москвѣ. Она, однако, сразу завладѣла его сердцемъ. Но онъ рѣшилъ раньше двухъ мѣсяцевъ не дѣлать предложенія и уѣхалъ къ себѣ въ усадьбу. Милый князь, когда мы находимся въ обществѣ человѣка, мы видимъ его, но далеко не всегда его душу. Въ разлукѣ намъ эта душа лучше раскрывается. Отецъ мой былъ счастливъ въ бракѣ. Я такъ хотѣла бы, чтобъ и вы были счастливы...

Въ ея глазахъ видна была мольба. Князь сравнивалъ эти глаза, такъ трогательно устремленные на него, съ глазами Марины, и онъ удивился своему открытію: Танины глаза были красивѣе глазъ Марины — въ нихъ свѣтилась несказанная доброта.

Онъ нагнулся къ рукѣ Тани и почтительно поднесъ ее къ губамъ. Затѣмъ лицо его вдругъ оживилось и приняло свойственное ему выраженіе.

— Постараюсь поступить такъ, какъ поступилъ вашъ отецъ, — сказалъ онъ рѣшительно.

Таня не спускала съ него глазъ. Она была, видимо, имъ довольна.

Суматоха вокругъ увеличивалась. Каждую секунду надо было ожидать, что поѣздъ тронется.

— Мнѣ васъ очень будетъ недоставать, Татьяна Григорьевна, — сказалъ князь, когда поѣздъ тронулся.

— И я васъ полюбила, — отвѣтила Таня и закивала ему головой. — Прощайте, князь!

— Прощайте, Татьяна Григорьевна.

Князь долго еще стоялъ на платформѣ, пока поѣздъ съ Таней совсѣмъ не скрылся.

Князь преобразился. Таня подсказала ему то, что̀ ему самому должно было придти на умъ. Если онъ находился въ нерѣшительности, то потому, что въ сущности онъ души Марины не знаетъ. Сказать ей прямо, что онъ требуетъ времени, конечно, нельзя. Но она сама предложила временную разлуку, и онъ долженъ пойти на нее. Если Марина его въ самомъ дѣлѣ полюбила, то кратковременная разлука не унесетъ этой любви. Они могутъ по временамъ встрѣчаться, и постепенно вопросъ выяснится самъ собою. Онъ рѣшилъ написать Маринѣ, что онъ по дѣламъ долженъ уѣхать на Лаго-Маджіоре, но что непремѣнно пріѣдетъ въ Монтрё-Верне.

На Avenue de la Gare онъ встрѣтилъ Комова, выходившаго изъ какого-то магазина. У него былъ видъ сравнительно довольный или, по крайней мѣрѣ, не такой безразличный, какъ обыкновенно.

— Здравствуйте, князь! — привѣтствовалъ онъ его съ оттѣнкомъ дружелюбія.

Они пошли рядомъ.

— Слышали новость? — спросилъ онъ князя.

— Какую? политическую?

— Нѣтъ, не политическую, — улыбнулся Комовъ: — Наша „королева“ уѣхала.

— А...—протянулъ князь.

— Да, уѣхала,—продолжалъ Комовъ.—Сегодня утромъ. Направилась въ Каннъ, а оттуда собирается на Женевское озеро.

— Понемногу всѣ разъѣдутся,—замѣтилъ князь.—Вотъ и я собираюсь.

— Куда?—съ видимымъ интересомъ освѣдомился Комовъ.

— Къ себѣ, на Лаго-Маджіоре.

— А...—протянулъ въ свою очередь Комовъ.—Сегодня мы съ Егорушкой вышли на террасу кофе пить, а человѣкъ намъ докладываетъ, что г-жа Риго желаетъ съ нами проститься. Ну, и удивились же мы! Пошли провожать. Сѣла Марина въ вагонъ и укатила, оставивъ багажъ съ мамашей до вечера въ Больё... Все это очень непонятно. Не знаете ли вы, князь, что-нибудь?—спросилъ Комовъ, взглянувъ на князя внимательно.

— Знаю только то, что вы мнѣ сообщили, то-есть, что Марина уѣхала въ Каннъ, а оттуда собирается на Женевское озеро.

— Странно,—удивился Комовъ:—да вообще она—странная женщина.

Они дошли до Jardin Public.

— У васъ есть минута свободнаго времени?—спросилъ князь, какъ бы принявъ внезапное рѣшеніе.

— Сколько угодно,—отвѣтилъ Комовъ:—я здѣсь, на Ривьерѣ, только баклуши бью.

— Такъ присядемте. Вотъ скамеечка въ сторонѣ.

— Съ удовольствіемъ,—согласился Комовъ.

Они присѣли.

— Вы оказали мнѣ большое довѣріе, Иванъ Петровичъ,—началъ князь:—я это очень цѣню. Не знаю, позволите ли вы мнѣ имъ еще разъ воспользоваться, но мнѣ хотѣлось бы предложить вамъ нѣсколько вопросовъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣтилъ Комовъ.

Князь какъ бы еще колебался, но, взглянувъ на Комова, вдругъ окончательно рѣшился. Ему бросились въ глаза его пухлыя, сочныя, влажныя губы, которыхъ онъ раньше почему-то не замѣтилъ.

— Вы мнѣ говорили,—продолжалъ онъ,—о прежней жизни Марины, о томъ, что она находилась въ очень стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и, тѣмъ не менѣе, вела открытый домъ. Какъ вы думаете, откуда она брала средства для этого?

— Это—вопросъ сложный,—отвѣтилъ Комовъ:—сложный и нѣсколько, на мой взглядъ, темный.

— Вы ей не давали денегъ?

— Ей—никогда; ея матери—да.

— Почему же вы имъ давали деньги?

— Да я вамъ уже докладывалъ, что мнѣ было жаль ихъ, и что я полюбилъ Марину.

— Не полагаете ли, что и другіе находились въ вашемъ положеніи?

— Не только полагаю,—я почти въ этомъ увѣренъ.

— Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ сложный и темный вопросъ въ сущности разрѣшается очень просто.

— Конечно, если только предположить, что находилось немало лицъ, готовыхъ раскошелиться для прекрасныхъ глазъ Марины,—а это мало вѣроятно, потому что у большинства людей есть привычка платить только за реальныя услуги.

— А вы полагаете, что такихъ реальныхъ услугъ не было оказано?—спросилъ князь не безъ смущенія.

— Князь,—замѣтилъ Комовъ рѣшительно:—жизнь научила меня многому не вѣрить. Но я не могу, нѣтъ, не могу не вѣрить въ цѣломудріе Марины.

— Да, да, Иванъ Петровичъ, и я не сомнѣваюсь,—продолжалъ князь:—но вы мнѣ говорили о вольности, съ какою держала себя Марина по отношенію къ мужчинамъ. До какого предѣла шла эта... вольность?

Задавая этотъ вопросъ, князь снова взглянулъ на сочныя, красныя губы Комова, и онѣ стали ему до невѣроятности противны.

— До какого предѣла? — переспросилъ Комовъ. — Ну, извѣстное дѣло: она постоянно кокетничала и любезничала съ мужчинами, умѣла оказывать особенное вниманіе тому или другому, влюбляла ихъ въ себя и прочее...

— Какими же средствами?

— Вы спрашиваете? Конечно, красотой, умомъ. Развѣ этого мало?

— Да, да,—отвѣтилъ князь, повидимому, думавшій уже о другомъ. Онъ вдругъ спохватился, что совершенно забылъ о Комовѣ.—Благодарю васъ,—сказалъ онъ,—теперь я знаю все, что мнѣ нужно.

Но Комовъ продолжалъ:

— Изъ всѣхъ мужчинъ, встрѣченныхъ Мариной, вы, князь, одинъ могли ей быть опаснымъ. Она къ вамъ относилась совершенно иначе, чѣмъ къ другимъ мужчинамъ.

— Вы полагаете?—спросилъ князь разсѣянно.

— Да, я въ этомъ увѣренъ. Для васъ она могла забыть о многомъ, и поэтому я началъ сильно опасаться за нее. Но вы мнѣ сказали...

— Повторяю, Иванъ Петровичъ: она моею любовницею никогда не будетъ...

— А женою?..

— Вы были очень искренни со мною, Иванъ Петровичъ, и я считаю своимъ долгомъ отплатить вамъ тѣмъ же. Я думаю, что Марина и женою моею не будетъ.

Комовъ окончательно повеселѣлъ.

— Благодарю васъ, князь,—сказалъ онъ,—за довѣріе, какое вы мнѣ оказали. Радъ, очень радъ знакомству съ вами. Авось встрѣтимся въ Россіи.

— Все на свѣтѣ бываетъ, — отвѣтилъ князь уже совсѣмъ разсѣянно.—До свиданія.

— Прощайте, князь.

Они разстались, забывъ даже спросить другъ друга, не по пути ли имъ. Князь сразу прошелъ отъ скамейки въ боковую улицу.

Онъ шелъ въ задумчивости, не соображая, куда онъ идетъ. „Такъ вотъ оно что, такъ вотъ оно что!“—повторялъ онъ мысленно. Теперь все до очевидности ясно. Первая записка Марины, приглашавшая его на свиданіе въ ресторанѣ, исповѣдь съ поцѣлуями, прогулка на Обсерваторію съ поцѣлуями, столь чувствительная сцена на Монборонѣ, внезапное ея исчезновеніе... „Ловкая комедіантка,—нечего сказать! Все это она продѣлывала уже сто разъ, съ тѣми же поцѣлуями въ ресторанахъ или подъ открытымъ небомъ, въ таинственныхъ рощахъ при лунномъ свѣтѣ: „Мой избавитель, моя вѣра, моя любовь, ну, откликнись на зовъ моего усталаго сердца, милый“... Фу, какъ противно! Сколько дураковъ уже прослушали все это и получали тѣ же страстные поцѣлуи! Да были ли они въ самомъ дѣлѣ дураками? Вѣроятно, они знали, въ чемъ дѣло, а я вѣрилъ. Дуракомъ-то я оказываюсь одинъ. Надо было просто платить, а я разводилъ идиллію. Смѣшно и глупо, глупо и смѣшно!“

Затѣмъ князь старался вникнуть въ душевное состояніе этой женщины. „Любая падшая женщина, продающая свою любовь, во сто кратъ нравственнѣе ея. Та открыто торгуетъ собою и даетъ то, за что ей платятъ. А эта ничего не даетъ, кромѣ платоническихъ поцѣлуевъ, а требуетъ и получаетъ много. Она—перворазрядная обманщица. И терпитъ же земля подобныхъ женщинъ“!

И вдругъ образъ Марины предсталъ передъ нимъ во всей обольстительной красотѣ. „Да что же это такое?—внутренно воскликнулъ онъ.—Значитъ, сирены не миѳъ, значитъ, онѣ на самомъ дѣлѣ существуютъ?“ И ему послышался какъ бы издалека зовъ Марины: „Прощай, Эми!“ Сколько нѣжности было въ этомъ зовѣ, сколько затаенной глубокой тоски. „Нѣтъ, Богъ мнѣ свидѣтель, въ этомъ зовѣ звучала правда!“

Князь удивился: онъ былъ опять въ Jardin Public, только подошелъ къ нему съ другой стороны. Онъ опустился въ изнеможеніи на скамейку.

Когда онъ всталъ, тоска была у него въ сердцѣ, но онъ былъ спокоенъ принятымъ рѣшеніемъ: онъ не только не поѣдетъ къ Маринѣ, но и не напишетъ ей ни одной строки. Слишкомъ она умная женщина, чтобы не понять его молчанія: она пойметъ, что онъ все понялъ.

XXIII.

Марина съ душевнымъ трепетомъ прождала князя два дня. Но онъ не пріѣзжалъ, не было отъ него и письма. На третій день Марина рѣшила, что все кончено. „Кончено? Не можетъ быть!“—сказала она себѣ.—До сихъ поръ она побѣждала всѣхъ мужчинъ, даже не любя. На этотъ разъ она сама полюбила,—могли ли ея чары оказаться менѣе дѣйствительными? Она этого не допускала. Князь просто обидѣлся. Она невѣрно разсчитала ударъ. Она думала, что внезапное ея исчезновеніе должно было побудить князя, человѣка нерѣшительнаго, какъ она предполагала, объясниться съ нею. Вышло такъ, что онъ обидѣлся. Въ его любви Марина нисколько не сомнѣвалась.

На третій день утромъ она поѣхала въ Ниццу, прямо къ князю. Она рѣшила сказать ему, что безъ него жить не можетъ, что она согласна на все, только бы не утратить его любви. Ложь ея жизни должна исчезнуть безслѣдно: она устала, она больше не можетъ...

Въ отелѣ ее поразили извѣстіемъ, что князь уже третьяго дня уѣхалъ. Билетъ взятъ въ Лавено. На Лаго-Маджіоре? Да. Марина тотчасъ же вернулась въ Каннъ, уложила на-скоро самое необходимое. Ни мать, ни Комовъ, также переѣхавшій уже въ Каннъ, не могли добиться отъ нея толка. Она говорила только, что уѣзжаетъ, и что черезъ три дня будетъ обратно или пришлетъ письмо. Мать сердилась. „Князь тебѣ вскружилъ голову,—говорила она:—до сихъ поръ была умница, а теперь ду-

ришь". Но Марина ея не слушала... Ее нельзя было узнать. Вся ея уравновѣшенность исчезла.

Путешествіе въ Лавено тянулось безъ конца. Мысль Марины лихорадочно работала, а нетерпѣніе увидѣть поскорѣе князя расло съ каждою минутою. Наконецъ, она доѣхала. Надо было разузнать, гдѣ находится вилла князя. Послѣ долгихъ поисковъ она получила точныя свѣдѣнія. Но надо было ждать парохода. Наконецъ, она добралась до виллы князя. Она позвонила. Привратникъ ей почтительно доложилъ, что сегодня утромъ князь уѣхалъ.

— Куда?—спросила она, вся похолодѣвъ.

— Адреса не оставилъ; вѣроятно, будетъ телеграфировать; впрочемъ, можетъ быть, вернется: онъ такъ много путешествуетъ.

Марина задумалась. Видъ у нея былъ такой печальный, что привратнику ее стало жаль.

— Можетъ быть, вы напишете, а я, какъ только получу адресъ, тотчасъ перешлю письмо.

— Хорошо,—отвѣтила Марина, сама не зная, что говоритъ:—напишу.

Они вошли въ вестибюль, сплошь выложенный rosso antico и тонувшій въ тропическихъ растеніяхъ. Бурокрасный цвѣтъ мрамора и темная зелень растеній, освѣщенные сверху, придавали входу въ эту роскошную виллу таинственность. Марина шла впереди и быстро поднялась по лѣстницѣ. Теперь она подчинялась охватившему ее чувству любопытства: ей хотѣлось видѣть домъ любимаго человѣка, побывать въ комнатахъ, гдѣ онъ цѣлыми мѣсяцами проводилъ время.

— Мнѣ можно осмотрѣть виллу?—спросила она привратника.

— Князь никакихъ инструкцій не оставилъ; поэтому я полагаю, что можно.

— Гдѣ столовая, гдѣ спальная, гдѣ кабинетъ? — торопила Марина.

Они прошли по комнатамъ, отдѣланнымъ съ большимъ вкусомъ... Марина внутренно все повторяла: „И я могла быть здѣсь хозяйкой"!..

Они вышли на террасу. Отсюда открывался дивный видъ на Борромейскіе острова, на широкую водную поверхность, на противоположные берега съ возвышавшимися надъ ними мягкими горными очертаніями. Марина стояла точно очарованная, но не столько этимъ дивнымъ видомъ, сколько внутреннимъ голосомъ, нашептывавшимъ ей: „Все это можетъ быть твоимъ"... „Можетъ?"—вдругъ спросила она себя и, круто повернувъ, вошла

опять въ комнаты. На воздухѣ яркій солнечный свѣтъ ее слѣпилъ. Теперь ее вдругъ охватилъ мракъ,—мракъ полной безнадежности. Грозная тѣнь покрыла все. Она съ необыкновенной ясностью поняла значеніе этой тѣни. Это — смущавшая ее иногда уже раньше ложь ея жизни, ея прошлое, которое ни смыть, ни вытравить, ни уничтожить нельзя. Князь увидѣлъ это прошлое и отшатнулся. Она привыкла обманывать, хотѣла обмануть и его, чтобы завоевать свое счастье. Карточный домикъ рухнулъ...

Она была въ кабинетѣ. Всѣ письменныя принадлежности лежали на столѣ въ величайшемъ порядкѣ. Она сѣла за столъ и начала быстро писать.

„Дорогой князь! Въ вашей виллѣ я поняла все. Я поняла, что то, что было, разрушаетъ то, что могло бы быть. Ахъ, какъ оно прекрасно, то недосягаемое, къ чему рвется моя душа теперь, когда я полюбила впервые! Но къ нему нѣтъ пути: мое прошлое отравляло бы счастье любви и превратило бы его для васъ въ пытку. Еслибы я раньше полюбила такъ, какъ полюбила теперь, не было бы прошлаго, и счастье мое было бы возможно. Его не было бы и въ томъ случаѣ, еслибы я была счастлива въ дни моей ранней молодости, еслибы не испытала униженій отъ бѣдности и бездушія той среды, въ которой выросла. Несчастіе родитъ несчастіе. Пишу вамъ, князь, чтобы поблагодарить васъ за лучъ яркаго свѣта въ моей постылой жизни. Этотъ лучъ сохранится навсегда въ моемъ больномъ сердцѣ. Прощайте, и если когда-нибудь вспомните о Маринѣ, то пусть въ вашей памяти воскреснетъ оливковая роща, гдѣ мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ: тамъ я хотѣла проститься съ прошлымъ, тамъ я хотѣла начать новую жизнь, тамъ я потеряла все. Дорогой князь, будьте вы, по крайней мѣрѣ, счастливы“.

Она задѣлала письмо, передала его привратнику и тихо вышла изъ комнаты. Какъ бы прощаясь со всѣмъ дорогимъ въ жизни, она миновала другія комнаты, медленно спустилась съ лѣстницы и ушла изъ виллы, не оглядываясь. Только на поворотѣ она еще разъ взглянула на нее долгимъ, безнадежнымъ, прощальнымъ взглядомъ.

XXIV.

Прошло почти два мѣсяца.

Князь весь день возился въ Петербургѣ съ дѣлами и возвращался по Невскому къ себѣ въ гостинницу. Онъ почти не

измѣнился, былъ такъ же элегантенъ, корректенъ и только казался гораздо спокойнѣе; иногда только въ глазахъ его мелькнетъ тѣнь прежней тревоги или озабоченности,—мелькнетъ и исчезнетъ.

— А, князь, вотъ и вы!—окликнулъ его знакомый голосъ.

Это былъ Мароковъ, въ генеральскомъ мундирѣ, свѣжій, моложавый, какъ всегда, довольный.

— Здравствуйте, Егоръ Герасимовичъ,—привѣтствовалъ его дружелюбно князь.

— Точно и не разставались,—продолжалъ Мароковъ, взявъ князя подъ-руку.—Ну, что подѣлываете? Какъ попали въ Россію? Вѣдь вы, кажется, совсѣмъ разстались съ нею? Анъ, нѣтъ, пріѣхали!

— Да, пріѣхалъ въ Россію, но въ Петербургѣ я не надолго: завтра уѣзжаю.

— Куда?

— Да такъ, хочу прокатиться по Россіи.

— Прокатиться по Россіи?—изумился Мароковъ.—Ну, и фантазія! Нашли время! Нѣтъ, знаете что, князь, вернитесь лучше заграницу.

— Подумаю,—отвѣчалъ разсѣянно князь.—А вы что подѣлываете?

— Служимъ-съ. И время горячее, впрочемъ для другихъ, а не для меня. Все это, вспомните мое слово, разрѣшится войною. Тогда и для меня настанетъ хорошее время. Разгромимъ врага, турка, что ли, и все войдетъ въ норму. А пока я больше насчетъ дамъ. Что прикажете, слабость!

— Кто же теперь?—спросилъ, улыбаясь, князь.—Какой націи? Не испанка ли? Помните ту, въ Больё?

— Нѣтъ, не испанка. Представьте себѣ, нѣмка. Цвѣтъ волосъ—какъ у нашей „королевы“, но глаза не темные, а голубые, какъ лазурь небесная. Это, знаете, князь, лучше: требованія не такъ значительны у этихъ блондинистыхъ нѣмокъ. А наша королева! Вотъ перемѣнилась: вы бы ее не узнали. Встрѣтилъ въ Павловскѣ, и знаете—съ кѣмъ? Съ Комовымъ. Отъ королевы ничего не осталось. Правда, красива она попрежнему, даже, пожалуй, еще лучше, но въ другомъ родѣ. Была королева, а теперь больше на скромную пастушку смахиваетъ, и на пастушку огорченную. При ней пастушокъ, нашъ милый Ванечка: точно утенокъ за ней все ходитъ, разваливаясь. А она все на него поглядываетъ, робко такъ и боязливо, точно онъ въ самомъ дѣлѣ золото. Нашъ Ванечка-то—золото! А между тѣмъ, c'est sérieux. Имѣніе, жену забросилъ, о разводѣ хлопочетъ. Какъ только пастушка скажетъ: „да“,—онъ за ней и въ огонь, и въ воду.

— А пока не сказала?—спросилъ князь съ нѣкоторымъ интересомъ.

— Должно быть, ужъ сказала, потому что видъ у Ванечки по временамъ ужъ очень довольный. Только исторія съ женой мнѣ не нравится. Чѣмъ она-то виновата? Бѣдная женщина!

— Вы ее знаете?

— Какъ не знать! Вѣдь сосѣди по имѣнію. Она хорошенькая, изъ добродѣтельныхъ, хозяйка, мать и прочее. Еслибъ я вздумалъ когда-нибудь жениться—вы знаете, князь, этого никогда не будетъ—я бы выбралъ такую. Полная противоположность гетэры, а я, entre nous soit dit, только ихъ и люблю. Ну, а вы, князь, все философствуете?

— Понемногу.

— Вамъ все еще не надоѣло: приближаться къ хорошенькимъ и потомъ такъ вдругъ незамѣтно улетучиваться?

— Нѣтъ, еще не надоѣло.

— Ой, вижу по глазамъ, что надоѣло!—пошутилъ Мароковъ.—Не отобѣдаемъ ли вмѣстѣ?

— Съ удовольствіемъ,—любезно отвѣтилъ князь.

Они пообѣдали вмѣстѣ, но разговоръ не клеился. Выручили общіе знакомые.

Возвращаясь домой, князь думалъ о Маринѣ, и былъ радъ, что судьба ея устраивается. Только упоминаніе о женѣ Комова оставило въ немъ тяжелое чувство. Онъ вспомнилъ, что Комовъ въ послѣдней бесѣдѣ съ нимъ говорилъ о „нашихъ нравахъ“, о томъ, что не слѣдуетъ быть пуристомъ. „Однако, нравы!“—подумалъ князь.—„Впрочемъ, Мароковъ называетъ меня философомъ. Должно быть, моими философскими наклонностями объясняется и то, что вся эта исторія вызываетъ во мнѣ чувство какой-то брезгливости. Бросить хорошую, честную жену безъ всякой вины съ ея стороны? Можетъ быть, это и соотвѣтствуетъ „нравамъ“—какой ужъ бракъ, когда мужъ любитъ другую—но почему это у насъ случается такъ часто? Бѣгалъ же Комовъ за Мариной: и въ Петербургѣ, и въ Болье, и въ Каннѣ, и Богъ вѣсть еще гдѣ, а теперь—въ Павловскѣ. Не бѣгалъ бы, и страсть бы не разгорѣлась. Простой честности и способности держать себя въ рукахъ—вотъ чего намъ не хватаетъ“.

Потомъ онъ вспомнилъ о теперешней скромной „пастушкѣ“ Маринѣ. Онъ не сомнѣвался, что она будетъ умной женой, но въ то же время благословлялъ судьбу, что самъ во-время отошелъ. Онъ съ нею счастливымъ быть не могъ: ему теперешніе „нравы“ не приходились по вкусу.

Тутъ князь сладко улыбнулся новой мысли, пришедшей ему въ голову, но вслѣдъ затѣмъ у него въ глазахъ мелькнула озабоченность.

Не прошло двухъ дней, какъ князь въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ средней Россіи нанялъ подъ-вечеръ экипажъ и налегкѣ тронулся въ путь. Онъ сперва хотѣлъ выѣхать на другое утро, но нетерпѣніе его одолѣло. Надо было проѣхать всего десять верстъ, но путь показался князю очень длиннымъ. Онъ разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ и поощрялъ извозчика ѣхать скорѣе, хотя лошади бѣжали доброй рысью. Вдругъ, какъ-то совсѣмъ неожиданно для князя, извозчикъ остановился у воротъ, слѣзъ съ козелъ, самъ открылъ ворота, провелъ экипажъ съ княземъ, опять затворилъ ворота и поѣхалъ дальше, но почти тотчасъ же снова остановился. Они были на мѣстѣ, передъ крылечкомъ не новымъ, но чрезвычайно опрятнымъ.

Вышла такая же опрятная дѣвушка, не то горничная, не то крестьянка.

— Барышня дома?—спросилъ князь.

— По хозяйству распоряжаются. Сейчасъ придутъ,—отвѣтила дѣвушка.

Князь вышелъ изъ экипажа, оставилъ въ прихожей верхнее платье и послѣдовалъ за дѣвушкой, которая провела его въ гостиную.

— Какъ сказать о васъ?

— Скажите, что заѣхалъ навѣстить знакомый.

Дѣвушка удалилась, съ любопытствомъ поглядывая на князя. Онъ остался одинъ. „Такъ вотъ какъ она живетъ!“—подумалъ князь и сталъ внимательно осматривать все вокругъ. Мебель была простая, старая, но во всемъ чувствовался вкусъ и замѣчались необыкновенная чистота и аккуратность. А сердце у князя билось усиленно: ему было такъ жутко, что онъ готовъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ.

Изъ боковой двери, которую онъ не замѣтилъ, вышла Таня. Увидѣвъ князя, она поблѣднѣла, какъ полотно. Онъ кинулся къ ней и бережно усадилъ ее въ кресло.

— Что съ вами, Татьяна Григорьевна? Я васъ напугалъ?—спрашивалъ онъ тревожно.

— Скажите, князь, съ вами случилось несчастіе?

— Почему вы это думаете?—продолжалъ тревожно князь.

— Помните, я васъ просила пріѣхать, если у васъ будетъ горе...

Князь глядѣлъ на Таню почти съ восторгомъ; его глаза сіяли. Онъ зналъ все, что душа его жаждала знать.

— Ничего со мною дурного не случилось, а ожидаетъ меня— я это чувствую—великая радость: я, кажется, нашелъ родину.

— Радость? Родина?—спрашивала въ величайшемъ смущеніи Таня.

Онъ взялъ ея похолодѣвшую руку.

— Татьяна Григорьевна, успокойтесь! Вотъ—я у васъ въ гостяхъ. Вы меня вѣдь звали, вы хотѣли мнѣ показать ваше гнѣздышко, а мы еще и не поздоровались.

Таня все еще глядѣла на него испуганно и ничего не отвѣчала. Такъ прошла минута. Потомъ она заговорила сдержанно:

— Хорошо. Я вамъ покажу усадьбу.

Она встала, потомъ опять сѣла.

— Нѣтъ, князь, я не знаю, зачѣмъ я вамъ буду показывать. Домъ опустѣлъ: я одна, совсѣмъ одна.

— Да развѣ это вамъ мѣшаетъ принять гостя, сердечно вамъ преданнаго?

— Нѣтъ, не могло бы помѣшать, еслибъ...

Она не договорила.

— Хорошо,—повторила она:—я вамъ усадьбу покажу.

Она снова встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ двери, въ которую вошла, но князь еще не успѣлъ послѣдовать за ней, какъ она вернулась и пригласила князя опять сѣсть.

— Князь, зачѣмъ вы пріѣхали?

— Мнѣ трудно такъ сразу отвѣтить,—почти взмолился князь.

— Ахъ, князь, отчего вы меня письмомъ не увѣдомили, что будете? Войти въ домъ такъ, какъ вы вошли, означаетъ либо большую близость, либо желаніе установить близость, а съ моей стороны никакого повода къ этому не было дано.

— Простите меня, Татьяна Григорьевна... Я нарушилъ правила приличія, но...

— Не въ приличіи тутъ дѣло. Но скажите, зачѣмъ вы пріѣхали?

— Я пріѣхалъ просить вашей руки,—отвѣтилъ князь робко и виновато, самъ окончательно смущенный.

— Моей руки?!.. Ахъ, я не могу ничего отвѣтить вамъ на это!..

Смущеніе князя достигло крайняго предѣла. Онъ смотрѣлъ на Таню, и теперь только замѣтилъ, что она сильно похудѣла, что она положительно имѣла видъ больной. И въ то же время онъ вспомнилъ, какъ она въ тѣ роковые часы, когда любимый ея братъ боролся со смертью, и потомъ, когда она его потеряла, забывала о своемъ страшномъ горѣ, внимательно присматривалась къ его, князя, лицу и, замѣчая на немъ слѣды тре-

воги, вызванной его любовными похожденіями, старалась его утѣшить, ободрить, а онъ?!.. Злоба его душила. Весь охваченный радостью сознанной любви къ Танѣ, онъ ни на мигъ не задумался о ней, о томъ, какъ она должна встрѣтить его неожиданное предложеніе. Онъ былъ увѣренъ, что стоитъ ее только осчастливить своею любовью, какъ она сразу бросится ему на шею и скажетъ: „Возьми меня“. Задумался ли онъ хоть на мигъ надъ ея дѣвическою жизнью, надъ тѣмъ, что происходитъ у нея въ душѣ, подошелъ ли онъ къ ней съ тѣмъ чувствомъ деликатности, къ которому его обязывала не только его любовь, но и простое уваженіе къ чужой личности? Нѣтъ, онъ былъ грубъ, эгоистиченъ, онъ велъ себя, какъ побѣдитель дурного тона. Онъ себя до глубины души ненавидѣлъ въ эту минуту, которая могла быть счастливѣйшею минутою въ его жизни, а превратилась въ пытку для него и для любимаго имъ существа.

Всѣ эти мысли молніею пронеслись въ его головѣ.

— Простите меня, Татьяна Григорьевна!—произнесъ онъ съ мольбою въ голосѣ. Губы у него дрожали. Онъ имѣлъ видъ жалкій и растерянный.

Таня, взглянувъ на него, вдругъ засуетилась.

— Князь, милый князь, я васъ обидѣла?—заговорила она быстро:—Я этого не хотѣла. Я виновата, я думала только о себѣ и забыла о васъ. Простите меня!

Негодованіе князя на себя смѣнилось чувствомъ благоговѣнія передъ этой дѣвушкой. Онъ только заговорилъ о бракѣ, а она уже давала ему высокій примѣръ истинно-супружескихъ чувствъ.

— А теперь позвольте мнѣ уѣхать. Я такъ виноватъ передъ вами...

— Князь, вы обидѣлись?

— Нѣтъ, Татьяна Григорьевна, я не обидѣлся. Я только, какъ всегда при встрѣчѣ съ вами, сталъ лучше. И теперь, когда я знаю, что я вамъ не совсѣмъ чужой, не совсѣмъ безразличный человѣкъ, я долженъ уѣхать и буду терпѣливо ждать, чтобы вы меня позвали и сообщили мнѣ о своемъ рѣшеніи, свободно обдуманномъ и принятомъ. Я ничѣмъ не хочу его предрѣшать, не хочу вліять на вашу доброту, возбуждать въ васъ жалость къ человѣку, который могъ бы быть безконечно счастливъ, но который приметъ и вашъ отказъ, какъ заслуженный приговоръ надъ собою, съ довѣріемъ къ вамъ, а не къ себѣ.

Князь всталъ. Встала и Таня. Въ ея глазахъ была видна усиленная работа мысли. Князь ждалъ, сознавая лишь одно: потерять эту дѣвушку было бы для него истиннымъ несчастіемъ.

Таня, наконецъ, рѣшилась.

— Нѣтъ,—сказала она.—Я васъ еще отпустить не могу. Я должна съ вами объясниться, потому что вы меня можете не понять. Вы были вполнѣ откровенны, и я не могу допустить, чтобы въ такомъ важномъ для насъ обоихъ вопросѣ что-нибудь осталось невыясненнымъ. Вы убѣдились, что вы для меня не безразличны. Это—правда, которую я не скрываю и которую я могла бы скрыть только въ томъ случаѣ, еслибы я васъ не считала честнымъ человѣкомъ. Выражусь проще: я васъ люблю. Въ Ниццѣ я могла еще въ этомъ сомнѣваться, но теперь, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, я это твердо знаю. Вы говорите, что и вы меня любите. Я этому тѣмъ охотнѣе вѣрю, что это соотвѣтствуетъ сильному влеченію моего сердца. Но развѣ этого достаточно, чтобы намъ вступить въ бракъ? Ахъ, сколько браковъ въ нашемъ уѣздѣ заключается „по любви“, и сколько на видъ счастливыхъ супруговъ расходятся или становятся совершенно чуждыми другъ другу уже очень скоро! Дѣло не въ одной любви. Князь, я не могу вступить въ бракъ только потому, что люблю. Этого еще слишкомъ мало.

— Татьяна Григорьевна, въ чемъ же вы сомнѣваетесь, почему вы думаете, что нашъ бракъ можетъ не соотвѣтствовать истинному браку?

— Присядьте, князь, и поговоримъ съ открытою душой такъ, какъ еслибы насъ слушали самыя дорогія намъ существа: ваша покойная мать и мой отецъ.

Они снова сѣли. Таня все болѣе завладѣвала сердцемъ князя, и онъ уже съ тоскою думалъ о томъ, что не выдержитъ предстоявшаго ему испытанія, что онъ окажется недостойнымъ этой дѣвушки.

— Въ чемъ я сомнѣваюсь?—отвѣтила она князю.—Еслибы вы знали, какъ мнѣ трудно говорить! Я такъ мало еще освоилась съ тѣмъ, о чемъ мы теперь съ вами бесѣдуемъ. Но постараюсь высказать вамъ то, что я думаю. Вы знаете уже, князь, что моя мать умерла очень рано, и что настоящимъ моимъ воспитателемъ былъ мой отецъ. Онъ мнѣ разъяснилъ и значеніе брака. Я считаю бракъ не только правомъ на счастье, но и обязанностью способствовать счастью мужа, дѣтей, родины. Бракъ, по-моему,—служеніе, которое часто требуетъ подвига. Я только съ такими чувствами могу вступить въ бракъ. Поэтому взаимная любовь, которая лежитъ въ его основѣ, должна быть чиста...

— Татьяна Григорьевна, я васъ увѣряю, что я васъ люблю именно этою любовью,—замѣтилъ князь.—Ей предшествовала

любовь человѣка къ человѣку, превратившаяся въ нѣжность брата къ сестрѣ тамъ, въ Ниццѣ, когда вы утратили брата по крови. Мнѣ такъ хотѣлось тогда хоть на одинъ волосъ замѣнить вамъ брата, отнятаго у васъ смертью. На этой почвѣ выросла любовь къ вамъ, какъ къ женщинѣ.

— Князь,—продолжала Таня:—я васъ полюбила перваго.

— Татьяна Григорьевна, я васъ первую люблю, какъ...

Князь не выдержалъ робкаго взгляда Тани, онъ прибавилъ тихо:

— Какъ человѣка и женщину.

— До меня, князь, вы отдѣляли человѣка и женщину,— продолжала Таня.—Вы могли любить женщину и забывать, что она—человѣкъ.

— Да,—отвѣтилъ князь, и отъ этого простого вопроса Тани ему стало страшно.

— А ту красавицу... въ Ниццѣ,—спросила Таня:—какою любовью вы любили?

— Татьяна Григорьевна, я ее не любилъ; я только думалъ, что ее люблю.

— Почему вы думали, что можете ее любить, и почему вы въ этомъ разувѣрились?

— Ея красота, ея умъ, ея видимая искренность влекли меня къ ней; ея нравственная испорченность оттолкнула меня отъ нея.

— Въ чемъ выразилась ея нравственная испорченность?

— Она съ ранней молодости торговала священнымъ чувствомъ любви, вышла замужъ за старика, изъ-за денегъ, и теперь выходитъ замужъ за женатаго человѣка, который бросаетъ изъ-за нея свою ни въ чемъ неповинную жену.

Таня вздрогнула.

— Это ужасно!—сорвалось съ ея устъ.—Но знаетъ ли она это? И потомъ, вы подошли къ этой красавицѣ, очевидно, не какъ къ человѣку, а какъ къ женщинѣ,—иначе она не могла бы васъ такъ обмануть.

— Да, Татьяна Григорьевна, и она подошла ко мнѣ не какъ къ человѣку, а какъ къ выгодному жениху; когда же она открыла во мнѣ человѣка, то было уже поздно: узнавъ все, я не могъ больше ее любить.

Таня задумалась. Потомъ, какъ бы стряхнувъ съ себя что-то, она сказала:

— Я никогда не покину этой усадьбы.

— Гдѣ вы будете, тамъ буду и я,—отвѣтилъ князь.

— Князь, я бы васъ попросила сегодня не уѣзжать. Мы сейчасъ поужинаемъ. Затѣмъ вы переночуете во флигелькѣ, по-

строенномъ еще отцомъ для покойнаго брата. Это — мой любимый уголокъ. Завтра утромъ я вамъ сообщу мое рѣшеніе. Я бы это тотчасъ сдѣлала, еслибы подчинилась только влеченію моего сердца. Но я еще разъ должна обдумать все ради себя и, главное, ради васъ, потому что ваше несчастіе было бы и моимъ несчастіемъ...

Князь глазами искалъ разрѣшенія приблизиться къ ней. Она смотрѣла на него робко и нѣжно. Татьяна Григорьевна исчезла; предъ нимъ стояла Таня, сама застыдившаяся того глубокаго чувства, которое она въ немъ возбудила.

Ужинъ въ маленькой, скромной столовой прошелъ тихо. Таня разсказывала о своихъ дѣлахъ по усадьбѣ. „Пашу я выходила: она теперь здоровёхонька“, — сообщила она и стала знакомить князя съ наиболѣе ей близкими крестьянскими семьями. Но врядъ-ли князь много слышалъ и понялъ. Онъ любовался Таней, а она бросала иногда на него тотъ же робкій и нѣжный взглядъ.

Въ десять часовъ они разошлись. Онъ ночью часто просыпался. Но чувства тревоги въ немъ не было и слѣда. Ему казалось, что послѣ безконечнаго плаванія онъ добрался до благоухающей пристани. Онъ просыпался со словами: „Таня и родина“, и оба эти представленія сливались для него въ одно обаятельное цѣлое, наполнявшее его душу какимъ-то неизвѣданнымъ еще сладкимъ чувствомъ.

Онъ всталъ очень рано: не было еще семи. Но вскорѣ его позвали въ усадьбу. Онъ быстро прошелъ туда. Въ гостиной его ожидала Таня въ свѣтломъ платьѣ, точно она одѣлась къ пасхальной заутрени. Она стояла по серединѣ комнаты...

— Князь, вы знаете уже мое рѣшеніе, — сказала она. — Я думала всю ночь; я страшилась отвѣтственности, которую принимаю на себя, но внутренній голосъ мнѣ сказалъ, что иначе быть не можетъ. Мы не искали другъ друга, а между тѣмъ такъ прочно другъ друга нашли. Я думаю, что Богъ такъ судилъ.

Онъ привлекъ ее къ себѣ. Она заплакала на его груди. Потомъ подняла голову и взглянула на него сквозь слезы сіяющимъ взглядомъ.

Онъ чувствовалъ, что новая сила наполняла все его существо, что тревогѣ его насталъ конецъ, что онъ нашелъ то святое, за что̀ бороться, страдать и даже умереть не страшно.

Р. Сементковскій.

ДОМАШНЯЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ

ЖИЗНЬ

ВЪ АНГЛІИ

Наблюденія и замѣтки.

Первое, что̀ бросается въ глаза иностранцу, соприкасающемуся съ англичанами на ихъ родинѣ, это—ихъ, въ большинствѣ, здоровый, цвѣтущій видъ. Свѣжій цвѣтъ лица, эластичная походка и рѣшительность въ движеніяхъ обличаютъ въ нихъ здоровую кровь и вполнѣ здоровый образъ жизни. Дѣйствительно, они нѐ пренебрегаютъ главными условіями здоровья: крайнею чистоплотностью, пользованіемъ свѣжимъ воздухомъ, тѣлесными упражненіями и раціональнымъ питаніемъ. Англичанинъ каждое утро беретъ холодную или теплую ванну. Сто̀итъ только пріучиться къ этому режиму ежедневнаго очищенія всего тѣла, чтобы убѣдиться въ его благотворномъ вліяніи на самочувствіе и здоровье.

Въ Англіи встаютъ рано; спальни большею частью не отапливаются; поэтому тамъ одѣваются скоро, причемъ первая операція утренняго туалета, купаніе, совершается въ ванной, помѣщаемой обыкновенно рядомъ съ спальней. Какъ извѣстно, англичане живутъ каждый въ отдѣльномъ небольшомъ домѣ, при чемъ спальни помѣщаются въ верхнихъ этажахъ, а жилыя комнаты—гостиная, столовая, рабочій кабинетъ—въ нижнихъ. Окончившій туалетъ спускается въ нижній этажъ, гдѣ его ожидаетъ пріятная теплота у камина. Климатъ британскихъ острововъ настолько умѣ-

ренъ, что нѣтъ необходимости въ печкахъ, и достаточно отоплять комнаты каминами, горящими весь день и очищающими воздухъ производимою огнемъ постоянною тягою. Оттого воздухъ въ англійскихъ домахъ чище и богаче кислородомъ, чѣмъ въ жилыхъ домахъ на сѣверѣ континентальной Европы, нагрѣваемыхъ печками и тщательно предохраняемыхъ отъ всякаго движенія воздуха. Въ континентальныхъ странахъ недостаточно сознаютъ, что питаніе легкихъ необходимыми для обмѣна веществъ газами не менѣе важно для жизни, чѣмъ принятіе подходящей пищи. Англичанинъ спитъ ночью съ полуоткрытымъ окномъ и всячески старается запастись свѣжимъ воздухомъ. Человѣкъ для того созданъ, чтобы жить въ тѣсной связи съ природою, и чѣмъ болѣе онъ отчуждается отъ естественныхъ условій жизни, въ помѣщеніяхъ, въ которыхъ свѣжій воздухъ не имѣетъ достаточнаго доступа, тѣмъ болѣе онъ подвергается опасности вырожденія. Высшіе слои культурнаго общества, удалившіеся отъ природныхъ условій существованія людей утонченными, искусственными обычаями, постоянно вырождаются и вымираютъ, будучи постепенно замѣняемы восходящими лицами изъ низшихъ слоевъ народа, стоящихъ, по своему образу жизни, въ болѣе тѣсной связи съ природою. Въ континентальныхъ странахъ страшно боятся сквозняковъ и всякихъ теченій воздуха, считающихся почти смертоносными; забываютъ, что свѣжій, обильный кислородомъ воздухъ представляетъ для человѣческаго организма насущную пищу. Англичане боязни сквозныхъ вѣтровъ не знаютъ. Въ ихъ комнатахъ дуетъ отъ оконъ къ камину, отъ оконъ—къ дверямъ, отъ пола—къ окнамъ, отъ пола—къ камину и т. д. Эти вѣтерки со столькихъ сторонъ иногда дуютъ такъ энергично, что просто не знаешь, сидишь ли гдѣ-то въ саду, на свѣжемъ воздухѣ, или въ комнатѣ. Конечно, для подобнаго устройства надо имѣть закаленное тѣло и носить теплыя фуфайки подъ бѣльемъ. Свѣжій воздухъ играетъ громадную роль въ жизни англичанъ, и такимъ образомъ они въ состояніи пользоваться комфортомъ, къ которому привыкъ культурный человѣкъ, не подвергаясь, при этомъ, опасности тѣлеснаго вырожденія.

Правда, понятія отдѣльныхъ народовъ о томъ, что̀ именно составляетъ комфортъ, весьма различны. Очевидно, подъ комфортомъ подразумѣваютъ—жить по собственному вкусу и собственнымъ обычаямъ. Англійскіе же вкусы и обычаи весьма различаются отъ вкусовъ и обычаевъ другихъ странъ, такъ что иногда довольно трудно для иностранца признать комфортомъ то, что̀ англичане считаютъ таковымъ. Такъ, напримѣръ, русскій чело-

вѣкъ признаетъ первымъ дѣломъ комфорта имѣть зимою ровную теплую температуру въ занимаемой имъ квартирѣ. Англичанину подобный комфортъ неизвѣстенъ. Между температурою отдѣльныхъ комнатъ его дома всегда большая разница, и даже въ одной и той же комнатѣ бываетъ чрезвычайно тепло передъ каминомъ и холодно вдали отъ него. Англійскія ежедневныя купанья будутъ русскому не столь по вкусу, какъ возможность основательно выпариться въ русской банѣ, совершенно неизвѣстной въ Англіи. Тогда какъ англичанинъ считаетъ почти необходимымъ комфортомъ жизни занимать отдѣльный домъ, при чемъ комнаты одного жилища расположены въ разныхъ этажахъ, русскій совершенно не въ состояніи оцѣнить эту англійскую прелесть, а предпочитаетъ занять отдѣльный этажъ дома, въ которомъ можно жить безъ постоянной бѣготни по лѣстницамъ. Поэтому, не всегда возможно сойтись съ англичанами въ томъ, что они считаютъ комфортомъ. Но, допуская разность въ понятіяхъ о комфортѣ, надо отмѣтить ту интересную въ культурномъ отношеніи отличительную черту англичанъ, что они больше другихъ народовъ стараются завести въ своихъ домахъ порядокъ, соотвѣтствующій ихъ понятіямъ о комфортѣ. Они способны отказать себѣ во многомъ, но по отношенію къ наиболѣе утонченному и удобному устройству своихъ „home“ они не скупятся. Они любятъ „home“ и гордятся имъ. По англійскимъ правовымъ понятіямъ, домъ пользуется личною неприкосновенностью его хозяина, на основаніи закона Habeas corpus: „An Englishman's house is his castle“.

Внѣшность англійскихъ домовъ не особенно привлекательна. Цѣлыя длинныя улицы представляютъ видъ голыхъ кирпичныхъ стѣнъ безъ стиля, окраски и штукатуры. Но зато внутренняя обстановка домовъ чрезвычайно уютна. Полы и лѣстницы покрыты толстыми коврами. Окна и двери украшены красивыми гардинными занавѣсами и портьерами. На стѣнахъ висятъ хорошія гравюры, мягкая мебель удобна. Во всѣхъ комнатахъ, и въ томъ числѣ въ кухнѣ, царитъ безупречная чистота. Вообще говоря, жилыя помѣщенія всѣхъ классовъ общества въ Англіи несравненно уютнѣе жилищъ соотвѣтствующихъ классовъ въ континентальныхъ странахъ. Не замѣчается въ Англіи случаевъ, въ которыхъ люди со средствами жили бы въ квартирахъ неуютныхъ, неудобныхъ или нечистыхъ. Любовь къ домашнему очагу свидѣтельствуетъ о культурности англичанъ.

То же слѣдуетъ сказать и о порядкахъ, соблюдаемыхъ англичанами за столомъ. Не только въ богатыхъ домахъ но и у ма-

ленькаго лавочника обѣденный столъ накрывается съ утонченнымъ вкусомъ. Приборы бываютъ изъ хорошаго англійскаго серебра или изъ „silver plated“ красивой отдѣлки. Сервизы болѣе или менѣе украшены разными цвѣтами и узорами, или просты и одноцвѣтны, и всегда находятся въ цѣломъ и чистомъ видѣ; скатерти и салфетки сверкаютъ бѣлизною. Сервировка изысканна и довольно сложна. Вообще говоря, въ Англіи въ среднемъ сословіи ѣдятъ при болѣе чистой обстановкѣ, чѣмъ въ соотвѣтствующей средѣ въ континентальныхъ странахъ.

Главная заслуга—что „home“ имѣетъ столь привлекательный видъ, принадлежитъ англійской хозяйкѣ. Своею безпрестанною заботою и неутомимымъ трудомъ она создаетъ въ своемъ домѣ тотъ уютный уголокъ, къ которому сердце англичанина привязывается. Англичанка соединяетъ трудолюбіе съ воспріимчивостью для возвышенныхъ сторонъ жизни, кротость — съ твердымъ характеромъ, женственность—съ практическимъ умомъ. Благодаря смѣшенію римскихъ, англо-саксонскихъ, датскихъ и норманскихъ завоевателей Англіи съ туземными кельтами, женщины въ Великобританіи представляютъ весьма разнообразные типы. Ихъ волосы—то самаго чернаго, то бѣлокураго, то золотисто-краснаго цвѣта; ихъ глаза—то черны, какъ ньюкастльскій уголь, то каріе, какъ глаза дикой козули, то голубые, какъ небо и море, то зеленые, какъ озеро въ горахъ. Выраженіе ихъ лицъ—скромное и прямодушное. Въ нихъ не обрисовывается пылъ южной страсти, но угадывается способность къ искренней привязанности и глубокой задушевности. Англичанки сохраняютъ свою красоту до старости лѣтъ, благодаря умѣренному климату британскихъ острововъ и постояннымъ тѣлеснымъ упражненіямъ на свѣжемъ воздухѣ. Тогда какъ итальянская старуха съ лицомъ, изборожденнымъ слѣдами страстей, съ впалыми щеками, тусклыми глазами и съ беззубымъ ртомъ, часто распространяетъ вокругъ себя ужасъ,—свѣжее лицо съ правильными чертами англійской старухи напоминаетъ красивое зрѣлище закатывающагося солнца. Лишь по отношенію тѣлосложенія англичанки оставляютъ желать нѣчто. Ваятель, создавшій капитолійскую Венеру, не нашелъ бы въ Англіи подходящей модели. Англичанки показались бы ему слишкомъ тоненькими и угловатыми. Но, впрочемъ, худоба женщинъ нынѣ вошла въ моду: это—тоже признакъ распространенія англійскаго вліянія.

Англійская кухня не задается цѣлью, по примѣру французской, предоставить вкусу наибольшее кулинарное наслажденіе, но признаетъ главною своею задачею приготовить цѣлесообразную,

здоровую пищу. Она не можетъ удовлетворять избалованнаго кулинарнымъ своимъ искусствомъ француза, но зато она отличается богатствомъ и разнообразіемъ своихъ припасовъ. На англійскомъ столѣ появляется отличное мясо, трудно получаемое въ такомъ качествѣ въ другихъ странахъ. Англичане преимущественно питаются мясомъ, и относительно качества мяса они очень требовательны. Кромѣ того, они пользуются первоклассными свѣжими овощами и фруктами, производимыми въ самой Англіи или привозимыми туда со всѣхъ концовъ свѣта. Благодаря обширному торговому флоту, въ Великобританіи возможно имѣть круглый годъ свѣжіе овощи и разнообразные фрукты, приходящіе изъ обоихъ полушарій, за недорогія цѣны. И въ этомъ отношеніи англичане избалованы. Наконецъ, море снабжаетъ ихъ вкусною и питательною рыбою и другими морскими животными въ большомъ количествѣ. Такимъ образомъ, Англія превосходитъ любую другую страну міра по разнообразію и обилію своихъ питательныхъ продуктовъ.

Первый завтракъ, обыкновенно въ восемь или девять часовъ, не состоитъ изъ одного чая съ булками, какъ въ Россіи, или маленькой чашки чернаго кофе, какъ въ Италіи, но изъ ряда питательныхъ блюдъ. Тутъ есть шотландская овсянка, яйца, ветчина, рыбныя блюда, чай, кофе или какао, поджаренные ломтики хлѣба, масло и варенье. Въ богатыхъ домахъ три стола покрыты съѣстными продуктами, составляющими „breakfast“. Второй завтракъ, „lunch“, подается въ половинѣ второго и точно также состоитъ изъ ряда рыбныхъ и мясныхъ блюдъ, супа, пудинга и фруктовъ. Дѣловой человѣкъ обыкновенно изъ своей конторы не возвращается домой на „lunch“, но удовлетворяется завтракомъ въ ближайшемъ ресторанѣ. Обѣдъ въ семь или восемь часовъ вечера соединяетъ все семейство и представляетъ собою самую основательную питательную процедуру. Если къ этому прибавить чай въ пять часовъ пополудни, съ разными сэндвичами и кексами, то становится яснымъ, что англичане слишкомъ много ѣдятъ, и поэтому неудивительно, что они часто бываютъ вынуждены прибѣгать къ соотвѣтственнымъ лекарствамъ. Талантливый шотландскій драматургъ Бари по этому поводу написалъ забавную комедію „Little Mary“: такимъ именемъ онъ назвалъ желудокъ. Въ комедіи всѣмъ членамъ фешенэбльной семьи хронически нездоровится. Докторъ прописываетъ разныя лекарства и произноситъ глубокомысленныя рѣчи о причинахъ болѣзней, когда на сценѣ появляется молодая ирландка и заявляетъ, что она можетъ вылечить болѣзни при помощи

„маленькой Мэри“. Рѣшаютъ послѣдовать ея совѣтамъ: упраздняется поздній обѣдъ и заводится болѣе скромная діэта. Всѣ выздоравливаютъ, и дѣло пошло бы на ладъ, еслибы ирландка не шокировала семью провозглашеніемъ истинной причины болѣзней, т.-е. хроническаго объѣданія, и не раскрыла бы, что „Little Магу“, которая, будто бы, помогла ей совершить успѣшное леченіе—желудокъ самихъ паціентовъ. Послѣ этого страшнаго разоблаченія, ее сейчасъ же выгоняютъ, и семья снова возвращается къ позднимъ обѣдамъ и т. д.

Широкая политическая свобода, какою англичане пользуются, благодаря свободному строю своего государства, имѣетъ свой противовѣсъ и коррективъ въ строгомъ соблюденіи установленныхъ вѣками національныхъ обычаевъ. Нигдѣ, какъ въ Англіи, національные нравы не пользуются такимъ авторитетомъ и не считаются столь безусловно обязательными, не только для самихъ туземцевъ, но и для иностранцевъ, приходящихъ съ ними въ соприкосновеніе. Поэтому для иностранцевъ, вращающихся среди англичанъ или собирающихся вступить съ ними въ общественныя или дѣловыя сношенія, полезно быть хорошо освѣдомленными относительно обычаевъ, соблюдаемыхъ въ англійской общественной жизни и часто противоположныхъ обычаямъ на материкѣ Европы.

Заведеніе знакомства обставлено въ Англіи иначе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ континентальныхъ странахъ Европы принято, что пріѣхавшій въ новое мѣсто и желающій познакомиться съ тамошнимъ обществомъ дѣлаетъ первый визитъ въ тѣхъ домахъ, съ которыми онъ желаетъ завести общественныя сношенія. Наоборотъ, въ Англіи подобный образъ дѣйствія считался бы навязчивымъ, свидѣтельствующимъ о недостаткѣ воспитанія, и нисколько не повелъ бы къ желаемому результату. По англійскому обычаю первый шагъ къ заведенію знакомства принадлежитъ мѣстнымъ обывателямъ, и поэтому лицу, поселившемуся въ новомъ мѣстѣ, подобаетъ подождать, пока мѣстные обыватели сдѣлаютъ ему первый визитъ или оставятъ у него свои визитныя карточки. Даже въ случаѣ, если имѣются рекомендательныя письма къ лицамъ мѣстнаго общества, не принято являться къ нимъ съ визитомъ первымъ, а обыкновенно рекомендательныя письма посылаются къ нимъ вмѣстѣ съ собственною визитною карточкою, съ обозначеніемъ адреса. Затѣмъ ожидается первый визитъ лица, на имя котораго письмо было адресовано, или прямо приглашеніе отъ него.

Вообще говоря, въ Англіи вновь пріѣхавшему слѣдуетъ дер-

жаться правила противоположнаго континентальнымъ обычаямъ, т.-е. не выходить изъ своего выжидательнаго положенія, пока мѣстные обыватели не сдѣлаютъ шага ему на встрѣчу. Такъ, напримѣръ, въ континентальномъ обществѣ ставится мужчинамъ въ обязанность заботиться о томъ, чтобы быть представленными дамамъ, особенно если они находятся въ немногочисленномъ общественномъ собраніи. Напротивъ, въ Англіи подобной обязанности не существуетъ, и даже считается неумѣстнымъ, если мужчина домогается безъ особаго повода быть представленнымъ дамѣ. Часто случается, что мужчины не представляются своимъ сосѣдкамъ за обѣденнымъ столомъ. Отъ хозяевъ дома зависитъ представлять гостей другъ другу по собственнымъ соображеніямъ, или же дама первая заявляетъ хозяину о своемъ желаніи познакомиться съ извѣстнымъ господиномъ. Если же мужчина, почему-то, самъ пожелаетъ быть представленнымъ дамѣ, то для этого сперва необходимо испросить у нея на это особое разрѣшеніе черезъ третье лицо. При уходѣ изъ общественнаго собранія, мужчины прощаются только съ хозяевами и иногда съ сидящими по близости дамами и стараются уйти какъ можно незамѣтнѣе, чтобы не помѣшать разговору остающихся. Точное соблюденіе этихъ правилъ обязательно для каждаго, желающаго избѣгнуть репутаціи обременительнаго человѣка, не имѣющаго общественнаго воспитанія.

На улицѣ, мужчина не кланяется дамѣ первымъ; онъ только тогда снимаетъ шляпу, если дама признала знакомство съ нимъ легкимъ кивкомъ головы. Такимъ же образомъ поступаетъ подчиненный со своимъ начальникомъ. Вообще, иниціатива къ поклону принадлежитъ тому, который стоитъ выше по общественному или служебному положенію; въ континентальныхъ странахъ Европы, наоборотъ, мужчина обязанъ кланяться дамѣ, не дождавшись, чтобы она ему поклонилась первая. Мужчины въ Англіи не снимаютъ шляпъ другъ передъ другомъ, но ограничиваются легкимъ кивкомъ головы. Когда мужчина на улицѣ идетъ рядомъ съ дамою, то онъ ей предоставляетъ мѣсто близъ стѣнъ домовъ, а самъ шагаетъ по сторонѣ тротуара, прилегающей къ проѣзжей дорогѣ, все равно, находится ли онъ при этомъ направо или налѣво отъ дамы. Если мужчина встрѣчаетъ даму на перекресткѣ улицы, то онъ обязанъ сперва пропустить ее впередъ и затѣмъ только, т.-е. за ея спиною, проходить черезъ улицу. Въ вагонахъ и трамваяхъ мужчины уступаютъ свои мѣста дамамъ, не нашедшимъ мѣстъ вслѣдствіе переполненія вагоновъ. Комплименты дамамъ, на которые континентальные кавалеры

такъ щедры, въ Англіи не нужны и даже неумѣстны. Одна свѣтская дама говорила мнѣ про иностранца, разсмѣшившаго ее комплиментомъ о ея радушіи и умѣньи принимать гостей. „Не знаю, — прибавила она, — чего этотъ господинъ собственно отъ меня ожидалъ“. Очевидно, комплиментъ пропалъ совершенно даромъ и даже понятъ въ противномъ смыслѣ.

На улицѣ не смотрятъ прохожимъ пристально въ лицо, а стараются какъ можно меньше обращать вниманія на близко стоящихъ или проходящихъ. Считаютъ общимъ правиломъ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ вагонахъ, трамваяхъ, ресторанахъ, театрахъ и т. д., какъ можно болѣе игнорировать другъ друга и какъ можно меньше тревожить незнакомыхъ своимъ присутствіемъ. По той же причинѣ принято въ публичныхъ мѣстахъ разговаривать лишь вполголоса, чтобы не принудить постороннихъ лицъ слышать неинтересующія ихъ бесѣды. Вообще, за исключеніемъ публичныхъ рѣчей, англичане говорятъ ровнымъ, нѣсколько монотоннымъ и тихимъ голосомъ, не выкрикивая отдѣльныхъ словъ, по манерѣ итальянцевъ, и избѣгая движеній руками. Они соблюдаютъ холодную сдержанность и ненавидятъ шумную экспансивность, кажущуюся имъ недостойною культурныхъ людей.

Въ холодной, корректной обстановкѣ англійской общественной жизни иностранцамъ часто становится жутко: англійскіе нравы на нихъ производятъ впечатлѣніе чрезмѣрнаго стѣсненія личной свободы, и особенно если они еще не успѣли привыкнуть къ новой средѣ, у нихъ является какъ бы душевная одышка, подобно тому, какъ англійскіе туманы ложатся тяжкимъ гнётомъ на легкія, еще не привыкшія къ густой атмосферѣ. Но, привыкая къ условіямъ жизни въ Англіи, легко убѣждаешься, что тамошніе нравы весьма цѣлесообразно регулируютъ общественныя сношенія и при этомъ являются выраженіемъ тонкаго уваженія правъ ближняго, рыцарскаго почтенія къ женскому полу и высоко развитой культурности. Правда, многіе прибывшіе въ Англію изъ континентальныхъ странъ Европы предпочтутъ тяжеловѣснымъ строгимъ нравамъ Альбіона болѣе гибкія и свободныя общественныя формы Франціи. Но нетерпимый въ національномъ отношеніи англичанинъ не способенъ сообразоваться съ нравами другой національности, такъ что для иностранца, собирающагося вступить въ общественныя или дѣловыя сношенія съ англичанами, нѣтъ другого исхода, какъ повиноваться англійскимъ нравамъ, соблюденіе которыхъ является для него — conditio sine qua non.

Обязательнымъ условіемъ для общенія съ англичанами яв-

ляется также знаніе ихъ языка. Сами англичане обыкновенно не умѣютъ говорить на иностранныхъ языкахъ. При ихъ крайнемъ нежеланіи говорить на другомъ языкѣ, но не на англійскомъ, лингвистическія ихъ занятія ограничиваются зубреніемъ французской и нѣмецкой грамматикъ и письменными упражненіями на школьной скамьѣ, послѣ чего все это мученіе съ иностранными языками предается безвозвратному забвенію. Такимъ образомъ, англичане пріобрѣли репутацію полной бездарности при изученіи иностранныхъ языковъ. Но если они принуждены особыми жизненными обстоятельствами не только учиться иностраннымъ языкамъ, но практически упражняться въ нихъ, они достигаютъ замѣчательныхъ результатовъ. Они, напримѣръ, относительно произношенія русскаго языка имѣютъ предъ другими иностранцами то преимущество, что не затрудняются въ произношеніи столь непривычнаго для иностранцевъ русскаго гортаннаго „л“, вслѣдствіе того, что въ англійскомъ языкѣ имѣется звукъ, соотвѣтствующій русскому „л“ (напримѣръ, звукъ русскаго „л“ въ словахъ: жилъ, пилъ, билъ, одинаковъ съ звукомъ англійскаго „l“ въ словахъ: till, ill, will). Труднѣе всего англичанину дается французскій языкъ. Онъ на своемъ языкѣ говоритъ staccato, и плавное legato французскаго языка ему совершенно непривычно.

Подъ такими условіями иностранецъ, сталкивающійся съ англичаниномъ, не имѣетъ повода разсчитывать на его практическое знаніе другого языка, кромѣ англійскаго. Извѣстный писатель Тэккерей упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ романовъ о томъ, что при встрѣчѣ двухъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ, поневолѣ приходится одному изъ нихъ играть роль дурака, говоря на чужомъ и непривычномъ ему языкѣ. Въ виду того, что англичанинъ, прибавляетъ Тэккерей, не желаетъ играть подобной роли, онъ ее охотно предоставляетъ иностранцу, вынужденному такимъ образомъ говорить на англійскомъ языкѣ. Дѣйствительно, національная гордость играетъ немаловажную роль въ нежеланіи англичанъ говорить на иностранныхъ языкахъ. Наконецъ, причина незнанія англичанами иностранныхъ языковъ кроется также въ томъ, что они въ нихъ не нуждаются. Благодаря колонизаторской дѣятельности Англіи, распространившей англійскій языкъ почти на весь земной шаръ, и вслѣдствіе своей расовой неподатливости, англичане, такъ сказать, могутъ себѣ позволить роскошь говорить лишь на собственномъ языкѣ. Обратная сторона этого положенія кроется въ томъ, что англичане знаютъ лишь свою народность и вслѣдствіе этого стра-

дaютъ отъ преувеличеннаго національнаго самомнѣнія. При отсутствіи знакомства съ литературой и бытомъ чужихъ народовъ, ихъ этнографическій кругозоръ остался узкимъ и одностороннимъ, и по *общему* своему образованію они куда менѣе развиты, чѣмъ другіе культурные народы.

Разговоръ въ англійскомъ обществѣ по своему содержанію скуденъ. Главною и неизсякаемою темою служитъ погода. На балахъ, на five o'clock чаяхъ, garden parties, обѣдахъ, въ ресторанахъ и даже въ магазинахъ, постоянно обмѣниваются болѣе или менѣе глубокомысленными мнѣніями о погодѣ. Подобная любознательность относительно атмосферныхъ и температурныхъ измѣненій производитъ на иностранца впечатлѣніе, что англичане глубоко заинтересованы метеорологіею; но, всматриваясь ближе въ этотъ необычайный интересъ къ погодѣ, легко убѣдиться въ томъ, что онъ является своеобразною формою англійской вѣжливости, и нельзя не признаться въ томъ, что для вступленія въ разговоръ и послѣдующаго затѣмъ перехода къ болѣе интереснымъ предметамъ, общедоступная тема погоды имѣетъ свои преимущества. Однако, въ этомъ отношеніи англичане часто злоупотребляютъ погодою!

Въ англійскомъ обществѣ избѣгаютъ разговоровъ о религіи, политикѣ и о личныхъ обстоятельствахъ. Не принято ставить вопросы личнаго свойства или противорѣчить другъ другу. Если противорѣчіе неизбѣжно, то, по крайней мѣрѣ, сперва извиняются. Но разговоръ въ обществѣ никогда не долженъ принимать оборота диспута, какъ это часто бываетъ въ нѣмецкомъ и русскомъ обществахъ. Сплетни и злословіе недопустимы. Каламбуры считаются низкою формою остроумія; англичане далеко не такъ падки на подобнаго рода шутки, какъ, напримѣръ, французы. Зато проявленіе юмора высоко цѣнится англичанами, и обладающій имъ въ разговорѣ скоро становится популярнымъ въ обществѣ, будь это задушевный безобидный юморъ Диккенса, или ѣдкій саркастическій смѣхъ Тэккерея,—но при этомъ не слѣдуетъ задѣвать чувствительности присутствующихъ. Неумѣстны всякіе скабрёзные намеки. Въ этомъ отношеніи англійское общество соблюдаетъ строгія правила и рѣзко отличается отъ французскаго и итальянскаго, руководствующихся пословицею: naturalia non sunt turpia, и допускающихъ разговоры объ интимныхъ предметахъ, затрагиваніе которыхъ немыслимо въ Англіи. Даже мужчины въ разговорѣ между собою избѣгаютъ скабрёзности. Англичане любятъ слышать послѣ обѣда немного музыки; они считаютъ фешенэбльнымъ показываться въ концертахъ и операхъ, но они,

вообще говоря, не обнаруживаютъ глубокаго интереса къ музыкѣ. За исключеніемъ кельтскихъ валлійцевъ и шотландскихъ гейлендеровъ, обладающихъ музыкальнымъ даромъ и вкусомъ, англичане удивительно немузыкальны. За время ихъ многовѣковой исторіи они не произвели ни одного выдающагося музыкальнаго генія. Ихъ музыкальная бездарность является обратной стороной ихъ существенно практическаго ума, склоннаго къ индуктивному мышленію, основывающемуся всегда на опытѣ и на опредѣленныхъ фактахъ. Они, такимъ образомъ, составляютъ противоположность германцамъ, у которыхъ выдающееся музыкальное творчество стоитъ въ причинной связи съ ихъ любовью къ отвлеченному, спекулятивному, дедуктивному мышленію и къ мечтательности.

Англичане имѣютъ страсть къ анекдотическимъ разсказамъ, иногда очень забавнымъ, но часто обусловливаемымъ непослѣдовательностью и постоянными скачками въ разговорѣ,— тѣмъ, что французы называютъ „une conversation à batons rompus“. Англичане злоупотребляютъ анекдотомъ въ ущербъ правильнаго обмѣна мыслей, мнѣній, чувствъ, жизненныхъ опытовъ, однимъ словомъ, утонченной бесѣды, которою отличаются французы. Формализмъ англичанъ и ихъ природное отвращеніе ко всякой вульгарности легко даютъ ихъ разговору отпечатокъ педантизма и чопорности. Теряется простота, задушевность и искренность. Царствуетъ безконечное повтореніе фразъ вѣжливости, томительное пустословіе и скука. Генрихъ Гейне поэтому пришелъ къ такому заключенію, что англичане распространяютъ вокругъ себя атмосферу скуки, а другая тонкая наблюдательница, супруга бывшаго отъ 1812 до 1834 г. русскимъ посломъ въ Лондонѣ князя Ливена, замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ [1]): „Уставши удивляться безконечной цѣпи совершенствъ въ Англіи, вы желаете чувствовать что-нибудь; но Англія—не страна чувствъ“. Англичане сами сознаютъ, что ихъ общественная жизнь не весела; они говорятъ: „We take our pleasures sadly“ („Мы веселимся печальнымъ образомъ“). Дѣйствительно, ихъ постоянная забота о корректности исключаетъ воодушевленіе; ихъ холодный, разсчетливый умъ, направленный на практическую цѣлесообразность, парализуетъ свободное проявленіе теплыхъ человѣческихъ чувствъ, кажущихся имъ ненужною сентиментальностью. При всемъ ихъ превосходствѣ, англичане не представляютъ себѣ возможности наслаждаться простою животною радостью существованія, въ тихомъ прозрачномъ воздухѣ, подъ золотистыми лучами

[1]) Letters by Dorothea, Princess Lieven. London, 1902, 2 volumes.

дневного свѣтила, какъ наслаждаются жизнью народы южныхъ странъ. Постоянные сильные вѣтры, разражающіеся надъ британскими островами, туманъ, скрывающій солнечные лучи, угольный дымъ, отъ котораго грудь задыхается, оказываютъ вредное вліяніе на душевное настроеніе людей. Колоніальные англичане, живущіе въ южныхъ климатахъ, образуютъ новую расу, все болѣе и болѣе отдаляющуюся отъ особенностей, присущихъ англичанамъ метрополіи.

Англійскіе джентльмены держатся въ обществѣ иначе, чѣмъ континентальные кавалеры, ставящіе себѣ задачею быть какъ можно любезнѣе, разговорчивѣе и остроумнѣе. Подобное напряженіе не соотвѣтствовало бы наклонностямъ англичанъ, никогда не желающихъ жертвовать своимъ комфортомъ. Кромѣ того, они считали бы неумѣстною слабостью показать стараніе нравиться. Они, поэтому, въ обществѣ соблюдаютъ корректную, холодную сдержанность, задаются цѣлью неустанно уважать себя, и ни подъ какими условіями не выходятъ изъ обыкновеннаго своего равнодушія и самомнѣнія. Проявленіе качества, считаемаго по континентальнымъ понятіямъ любезностью, т. е. наклонность по возможности идти на встрѣчу собесѣднику, легкая обходительность, доступность, привлекательная сердечность, отсутствуютъ въ Англіи и даже не признаются нравственными цѣнностями. Характерно, что у англичанъ нѣтъ выраженія для обозначенія любезности въ континентальномъ смыслѣ. Происшедшее отъ французскаго языка слово „aimable“ имѣетъ смыслъ уступчивости, не считающейся достойною похвалы для мужчины. Слово „obliging“ употребляется лишь въ смыслѣ готовности къ услугамъ; „genial“ — относится къ проявленіямъ симпатичнаго отношенія; „kind“ —означаетъ христіанскую, сердечную доброту, дружелюбіе, милосердіе.

Въ извѣстномъ словарѣ англійскихъ синонимовъ Ричарда Солъ [1]) приведено не менѣе 33 синонимовъ слова „kind“, но ни одинъ изъ нихъ не соотвѣтствуетъ по своему смыслу русскому понятію о любезности, нѣмецкому liebenswürdig, итальянскому amabile или французскому aimable. Изъ этой своеобразной бѣдности англійскаго языка можно заключить, что англичане не цѣнятъ той формы любезности, которая цѣнится другими европейскими народами. Поэтому иностранцу, вращающемуся въ англійскомъ обществѣ, подобаетъ, въ собственномъ интересѣ, не стараться блистать своею любезностью передъ другими, а силиться быть всегда горделивымъ, самоувѣреннымъ и равнодуш-

[1]) Richard Soule: Dictionary of English Synonyms, London, 1901.

нымъ, на подобіе англичанъ, давая имъ понять такимъ образомъ, что ему рѣшительно все равно, какое впечатлѣніе онъ на нихъ производитъ. Подобнымъ поведеніемъ онъ скорѣе всего обезпечитъ за собою высокую котировку на англійской общественной биржѣ. Въ противномъ же случаѣ, онъ наткнется на высокомѣрное обращеніе, покровительственные пріемы и снобизмъ, къ которымъ англичане, а особенно тѣ изъ нихъ, кто еще сохранилъ всѣ чары островного кругозора, такъ любятъ прибѣгать въ обращеніи съ иностранцами.

Если, такимъ образомъ, англичане оставляютъ желать многаго въ смыслѣ континентальныхъ понятій о любезности, то они зато удовлетворяютъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ въ дѣлѣ соблюденія общественнаго приличія, вѣжливости и услужливости. Вообще, англичане во всемъ укладѣ своей общественной жизни обнаруживаютъ утонченные вкусы и аристократическія манеры. Въ этомъ отношеніи французское общество, прежде задававшее тонъ всей Европѣ, уступило свой престижъ Англіи. Въ настоящее время тѣ европейскіе общественные классы, которые имѣютъ претензію на извѣстную элегантность, все болѣе и болѣе стараются приноровляться къ англійскимъ модамъ, спортамъ и нравамъ и ко всему англійскому образу жизни. Во всемъ культурномъ мірѣ считается рекомендаціею быть членомъ хорошаго англійскаго клуба. Англоманія растетъ. Эдуардъ VII, признаваемый первымъ джентльменомъ, и его дворъ заняли въ элегантномъ обществѣ мѣсто, принадлежавшее когда-то французскому королевскому дому. Трудно рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли поздравить міръ съ подобною перемѣною. Во всякомъ случаѣ, разница между общественными образцами, данными Парижемъ и Лондономъ— огромная. Въ Парижѣ: веселье, безпечность, легкое и нѣсколько фривольное отношеніе къ жизни; пріятная, заманчивая внѣшность, лоскъ и мимолетное наслажденіе, цѣнящееся выше дѣйствительнаго содержанія жизни и личнаго достоинства. Въ Лондонѣ: основательность, солидность, преобладаніе практической стороны жизни, натянутость, поддержаніе всякаго личнаго достоинства, лишь бы не показаться легко обходительнымъ и дешевымъ („not to make oneself cheap“). Французъ болѣе доступенъ общечеловѣческимъ соображеніямъ, по принципу: „homo sum, nil humani a me alienum puto“. Англичанинъ, напротивъ, руководится мыслью, что онъ, во-первыхъ, англичанинъ и только во-вторыхъ—человѣкъ.

Кромѣ формализма и преувеличеннаго самомнѣнія, естественная простота въ общественныхъ сношеніяхъ страдаетъ въ Англіи еще отъ снобизма и ханжества. Тэккерей, въ классической своей

книгѣ о „снобахъ“, приходитъ къ тому заключенію, что снобъ—тотъ, кто мерзкимъ образомъ преклоняется передъ мерзостями („he who meanly admires mean things, is a snob“). Но къ примѣтамъ снобизма, кромѣ того, еще принадежитъ мнимое величіе человѣка, придающаго себѣ чрезмѣрное значеніе и смотрящаго на окружающихъ людей свысока, не имѣя на то достаточнаго основанія. Стремленіе выдѣлиться чѣмъ-нибудь изъ окружающей среды и стать выше ея, хотя бы на-чуточку, зиждется въ самомъ существѣ человѣка, повторяется болѣе или менѣе во всѣхъ странахъ и обществахъ и проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе развито индивидуальное самосознаніе, какъ въ Англіи. Надменное отношеніе къ людямъ, стоящимъ хотя бы на одинъ мизинецъ ниже по имущественнымъ или другимъ обстоятельствамъ жизни, встрѣчается во всѣхъ классахъ англійскаго народонаселенія. Нечего говорить о томъ, что у быстро разбогатѣвшаго спекулянта-торговца или промышленника легко является преувеличенное представленіе о своемъ значеніи, и неудивительно, что англійскіе плутократы, пожалованные въ рыцари, баронеты и лорды, кичатся своими новыми званіями не хуже всякаго „parvenu“ и „nouveau riche“ въ остальномъ мірѣ. Но болѣе странно то, что далеко не-демократическіе инстинкты снобизма проникаютъ въ Англіи и до рабочаго класса. Рабочій, трудъ котораго требуетъ извѣстной подготовки и спеціализаціи (skilled labourer), ставитъ себя настолько выше простого рабочаго (general labourer), что онъ не считается съ нимъ за панибрата и относится къ нему съ такою же гордостью, какъ аристократъ къ плебею. Между коммерсантами и представителями разныхъ профессій существуютъ почти неуловимыя общественныя различія, въ силу которыхъ одинъ обращается свысока съ другимъ; ниже его стоящимъ. Любимою фразою какой-нибудь мѣщанской семьи будетъ: „we are select people“ („мы не простой народъ“).

Къ снобизму также слѣдуетъ отнести страсть англичанъ къ титуламъ. Для полученія какихъ-нибудь титуловъ англичане способны жертвовать большія суммы денегъ, какъ и для благотворительныхъ цѣлей. Преувеличенное вниманіе къ титуламъ выражается, между прочимъ, и въ томъ, что принято упоминать на адресахъ писемъ отдѣльными буквами не только дворянскіе титулы, но и ордена, почетныя званія, ученыя степени и тому подобное. Напримѣръ, членъ парламента обозначается на адресѣ буквами M. P. послѣ его фамиліи; мировой судья—J. P.; докторъ гражданскихъ правъ—D. C. L,; докторъ медицины—M. D.; рыцарь ордена Бани — C. B.; членъ географическаго обще-

ства—F. R. G. S. Иногда за фамиліею адресата слѣдуетъ цѣлая вереница буквъ и непремѣнно, если адресатъ не имѣетъ дворянскаго титула, буквы: Esq. Эсквайрами раньше величали младшихъ сыновей дворянъ, не имѣющихъ титула. Потомъ стали расточать этотъ, никѣмъ не пожалованный, самозванный титулъ всѣмъ членамъ джентри, т.-е. высшему слою средняго сословія, снискавшему пропитаніе „респектабльными“ занятіями и находящемуся въ болѣе или менѣе экономически независимомъ положеніи, „in comfortable circumstances“, или претендующему на извѣстную степень знатности. Въ настоящее же время буквы Esq. приставляются къ фамиліи вообще всѣхъ людей, не принадлежащихъ къ нищимъ, бродягамъ и преступникамъ. Если спросить англичанина объ этомъ, нигдѣ не имѣющемъ себѣ равнаго, оптовомъ расточеніи титуловъ,—обыкновенно получается отвѣтъ, что этому обычаю не придается особаго практическаго значенія. Когда мнѣ пришлось поздравить старшаго сына недавно произведеннаго въ лорды промышленника-милліонера, онъ отвѣтилъ: „It is just the same“ („Это ничего не значитъ“). Между тѣмъ повышеніе милліонера въ лорды было большимъ праздникомъ для всей его семьи, а въ особенности для старшаго его сына, на котораго лордство должно перейти по наслѣдству. Этотъ случай неискренности приводитъ насъ ко второму помянутому выше обстоятельству, мѣшающему установленію простыхъ человѣческихъ сношеній въ англійскомъ обществѣ,—къ ханжеству или „кантству“. Англійское слово „cant“ означаетъ лицемѣріе, пропитывающее все поведеніе человѣка и особенно общественныя его отношенія. Въ „кантствѣ“, встрѣчаемомъ во всѣхъ классахъ англійскаго общества и являющемся, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ господства слишкомъ властнаго общественнаго мнѣнія, парализующаго личную свободу и мужество собственнаго убѣжденія, нельзя не видѣть національнаго нравственнаго недуга Англіи. Въ англійскомъ обществѣ не разрѣшается называть имѣющіеся на лицо факты ихъ дѣйствительными именами, но требуется отъ всѣхъ, чтобы они придавали существующимъ фактамъ болѣе достойную, но ложную окраску; считается обязательнымъ говорить въ выраженіяхъ, лишь отчасти соотвѣтствующихъ дѣйствительности, напускать на себя видъ какого-то моральнаго совершенства и превозносить англійскую націю, все равно, идетъ ли рѣчь о хорошихъ, достойныхъ похвалы, или о нехорошихъ, достойныхъ порицанія, сторонахъ ея. Встрѣчаются въ Европѣ ослѣпленные англоманіею чудаки, которые преклоняются передъ англійскимъ девизомъ: „My country, right or wrong!“ („права ли

или неправа моя страна, все равно стою за нее"). Но подобная форма патріотизма совмѣщаетъ „кантство" и ложь. Во имя основныхъ принциповъ морали недопустимо, чтобы изъ-за просвѣщеннаго самолюбія, каковымъ собственно является патріотизмъ, отстаивали завѣдомую ложь, несправедливость и злоупотребленіе. Благодаря подобнымъ пріемамъ, англійская внѣшняя политика, часто не останавливавшаяся ни передъ какими нравственными соображеніями, заслужила себѣ репутацію грубаго эгоизма и безцеремонности въ преслѣдованіи собственныхъ интересовъ.

Самимъ англичанамъ хорошо извѣстно, насколько лицемѣріе и ложь вредно отзываются на ихъ общественной жизни. Знаменитый шотландскій историкъ и философъ Карлейль, извѣстный своею безпощадною правдивостью и вслѣдствіе этого ненавидимый многими англичанами, восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ на имя американскаго философа Эмерсона: „Да избавитъ насъ Богъ отъ всѣхъ формъ кантства. Да научитъ насъ Богъ смотрѣть фактамъ честно въ лицо; да предохранитъ Онъ насъ отъ окрашиванія ихъ до неузнаваемости подлою и проклятою лестью, извращая такимъ образомъ собственное Господне Евангеліе .... О, Боже, это самый проклятый грѣхъ людей, но онъ встрѣчается вездѣ въ настоящее время, и на улицахъ, и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ. Да избавитъ насъ Богъ отъ него. Въ этомъ состоитъ моя главная молитва". Другой знаменитый англійскій писатель, Буніанъ, бичуетъ въ своей аллегорической повѣсти морально-философскаго содержанія: „Pilgrim's Progress",—самой распространенной книгѣ, написанной на англійскомъ языкѣ,—не только кантство, но и снобизмъ, и формализмъ англичанъ. Въ уголовномъ процессѣ противъ одного изъ героевъ повѣсти, называемаго „Faithful" („Вѣрный"), обвинителями выступаютъ Зависть, Суевѣріе и Лесть. „Господинъ судья,—говоритъ Зависть,—этотъ человѣкъ не уважаетъ ни нашихъ убѣжденій, ни народа, ни законовъ, ни обычаевъ, но распространяетъ, насколько можетъ, свои нелойяльные взгляды, называемые имъ принципами, вѣрою и святостью. Напримѣръ, я слышалъ однажды, какъ онъ увѣрялъ, что христіанство и всѣ обычаи нашего города діаметрально противоположны другъ другу и не могутъ быть согласуемы. Этими словами онъ дерзнулъ осудить всѣ наши похвальныя дѣйствія". Затѣмъ, Суевѣріе заявляетъ: „Я слышалъ, что обвиняемый сказалъ, будто наша религія не можетъ нравиться Богу". Лесть высказывается такимъ образомъ: „Я слышалъ, что обвиняемый издѣвался надъ нашимъ благороднымъ принцемъ

Вельзевуломъ и поносилъ почтенныхъ друзей его, Роскошь, Тщеславіе, Прожорливость и т. д.“ Послѣ этихъ свидѣтельскихъ показаній судья обращается къ обвиняемому съ такими словами: „Хотя слѣдовало бы покончить съ тобою сейчасъ же, но мы готовы, для того, чтобы всѣ люди могли убѣдиться въ нашемъ безпристрастіи, услышать, что ты, подлый ренегатъ, можешь сказать въ свое оправданіе“.

Однако, было бы ошибочно придать чрезмѣрное значеніе снобизму, лицемѣрію и неискренности англичанъ, — качествамъ, встрѣчающимся, впрочемъ, и у другихъ народовъ, хотя и не въ такой высокой степени. Не надо забывать, что тамъ, гдѣ культура и общественная жизнь достигли бо̀льшаго развитія, невозможно обойтись безъ извѣстной окраски голыхъ фактовъ въ пользу общественныхъ и государственныхъ цѣлей. Toute vérité n'est pas bonne à dire!—не всякая правда удобна для оглашенія. Напримѣръ, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ сѣтовать на то, что отказъ въ удовлетвореніи какого-нибудь ходатайства выражается въ возможно менѣе рѣзкой и какъ можно болѣе мягкой формѣ; что отъ опасно больного скрываются происшествія, могущія потрясти его организмъ, какъ, напримѣръ, потеря близкаго родного; что не критикуютъ умершихъ, какъ бы ни были велики ихъ недостатки при жизни,—de mortuis nil nisi bene. Формальное соблюденіе истины въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы государства и общества и морали съ нимъ сталкиваются, было бы равносильно примѣненію принципа: „Fiat veritas, pereat mundus!“ — „Да погибнетъ весь міръ, лишь была бы соблюдена истина!“ Человѣкъ не существуетъ для истины, а истина для человѣка—въ смыслѣ выработаннаго имъ же принципа для общественныхъ цѣлей. Правильное отношеніе къ интересамъ государства и націи требуетъ допущенія извѣстнаго компромиса между общественными интересами (тѣмъ, что̀ французскіе философы называютъ raison sociale et de l'état) и чисто формальнымъ соблюденіемъ истины. Въ сознаніи необходимости подобнаго компромиса нѣтъ макіавеллизма. Извѣстный нѣмецкій ученый Трейчке, въ своей книгѣ о „Политикѣ“, приводитъ наглядный примѣръ послѣдствій односторонняго соблюденія истины. „Государственный человѣкъ, — говоритъ онъ, — не имѣетъ права согрѣвать себѣ руки у дымящихъ развалинъ своего отечества, отдавая себѣ пріятную похвалу: я никогда не лгалъ; — это добродѣтель монаха“ [1]). Поэтому, обвиненія цивилизаціи и культуры

[1]) Treitschke, 1892, Band I, S. 110.

въ несостоятельности, на основаніи обусловленнаго ими компромиса между моралью и общественными цѣлями—несправедливы. Формализмъ, снобизмъ и „кантство“ англичанъ, конечно, заслуживаютъ порицанія, но смягчающимъ обстоятельствомъ въ сужденіи о нихъ можетъ служить тотъ фактъ, что они являются спутниками высокаго уровня культуры и цивилизаціи англійскаго общества и государства.

Критикуя обязательное соблюденіе общественныхъ обычаевъ и чрезвычайную строгость общественнаго мнѣнія въ Англіи, нельзя умолчать о томъ, что это явленіе, съ другой стороны, также имѣетъ и благопріятное вліяніе. Одинъ тотъ фактъ, что безнравственность и порокъ не показываются открыто въ общественной жизни, приноситъ пользу поддержанію принциповъ морали. Нравственность англійскихъ мужчинъ врядъ ли выше стоитъ, чѣмъ континентальныхъ, но, во всякомъ случаѣ, въ Англіи безнравственность держитъ себя въ болѣе скромныхъ предѣлахъ, не играетъ такой развращающей все общество роли и не дѣйствуетъ на характеръ и душу мужчинъ настолько, какъ это замѣчается во Франціи,—именно отъ того, что „полусвѣтъ“ стоитъ внѣ всякаго прикосновенія съ честнымъ обществомъ. Молодой человѣкъ въ Англіи никогда не позволитъ гризеткамъ, кокоткамъ и т. п. женщинамъ занимать въ его жизни такое значительное, зловредное мѣсто, какъ это, къ сожалѣнію, бываетъ сплошь и рядомъ у французской молодежи. Конечно, и въ кругахъ англійскаго общества, которые заняты лишь развлеченіями, творится много предосудительнаго, но какъ только дѣло доходитъ до публичнаго скандала, замѣшанные въ немъ должны разъ навсегда или надолго исчезнуть изъ общества. Банкротство, столкновеніе съ правосудіемъ, всякіе безчестные поступки влекутъ за собой въ Англіи немедленное удаленіе человѣка изъ порядочнаго круга, тогда какъ въ иныхъ странахъ европейскаго континента, общественное мнѣніе относится непозволительно пассивно къ „паршивой овцѣ“, заражающей или компрометтирующей все окружающее ее общество. Такимъ образомъ, строгость англійскаго общественнаго мнѣнія, порождающая лицемѣріе, все-таки представляетъ собою активъ въ нравственномъ балансѣ Англіи.

Въ Англіи нравственность отдѣльнаго лица зиждется не на боязни или любви, а на самоуваженіи. Мотивомъ для нравственности можетъ служить боязнь ожидаемаго отъ погрѣшности наказанія и вообще ущерба. Но собирающійся провиниться противъ морали часто знаетъ, или, по крайней мѣрѣ, надѣется, что изъ его непозволительнаго поступка не можетъ выйти для него

никакихъ непріятныхъ послѣдствій; и кромѣ того, желаніе воспользоваться выгодами, извлекаемыми изъ противозаконнаго поступка, можетъ быть сильнѣе боязни наказанія. Боязнь, поэтому, не представляетъ надежнаго фундамента для нравственности. Мотивомъ для соблюденія нравственности можетъ служить также любовь къ человѣчеству, христіанская любовь, не желающая причинить вреда кому бы то ни было. Но примѣненіе моральныхъ принциповъ и законовъ часто вовсе не находится въ связи съ филантропическою любовью и стоитъ внѣ подобныхъ соображеній, такъ что и любовь къ ближнимъ не можетъ быть прочнымъ обоснованіемъ для морали. Надежнымъ базисомъ для нравственности, поэтому, можетъ служить лишь мотивъ, являющійся рѣшающимъ соображеніемъ въ поступкахъ людей и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ боязнь предъ послѣдствіями поступка и любовь къ ближнимъ не имѣютъ силы. Англичане усмотрѣли подобный мотивъ въ самоуваженіи, и не можетъ быть сомнѣнія, что они въ этомъ не ошиблись. Нѣтъ болѣе прочнаго и практически болѣе дѣйствительнаго фактора въ послѣдовательномъ примѣненіи завѣтовъ нравственности отдѣльнымъ лицомъ, чѣмъ его сознаніе, что несоблюденіе признанныхъ имъ самимъ обязательными принциповъ морали роняетъ его-собственное достоинство. Основываясь на подобныхъ соображеніяхъ, воспитаніе мальчиковъ въ Англіи задается главнымъ образомъ цѣлью насадить и развить въ нихъ самоуваженіе и чувство отвѣтственности передъ самимъ собою. Въ этомъ отношеніи мы, кажется, можемъ научиться многому у Англіи. Русская педагогика не умѣетъ вырабатывать самостоятельность характера молодыхъ людей, какъ это дѣлаетъ англійская воспитательная метода.

Кромѣ самоуваженія, нравственность въ Англіи покоится на глубокой религіозности, выражающейся не только въ богослуженіи, но и въ нравахъ обыденной жизни. Тогда какъ послѣобѣденные часы субботы посвящены развлеченіямъ и веселью, воскресенье представляетъ собою старозавѣтный „сабатъ“, т.-е. день полнѣйшаго отдыха—и спокойствія. Всѣ увеселительныя заведенія, магазины, присутственныя мѣста и даже рестораны закрыты. Зато церкви переполнены, и на площадяхъ и улицахъ ораторы „арміи спасенія“ и другихъ христіанскихъ исповѣданій проповѣдуютъ слово Божіе. Вокругъ нихъ толпится народъ; чувствуется, что христіанская духовная жизнь здѣсь бьетъ ключомъ. Это живое отношеніе къ религіи является, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ безусловной свободы исповѣданія и пропаганды какого бы то ни было религіознаго ученія.

Исторія религіознаго самосознанія въ Англіи начинается съ 1534 года, когда король Генрихъ VIII отрекся отъ папства и былъ признанъ англійскимъ парламентомъ главою церкви въ Англіи. Но это отпаденіе отъ Рима не означало реформы католическаго догмата. Ученіе о пресуществленіи, съ зависящими отъ него церковными обрядами, частная месса, исповѣдь, обязательность духовныхъ обѣтовъ, недозволеніе брака священниковъ и недопущеніе мірянъ къ пріобщенію святыхъ тайнъ подъ обѣими формами остались въ прежней силѣ. Лишь въ царствованіе Эдуарда VI, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ тогдашняго епископа Томаса Кранмера, произошла реформація въ протестантскомъ духѣ. Составленные тогда общій молитвенникъ, The book of common prayer, и статьи религіи, Articles of religion, введенные въ употребленіе королевою Елисаветою, сохранили свою дѣйствительность до настоящаго времени и различаются отъ ученія Лютера лишь въ нѣкоторыхъ несущественныхъ деталяхъ.

Въ англиканской церкви существуютъ три направленія: 1) The Low Church Party, представляющее пуританскій элементъ, придающій церковнымъ обрядамъ второстепенное значеніе въ сравненіи съ оправданіемъ вѣрою въ Христа; 2) The High Church Party, превозносящее значеніе таинствъ и церковнаго служенія; между этими противоположными направленіями стоитъ 3) The Broad Church Party, не желающее ограничить свободы въ исповѣданіи догматовъ, но придающее главный вѣсъ примѣненію христіанскаго нравоученія къ практической жизни. Каждый священникъ англиканской церкви свободенъ быть или „high“, или „low“. High Church Party выдѣлило изъ себя движеніе, называемое ритуализмомъ и склоняющееся къ принятію формы римско-католическаго богослуженія, тогда какъ Low Church Party, во главѣ съ ревнителями вродѣ недавно умершаго Dean Farrar, упрекаетъ своихъ оппонентовъ въ разрушеніи завѣтовъ реформаціи и въ скрытомъ стремленіи къ возвращенію въ лоно римской церкви. Дѣйствительно, между нѣкоторыми молодыми священниками ритуалистической партіи существуютъ болѣе или менѣе открытыя симпатіи къ римско-католической церкви, но много зависитъ отъ того, касаются эти симпатіи лишь формы богослуженія или догматовъ вѣры.

Для возможнаго выясненія этого вопроса, имѣющаго громадное практическое значеніе для будущаго Англіи, необходимо познакомиться съ богослуженіемъ въ самыхъ „высокихъ“ англиканскихъ церквахъ. По личному наблюденію я удостовѣрился въ

томъ, что въ нихъ богослуженіе ведется по порядку протестантскаго молитвенника, Common Prayer book, но вліяніе римской церкви сказывается въ цѣломъ рядѣ обычаевъ, неизвѣстныхъ въ „низшихъ“ англиканскихъ храмахъ. Такъ, напримѣръ, вмѣсто обязательной проповѣди съ каѳедры, священникъ, спустившись по ступенямъ алтаря, обращается оттуда къ прихожанамъ съ короткимъ изложеніемъ библейскаго текста. Онъ одѣтъ въ роскошныя облаченія съ позолотою. Пріобщеніе святыхъ тайнъ занимаетъ мѣсто обязательной части всякаго богослуженія и совершается такимъ образомъ, что священникъ, благословивъ вино и хлѣбъ, ставъ нѣсколько разъ на колѣни и приподнявъ святые дары къ большому распятію, стоящему на алтарѣ, сперва самъ пріобщается и затѣмъ пріобщаетъ прихожанъ, приблизившихся къ алтарю для полученія святыхъ даровъ. Священникъ и прихожане во время богослуженія часто крестятся и преклоняютъ колѣни. Священникъ мѣняетъ свое облаченіе во время богослуженія. Передъ алтаремъ висятъ горящія лампы и надъ алтаремъ горитъ много свѣчей. Въ церкви производятся крестные ходы съ хоругвями, на которыхъ изображены священные знаки. Не можетъ быть сомнѣнія, что эти обряды заимствованы изъ католическаго богослуженія, но—не восприняты обязательность исповѣди, пресуществленія, обѣдни и службы святымъ и Богоматери, и не допускаются статуи въ церкви. Съ другой стороны, главный протестантскій догматъ оправданія вѣрою не отвергнутъ. Такимъ образомъ, ритуалистическія стремленія „высшей“ церкви сводятся лишь къ внѣшнему сближенію съ римско-католической церковью. Еслибы англиканское духовенство рѣшилось провозгласить римско-католическую догму, то поднялся бы кличъ противъ папства: „No Popery!“—ибо въ плоть и кровь свободолюбиваго англичанина вошла потребность имѣть независящую отъ иностранной власти національную церковь. Правда, — англійскіе католики (число ихъ равняется въ Шотландіи 365.000, въ Англіи—$^1/_{10}$ всѣхъ жителей, а въ Ирландіи—даже $^4/_5$ всего народонаселенія) признаютъ верховную власть папы, и они вслѣдствіе этого какъ-то нелюбимы въ Англіи. Нельзя поэтому не придти къ заключенію, что предположеніе о предстоящемъ соединеніи англиканской „High Church Party“ съ римскою церковью является преждевременнымъ.

Протестанты, не принадлежащіе къ англиканской церкви, раздѣляются на 1) пресвитеріанцевъ, къ которымъ принадлежатъ $^2/_3$ шотландцевъ; они въ 1843 году отдѣлились отъ англиканской церкви, по чисто іерархическимъ соображеніямъ, не

касающимся догматовъ; 2) независимыхъ пуританскихъ конгрегаціонистовъ; 3) баптистовъ; 4) методистовъ; 5) членовъ арміи спасенія; 6) моравскихъ братьевъ; 7) квакеровъ; 8) унитаріевъ. Со включеніемъ всѣхъ протестантскихъ сектъ, въ Великобританіи насчитывается не менѣе 293 разныхъ евангелическихъ вѣроисповѣданій. Но это распаденіе на столько самостоятельныхъ религіозныхъ обществъ нисколько не тормазило набожность. Напротивъ, церковность британскаго населенія выражается, между прочимъ, въ томъ, что общее число христіанскихъ и еврейскихъ мѣстъ для богослуженія (churches, chapels, rooms) опредѣлилось въ 1895 году въ не менѣе 25.758, т.-е. на каждую тысячу душъ приходится одно мѣсто богослуженія. Подобное распаденіе христіанъ, различающихся другъ отъ друга лишь въ незначительныхъ деталяхъ ихъ вѣроисповѣданія, или въ іерархіи, покажется католику или православному прямо чудовищнымъ. Однако, возникаетъ принципіальный вопросъ, способствуетъ ли объединеніе большихъ массъ людей въ одно формальное однообразное цѣлое по ихъ вѣроисповѣданію—дѣйствительному распространенію между ними религіозности. Какъ извѣстно, любовь къ однообразію и объединенію возможно большаго числа людей подъ однимъ шаблономъ всегда принимала въ непросвѣщенной массѣ, стоящей подъ игомъ духовенства, форму слѣпой маніи, причемъ забывается, что главный смыслъ христіанской религіи лежитъ не въ однообразіи вѣроисповѣданія, а въ дѣйствительномъ примѣненіи законовъ Божіихъ къ практической жизни. Священное писаніе многократно указываетъ, что не призывающіе имя Божіе, т.-е. не исполняющіе церковные обряды окажутся праведными на страшномъ судѣ, но соблюдающіе Божьи заповѣди въ своей жизни. Изъ этого слѣдуетъ, что соблюденіе нравственности на религіозныхъ началахъ должно быть главною цѣлью религіи, и та форма исповѣданія, которая способствуетъ этому, должна быть признана полезною для цѣлей христіанской религіи. Часто наблюдается, что религіозное меньшинство развиваетъ болѣе искренности въ исповѣданіи и болѣе руководствуется ею въ практической жизни, чѣмъ религіозное большинство. Происходитъ это по тому закону общечеловѣческой душевной динамики, по которому люди тѣмъ болѣе дорожатъ извѣстнымъ достояніемъ, чѣмъ болѣе они должны напрягать свои силы для его поддержанія или страдать изъ-за него. Отъ усилій удержать мѣсто за собою, не поддаваться натиску противника, религіозныя убѣжденія становятся глубже и тверже. Въ борьбѣ съ властью большинства, меньшинство становится болѣе ревностнымъ. Не имѣя возможности выигрывать свое дѣло боль-

шимъ числомъ приверженцевъ, оно обращаетъ сосредоточенное вниманіе на практическое примѣненіе религіозныхъ заповѣдей, чтобы этимъ доказать основательность своего исповѣданія. Такъ и въ Россіи старовѣры, представляющіе религіозное меньшинство, отличаются отъ большой массы православныхъ болѣе основательнымъ примѣненіемъ нравственныхъ принциповъ въ практической жизни. Стало быть, малочисленныя религіозныя общества приносятъ пользу христіанству, и сектантство въ Англіи въ этомъ отношеніи нисколько не считается неблагопріятнымъ явленіемъ для христіанской религіи.

Другимъ обстоятельствомъ, имѣвшимъ вліяніе на развитіе религіознаго духа въ Великобританіи, является полная свобода совѣсти. Тѣмъ, что выборъ исповѣданія не подверженъ какому бы то ни было принужденію со стороны государственной или духовной власти, но предоставленъ свободному рѣшенію каждаго отдѣльнаго лица, чувство духовной отвѣтственности усиливается и развивается у каждаго, вслѣдствіе чего религіозное убѣжденіе становится болѣе зрѣлымъ и глубокимъ. Въ этомъ же состоитъ главный интересъ каждой религіи, а отнюдь не въ полномъ внѣшнемъ однообразіи исповѣданія, часто скрывающемъ религіозное равнодушіе и чисто формальную принадлежность къ данному духовному обществу. Напримѣръ, въ классическомъ государствѣ понудительнаго религіознаго единства, бывшей Церковной области римскаго папы, господствовали подъ формальною оболочкою самаго ортодоксальнаго вѣроисповѣданія религіозное равнодушіе и глубокая безнравственность. Наоборотъ, Англія можетъ служить хорошимъ примѣромъ того, что полнѣйшая свобода совѣсти содѣйствуетъ распространенію истинной религіозности и нравственности. Впрочемъ, католическій догматъ о томъ, что міръ долженъ придерживаться одного и того же ученія, предписываемаго папою до мельчайшихъ деталей, равняется вредной утопіи. Понятіе о личности и существѣ Бога и все нравственно-религіозное міросозерцаніе отдѣльнаго лица необходимо стоятъ въ тѣсной связи со степенью умственнаго его развитія. Крестьянинъ или ремесленникъ имѣетъ другое, болѣе конкретное представленіе объ основныхъ истинахъ христіанской религіи, чѣмъ ученый, привыкшій къ болѣе отвлеченному мышленію и къ далекому умственному кругозору. Поэтому, если немного всмотрѣться во внѣшнее однообразіе вѣроисповѣданія католической церкви, легко раскрыть у отдѣльныхъ ея приверженцевъ гораздо большія различія вѣры, чѣмъ существующія между исповѣданіями отдѣльныхъ евангелическихъ сектъ. Повторяющееся два раза въ годъ въ

Неаполѣ чудо превращенія твердаго тѣла, представляющаго кровь святого Януарія, въ жидкость, вполнѣ удовлетворяетъ неаполитанцевъ, а болѣе просвѣщенные изъ католиковъ считаютъ это чудо гнуснымъ обманомъ священниковъ. Предъявляемое къ лицамъ самаго различнаго умственнаго развитія и разныхъ широтъ, требованіе абсолютнаго однообразія религіозныхъ представленій есть не что̀ другое, какъ умышленный самообманъ, производимый въ угоду идолу духовнаго рабства. Въ Англіи пролито было много крови, пока въ этомъ не убѣдились и пока не взошло солнце безусловной свободы совѣсти, вызвавшее глубокую религіозность во всѣхъ слояхъ народонаселенія.

Англія можетъ служить образцомъ и относительно понятій о чести. Какъ извѣстно, въ странахъ континентальной Европы различаютъ разные роды чести, являющіеся выраженіемъ уваженія, приносимаго отдѣльному лицу тѣмъ соціальнымъ классомъ, къ которому онъ принадлежитъ. Такъ, существуетъ честь купеческая, тождественная съ торговымъ кредитомъ, студенческая, регулируемая студенческими общественными правилами, офицерская, опредѣляемая офицерскими наказами, и кавалерская, повинующаяся рыцарскимъ внушеніямъ. Эти разныя, часто противорѣчащія другъ другу понятія о чести различныхъ классовъ общества часто сталкиваются между собою и создаютъ безвыходныя положенія. Нѣмецкій драматургъ Зудерманъ провозгласилъ, въ своей сенсаціонной драмѣ „Честь“, новую теорію о томъ, что „вовсе не существуетъ чести“. Англичане, наоборотъ, знаютъ, что честь существуетъ, но что есть только одна общая всѣмъ классамъ общества честь, не проистекающая изъ сословныхъ и классовыхъ предразсудковъ, а зиждущаяся на общеобязательныхъ моральныхъ понятіяхъ, какъ-то на порядочности, благонадежности, правдивости, искренности и т. д. Только въ такомъ случаѣ понятіе о чести не ограничено предубѣжденіями узкаго круга людей, но обнимаетъ всю націю. Въ Англіи встрѣчается то же самое понятіе о чести у дворянъ, въ буржуазіи и въ рабочей средѣ. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть большого прогресса цивилизаціи. Клевета, оскорбленія словомъ, письменно или дѣйствіемъ, и всякія посягательства на личную честь, разрѣшаются въ Англіи судомъ, а не дуэлью. Въ Англіи давно убѣдились въ томъ, что дуэль въ сущности ничего не можетъ исправить, а является лишь случайнымъ событіемъ, въ которомъ оскорбленному, вмѣсто дѣйствительнаго удовлетворенія, часто достаются пораненія или даже смерть. Могу привести примѣръ этому изъ собственной жизни. Послѣ дуэли на шпагахъ, въ которой я нанесъ

противнику тяжкое пораненіе, этотъ послѣдній, вызвавшій меня за непочтительное съ нимъ обращеніе, послѣ выздоровленія присталъ ко мнѣ съ заявленіемъ, что онъ не получилъ отъ меня удовлетворенія. Вслѣдствіе того, мы дрались вторично, и этотъ разъ на пистолетахъ, но противникъ мой не достигъ болѣе благопріятныхъ для него результатовъ, я такъ и остался „безъ удовлетворенія". Случаи, напоминающіе по ихъ несправедливому исходу описанную Пушкинымъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ" дуэль, когда безсовѣстно заигрывавшій съ невѣстою друга Онѣгинъ, вдобавокъ, убиваетъ его на дуэли, повторяются часто въ дѣйствительной жизни и вызываютъ справедливое негодованіе общества; но въ континентальныхъ странахъ все еще полагаютъ, что безъ дуэли обойтись невозможно, совершенно забывая при этомъ, что греки и римляне классическаго періода и современные скандинавы, англичане и сѣверо-американцы прекрасно обходятся безъ этого по-истинѣ безсмысленнаго обычая. Въ иныхъ континентальныхъ странахъ пытались искоренить дуэль введеніемъ болѣе строгихъ карательныхъ законовъ. Но такой образъ дѣйствія не повелъ ни къ чему, потому что походъ противъ дуэли началъ съ невѣрнаго конца. Въ Англіи дуэль вышла изъ употребленія съ тѣхъ поръ, когда само общество стало смотрѣть на нее, какъ на поступокъ одинаково непозволительный и преступный, какъ и на всякое другое умышленное убійство. Общество стало осуждать даже каждое провокаторское или оскорбительное поведеніе. Континентальный буянъ, любящій заводить драки для доказательства своей неустрашимости, не нашелъ бы въ Англіи подходящей для себя почвы. Онъ былъ бы исключенъ изъ порядочнаго общества, — его избѣгали бы какъ зачумленнаго. Положеніе оскорбителя относительно оскорбленнаго вообще въ Англіи — другое. Извиненіе въ Англіи не сопряжено съ самоуниженіемъ, какъ на него смотрятъ на континентѣ, а только имѣетъ значеніе должной дани возстановленію нормальныхъ общественныхъ отношеній. Напримѣръ, въ британскомъ парламентѣ каждый депутатъ всегда готовъ принести сейчасъ же свое извиненіе въ случаѣ, если онъ какимъ-нибудь образомъ задѣлъ чувствительность другого депутата. Происходитъ это отъ того, что англійское общество порицаетъ не оскорбленнаго (на континентѣ сказали бы: „давшаго себя обидѣть"), но оскорбителя, провинившагося противъ общественнаго приличія, которое воспрещаетъ всякія рѣзкости и оскорбительныя выходки.

Если на континентѣ все еще дерутся на дуэляхъ, то это главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что общественное

мнѣніе еще не располагаетъ достаточной просвѣщенностью, чтобы открыто осуждать дуэль. Съ своей стороны, континентальныя уголовныя законодательства все еще не рѣшились, на подобіе англійскаго Common law, установить для дуэлянтовъ ту самую кару, какая существуетъ для простыхъ убійцъ. Въ континентальныхъ странахъ надо, поэтому, начать съ того, чтобы общество и уголовный законъ смотрѣли на дуэлянтовъ какъ на обыкновенныхъ преступниковъ. Тогда все ложное обаяніе, окружающее дуэль еще до сихъ поръ, померкло бы, и для каждаго стало бы яснымъ, что этотъ отжившій остатокъ среднихъ вѣковъ—анахронизмъ, недопустимый въ современномъ культурномъ государственномъ строѣ.

Особенныя трудности представляютъ оскорбленія, въ которыхъ замѣшаны лица женскаго пола. Какъ извѣстно, континентальный кодексъ чести въ этомъ отношеніи не допускаетъ никакихъ компромиссовъ, и если защитники дуэли и готовы сдаться на другихъ пунктахъ, то они не считаютъ возможнымъ отказаться отъ убѣжденія, что мужчина обязанъ отомстить за оскорбленія, нанесенныя женскому полу, вызовомъ на дуэль. Надо признаться, что подобные случаи затрогиваютъ деликатныя отношенія и для ихъ улаживанія требуются особенная осторожность и осмотрительность. Но дуэль и въ этомъ случаѣ не можетъ ничего исправить. Фактъ, что два лица стрѣляютъ другъ въ друга и иногда убиваютъ другъ друга, не можетъ исправить случившагося обезчещенія женщины или дать какое бы то ни было вознагражденіе потерпѣвшему. Въ Англіи и въ такихъ случаяхъ не отказываются отъ примѣненія началъ здраваго и вполнѣ практическаго смысла. Англійская дѣвица сочла бы вмѣшательство рыцарскаго брата излишнимъ. Она знаетъ болѣе практичный способъ добиться удовлетворенія,—она обращается къ суду. Всякое неприличное посягательство, словами или дѣйствіемъ, на честь женщины, или же неосновательный отказъ отъ состоявшагося обрученія (breach of promise) — карается въ Англіи присужденіемъ виновнаго къ уплатѣ значительной суммы денегъ, въ силу того соображенія, что шансы дѣвицы на замужество вслѣдствіе этого пострадали, и что понесенный ущербъ долженъ быть вознагражденъ. Англійскіе судьи весьма либеральны въ присужденіи подобныхъ вознагражденій. Они исполняютъ роль защитниковъ женщинъ гораздо болѣе удачно и цѣлесообразно, чѣмъ это могъ бы сдѣлать какой бы то ни было „кавалеръ“. Практическій результатъ, извлекаемый изъ подобнаго безкровнаго, но справедливаго метода, очевиденъ для всѣхъ. Въ Англіи отно-

шенія между лицами обоего пола въ публичныхъ мѣстахъ гораздо приличнѣе, чѣмъ на континентѣ. Дамы могутъ показываться во всякое время однѣ на улицѣ, въ ресторанахъ, театрахъ и тому подобныхъ мѣстахъ, безъ опасенія подвергнуться назойливымъ приставаніямъ мужчинъ. Съ другой стороны, мужской полъ тщательно избѣгаетъ поводовъ навлечь на себя процессъ о вознагражденіи убытковъ по фривольнымъ прихотямъ, и женскій полъ, вслѣдствіе этого, занимаетъ въ Англіи по отношенію къ мужчинамъ гораздо болѣе уважаемое и равноправное положеніе, чѣмъ во многихъ странахъ европейскаго континента. Такъ напримѣръ, въ южной Италіи женщины высшихъ и среднихъ классовъ общества не могутъ показаться на улицѣ, въ садахъ или въ публичныхъ мѣстахъ однѣ, безъ сопровожденія, не подвергаясь опасности нарушенія по отношенію къ нимъ благоприличія или нахальнаго съ ними обращенія со стороны мужчинъ. Такое состояніе публичныхъ нравовъ, конечно, не можетъ не отражаться неблагопріятно на ихъ свободѣ дѣйствій и ихъ общественномъ положеніи. Поэтому не можетъ быть сомнѣнія, что англійская система защиты правъ женщинъ судомъ, по своей культурности и практической цѣлесообразности, стоитъ выше существующихъ въ континентальныхъ странахъ дикихъ нравовъ по отношенію къ женщинамъ. Англійскіе судьи пользуются большою властью и авторитетомъ. Какъ извѣстно, англійское правосудіе существенно различается отъ соблюдаемой въ другихъ европейскихъ странахъ организаціи, тѣмъ, что оно не покоится на кодифицированныхъ, всѣмъ доступныхъ законахъ, а на слѣдующемъ троякомъ базисѣ: на парламентскихъ законоположеніяхъ (statutory law), на некодифицированномъ, извлекаемомъ изъ предыдущихъ судебныхъ рѣшеній правѣ (common law) и на справедливости, въ широкомъ и почти неуловимомъ смыслѣ этого понятія (equity); другими словами, англійскому судьѣ предоставлено выносить свои приговоры и сужденія, за исключеніемъ ограниченнаго парламентскаго, опубликованнаго законодательства, по существующему лишь въ сознаніи правовѣдовъ неписанному праву и по соображеніямъ, соотвѣтствующимъ справедливости по личному ихъ убѣжденію. Судьи назначаются на всю жизнь и могутъ быть уволены лишь въ случаяхъ помѣшательства, преступленія и т. п. Въ такихъ случаяхъ необходимы петиціи обѣихъ палатъ парламента передъ королемъ. Вслѣдствіе этого власть англійскихъ судей почти неограничена, ихъ приговоры являются свободными выраженіями ихъ юридической совѣсти, и нѣтъ возможности провѣрить ихъ

справедливость или несправедливость, потому что нѣтъ кодифицированнаго закона или уложенія.

Но какъ ни культурны англійскіе порядки относительно устраненія дуэли, поведеніе обманутаго мужа въ Англіи врядъ ли можетъ встрѣтить одобреніе континентальнаго европейца. Англичанинъ не хватается за оружіе, чтобы отомстить поругателю его супружеской чести, но и онъ обращается къ судьѣ для полученія „вознагражденія за убытки“, какъ бы—pour se faire dorer les cornes! Для континентальнаго европейца дѣловое использованіе обманутымъ мужемъ созданнаго измѣною жены щекотливаго для него положенія—вообще непостижимо. Въ Англіи, странѣ, гдѣ дѣловая точка зрѣнія господствуетъ почти во всѣхъ отношеніяхъ жизни надъ соображеніями чувства, нарушеніе супружескихъ правъ считается заслуживающимъ денежнаго вознагражденія, и судья не можетъ отказать въ признаніи уваженіи подобнаго тяжебнаго иска, въ интересѣ общественной нравственности. При этой прозаичной, но законной развязкѣ любовной интриги, любовникъ замужней женщины, оказавшійся на скамьѣ подсудимыхъ, какъ простой отвѣтчикъ, не имѣетъ возможности играть романтичную роль континентальнаго „корсара брака“, защищающаго свое счастье съ оружіемъ въ рукахъ. Съ своей стороны, англійское общество, чувствуя себя вполнѣ солидарнымъ со своими судьями, смотритъ на осужденнаго прелюбодѣя именно какъ на простого преступника, а вовсе не какъ на какого-то героя. Вообще говоря, отношенія между лицами обоего пола основаны въ Англіи на весьма практическихъ соображеніяхъ. Они отъ того, можетъ быть, теряютъ извѣстную романтическую окраску, но, зато, въ нихъ нѣтъ столько фальши, какъ на континентѣ. Они болѣе честны, чисты, просты и искренни.

На семейную жизнь въ Англіи также благопріятно вліяетъ большое число дѣтей, имѣющее важное значеніе для дальнѣйшаго развитія колонизаторской дѣятельности англичанъ въ заокеанскихъ странахъ. На европейскомъ континентѣ самостоятельные слои общества одержимы опасеніемъ: „буду ли я въ состояніи обезпечить моимъ дѣтямъ занимаемое мною общественное положеніе?“ Вслѣдствіе этого стараются какъ можно больше ограничить количество дѣтей, чтобы не слишкомъ обременить имѣющіяся имущественныя средства и не быть принужденнымъ помѣстить своихъ дѣтей на низшей соціальной ступени. Въ Англіи подобныя соображенія неизвѣстны, потому что, во-первыхъ, нѣтъ такой обособленности отдѣльныхъ классовъ общества, какъ въ странахъ континента. Англійскій дворянинъ знаетъ, что младшіе

его сыновья будутъ коммонерами. Во-вторыхъ, торговый или промышленный успѣхъ одного и неуспѣхъ другого повышаетъ одного и понижаетъ другого въ занимаемыхъ ими общественныхъ положеніяхъ. Въ Англіи дѣльный, талантливый и прилежный человѣкъ гораздо легче успѣваетъ подняться, чѣмъ въ континентальныхъ странахъ, а лѣнивый, бездарный и глупый скорѣе опускается, такъ что все зависитъ отъ личныхъ качествъ отдѣльнаго лица, и отецъ не имѣетъ возможности, при всемъ своемъ желаніи, опредѣлить, на какой ступени его сынъ очутится въ общественной жизни. Англичане поэтому направляютъ все свое вниманіе на подходящее и тщательное воспитаніе дѣтей и развитіе ихъ самостоятельности, на закаливаніе ихъ характера и какъ можно болѣе удовлетворительное и совершенное ихъ приготовленіе къ практической дѣловой жизни. Но разъ ихъ воспитаніе окончено, — и богатые отцы требуютъ отъ своихъ сыновей, чтобы они сами зарабатывали средства къ своему существованію, по мѣрѣ возможности, и начали собственную дѣловую карьеру, будь это въ важномъ или незначительномъ мѣстѣ. Честная работа ни въ какомъ случаѣ не считается постыдною, роняющею достоинство человѣка, какъ на нее смотрятъ, напр., бездѣйствующіе и, вслѣдствіе этого, обѣднѣвшіе аристократы южной Италіи. Конечно, сыновья изъ зажиточныхъ семействъ пользуются извѣстною денежною поддержкою, въ случаѣ надобности, и разными связями, облегчающими имъ успѣхъ въ избранной ими отрасли труда, но, во всякомъ случаѣ, полное тунеядство не допускается, ни въ бѣдныхъ, ни въ богатыхъ семействахъ. Отъ каждаго ожидается, чтобы онъ самъ себѣ создалъ экономическое положеніе приложеніемъ своихъ способностей къ полезному труду. Въ этомъ можно убѣдиться въ Англіи почти на каждомъ шагу. Напримѣръ, старшій сынъ богатѣйшаго лорда Джойси, нажившаго свое громадное состояніе въ угольной промышленности, не стыдится прилежно работать въ одной изъ конторъ отца. Сыновья главнаго директора большой фирмы Armstrong, Whitworth & Co, баронета Нобеля, имѣющаго годовой доходъ, превышающій 100.000 фунт. стерл. (1 милліонъ рублей), служатъ: одинъ въ частномъ банкѣ, другой — на Эльзвикскомъ пушечномъ заводѣ, а третій состоитъ представителемъ и агентомъ фирмы въ Лондонѣ. Всѣ они усердно работаютъ и не живутъ на счетъ отцовскаго достоянія. Примѣненіе подобныхъ принциповъ имѣетъ громадное значеніе для благосостоянія государства, и въ семейной жизни ими же создается возможность имѣть большое число дѣтей. Дѣти не ложатся та-

кимъ тяжелымъ бременемъ на отцовскій кошелекъ, какъ во Франціи, гдѣ опасеніе, что дѣти, вслѣдствіе недостающихъ денежныхъ средствъ отца, могли бы être déclassés, т.-е. потерять занимаемое родителями общественное положеніе, породило пагубную систему „двухъ дѣтей“, отъ которой французская нація постепенно вымираетъ. Исполненіе старозавѣтнаго предписанія: „плодитесь и размножайтесь“, предохранило маленькое іудейское племя отъ погибели, несмотря на самыя тягостныя условія жизни, въ которыя ихъ поставила трагическая исторія ихъ племени, и со временъ Моисея до настоящаго времени обезпечивало имъ неослабѣвающую національную силу. Соблюденіе того же принципа приноситъ свои благодѣтельные плоды и въ отношеніи все болѣе распространяющагося на Земномъ шарѣ англо-саксонскаго племени. Народы, какъ французскій, не исполняющіе правила: „плодитесь и размножайтесь“, по соображеніямъ роскоши и соціальной обособленности, неминуемо должны погибнуть, а народы, какъ англійскій, у которыхъ подобныя эгоистическія и непатріотичныя соображенія не существуютъ, и которые производятъ многочисленное потомство, должны въ концѣ концовъ выйти изъ борьбы за существованіе побѣдителями. Точно также отдѣльныя семейства, соблюдающія, такъ сказать, аристократическій принципъ, по которому количество дѣтей ставится въ зависимость отъ имѣющихся на лицо денежныхъ средствъ для поддержанія ихъ на экономическомъ уровнѣ, занимаемомъ родителями, постепенно вымираютъ, тогда какъ семейства, поступающія по старозавѣтному „пролетарскому“ правилу, по которому большое число дѣтей считается видимымъ Божьимъ благословеніемъ, рано или поздно занимаютъ мѣсто семействъ, вымирающихъ по малочисленности ихъ потомства.

Однако, вышесказанное не относится къ тѣмъ исключительнымъ кругамъ общества въ Англіи, которые смотрятъ свысока на людей, принужденныхъ—to work for their living (зарабатывать свое существованіе). Эти непопулярные прожигатели жизни, такъ называемый „smart set“, посвящаютъ себя въ продолженіе цѣлаго года исключительно праздной жизни. Съ начала мая до іюля привлекаетъ ихъ лондонскій „сѣзонъ“, съ его безконечными at homes и garden parties (пріемами дома и въ саду), dinner parties (обѣдами), балами, концертами, операми и съ посѣщеніями уютныхъ, комфортабельныхъ клубовъ. Въ концѣ іюля приходится дать разшатаннымъ нервамъ трехнедѣльный отдыхъ въ одной изъ фешенэбльныхъ морскихъ купаленъ: Брейтонъ, Скарборо, Истборнъ, или на континентѣ. Затѣмъ, 12-го августа начинается охота на

тщательно оберегаемыхъ до этого момента тетеревовъ. Перваго сентября очередь стоитъ за куропатками и фазанами. Кромѣ охоты, игра въ карты и сладостный флиртъ даютъ пріятное разнообразіе. Въ концѣ октября начинается излюбленная охота верхомъ—hunting,—продолжающаяся всю зиму. Наконецъ, раннею весною, когда Англія застигнута сильными вѣтрами, предпринимается путешествіе въ болѣе южныя страны—на Ривьеру, въ Италію, Египетъ и т. д.

Какъ видно изъ этого распредѣленія времени, общественная жизнь элегантнаго общества въ Англіи сосредоточивается не въ городахъ, а въ имѣніяхъ, гдѣ аристократія и мѣстная джентри проводятъ бо́льшую часть года. Надо, поэтому, посѣтить ихъ старые, средневѣковые за́мки и современныя виллы, окруженныя роскошными парками и обширными, обросшими густою обстриженною травою газонами, чтобы познакомиться съ барскою жизнью въ Англіи, не имѣющей себѣ подобной въ цѣломъ мірѣ. Гостепріимство въ Англіи превышаетъ, по своей широтѣ и утонченности, все, чѣмъ континентальная Европа можетъ гордиться въ этомъ отношеніи. Принимаютъ гостя безъ лишней пышности, но такъ, что ему дается иллюзія пребыванія у себя дома. Онъ пользуется услугами особаго камердинера; его комната, или комнаты, такъ расположены, въ башнѣ или особомъ флигелѣ, что до него не доходитъ ни малѣйшаго шума изъ остального дома; вся роскошная обстановка дома—библіотеки, галереи, биліардная, музыкальные инструменты, и т. д., и конюшня—находятся въ его распоряженіи; онъ вполнѣ свободенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и только обязанъ соблюдать часы завтрака и обѣда. Въ комнатахъ гостей висятъ печатныя карточки съ обозначеніемъ времени завтрака и обѣда, отхода и прихода почтъ и разстоянія до ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій. По близости находятся особыя ванныя, гдѣ можно во всякое время дня или ночи принимать теплую или холодную ванну; повсюду электрическое освѣщеніе; просторные камины, нагрѣвающіе и очищающіе воздухъ комнатъ своимъ огнемъ. Постель мягка и широка,—въ ней спится превосходно; туалетъ снабженъ огромными зеркалами, письменный столъ — всѣми принадлежностями, и въ томъ числѣ почтовою бумагою, на которой, въ верхнемъ лѣвомъ углу, напечатанъ почтовый адресъ за́мка; вся мебель выдержана въ извѣстномъ стилѣ; на столѣ стоитъ большой букетъ съ отборными цвѣтами. По англійскому обычаю, спальни находятся въ верхнихъ этажахъ, тогда какъ нижній этажъ содержитъ библіотеку, столовую, салоны (drawing rooms), танцо-

вальный залъ, билліардную, картинныя галереи и большой входный залъ (entrance hall), украшенный разными оружіями и охотничьими трофеями. Часто обвиняютъ англичанъ въ недостаткѣ эстетическаго чувства,—но какія у нихъ, однако, роскошныя коллекціи цѣнныхъ картинъ! Въ Аливикѣ, замкѣ герцога Нортумберландскаго, я видѣлъ картины первоклассныхъ итальянскихъ мастеровъ,—Леонардо да Винчи, Андреа дель Сарто, Ботичелли, Рафаэля, Фра Бартоломео. Въ замкѣ Ревенсвортъ мнѣ показали Рубенса и Ванъ-Дейка. Въ Виндлестонѣ, имѣніи баронета Иденъ, находится драгоцѣннѣйшая коллекція картинъ великихъ мастеровъ почти всѣхъ главныхъ школъ европейскаго континента. Крагсайдъ и Бамборо, замки лорда Армстронга, изобилуютъ самыми разнообразными и великолѣпными картинами. Почти во всѣхъ красивыхъ виллахъ и домахъ посѣтитель находитъ большія коллекціи англійской живописи. Кромѣ того, англичане любятъ составлять коллекціи историческихъ и другихъ рѣдкостей. Особенно хороши и богаты ихъ коллекціи разныхъ фарфоровъ,—севрскаго, мейсенскаго, берлинскаго, итальянскаго, азіатскаго и англійскаго. Всѣ роды фарфора означаются довольно курьезно однимъ и тѣмъ же словомъ—„China“. Въ имѣніи Честерсъ, лежащемъ близъ римской стѣны, воздвигнутой императоромъ Адріаномъ противъ нападеній дикихъ сѣверныхъ племенъ, пиктовъ и скоттовъ, находится въ особомъ домѣ музей съ интереснѣйшими остатками римскаго владычества, найденными при римскихъ лагеряхъ, расположенныхъ вдоль Адріановской стѣны.

Эстетическое чувство англичанъ выражается также большою ихъ любовью къ цвѣтамъ. Каждый сколько-нибудь большой домъ въ графствахъ и городахъ имѣетъ свои теплицы для произведенія самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Въ большихъ имѣніяхъ теплицы и оранжереи занимаютъ обширное пространство и производятъ такое изобиліе цвѣтущихъ растеній, что можно украшать домъ круглый годъ самымъ изящнымъ образомъ. Особенно роскошно бываетъ убранъ обѣденный столъ, и замѣчателенъ тотъ фактъ, что обязательное украшеніе обѣденнаго стола цвѣтущими растеніями соблюдается не только въ богатыхъ домахъ, но и въ широкихъ слояхъ буржуазіи, которые въ континентальныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, не думаютъ о томъ, чтобы расходовать деньги на такой кажущійся имъ ненужнымъ предметъ, какъ цвѣты, не приносящіе никакой практической пользы. Изъ этого видно, что у англичанъ эстетическое чувство даже болѣе развито, чѣмъ на континентѣ, и что они достаточно умѣ-

ютъ цѣнить не только практическую, но и изящную сторону жизни.

Вообще говоря, распредѣленіе жизни въ англійскихъ имѣніяхъ представляетъ чрезвычайно здоровое и пріятное соединеніе тѣлесныхъ упражненій и отдыха въ комфортабельнѣйшей и роскошнѣйшей обстановкѣ. Раннее утро обыкновенно идетъ на почтовую корреспонденцію. Англичане, и особенно англичанки, пишутъ очень много писемъ, и ихъ вѣжливость въ этомъ отношенія можетъ служить образцомъ для представителей другихъ націй. Для каждаго, имѣющаго дѣловыя или общественныя сношенія съ англичанами, полезно будетъ не забывать, что отъ него ожидаютъ приложенія той же вѣжливости, какою онъ пользуется съ ихъ стороны. Напримѣръ, въ Англіи принято отвѣчать на письмо въ тотъ же самый день, когда оно было получено, и если нельзя этого сдѣлать по сложности запросовъ, то, по крайней мѣрѣ, сейчасъ же увѣдомляютъ о полученіи письма и о предстоящемъ будущемъ подробномъ отвѣтѣ. По посѣщеніи имѣнія, возвратясь домой, необходимо немедленно послать письмо, выражая благодарность за гостепріимство. Отвѣчаютъ также на каждое письмо съ приглашеніемъ—будь это только приглашеніе на five o'clock tea.

Англичане одѣваются весьма разнообразнымъ образомъ, смотря по времени дня и опредѣленному случаю. Одежда дамъ утромъ состоитъ въ широкихъ, не тѣсно прилегающихъ платьяхъ. Мужчины бываютъ въ пиджакахъ и длинныхъ или короткихъ, съ высокими чулками, штанахъ (knickerbockers). Послѣ перваго завтрака (breakfast) происходитъ первая перемѣна декораціи — надѣвается костюмъ, соотвѣтствующій данному спорту. Почти для каждаго спорта имѣется особый костюмъ. Гардеробы мужчинъ и особенно гардеробы женщинъ — огромные. Для спорта дамы обыкновенно носятъ короткія юбки, дающія просторъ движеніямъ, и надѣваютъ при этомъ крѣпкіе сапоги. Мужская обувь снабжена широкими подошвами, облегчающими, по мнѣнію англичанъ, ходьбу. Кстати, стремленіе покрыть какъ можно больше пространства на земномъ шарѣ всегда была отличительною чертою англосаксонской расы!

Голова покрывается самыми удивительными, но практичными, плотно прилегающими фуражками. Джерси, блузы и тому подобныя, не мѣшающія движеніямъ одежды пополняютъ цѣлесообразный костюмъ, производящій, однако, впечатлѣніе маскарада, въ которомъ нѣжный полъ старается показаться въ возможно болѣе необыкновенномъ и неуклюжемъ видѣ. Особенно шотланд-

скіе береты (tam o'shanter), кокетливо едва пришпиленные къ волосамъ, или же надѣтые на всю голову, до ушей, одинаково живописны и практичны, эффектно окаймляя свѣжія личики англосаксонскихъ красавицъ. Для тенниса дамы и мужчины надѣваютъ бѣлые фланелевые костюмы; въ гольфъ играютъ въ красныхъ пиджакахъ; для футбола требуются короткіе брюки, длинные чулки и оголенныя колѣни. Шотландцы носятъ свой національный костюмъ (kilt), состоящій изъ короткой юбки и длинныхъ чулковъ, съ оголенными колѣнями. Въ Штотландіи „kilt" иногда надѣвается не только при спортѣ и горныхъ восхожденіяхъ, но и на балахъ.

При ѣздѣ верхомъ, дамы носятъ панталоны изъ чернаго сукна, юбку, падающую до сапоговъ, и тѣсно прилегающую длинную жакетку изъ той же матеріи, высокіе сапоги изъ лакированной кожи и круглую шляпу-котелокъ, покрывающую всю прическу. Нельзя сказать, чтобы костюмъ этотъ былъ дамамъ къ лицу, — для этого онъ слишкомъ напоминаетъ неудачное подражаніе мужской одеждѣ. Зато онъ болѣе цѣлесообразенъ для верховой ѣзды, чѣмъ длинная юбка и высокая шляпа наѣздницъ прошлаго столѣтія. Мужчины надѣваютъ короткіе брюки (riding breeches) и длинныя штиблеты (leggings). Управляющій охотою (Master of the Hounds) и пикёры бываютъ въ красныхъ кафтанахъ. Охота верхомъ (hunting) признается въ Англіи главнымъ изъ всѣхъ спортовъ, и дѣйствительно, удовольствіе, извлекаемое изъ жаркой погони на кровной лошади за лисицею, черезъ заборы и живыя изгороди, которыми поля и луга отдѣлены другъ отъ друга, не имѣетъ себѣ равнаго. Красивую картину представляетъ встрѣча (the meet) передъ самымъ началомъ охоты. Число лицъ, принимающихъ участіе въ гонкѣ (the field) часто доходитъ до ста. Встрѣча происходитъ въ условленномъ мѣстѣ, обыкновенно въ красивой мѣстности, по близости одного изъ имѣній. На лицахъ обрисовываются ожиданіе и радость; образуются оживленныя группы, но избѣгаютъ громкихъ возгласовъ или вульгарной экспансивности. Все происходитъ безъ шума, гладко и аристократично. Появляются гончія собаки (the pack), весело помахивая хвостами. Ихъ бываетъ, приблизительно, семьдесятъ-пять. Наконецъ, выступаетъ „мастэръ" и пикёры. Они указываютъ направленіе, по которому пойдетъ гонка, и охота начинается. Лошади, употребляемыя на этихъ охотахъ, большею частью прекрасной породы. Онѣ перескакиваютъ черезъ заборы, изгороди и каменныя преграды съ замѣчательною легкостью и вѣрностью. Въ Ирландіи всѣ поля раздѣлены другъ отъ друга не живыми

изгородями, а каменными оградами, но это нисколько не мѣшаетъ охотѣ. Если принять во вниманіе, что охота верхомъ продолжается почти полгода и что она во многихъ графствахъ производится по три и четыре раза въ недѣлю, то можно лишь удивляться рѣдкости несчастныхъ случаевъ съ удалыми наѣздниками и наѣздницами. Это показываетъ, насколько ихъ лошади надежны. Тогда какъ лисица обыкновенно бѣжитъ по одному направленію, заяцъ дѣлаетъ круги и постоянно приходитъ обратно къ прежнему мѣсту. Поэтому охота верхомъ производится лишь на лисицъ, чтобы имѣть возможность скакать на далекихъ разстояніяхъ, а на зайцевъ охотятся пѣшкомъ съ собаками меньшей породы (beagles). При этомъ не приходится бѣгать все время: часто дамы и мужчины, принимающіе участіе въ этомъ спортѣ, предполагающемъ хорошія легкія и длинныя ноги, останавливаются на возвышенныхъ мѣстахъ, чтобы слѣдить за погонею, нерѣдко вертящеюся кругомъ и возвращающеюся къ прежнему мѣсту.

Занимаются различными спортами обыкновенно до четырехъ часовъ по полудни, съ перерывомъ для второго завтрака (lunch). Къ чаю въ пять часовъ происходитъ основательное измѣненіе туалетовъ. Къ этому часу женщины переодѣваются въ элегантныя платья для визитовъ, а мужчины надѣваютъ черный сюртукъ съ лакированными сапогами или башмаками. Англичане никогда на свѣжемъ воздухѣ не носятъ калошъ, а крѣпкіе шнурованные сапоги, обмѣняемые на легкіе лакированные башмаки, когда они возвращаются домой. Время отъ five o'clock tea до обѣда, бывающаго въ восемь часовъ, проводится въ бесѣдѣ, за чтеніемъ, за билліардною игрою, въ отправкѣ писемъ и т. д. Каждый совершенно свободенъ предпринять, что̀ ему угодно. За полчаса до обѣда раздается гонгъ, предупреждающій дамъ о томъ, что пора одѣваться. На обѣдъ женщины являются въ бальныхъ туалетахъ decolletée и съ цвѣтами, мужчины—во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Часто вмѣсто обыкновеннаго чернаго фрака носятъ цвѣтной фракъ, съ изображеніями того охотничьяго общества, къ которому данное лицо принадлежитъ, короткіе шолковые штаны, высокіе черные чулки и лакированные башмаки съ серебряными пряжками. Обычай быть каждый день къ обѣду во фракѣ соблюдается приблизительно каждымъ сколько-нибудь состоятельнымъ англичаниномъ, и ихъ дамы къ этому времени одѣваютъ если не robe decolletée, то, по крайней мѣрѣ, элегантный вечерній костюмъ. Русскому человѣку обычай этотъ покажется чопорнымъ, англичанамъ же онъ кажется единственнымъ достойнымъ джентльмена и вообще культурнаго человѣка. Частая пе-

ремѣна костюма составляетъ характерную черту англійской жизни, но при этомъ у нихъ не существуетъ пустого щегольства вѣнскаго, французскаго или испанскаго petit crevé, старающихся удивить міръ какою-то изысканною манерою одѣваться. Въ Англіи никто не придаетъ особеннаго значенія тому, чтобы быть одѣтымъ какъ слѣдуетъ, и всякія излишества и стараніе выдѣлиться отъ другихъ особенно богатыми и причудливыми костюмами истолковываются какъ признаки дурного воспитанія.

Приблизительно послѣ одиннадцати часовъ, дамы уходятъ къ себѣ, и мужчины, переодѣвшись въ удобный smoking jacket, или короткіе халаты, проводятъ еще часъ въ курильной съ виски или коньякомъ, разбавленными водою. По воскресеньямъ планъ жизни измѣняется тѣмъ, что спорты и игры не допускаются, за исключеніемъ крокета; ходятъ въ церковь въ костюмахъ чернаго цвѣта, мужчины—въ длинныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ, хотя это не обязательно. Для ночи не одѣваютъ старомодной ночной рубашки, а вмѣсто нея—костюмъ причудливыхъ цвѣтовъ, такъ называемые pyjamas, т.-е. панталоны и жакетку изъ мягкой шерсти или шолка.

Какъ видно, у англичанъ нѣтъ недостатка въ savoir vivre. Жизнь въ имѣніяхъ дворянъ и мѣстнаго джентри, дѣйствительно, не оставляетъ желать лучшаго. Живущій исключительно для удовольствія кругъ людей, smart set, ею злоупотребляетъ, а для занятаго дѣлами, business man, она даетъ самый удовлетворяющій и подходящій отдыхъ. Многіе дѣловые люди постоянно живутъ въ собственныхъ или наемныхъ домахъ, далеко отъ городовъ, въ графствахъ, и каждый день пріѣзжаютъ въ городъ для своихъ дѣловыхъ цѣлей. Прекрасныя желѣзнодорожныя сообщенія и все болѣе распространяющіеся моторные экипажи способствуютъ тому.

Жизнь англичанъ этого круга вертится главнымъ образомъ около двухъ полюсовъ: business и sport. Въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ и въ спортѣ англичане показываютъ себя съ самой лучшей стороны. Они проникнуты сознаніемъ святости даннаго слова, и публичное довѣріе стоитъ въ Англіи приблизительно на столь же высокомъ уровнѣ, какъ publica fides классическаго Рима. Это же облегчаетъ дѣловыя сношенія. Отъ business man'а обязательно требуютъ fair play, т.-е. прямого и честнаго отношенія къ дѣлу. Само собой разумѣется, что и въ Англіи, въ дѣловомъ мірѣ, случаются мошенническія продѣлки, но, вообще говоря, въ Англіи окончательный успѣхъ дѣлового человѣка покоится въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ другихъ странахъ,

на его добропорядочности и пріобрѣтенномъ имъ общественномъ довѣріи.

Обстановка дѣловой жизни—образцовая. Какъ извѣстно, въ меркантильной странѣ, какъ Англія, главнымъ „business" считаютъ торгово-промышленныя дѣла. Въ сравненіи съ ними, остальныя отрасли человѣческой дѣятельности, какъ-то: политика, искусство, свободныя профессіи и государственная служба, имѣютъ второстепенное значеніе. При такомъ взглядѣ англичане относятся къ торгово-промышленнымъ дѣламъ съ серьезностью, доходящею почти до благоговѣнія. Неряшливость, небрежность или халатность („дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ"), куреніе табака и бесѣды, не относящіяся къ дѣлу, вовсе не допускаются въ конторахъ и присутственныхъ мѣстахъ. Соблюдается крайнее прилежаніе, педантичная аккуратность. На запросы и дѣловыя письма отвѣчаютъ по возможности съ слѣдующею же почтою. Стиль дѣловыхъ писемъ и обхожденіе съ кліентами изысканно вѣжливы, при одновременномъ избѣганіи излишнихъ фразъ и словоохотливости. Если форма веденія торгово-промышленныхъ дѣлъ въ Англіи можетъ служить образцомъ для всѣхъ странъ свѣта, то самое ихъ веденіе свидѣтельствуетъ объ умѣлости, предпріимчивости, энергіи, систематичности и изобрѣтательности. Поднятый Чемберленовскою прессою для собственныхъ цѣлей шумъ о торгово-промышленной отсталости Англіи былъ слишкомъ тенденціозенъ и сразу затихъ съ паденіемъ консервативнаго министерства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англія, производившая столько изобрѣтателей, отличившихся своимъ творчествомъ на разныхъ промышленныхъ поприщахъ, до послѣдняго времени все еще не уступаетъ другимъ народамъ въ своей торгово-промышленной дѣятельности.

Второй полюсъ, около котораго вертится жизнь въ Англіи,—спортъ—также служитъ выраженіемъ доброкачественности англосаксонской расы. Влеченіе англичанъ къ спорту кажется многимъ безполезнымъ безуміемъ. Правда, что спортъ не имѣетъ практической цѣли наживы, какъ „business", но именно отсутствіе подобныхъ соображеній дѣлаетъ изъ него самую подходящую форму отдыха для человѣка, постоянно напрягающаго всѣ свои мысли на дѣловые интересы. Ничто не освѣжаетъ умъ больше, чѣмъ временная возможно полная перемѣна въ направленіи умственной дѣятельности. Иначе было бы непонятно, что, напр., такой выдающійся государственный человѣкъ, какъ бывшій премьеръ Бальфуръ, страстно преданъ игрѣ въ гольфъ, состоящей въ томъ, что маленькій гуттаперчевый мячикъ гонится палкамя

съ желѣзными наконечниками къ извѣстной ямкѣ. Для этой игры требуется напряженіе всего вниманія на мячикъ, чтобы не промахнуться. Именно это напряженіе вниманія заставляетъ игрока выйти изъ обычнаго круга и даетъ ему полный умственный отдыхъ. Кромѣ этого благодѣтельнаго психическаго вліянія, спортъ также сохраняетъ физическія силы и развиваетъ мускулы. Онъ поэтому имѣетъ особенное значеніе для молодежи, предупреждая одностороннее развитіе умственныхъ способностей. Благодаря ему, въ Англіи достигается одинаковое развитіе ума и тѣла: mens sana in corpore sano.

Главная причина, почему спортъ такъ сильно привился у англичанъ, состоитъ въ томъ, что они не понимаютъ отдыха въ смыслѣ бездѣйствія, по неаполитанскому рецепту—dolce far niente. Благодаря хорошимъ климатическимъ условіямъ британскихъ острововъ и прирожденному вкусу къ движенію, они располагаютъ избыткомъ энергіи, и вслѣдствіе этого ихъ развлеченія принимаютъ форму физическихъ упражненій и состязаній. Извѣстный ученый лордъ Эвебюри (Джонъ Леббокъ) въ своей книгѣ „Счастье въ жизни“ утверждаетъ, что работа, усиліе, борьба и любовь къ преодолѣнію препятствій для англосаксонцевъ не представляютъ тягостей. И дѣйствительно, эта характерная ихъ черта, которой они обезпечили себѣ міровой успѣхъ и процвѣтаніе, проявляется не только въ работѣ, которою они снискиваютъ себѣ пропитаніе, но и въ отдыхѣ, въ которомъ они по врожденной наклонности, а не по необходимости, упражняютъ свою физическую и душевную энергію. Подходящее для нихъ удовольствіе состоитъ не столько въ театральныхъ или концертныхъ представленіяхъ или въ зрѣлищахъ другихъ увеселительныхъ заведеній, въ которыхъ на участниковъ сборища выпадаетъ лишь совершенно пассивная роль зрителя, сколько въ активномъ примѣненіи своихъ собственныхъ силъ. Другіе народы имѣютъ основаніе завидовать привычкѣ англичанъ къ постояннымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, вырабатывающимъ въ нихъ самосознаніе, настойчивость и выдержку характера. Въ странахъ европейскаго материка все еще придаютъ слишкомъ мало значенія педагогической пользѣ, извлекаемой изъ спортивныхъ упражненій на свѣжемъ воздухѣ. Не надо забывать, что служащая европейскому воспитанію образцомъ грекоримская классическая культура состояла не въ присвоеніи универсальнаго знанія, но въ образованіи ума, идущемъ рука объ руку съ возможно бо̀льшимъ развитіемъ человѣческаго тѣла.

Кромѣ развитія физическихъ силъ, спортъ имѣетъ также нравственное значеніе: онъ предупреждаетъ половую разнуздан-

ность. Во Франціи почти каждый молодой человѣкъ, достигшій зрѣлаго возраста, считаетъ своею обязанностью предаваться безпутной жизни. Въ годы ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ проводитъ большую часть своего свободнаго времени въ обществѣ развратныхъ женщинъ, и онъ очень далекъ отъ признанія необходимости ограниченія своихъ половыхъ влеченій. Напротивъ, англійскій юноша держитъ себя гораздо цѣломудреннѣе французскаго, не только въ силу нравственныхъ принциповъ, но и вслѣдствіе любви къ спорту, заполняющему почти все его свободное время и сдерживающему его половые инстинкты. Благодѣтельное вліяніе спорта въ этомъ смыслѣ незамѣнимо ничѣмъ другимъ въ свѣтѣ. Англичане сознаютъ его нравственное значеніе лучше другихъ народовъ, и вслѣдствіе этого одна изъ главныхъ ихъ заботъ состоитъ въ томъ, чтобы постоянно поддерживать вкусъ націи къ спортивнымъ упражненіямъ.

Спортивный духъ англичанъ зависитъ также отъ занимаемаго англійскою женщиною положенія въ семьѣ и обществѣ. Во Франціи вкусъ къ спорту не можетъ развиться потому, что французъ находитъ смыслъ и значеніе жизни единственно въ сношеніяхъ съ другимъ поломъ. Онъ посвящаетъ все время, не занятое снискиваніемъ пропитанія, культу женскаго пола. Само собою разумѣется, что женщины при такихъ обстоятельствахъ имѣютъ большое значеніе для мужчинъ, составляя почти единственную цѣль ихъ жизни. Но ея роль любовницы нисколько не даетъ ей равноправности съ мужчинами и одинаковой съ ними степени уваженія. По французскимъ понятіямъ, перешедшимъ къ другимъ народамъ европейскаго континента, честь мужчины различается отъ чести женщины тѣмъ, что первая обнимаетъ все гражданское и нравственное положеніе мужчины, тогда какъ честь женщины выражаетъ лишь ея половую непорочность. Въ глазахъ француза, женщина—весьма заманчивое существо, но она, въ сравненіи съ мужчиной, не считается человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Во французскомъ языкѣ и въ другихъ нарѣчіяхъ латинскихъ народовъ это понятіе рельефно выражается тѣмъ, что „homme“ не обозначаетъ женщины, т.-е. для обозначенія понятій „мужчина“ и „человѣкъ“ существуетъ лишь одно слово. Послѣ норманскаго завоеванія Англіи, этотъ характерный недостатокъ французскаго языка перешелъ въ англійскій, причемъ, однако, онъ не отражалъ перемѣны въ положеніи англосаксонской женщины. У французовъ женщина слишкомъ много цѣнится какъ куртизанка и слишкомъ мало какъ человѣкъ и равноправный товарищъ мужчины. Французскій народъ медленно, но неминуемо

клонится къ упадку оттого, что у него половая жизнь чрезмѣрно развита и носитъ признаки вырожденія, мѣшающаго тѣлесному развитію, предупреждающаго произведеніе обильнаго потомства и порождающаго легкомысленность, фривольность и поверхностность. Напротивъ, въ Англіи признаки полового развращенія отсутствуютъ. Является это, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ того, что англійская женщина занимаетъ въ обществѣ и семьѣ не только мѣсто полового существа, но и человѣка, одареннаго, какъ мужчина, умственными способностями и характеромъ. На занимаемой современнымъ цивилизованнымъ міромъ степени культуры, въ которой превосходство физической силы мужчины надъ женщиной болѣе не играетъ роли въ общественныхъ отношеніяхъ, женщина имѣетъ право на равное положеніе съ мужчинами въ обществѣ. Если женщина уступаетъ мужчинѣ въ физической силѣ, абстрактномъ и логическомъ мышленіи и въ изобрѣтательности, то она, зато, одарена болѣе тонкимъ вкусомъ, болѣе развитою чувствительностью, большею способностью пассивнаго сопротивленія, большею кротостью. Въ экономіи природы роль женщины иная, и она поэтому не можетъ конкуррировать съ мужчиною на всѣхъ поприщахъ производительнаго труда; но мужчина не можетъ замѣнить ее въ сферѣ ея дѣятельности, какъ, напр., въ пониманіи тѣлесныхъ и душевныхъ потребностей ребенка, въ кроткомъ обученіи его, въ неизсякаемомъ терпѣніи и въ неограниченной любви, на которую вообще способно только материнское сердце. Такимъ образомъ, дѣятельность женщины одинаково необходима и полезна для общества и государства, какъ работа мужчины. У народовъ,—какъ у англичанъ, сознавшихъ все нравственное и душевное значеніе добросовѣстной матери, дающей ребенку не только жизнь, но и первое воспитаніе и основы характера,—женщина пользуется не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ мужчина. На нее смотрятъ не какъ на игрушку для пріятнаго проведенія времени, но какъ на равноправный съ мужчиною факторъ въ человѣческомъ, семейномъ и общественномъ отношеніи...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что англійскій народъ не только стоитъ на высокой степени культуры, но отличается честностью, правдивостью, аккуратностью, прилежаніемъ, добросовѣстностью, энергіею, предпріимчивостью, религіозностью и духомъ гражданскимъ. Но если ближе всмотрѣться въ этотъ густой букетъ доблестей, то приходится убѣдиться въ томъ, что онѣ соблюдаются не въ силу возвышенныхъ нравственныхъ принциповъ, но вслѣдствіе сознанія ихъ полезности, для преуспѣянія въ

практической жизни. Это становится особенно понятнымъ, если вспомнить, что утилитарная философія Милля и Бентама, по которой соблюденіе нравственности основывается на холодномъ разсчетѣ извлекаемой изъ нея практической пользы, возродилась именно на англійской почвѣ, и что такъ называемая христіанская наука („Christian Science"), по которой религіозность и вѣра въ Іисуса Христа практикуются по соображеніямъ ихъ цѣлебнаго и вообще подкрѣпляющаго вліянія на здоровье вѣрующаго, изобрѣтена англосаксонской американкой миссисъ Эди. Проявленная англичанами стойкость характера въ примѣненіи морали изъ-за практическихъ соображеній, конечно, сама по себѣ, можетъ фигурировать какъ крупная ставка въ активѣ ихъ нравственнаго баланса, ибо многіе люди другихъ націй также усвоиваютъ убѣжденіе, что для репутаціи и кредита полезно говорить правду, не обманывать и т. д., но вслѣдствіе слабости характера оказываются неспособными обращать это убѣжденіе въ соотвѣтствующія дѣйствія. Жизнь англичанъ идетъ, какъ машина, своимъ правильнымъ практическимъ ходомъ; ихъ добродѣтели точно такъ же функціонируютъ, какъ колеса этой машины...

Бар. Г. Гейкингъ.

Newcastle-on-Tine.

ДѢЛО ВЪ ВАРШАВѢ

Разсказъ изъ судебной практики.

I.

Какъ-то въ концѣ весны, незадолго до катастрофы съ Плеве, меня пригласили защищать въ Варшавѣ молодого человѣка, Гурцмана, замѣшаннаго въ одномъ страшномъ убійствѣ. Четверо человѣкъ изъ полиціи и охраны были убиты наповалъ при жандармскомъ обыскѣ. Судились двое, Каспржакъ и Гурцманъ. Это убійство произвело панику. Ничего подобнаго, при Плеве, еще не совершалось. Преступленіе было немедленно передано въ военный судъ, и подсудимыхъ ожидала висѣлица. Изъ прочитанныхъ бумагъ и разговоровъ съ близкими Гурцмана я убѣдился, что этотъ юноша былъ нелѣпымъ образомъ припутанъ къ дѣянію, совершенному исключительно лишь другимъ подсудимымъ, Каспржакомъ, по его личной волѣ и побужденіямъ.

Вотъ сущность дѣла. Каспржакъ—сорока-пятилѣтній соціалъ-демократъ, издавна составившій себѣ громкую репутацію въ Пруссіи, намѣченный уже депутатомъ въ рейхстагъ отъ своей партіи, навѣстилъ Россію, въ цѣляхъ пропаганды, лѣтъ за пять передъ настоящимъ процессомъ. Держалъ онъ себя тогда настолько неосторожно, что его арестовали въ Варшавѣ. Въ тюрьмѣ онъ обнаружилъ признаки душевнаго разстройства. Его помѣстили въ больницу Яна Божескаго на испытаніе. Спустя четыре мѣсяца, онъ распилилъ желѣзную рѣшетку въ окнѣ своей камеры, вставилъ вмѣсто нея рѣшетку, вылѣпленную изъ чернаго хлѣба, и бѣжалъ заграницу. Его побѣгъ былъ замѣченъ только черезъ сутки. Затѣмъ онъ благополучно работалъ въ Германіи, но вес-

ною 1904 года его снова потянуло въ Россію, въ виду сильно развившагося здѣсь рабочаго движенія. Онъ предпринялъ поѣздку въ Лодзь и Варшаву, чтобы убѣдиться, насколько преуспѣваетъ соціализмъ въ Россіи, и поддержать революцію. Въ Лодзи онъ пробылъ три дня, ютился у бѣдняковъ, повидался, съ кѣмъ слѣдуетъ, и прибылъ въ Варшаву, гдѣ нѣсколько его единомышленниковъ были секретно извѣщены о его пріѣздѣ. Онъ взялъ тѣсную комнатку, на окраинѣ, у бѣднаго сапожника.

Къ тому времени, юный технологъ Бенедиктъ Гурцманъ, знавшій Каспржака только по наслышкѣ, тотчасъ по окончаніи курса примкнулъ къ соціалъ-демократамъ. Одинъ изъ товарищей увѣдомилъ его о прибытіи Каспржака и обязалъ его принести къ извѣстному часу, въ комнатку сапожника, запасъ бумаги для набора прокламаціи, сочиненной Каспржакомъ. Новичокъ Гурцманъ и старый соціалистъ Каспржакъ встрѣтились безъ долгихъ объясненій. Передавъ Каспржаку бумагу, Гурцманъ присѣлъ у окна и сталъ читать газету, а Каспржакъ занялся наборомъ прокламаціи. Ихъ окружала тишина. Было четыре часа дня.

Тайная полиція не имѣла никакихъ свѣдѣній ни о пріѣздѣ Каспржака, ни о прикосновенности Гурцмана къ соціальнымъ ученіямъ. Она искала въ этотъ день лишь того молодого человѣка, который послалъ Гурцмана къ Каспржаку, и, не заставъ преслѣдуемаго въ его квартирѣ, направилась къ сапожнику, у котораго, по свѣдѣніямъ полиціи, этотъ юноша бывалъ. Полиція ловила этого юношу совершенно независимо отъ его сношеній съ Каспржакомъ и Гурцманомъ. И вдругъ въ квартирѣ сапожника разыгралось ужасное кровопролитіе.

Гурцманъ, читавшій газету, услыхалъ за дверью русскую рѣчь. Въ предмѣстьи Варшавы это было необычайно. И онъ шепнулъ Каспржаку: „Кажется, полиція“... Каспржакъ немедленно прикрылъ бумагою шрифтъ и всю свою работу. Въ дверь постучали. Каспржакъ ее открылъ. На порогѣ показался чиновникъ охраннаго отдѣленія. Каспржакъ вынулъ револьверъ, выстрѣлилъ и убилъ его сразу. Изъ-за него высунулся околоточный. Каспржакъ убилъ и его. Двое городовыхъ, пытавшихся проникнуть въ комнату, были также повалены выстрѣлами.

Поблѣднѣвшій, оторопѣвшій Гурцманъ рѣшительно не понималъ, что творится. Онъ инстинктивно пытался вырваться изъ комнаты. Перешагнувъ черезъ два трупа и двухъ умирающихъ городовыхъ, онъ выбѣжалъ во дворъ. Каспржакъ продолжалъ защищаться одинъ, сцѣпившись съ послѣднимъ городовымъ, ворвавшимся въ комнату за нѣсколько секундъ передъ побѣгомъ

Гурцмана, такъ что убѣгавшій Гурцманъ задѣлъ этого городового или наткнулся на него, пробираясь наружу. Выстрѣлъ Каспржака въ этого городового былъ неудаченъ. Городовой отнялъ у Каспржака револьверъ и хотѣлъ тутъ же убить его, но револьверъ не выстрѣлилъ (оказалось, что въ шестиствольномъ револьверѣ Каспржака было всего пять зарядовъ). Но и послѣдняго городового Каспржакъ все-таки одолѣлъ, ранивъ его въ щеку ножомъ. Тогда городовой выбѣжалъ почти вслѣдъ за Гурцманомъ.

Каспржакъ остался въ опустѣвшей квартирѣ сапожника. Вокругъ него валялись его жертвы: два трупа и два агонизирующихъ. Но онъ дошелъ до такого бѣшенства, что передъ тѣмъ, какъ выйти, схватилъ сапожный ножъ и нанесъ имъ еще нѣсколько ранъ, какъ мертвымъ, такъ и умирающимъ. Наконецъ, и онъ выбѣжалъ во дворъ.

Въ то время Гурцману уже скрутили руки за спину и разбили до крови носъ. Наконецъ, поймали и Каспржака.

Таково истинное содержаніе дѣла, какимъ оно мнѣ выяснилось на судѣ.

Разскажу теперь о судѣ.

II.

Я выѣхалъ въ Варшаву 17-го іюля, вечеромъ. Въ этотъ день, утромъ, похоронили Плеве. Подъѣзжая къ варшавскому вокзалу, я еще видѣлъ перебитыя окна во всѣхъ этажахъ гостинницы на мѣстѣ взрыва. Стекла были, собственно, не разбиты, но прорѣзаны продолговатыми дырками разной формы, въ видѣ языковъ, лапчатыхъ листьевъ, треугольниковъ и т. п. Въ то время, какъ я обозрѣвалъ эти ряды израненныхъ стеколъ, представляя себѣ грохотъ и силу потрясеннаго воздуха, Плеве уже покоился недалеко отъ вокзала, за оградою Новодѣвичьяго монастыря.

По пріѣздѣ въ Варшаву, я прежде всего обсудилъ дѣло вмѣстѣ съ моими товарищами по защитѣ, польскими адвокатами Кіеньскимъ и Патекомъ. Оба—очень талантливые люди. Кіеньскій—опытный юристъ, съ профессорской эрудиціей, весьма корректный, но недовѣрчивый и щепетильный въ сношеніяхъ съ русской юстиціей. Патекъ—молодой, воодушевленный ораторъ, находчивый, съ искренними интонаціями и привлекательными манерами.

Мы видѣли, что, въ случаѣ осужденія, висѣлицы неизбѣжны. Надо было постараться извлечь дѣло изъ рукъ военнаго суда. У насъ были къ тому законныя основанія. Вѣдь подсудимые подводились подъ военную казнь только благодаря состоявшемуся между Плеве и Муравьевымъ особому соглашенію для настоящаго дѣла по правиламъ усиленной охраны. Между тѣмъ, послѣ этого соглашенія, Плеве провелъ и опубликовалъ законъ о сужденіи впредь всѣхъ политическихъ убійствъ въ судебныхъ палатахъ, съ участіемъ сословныхъ представителей (чѣмъ, кажется, спасъ только собственнаго убійцу, Сазонова). Значитъ, новый общій законъ долженъ былъ парализовать ту исключительную процедуру, къ которой прибѣгали, до его изданія, Плеве и Муравьевъ для дѣла Каспржака. По меньшей мѣрѣ, слѣдовало потребовать, чтобы министры уже за свой страхъ вновь обошли только-что изданный общій законъ и вновь потребовали исключительной подсудности для нашего дѣла.

Все это мы обстоятельно написали и подали наше заявленіе въ судъ, наканунѣ процесса. Судъ собралъ экстренное распорядительное засѣданіе и оставилъ нашу просьбу безъ послѣдствій, на томъ простомъ основаніи, что законъ объ усиленной охранѣ остался неизмѣненнымъ.

Тогда я попросилъ у предсѣдателя свидѣтельство для свиданія съ подсудимымъ. Оно было уже заготовлено и подписано на печатномъ бланкѣ. Пока я пробѣгалъ бланкъ, предсѣдатель, слѣдившій за моимъ чтеніемъ, проговорилъ: „Вы увидите, что слово *наединѣ* (въ свидѣтельствѣ о свиданіи) зачеркнуто. Это потому, что у насъ, по распоряженію администраціи, при свиданіи защитника съ подсудимымъ, всегда находится жандармъ. Все равно, если мы и не зачеркнемъ слова: *наединѣ*,—это будетъ такъ. Я васъ предупреждаю".

— Да, но зачѣмъ же вы зачеркиваете?..

Я ограничился этимъ вопросомъ. Мнѣ было извѣстно, что у Кіеньскаго эта характерная мелочь уже оформлена, на случай кассаціи. Соображая въ то же время, что жизнь Гурцмана зависитъ отъ этого самаго предсѣдателя, я добавилъ, что временно примиряюсь съ этимъ незаконнымъ порядкомъ только потому, что у насъ съ Гурцманомъ нѣтъ никакихъ тайнъ, и что весь нашъ разговоръ на свиданіи можетъ быть даже теперь оглашенъ передъ судомъ. И отправился въ цитадель.

Гурцманъ содержался въ „павильонѣ" для политическихъ. Такимъ идиллическимъ словомъ именовалась та казарма, въ которой мы встрѣтились. Арестанта вывели въ довольно свѣтлую

и большую комнату „для свиданій“, гдѣ поодаль отъ насъ, но самоувѣренно и спокойно, помѣстился молодой, усатый, прекрасно упитанный и, въ сущности, совершенно равнодушный жандармскій офицеръ.

У Гурцмана было истинно-прекрасное, классически-правильное юношеское лицо. Рѣчь его была искренняя, кроткая, спокойная. Несмотря на путаницу свидѣтельскихъ показаній, онъ логически не допускалъ, чтобы судъ не доискался до правды. Онъ строго разбирался во всѣхъ впечатлѣніяхъ своей памяти и доказывалъ, что его объясненія не могутъ быть опровергнуты. Онъ не ожидалъ всѣхъ происшедшихъ убійствъ, онъ самъ ихъ испугался. Въ отношеніи своихъ политическихъ взглядовъ онъ мнѣ повѣдалъ, что принадлежитъ къ чистымъ соціалистамъ, отвергающимъ насиліе. Онъ практически перенесъ на себя трудъ рабочаго и убѣдился, что пользоваться жизнью, когда всѣ наши удобства покоятся на нечеловѣческомъ существованіи большихъ массъ, просто стыдно, совершенно недопустимо. Поэтому онъ посвятилъ себя рабочему движенію, въ защиту всѣхъ обездоленныхъ. Я видѣлъ передъ собою, въ лицѣ этого юноши, теоретически-непреклонный умъ въ соединеніи съ сильною волею практическаго идеалиста. Молодой, красивый, любимый въ семьѣ, даровитый музыкантъ, Гурцманъ легко переносилъ цѣлые мѣсяцы одиночнаго заключенія, будучи поглощенъ своими идеями, проводя время въ чтеніи философскихъ книгъ и писаніи какихъ-то замѣтокъ (что ему разрѣшалось).

Я плохо надѣялся на правосудіе; знакомство же съ подсудимымъ окончательно убѣдило меня въ его непричастности къ пролитію крови.

На слѣдующій день утромъ, 20-го іюля, при яркомъ солнцѣ, я пошелъ съ своими бумагами на Краковское-Предмѣстье, въ военный судъ, помѣщавшійся во дворѣ большого казеннаго зданія. Ворота были заперты. Множество полицейскихъ въ бѣлыхъ кителяхъ стояло у входа. Подсудимые были провезены въ судъ секретно, подъ усиленнымъ конвоемъ. Меня пропустили по документамъ. Засѣданіе было строго-закрытое, но весь залъ былъ наполненъ любопытствующими жандармами всѣхъ возрастовъ, одѣтыми по лѣтнему въ бѣломъ. Среди нихъ, на одной изъ скамеекъ, выдавалась женщина въ траурѣ. Это была жена Каспржака, вызванная свидѣтельницей, чтобы удостовѣрить его личность, такъ какъ онъ упорно называлъ себя Майеромъ. Она еще не была отведена въ свидѣтельскую комнату и, по словамъ защитника Каспржака, старалась теперь разузнать, „выдадутъ ли ей трупъ ея мужа“... Женщина лѣтъ тридцати, блѣдная, съ

тонкими чертами лица, мутными сѣрыми глазами, приподнятыми бровями и рѣзкой линіей сжатыхъ, безкровныхъ губъ. Родомъ крестьянка изъ-подъ Варшавы, повѣнчанная съ Каспржакомъ въ Лондонѣ, сперва гражданскимъ бракомъ, а затѣмъ и по католическому обряду, она не видала мужа со дня его отбытія изъ Познани. Ея траурное платье было совершенно простое, но дамскаго фасона — не крестьянское. Передъ открытіемъ засѣданія ее удалили.

Вышелъ судъ. Приказали ввести подсудимыхъ.

Изъ маленькой двери, ведущей на возвышенное мѣсто за рѣшеткой, сперва показались два конвойныхъ съ ружьями, затѣмъ Каспржакъ, затѣмъ еще два конвойныхъ, за ними Гурцманъ, и еще два вооруженные солдата. Подсудимые смотрѣли дико. Судъ чувствовалъ себя безопасно, видя хорошую и надежную охрану. Оба преступника были въ сѣромъ арестантскомъ платьѣ.

Каспржакъ заметался во всѣ концы отгороженнаго мѣста для подсудимыхъ, толкаясь между солдатами. Онъ имѣлъ видъ, какъ будто его только-что схватили. Это былъ худощавый красный человѣкъ, съ косыми, странными глазами, съ остриженной головой и безпорядочною, сѣдоватою растительностью на давно-небритомъ лицѣ. Казалось, что судебный залъ представился ему чѣмъ-то неожиданнымъ, ослѣпившимъ его сразу. Онъ закидывалъ голову назадъ и шагалъ, озираясь во всѣ стороны, держась большею частью спиною къ суду. Гурцманъ стоялъ спокойно.

Когда Каспржакъ угомонился и сѣлъ, предсѣдатель предложилъ ему черезъ переводчика обычные вопросы о виновности. Онъ не всталъ, а въ отвѣтъ переводчику, сиплымъ голосомъ крикнулъ: „Я самъ всѣхъ забилъ“. Гурцманъ далъ вполнѣ ясные отвѣты на вопросы предсѣдателя.

Началось разбирательство.

Всѣ свидѣтели согласно показывали, что стрѣлялъ и наносилъ раны только Каспржакъ. Но изъ путаницы показаній на предварительномъ слѣдствіи о томъ, кто прежде выскочилъ изъ квартиры, Каспржакъ или Гурцманъ, въ обвинительномъ актѣ набрасывалось подозрѣніе на Гурцмана, будто онъ, послѣ выхода Каспржака, прикололъ умирающихъ. Намекалось и на то, что Гурцманъ не перескочилъ черезъ городового, боровшагося съ Каспржакомъ, а сдернулъ его съ Каспржака. Поэтому оба предавались суду за то, что, завидѣвъ изъ окна приближающуюся полицію, совершили убійства совмѣстно, по предварительному соглашенію... Все это оказалось вздоромъ, т.-е. плодомъ канцелярски-мертвенной и неумѣлой записи показаній судебнымъ слѣ-

дователемъ. Напримѣръ, показаніе главнаго свидѣтеля, городового, было записано такъ: „все время, пока я боролся съ Каспржакомъ, Гурцманъ оставался *пассивнымъ*". Я потребовалъ прочесть эту часть протокола и спросилъ свидѣтеля: „Сами ли вы сказали: „пассивный", или слѣдователь отъ себя написалъ это слово?"—Я не говорилъ...—Тогда прокуроръ вмѣшался: „Но вѣдь слѣдователь тебѣ прочелъ твое показаніе и ты его подписалъ". —Точно такъ.—Но я переспросилъ: „А слѣдователь объяснилъ вамъ, что̀ значитъ *пассивный?*" — Никакъ нѣтъ.—„Не догадываетесь ли вы, по крайней мѣрѣ теперь, что̀ бы это могло значить?"—Не могу знать.

Жалкій видъ имѣли хозяева квартиры, въ которой произошли убійства, сапожникъ и его жена. Оба содержались въ тюрьмѣ уже третій мѣсяцъ, и между собою не видѣлись. Обоихъ вводили въ залъ порознь, въ сопровожденіи двухъ солдатъ съ ружьями. Запуганные и трусливые, они, чуть не сквозь слезы, горячо доказывали суду свою невиновность. Сапожникъ только и былъ виновенъ въ томъ, что допустилъ къ себѣ Каспржака жильцомъ. А его молодая жена, высокая блондинка, съ дѣтскими глазами, съ грудным ребенкомъ на рукахъ—убѣждала судъ, что послѣ неожиданныхъ, страшныхъ убійствъ она боялась рѣшительно всего, что̀ осталось отъ жильца въ его комнатѣ, и потому выбросила на грязную лѣстницу какіе-то черные кусочки, прикрытые платкомъ (это былъ шрифтъ).

Ввели жену Каспржака. Она жадными глазами впилась въ мужа, но тотъ даже не поднялъ головы. Она подтвердила, что это ея мужъ. Спросили, черезъ переводчика, Каспржака: такъ ли это?—Онъ пробормоталъ: „То естъ мо̀я жо̀на", и тутъ же рѣзко добавилъ: „Естэмъ Майеръ" (Я—Майеръ).

Жена Каспржака не выдержала и тутъ же беззвучно расплакалась, зажимая глаза и губы платкомъ. Дежурный офицеръ поспѣшилъ поднести ей воды, но она отклонила стаканъ и тотчасъ оправилась.

Наблюдая эту сцену, Каспржакъ, съ недоумѣніемъ, вслухъ замѣтилъ: „Чего она плачетъ? Вѣроятно, она ѣсть хочетъ? И я хочу ѣсть". Послѣднія слова онъ произнесъ такъ рѣшительно, что судъ объявилъ перерывъ для кормленія Каспржака.

Воспользовавшись мгновеніемъ, пока не были уведены подсудимые, жена Каспржака приблизилась къ рѣшеткѣ и, вновь закрывая глаза платкомъ, съ отчаяніемъ сказала мужу: „Что̀ станется съ нашимъ Ярославомъ?!" (ихъ маленькій сынъ)... Каспржакъ разсѣянно молчалъ.

Смоленская земская Библ...

Замѣтивъ попытку жены поговорить съ мужемъ, прокуроръ, еще не ушедшій изъ залы, рѣзко закричалъ съ своего возвышенія: „Господинъ дежурный офицеръ! Какъ вы можете допускать разговоры съ подсудимыми!“

Подсудимыхъ тотчасъ увели.

Жандармы и охрана, составлявшіе публику, были настроены непримиримо. Въ особенности молодые, во время перерыва, говорили о подсудимыхъ съ ненавистью: „Не могло быть иначе... Все у нихъ обоихъ было заранѣе подстроено... Столькихъ повалили... Да послѣ этого невозможно производить обысковъ“. Я чувствовалъ, что они ко мнѣ относятся враждебно, какъ къ человѣку, пріѣхавшему вызволять одного изъ тѣхъ, кто грозитъ ихъ жизни.

При дальнѣйшемъ ходѣ процесса была, между прочимъ, оглашена прокламація, которую набиралъ Каспржакъ. Въ ней говорилось о нашемъ позорѣ на войнѣ, о негодности правительства, о несправедливости существующаго порядка, о трудовыхъ деньгахъ бѣднаго народа, оплачивающаго эту безплодную бойню, и, не смотря на хлёсткую рѣзкость языка, всѣ слушатели, собравшіеся въ эти закрытыя стѣны, всѣ, не исключая судей и жандармовъ, сохраняли спокойное, сосредоточенное выраженіе лицъ, какъ бы невольно допуская, что, пожалуй, во всемъ написанномъ много правды.

Потянулись еще новыя и новыя показанія. Все явственнѣе обозначалось, что ни одной раны Гурцманъ не нанесъ, что онъ убѣжалъ отъ кровопролитія, какъ убѣжалъ бы и каждый посторонній.

Опять перерывъ. Въ жандармской публикѣ измѣняется настроеніе. Я услышалъ фразу: „Пожалуй, Гурцманъ отдѣлается...“ На лѣстницѣ, гдѣ мы курили, меня обступило нѣсколько мундирныхъ людей, предлагая спички, желая вступить въ бесѣду. Я не удержался замѣтить: „А что, господа, вѣдь въ прокламаціи есть горькія истины?“ Болѣе солидные изъ капитановъ задумчиво молчали. Я воспользовался этой паузой и сказалъ: „То-то и есть. Мудреное дѣло наша жизнь! Мы легко ненавидимъ другъ друга. А гдѣ правые, гдѣ виноватые—не всегда разберешь“... Моя аудиторія настроилась философски. Прежняя прыть исчезла. И опять всѣ вернулись въ залъ.

Мы просидѣли въ судѣ весь первый день и разбирали дѣло почти до вечера слѣдующаго дня. Гурцманъ иногда вмѣшивался въ показанія и разъяснялъ нѣкоторыя подробности, но Каспржакъ, которому переводилось по-польски каждое показаніе съ

присоединеніемъ вопроса: „не желаете ли возразить?“, ни разу не взглянулъ на переводчика и не проронилъ ни слова.

Нужно замѣтить, что въ виду прежняго подозрѣнія насчетъ душевной болѣзни Каспржака, въ этотъ разъ, на предварительномъ слѣдствіи, его осмотрѣлъ профессоръ психіатріи Щербакъ и нашелъ здоровымъ. Однакоже, непостижимое равнодушіе этого человѣка, обреченнаго на казнь, къ своей жизни, къ семьѣ, къ суду и къ своему дѣлу, его дикая нѣмота, его лицо, недоступное никакимъ впечатлѣніямъ—все это видимо угнетало всѣхъ присутствовавшихъ въ судебномъ залѣ.

Въ концѣ судебнаго слѣдствія давалъ показаніе военный врачъ, объяснявшій свойство поврежденій, полученныхъ убитыми, происхожденіе отдѣльныхъ ранъ, виды оружія, причинившіе тѣ или другія, и т. д.

Вотъ тутъ-то и воспользовался защитникъ Каспржака Патекъ присутствіемъ на судѣ какого бы то ни было врача, чтобы поднять вопросъ о ненормальности подсудимаго. Вопросъ былъ законный, во-первыхъ, потому, что онъ поднимался ранѣе, во-вторыхъ, потому, что поведеніе подсудимаго, поражавшее всѣхъ, являлось новымъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ. Врачъ поддержалъ защитника и сказалъ, что не рѣшился бы признать Каспржака душевно-здоровымъ.

Патекъ обратился къ суду съ увлекательнымъ словомъ, прося отложить дѣло и назначить экспертизу. Прокуроръ возразилъ, что нормальность Каспржака уже установлена, что отсрочка дѣла поведетъ лишь къ вторичному побѣгу Каспржака изъ лечебницы, если его отдадутъ на испытаніе. На это Патекъ воскликнулъ: „Возможность побѣга не есть возраженіе. Я думаю, что такое могущественное государство, какъ Россія, сможетъ удержать въ своихъ рукахъ одного человѣка“...

Благодаря единодушію временныхъ судей, дѣло было отложено впредь до вызова экспертовъ въ новое засѣданіе.

Жандармы уходили изъ суда въ недоумѣніи. Жена Каспржака, спускаясь съ лѣстницы, оживленная надеждой, привѣтливо улыбнулась въ мою сторону, какъ бы говоря: „до свиданія“.

Черезъ мѣсяцъ я вновь пріѣхалъ въ Варшаву, и мы вновь продѣлали то же самое передъ тѣмъ же составомъ суда, для того только, чтобы выслушать заключенія профессора Щербака и еще одного психіатра. Тѣ же свидѣтели, въ томъ же видѣ, проходили передъ нами и давали тѣ же показанія. Сапожникъ и его жена появились, какъ и прежде, подъ конвоемъ, все еще разлученные и содержимые въ тюрьмѣ, и грудной ребенокъ, по

прежнему, плакалъ на рукахъ молодой женщины. Каспржакъ былъ такъ же страненъ, такъ же отворачивался отъ суда, такъ же упорно молчалъ. Переводчикъ неизмѣнно докладывалъ ему всѣ свидѣтельскія показанія, но онъ оставался разсѣяннымъ, или сидѣлъ, опустя голову. И только разъ онъ чуть внятно пробормоталъ про себя: „Все ненужно“.—Психіатры, выслушавъ дѣло, осмотрѣвъ подсудимаго, нашли необходимымъ подвергнуть его продолжительному испытанію въ лечебницѣ.

Судъ совѣщался полчаса. Пока мы ожидали резолюціи, одинъ изъ высшихъ чиновъ полиціи, въ мундирѣ съ иголочки, элегантный и любезный, расхаживая по залу, подошелъ ко мнѣ и заговорилъ: „А вѣдь намъ будетъ большая забота, если отдадутъ на испытаніе!..“—Почему же?—„Убѣжитъ!!“—Но нельзя же вѣшать, если онъ въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій?—„Зачѣмъ вѣшать? На то есть Шлиссельбургъ. C'est un bon Hôtel!“

Судъ постановилъ: отдать Каспржака на испытаніе и затѣмъ подвергнуть его освидѣтельствованію въ окружномъ судѣ. Ну, значитъ, еще годъ жизни Каспржаку, но зато и годъ тюрьмы Гурцману.

И дѣйствительно, никакія попытки выдѣлить дѣло Гурцмана намъ не удались.

III.

И еще разъ, черезъ годъ, пришлось разбирать дѣло. Каспржакъ былъ подвергнутъ испытанію, освидѣтельствованъ въ окружномъ судѣ и признанъ нормальнымъ. Дѣло возвратилось въ военный судъ.

Казалось бы, сколько воды утекло! Былъ конецъ августа 1905 г., когда уже выпустили Булыгинскую конституцію, когда революція разгоралась на митингахъ, когда не только соціалъ-демократы, подобные Каспржаку и Гурцману, но даже соціалъ-революціонеры сгруппировались въ открытыя партіи... Каспржакъ, наглухо отрѣзанный отъ міра, конечно, ничего этого не подозрѣвалъ. Никакія вѣсти до него не достигали.

Но, несмотря на возраставшій успѣхъ революціи, положеніе Варшавы, благодаря особенному обилію въ ней политическихъ убійствъ, было въ ту минуту самое угнетенное. За три дня до моего пріѣзда, городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Я долженъ былъ пріѣхать въ Варшаву въ половинѣ десятаго вечера и не зналъ, допущена ли будетъ въ этотъ часъ ѣзда по городу, попаду ли я съ вокзала въ гостинницу. Но все обошлось

благополучно. Встрѣтившій меня братъ Гурцмана объяснилъ мнѣ, что военное положеніе сказывается только въ разъѣздахъ по городу патрулей, въ болѣе раннемъ закрытіи театровъ и гостинницъ, да еще въ необходимости всегда имѣть при себѣ видъ на жительство, въ особенности въ ночное время.

Теперь процессъ разбирался уже не въ зданіи военнаго суда, а въ цитадели. Было опасеніе, что революціонеры освободятъ подсудимыхъ, при перевозкѣ ихъ въ судъ. Хотя составъ суда для каждаго длящагося дѣла долженъ, по закону, оставаться тотъ же, и хотя нашихъ прежнихъ временныхъ судей, при желаніи, можно было собрать вновь, но, подъ разными предлогами, эти судьи были замѣнены новыми, и предсѣдатель замѣнилъ себя „военнымъ судьею".

Предзнаменованія были скверныя.

Въ защитѣ Каспржака тоже произошла перемѣна. Патекъ уѣхалъ заграницу. Вмѣсто него выступали: мѣстный присяжный повѣренный Глясъ и московскій Стааль, всюду разъѣзжавшій на „военныя" защиты.

Цитадель находится за городомъ. Съ полверсты надо ѣхать полемъ. У крѣпостныхъ воротъ жандармы осмотрѣли мой паспортъ и сверхъ того поставили солдата на приступку моей извозчичьей коляски. Къ чему былъ этотъ солдатъ—я не понялъ, такъ какъ онъ даже не зналъ, въ какомъ изъ крѣпостныхъ зданій происходитъ судъ, и мы только отъ встрѣчныхъ рядовыхъ узнали, что судятъ въ офицерскомъ собраніи, т.-е. въ клубѣ. Я поднялся и вошелъ въ длинный пустынный танцовальный залъ. Въ глубинѣ, подъ царскимъ портретомъ, устроили столъ съ краснымъ сукномъ для судей. Люстры и продолговатые бальные диванчики безъ спинокъ, тянувшіеся вдоль оконъ, были покрыты бѣлыми чехлами. Окна выходили въ садъ. Высокія зеленыя деревья шумно качались подъ ударами вѣтра. Наше засѣданіе совпало съ такъ-называемой „тршиднювкой", т.-е. трехдневной осенней бурей, съ дождемъ.

И въ третій разъ пришлось мнѣ видѣть и слышать то же самое. Разница была только въ томъ, что Гурцманъ былъ теперь не въ арестантской курткѣ (которая оставалась на Каспржакѣ), а въ сюртукѣ; да еще въ томъ, что сапожникъ и его жена явились уже безъ стражи. Не знаю, сколько они пробыли въ заточеніи. Очевидно, ихъ помиловали въ административномъ порядкѣ. Это нисколько не повліяло на ихъ показанія. Они только имѣли видъ успокоенныхъ людей, которымъ, наконецъ, оказана справедливость.

И Каспржакъ какъ бы затихъ. Лицо его было утомленное, молчаніе—глухое, неодолимое.

Защитники Каспржака просили вызвать въ засѣданіе психіатровъ, свидѣтельствовавшихъ его въ судѣ, и еще новыхъ. Военно-окружный судъ отказалъ. Главный военный судъ составилъ такое толкованіе, что если подсудимый былъ освидѣтельствованъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ и признанъ нормальнымъ, то уже нельзя разбирать вопроса о его душевной болѣзни въ военномъ судѣ. Какая прямолинейность! А вдругъ подсудимый какъ разъ ко дню засѣданія сойдетъ съ ума? А вдругъ болѣе авторитетные врачи убѣдятъ военный судъ, что прежніе ошиблись? Вѣдь судъ сохраняетъ право согласиться или не согласиться съ заключеніемъ экспертовъ. Какой же смыслъ не дозволять даже ихъ вызова? Неужели такъ важно сократить засѣданія на какихъ-нибудь два-три часа, чтобы, ради этого удобства, можно было рисковать осужденіемъ сумасшедшаго?

Предсѣдатель установилъ, что засѣданіе каждаго дня будетъ оканчиваться въ семь часовъ вечера. Иначе участники процесса подвергались бы непріятностямъ военнаго положенія при возвращеніи въ городъ въ позднее время. Желающіе могли обѣдать здѣсь же, въ столовой клуба. Во время обѣденнаго перерыва, всѣ мы, за исключеніемъ предсѣдателя, соединялись за общимъ столомъ. Офицерская кухня была незатѣйливая и довольно плохая. На одномъ углу обѣденнаго стола присаживались прокуроръ и временные судьи, а затѣмъ, въ перемежку, наша публика,—секретарь, переводчикъ, кое-кто изъ жандармовъ, и наконецъ мы, защитники. Разговаривали, понятно, о чемъ угодно, но только не о дѣлѣ, какъ будто мы здѣсь соединились совершенно случайно, неизвѣстно зачѣмъ. Изъ столовой вела открытая дверь въ грязный буфетъ, а оттуда былъ ходъ въ маленькую билліардную съ дешевымъ билліардомъ. Въ эту половину клуба мы удалялись для куренія. Здѣсь иногда мы бесѣдовали съ нѣкоторыми жандармами и служащими въ крѣпости.

Засѣданіе длилось три дня. Каждое утро, подъѣзжая къ цитадели, я видѣлъ, какъ жена Каспржака, подъ дождемъ и бурею, въ простой соломенной шляпкѣ, съ широкою черною лентою, твердымъ шагомъ пробиралась, по травѣ, къ стѣнамъ крѣпости. Чего она ждала? Во что вѣрила?

Разбирательство происходило въ безлюдной обстановкѣ. Интересъ къ дѣлу остылъ. Жандармы и полиція были поглощены другими дѣлами. Во время перерывовъ, изъ разговоровъ, мы поняли, что среди временныхъ судей только одинъ имѣетъ само-

стоятельный голосъ, но остальные, будучи добрыми и хорошими людьми, слишкомъ подневольны, слишкомъ поддаются давленію предсѣдателя.

На третій день, послѣ чтенія нѣкоторыхъ документовъ, начались пренія. Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе цѣликомъ, т.-е. говорилъ, что и Каспржакъ, и Гурцманъ совмѣстно убивали полицейскихъ. Но на случай, еслибы судъ нашелъ, что Гурцманъ не наносилъ ранъ, прокуроръ доказывалъ, что онъ все-таки виновенъ въ попустительствѣ, т.-е. въ томъ, что, имѣя возможность предотвратить убійства, удержавъ Каспржака за руку или толкнувъ его подъ локоть во время выстрѣловъ, Гурцманъ, тѣмъ не менѣе, сознательно и намѣренно допустилъ совершеніе всѣхъ злодѣяній Каспржака. А потому прокуроръ требовалъ висѣлицы для обоихъ.

Защитникъ Каспржака, присяжный повѣренный Глясъ, болѣзненный, нервный человѣкъ, глухимъ, какъ бы сдавленнымъ голосомъ, изъ глубины груди выкрикивалъ требованіе не прибѣгать къ казни, не выслушавъ экспертовъ. Онъ съ убѣжденіемъ говорилъ, что это будетъ попраніемъ элементарныхъ требованій правосудія, что это будетъ не приговоръ, а убійство.

Богъ вѣсть, что̀ подѣйствовало на Каспржака,—интонаціи ли отчаянія въ голосѣ защитника, звучавшія такъ болѣзненно,—содержаніе ли его рѣчи, или собственный внезапный бредъ, — но среди этой защиты Каспржакъ, худой, блѣдный, весь трясущійся, поднялся, вытянулся во весь ростъ, чуть не сталъ на цыпочки— и высоко поднялъ свой кулакъ, глядя прокурору въ лицо, мыча, сопя, задыхаясь, готовый издать крикъ... На него набросились конвойные.

Присяжный повѣренный Кіеньскій быстро отдернулъ меня въ сторону, говоря: „Отойдите. Я видѣлъ его глаза. Онъ въ эту минуту сумасшедшій. Онъ убьетъ всякаго“.

Подсудимыхъ увели. Засѣданіе было прервано. За дверьми послышался неистовый крикъ Каспржака. Эти страшные вопли безъ словъ разносились по всему зданію минутъ десять. Потомъ утихли. Когда подсудимый совершенно успокоился, насъ вновь позвали въ залъ.

Второй защитникъ Каспржака, Стааль, пытался примирить судъ съ личностью подсудимаго. Онъ говорилъ, что всякому понятна привязанность къ отцу, матери, женѣ, дѣтямъ, и многое, что̀ дѣлаютъ люди во имя этой любви, имъ прощается. Но не всѣмъ ясно, что существуетъ любовь высшаго порядка, любовь къ человѣчеству вообще, къ большой массѣ нашихъ страждu-

щихъ собратій. Такой именно любви Каспржакъ посвятилъ всю свою дѣятельность. Стааль все это объяснялъ безъ паѳоса, скорѣе тономъ профессора. Такъ и нужно было говорить, потому что, несмотря на общеизвѣстность темы, чувствовалось, что подобныя мысли для большинства этихъ судей были трудною, новою наукою, которую они выслушивали серьезно, но безъ малѣйшей воспріимчивости.

Наша задача съ Кіеньскимъ казалась намъ легкою. Кіеньскій коснулся юридической стороны обвиненія, а затѣмъ установилъ отсутствіе доказательства, чтобы Гурцманъ участвовалъ хотя бы въ единомъ насиліи противъ полицейскихъ. Я говорилъ о томъ, что Гурцманъ только запутанъ въ дѣло, но невиновенъ. У него не могло быть и мотивовъ къ убійству. Иное дѣло—Каспржакъ. Тотъ, пользовавшійся свободною проповѣдью своихъ идей въ Германіи, уже испыталъ однажды, какъ дорого расплачиваются за ту же проповѣдь въ Россіи. По природѣ вольный и непосидчивый, какъ птица, онъ вспомнилъ варшавскую крѣпость, больницу для сумасшедшихъ... Неистовая ярость овладѣла имъ. Онъ рѣшился пролить сколько угодно крови, чтобы только вырваться отъ оцѣпившихъ его людей и бѣжать безъ оглядки. А Гурцманъ? Арестъ не пугалъ его. Онъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ заинтересовался соціалистическимъ ученіемъ. Онъ, быть можетъ, даже не прочь былъ пострадать за свои идеи. Да, наконецъ, и по своимъ взглядамъ онъ былъ противникъ насилія. И такъ какъ Гурцманъ, за принадлежность къ соціалъ-демократической партіи, будетъ еще судиться, отдѣльно отъ настоящаго дѣла, въ судебной палатѣ, то военному суду предстоитъ только совершенно ясная обязанность: оправдать Гурцмана въ убійствахъ, совершенныхъ Каспржакомъ. Гурцмана еще обвиняютъ въ томъ, что онъ не помѣшалъ убійствамъ. Но вѣдь онъ былъ безоруженъ, и Каспржакъ убилъ бы его, какъ всякаго другого, еслибы онъ къ нему прикоснулся. Вѣдь даже полицейскіе прятались отъ выстрѣловъ Каспржака въ сараи. Какъ же требовать отъ частнаго лица, чтобы оно жертвовало своею жизнью для поимки преступника?

На этомъ кончились пренія. Судъ удалился для совѣщанія. Зная, что совѣщанія военнаго суда всегда чрезвычайно продолжительны, мы принялись блуждать по клубу, присаживаясь то въ столовой, то въ билліардной. Жандармскій капитанъ, изъ оставшихся свидѣтелей, отозвался о моей рѣчи: „Просто и ясно“. Начальникъ охраны, видимо убѣжденный, вполнѣ добродушно ска-

залъ мнѣ: „Я готовъ съ вами согласиться. Гурцманъ въ убійствахъ непричемъ".

А мы, защитники, все таки чувствовали угнетеніе. По нѣскольку разъ я возвращался въ залъ, и какъ-то увидѣлъ Стааля, присѣвшаго на одномъ изъ бальныхъ диванчиковъ возлѣ жены Каспржака. Когда онъ отошелъ отъ нея, я его спросилъ:—Развѣ вы говорите по-польски? — „Плохо. Но она все понимаетъ по-русски. Тяжело ей теперь. Поговорите съ ней и вы".

Я освѣдомился о ея сынѣ и мужѣ. Узналъ, что сынъ здоровъ, что мужъ, за все это время, въ теченіе болѣе года, при ея посѣщеніяхъ, не сказалъ ей ни слова. На свиданіяхъ неизмѣнно присутствовали посторонніе. Мужъ, сколько она помнитъ, постоянно былъ въ разъѣздахъ и заботахъ. Семью любилъ, но своихъ чувствъ не показывалъ. Мальчикъ обожаетъ отца.

— Похожъ ли онъ лицомъ на мужа?

— „Бардзо мало".

— А умомъ, характеромъ?

— „Трохе такъ"...—И она улыбнулась.

Блѣдное лицо г-жи Каспржакъ, ея простыя слова, ея мягкій голосъ—все это было воплощеніемъ глубокаго горя, сдерживаемаго сильной душой.

Въ это время въ залѣ уже сдѣлалось темно. Сторожа начали протискивать въ двери высокую лѣстницу, чтобы снять съ люстры бѣлый чехолъ, окутывавшій электрическія лампочки. И когда лѣстница возвысилась до бѣлаго чехла люстры, мнѣ померещились висѣлица и саванъ... Холодъ пробѣжалъ у меня по спинѣ. Тяжко мнѣ было смотрѣть на этотъ залъ и на закрытую дверь совѣщательной комнаты... По счастью, г-жа Каспржакъ, ушедшая куда-то далеко въ свою печаль, опустила голову и ничего окружающаго не замѣчала.

Сняли чехолъ съ люстры. Залъ освѣтился электричествомъ. Совѣщательная комната попрежнему не подавала признаковъ жизни.

Но, вотъ, засуетились сторожа. Откуда-то прошелъ слухъ, что приговоръ подписанъ. Послали за подсудимыми. Я попросилъ Кіеньскаго выслушать приговоръ за насъ обоихъ, а самъ удалился черезъ корридоръ въ столовую. Я шагалъ по ней въ одиночествѣ довольно долго. Очевидно, въ приговорѣ что-то неладное. Еслибы Гурцманъ былъ оправданъ, ко мнѣ бы тотчасъ же кто-нибудь прибѣжалъ. Наконецъ, и самый шумъ вдалекѣ какъ-то сразу затихъ. Я поторопился узнать, что произошло. У порога зала мнѣ сообщили, что Каспржакъ присужденъ къ по-

вѣшенію и уже уведенъ, а Гурцманъ (еще находившійся въ комнатѣ передъ заломъ)—къ пятнадцатилѣтней каторгѣ. Я засталъ его въ обществѣ брата и Кіеньскаго. Часовые не препятствовали нашимъ разговорамъ. Бодрѣе всѣхъ насъ былъ Гурцманъ. Лицо у него было довольное, глаза—веселые, разговоръ—искренно-спокойный. Онъ поцѣловалъ меня и, какъ бы утѣшая, твердымъ голосомъ сказалъ: „Очень важно, что они все-таки поняли, что я не убивалъ“ (его признали виновнымъ только въ „попустительствѣ“).

Гурцмана удалили, и мы разъѣхались.

На слѣдующій день ко мнѣ пріѣхалъ братъ Гурцмана, послѣ новаго свиданія съ нимъ. Онъ разсказалъ, что осужденный Бенедиктъ предвидѣлъ каторгу, какъ лучшій исходъ, и уже имѣетъ всѣ свѣдѣнія о маршрутѣ. Онъ даже интересуется каторгой, желаетъ испытать ее, какъ Достоевскій. Да, пока силы молоды. Но вѣдь срокъ ужасенъ! Для изученія каторги, изъ любознательности, довольно и мѣсяца. Лучшая пора жизни пропадаетъ. А главное—за что же?!

Я отправился въ судъ. Предсѣдатель военно-окружнаго суда (не тотъ „военный судья“, который подписалъ приговоръ, а тотъ, который велъ два предыдущія засѣданія) сладостно-мягкимъ голосомъ утѣшалъ меня: „Для Гурцмана сдѣлали все, что было возможно“.

Ну, что на это сказать?!.. Думаю, что еслибы дѣло разбиралось публично, то судъ не припуталъ бы Гурцмана къ убійству. Но процессъ велся не публично. Всей Варшавѣ было извѣстно, что на мѣстѣ преступленія пойманы двое, а убитыхъ—четверо. Кто не зналъ подробностей, тому должно было казаться, что эти двое одинаково виновны, тѣмъ болѣе, что Гурцманъ—молодой еврей (значитъ, террористъ), да и не даромъ же оба, Каспржакъ и Гурцманъ, цѣлыхъ полтора года просидѣли за эти убійства въ тюрьмѣ. Какъ же было послѣ этого объявить публикѣ, что Гурцманъ совсѣмъ невиновенъ въ кровопролитіи? Скажутъ: пристрастіе, вольнодумство, слабость. А генералъ-губернаторъ? Вѣдь тотъ не читаетъ свидѣтельскихъ показаній! А между тѣмъ, надо, чтобы въ краѣ всѣ знали о его строгости, чтобы ему никто не приписывалъ непонятныхъ нѣжностей къ преступникамъ. Наканунѣ произнесенія приговора былъ смѣщенъ Максимовичъ, и власть перешла къ Скалону. Военный судъ, очевидно, не пожелалъ дебютировать передъ Скалономъ оправданіемъ Гурцмана. Новый генералъ-губернаторъ не дозволилъ осужденнымъ подавать кассаціонныя жалобы. Много интересныхъ юридическихъ вопросовъ погибло подъ этой резолюціей!

Каспржакъ былъ повѣшенъ.

Гурцманъ, по манифесту 23-го октября 1905 года, получилъ сокращеніе каторги до пяти лѣтъ. Дѣло о принадлежности его къ соціалъ-демократической партіи, въ силу того же манифеста, прекращено.

Отецъ осужденнаго подалъ прошеніе Государю. Прошеніе пошло къ военному министру, а тотъ передалъ его генералу Павлову. Генералъ Павловъ нашелъ, что приговоръ достаточно смягченъ по манифесту, и отклонилъ докладъ.

Гурцманъ отбываетъ каторгу. Жизнь юноши, конечно, загублена...

Разсказываю же я это дѣло съ цѣлью, чтобы напомнить о судьбѣ невинно-осужденнаго; онъ могъ бы представить случай для полной амнистіи.

С. Андреевскій.

ВЪ СТРАНѢ ТУНЕЯДСТВА

Романъ Генриха Манна.

Heinrich Mann. Im Schlaraffenland. Ein Roman unter feinen Leuten. München, 1904. Albert Lange.

Окончаніе.

VII. — Честные люди *).

Андреасъ собирался встрѣтить Адельгейду очень холодно, но она явилась къ нему на слѣдующее утро такою молодою, походка ея была такъ эластична, а лицо сіяло такимъ счастьемъ, что онъ не успѣлъ выразить ей своей немилости. Она показала ему корректурный листокъ—отрывокъ изъ хроники.

— Вотъ, прочти. Это появится сегодня вечеромъ въ „Ночномъ Курьерѣ“.

Онъ пробѣжалъ строки сначала подозрительно, но онѣ обезоружили его.

„Въ здѣшнихъ литературныхъ кругахъ много говорятъ о трехъ-актной комедіи нравовъ г. Андреаса Цумзее, протежѣ одной изъ самыхъ блестящихъ дамъ высшаго круга; онъ извѣстенъ нашимъ читателямъ въ качествѣ многообѣщающаго молодого таланта. Пьеса подъ заглавіемъ: „Непонятая“, уже принята для постановки однимъ изъ первыхъ театровъ и, вѣроятно, пойдетъ въ нынѣшнемъ сезонѣ. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ этого литературнаго событія. Пьесу несомнѣнно ожидаетъ большой успѣхъ“.

*) См. выше: ноябрь, стр. 197.

— Ну, что̀ ты скажешь? — спросила Адельгейда, вопросительно улыбаясь. Онъ порывисто схватилъ ея руку и поднялъ на нее изъ-подъ загнутыхъ рѣсницъ полный любви взглядъ, какимъ онъ уже давно не дарилъ ее.

— Ты—лучше ихъ всѣхъ! — сказалъ онъ сердечно. — Но какъ же это наши имена стоятъ рядомъ въ печати?—Онъ вдругъ покраснѣлъ отъ удовольствія, сообразивъ, какъ это лестно для него.

Она откинула голову назадъ. Не все ли ей равно, что̀ скажутъ? Такая самостоятельность вызвала у Андреаса чувство уваженія. Но почему же она ставитъ въ вину бѣдной Лиззи ея протежѐ? Она, которая такъ добра... онъ чуть было не прибавилъ: къ молодымъ людямъ.

— Я, дѣйствительно, добра,—подтвердила Адельгейда,—но она задѣла меня въ моей любви, и этого я не прощаю. Тюркгеймеръ можетъ вводить въ свой домъ кого угодно, даже своихъ метрессъ. Было бы смѣшно тревожиться изъ-за этого. За исключеніемъ брилліантовъ, — онъ не многимъ могъ осчастливить ее, могу за это поручиться.

Андреасъ расхохотался — съ оттѣнкомъ смущенія. Онъ бываетъ у Тюркгеймеровъ на одинаковыхъ съ Лиззи правахъ. Впрочемъ—нѣтъ: онъ не продаженъ.

Она схватила его руку и такъ прислонилась къ его плечу, что онъ чуть-чуть покачнулся. Въ голосѣ ея слышались рыданія.

— Все это изъ-за тебя, мой возлюбленный Андреасъ! Ради тебя, я могла бы пролить кровь.

Онъ готовъ былъ повѣрить этому, глядя на ея взволнованное лицо, странно мерцавшее своею матовою блѣдностью подъ гребнемъ черныхъ волосъ, на ея полузакрытыя вѣки, окаймленные синевою глаза и раздувающіяся ноздри.

— Что она попрекнула меня годами, это я прощаю ей, и могу только пожалѣть о томъ, что въ ея годы она кажется старухою. А стара ли я—ты долженъ знать лучше, чѣмъ кто бы то ни было.

Ея порывы страсти всегда увлекали Андреаса, и онъ сожалѣлъ, когда она превращалась изъ „безстыдно-великолѣпной султанши“ въ „сентиментальную толстуху“ и осыпала его уменьшительными именами, не замѣчая его злобныхъ взглядовъ.

— А теперь мой котикъ будетъ пай-мальчикъ и напишетъ пьесу. Да? Въ январѣ она пойдетъ у насъ, а въ февралѣ я проведу ее на большую сцену,—ручаюсь тебѣ.

— Неужели это такъ къ спѣху? Нельзя вытряхнуть трехъактную пьесу изъ рукава.

— Пожалуйста, постарайся! Тебѣ ничего это не стоитъ...

— А вдохновеніе? А подготовка матеріаловъ?

Онъ почти сердился. Чего ради она подгоняетъ его? Онъ готовъ былъ довольствоваться замѣткою въ „Курьерѣ“: для чего утруждать себя писаніемъ пьесы? Въ концѣ концовъ они сторговались на февралѣ.

Однажды она, прощаясь, шепнула ему на ушко:—Мы любимъ другъ друга три мѣсяца, а я еще не знаю, моя куколка, не нуждаешься ли ты въ чемъ-нибудь? Есть ли у тебя деньги?

Онъ отступилъ отъ нея, самые глаза его померкли отъ ярости. Затѣмъ онъ повернулся къ ней спиною, подобралъ рясу и засунулъ руки въ карманы. Она попыталась приблизиться къ нему, но онъ отодвинулъ ее плечомъ.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ! Ты, кажется, смѣшиваешь меня съ Лиззи Лаффѣ? Продажная личность! Не сама ли ты называла ее этимъ именемъ? А теперь...—Онъ злобно разсмѣялся.

Испуганная Адельгейда кинулась къ нему съ распростертыми объятіями. Не думаетъ ли онъ, что она предлагаетъ ему деньги?

Онъ былъ почти разочарованъ. Это портило ему его героическую роль. Она удвоила свои завѣренія. Ей просто хотѣлось... ну, позаботиться о его удобствахъ. У него нѣтъ порядочнаго зеркала, а между тѣмъ она недавно видѣла прелестную вещь—продается по случаю, всего за сто марокъ. Поэтому она и спросила: есть ли у него деньги?

— Это другое дѣло. Будь такъ добра.

Онъ досталъ портфель и подалъ Адельгейдѣ съ поклономъ, полнымъ достоинства, послѣдній билетъ въ сто марокъ.

Адельгейда замѣтила, что онъ былъ единственный.

— Я радъ, что ошибся,—проговорилъ онъ небрежно, чувствуя необходимость извиниться.

Они отпраздновали примиреніе, и она ушла съ чувствомъ благоговѣнія передъ нравственною высотою возлюбленнаго. На прощанье она шепнула ему среди поцѣлуевъ свое любимое:—Ты благороденъ!

Проводивъ ее, Андреасъ ощутилъ, однако, нѣкоторое сомнѣніе. Не лучше ли было бы попросить у нея денегъ взаймы? Онъ со вздохомъ пересчиталъ остававшіеся у него 21 марку, 35 пфенниговъ—остатки его выигрыша. Не глупо ли жить въ странѣ тунеядства, гдѣ золото валяется на полу, и обрекать себя вегетаріанству, какъ во времена кафѣ „Ура!“? Въ сущности Адельгейдѣ слѣдовало бы настоять на своемъ и попытаться привести какіе-нибудь разумные доводы.

Раздосадованный, онъ отправился въ редакцію къ Кафлишу, намѣреваясь потребовать у него свои сто марокъ, которыя тотъ и не думалъ отдавать, но встрѣтилъ репортера Подъ-Липами въ обществѣ нѣсколькихъ журналистовъ, одѣтыхъ съ банальною элегантностью и очень похожихъ другъ на друга. Кафлишъ изумился цѣли его посѣщенія. Неужели стоило разыскивать его ради этихъ грошей?!

— Хороши гроши! — сказалъ Андреасъ, которому сто марокъ казались теперь состояніемъ.

— У того, кто близокъ съ фрау Тюркгеймеръ—денегъ куры не клюютъ. Скажите по совѣсти,—перешелъ онъ въ дружескій тонъ:—неужели она не предлагала вамъ субсидіи?

Андреасъ состроилъ высокомѣрную мину. Онъ могъ бы имѣть сколько пожелаетъ.

— Неужели вы заражены ложнымъ стыдомъ, бѣдный другъ? Ха, ха, ха!

Все еще смѣясь, журналистъ увлекъ Андреаса въ кафе Бауэръ и спросилъ пива.

— Итакъ, вы не принимаете подарковъ?

— Я честный человѣкъ...

— Важная штука! Всѣ мы—честные люди, но вы имѣете право на общественное Тюркгеймеровское достояніе. Гражданинъ вы или не гражданинъ этой страны?

— Я не понимаю...

— А дѣло такъ понятно. Когда человѣкъ укралъ такъ безумно много, какъ Тюркгеймеръ, онъ не можетъ никого убѣдить въ томъ, что это принадлежитъ ему одному. Онъ человѣкъ просвѣщенный, и понимаетъ требованія извѣстнаго коммунизма. Національное достояніе должно распредѣляться среди „своихъ людей“, въ число которыхъ входятъ лица княжеской крови; порою и они не прочь посадить деревцо-другое въ саду Тюркгеймера, имѣя отъ этого свои выгоды. Понимаете ли вы меня, уважаемый другъ? Все дѣло—въ полюбовномъ раздѣлѣ.

— Отчасти понимаю. Но какія же у меня права?

— Какъ—какія? Да вы шутникъ!

— Ахъ, да!—сказалъ Андреасъ и усмѣхнулся, видимо польщенный:—это, дѣйствительно, страна медвяныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ.

— Видите, какой вы—одаренный человѣкъ. Народное хозяйство въ этой странѣ—базисъ ея преуспѣянія. Надо способствовать, но отнюдь не потрясать. Что такое Іекузеръ? Вы скажете, что издатель „Курьера“ имѣетъ дѣло съ общественными

событіями? Но важнѣйшія изъ нихъ—тѣ, которыя высосетъ изъ пальца Тюркгеймеръ или Бединеръ, — что въ сущности одно и то же.

— Тюркгеймеръ такъ могущественъ?

— Внѣ конкурренціи. Оскорбляютъ Бога и государя, но кто оскорбитъ Тюркгеймера? Тѣ, кого онъ бросилъ—отщепенцы. Эта участь постигнетъ и Лиззи съ Клемпнеромъ, а какъ хорошо жилось имъ въ сей странѣ! Кто платилъ хорошенькимъ дѣвушкамъ, въ обществѣ которыхъ Клемпнеръ отдыхалъ отъ Лиззи? Тюркгеймеръ! Видите, какъ широки границы нашей страны. Кто купилъ со всѣмъ его живымъ инвентаремъ баронскій домъ Гофштеттеновъ? Фрейлейнъ фонъ Гофштеттенъ строитъ церкви и посылаетъ въ Палестину шерстяные чулки іудейскимъ ребятишкамъ—на деньги Тюркгеймера. Сколько людей находятъ у него вѣрный кусокъ хлѣба и обезпеченіе! Либлингъ, напримѣръ...

— Такой серьезный человѣкъ? Онъ проводитъ такіе взгляды...

— А почему бы ему и не проводить ихъ? Феликсъ Либлингъ рано сталъ заниматься филантропіей. Сначала онъ учредилъ газету „Горбунъ“—центральный органъ физическаго и моральнаго развитія горбуновъ, но изданіе это не нашло сочувствія въ публикѣ. Затѣмъ онъ намѣревался открыть заведеніе „Материнское молоко“, пріютъ для подготовленія будущихъ кормилицъ, но со стороны полиціи встрѣтилось препятствіе, и тогда онъ сдѣлался сіонистомъ, что дало ему положеніе въ обществѣ, а слѣдовательно—и деньги. Либлингъ—повѣренный Тюркгеймера, не по сомнительнымъ дѣламъ, какъ Блохъ, а по дипломатическимъ или просто—личнымъ. Хочетъ ли Тюркгеймеръ спровадить старую метрессу или поднести брилліантовый мундштукъ иностранному принцу—Либлингъ самый подходящій для этого человѣкъ. Его моральные принципы выручаютъ его въ самыхъ трудныхъ случаяхъ жизни.

— Значитъ, всѣ довольны?

— Въ странѣ тунеядства всегда всѣ довольны, — заявилъ Кафлишъ. Собственное краснорѣчіе привело его въ хорошее настроеніе. Онъ похлопалъ Андреаса по плечу.

— Знаете, сегодня для васъ—удачный день. Поѣдемте куданибудь. Я угощаю.

Когда они вышли на улицу, онъ объяснилъ, что акціи „Texas Bloody Bank Gold Mounts“ страшно идутъ въ гору. Всѣ сотрудники „Курьера“ кое-что наживутъ. Вмѣсто ста марокъ онъ предлагаетъ Андреасу тонкій ужинъ. Что онъ думаетъ отпосительно Гиллера?

Отъ Гиллера они отправились къ Ренцу, отъ Ренца—къ Кемнинскому, оттуда—въ кафе, причемъ Кафлишъ прихватилъ спутницу. Въ три часа ночи, прислонившись къ фонарю, репортеръ, обнимая пріятеля, говорилъ, съ трудомъ шевеля языкомъ:

— Сегодня, братъ и другъ, ты стоилъ мнѣ болѣе ста марокъ. Но это мнѣ — наплевать. Развѣ я не честный человѣкъ? Важная штука, подумаешь! Всѣ мы—люди честные.

VIII.—Чтеніе въ сердцахъ.

Андреасъ еще не совсѣмъ оправился съ похмелья, когда на слѣдующія сутки къ нему явилась Адельгейда, радостная и смущенная. Онъ будетъ ее бранить, но туалетный столъ оказался проданнымъ, и она рѣшила иначе употребить его деньги. Она отдала ихъ Тюркгеймеру. Такъ поступаетъ она и со своими сбереженіями. Теперь „Техасскія Золотыя Горы“ очень поднимаются. На нихъ—громадный спросъ.

— Знаю. На нихъ можно много выиграть.

— Вотъ видишь! Я взяла тебя въ долю и купила акцію. Сегодня бумаги такъ поднялись, что я рѣшила ихъ продать и привезти тебѣ твой выигрышъ чистыми деньгами.

— Напрасно ты такъ торопилась,—сказалъ онъ съ надменнымъ движеніемъ руки.

— У твоей ассигнаціи оказалось потомство. Небольшое, конечно,—вѣдь твоя часть—пятая, и наконецъ ты рисковалъ все потерять... Съ золотыми копями всегда бываютъ крахи. Тюркгеймеръ увѣряетъ, что стоящій во главѣ этого дѣла Фридрихъ-Вильгельмъ Шмеербаухъ обанкрутится со своими Gold Mounts...

— Славное названіе. Эти горы—изъ чистаго золота?

— Тюркгеймеръ того мнѣнія, что нечего ломать надъ этимъ голову,—пожала плечами Адельгейда:—Техасъ слишкомъ далеко. Дѣло во всякомъ случаѣ—рискованное.

Говоря такимъ образомъ, она робко достала изъ муфты портфельчикъ, повертѣла его въ рукахъ, словно для того, чтобы пріучить Андреаса къ его виду, и положила его на краешекъ стола. Андреасъ отвелъ глаза. Затѣмъ дѣло пошло значительно легче. Сначала Андреасъ удивлялся: какимъ образомъ могъ онъ такъ скоро выиграть на сто марокъ — пятьсотъ? Онъ углубился въ изученіе биржевыхъ бюллетеней, но, ничего не понявъ въ нихъ, отбросилъ ихъ вмѣстѣ съ заботою, и научился съ теченіемъ времени небрежно опускать въ карманъ жакетки привозимыя Адель-

гейдою суммы. Откуда являлись эти деньги — это касалось уже тѣхъ, кто правилъ волшебною страною; онъ подчинялся силѣ вещей,—вотъ и все.

Однажды онъ объявилъ Адельгейдѣ, что уже придумалъ имена дѣйствующихъ лицъ своей пьесы: героиню зовутъ Гильдегарда Трентмёнихенъ—имя, полное настроенія, герой—грубый матеріалистъ, Алоизъ Пфаундштейслеръ.

— А та большая сцена, о которой ты мнѣ разсказывалъ?

Онъ досадливо взъерошилъ свои волосы.—Пришлось бросить. У Дитриха Клемпнера есть гдѣ-то аналогичная сцена... Эти шлезвигцы каждому становятся поперекъ дороги.

Онъ началъ сомнѣваться въ своемъ произведеніи. Лиззи Лаффѣ была въ сущности права. Шлезвигцы и другіе выскочки въ искусствѣ такъ затаскали „непонятую“ и „освобожденную“ женщину, что она свалилась въ канаву. Высшая культура обязана относиться къ вопросамъ такого рода съ легкимъ скептицизмомъ: они не заслуживаютъ того, чтобы трактовать ихъ въ серьёзъ. Это открытіе вызвало въ его умѣ побѣдоносную улыбку, которою онъ полюбовался въ зеркалѣ.

Въ порывѣ увлеченія Андреасъ набросалъ стихами монологъ мужа, удивляющагося внезапной душевной пустотѣ своей жены и силящагося ее понять. Заключительныя слова были:

„Нѣтъ, я рѣшить загадки не могу,
Гнѣздящейся въ столь маленькомъ мозгу!“

Это заключеніе нѣсколько смущало его. Не покажется ли оно обиднымъ? Но онъ вспомнилъ публику, апплодировавшую „Мести“, и успокоился. Дѣйствительно, Адельгейда ничуть не была скандализирована стихами,—наоборотъ, она пришла отъ нихъ въ полный восторгъ. Репетицію назначили въ пятницу.

— Ни о чемъ не безпокойся, мое сокровище. Поэтъ долженъ держаться съ достоинствомъ. Приходи въ три часа.

У Андреаса достало духу пріѣхать поздно. Кромѣ него, на репетицію явилось шестеро остававшихся въ тѣни молодыхъ поэтовъ. Присутствовали обычные друзья дома. Андреасу представили директора Капеллера, круглаго, подвижного человѣка въ засаленномъ фракѣ, и поэтъ сразу узналъ въ немъ добровольнаго тапёра на раутѣ. Услужливость была отличительною чертою характера подвижного человѣка, бывшаго когда-то директоромъ театра и умѣвшаго сдѣлаться необходимымъ въ домѣ сильныхъ міра сего. Онъ сразу овладѣлъ положеніемъ и проговорилъ своимъ мягкимъ, сдобнымъ голосомъ, что надѣется, благо-

даря своему опыту, „создать“ роль, такъ превосходно написанную г. Цумзее, хотя произведеніе г. Андреаса Цумзее—нѣчто совсѣмъ особенное, можно сказать — небывалое. Произведеніе искусства, преисполненное новыхъ, непредвидѣнныхъ красотъ, конечно, не легко поддается воплощенію его на сценѣ. Но онъ приложитъ всѣ старанія.

Онъ сопровождалъ свои слова закругленными жестами, и вдругъ, выпятивъ толстую нижнюю губу и склонивъ голову на бокъ, окинулъ стоявшихъ рядомъ Андреаса и Адельгейду безстыдно-нѣжнымъ взглядомъ, чѣмъ разсмѣшилъ дамъ и привелъ всѣхъ въ хорошее настроеніе. Засунувъ рукописи шестерыхъ поэтовъ въ карманъ, онъ сразу занялся пьесою Андреаса и принялся декламировать монологъ сбитаго съ толку мужа, умѣло скандируя стихи, подчеркивая мысли автора, и наконецъ произнесъ громовымъ голосомъ заключительное двустишіе. Его круглая фигура такъ и каталась по предполагаемой сценѣ; онъ лукаво подмигивалъ публикѣ и повторялъ свои закругленные, понравившіеся дамамъ жесты.

Андреасъ слушалъ, затаивъ дыханіе; стихи его звучали какъ-то чуждо въ устахъ Капеллера, но они все болѣе ему нравились. Актеръ не затушевывалъ опасныхъ мѣстъ; напротивъ, засунувъ руки въ карманы панталонъ, выпятивъ животъ и откинувъ назадъ голову съ двойнымъ подбородкомъ, онъ усиленно напиралъ на нихъ съ безстыдствомъ стараго грязнаго циника—по мнѣнію Андреаса. Фрау Пимбушъ отъ удовольствія зажмурила глаза, и голова ея, похожая на пестрый ядовитый цвѣтокъ, безпокойно двигалась на тонкой шеѣ. Фрау Гольдгерцъ порхала по комнатѣ; фрау Моръ добродушно улыбалась, а Пимбушъ созерцалъ свой на диво отрощенный ноготь. Настроеніе въ публикѣ было самое благопріятное.

Капеллеръ скромно стушевался, предоставивъ автору принимать комплименты и апплодисменты. Пимбушъ заявилъ, что пьеса—„copur-chic“, а исполненіе ея—„ultra-smart“; всѣ были того мнѣнія, что міръ сразу открылъ двухъ геніевъ. Адельгейда, гордая, спокойная и сіяющая, принялась разливать чай, и каждое ея движеніе говорило: „Мнѣ принадлежитъ не только произведеніе, но и самъ поэтъ!“ Андреасъ почувствовалъ, что онъ любитъ ее за эту гордость, и нашелъ, что ею можно залюбоваться.

Окутывая свои слова облакомъ тончайшей лести, Капеллеръ предложилъ поэту, въ виду сценическихъ условій, вывести на сцену загадочную жену. Пусть она молчитъ и дѣлаетъ гримасы, какъ бы иллюстрируя слова мужа. Можно пригласить на эту

роль маленькую Верду Бирацъ. Идея была одобрена, и къ слѣдующей репетиціи явилась актриса, которую дамы сейчасъ же окружили, а фрау Пимбушъ увлекла ее въ амбразуру окна съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ: „Мы шепчемся о непозволительныхъ вещахъ“. Андреасъ глядѣлъ на скромно-дѣвственное платье актрисы и думалъ, что она охотно прогулялась бы Подъ-Липами безъ платья, еслибы ей хорошо за это заплатили.

Капеллеръ принялся въ шутливомъ тонѣ объяснять актрисѣ ея обязанности.

— Покуда я декламирую, дѣлайте гримасы и показывайте публикѣ ваши ноги. Да подберите немного ваши бандо,—изъ-подъ нихъ виденъ только кончикъ носа. Хорошо, что фрейлейнъ ничего не придется говорить,—обратился онъ къ дамамъ: –тэмбръ голоса у нея некрасивый.

— Хорошо, еслибы у васъ былъ некрасивъ одинъ лишь тэмбръ голоса,—возразила Верда Бирацъ, любезно улыбаясь при этомъ. Она понимала, что нельзя дѣлать себѣ врага изъ человѣка, популярнаго въ салонахъ.

Чутье Капеллера подсказало ему, что его придирки къ актрисѣ —тончайшая лесть по отношенію къ дамамъ изъ общества, завидовавшимъ хорошенькой гетэрѣ, обиравшей ихъ мужей и поклонниковъ. Эти нападки доставляли имъ болѣзненное удовольствіе; фрау Пимбушъ, только-что любезничавшая съ нею, вся подергивалась отъ удовольствія, и Андреасъ случайно разслышалъ въ группѣ безымянныхъ поэтовъ восклицаніе: „Каковы эти дамы! Тутъ просто какое-то сладострастіе жестокости!“

Онъ подошелъ къ Адельгейдѣ и проговорилъ:

— Вы замѣтили, какъ дамы наслаждаются дерзостями, которыя говоритъ Капеллеръ этой бѣдняжкѣ? Это—какое-то сладострастіе жестокости.

— Ты неумолимо проницателенъ,—отвѣтила она съ трепетнымъ восхищеніемъ.

Въ день спектакля Андреаса охватило отчаяніе. Что онъ за дуракъ! На кой чортъ понадобилось ему написать пьесу? Этимъ онъ ставитъ все на карту. Неуспѣхъ сдѣлаетъ его смѣшнымъ въ глазахъ Адельгейды. Онъ всталъ поздно, плотно покушалъ и выпилъ за обѣдомъ цѣлую бутылку шампанскаго. Въ десять часовъ Капеллеръ долженъ былъ произнести первыя слова монолога, и лишь двадцать минутъ спустя авторъ вошелъ въ бѣлую съ золотомъ залу, въ концѣ которой была устроена сцена. Общество размѣщалось за маленькими столиками; одни пили пиво,

другіе—шампанское. Воздухъ былъ насыщенъ испареніями, исходившими отъ раздушенныхъ платьевъ, крѣпкой туалетной воды, пропитывавшей головную кожу дамъ, отъ крема, уснащавшаго ихъ лица и плечи, отъ увядающихъ цвѣтовъ, приколотыхъ къ корсажамъ, а также — отъ напомаженныхъ мужскихъ головъ—брилльянтина и опопонакса. Три люстры разливали яркій бѣлый свѣтъ; въ волосахъ и на плечахъ сверкали драгоцѣнные камни, слышался звонъ хрусталя, нервный смѣшокъ, поскрипываніе шолка; въ глазахъ женщинъ порою вспыхивалъ и погасалъ огонекъ, вызванный голосомъ толстаго маленькаго человѣка въ засаленномъ фракѣ, сѣменившаго ножками по сценѣ, между тѣмъ какъ его коротенькія ручки производили захватывающія движенія: онъ словно ловилъ что-то въ воздухѣ.

Когда онъ остановился, Андреасъ могъ видѣть, какъ колышется въ тактъ дыханію его животъ; галстукъ съѣхалъ на бокъ, бѣлила и румяна растеклись по лицу, но онъ продолжалъ неутомимо махать рукой, что̀, повидимому, очаровывало дамъ. Успѣхъ возрасталъ съ каждымъ мигомъ. Верда Бирацъ вдругъ повернулась къ нему спиною такъ ловко, что ея короткое платье поднялось чуть не до колѣнъ, обнаруживъ волны кружевъ. Видя, что приличіе не оскорблено, Либлингъ первый крикнулъ:—Браво!

И когда Капеллеръ сошелъ со сцены въ залу, его сейчасъ же окружили.

Андреаса кто-то любовно хлопнулъ по животу. Тюркгеймеръ, ободрительно улыбаясь ему и покачивая головою, говорилъ тягучимъ голосомъ:

— Вотъ что̀ значитъ имѣть... личныхъ протежѐ! Не говорилъ ли я вамъ, что жена моя очень васъ цѣнитъ, и я тоже...

Онъ пощипалъ свои рыжеватыя бакенбарды.

— Каждый по-своему, конечно. Поздравляю васъ, милѣйшій. Честь вамъ и слава!

Андреасъ радостно покраснѣлъ отъ похвалы великаго человѣка, могущаго судить объ успѣхѣ.

— Честь вамъ и слава, милѣйшій г. Цумзее!—продолжалъ повторять Тюркгеймеръ гнусаво и настойчиво.

— Кто такой этотъ красивый молодой человѣкъ, которому Тюркгеймеръ цѣлыхъ пять минутъ говорилъ комплименты?—Всѣ насторожились, и вскорѣ отъ столика къ столику пронеслось:

— Да вѣдь это авторъ!

Отъ ближайшей группы отдѣлился незнакомецъ; онъ подошелъ къ Андреасу, поклонился и назвалъ себя; за нимъ послѣдовали другіе,—это было цѣлое шествіе. Тюркгеймеръ, ухмыляясь,

потиралъ руки, подобно властителю, въ угоду которому люди готовы унижаться. Онъ назвалъ Андреасу нѣкоторыхъ поклонковъ его музы:

— Д-ръ Клумпашъ, знаменитый врачъ, архитекторъ Кокоттъ, m-me Тейфелесъ, фрау Штибицъ, г. Блохъ, г. Ратиборъ...

Послѣднему Андреасъ, хотя и стоявшій на высотѣ величія, поклонился особенно почтительно—въ виду его репутаціи бреттера и человѣка опаснаго. Тюркгеймеръ отошелъ, но наблюдалъ за тѣмъ, чтобы личному протежѐ его жены оказывалось должное почтеніе.

Андреасъ принималъ поклоненіе благосклонно и любезно; онъ пожималъ руки старымъ друзьямъ—Зюссу, Душницкому и Гольдгерцу, почтилъ Клодіуса Мертенса и профессора Швенке именемъ mâitre, а къ д-ру Бединеру обратился со словами:

— Моимъ успѣхомъ я обязанъ вамъ, дорогой учитель!

Редакторъ сердечно привѣтствовалъ со свойственнымъ ему изящнымъ дружелюбіемъ. Онъ выронилъ монокль.

— Ну, милый другъ, не оказался ли я пророкомъ? Я сразу угадалъ въ васъ многообѣщающій молодой талантъ.

Андреасъ вздрогнулъ отъ прикосновенія костлявой руки. Передъ нимъ стояла всемірная путешественница, княгиня Бубукова, глядя на него мягкими славянскими глазами.

— Vous n'y allez guère de main morte, mon ami!

— Что?—спросилъ онъ, не понявъ.

— Vous n'avez pas froid aux yeux, mon coco!

Когда и это осталось непонятымъ, она дружески хлопнула его вѣеромъ по плечу и прошла далѣе.

Среди комплиментовъ Андреасъ различилъ покашливаніе, похожее на блеяніе козы. Передъ нимъ стоялъ желтолицый человѣкъ съ орлинымъ носомъ, въ галстукѣ сомнительной бѣлизны и длинноломъ сюртукѣ: это былъ грозный критикъ д-ръ Абель.

— Вотъ что я называю здоровымъ юморомъ, г. Цумзее!

Лицо вліятельнаго критика расплылось въ тысячу грязноватыхъ морщинокъ, и онъ обнаружилъ испорченные зубы, но Андреасъ нашелъ его симпатичнымъ.

— Вы конфузите меня вашею благосклонностью, г. докторъ.

— Благосклонность? Можетъ ли быть о ней рѣчь, когда дѣло идетъ о выдающейся новинкѣ сезона? Ваша пьеса даетъ мнѣ матеріалъ для литературнаго изслѣдованія въ области болѣе легкой поэзіи: я проведу параллель между нашими и французскими произведеніями въ этомъ жанрѣ...

Пимбушъ, разлетѣвшійся со своими: „ultra-smart“ и „copur-

chic“—прервалъ ученаго мужа. Позади уже виднѣлся длинный набѣленный носъ и двусмысленный взглядъ фрау Пимбушъ, дружески пожавшей руку автору. Наконецъ пробрался къ нему и Кафлишъ съ записною книжкою въ рукахъ.—Интервью, cher maître! Не задерживайте... Когда родились? Гдѣ? Родители? Наслѣдственность? Вкусы? Нравится ли вамъ Берлинъ? Названія вашихъ книгъ? Вы еще не выпускали ихъ? Все равно. Ну, предоставьте мнѣ придумать ихъ заглавія. Только потомъ не опровергайте.

Самъ Іекузеръ подошелъ къ молодому человѣку и предложилъ ему прислать стихи для иллюстрированнаго „Новаго Времени“. Утомленный, разбитый сильными ощущеніями, Андреасъ подавилъ зѣвокъ и замѣтилъ, что Тюркгеймеръ тоже зѣваетъ. Онъ поощрительно улыбнулся молодому человѣку, и тотъ съ гордостью подумалъ:

„Мы понимаемъ другъ друга“.

Ряды поздравителей начинали рѣдѣть. Тюркгеймеръ, которому наскучило созерцать свободныхъ швейцарцевъ, кланяющихся шляпѣ Гесслера, отошелъ. Толкаясь, наступая другъ другу на ноги, они, прежде чѣмъ преклониться передъ поэтомъ, бросали въ сторону стоявшаго у двери Тюркгеймера боязливый, выжидающій взглядъ, ясно говорившій: „Повелитель, обрати вниманіе, что я творю волю твою и оказываю субъекту, котораго тебѣ угодно возвеличить, всѣ божескія и человѣческія почести. Еслибы вмѣсто него ты поставилъ твою собачку, я распростерся бы и передъ нею. Но зато когда ты ниспошлешь на сію благословенную страну золотой дождь, вспомни, повелитель, что я—одинъ изъ рабовъ твоихъ“.

Старый поэтъ Веннихенъ привѣтствовалъ „собрата въ борьбѣ за идеалъ свободы и прогресса“, но Андреасъ холодно смѣрилъ взглядомъ престарѣлую знаменитость. Даже Іекузеръ уже не импонировалъ ему. Колоссъ на глиняныхъ ногахъ; толкнетъ его Тюркгеймеръ—и онъ упадетъ на брюхо. У всѣхъ у нихъ, начиная съ добродѣтельнаго Либлинга и кончая Капеллеромъ—угодливая собачья натура. Высоко надъ этою темною, пресмыкающеюся, готовою на всякія униженія толпою стоятъ совершенно особнякомъ два человѣка: Тюркгеймеръ и онъ самъ! Король и поэтъ! Въ сущности—какая трагическая судьба! Полное пресыщеніе,—нечего желать, нечего добиваться! Какая олимпійская скука! Единственное развлеченіе, это—чтеніе въ людскихъ сердцахъ.

Андреаса потянуло въ художественный кабинетъ. По дорогѣ

онъ встрѣтилъ баронессу Асту подъ-руку съ интереснымъ брюнетомъ. Она кинула ему взоръ, полный гнѣвнаго презрѣнія, но онъ пожалъ плечами. Безсильная злоба рабыни!

Онъ вдохнулъ полною грудью свѣжій воздухъ и опустился въ мягкое кресло въ тѣни растеній, но чуть не подскочилъ при видѣ сидѣвшаго рядомъ Дитриха Клемпнера,—когда-то введшаго его сюда и посвятившаго его въ тайну искусства Клодіуса Мертенса. Теперь они помѣнялись ролями. Какъ жизнь играетъ людьми! Но, достигнувъ высоты величія, онъ обратился къ Клемпнеру, какъ равный къ равному, назвавъ его собратомъ.

Клемпнеръ поздравилъ его.—Ну, какъ онъ переноситъ бремя славы?

— Ничего себѣ... Утомительно.

— Я того же мнѣнія. Отдаешь обществу свои лучшія силы, и для чего?

— Для чего?—подхватилъ Андреасъ.—Нѣтъ, необходимо вернуться къ груду, жить въ пятомъ этажѣ, въ пролетарскомъ кварталѣ или гдѣ-нибудь въ лѣсу, но только—работать, работать!

— Или надо обладать энергіей Клодіуса Мертенса,—замѣтилъ Клемпнеръ.

— Ну, что ему? Онъ имѣетъ десять приглашеній въ недѣлю и получаетъ заказы тутъ же за ужиномъ.

Клемпнеръ подавилъ улыбку. Это были его собственныя слова, сказанныя имъ Андреасу, но тотъ, очевидно, забылъ объ этомъ. Онъ сталъ разсказывать о дивномъ узорѣ ковра, которымъ занятъ теперь Мертенсъ: фантастическіе цвѣты и арабески составляютъ изреченіе: „*Честность прежде всего*“. Замѣчательнѣе же всего то, что этотъ коверъ предназначается для конторы Тюркгеймера.

Андреасъ опустилъ голову на спинку кресла. Все тѣло его подергивалось отъ смѣха, и онъ держался руками за бока. Непредвидѣнное, сверхъ-естественное, волшебное счастье, переполнявшее его весь вечеръ, вылилось въ этомъ безумномъ, неудержимомъ смѣхѣ. Клемпнеръ тоже смѣялся, но съ опаскою, поглядывая въ сторону двери. Конечно, Мертенсъ потѣшается надъ здѣшними нравами. Замѣтилъ ли Андреасъ, какъ ведетъ себя баронесса Гофштеттенъ? Открыто афишируется съ Рещинскимъ. Прилично ли это для дочери здѣшняго дома? Клемпнеръ, въ своей туго накрахмаленной рубашкѣ, со своимъ актерскимъ лицомъ, принявшимъ строгое выраженіе, былъ олицетвореннымъ блюстителемъ приличій, и Андреасъ уже спрашивалъ себя: что это значитъ? Но имя Рещинскаго все объяснило ему. Не этотъ ли го-

сподинъ сжалился надъ покинутою Лиззи Лаффѣ и пригрѣлъ ее? Забота о насущномъ хлѣбѣ привела сюда Клемпнера. Хороша, однако, Аста: отнять послѣднюю опору у старѣющей Лиззи и у несчастнаго, всѣми забытаго Клемпнера, пьесы котораго не идутъ даже въ Поземуккелѣ и Мезерицѣ.

Клемпнеръ, лицо котораго передернуло отъ волненія, продолжалъ говорить на ту же тему. Если дочь Тюркгеймеровъ, черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, публично обманываетъ мужа, дѣло ближайшихъ друзей дома—положить этому конецъ.

— Вы думаете, что я могу тутъ что-нибудь сдѣлать?

— Конечно; вы видите, что неприличное поведеніе Асты затрогиваетъ интересы многихъ лицъ, и, наконецъ, нельзя допустить, чтобы кругъ ближайшихъ друзей расширялся. Мы обязаны стоять другъ за друга противъ новыхъ пришельцевъ.

Клемпнеръ простился съ Андреасомъ крѣпкимъ пожатіемъ руки, увѣряя, что сердечно былъ радъ поговорить съ нимъ по душѣ.

Андреасъ задумчиво посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся съ достоинствомъ Клемпнеру. „Онъ желаетъ, чтобы я поговорилъ съ Адельгейдою. Въ сущности все это—некрасивая исторія, и я испорчу Астѣ ея игру... Но вѣдь она не пощадила бы меня,—съ какой же стати я буду щадить ее?“

Выходя изъ кабинета, Андреасъ попалъ въ толпу юныхъ психопатокъ, набросившихся на него, какъ онѣ набросились когда-то на Клемпнера послѣ перваго представленія „Мести“. Одна просила Андреаса написать ей что-нибудь въ альбомъ, другая желала имѣть его фотографію, третья—перчатку. Кто-то нашелъ въ немъ сходство съ Амуромъ: только крылышекъ недостаетъ. Онѣ окружили его тѣснымъ кольцомъ и упорно наступали на него; стоявшія ближе—хватали его руки; въ заднихъ рядахъ этихъ отважныхъ дѣвственницъ въ воздушныхъ платьяхъ слышалось хихиканье, и Андреасъ не могъ разобрать: гдѣ кончалось ихъ восхищеніе и гдѣ начиналась насмѣшка? У него кружилась голова отъ остраго, кисловатаго запаха ихъ молодой кожи, отъ ихъ неумолчной отрывочной болтовни. Онъ чуть не силою вырвался отъ нихъ, боясь быть растерзаннымъ, или, по крайней мѣрѣ, остриженнымъ этими юными менадами, такъ какъ въ рукѣ одной изъ нихъ уже сверкнули миніатюрныя ножницы.

Андреасъ зашелъ освѣжиться въ буфетъ, гдѣ, прожевывая закуску, бросалъ вокругъ себя свирѣпые взгляды, мстя за униженіе, испытанное имъ у дѣвицъ. Онъ послушалъ въ теченіе двухъ минутъ знаменитаго піаниста,—онъ зналъ теперь, что

артисты, игравшіе и пѣвшіе у Тюркгеймеровъ, получали по пятисотъ марокъ въ вечеръ,—но музыка показалась ему слишкомъ шумною. Въ салонѣ bleu-mourant мѣсто Адельгейды занимала ужасная развалина—фрау Вешереръ, и Андреасъ поспѣшно отступилъ, прошелъ внутреннимъ ходомъ, извѣстнымъ лишь близкимъ друзьямъ, въ желтый салонъ, закрытый для гостей во время большихъ пріемовъ.

При свѣтѣ единственной восковой свѣчи, Адельгейда стояла, облокотившись на спинку лакированнаго кресла, опираясь однимъ колѣномъ о мягкую подушку кресла, и Андреасъ не безъ самодовольства подумалъ, что она похожа на картину рѣдкой красоты въ своемъ корсажѣ изъ серебряной ткани, охватывавшемъ подобно панцырю ея роскошный бюстъ, въ юбкѣ изъ бѣлаго сукна, затканнаго голубоватыми лиліями, съ лиліями изъ драгоцѣнныхъ камней въ черныхъ волосахъ, вѣнчавшихъ ея низкій лобъ.

— Ты пришелъ!—сказала она просто.—Ну что?

Въ этомъ короткомъ словѣ заключалось множество вопросовъ: доволенъ ли ты? радуетъ ли тебя твоя слава? или тебѣ наскучили банальныя любезности, и ты хочешь омыть ихъ чистыми словами любви?

Ея взглядъ почему-то пристыдилъ его, что причинило ему неудовольствіе. Обласкавъ ее взглядомъ своихъ опушенныхъ длинными рѣсницами глазъ, онъ быстро проговорилъ:

— Уфъ! Знаешь ли, это скорѣе утомительно, чѣмъ забавно! Грѣшное человѣчество отдавило мнѣ всѣ ноги. Придется массироваться. Не успѣешь нажить славу, какъ уже надо отъ нея лечиться. Кстати, нужно будетъ „подмазать“ Абеля за его замѣтку.

— Онъ дастъ о тебѣ замѣтку въ „Курьерѣ“? Чудесно.

— Да, но какъ быть съ деньгами? У меня въ настоящее время ничего нѣтъ, и я даже хотѣлъ просить тебя вернуть мнѣ двѣсти марокъ, данныхъ на покупку Gold Mounts. Или ты уже купила акцій?

— Двѣсти марокъ—слишкомъ мало, но акціи поднялись: ты выигралъ. Я завтра же пришлю тебѣ тысячу марокъ.

Онъ былъ пораженъ. Не слишкомъ ли счастье балуетъ его? Выиграть въ одинъ день восемьсотъ марокъ? Но въ сущности эти дѣла его не касаются.

— Тѣмъ лучше,—проговорилъ онъ небрежно,—этого будетъ достаточно; а теперь я долженъ поговорить съ тобою относительно твоей дочери. Она неприлично ведетъ себя.

— Но вѣдь она замужемъ. И наконецъ... удобно ли мнѣ читать ей мораль?

Такая терпимость возмутила Андреаса. Она—мать, а мать при всякихъ обстоятельствахъ остается матерью. Намекъ на двусмысленное положеніе Адельгейды взбѣсилъ его. Развѣ она не понимаетъ, что тутъ затронута честь дома, и тѣнь отъ поведенія Асты ложится и на друзей дома, которые обязаны принять свои мѣры...

Адельгейда испугалась. Онъ собирается бросить ее, потому что его нравственное чувство оскорблено. Она поспѣшила его успокоить: она все сдѣлаетъ, устроитъ Астѣ скандалъ, но неужели... неужели онъ пришелъ къ ней лишь для того, чтобы говорить объ этихъ дѣлахъ? Они стоятъ другъ передъ другомъ какъ совершенно чужіе люди, а она такъ ждала его здѣсь, куда никто не войдетъ! Она знала, что онъ долженъ придти. Она страстно зашептала:

— Сегодня—праздникъ нашей любви. Ты сдѣлался знаменитымъ писателемъ, и я счастлива, что мой поэтъ принадлежитъ мнѣ.

Онъ почувствовалъ, что долженъ чѣмъ-нибудь выразить свои чувства, и поцѣловалъ ее въ шею.

— У тебя дивная линія подбородка,—проговорилъ онъ.

Она признательно приложилась щекой къ его щекѣ; отъ волнующихся кружевъ ея корсажа ему пахнуло въ лицо опьяняющимъ ароматомъ; онъ радъ былъ найти отдохновеніе послѣ столькихъ мытарствъ. Издали музыкальныя упражненія оплаченнаго пятьюстами марками піаниста доносились въ видѣ смягченнаго эхо замирающей мелодіи.

— Онъ очень мило играетъ,—сказалъ Андреасъ.

— Съ настроеніемъ,—прибавила Адельгейда: — это двѣнадцатый этюдъ Шопена.

И они снова замолчали.

Андреасъ думалъ, что сегодняшній день измѣняетъ его отношенія къ Адельгейдѣ. До сихъ поръ его могли (какая безтактность!) называть ея протежѐ; но поэтъ, слава котораго прогремитъ на всю Германію, дѣлаетъ гостепріимно принявшему его дому громадную рекламу. Адельгейда называетъ его своимъ поэтомъ, но какія у нея на это права? Она любитъ его; но если онъ со временемъ разлюбитъ ее, онъ отстранитъ рыдающую женщину, какъ повелитель, не связывающій себя никакими узами. Первая забота художника—огражденіе своей личной индивидуальности.

Легкій шумъ потревожилъ ихъ. Адельгейда скользнула къ

двери съ легкостью, которую Андреасъ нашелъ немного забавною, и заперла дверь на задвижку.

— Заперто!—послышался голосъ Асты.—Впрочемъ, я очень спѣшу, и хотѣла бы знать: о чемъ это вы желали такъ таинственно говорить со мною?

— Вы сами знаете, милая Аста,—отвѣтилъ другой голосъ:—я желала попросить у васъ объясненія по поводу вашего страннаго поведенія. Вы компрометируете себя.

— А если я желаю скомпрометироваться.

— Аста!

— Что, милая Гризельда?

— Объясните мнѣ, что вы имѣете противъ моего брата и вашего мужа? Вы идете на скандалъ...

— На разводъ.

— Не понимаю: почему?

— Въ такихъ семьяхъ, какъ ваша, милая Гризельда, отсутствуетъ точное пониманіе многихъ вещей.

— Что вы знаете о такихъ семьяхъ, какъ наша, милая Аста?

— Знаю больше, чѣмъ желала бы знать. Вашъ братъ—мужемъ моимъ я по нѣкоторымъ причинамъ не могу его назвать—давно уже отравляетъ мнѣ жизнь своими... я сказала бы: мѣщанскими привычками. Сегодня онъ явился на раутъ моихъ родителей въ простыхъ, не лакированныхъ сапогахъ. Я не знаю законовъ, но думаю, что такія вещи могутъ послужить поводомъ для развода.

— Это она à la Нора!—шепнулъ Андреасъ Адельгейдѣ.

Аста продолжала:

— Баронъ лишенъ многихъ существенныхъ достоинствъ. О нѣкоторыхъ вещахъ не принято говорить съ дѣвицами, но милая Гризельда—въ такомъ возрастѣ, что можетъ все слышать. Она, Аста, не нашла у своего мужа того, чего вправѣ ожидать, выходя замужъ, послѣдняя нищенка.

— Допустимъ, что вы правы,—раздался холодный голосъ фрейлейнъ фонъ-Гофштеттенъ,—но вы, будучи въ дѣвицахъ, не отличались особою неопытностью, милая Аста, и должны были знать, что, выходя за человѣка стариннаго, очень стариннаго рода, вы не могли ожидать отъ него тѣхъ свойствъ, которыми надѣлены люди не родовитые.

— Онъ могъ бы мнѣ подарить наслѣдника...

— Вашихъ денегъ, милая Аста?

— А вы такъ презираете деньги, милая Гризельда? Не до-

вольствуясь шерстяными чулками для палестинскихъ дѣтей, вы покупаете на мои деньги и акціи Gold Mounts!

— Позоръ! позоръ!—раздалось восклицаніе фрейлейнъ фонъ-Гофштеттенъ.

— Вы не отрицаете этого позора, милая Гризельда?

Андреасъ корчился отъ смѣха, пряча лицо на плечѣ Адельгейды. Какъ? И эта надменная особа, глядѣвшая съ презрѣніемъ на весь міръ, и она подбираетъ валяющіяся на полу деньги не хуже, чѣмъ Дитрихъ Клемпнеръ или комикъ Капеллеръ?

— Если бы я только подозрѣвала, съ кѣмъ я буду имѣть дѣло!—воскликнула со скорбью фрейлейнъ фонъ-Гофштеттенъ.

— Вы знали это, но мирились — маленькой ренты ради. Впрочемъ, мужъ мой могъ бы оскорбиться, еслибы я выбрала себѣ въ возлюбленные моего кучера, а не человѣка нашего круга. Однако, вы прекрасно знали, что мамаша моя не соблюдаетъ даже такихъ приличій и находится въ недостойныхъ сношеніяхъ съ молодыми людьми невѣдомаго происхожденія, съ неудобопроизносимыми именами...

Андреасъ не дослушалъ до конца,—онъ услыхалъ прерывистое дыханіе Адельгейды, грудь которой тяжело поднималась, и понялъ ея молящій взоръ. Онъ шепнулъ ей на прощанье:

— Прости... если я скажу, что дочь твоя безбожна и неделикатна.

Когда Адельгейда грустно кивнула головою, онъ осчастливилъ ее ласковымъ словомъ:

— Ты—совсѣмъ другая. Благодарю тебя за все!

Онъ безшумно, но съ достоинствомъ направился къ противоположной двери. Эти оскорбленія не могли его коснуться. Онъ радовался, что и съ Гризельды снята маска. Какое наслажденіе — читать въ сердцахъ людей!

Утромъ посыльный принесъ ему роскошную коробку конфектъ со вложеніемъ билета въ 1000 марокъ.

Онъ набилъ ротъ шоколадными pralines и угостилъ хорошенькую дочку хозяйки, за которою давно уже приволакивался.

IX.—Дѣвица Мацке.

Андреасъ переѣхалъ на собственную роскошную квартиру.

Причиною этому былъ скандалъ, устроенный г-жѣ Тюркгеймеръ его хозяйкою, „не допускавшею такихъ вещей въ своемъ честномъ домѣ“. Она потребовала съ Адельгейды сотню талеровъ

за молчаніе и наговорила ей дерзостей, такъ что бѣдная женщина вбѣжала вся въ слезахъ въ комнату Андреаса и тотчасъ же рѣшила, что онъ долженъ переѣхать отъ этихъ ужасныхъ людей.

Кабинетъ тисненой кожи, чудная кровать Louis XV — все это должно было стоить безумныхъ денегъ, и Андреасъ сталъ мечтать о какомъ-нибудь à la Тюркгеймеръ колоссальномъ выигрышѣ на биржѣ. Онъ даже принялся за чтеніе биржевыхъ бюллетеней.

Прежде всего онъ сдѣлалъ открытіе, что мнѣнія прессы относительно Gold Mounts рѣзко раздѣлялись: упорныя рекламныя зазыванія и восхваленія нѣмецко-американскаго дома Шмеербаухъ и К⁰ поддерживались „Телеграфомъ“ и „Вечернею Газетой“, но „Курьеръ“ держался выжидающе, — онъ даже намекалъ, что одну изъ шахтъ пришлось оставить, а въ окрестностяхъ Золотыхъ горъ имѣются болота, распространяющія гибельныя для европейцевъ лихорадки. Послѣ этого извѣстія подъемъ бумагъ затормазился, и Андреасъ рѣшилъ вынуть свои капиталы изъ сомнительнаго дѣла.

Однако, сутки спустя, газета Іекузера помѣстила у себя на видномъ мѣстѣ восторженную корреспонденцію всемірно извѣстнаго путешественника, г. фонъ-Биркенбуша-Феллерштейна, описывавшаго золотыя копи Техаса, заключающія въ себѣ несмѣтныя богатства. Климатъ — райскій, плодоносность почвы — изумительная.

— Кому вѣрить?— спрашивалъ Андреасъ.—Такой знаменитый ученый не станетъ лгать?

— Надѣюсь, что нѣтъ,—отвѣтила Адельгейда:—во всякомъ случаѣ акціи берутся сегодня съ бою.

Андреасъ провелъ тревожную ночь, а поутру прежде всего схватился за газету. Тамъ была напечатана жирнымъ шрифтомъ телеграмма г. фонъ-Биркенбуша съ заявленіемъ, что авторъ хвалебной корреспонденціи—не онъ.

Редакція со своей стороны выражала сожалѣніе по поводу того, что сдѣлалась жертвою гнуснаго мистификатора, поддѣлавшаго почеркъ знаменитаго ученаго; къ сожалѣнію, оригиналъ письма уничтоженъ.

Давно уже Андреасъ не испытывалъ подобнаго горя: онъ сокрушался о своихъ деньгахъ, словно это были его трудовые гроши, добытые въ потѣ лица. Во всемъ виновата Адельгейда: не могла продать во-время! Онъ пошелъ къ ней и, не заставъ ее дома, оставилъ записку, въ которой строжайше приказывалъ ей все продать; затѣмъ онъ отправился на Бургъ-штрассе, гдѣ

сразу попалъ въ густую толпу проигравшихся, ожидавшихъ въ грязи, подъ дождемъ. Обманутые игроки потрясали кулаками, изрыгая угрозы, и, несмотря на отрядъ полицейскихъ, толпа все прибывала, окружая зданіе биржи. Вдругъ всѣ замерли. Открылась дверь, и въ облакѣ пыли можно было различить мелькавшія въ воздухѣ руки, поднятыя палки; слышался какой-то дикій вой толпы, преслѣдовавшей человѣка въ помятомъ цилиндрѣ, разстегнутомъ порванномъ жилетѣ, который мчался какъ затравленный заяцъ и, едва переводя духъ, кинулся въ карету. Кучеръ стегнулъ по лошадямъ, и экипажъ чуть не врѣзался въ толпу, проводившую его проклятіями.

— Долой Шмеербауха! Убейте его, собаку! Мошенникъ!

Когда Андреасъ приблизился къ банкирскому дому Шмеербаухъ и К° Подъ-Липами, онъ увидѣлъ, что желѣзныя ставни у оконъ закрыты. Въ домѣ—полиція. Нѣсколько минутъ тому назадъ, слышенъ былъ выстрѣлъ: Шмеербаухъ покончилъ съ собою.

Но эта смерть не обезоружила разоренныхъ акціонеровъ, встрѣтившихъ свистомъ трупъ банкира, который пронесли мимо нихъ санитары. Собакѣ — собачья смерть. Она не вернетъ имъ потерянныхъ денегъ. Андреасъ былъ того же мнѣнія. Взбѣшенный, онъ отправился къ Тюркгеймерамъ и, не обращая вниманія на насмѣшливую улыбку лакея, въ три прыжка взбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ и, не помня себя, предсталъ предъ Адельгейдою, испустившею крикъ ужаса.

— Что случилось? Почему у тебя такой видъ?

Онъ поглядѣлъ на себя и увидѣлъ, что оставилъ за собою на паркетѣ грязные слѣды. Панталоны его были мокры внизу и отвисли, сюртукъ запачканъ: это открытіе еще болѣе обозлило его.

— Я пришелъ въ соприкосновеніе съ народомъ... Но не въ этомъ дѣло. Кто виноватъ въ томъ, что мнѣ приходится бѣгать въ подобную погоду за моими деньгами?

— За твоими деньгами?

— Пожалуйста, не разыгрывайте невинности! Вы не имѣете понятія о томъ, что дѣло Gold Mounts лопнуло?

— Ни малѣйшаго. Я все утро провела за примѣркою.

— Ага, вотъ что!

Заложивъ руки въ карманы, онъ трагически зашагалъ по паркету, утратившему всякій блескъ подъ его ногами. Вдругъ онъ остановился передъ испуганною Адельгейдою и, пронизывая ее взоромъ, заговорилъ, отчеканивая каждое слово:

— Корреспонденція была фальшивая, Gold Mounts — не

стоятъ ни гроша, Шмеербаухъ покончилъ съ собою, а я потерялъ мои двѣ тысячи...

Она молчала, испуганная и задумчивая.

— Неужели Тюркгеймеръ проигралъ? — наконецъ выговорила она.

— Вотъ единственное, что тебя интересуетъ? И это называется любовью? Благодарю васъ. Если онъ потерялъ полъ-милліона—не бѣда; вѣдь—извини меня—деньги эти все равно краденыя. И какъ это спекулянты безнаказанно дерзаютъ смѣяться надъ общественнымъ мнѣніемъ и грабить людей?

Андреасъ цѣликомъ повторилъ фразу, слышанную имъ въ толпѣ изъ устъ господина воинственнаго вида, въ сѣромъ цилиндрѣ. Она, наморщивъ лобъ, старалась придумать что-нибудь для успокоенія возлюбленнаго.

— Вѣдь и я потеряла всѣ мои сбереженія: двадцать тысячъ съ чѣмъ-то.

Андреасъ нѣсколько осѣлъ: его поразила эта цифра. Двѣ ли, двадцать ли тысячъ—все равно. Въ его духовномъ мірѣ цифры играютъ второстепенную роль, но оскорбительно чувствовать себя обманутымъ.

Адельгейда вдругъ поднялась и страстно схватила его за руку.

— Ты не подозрѣваешь, какъ глубоко ты правъ! Меня тоже всегда влекло къ высшему. Я всегда цѣнила поэтовъ, художниковъ. Конечно, могло быть и хуже: Тюркгеймеръ — покладливъ, онъ не видитъ того, чего не долженъ видѣть. Но зато какой у него характеръ: какъ только дѣло коснется биржи, онъ продастъ честь, совѣсть, вѣру, семью. Повѣришь ли, сколько разъ онъ продавалъ и снова покупалъ меня—жену свою!

Наступило молчаніе, оба вспомнили о Ратиборѣ.

Адельгейда продолжала:—Только ради дочери она до сихъ поръ не настояла на разводѣ, но въ сущности почему бы ей жертвовать собою свѣтскимъ условностямъ? Она говорила страстно, порывисто, прижимаясь щекою къ его плечу; она старалась умилостивить его, прогнать его дурное настроеніе. Ее пугалъ его холодный тонъ, — неужели ея любовь уже прискучила ему? Она на все пойдетъ ради него. Она разведется!

— Что такое... Да ты..? — Онъ даже отодвинулся отъ нея.

— Если ты этого желаешь—бѣжимъ.

— Бѣжать съ тобою?!

— Ты не вѣришь мнѣ? — улыбнулась она: — а для тебя я на все готова.

Жилы на его лбу надулись; онъ разсмѣялся—сначала тихо,

затѣмъ неудержимо, — до такой степени забавнымъ показалось ему бѣгство съ генеральною консульшею Тюркгеймеръ на необитаемый островъ. Онъ представлялъ ее себѣ граціозно прыгающею въ хрупкій челнокъ, въ которомъ они поплывутъ вдвоемъ по синему морю.

Она съ изумленіемъ и нѣкоторымъ огорченіемъ глядѣла на его безудержную веселость, но утѣшала себя мыслью, что ей удалось развлечь его. И какъ онъ былъ хорошъ, когда глаза его смѣялись, а здоровые бѣлые зубы сверкали подъ бѣлокурыми усиками! И Адельгейда сама начала смѣяться.

Въ эту минуту разбитою походкою вошелъ Тюркгеймеръ и осторожно опустился въ кресло.

— Слава Богу, тутъ можно вздохнуть! Есть еще люди, не разучившіеся веселиться! А мнѣ такъ прямо осточертѣла эта биржа!

Лукаво покачивая головою, онъ оглядѣлъ костюмъ молодого человѣка и мокрые слѣды на полу.

— Вы также были тамъ? Дикое бѣснованіе, не такъ ли?

— Я былъ на улицѣ,—отвѣтилъ Андреасъ, и Тюркгеймеръ замѣтилъ холодность его тона.

— Вамъ не понравилось?—спросилъ онъ дружески.

— Еслибы знакомство съ биржею не было такъ накладно, я ничего не имѣлъ бы противъ нея.

— Вы слишкомъ добры. Вѣроятно, вамъ учинили маленькое кровопусканіе?

— Вамъ это лучше знать, господинъ генеральный консулъ.

Адельгейда вмѣшалась.

— Джемсъ, господинъ Цумзее передавалъ тебѣ черезъ меня заказы на Gold Mounts; онъ—не единственный изъ друзей нашего дома, которому ты оказывалъ подобныя услуги.

Тюркгеймеръ погладилъ свои бакенбарды и поглядѣлъ съ улыбкою на жену, восхищаясь ея ловкимъ ходомъ. Вотъ какимъ путемъ снабжаетъ она молодыхъ людей деньгами. Какъ умны эти женщины! Онъ надѣлъ на носъ золотое pince-nez и вытащилъ записную книжку. Вѣрно. Заказъ г. Цумзее выполненъ.

— Покорно благодарю, — холодно отвѣтилъ Андреасъ,—но позвольте мнѣ сдѣлать нескромный вопросъ: покупали ли вы вчера Gold Mounts и для себя?

— Конечно—изъ услужливости, чтобы не портить игру другимъ.

— И вы попались вмѣстѣ съ другими?

Онъ радостно перевелъ духъ, но Тюркгеймеръ усмѣхнулся, склонивъ голову на бокъ.

— Вы могли бы этому порадоваться, злой вы человѣкъ? Ну, вотъ я вамъ скажу: всѣ купленныя за мой счетъ акціи я подъ шумокъ спустилъ; но не думайте, cher maître и другъ, что я хочу подвести васъ. Развѣ я не дорожу вашею дружбою? За такого знаменитаго поэта, какъ вы, надо держаться,—вы сами это знаете, не такъ ли?

— Причемъ тутъ дружба, господинъ генеральный консулъ, если вы знали, что корреспонденція ложная, и не предупредили меня?

— Не волнуйтесь, maître, это вамъ не идетъ. Вы сердитесь, что я купилъ вамъ вчера эти акціи, но сказать ли вамъ правду: я не купилъ ихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но вѣдь вы... вы...

— Восхитительно милъ?—подсказалъ Тюркгеймеръ.

Андреасъ, въ искреннемъ порывѣ, схватилъ свѣсившуюся съ ручки кресла руку банкира и потрясъ ее.

— Вы слишкомъ добры, господинъ генеральный консулъ.

— Я всегда бываю добръ, но выслушайте меня до конца. Вчера, когда онѣ стояли по сту-семидесяти выше номинальной цѣны, я не купилъ ихъ вамъ, но купилъ сегодня, когда онѣ отдавались за ничто.

Ужасъ пригвоздилъ Андреаса къ мѣсту, но Тюркгеймеръ продолжалъ говорить въ носъ, добродушно и растягивая слова, словно онъ разсказывалъ забавный анекдотъ. Шмеербаухъ заслужилъ свою судьбу: бѣда, если тонкое дѣло попадетъ въ неумѣлыя руки. Онъ искусственно поднялъ акціи, налгалъ съ три короба, но является нѣкто неизвѣстный, сжалившійся надъ этимъ предпріятіемъ, и ему удается перелгать Шмеербауха. Каковы послѣдствія корреспонденціи? Акціи поднимаются на сто-семьдесятъ выше номинальной. Каковы послѣдствія опроверженія? Онѣ падаютъ ниже номинальной. Шмеербаухъ стрѣляется. И подѣломъ ему. Что сталось съ повѣрившими ему дураками? А вѣдь дураки—по нынѣшнимъ соціалистическимъ временамъ—тоже люди. Но это еще не конецъ. Незнакомецъ изъ „Курьера“ поставитъ дѣло на прочныхъ основаніяхъ, и завтра же биржа будетъ это знать. Акціи поднимутся.

— Такъ говорите вы, господинъ генеральный консулъ.

— Будьте такъ милы, сдѣлайте довольное лицо. Во всемъ вашемъ существѣ есть нѣчто жизнерадостное, нравящееся всѣмъ намъ,—не такъ ли, Адельгейда? Впадая въ уныніе, вы выходите изъ своей роли. Завтра ваши бумажонки—хотите побиться объ закладъ на бутылку сельтерской?—кое-что принесутъ вамъ.

— Хорошо,— проговорилъ Андреасъ, стараясь принять непринужденный видъ.

Тюркгеймеръ потрясъ ему руку и, посмѣиваясь, дружески похлопалъ его по животу. Адельгейда, все время тревожно переходившая съ мѣста на мѣсто, заглянула ему въ глаза, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли онъ успокоился, но онъ отвелъ глаза отъ ея вопросительно-молящаго взора.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ растерянную, въ разстегнутомъ полудлинномъ стародѣвичьемъ пальто Гризельду фонъ-Гофштеттенъ, желавшую не замѣтить его, но онъ, раскланявшись съ нею, воскликнулъ:

— Gold Mounts упали ниже номинальной, многоуважаемая фрейлейнъ!

Онъ глубоко вздохнулъ, наслаждаясь своею местью. Ему было пріятно вспомнить, какого рода разговоръ онъ имѣлъ сейчасъ съ великимъ человѣкомъ. Немногіе рѣшились бы говорить съ Джемсомъ Тюркгеймеромъ въ такомъ тонѣ! Онъ—Андреасъ Цумзее—былъ съ нимъ почти дерзокъ.

За обѣдомъ онъ выпилъ больше чѣмъ слѣдовало; но настоящее утѣшеніе принесъ ему „Ночной Курьеръ“. Газета Іекузера дышала благороднымъ негодованіемъ: лишь теперь поняла она всю гнусность мистификаціи, понадобившейся виновному для того, чтобы довести обманъ до конца и скрыться, съ деньгами разоренныхъ имъ акціонеровъ! Своевременное опроверженіе знаменитаго ученаго помѣшало ему осуществить этотъ планъ, но подобныя продѣлки подрываютъ въ публикѣ довѣріе къ уважаемымъ дѣятелямъ биржи. Виновный самъ произнесъ надъ собою приговоръ. Habeat sibi! О мертвыхъ дурно не говорятъ; поэтому, лучше не упоминать болѣе о Фридрихѣ-Вильгельмѣ Шмеербаухѣ.

На слѣдующій день появилась напечатанная жирнымъ шрифтомъ телеграмма г. фонъ-Биркенбушъ-Феллерштейна. Хотя, возмущенный продѣлкою съ его именемъ, онъ очень рѣзко отозвался о предпріятіи, но это было сдѣлано въ виду крайняго преувеличенія, которое позволилъ себѣ невѣдомый корреспондентъ. Конечно, „Золотыя горы“ не представляютъ собою буквально горъ золота, но дѣло поставлено на строго научныхъ основаніяхъ. Онъ сожалѣетъ, что его опроверженіе вызвало панику на биржѣ. Въ дѣйствительности, прорыты двѣ большихъ и пять поперечныхъ шахтъ; можно ожидать открытія и новыхъ золотоносныхъ жилъ. Назвать климатъ райскимъ, а почву необычайно плодоносною—возможно будетъ лишь на основаніи точныхъ научныхъ изслѣдованій, но примѣненіе фланели и отсутствіе зло-

употребленія алкоголемъ дѣлаютъ климатъ сноснымъ для европейца.

Къ концу биржи Андреасъ снова былъ тамъ. Среди публики — не такой уже многочисленной и возбужденной — шли толки о событіяхъ дня. Акціи поднялись на тридцать; къ концу — повышательная тенденція ослабѣла, но нѣсколько крупныхъ сдѣлокъ закрѣпили ее.

Андреасъ, не утерпѣвъ, вмѣшался въ разговоръ двоихъ мужчинъ.

— Я случайно знаю, какъ это было, — сказалъ онъ, краснѣя отъ гордости: — третьяго дня, когда акціи страшно поднялись, онъ покупалъ ихъ только для виду; а когда онѣ упали, онъ скупилъ ихъ всѣ.

— Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ знать о подложности корреспонденціи?

— Вѣроятно, или, скорѣе, весьма возможно, — отвѣтилъ Андреасъ, загадочно улыбаясь. Онъ говорилъ безъ всякой задней мысли, но вдругъ его осѣнило вдохновеніе: ужъ не самъ ли Тюркгеймеръ — тотъ таинственный незнакомецъ, о которомъ онъ все время упоминалъ? Значитъ, это онъ помѣстилъ корреспонденцію въ „Курьерѣ“, онъ вызвалъ на биржѣ панику, стоившую Шмеербауху жизни, и захватилъ дѣло въ свои руки? Какъ это онъ ранѣе не догадался?

— Однако, это уже слишкомъ! — заговорилъ кто-то въ толпѣ. — Неужели вся эта исторія — дѣло рукъ Тюркгеймера? Какимъ образомъ вамъ извѣстны подробности?

— Я очень близокъ къ дому Тюркгеймеровъ.

Небрежно бросивъ эти слова, онъ отошелъ. Въ вестибюлѣ показалось нѣсколько мужчинъ; мало-по-малу толпа стала увеличиваться и, наконецъ, разступившись по серединѣ, образовала шпалеры. Въ глубинѣ появился Тюркгеймеръ; онъ прошелъ между двухъ рядовъ почтительно склонившихся головъ; на губахъ его играла улыбка пресыщеннаго властью человѣка; онъ шелъ къ той самой двери, изъ которой въ трагическій моментъ своей жизни выбѣжалъ Шмеербаухъ. Его драгоцѣнная шуба ниспадала съ плечъ тяжелыми прямыми складками, мѣшая его походкѣ, и придавала ему нечеловѣческую неподвижность византійскаго владыки. На улицѣ его встрѣтилъ шопотъ восхищенія. Никто изъ ограбленныхъ не дерзнулъ кинуть въ лицо побѣдителю тѣ оскорбительныя слова, которыми они преслѣдовали побѣжденнаго Шмеербауха. Онъ шагалъ съ королевскимъ презрѣніемъ по спинамъ подданныхъ: пусть они ненавидятъ его, но

боятся. Никто не зналъ навѣрно, сколько онъ выигралъ сегодня: шестьсотъ тысячъ или болѣе?

Тюркгеймеръ пошелъ пѣшкомъ; за нимъ ѣхало, на нѣкоторомъ разстояніи, элегантное ландо, а серебристо-зеленый лакей слѣдовалъ за бариномъ въ трехъ шагахъ.

Андреасъ тщетно пытался поймать взглядъ великаго человѣка; по дорогѣ ему встрѣтились Зюссъ и Душницкій; онъ не преминулъ подѣлиться съ ними своими соображеніями относительно тождества неизвѣстнаго изъ „Курьера“—съ Тюркгеймеромъ. Тутъ къ нимъ подбѣжалъ Кафлишъ.

— Такъ это вѣрно? Крахъ былъ подстроенъ великимъ человѣкомъ?

— Онъ самъ сказалъ мнѣ это вчера.

Журналистъ вытащилъ свою записную книжку. Андреасъ испугался.

— Что вы дѣлаете? Онъ говорилъ мнѣ это конфиденціально...

— Хороша конфиденціальность! Почему же, въ такомъ случаѣ, вы разсказываете объ этомъ мнѣ, зная, что я предамъ ваши слова гласности? Разумѣется, онъ видѣлъ, что вы все разболтаете, поэтому и разсказалъ вамъ. Вы его не знаете. Онъ тщеславенъ и желаетъ, чтобы люди знали о его подвигахъ, но не могли ихъ доказать. А вы, cher maître, вообразили, что онъ простодушно довѣрилъ вамъ свою тайну? Ужъ эти мнѣ поэты!

Кафлишъ исчезъ. Общественный инстинктъ Андреаса подсказалъ ему, что онъ долженъ въ этотъ часъ торжества попасться на глаза побѣдителю. У памятника Фридриха Великаго онъ нагналъ его и, улучивъ минуту, раскланялся. Тюркгеймеръ любезно отвѣтилъ на его поклонъ.

— Вы мнѣ должны бутылку сельтерской!—проговорилъ онъ.

Отъ радости и гордости молодой человѣкъ не сразу могъ заговорить. Выпрямившись во весь ростъ, онъ надменно поглядывалъ на прохожихъ, видѣвшихъ его идущимъ бокъ-о-бокъ съ однимъ изъ властителей двадцатаго вѣка.

— Только бутылку сельтерской?—вырвалось у него.—Нѣтъ, господинъ генеральный консулъ, я несравненно болѣе въ долгу у васъ. Нельзя исчислить, насколько драгоцѣнно для поэта знакомство съ такимъ геніемъ, какъ вы! Пусть моралисты болтаютъ о подложныхъ корреспонденціяхъ, о глумленіи надъ общественнымъ мнѣніемъ, объ ограбленіи народа... Для меня въ вашей личности и въ вашихъ дѣйствіяхъ беретъ перевѣсъ чисто эстетическая сторона. Намъ, слабымъ современнымъ людямъ, вы являете типъ завоевателя изъ эпохи „Возрожденія“.

— Ну, ну!—скромно возразилъ Тюркгеймеръ; онъ, видимо, былъ польщенъ и выставилъ впередъ свое острое брюшко.

Андреасомъ овладѣлъ порывъ непритворнаго восхищенія.

— Я далекъ отъ низкой лести, но вы позволите мнѣ сказать, господинъ генеральный консулъ, что вы—великій человѣкъ.

— Уже съ давнишнихъ поръ. Но я замѣчаю у васъ, милѣйшій поэтъ, особый приливъ вдохновенія. Или вы чуете удачу?

— Развѣ... развѣ мой выигрышъ на Gold Mounts такъ великъ?—спросилъ Андреасъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Достаточенъ для человѣка со средними требованіями. Если вы пообождете дня два, я обѣщаю вамъ—ну, скажемъ...

Андреасъ задержалъ дыханіе. Тюркгеймеръ пошевелилъ пальцами и бросилъ на-угадъ:

— Скажемъ—тысячъ тридцать.

Андреасъ подскочилъ; онъ долженъ былъ до боли прикусить губу для того, чтобы не вскрикнуть отъ восторга. Роскошь его квартиры будетъ оплачена. Продолжая выигрывать на биржѣ, онъ скоро доберется до первой сотни тысячъ; когда же у него накопится полмилліона, онъ съѣздитъ въ Гумплахъ, чтобы ослѣпить туземцевъ своимъ величіемъ.

Комокъ грязи, брызнувшей на его панталоны, прервалъ его мечты: мимо проѣхала придворная карета, и Андреасъ, уловивъ улыбку Тюркгеймера, сталъ разглагольствовать, проводя параллель между царями биржи, этими истинными царями, и жалкими монархами, щеголяющими въ расшитыхъ мундирахъ, дрожащими передъ анархистами и травимыми прессою.

Тюркгеймеръ прервалъ его краснорѣчіе, предложивъ ему осмотрѣть постройку новаго зданія банкирской конторы. По дорогѣ имъ встрѣтился архитекторъ Кокоттъ—странная фигура въ поношенномъ сюртукѣ, узкогрудый, съ непомѣрно длинными руками и ногами, злобнымъ и, вмѣстѣ, жалкимъ взглядомъ несчастнаго, робкаго человѣка съ безсознательно-животными инстинктами. Тюркгеймеръ приказалъ ему слѣдовать за собою. Почему онъ никогда не заходитъ въ банкъ?

— Я неохотно тамъ бываю,—хрипло проговорилъ Кокоттъ, скосивъ глаза.

Тюркгеймеръ хихикнулъ.

— Никакого понятія о дѣлахъ! Что мнѣ съ вами дѣлать? Вашъ вексель просроченъ. Нужно переписать его. А сигары у васъ еще есть?

— У меня рубашки скоро на тѣлѣ не будетъ. На что мнѣ сигары?

— Вамъ незачѣмъ курить ихъ въ рубашкѣ.

Андреасъ расхохотался. Тюркгеймеръ тащилъ за собою злополучнаго архитектора, какъ злую обезьяну, которая не смѣетъ укусить. Толпа разлучила ихъ, и Андреасъ воспользовался этимъ, чтобы спросить Кокотта: онъ ли строитъ новый домъ?

— Чего тутъ строить? Американскій желѣзный ящикъ въ двѣнадцать этажей, годный лишь для банка. Причемъ тутъ искусство? Но мы, художники, для того, чтобы не умереть съ голоду, должны быть въ рабствѣ у притѣснителей и грабителей народа. У меня есть талантъ, но нѣтъ денегъ.

Онъ передалъ Андреасу, которому такія слова показались неблагодарностью, свою исторію. Тюркгеймеръ купилъ его, давъ ему въ долгъ крупную сумму денегъ, которую онъ спустилъ, и съ тѣхъ поръ ему остается одно: переписывать векселя и даромъ строить Тюркгеймеру домà до конца своей жизни, такъ какъ ему никогда не выйти изъ неоплатнаго долга. Дѣло въ томъ, что онъ началъ строить свой собственный домъ, но денегъ ему, конечно, не хватило для разсчетовъ съ поставщиками и рабочими; постройка перешла въ собственность Тюркгеймера, который, чтобы вознаградить рабочихъ, пострадавшихъ при крахѣ, великодушно предложилъ имъ работу въ своемъ новомъ зданіи. Разумѣется, имъ оставалось только согласиться.

— Мы никогда не разсчитаемся,—глухо заключилъ Кокоттъ,—развѣ только я спущу его когда-нибудь съ лѣсовъ.

Они уже поднялись въ первый этажъ, гдѣ Кокоттъ принялся докладывать своему патрону о достоинствахъ новаго паркета. Одинъ изъ рабочихъ — въ вязаной куртцѣ, лысый и рыжебородый, съ яркою окраскою носа, поднялся, ворча, и отошелъ къ окну, но Тюркгеймеръ не разсердился. Андреасъ тоже отошелъ къ окну. Двое дрожекъ продребезжали по мостовой, и тутъ же онъ услыхалъ ворчанье рабочаго:

— Ишь, толстая чертовка, ничего день-деньской не дѣлаетъ, знай-себѣ на резинкѣ катается...

Андреасъ увидѣлъ ландо Адельгейды, волшебно-быстро пронесшееся мимо. Она полулежала, откинувшись на шолковыя подушки.

Наступило неловкое молчаніе. Кокоттъ, весь передергиваясь, принялся извиняться за рабочаго, но Тюркгеймеръ заявилъ:

— Это обычная грубоватая шутливость нашего народа.

Они спустились внизъ, а „пролетарій“ приложилъ горлышко бутылки къ губамъ. Кокоттъ продолжалъ извиняться. Этотъ рабочій—исключеніе, пьяница и анархистъ. Зовутъ его Мацке.

У двери играли дѣти; они разбѣжались, когда сверху раздался окрикъ Мацке:

— Агнеска, дылда проклятая, долго ты будешь тутъ вѣшаться съ этими чертенятами! Смотри, какъ бы тебѣ дома не влетѣло!

Дѣвушка лѣтъ семнадцати, длинная, худая, оборванная, но съ претензіей на щегольство, метнула отцу ядовитый взглядъ. И тутъ же она скосила ротъ при видѣ проходившихъ мимо мужчинъ и вызывающе подмигнула своими водянистыми глазками каждому въ отдѣльности, но Тюркгеймеру — больше, чѣмъ другимъ.

Онъ шелъ маленькими шагами, тяжело сопя, соблазненный ея плечомъ—желтовато-блѣднымъ отъ подвальнаго воздуха,—выставившимся въ прорѣху рукава. Она стояла не шевелясь. Розовыя ноздри вздернутаго носа и красныя тонкія губы выдѣлились яркими пятнами на бѣлизнѣ ея лица, напоминавшей сыръ; рыжіе, цвѣта отцовской бороды, волосы ея поднимались надъ нимъ яркою растрепанною копной.

Нѣчто щекочущее и манящее, сказывавшееся въ ея обликѣ, всѣмъ бросилось въ глаза. Чувствовалось также, что какъ ни обольстительна была она, но ей еще далеко до тѣхъ границъ испорченности, для которыхъ она очевидно была предназначена судьбою.

Тюркгеймеръ осторожно взялъ ее за подбородокъ; она такъ рѣзко обернулась, что толкнула его острымъ локтемъ въ животъ. Упершись одной рукою въ бокъ, она прошмыгнула мимо него и Кокотта, подмигнувъ Андреасу.

— Нѣтъ, какова эта малютка Мацке, какова?—бормоталъ Тюркгеймеръ, подходя къ экипажу:—Я долженъ сказать, Кокоттъ, что она нравится мнѣ. Въ ней есть особая свѣжесть. Дитя народа. Въ сущности лишь это — настоящее. Что вы скажете на это, милый поэтъ?

— Какъ сказать?..

— Понимаю. Къ счастію, вашъ вкусъ—иной. Вы для этого еще не созрѣли.

Андреасъ обратилъ вниманіе на его оживленный тонъ, слабо порозовѣвшія скулы, на огонекъ, вспыхнувшій въ тусклыхъ глазахъ великаго человѣка. Замѣтилъ это и Кокоттъ.

— Г. генеральный консулъ вполнѣ правъ. Молодая дѣвушка заслуживаетъ участія, да и отецъ ея... ему пришлось многое перенести. Это надо понять.

— Понимаю. Дѣйствительно, въ нашемъ обществѣ все ненормально устроено. Надо сдѣлать что нибудь для народа. Пришлите-ка мнѣ Мацке съ дочерью въ мою частную контору.

Тюркгеймеръ сѣлъ въ экипажъ и перевелъ духъ. Февраль мѣсяцъ, а какъ уже тепло!

Андреасъ приподнялъ шляпу, но Тюркгеймеръ поманилъ Кокотта. Онъ вынулъ изъ кармана монету въ пять марокъ и заманчиво вставилъ ее между большимъ и указательнымъ пальцами.

— Вы знаете, что̀ это такое, Кокоттъ? Состройте жидовскую рожу.

— Дайте мнѣ ваше pince-nez,—отвѣтилъ Кокоттъ. Онъ надѣлъ его на свой носъ, вдругъ сдѣлавшійся плоскимъ, выпятилъ губы и сморщилъ носъ, придавъ лицу хитрое и озабоченное выраженіе. Тюркгеймеръ затрясся отъ смѣха.

— Браво, Кокоттъ! У васъ настоящій талантъ.

— У меня есть талантъ, но нѣтъ денегъ.

Отдавая pince-nez, онъ поймалъ другою рукою монету. Экипажъ тронулся при общемъ смѣхѣ.

Нѣсколько дней спустя, Андреасъ шелъ по Люцовъ-штрассе вмѣстѣ съ первымъ своимъ ментором Кёпфомъ, которому онъ показывалъ свою квартиру. Тотъ поздравилъ его съ блестящею карьерою. Андреасъ пустился въ откровенности. Кёпфъ попрежнему видитъ въ немъ „счастливца“, безсознательнаго удачника, а онъ еще недавно, идя рядомъ съ Тюркгеймеромъ Подъ-Липами, сказалъ ему въ лицо, что видитъ въ немъ типъ завоевателя, и тогда онъ дѣйствительно этому вѣрилъ. Но онъ ошибся. У Тюркгеймера нѣтъ размаха. Собираясь ограбить публику или соблазнить дочь рабочаго, — онъ оправдывается, объясняетъ свои поступки.

— Вы удивительно проницательны, другъ мой, — замѣтилъ Кёпфъ, который не безъ удовольствія выслушалъ изъ устъ Андреаса нѣкоторые изъ своихъ собственныхъ софизмовъ,—но пусть ваши вліятельные друзья не замѣчаютъ, что вамъ понятна ихъ игра.

— Ба! Не все ли мнѣ равно? Они не менѣе нуждаются во мнѣ, чѣмъ я въ нихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Самъ Тюркгеймеръ такъ говоритъ. Я еще собираюсь кое-что высказать ему при удобномъ случаѣ.

Кёпфъ, обезпокоенный, покачалъ головою. Положимъ, онъ предвидѣлъ, что сангвиническій молодой человѣкъ скоро зарвется, но что̀ если его многообѣщающая карьера будетъ прервана въ са-

момъ началѣ, и его выдернутъ изъ той тучной почвы, въ которой онъ такъ хорошо принялся? Какъ предупредить подобную опасность?

Кёпфъ задумался и не замѣтилъ, что Андреасъ замедлилъ шагъ, уставясь на проѣзжавшій мимо экипажъ. Въ немъ сидѣла молодая дама, на рыжей головѣ которой возвышалось цѣлое красное сооруженіе изъ развѣвающихся перьевъ. Зеленое бархатное платье и бѣлое манто еще болѣе подчеркивали огненные тона прически и шляпы съ перьями. Между колѣнъ она держала тросточку съ серебряною ручкою, а рукою въ бѣлой перчаткѣ гладила шерсть сидѣвшей съ нею рядомъ собаки. На заднемъ сидѣньи помѣщался господинъ съ рыжею бородою, взиравшій съ высоты величія на прохожихъ.

Андреасъ приподнялъ-было шляпу, не рѣшаясь, однако, поклониться, но дама, взявшись за лорнетъ, принялась махать имъ вмѣсто того, чтобы поднести его къ глазамъ. Она дружески закивала головою и, улыбаясь, скрылась изъ виду, уносимая рысаками.

Молодые люди переглянулись.

— Да вѣдь это она... она...

— Маленькая Мацке!—торжественно подтвердилъ Андреасъ, на котораго, очевидно, эта роскошь произвела сильное впечатлѣніе. Подобная метаморфоза въ какихъ-нибудь двѣ недѣли! А какой блескъ! Красная съ золотомъ ливрея. Выѣздъ лучше, чѣмъ у фрау Тюркгеймеръ!

— По крайней мѣрѣ—новѣе.

Образъ маленькой Мацке, промчавшейся мимо него во всемъ своемъ великолѣпіи,—съ догомъ, лакеемъ и отцомъ,—не давалъ Андреасу покоя. Во время карнавала онъ усердно посѣщалъ маскарады, услаждая свои ночи виномъ и ухаживаніемъ, но его что-то преслѣдовало: ему казалось, что на немъ лежитъ какое-то обязательство. При первой ихъ встрѣчѣ, онъ получилъ отъ маленькой Мацке вызывающую улыбку, а Тюркгеймеръ — лишь ударъ локтемъ; а теперь она принадлежала банкиру. Андреасъ чувствовалъ, что честь его затронута. Неужели такой врагъ общества, спекуляторъ и несчастный діабетикъ, какъ Тюркгеймеръ,—долженъ владѣть этою дѣвушкою только потому, что у него есть деньги? А онъ, Андреасъ,—обязанъ весь вѣкъ служить забавникомъ для этихъ повелителей волшебной страны тупеядства? Нѣтъ, онъ обязанъ отомстить за всѣ свои униженія.

Отъ Верды Бирацъ онъ узналъ, что Тюркгеймеръ поселилъ свою возлюбленную въ Б.-Вестъ, на виллѣ Bienaimée. Собственная вилла.

— Что за Bienaimée?

— Это ея новое имя. Не называться же ей попрежнему Агнеской-дылдой!

На слѣдующій же день Андреасъ уже стоялъ передъ раззолоченною рѣшеткою виллы, носившей благозвучное имя своей владѣлицы. Это было изящное строеніе, съ оранжереями, верандами, лежавшее въ глубинѣ парка. Слуга въ ливреѣ Мацке ввелъ его въ пріемную. Богатство обстановки — свѣтло-зеленая дорогая обивка стѣнъ и мебели, массивное красное дерево съ бронзовыми инкрустаціями—внушили Андреасу уваженіе къ хозяйкѣ дома. Солидная роскошь не допускала, казалось, и мысли о томъ, что здѣсь могла жить особа по имени Мацке.

Онъ залюбовался драгоцѣнными бездѣлушками работы Мартенса: омнибусомъ филигранной работы, золотою погремушкою, бонбоньеркою, осыпанною брилліантами. Стройная Венера, вырѣзанная изъ цѣльнаго оникса, держала передъ лицомъ зеркало — продолговатую жемчужину. Тѣмъ временемъ дверь отворилась, и владѣлица всего этого великолѣпія вбѣжала въ комнату. Огненные волосы ея были попрежнему растрепаны, но она волочила за собою шлейфъ ярко-голубого шлафрока, отдѣланнаго application и распахивавшагося на нѣжно-розовой юбкѣ. Маленькая Мацке произвела на гостя такое впечатлѣніе, словно она еще не опомнилась отъ изумленія, видя себя перенесенною въ эту волшебную обстановку.

— Здравствуйте! — проговорила она, протягивая ему руку, какъ другу дѣтства.—Очень пріятно, мы уже познакомившись съ вами...

— Счастливъ, что вы помните меня, фрейлейнъ Bienaimée,— отвѣтилъ Андреасъ, почтительно кланяясь.

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ. Кокоттъ мнѣ все о васъ выложилъ. Покровителя моего я про васъ не спрашивала. Такому старому хрычу ни-вѣсть что въ голову полѣзетъ.

— Вы такъ добры, милая фрейлейнъ Bienaimée...

Лицо ея озарялось признательностью при каждомъ упоминаніи ея новаго имени.

— Я предполагала такъ, что вы въ скорости пожалуете ко мнѣ, на мою виллу Bienaimée. Вѣдь вы—знаменитый сочинитель, а Тюркгеймеръ и насчетъ образованности очень ко мнѣ пристаетъ... Ужъ насчетъ всего прочаго—я и не говорю...

Она перемѣнила разговоръ, какъ свѣтская дама.—Садитесь-ка на одно изъ моихъ зеленыхъ креселъ, да потолкуемъ.

— Вы чудесно устроились, фрейлейнъ Bienaimée. Въ лучшихъ домахъ рѣдко можно встрѣтить такой вкусъ.

— Ну, это можно сказать: тьфу! А вотъ я покажу вамъ такія штуки, что у васъ глаза на лобъ вылѣзутъ. Лектричество мое видали?

Она подбѣжала къ массивной консоли, поддерживавшей четыре прозрачныхъ женскихъ фигуры изъ алебастра, державшихъ въ высоко поднятыхъ рукахъ бѣлыя лиліи, въ которыхъ при нажатіи кнопки вспыхнулъ огонь.

— Ихъ можно перетаскивать съ мѣста на мѣсто,—объявила Мацке, забавлявшаяся тѣмъ, что она соединяла и разъединяла провода и щелкала выключателемъ. Она дѣлала это осторожно, почти благоговѣйно, подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ, сжавъ губы,—очевидно, совершенно поглощенная этимъ таинственнымъ занятіемъ. Однажды пламя заупрямилось.

— Ишь ты, дрянь! — сорвалось съ устъ m-lle Бьенэмэ, но она тотчасъ же поправилась:—иной разъ не дѣйствуетъ машинка!

Изъ гостиной она повела гостя въ будуаръ, съ овальнымъ, фантастически расписаннымъ потолкомъ, зеркалами до потолка въ рамахъ цвѣта бордо и нѣжно-земляничными драпировками у пяти оконъ. Танцующія фигуры на раковинѣ изъ слоновой кости отражались въ черномъ деревѣ стола. Золоченыя маленькія кресла и диванчики, бѣлая мраморная статуя на каминѣ, эмальированныя восточныя вазы, двѣ картины испанской школы—все это сливалось въ пестрое, но гармоническое цѣлое. Маленькая Мацке стояла рядомъ съ гостемъ, положивъ палецъ въ уголъ рта.

— Вы не играете, m-lle Bienaimée?

— Вотъ выдумали! Если вы умѣете, присаживайтесь. Вы вѣдь дольше состоите при деликатной компаніи, чѣмъ я.

Андреасъ покраснѣлъ; онъ сѣлъ за рояль и принялся съ досады такъ яростно отбарабанивать польку, что стекла и хрустальный канделябръ задребезжали. Маленькая Мацке, не выдержавъ, неистово закружилась, подобно менадѣ, поднявъ руки вверхъ, откинувъ голову назадъ; ея рыжіе волосы развѣвались вокругъ лица, желтовато-бѣлаго какъ сыръ, глаза ея были полузакрыты, а шлейфъ капота вздымался и опускался на подобіе гигантскаго хвоста. Столкновеніе со столомъ чернаго дерева, опрокинувшее вазу изъ слоновой кости, привело въ себя владѣлицу виллы Bienaimée. Она остановилась запыхавшаяся и, блаженно улыбаясь, прижала руку къ сердцу.

— Здорово наплясалась!

Черезъ столовую, гдѣ серебряный сервизъ бросалъ матовый отблескъ на темныя панели и рѣзной буфетъ, они прошли въ салонъ съ мебелью гранатнаго цвѣта и померанцами у оконъ, а оттуда—на лѣстницу. Имъ поклонился рослый лакей. Bienaimée подозвала его.

— Это—Фридрихъ, ловкій малый; онъ убираетъ и чиститъ всѣ эти финтифлюшки. И изъ себя видный. Я сама ни къ чему не прикасаюсь.

На порогѣ спальни Андреасъ отступилъ: передъ нимъ стояла жирная матрона съ прилизанными волосами надъ набѣленнымъ лбомъ; грудь и животъ ея сверкали стеклярусомъ.

— Позвольте представить вамъ,—это фрау Калинке — моя домоправительница и дама для компаніи. Приставлена ко мнѣ Тюркгеймеромъ—для наблюденія, значитъ.

— Ахъ, дѣтки, чего тутъ!—вздохнула стеклярусовая дуэнья:—сама была молода, все понимаю,—и она скромно удалилась, позвякивая своими украшеніями.

— Ну, не дуракъ ли онъ!—обратилась Bienaimée къ гостю:—вдвоемъ-то мы его чище проведемъ.

„Замѣчательно!—подумалъ Андреасъ:—у такой дѣвушки—все просто. Великій человѣкъ—дуракъ въ ея глазахъ. Она презираетъ всѣхъ насъ“.

Туалеты Bienaimée, раскрывшей передъ нимъ свои шкафы,—больше всего поразили Андреаса. Женская роскошь, беззаботность женщины, въ сущности некрасивой, носившей на себѣ платье, цѣна котораго обезпечила бы цѣлую семью,—имѣла въ его глазахъ острую прелесть. Ея ванная комната съ окномъ изъ цвѣтныхъ стеколъ, серебряныя щеточки, батарея флаконовъ съ духами, разливавшими пріятный ароматъ,—все это вскружило ему голову. Онъ попробовалъ было обнять ее, но она привычнымъ жестомъ двинула его локтями въ животъ.

— Руки прочь!

Bienaimée провела пуховкою по своему лицу, а затѣмъ мазнула ею Андреаса по лбу—„для освѣженія“. Послѣ этого они мирно стали бесѣдовать въ маленькой гостиной, и она созналась, что идеаломъ ея съ дѣтскихъ лѣтъ былъ „принцъ“ въ голубомъ костюмѣ, изображенный на коробочкѣ отъ мыла, которую она нашла плавающей въ ведрѣ съ мыльною водою, куда ее бросила горничная сосѣдей. Отъ коробки такъ сладко-сладко пахло...

На прощанье она пригласила къ себѣ Андреаса на балъ-маскарадъ, даваемый ею по случаю новоселья.

X.—Высшая развращенность.

— Вотъ еслибы теперь вошелъ мой покровитель!—сказала Bienaimée, когда она въ первый разъ посѣтила Андреаса въ его квартирѣ на Люцовъ-штрассе.

Послѣ каждаго свиданія они все болѣе охладѣвали другъ къ другу, но мысль о томъ, какую физіономію скорчитъ Тюркгеймеръ, увидѣвъ ихъ вмѣстѣ,—не позволяла имъ порвать. И каждый разъ, не видя его, они думали, что понапрасну потеряли время.

Андреасъ предложилъ встрѣчаться у нея, но она это отклонила: непорядокъ. Онъ разсердился. Конечно,—вѣдь она зависитъ отъ Тюркгеймера.

— А ты отъ кого?

— Я самъ зарабатываю деньги.

— Смотри, не надорвись на работѣ!

Она потѣшалась надъ обстановкой его спальной въ нѣжныхъ „дѣвичьихъ" тонахъ и стилѣ Луи XV, и онъ невольно покраснѣлъ, вспомнивъ нѣжный влажный взоръ Адельгейды, устраивавшей ихъ гнѣздышко; она вложила всю свою душу въ эти ткани. Какъ бы онъ отдѣлалъ Адельгейду, вздумай она въ чемъ-нибудь не согласиться съ нимъ, но ея любовь—нѣчто неотъемлемое, а это взбалмошное, злое существо приходится завоевывать каждый день сызнова. Сумѣла же она зажечь огонекъ въ тускломъ взорѣ Тюркгеймера! Онъ долженъ сохранить ее,—это вопросъ чести. Пусть она не нравится ему,—именно въ этомъ и заключается утонченнѣйшая развращеность. И онъ заставлялъ себя быть какъ можно холоднѣе съ Адельгейдою, надѣявшейся безъ помѣхи отпраздновать именно на этой квартирѣ, убранной ея заботами,—новый праздникъ любви. Но напрасно пыталась она разогрѣть своими поцѣлуями его остывшую страсть. Въ концѣ концовъ ей пришлось подчиниться его желанію и перейти на амплуа стараго друга. Она заботилась о его комфортѣ и, зная его слабость къ хорошему столу и винамъ, постоянно привозила ему рѣдкія лакомства, примирившись съ тѣмъ фактомъ, что каждый разъ, когда она привозила ему что-нибудь новое и особенно вкусное—онъ съ меньшимъ неудовольствіемъ встрѣчалъ ея приходъ. Послѣ тонкаго завтрака онъ иногда оказывалъ ей знаки вниманія, напоминавшіе доброе старое время, когда онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ.

— Какъ хорошо было тогда!—вздохнула она однажды.

— Я нахожу, что здѣсь много лучше! — холодно отвѣтилъ онъ.

Къ его рожденію 6-го мая она выписала полный завтракъ отъ Chevet изъ Парижа. Андреасъ сидѣлъ за столомъ во фракѣ, съ розою въ петличкѣ, но какъ онъ былъ холоденъ! Гдѣ эти дружескія изліянія, которыхъ она жаждала? Неужели душа его — въ саладѣ изъ бычачьихъ языковъ и паштетѣ изъ козули? Къ концу завтрака посыльный принесъ пару лампъ художественной работы — такихъ же, какія были у Bienaimée. Андреасъ разворчался. Къ чему эти траты? И что за кокоточный вкусъ, оскорбляющій всѣ его принципы? Пусть она подаритъ ему бездѣлушку — записную книжку, напримѣръ. Иногда онъ лихорадочно ищетъ листа бумаги и карандаша, чтобы набросать нѣсколько строкъ въ порывѣ вдохновенія, которое всегда неразлучно съ поэтомъ. Неужели она этого не замѣчала?

Адельгейда подарила ему книжку, и онъ сталъ записывать въ ней отдаваемое въ стирку бѣлье. Вообще, онъ берегъ свое добро, какъ настоящій хозяинъ на деревнѣ. Грума своего, осмѣлившагося доѣсть остатки компота, онъ сейчасъ же прогналъ. Послѣ завтрака онъ въ халатѣ, съ сигарою въ зубахъ, сводилъ счеты; иногда онъ самъ заглядывалъ въ кладовую. Онъ обѣдалъ въ два часа, затѣмъ дѣлалъ или принималъ визиты, а по вечерамъ бывалъ въ „клубѣ побѣдителей“, куда ввелъ его незамѣнимый Либлингъ, который, какъ оказалось, меблировалъ и виллу Bienaimée. Тамъ Андреасъ встрѣчалъ массу знакомыхъ: Кафлиша, Блоха, Гольдгерца, Абеля, Штибица, Капеллера, Ратибора, Бединера, Іекузера, Гофштеттена, Клодіуса Мертенса. Члены клуба пользовались холоднымъ душемъ; къ ихъ услугамъ были массажистъ и фехтмейстеръ, и они получали послѣднія новинки по части лондонскихъ галстуковъ и воротниковъ.

Андреасъ счелъ долгомъ сблизиться съ Ратиборомъ и былъ его признательнымъ слушателемъ за вечернимъ вѣски. Въ рулетку Андреасъ не игралъ, но на биржѣ ему везло, и его положеніе было настолько упрочено, что одно его слово доставило обѣдпѣвшему Дитриху Клемпнеру мѣсто въ редакціи „Патріота-Рабочаго“ (филіальное отдѣленіе „Курьера“). Изъ Гумплаха къ нему являлись дебютанты съ карточкою г. Шмюкке, и онъ, сидя за своимъ монументальнымъ письменнымъ столомъ, на которомъ стоялъ его бюстъ работы Мертенса, давалъ имъ благосклонные совѣты относительно упорнаго труда. Если они будутъ много работать, они, быть можетъ, достигнутъ такихъ же, какъ и онъ самъ, результатовъ.

Его коллекція духовъ скоро пріобрѣла извѣстность. По совѣту Либлинга, проговорившагося въ минуту слабости, онъ выписалъ для обтиранія кожи какую-то таинственную жидкость, употреблявшуюся фрау Тюркгеймеръ и другими немногими избранницами. Онъ заботился о ростѣ своихъ усовъ и старался придать своему взгляду жесткость и выразительность посредствомъ подрисовки тушью. Съ портнымъ своимъ онъ воевалъ цѣлый мѣсяцъ изъ-за того, что тотъ будто бы суживаетъ ему грудь.

На прогулкѣ онъ гордо озирался, никому не давая дороги. Когда ему встрѣчался другой свѣтскій молодой человѣкъ, оба они ощетинивались другъ на друга, какъ два кота, готовые сцѣпиться. Однажды девятнадцатилѣтній гвардейскій лейтенантъ понадѣялся было, что Андреасъ уступитъ ему дорогу, но, разочаровавшись, быстро подался корпусомъ въ сторону и даже слегка поклонился.

Андреасу показалось, что его пожаловали дворянствомъ на полѣ чести! Онъ заказалъ на двери новую дощечку съ надписью: *Андреасъ цумъ-Зее*. Это звучало аристократичнѣе; геральдическое бюро доставило ему гербъ: море (See), изъ глубины котораго поднимается женская рука.

Быстро и безъ труда привыкъ онъ къ этой жизни въ заколдованномъ кругу театровъ, ресторановъ, модныхъ поставщиковъ, гдѣ встрѣчаются постоянно одни и тѣ же лица. Весь механизмъ культурной жизни работаетъ и производитъ для того, чтобы немногіе избранные могли наслаждаться.

— Общество предъявляетъ ко мнѣ громадныя требованія,— говорилъ онъ иногда Адельгейдѣ, выслушивавшей его съ большимъ вниманіемъ, нежели маленькая Мацке,—мои свѣтскія обязанности, мое положеніе въ прессѣ, постоянная работа надъ собою... Никто не знаетъ моего внутренняго „я“. Я—одинъ изъ немногихъ, чующихъ духъ времени; мы образуемъ невидимый тайный союзъ для погруженія въ бездну утонченностей. Чувствовать—это все. Писать стихи и романы—это пустяки.

Онъ и не писалъ ихъ, но послѣ двухъ-трехъ рюмокъ шартрёза погружался въ блаженныя мечтанія.

Его охватывала жажда сверхъ-чувственныхъ наслажденій; онъ хотѣлъ прижать къ груди женщину-призракъ, Елену Троянскую или еще не существующую женщину будущихъ вѣковъ. Онъ выписалъ какія-то восточныя куренія и травы, питался два дня лишь медомъ изъ Аѳинъ и соорудилъ родъ алтаря. Когда явилась маленькая Мацке, онъ захотѣлъ посвятить ее въ таинство своего культа, но она воспротивилась.

— Чего это ты надымилъ здѣсь среди бѣла-дня? Ты хочешь прокоптить меня, какъ селедку?

Потерпѣвъ неудачу съ маленькою Мацке и отчаявшись въ возможности найти себѣ подходящую компанію по части наслажденія демонизмомъ, послѣ того какъ фрау Пимбушъ тоже не оказалась на высотѣ развращенности, онъ зазвалъ къ себѣ дочь своей хозяйки — Софи Левцанъ. Дѣвица явилась на его приглашеніе, но когда обнаружилось, что она предполагаетъ у него „честныя намѣренія", онъ страшно возмутился.

Адельгейдѣ пришлось поплатиться за всѣ перенесенныя имъ разочарованія: онъ нѣсколько разъ не принималъ ее, — а принявъ—сейчасъ же выпроваживалъ.

— У меня мигрень и я очень занятъ. Чѣмъ могу служить?

— Мы такъ рѣдко видимся!..

— Это не моя вина! Долгъ—прежде всего. Но развѣ ты не ѣдешь на-воды?

— Разстаться съ тобою, Андреасъ?!

Угнетаемая его молчаніемъ, она замолчала и затѣмъ прибавила неувѣренно, что ей, дѣйствительно, нужно бы съѣздить полечиться.

— Я тоже нахожу. У тебя испортился цвѣтъ лица. Тебѣ слѣдуетъ показываться только по вечерамъ.

— По вечерамъ?.. Но вѣдь ты знаешь, что вечеромъ я не могу...

Неужели онъ совсѣмъ хочетъ бросить ее?

Съ Мацке вышло не лучше. При слѣдующемъ ея посѣщеніи они заговорили о маскарадѣ, на которомъ Андреасъ предсталъ ей въ видѣ „принца". Она стала увѣрять, что трико болталось у него на ногахъ.

— Нѣтъ, не болталось.

— Болталось, говорятъ тебѣ.

— Нѣтъ.

— А я говорю: да.

Но тутъ она не успѣла опомниться, какъ полновѣсная пощечина свалила ее со стула. Въ первый разъ она поглядѣла на него съ уваженіемъ, почти съ нѣжностью, забывъ о Тюркгеймерѣ и принцѣ на коробкѣ съ мыломъ.

Послышались шаги. Андреасъ вошелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь.

— Опять?—воскликнулъ онъ при видѣ Адельгейды:—развѣ мой грумъ не сказалъ тебѣ, что я очень занятъ и не могу никого видѣть?

— Да, но у меня важное дѣло.

Она въ волненіи протянула руку, ища стула и не находя его. Слова съ трудомъ сходили у нея съ языка.

— Я, конечно, понимаю, что ты не можешь всегда желать моего присутствія. Я была здѣсь вчера; но когда я не вижу тебя, время такъ долго тянется... Ты знаешь, какъ я люблю тебя...

— Еще бы я этого не зналъ! Но, милая Адельгейда, мы не будемъ останавливаться на этомъ. Садись и приступай прямо къ дѣлу.

Она хотѣла заговорить, но голосъ не повиновался ей. Полчаса тому назадъ, у нея мелькнула мысль, изъ-за которой она помчалась сюда, полная надежды. Но надежда уже поколебалась. Удастся ли ей вернуть его любовь?

Въ этотъ мигъ, когда онъ стоялъ передъ нею съ жесткимъ взоромъ и сжатыми губами, — онъ казался ей такимъ далекимъ. Въ комнатѣ еще носился запахъ куреній, но она не была посвящена въ таинства его мистическаго культа. Ей вспомнились тѣ дни полнаго счастья, когда онъ принималъ ее въ рясѣ, сидя у простого бѣлаго стола.

Поэтъ и мистикъ—онъ одаренъ тонкою чувствительностью и не допускаетъ посторонняго вторженія въ свой внутренній міръ. Вотъ почему онъ умалчиваетъ о самомъ для него близкомъ. Она не знаетъ высшей духовной стороны его жизни и не должна ее знать. Они даже не одной вѣры.

— Ну, что же, я могу и подождать, — желчно произнесъ онъ, опускаясь на стулъ и начавъ нетерпѣливо перебирать бумаги. Она проговорила съ рѣшимостью отчаянія:

— Я хотѣла бы перемѣнить вѣру.

— Что такое?!

— Перейти въ твою, стать католичкой.

— Это невѣроятно! — воскликнулъ онъ, отвернувшись отъ нея и уставившись куда-то въ стѣну. Все лицо его передергивалось.

— Какъ это пришло тебѣ въ голову? — спросилъ онъ съ усиліемъ.

— Я дѣлаю это ради тебя, мой Андреасъ, то-есть...,—поправилась она,—я чувствую влеченіе къ католицизму. Разумѣется, не легко принять подобное рѣшеніе, но любовь къ тебѣ облегчитъ мнѣ переходъ...

Онъ вскочилъ и поднялъ глаза къ потолку; ей показалось, что онъ—въ экстазѣ.

Андреасу ясно представилась Адельгейда въ бѣломъ платьицѣ и вуали конфирмантки, сопровождаемая къ купели друзьями дома и Тюркгеймеромъ, лукаво поглаживавшимъ свои бакенбарды.

— Я была до сихъ поръ евангелическаго вѣроисповѣданія...

Онъ ринулся изъ комнаты. Дверь отворилась и захлопнулась. До нея долетѣли сдавленные звуки,—словно онъ боролся съ припадкомъ удушья. Она хотѣла бѣжать къ нему на помощь, но упала въ кресло: звуки эти походили на смѣхъ. Да, онъ смѣялся, уткнувшись лицомъ во что-то мягкое: не въ портьеру ли?

Вдругъ она разслышала сдержанный визгъ — женскій, несомнѣнно. Тамъ, въ углу, на этажеркѣ съ книгами лежалъ большой красный предметъ—огромная шляпа съ перьями. Ослѣпла она, должно быть, что не замѣтила ее ранѣе? На полу валялась разорванная перчатка.

Адельгейда уже перестала удивляться. Какъ она объ этомъ не подумала? Она считала его увлеченнымъ его писательскою дѣятельностью, его свѣтскою карьерою—и этимъ объясняла его холодность.

Она подошла къ зеркалу.

„Онъ правъ,—я должна показываться только по вечерамъ. При вечернемъ освѣщеніи я еще могу сойти,—да и то надолго ли меня хватитъ? Впрочемъ, теперь — все равно. Чего мнѣ еще нужно?“

Уходя изъ комнаты, она слышала за собою его смѣхъ и ея взвизгиванія. Какой хохотъ возбудила ея послѣдняя жертва! Уже на лѣстницѣ она сообразила, что вся дрожитъ. Надо бы гдѣнибудь отдохнуть, но гдѣ?

Въ первомъ этажѣ она замѣтила въ окнѣ нѣсколько запыленныхъ шляпъ. Модистка, утомленная женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, подумала, при видѣ неожиданной покупательницы, что этотъ простой костюмъ изъ сѣраго полотна съ кружевомъ стоитъ не менѣе трехсотъ марокъ. Шляпа изъ флорентинской соломы съ перьями и желтою розою—внушила ей благоговѣніе. Что могло понадобиться такой дамѣ въ ея лавочкѣ?

Но Адельгейда осталась довольна всѣмъ, что ей ни показывали. Она мелькомъ взглянула на двѣ матросскихъ шляпки, украшенныхъ жалкими бантиками, и затѣмъ опустилась въ кресло у окна.

— Которую прикажете завернуть, сударыня?

— Все равно. Вотъ, возьмите,—она вынула три золотыхъ.

— Прикажете снести въ экипажъ?

— У меня нѣтъ экипажа.

— Въ такомъ случаѣ—прикажете послать по адресу?

— Позвольте мнѣ немного обождать, — нетерпѣливо вздохнула Адельгейда:—кажется, идетъ дождь.

Небо было почти безоблачно. Модистка отошла. Вскорѣ къ подъѣзду подкатило блестящее ландо. Шерсть на лошадяхъ лоснилась, кучеръ и лакей были въ красныхъ съ золотомъ, сверкавшихъ на солнцѣ ливреяхъ. Черезъ минуту, на подъѣздѣ показалась фигура въ бѣломъ пике́—возбужденная и растрепанная, какъ будто послѣ схватки. Она покачивала тощими бедрами, дерзко оглядывалась и подмигивала своимъ слугамъ. Красная шляпка криво сидѣла на ея рыжихъ волосахъ. Адельгейда знала ее и всегда глядѣла на нее безъ ненависти, но теперь...

— Вамъ дурно, сударыня?—раздался надъ ея ухомъ голосъ модистки. Адельгейда на половину соскользнула съ кресла и держалась за ручку. Она попросила сходить за экипажемъ. Это оказался экипажъ второго разряда. Адельгейда велѣла поднять верхъ. Вся она дрожала отъ гнѣва.—Неблагодарный! Неблагодарный! Какихъ ухищреній стоила ей побѣда надъ его безкорыстіемъ и нежеланіемъ брать отъ нея деньги! Какую борьбу пришлось ей выдержать изъ-за него съ Лиззи Лаффе́, съ его квартирною хозяйкой, шантажировавшей ее, съ Астою, которой она въ угоду ему пригрозила лишеніемъ наслѣдства. Она слышала со всѣхъ сторонъ его имя, которое сама же она вложила людямъ въ уста. Ей вспомнилось, какъ ему льстили, какъ привѣтствовали его послѣ представленія его пьески. Она вспомнила всю свою дипломатію, искусное притворство и громадную настойчивость, которыя понадобились ей для того, чтобы создать изъ ничтожнаго студентика, жившаго въ „меблировкѣ“, вліятельнаго господина съ положеніемъ, занимающаго квартиру на Люцовъ-штрассе.

„Неблагодарный! Каждая вещица въ его комнатахъ должна напоминать ему обо мнѣ. Не будь меня,—развѣ захотѣла бы знаться съ нимъ хотя одна собака? Я—все для него: его счастье на биржѣ, его успѣхъ въ литературѣ, его общественное положеніе—все это онъ имѣетъ до тѣхъ поръ, покуда я не ушла отъ него. Неужели онъ думаетъ, что самъ выигралъ тѣ громадныя деньги, которыя онъ получаетъ уже девять мѣсяцевъ? Онъ принадлежитъ мнѣ; какъ смѣетъ онъ обманывать меня: вѣдь онъ крадетъ мои деньги? Развѣ онъ не знаетъ, что я завтра же могу его уничтожить?“

Карета остановилась. Упавшая ломовая лошадь преграждала путь, какіе-то люди заглядывали въ окна экипажа.

Ужасъ ея положенія внезапно предсталъ ей во всей своей полнотѣ: одинокая, покинутая, осмѣянная, съ послѣднимъ разочарованіемъ въ сердцѣ, — она сидѣла здѣсь, на порванныхъ подушкахъ второразряднаго экипажа, въ отдаленномъ пролетарскомъ кварталѣ! Гнѣвъ ея сразу упалъ. Она откинулась въ уголъ и закрыла лицо руками.

„Что я сдѣлала! Я оклеветала его. Онъ—поэтъ, настоящій поэтъ, почти дитя, балованное дитя, смотрящее на все сквозь розовые очки. Что онъ знаетъ о жизни? Почемъ онъ знаетъ, откуда деньги? Разумѣется, онъ вѣритъ всему, что я говорю, какъ и въ то время, когда онъ жилъ въ комнаткѣ. Почему я не оставила его тамъ? Вмѣсто этого я ввела его въ свѣтъ, предоставила его на жертву всѣмъ искушеніямъ. Его художественный темпераментъ легко поддается вліяніямъ; онъ принадлежитъ къ немногимъ европейскимъ мыслителямъ, находящимся между собою въ мистическомъ союзѣ утонченныхъ ощущеній. Что съ этимъ подѣлаешь? Онъ принадлежитъ искусству, я не имѣю на него правъ. Но я люблю его!“

Этотъ крикъ заглушилъ доводы разсудка.

„Я люблю его и должна его удержать. Кто смѣетъ отнимать его у меня? Кто-нибудь виноватъ въ этомъ. Кто? Ну, конечно, Тюркгеймеръ!“

Она нетерпѣливо задвигалась на сидѣньи и, постучавъ кучеру, приказала ему ѣхать домой.

„Я никогда не вмѣшивалась въ его любовныя исторіи, хотя видѣла, что вкусъ его становится все низменнѣе, но теперь пора положить этому конецъ. Мѣра переполнилась“.

Ее обуревали мстительныя мысли. Развестись съ нимъ, назначить надъ нимъ опеку, въ виду того, что онъ впадаетъ въ дѣтство. Однако, по мѣрѣ приближенія къ дому, она успокоивалась. Нужно соблюсти приличія. Покончить дѣло мирно, но сейчасъ же, до обѣда.

Она послала за Тюркгеймеромъ и прошла въ свой желтый салонъ, гдѣ все напоминало ей объ Андреасѣ, о послѣдней счастливой минутѣ въ день спектакля, когда она ждала его здѣсь при свѣтѣ единственной свѣчи. Она топнула ногою. Пора растоптать это недостойное счастье,—оно причиняетъ ей слишкомъ большія страданія! И вдругъ онъ предсталъ передъ нею какъ живой—блѣдный, съ молящимъ взоромъ, глядѣвшимъ на нее изъ-подъ загнутыхъ рѣсницъ и словно говорившимъ:—Не обижай меня!

Приблизились шаркающіе шаги,—это подходилъ Тюркгеймеръ.

— Что случилось? — тихо спросилъ онъ, подойдя къ ней вплотную.

Она собиралась обратиться къ нему съ рѣзкимъ словомъ, но при взглядѣ на него почти испугалась,—такимъ безнадежно опустившимся, жалкимъ показался онъ ей. Его жирныя щеки такъ отвисли, что, казалось, онъ потеряетъ свои бакенбарды. Не узналъ ли онъ объ измѣнѣ? Бѣдняга! До сихъ поръ онъ платилъ за себя, теперь — платитъ за другихъ. Она ощутила къ нему сожалѣніе, смѣшанное съ презрѣніемъ.

— У тебя были непріятности? На биржѣ, можетъ быть?

— Что мнѣ биржа!

— Ты правъ. Иногда семейныя непріятности важнѣе биржевыхъ.

— Важнѣе? Что ты называешь важнымъ?

Онъ задумался—очевидно, надъ этимъ вопросомъ. Адельгейда встревожилась: должно быть, онъ очень боленъ.

— У тебя прибавилось сахару?—спросила она:—какой теперь процентъ?

— Не знаю. Спроси у доктора.

— Джемсъ-Луи, ты тревожишь меня. Тебѣ давно бы слѣдовало быть въ Карлсбадѣ. Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Да, что я здѣсь дѣлаю?

— Ты уѣдешь завтра. Понялъ ты?

— Я уѣду завтра.

Его тупое терпѣніе тронуло ее. Очего онъ не сядетъ? Вѣдь у него колѣни дрожатъ.

— Ты можешь все мнѣ сказать. Въ твоей женѣ ты найдешь друга, которому все извѣстно.

Онъ скривилъ лицо; ея сочувствіе настроило его на плаксивый ладъ.

— Я дѣлаю глупости. Прости мнѣ, Адельгейда, если можешь... Я дѣлаю глупости.

Онъ вытащилъ изъ кармана анонимное письмо, отдалъ его женѣ и тяжело опустился въ кресло.

Анонимный корреспондентъ считалъ долгомъ увѣдомить г. генеральнаго консула, что особа низкаго происхожденія, всѣмъ ему обязанная, обманываетъ его съ молодымъ человѣкомъ А. Ц., недостойно попирая довѣріе его и его уважаемой супруги.

Адельгейда подумала прежде всего о бывшей квартирной хозяйкѣ Андреаса, фрау Левцанъ. Сколько грязи! Она сдѣлала движеніе отвращенія. Что же онъ думаетъ дѣлать?

— Что мнѣ дѣлать? Такова ужъ моя участь—быть обманутымъ за свои деньги.

— Неужели ты простишь ей, Джемсъ-Луи?—сказала Адельгейда холодно:—если *ты* желаешь быть обманутымъ, *я* не желаю раздѣлять твою участь. Понимаешь?

Онъ безпомощно заморгалъ. Въ первый разъ ему пришло въ голову, что дѣло касается его жены не менѣе, чѣмъ его самого. Адельгейда заговорила очень твердо, указывая ему на дѣловую сторону.

— Въ концѣ концовъ это было бы нашимъ разоренiемъ. Ты не знаешь, на что способна такая сухая, ничтожная съ виду дѣвчонка, нищенское отродье, не имѣвшее въ рукахъ десяти франковъ. Она въ одинъ годъ спуститъ такое состоянiе, какого ты вмѣстѣ съ Блохомъ и Ратиборомъ не пріобрѣтешь за десять лѣтъ. Джемсъ-Луи,—продолжала она дружелюбнѣе, замѣчая дѣйствiе, произведенное ея словами:—сказать ли тебѣ, что я думала? Я говорила себѣ: онъ не въ своемъ умѣ,—иначе онъ не сталъ бы раздаривать виллы и милліоны уличной дѣвчонкѣ, онъ—устроившій дѣло съ Пуэрте-Вергонья и Gold-Mounts. Сказать ли всю правду? Я думала о публичномъ скандалѣ, о раздѣлѣ имуществъ, даже—о разводѣ.

— Адельгейда!—Онъ умоляюще простеръ къ ней руки.—Адельгейда, маленькая Мацке умерла и похоронена. Простишь ли ты кающагося грѣшника?—Онъ наклонился къ ней, покачнулся и упалъ передъ нею на колѣни на коверъ.

Адельгейда положила ему руку на плечо.

— Ты становишься старъ, мой бѣдный другъ.

— Да, это—несчастiе, мы становимся стары.

Она не разсердилась на его неосторожность. Онъ воскликнулъ раздирающимъ душу голосомъ:

— До чего гадокъ свѣтъ!

Она вздрогнула. Сознанiе всей глубины ея несчастья снова охватило ея душу.

— Мы становимся стары, — повторила она со слезами въ горлѣ.

Онъ рыдалъ, уткнувъ голову въ ея колѣни:

— Это несчастiе! Это несчастiе!

Адельгейда почувствовала необходимость встряхнуть его.

— Мы ѣдемъ завтра; я поѣду съ тобою, но прежде мнѣ необходимо все привести въ порядокъ. Мы должны получить должное удовлетвореніе.

— Ты права! Этотъ изящный юноша долженъ поплатиться.

Его обрюзгшее лицо побагровѣло, жажда мести охватила его.

— Вотъ шутъ гороховый! Сладко поетъ, а за спиною дѣлаетъ пакости. Не я ли вывелъ его въ люди, да еще—отъ чистаго сердца? И вотъ — признательность! Онъ забавлялъ тебя, онъ забавлялъ меня, онъ всѣхъ забавлялъ, и вдругъ подобный шутъ воображаетъ, что съ нимъ можно считаться! Развѣ ты принимала его въ серьёзъ? Развѣ кто-нибудь принималъ его въ серьёзъ? Онъ долженъ узнать наконецъ свое мѣсто.

— Не волнуйся, — прервала Адельгейда, не предвидѣвшая подобнаго взрыва:—вина больше ея, чѣмъ его. Она гонялась за нимъ.

— Она? Бѣдняжка! Да вѣдь ей всего семнадцать лѣтъ!

— Такія—самыя худшія.

— Ты думаешь? Ахъ, Адельгейда! Во всемъ бываютъ виноваты мужчины.

— Бѣдняга! Но тебѣ слѣдуетъ сдѣлать одно: отступиться...

— Я и отступаюсь отъ него. Отъ кого же еще? Съ биржею—все кончено для него. Въ клубѣ я скажу, что недоволенъ имъ, и всѣ отъ него отшатнутся. Погоди ты у меня! Черезъ мѣсяцъ онъ очутится на мостовой, и его никуда не впустятъ,—ужъ за это я ручаюсь.

Адельгейда прижала руку къ сердцу, обливавшемуся кровью при мысли о невѣрномъ. А эта особа? Такъ называемая маленькая Мацке?

— Дай себѣ отчетъ, Джемсъ-Луи, какъ она погрѣшила противъ тебя. Она отдаетъ тебя на посмѣяніе. Всякій, кто видитъ ея ландо и безстыдную ливрею,—потѣшается надъ тобою. Маленькая Мацке осрамила великаго Тюркгеймера. Честь твоя поставлена на карту. Ты долженъ уничтожить эту дѣвчонку.

— Какъ могу я это сдѣлать? Вилла со всѣмъ инвентаремъ принадлежитъ ей.

Они недовѣрчиво глядѣли другъ на друга. Стукъ экипажа прервалъ тяжелое молчаніе.

— Это наши пріѣхали къ обѣду,—сказала Адельгейда.

Вошла Аста, за нею—баронъ, а позади — Либлингъ. Молодая женщина объяснила:

— Я привезла его. Онъ можетъ понадобиться.

Она посмотрѣла въ лорнетъ на мать, потомъ—на отца, комкавшаго бумагу.

— Не безпокойся, папа. Я изъ-за этого и пріѣхала. Неужели вы думаете, что письмо послано вамъ однимъ? Весь міръ говоритъ о немъ.

— Какая гадость!—воскликнулъ Тюркгеймеръ.

— Я говорю твоему отцу, что необходимо положить этому конецъ.

Аста надменно усмѣхнулась.

— Трудно вамъ совѣтовать; вы оба хотѣли бы отомстить, и каждый — за счетъ другого. Нѣтъ, уважаемые родители, тутъ нужно дѣйствовать иначе.

Аста весело облокотилась одною рукою на высокую лирообразную спинку кресла. Ея приземистую фигуру изящно охватывало платье изъ серебристаго crêpe-lisse на болѣе темной шолковой подкладкѣ; она не сняла открытой спереди шляпы съ перьями и стояла передъ родителями съ покровительственнымъ видомъ дамы высшаго круга.

— Прежде всего, папа, ты долженъ дать молодому человѣку маленькое мѣсто со скромнымъ жалованьемъ.

— Мѣсто? Ему? Да ты...

— Мнѣ жаль тебя, папа, но иначе нельзя. Подумай, какъ долго мы терпѣли его въ нашемъ кругу и сколько вниманія ему оказывалось. Не правда ли, милая мама? Ты самъ, папа, доставилъ ему крупный выигрышъ на Gold Mounts и дозволилъ ему заглянуть за кулисы.

— Ты права, дитя мое.

— Поговори съ Іекузеромъ насчетъ мѣста при газетѣ — ни слишкомъ хорошаго, ни слишкомъ плохого, и которое онъ опасался бы потерять. Я вижу, ты понимаешь меня. Ты опять становишься разсудительнымъ, папочка. А теперь — самое главное. Совѣтую поженить ихъ.

Адельгейда подскочила въ креслѣ.—Ты остришь? Какая же тутъ месть? Или это—приличія ради?..

Тюркгеймеръ вздохнулъ. Онъ ничего не имѣетъ противъ такого плана. Но какъ его осуществить?

Аста объяснила. У этой дамы—какъ ее зовутъ?—навѣрно, есть долги. Нужно напустить на нее кредиторовъ и купить виллу. Милый мальчикъ Андреасъ пойдетъ въ тотъ же счетъ. Она возьметъ его въ мужья или—ничего не получитъ.

— А онъ? а онъ? — прошептала чуть слышно Адельгейда. Она не сводила глазъ съ того мѣста, гдѣ представлялся ей блѣдный, укоряющій призракъ Андреаса. Аста улыбнулась при видѣ страданій матери.

— Не безпокойся!—сказала она почти нѣжно:—у насъ есть Либлингъ. Онъ переговоритъ съ обоими и оборудуетъ это дѣло, какъ говоритъ Капеллеръ.

Всѣ обернулись къ Либлингу, который, сѣвъ въ сторонѣ, читалъ газету. Тюркгеймеръ заохалъ.

— Твой совѣтъ хорошъ, но дорогъ. Оба они и такъ уже стоятъ мнѣ большихъ денегъ.

— А ваша месть? Неужели ты не представляешь себѣ, что это будетъ за бракъ? Карьера обѣихъ кончена. Онъ будетъ получать триста марокъ—жалованье, достаточное для скромнаго бюргера, особенно когда хозяйство находится въ рукахъ такой бережливой, привыкшей къ порядку жены, какою будетъ маленькая Мацке. Черезъ годъ появится золотушный ребенокъ. Родители—озлобленные, обнищавшіе, полные неудовлетворенныхъ желаній. Мы встрѣчаемъ ихъ въ „Тиргартенѣ“. Отецъ везетъ колясочку, мать тащитъ за собою оборванный шлейфъ шолковаго платья. На ней — ботинки съ резинкою, а въ рукахъ—шерстяной дождевой зонтикъ.

— Аста, ты—воистину дочь моя! Что у тебя за характеръ! Мы отомстимъ, и отомстимъ благородно!

Тюркгеймеръ былъ въ восторгѣ; онъ взялъ дочь за подбородокъ. Асту весело настраивала перспектива мести этому ничтожеству, осмѣлившемуся вмѣшаться въ ея жизнь. Она неожиданно обнаружила очаровательную любезность. Когда буфетчикъ доложилъ, что кушать подано, Аста взяла отца подъ-руку.

— А какъ твое здоровье, папочка?

— Великолѣпно! — отвѣтилъ Тюркгеймеръ, силясь придать эластичность своей походкѣ.

Адельгейда молча ломала руки; она чувствовала, что утраченнаго вернуть нельзя: Андреасъ погибалъ на ея глазахъ. Она позволила зятю вести себя въ столовую. У двери стоялъ Либлингъ; онъ поклонился, и въ его темныхъ глазахъ, въ которыхъ свѣтилась вся душа, Адельгейда прочла сочувствіе, какого она не надѣялась найти ни у кого. Она благодарно остановила на немъ взоръ.

У него мгновенно мелькнула мысль: „Неужели это возможно?“

Онъ еще разъ поклонился съ глубоко-выразительною преданностью, сказавъ себѣ:

— Я исполню свой долгъ.

XI. — Либлингъ.

Когда Андреасъ нашелъ свой кабинетъ пустымъ, у него явилось сомнѣніе:

— Не слишкомъ ли я далеко зашелъ?

Исчезновеніе Адельгейды было молчаливымъ протестомъ, но онъ сломитъ ея возмущеніе. Нужно только не уступать. Онъ написалъ ей властное письмо, но оно осталось безъ отвѣта; а когда онъ самъ зашелъ, слуга объявилъ ему, что господа уѣхали. Секунды двѣ онъ стоялъ въ оцѣпенѣніи, затѣмъ, рѣшивъ стать „выше обстоятельствъ", вернулся домой и прилегъ на диванъ, намѣреваясь забыть во снѣ все непріятное, когда слуга доложилъ ему о г. Феликсѣ Либлингѣ.

Сюртукъ моралиста былъ наглухо застегнутъ, его чудная глянцевитая борода вздрагивала. Онъ поглядѣлъ на Андреаса задушевнымъ взглядомъ и началъ:

— Обстоятельство, приведшее меня къ вамъ, мой милый юный другъ, касается участи нѣсколькихъ превосходныхъ людей и въ томъ числѣ — вашей.

Онъ набросалъ картину завидной жизни, выпавшей на долю его юнаго друга въ волшебной странѣ. Всюду расцвѣтаютъ самые модные цвѣты, птицы распѣваютъ самыя новыя пѣсни. Накрыты столы для пиршества, его манятъ къ себѣ роскошно одаренныя природою женщины. Но вотъ распространяется какой-то подозрительный запахъ — и всѣ бѣгутъ отъ юноши...

— Милостивый государь!

Андреасъ подскочилъ, но Либлингъ удержалъ его. Это — лишь символъ, но онъ готовъ взять свое сравненіе обратно. Суть въ томъ, что юношѣ, загнанному голодомъ и жаждою къ самому берегу моря, останется только утопиться, если дружеская рука не подведетъ ему челнокъ. Челнокъ этотъ доставитъ его въ страну не столь роскошную, но гдѣ можно существовать на... скажемъ: на триста марокъ въ мѣсяцъ.

— Теперь я спрошу васъ, какъ спросилъ бы любого человѣка: неужели вы оттолкнете спасительную руку, приведшую вамъ челнъ? Поговоримъ серьезно.

Онъ всталъ и близко подошелъ къ Андреасу.

— Спасительная рука — я.

Андреасъ посмотрѣлъ на него померкшими глазами.

— Вы отъ Тюркгеймера или отъ жены? Кончайте скорѣе, скажите: чего вы хотите отъ меня?

Они снова сѣли. Андреасъ, холодный и блѣдный, дѣлая надъ собою громадное усиліе, выслушалъ Либлинга.

— Сообразите только, мой другъ, что̀ сдѣлалъ изъ васъ Тюркгеймеръ и чѣмъ вы отплатили ему? Еще вчера вы были уважаемымъ сочленомъ хорошаго общества, однимъ изъ извѣстныхъ всему Берлину — даже всей Германіи — драматическихъ пи-

сателей, любимцемъ дамъ и музъ, окруженнымъ граціями и играми. И что же? Покровителю, доставившему вамъ изъ чистѣйшаго человѣколюбія подобное положеніе, вы отплатили обольщеніемъ его единственной любимой жены, вы возстановили дочь противъ матери. И это еще не все: вы похитили у него утѣху его старости, сокровище его послѣднихъ дней...

— Вы говорите о маленькой Мацке?

— Юноша, читали ли вы въ сердцахъ стариковъ? Великій и мудрый человѣкъ преисполняется вѣрою въ чистоту дѣвочки. Не трогательна ли эта послѣдняя иллюзія? Поглядите на него: онъ, видимо, приближается къ могилѣ. И кто виною этому? Вы!

Андреасъ поникъ головою; слова Либлинга дышали такою правдою, что онъ уже начиналъ винить себя въ діабетѣ Тюркгеймера.

— И въ награду за все это онъ даетъ вамъ мѣсто редактора отдѣла при „Курьерѣ“ и женитъ васъ на своей любимицѣ, на своей Bienaimée.

Онъ нахлобучилъ Андреасу шляпу.

— Идемъ. Добрыя силы бодрствуютъ надъ вами.

— А если я откажусь?

— И не думайте объ этомъ!—испугался Либлингъ.—Представьте себѣ человѣка, надъ которымъ тяготѣетъ проклятіе Тюркгеймера, идущимъ по улицамъ Берлина. Самый воздухъ отравитъ его, асфальтъ разверзнется и поглотитъ его...

Эта картина потрясла Андреаса; онъ опустился на софу.

— Глупецъ!—прошепталъ онъ:—я не болѣе, какъ глупецъ. Они были правы, называя меня Полишинелемъ, болтуномъ... Я не понималъ жизни. Такова моя художественная натура.

Имъ овладѣло полное отчаяніе. Онъ ударилъ себя по лбу.

— Адельгейда была въ сущности самою красивою изъ видѣнныхъ мною женщинъ, и съ нею бы я какъ сыръ въ маслѣ катался! Вмѣсто этого, нужно же мнѣ было выудить маленькую Мацке—тощее созданіе, глупое и злое. И если бы это еще доставляло мнѣ удовольствіе! Но я дѣлалъ это лишь изъ самолюбія, чтобы сразить Тюркгеймера и добрую, милую Адельгейду. И вотъ я самъ сраженъ!

Либлингъ вывелъ его на улицу и дорогою старался утѣшить. Все къ лучшему. Отнынѣ въ жизнь его будетъ введенъ нравственный элементъ, а это — неизбѣжно.

И уже стоя у калитки виллы Bienaimée, онъ прибавилъ:— И удобно.

Онъ пропустилъ Андреаса впередъ, но все же у того яви-

лось безумное желаніе удрать безъ оглядки. Видѣніе, представившееся его умственному взору, удержало его. Ему почудился запахъ трудового пота и чернаго хлѣба, грубыхъ инстинктовъ, жестокости. Въ этой средѣ, гдѣ пахнетъ „народною душою“, онъ, Андреасъ, долженъ неминуемо погибнуть. Ему уже показалось, что его лакированныя ботинки утратили свой блескъ, что его панталоны уже висятъ лохмотьями вокругъ ногъ. Онъ встряхнулся и вошелъ.

Съ владѣлицею виллы Bienaimée Либлингу пришлось выдержать борьбу, покуда Андреасъ ожидалъ въ пріемной.

Узнавъ, что Тюркгеймеръ разрываетъ съ нею изъ-за такого пустяка, она оскорбилась и послала его „ко всѣмъ чертямъ“.

А въ отвѣтъ на предложеніе продать виллу, стоившую полмилліона, за сто тысячъ—расхохоталась. Фрау Калинке также отстаивала ея интересы. Но когда Либлингъ напомнилъ о кредиторахъ и неизбѣжномъ разореніи, дамы поколебались. Андреасъ, въ качествѣ жениха, не имѣющаго гроша за душою,—также былъ сперва отвергнутъ; но Либлингъ, помимо совѣта: не ссориться съ могущественнымъ и великодушнымъ покровителемъ, жестоко оскорбленнымъ ею, сумѣлъ выдвинуть нравственную сторону дѣла. Андреасъ получаетъ мѣсто; у невѣсты есть состояніе; Тюркгеймеръ беретъ на себя ея долги и проситъ смотрѣть на него и въ дальнѣйшемъ какъ на человѣка, отечески къ ней расположеннаго.

Bienaimée приняла видъ, исполненный достоинства. Отечески—это такъ. А чего-нибудь такого она, въ качествѣ замужней женщины, конечно, не допуститъ.

— Ахъ, не говорите, милочка! Что же, что замужняя?—вмѣшалась фрау Калинке.

Еще немного поторговались. Либлингъ накинулъ пятьдесятъ тысячъ—въ пользу „стараго пролетарія“, поклявшагося, что онъ ни за что не будетъ работать, въ пользу фрау Калинке и на приданое.

„А вѣдь онъ красивый мужчина!—подумала вслухъ Bienaimée, вспомнивъ пощечину, данную ей Андреасомъ.

Фрау Калинке вышла и вернулась съ бутылкою шампанскаго; Либлингъ открылъ ее.

Андреасъ, услышавшій щелканье пробки, очнулся отъ тяжелаго забытья; во рту у него пересохло, и онъ сказалъ:—Это будетъ гадость, если они безъ меня все выпьютъ.

Но тутъ раздался голосъ Либлинга:—Дѣло слажено. Вотъ и женихъ!

Онъ отворилъ дверь въ гостиную. Bienaimée съ визгомъ вскочила на рояль, а оттуда на полъ. Фрау Калинке глядѣла на нее съ нѣжностью; Либлингъ былъ торжественно настроенъ.

Андреасъ, блѣдный, выпрямившись во весь ростъ, пошелъ, какъ загипнотизированный, навстрѣчу маленькой Мацке, раскрывшей ему объятія.

XII.—Жажда чистоты.

Маленькая Мацке оказалась, по словамъ Андреаса, безупречною женою; только хозяйка она была плохая. У нихъ рѣдко подавалось къ обѣду горячее, и постели не встряхивались. Прислуга сидѣла за кухоннымъ столомъ рядомъ съ барынею, которая, непричесанная, въ разстегнутомъ шлафрокѣ, съ папироскою въ зубахъ, раскладывала вмѣстѣ съ фрау Калинке пасьянсъ. Всѣ три потягивали настойку.

Такъ какъ семейная жизнь его оказывалась мало привлекательною, Андреасъ цѣлые часы просиживалъ безъ дѣла у себя въ редакціи. Въ чудные осенніе дни онъ любилъ смотрѣть изъ окна. На фасадѣ дома ярко блестѣли въ солнечныхъ лучахъ гигантскія выпуклыя золотыя буквы: „Редакція Ночного Курьера“, преисполнившія его такою надеждою въ день его перваго визита къ доктору Бединеру. Теперь онѣ находились подъ нимъ, цѣль была достигнута. „Ночной Курьеръ“—такъ называлась первая станція на пути его въ страну тунеядства и такъ называлась послѣдняя. Путешествіе окончилось. Для чего было оно предпринято? Андреасъ такъ отвѣчалъ себѣ на этотъ вопросъ:

— Зачастую природа и судьба прибѣгаютъ къ великимъ средствамъ для достиженія малыхъ результатовъ. Я былъ модянымъ львомъ, знаменитостью, получалъ ренту милліонера; а теперь у меня триста марокъ въ мѣсяцъ, и конечною цѣлью этого является вотъ что: вмѣсто того, чтобы сдѣлаться школьнымъ учителемъ, я сталъ редакторомъ отдѣла въ „Курьерѣ“, а это все-таки—не одно и то же.

Когда имъ овладѣвала жажда работы, Андреасъ принимался за рукопись Кёпфа, который, думая воспользоваться протекціей пріятеля, принесъ въ редакцію свой романъ.

Андреасъ возмутился подобнымъ разсчетомъ, и когда Кёпфъ явился за отвѣтомъ, жестоко раскритиковалъ его сатирическій романъ. Что знаетъ Кёпфъ о высшихъ кругахъ общества? Онъ самъ вращался въ нихъ, и его неудержимо потянуло вонъ оттуда, имъ овладѣла жажда чистоты...

— И вы женились на фрейлейнъ Мацке? Понимаю.

Кёпфъ съ серьезнымъ видомъ кивнулъ головою. Настала пауза, и затѣмъ Кёпфъ воскликнулъ:

— Тушъ!

— Что вы хотите сказать?

— Развѣ вы не слышите? Играютъ тушъ.

Они прислушались. Къ звукамъ музыки примѣшались крикъ и шумъ; что-то гремѣло и перекатывалось, потрясая стекла.

Дверь распахнулась. Вбѣжалъ Кафлишъ, крича: — Ѣдутъ! ѣдутъ!—и тотчасъ же вывѣсился изъ окна.

Приближалась толпа, посрединѣ которой двигалось нѣчто сверкающее, неузнаваемое, похожее на цѣлый домъ. Кафлишъ первый понялъ, въ чемъ дѣло, и сталъ громко диктовать самому себѣ:

„Въ два часа сорокъ четыре минуты великолѣпный four in hands повернулъ съ площади, проѣхалъ мимо редакціи „Ночного Курьера“...

— Да глядите же!—крикнулъ онъ черезъ плечо:—вы ничего такого ужъ больше не увидите.

— Кто правитъ? Ратиборъ?—спросилъ Андреасъ.

Шумъ и звонъ становились все громче и неумолимѣе. На ступеняхъ охотничьяго break, имѣвшаго видъ пирамиды, стояли четыре зеленыхъ съ серебромъ лакея, трубившихъ въ громадные рога. Экипажъ былъ занятъ элегантными господами въ охотничьихъ костюмахъ; нѣкоторые были въ цилиндрахъ и свѣтлыхъ пальто. На самой высокой скамьѣ сидѣлъ Тюркгеймеръ рядомъ съ маленькимъ смуглымъ человѣкомъ. Кафлишъ продолжалъ:

„Рядомъ съ великимъ финансистомъ помѣщался его высочество великій князь Валахіи, прибывшій въ Берлинъ и нуждающійся въ поддержкѣ банкирскаго дома „Джемсъ Л. Тюркгеймеръ“ для насажденія культуры въ своей странѣ“...

— Еще семьдесятъ милліоновъ!—проговорилъ потрясенный зрѣлищемъ Андреасъ.

Вслѣдствіе скопленія народа, поѣздъ задержался на минуту подъ ихъ окнами. Лошади испугались, и Ратиборъ пригрозилъ ротозѣямъ хлыстомъ, что еще болѣе усилило восторгъ публики. Школьницы съ сумками визжали и хлопали въ ладоши, прохожіе приподнимали шляпы, сапожные подмастерья бросали шапки въ воздухъ, полицейскіе стояли неподвижно. Кто-то, заглядѣвшись, свалился съ имперіала и попалъ подъ колеса. Кафлишъ тоже чуть не вывалился изъ окна; товарищи своевременно ухватили его за панталоны. Размахивая записною книжкою, онъ кричалъ: Ура!

Поѣздъ тронулся. Тюркгеймеръ и его свита покачнулись на высокомъ сидѣньи, словно восточные властители, возсѣдающіе послѣ одержанной побѣды на спинѣ разукрашеннаго перьями и пурпуромъ боевого слона, попирающаго ногами окровавленные трупы рабовъ. Поѣздъ удалялся среди трубныхъ звуковъ; красноватыя бакенбарды Тюркгеймера еще разъ блеснули на солнцѣ, подобно мистическому символу, служащему предметомъ народнаго поклоненія. И все это исчезло въ синей дали, среди розоватаго облака пыли, какъ апоѳеозъ волшебной сказки.

— А вѣдь у Тюркгеймера нехорошій видъ. Карлсбадъ плохо помогъ ему!—сказалъ Андреасъ, подумавшій, что нѣсколько недѣль тому назадъ онъ занималъ бы привилегированное мѣсто въ поѣздѣ золотого короля.

— Не придется ли мнѣ писать его некрологъ?—добавилъ онъ, развеселяясь отъ этой мысли.

Кафлишъ, утомленный пареніемъ въ эѳирѣ, соскочилъ на полъ.

— Некрологъ? Чей?.. Издавайте лучше ваши собственныя посмертныя творенія, бѣдный поэтъ! Онъ переживетъ всѣхъ насъ. Онъ еще въ силахъ насаждать культуру въ чужихъ странахъ. На дняхъ зять выхлопоталъ ему орденъ. Аста помирилась съ мужемъ, тесть—съ зятемъ, Адельгейдѣ и всѣмъ имъ живется хорошо.

Андреасъ опустилъ голову. На улицѣ послышался стукъ копытъ. Изумленный Кёпфъ спросилъ:

— Кто это сидитъ рядомъ съ фрау Тюркгеймеръ? Неужели это?..

Кафлишъ затрясся отъ смѣха.

— Что съ вами? Развѣ вы не знаете Либлинга?

— Не понимаю, какъ попалъ Либлингъ въ экипажъ фрау Тюркгеймеръ?—пробормоталъ Андреасъ.

— Развѣ онъ не сіонистъ?—замѣтилъ Кёпфъ:—его призваніе—утѣшать несчастныхъ и покинутыхъ.

Кафлишъ осклабился.

— Хитрецъ! Не думаете ли вы, что онъ утѣшаетъ ее сіонизмомъ?

Андреасъ попробовалъ презрительно усмѣхнуться.

— Шутъ гороховый подъ личиною моралиста!

Онъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Адельгейда удобно откинулась на подушки—во всей красѣ своего сытаго, холенаго существованія. Она сидѣла рядомъ съ Либлингомъ, какъ сидѣла прежде рядомъ съ нимъ. Подъ черною кружевною вуалью ея широкое,

матово-бѣлое лицо соблазнительно мерцало. Онъ отошелъ отъ окна, блѣдный и дрожащій.

— Что мнѣ осталось отъ всего этого?—мелькало у него въ умѣ:—вѣчное раскаяніе и ненасытныя желанія.

Онъ старался овладѣть собою; другіе начали прощаться.

— Всего хорошаго!—крикнулъ Кёпфъ.—Радуюсь, что господа счастливы.

— Въ странѣ тунеядства всегда всѣ счастливы,—сказалъ Кафлишъ.

— Мое имъ благословеніе!—заключилъ Андреасъ.

Съ нѣмецк. О. Ч.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІИ

Историческій очеркъ, по даннымъ сенаторской ревизіи 1882—1883 гг.

Почти двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, была предпринята ревизія крестьянскаго дѣла въ Остзейскомъ краѣ; во главѣ ея стоялъ сенаторъ Н. А. Манассеинъ. Ревизія потребовала для себя цѣлыхъ пятнадцать мѣсяцевъ, изъ чего одного можно заключить, какъ основательно, всесторонне и богато было содержаніе ревизіоннаго отчета, представленнаго въ 1884 году. Нельзя, однако, сказать, чтобы этимъ отчетомъ воспользовались въ свое время надлежащимъ образомъ, чѣмъ, быть можетъ, предупредили бы и отвратили многое изъ того, чему пришлось намъ быть свидѣтелями, въ послѣднее время: дѣло дошло до полной анархіи, еще не прекратившейся въ Остзейскомъ краѣ и понынѣ. Вотъ почему тотъ отчетъ сенаторской ревизіи, можно сказать, сохранилъ и для насъ во многихъ отношеніяхъ всю свѣжесть, а содержаніе его представляетъ большой интересъ и въ наши дни, какъ разъясненіе причинъ полнаго разстройства края и указаніе на средства къ его умиротворенію, предложенныя въ томъ отчетѣ, но не вполнѣ еще использованныя.

Существовавшее двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, въ эпоху сенаторской ревизіи, земельное устройство крестьянъ лифляндской губерніи и отношенія ихъ къ по-

мѣщикамъ опредѣлялись тогда особымъ Положеніемъ, изданнымъ за двадцать лѣтъ до ревизіи, а именно въ *1860-омъ году*; оно было построено на началахъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя были положены въ основу важнѣйшаго законодательнаго акта царствованія Александра II, какимъ было Положеніе о крестьянахъ въ имперіи, 19-го февраля *1861 года*, — а между тѣмъ оба эти Положенія отстояли одно отъ другого не болѣе, какъ на одинъ годъ!

Уяснить истинное значеніе мѣстнаго закона 1860 года, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ правильно оцѣнить положеніе лифляндскихъ крестьянъ въ началѣ 80-хъ годовъ, когда происходила ревизія, — возможно было только при помощи предварительнаго обзора предшествовавшихъ ему законодательныхъ мѣропріятій по устройству быта крестьянъ лифляндской губерніи; вотъ почему ревизія и помѣстила во главѣ своего отчета весьма интересный историческій очеркъ судебъ лифляндскаго крестьянства.

I.

Во времена шведскаго владычества въ Лифляндіи былъ изданъ цѣлый рядъ законоположеній, которыя за крестьянами утвердили права собственности на пріобрѣтенное ими движимое имущество, и которыя ограждали ихъ отъ несправедливыхъ притѣсненій мѣстныхъ помѣщиковъ по отбыванію въ пользу ихъ барщинной повинности. Шведское правительство, руководствуясь тѣмъ началомъ, что права помѣщиковъ на крестьянъ основаны на пользованіи этими послѣдними землею, составляющею собственность помѣщиковъ, произвело оцѣнку, или таксу, доходамъ со всѣхъ родовъ земли, предоставленной крестьянамъ, и запретило всякія съ нихъ требованія, превышающія эту закономъ утвержденную норму. Для обоснованія означенной оцѣнки доходовъ съ крестьянскихъ земель и для точнаго, основаннаго на ней опредѣленія крестьянскихъ повинностей сообразно пространству и качеству участковъ, въ концѣ XVII-го столѣтія отправлены были во всѣ имѣнія Лифляндіи правительственныя *ревизіонныя коммиссіи*, которыя, повѣряя существовавшія повинности съ пространствомъ земельныхъ участковъ, составили подробныя описи, или *„вакенбухи“*, точно опредѣляющія родъ и мѣру этихъ повинностей. Такъ было при шведскомъ владычествѣ въ Лифляндіи.

Съ переходомъ Лифляндіи къ Россіи, уничтожена была назначенная шведскимъ правительствомъ *редукція*, или отобраніе во

владѣніе казны большей части помѣщичьихъ имѣній въ Лифляндіи,—послѣднія изъ *лэнъ* превращены были въ *вотчины* или, иначе говоря, переданы были въ *потомственное владѣніе* дворянства. Это послѣднее, стремясь доказать вѣрность и усердіе престолу и своему новому отечеству, обратилось къ военной службѣ въ предѣлахъ имперіи, но вызванное тѣмъ отдаленіе лифляндскаго дворянства отъ своихъ помѣстій послужило причиною упадка крестьянскаго благосостоянія, такъ какъ арендаторы и управляющіе имѣній, нерѣдко уклоняясь отъ предписаній закона, изнуряли поселянъ чрезмѣрными налогами и жестокостями. Такое тяжкое положеніе лифляндскихъ крестьянъ не могло не обратить на себя вниманія императрицы Екатерины II, и по ея повелѣнію предприняты были мѣры, направленныя къ облегченію такого положенія. Запрещено было, между прочимъ, продавать крестьянъ за предѣлы губерніи; подтверждено имъ свободное пользованіе и распоряженіе ихъ собственностью и издавна существовавшее право приносить въ судебныя мѣста жалобы на притѣсненія со стороны помѣщиковъ; для опредѣленія же мѣры повинностей предписано было на основаніи древней таксы составить новые „вакенбухи“ особыми коммиссіями. Затѣмъ изданъ былъ послѣдовательно рядъ законоположеній, клонившихся къ облегченію положенія лифляндскихъ крестьянъ и къ точному опредѣленію ихъ отношеній къ помѣщикамъ. Императоръ Павелъ I-й двумя указами, данными генералъ-губернатору, повелѣлъ строжайше запретить всякія требованія съ крестьянъ, несогласныя съ „вакенбухами“, подъ опасеніемъ отдачи имѣнія въ опеку, подтверждая при этомъ лифляндскому дворянству объ тстановленіи твердыхъ правилъ хозяйственнаго порядка. Въ царствованіе императора Александра I-го, въ 1804 году, было издано особое Положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ, основными началами котораго въ указѣ 11-го мая 1803 года положено было: 1) признать политическое существованіе поселянъ; 2) утвердить за ними благопріобрѣтенную собственность, и 3) оградить ихъ отъ притѣсненій путемъ опредѣленія повинностей ихъ особыми коммиссіями.

Въ развитіе этихъ началъ, Положеніе 1804 года: 1) предоставило лифляндскимъ крестьянамъ право пріобрѣтать покупкою поземельную собственность, владѣть, продавать и наслѣдовать ее по примѣру другихъ состояній въ государствѣ (ст. 31-ая), и 2) признало за крестьянами *неотъемлемое* и *наслѣдственное* право на владѣніе и пользованіе отведенными имъ и обложенными повинностями земельными участками, которыхъ они могли

быть лишены лишь въ немногихъ точно опредѣленныхъ случаяхъ и притомъ не иначе, какъ по приговору крестьянскаго суда, утвержденному приходскимъ судомъ (ст. 40-я). Сверхъ того, не только отдѣльные крестьянскіе участки, но и вся предоставленная въ пользованіе крестьянъ земля признана была *неприкосновенною*, неподлежащею присоединенію къ мызнымъ угодьямъ. Помѣщикамъ, дабы не стѣснять ихъ въ расширеніи мызныхъ хозяйствъ, предоставлено было произвести отрѣзку части крестьянской земли только въ томъ единственномъ случаѣ, когда они докажутъ, что высѣвъ мызный не соотвѣтствуетъ количеству выставляемыхъ крестьянами барщинныхъ работниковъ или не достигаетъ *двухъ лофовъ* (2/3 десятины) на каждаго однодневнаго въ недѣлю работника, и когда въ имѣніяхъ ихъ не окажется никакихъ пустопорожнихъ мѣстъ, съ помощью которыхъ они могли бы увеличить мызную пашню до указанной пропорціи (ст. 33). Предварительно отобранію на этомъ основаніи части крестьянской земли, разрѣшаемому притомъ или ревизіонною коммиссіею, или судомъ, помѣщикъ обязанъ былъ за три года увѣдомить о томъ крестьянъ, а по истеченіи трехъ лѣтъ заплатить имъ наличными деньгами, по оцѣнкѣ, утвержденной судомъ: а) за всѣ употребленныя крестьяниномъ издержки на улучшеніе хозяйства, б) за весь несобранный и засѣянный имъ хлѣбъ послѣдняго года, и в) сверхъ того, всю сумму, въ какой оцѣнена была стоимость участка или причитающихся съ него повинностей.

Оградивъ столь твердыми и предусмотрительно выработанными мѣрами неприкосновенность предоставленной въ наслѣдственное владѣніе и пользованіе крестьянской земли, правительство съ тою же заботливостью и справедливостью разрѣшило вопросъ объ опредѣленіи повинностей крестьянъ въ пользу помѣщиковъ. Въ этомъ отношеніи Положеніе 1804 года признало исходною точкою для установленія мѣры частныхъ крестьянскихъ повинностей выработавшееся исторически начало, въ силу котораго всѣ подати крестьянъ, помѣщику платимыя, въ чемъ бы онѣ ни состояли, — въ работахъ, продуктахъ или деньгахъ, — должны были представлять собою не что иное, какъ *чистый доходъ съ земли, собственности помѣщика, остающейся въ пользованіи крестьянъ и предоставленной имъ, за вычетомъ, однако, того, что нужно для продовольствія поселянина и его семьи и для уплаты всѣхъ казенныхъ и общественныхъ повинностей* (ст. 54). Для сохраненія соразмѣрности возложенныхъ повинностей съ пространствомъ крестьянскихъ участковъ, приняты были за основаніе правила шведской таксаціонной методы, которыя продолжительнымъ опы-

томъ признаны справедливыми и соотвѣтствующими взаимнымъ пользамъ какъ поселянъ, такъ и помѣщиковъ. Согласно съ этими правилами, барщинныя работы каждаго работника не превышали *двухъ дней въ недѣлю*, оставляя крестьянамъ $^2/_3$ времени и силъ на собственную пользу. Для уравненія же всѣхъ повинностей крестьянъ съ оцѣнкою земель, въ ихъ владѣніи находящихся, и для составленія новыхъ и вѣрныхъ описей или вакенбуховъ (своего рода уставныхъ грамотъ), одновременно съ изданіемъ Положенія образованы были четыре ревизіонныя коммиссіи, съ предсѣдателями изъ русскихъ чиновниковъ.

Въ 1809 году изданы были дополнительныя къ Положенію 1804 года правила, и вмѣстѣ съ тѣмъ упомянутыя выше четыре ревизіонныя коммиссіи преобразованы въ одну *межевую ревизіонную коммиссію*, мѣстопребываніемъ которой назначенъ былъ городъ Валкъ. На обязанность валкской межевой ревизіонной коммиссіи возложено было, между прочимъ, *обмежевать*, на основаніи дополнительныхъ статей, въ теченіе шести лѣтъ, всѣ тѣ помѣстья, въ которыхъ крестьяне получили такъ нызываемые временные вакенбухи, имѣющіе силу лишь до окончанія межеванія, и взамѣнъ ихъ выдать *непремѣнные*, сохраняющіе свое значеніе навсегда (§ 22 дополнительныхъ статей 1809 года). Благодаря различнымъ возникавшимъ на мѣстѣ затрудненіямъ, какъ, напримѣръ, недостатку землемѣровъ, уклоненію помѣщиковъ отъ размежеванія имѣній, и наконецъ весьма сложной процедурѣ утвержденія вакенбуховъ, производившіяся первоначально, въ С.-Петербургѣ, въ особомъ Высочайше утвержденномъ комитетѣ для разсмотрѣнія лифляндскихъ дѣлъ, а впослѣдствіи въ Ригѣ,—работы валкской коммиссіи замедлились окончаніемъ до 1823 года, потерявъ уже въ 1819 году, съ изданіемъ Положенія объ освобожденіи лифляндскихъ крестьянъ изъ личной крѣпостной зависимости, всякое практическое значеніе по отношенію къ опредѣленію мѣры крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ. Что же касается составленныхъ межевою коммиссіею плановъ и ревизорскихъ или землемѣрныхъ описаній, а равно и самой оцѣнки земли, выраженной въ вакенбухахъ, то въ этомъ отношеніи работы межевой коммиссіи не утратили своего важнаго значенія, такъ какъ по нимъ точно могли бы быть опредѣлены размѣры мызной и крестьянской земли того времени, а равно и стоимость этой послѣдней.

Положеніе 1804 года, оградивъ крестьянъ-хозяевъ отъ излишняго и несправедливаго обремененія ихъ повинностями въ пользу помѣщиковъ, а крестьянскія земли отъ захватовъ и урѣ-

зываній, не заключало въ себѣ, однако, *никакихъ постановленій по отношенію къ безземельнымъ батракамъ и бобылямъ*, которые, между тѣмъ, составляли большинство сельскаго населенія лифляндской губерніи. Дополнительныя статьи 1809 года исправили этотъ недостатокъ, и батраки получили небольшіе участки. Что же касается бобылей, которые не находились въ прямыхъ обязательственныхъ отношеніяхъ къ хозяину и пропитывали себя или поденною работою, или ремесломъ, или снятіемъ въ аренду мелкихъ клочковъ земли, то хозяевамъ не возбранялось принимать ихъ на свои земли, хотя бы число работниковъ, на одномъ гакѣ [1]) поселенныхъ, и превышало при этомъ условіи установленную закономъ норму, т.-е. 20 человѣкъ (ст. 55-я).

Къ вышеизложенному необходимо еще присовокупить, что обложенію *сборами на общественныя потребности* подлежали лишь такъ называемыя *крестьянскія или податныя земли* каждаго имѣнія, такъ что большая часть этихъ расходовъ возложена была на крестьянъ въ томъ соображеніи, что частныя повинности ихъ въ пользу помѣщиковъ, какъ изъяснено было выше, представляли собою лишь чистый поземельный доходъ крестьянъ, остающійся ему за уплатою всѣхъ государственныхъ и общественныхъ податей и сборовъ. Установленный такимъ образомъ вполнѣ цѣлесообразный и справедливый порядокъ вещей — съ опредѣленіемъ точнаго *размѣра* крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ соотвѣтственно доходности земли, — гарантировавшій имъ *право наслѣдственнаго пользованія* земельными *участками и неприкосновенность* всей такъ называемой крестьянской или податной земли, *обезпечивавшій*, наконецъ, и *батраковъ* обязательнымъ для хозяевъ отводомъ имъ небольшихъ земельныхъ участковъ, — не могъ удовлетворять лифляндскихъ дворянъ, такъ какъ ограничивалъ ихъ хозяйственный произволъ, ихъ право распоряжаться извѣстною частью земли и облагать крестьянъ сборами и барщиною по своему усмотрѣнію. Во избѣжаніе этихъ ограниченій, лифляндское дворянство рѣшилось отказаться отъ части своихъ правъ, чтобы тѣмъ самымъ достигнуть отмѣны стѣснительныхъ для него Положенія 1804 г. и дополнительныхъ къ нему статей 1809 года. Правительство же, придавая особо важное значеніе личной свободѣ крестьянъ, отнеслось къ ходатайству лифляндскаго дворянства объ отмѣнѣ крѣпостного права весьма благосклонно и затѣмъ удовлетворило желанія дворянъ по всѣмъ

[1]) Гакъ — величина неопредѣленная; онъ можетъ быть пространствомъ отъ 37-ми до 600 десятинъ.

вопросамъ, касающимся устройства ихъ поземельныхъ отношеній къ крестьянамъ.

Изданное въ 1819 году Положеніе, которымъ дарована была крестьянамъ личная свобода, *безъ надѣленія ихъ землею*, измѣнило въ корнѣ неуспѣвшій еще окончательно сложиться и окрѣпнуть порядокъ вещей, уничтоживъ всѣ существенныя постановленія предшествовавшихъ узаконеній, а вмѣстѣ съ нимъ и двадцатилѣтній трудъ ревизіонныхъ коммиссій и комитета лифляндскихъ дѣлъ по составленію и утвержденію вакенбуховъ. Измѣненія, внесенныя Положеніемъ 1819 года въ поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, заключались главнѣйшимъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) дворянству предоставлено полное право собственности и неограниченное право распоряженія всею помѣстною землею (I ст. Положенія 1819 г.); 2) право по взаимному соглашенію съ крестьянами опредѣлять размѣръ барщинныхъ повинностей, а при отсутствіи такого соглашенія удалять ихъ изъ усадебъ (ст. VI); 3) заключать съ крестьянами арендные контракты на срокъ не менѣе одного хозяйственнаго года и, по истеченіи его, передавать усадьбу другому лицу (ст. 491 Полож. 1819 г.), и наконецъ 4) въ случаѣ смерти арендатора до окончанія контракта, передавать усадьбу не наслѣдникамъ его, а лицамъ постороннимъ (ст. 491 Полож. 1819 г.). Съ другой стороны, существовавшее и до того времени дѣленіе земель на податныя и неподатныя осталось въ своей силѣ, и вся тяжесть общественныхъ и государственныхъ повинностей попрежнему возложена была на крестьянъ съ круговою отвѣтственностью мірскихъ обществъ за несостоятельныхъ членовъ (ст. 51 Положенія 1819 года). Вредныя послѣдствія установленнаго Положеніемъ 1819 года порядка вещей не замедлили обнаружиться. Дворянство, стремясь извлекать возможно бо́льшія выгоды изъ арендной земли, и не находя въ дѣйствовавшемъ законѣ предѣловъ своимъ требованіямъ по отношенію къ крестьянамъ, стало обременять послѣднихъ непосильными барщинными работами, отбирать крестьянскія усадьбы у прежнихъ хозяевъ и передавать ихъ новымъ, которые соглашались на болѣе отяготительныя условія, и, наконецъ, *присоединять податныя крестьянскія земли* къ мызнымъ, обращая ихъ въ неподатныя. Вслѣдствіе того крестьяне, потерявшіе свои усадьбы, обращались въ батраковъ и бобылей, а оставшіеся въ усадьбахъ терпѣли отъ увеличенія барщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и тягость общественныхъ повинностей крестьянъ съ каждымъ годомъ увеличивалась, такъ какъ размѣры податной земли, предоставленной въ ихъ пользованіе и служившей имъ

единственнымъ платежнымъ источникомъ, постепенно сокращались присоединеніемъ этихъ земель къ мызнымъ угодьямъ. Личная свобода крестьянъ, дарованная имъ безъ всякаго права на землю и ограниченная къ тому же запрещеніемъ выхода за предѣлы губерніи (ст. 13 Положенія 1819 г.), не давала имъ собственно—при существовавшихъ крайне неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ мѣстнаго управленія — достаточной возможности защищать законными способами свои права противъ нарушеній ихъ дворянствомъ (въ рукахъ котораго была сосредоточена судебная и полицейская власть); потому, когда въ началѣ 40-хъ годовъ благосостояніе сельскаго населенія пришло въ полный упадокъ, возникшая между обоими сословіями вражда выразилась въ цѣломъ рядѣ *крестьянскихъ волненій и въ попыткахъ эстовъ и латышей къ самовольному выселенію массами въ другія губерніи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, суровые годы испытаній пробудили въ угнетенныхъ народностяхъ стремленіе къ большему духовно-нравственному общенію съ русскимъ народомъ, что̀ и выразилось въ переходѣ въ православіе значительной части крестьянскаго населенія Лифляндіи.

По успокоеніи народныхъ волненій при помощи военной силы и изслѣдованіи ихъ причинъ, тогдашній прибалтійскій генералъ-губернаторъ, баронъ Паленъ, донесъ въ 1842 году, что главнѣйшими причинами безпорядковъ, по его мнѣнію, послужили чрезмѣрное и произвольное со стороны помѣщиковъ *возвышеніе барщины и отобраніе крестьянскихъ земель*. Вслѣдъ затѣмъ онъ предложилъ, съ Высочайшаго соизволенія, лифляндскому ландтагу о принятіи мѣръ къ устраненію на будущее время поводовъ для принесенія крестьянами жалобъ и, справедливо придавая особенно важное значеніе ненарушимости крестьянскаго владѣнія землею,—рѣшился на собственный страхъ сдѣлать распоряженіе, чтобы крестьяне-хозяева не были удаляемы помѣщиками изъ своихъ усадебъ иначе, какъ по суду.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ рапортовъ баронъ Паленъ доносилъ, что лифляндское дворянство, на ландтагѣ 1842 г., во-первыхъ, отказалось отъ предоставленнаго ему Положеніемъ 1819 г. права неограниченнаго распоряженія всѣми помѣстными землями, и что, такимъ образомъ, извѣстное количество отданныхъ крестьянамъ земель не будетъ впредь у нихъ отбираемо, черезъ что по главному существу дѣла устранено весьма невыгодное состояніе имущественныхъ отношеній поселянъ, т.-е. *совершенная ненадежность во владѣніи* употребляемыхъ ими земель; и, во-вторыхъ, дворянство постановило, что отнынѣ барщина должна быть

отправляема по точной силѣ Положенія 1804 и 1819 г., и что о родѣ и мѣрѣ повинностей крестьянъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать контракта иначе, какъ предписываютъ означенныя Положенія.

Постановленія ландтага были Высочайше утверждены, а противъ тѣхъ строкъ рапорта барона Палена, въ которыхъ изложенъ былъ отказъ дворянства отъ присоединенія крестьянскихъ земель, была сдѣлана собственноручно государемъ отмѣтка: „*очень умно и дѣльно*“. Но, согласившись, подъ вліяніемъ воздѣйствія правительства и указанныхъ выше событій, сдѣлать крестьянамъ нѣкоторыя уступки и возвратить имъ тѣ права, которыя уже были дарованы имъ въ самомъ началѣ столѣтія, дворянство попыталось выговорить для себя право, при окончательномъ *отграниченіи* крестьянской земли, отдѣлить отъ нея столько, „*сколько потребно на пополненіе господскихъ полей до 10-ти лофштелей на каждый день барщины*“. Приводя вышеозначенное ходатайство дворянства въ болѣе удобопонятномъ видѣ, генералъ-губернаторъ доносилъ, что дворянство желаетъ отдѣлить и присоединить къ своимъ угодьямъ еще $^1/_{10}$ долю крестьянской земли; причемъ, въ заключеніи своемъ по поводу такого ходатайства, онъ высказалъ предположеніе, что отобраніе этой доли крестьянскихъ угодій не можетъ ухудшить положенія крестьянъ, такъ какъ земли послѣднихъ значительно превышали *мызныя*, которыя, по собраннымъ свѣдѣніямъ, составляли не болѣе $^2/_3$ крестьянскихъ земель.

Вслѣдъ затѣмъ, по прекращеніи волненій крестьянъ, лифляндское дворянство, какъ бы сожалѣя о своей уступчивости, представило министерству внутреннихъ дѣлъ жалобу на дѣйствія генералъ-губернатора. Въ жалобѣ этой дворянство обвиняло барона Палена въ превышеніи власти, которое выразилось въ распоряженіи его, обязавшемъ помѣщиковъ удалять хозяевъ не иначе, какъ по суду, и въ искаженіи смысла постановленія ландтага объ отказѣ дворянства отъ правъ неограниченнаго распоряженія крестьянскими землями.

Независимо отъ того, ландтагъ выработалъ проектъ дополнительныхъ статей къ Положенію 1819 г., который былъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ для просмотра крестьянскихъ положеній всѣхъ остзейскихъ губерній и 23 іюня 1843 г. утвержденъ. Проектъ этотъ представлялъ собою лишь мало существенныя поправки къ Положенію 1819 г.

Болѣе существенною частью этого новаго законоположенія было возстановленіе силы *ваккенбуховъ*, которые вновь признаны нормою всѣхъ условій между владѣльцами и крестьянами, съ тѣмъ,

что тамъ, гдѣ существующія нынѣ повинности ниже урочныхъ, т.-е. вакенбухами опредѣленныхъ,—они не могутъ быть возвышены, а тамъ, гдѣ барщина превышаетъ норму, древними вакенбухами опредѣленную, она должна быть ограничена согласно этимъ послѣднимъ. Постановленіе это, хотя въ немъ и не упоминалось о неприкосновенности крестьянской земли, представляло собою, во всякомъ случаѣ, весьма важный актъ въ защиту интересовъ эсто-латышскаго сельскаго населенія, но лифляндское дворянство, какъ и въ 1819 г., вскорѣ изыскало способы уничтожить его благодѣтельное значеніе.

Въ 1846 г., признано было необходимымъ вновь приступить къ изысканію и обсужденію болѣе общихъ и полныхъ мѣръ къ устройству быта крестьянъ и учредить для этой цѣли особый комитетъ по лифляндскимъ дѣламъ, съ участіемъ 5-ти представителей отъ лифляндскаго дворянства. Изъ журналовъ этого комитета видно, что дворянство въ ограниченіи права помѣщиковъ отбирать по своему произволу крестьянскія земли усматривало преграждение пути къ улучшенію имѣній и препятствіе къ успѣхамъ сельскаго хозяйства, а потому, соглашаясь на предоставленіе податной земли въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ, старалось выговорить себѣ разрѣшеніе отобрать единовременно значительную часть этой земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ комитетѣ возникъ новый споръ объ улучшеніи хозяйственнаго быта крестьянъ путемъ постепенной замѣны барщинно-издѣльныхъ контрактовъ денежно-оброчными.

Хотя Положеніе 1819 г. и дополнительныя статьи 1845 г. и не возбраняли помѣщикамъ заключать по соглашенію съ крестьянами денежные арендные контракты, но и не давали имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, права *принудительно* переводить крестьянъ съ барщины на оброкъ; этого-то права и стремилось достигнуть лифляндское дворянство въ надеждѣ, что норма денежнаго оброка закономъ опредѣлена не будетъ, и что такимъ образомъ вакенбухи, только-что возстановленные, вновь потеряютъ свое значеніе. Ожиданія его, какъ указано будетъ ниже, дѣйствительно оправдались. Но вопросомъ о переводѣ барщины на оброкъ возбужденъ въ свою очередь новый и весьма серьезный вопросъ о томъ, что произойдетъ съ такъ называемыми *батрацкими надѣлами или участками*, которые были образованы на крестьянскихъ земляхъ въ силу дополнительныхъ статей 1809 г. Возникало не лишенное основанія опасеніе, что крестьяне-хозяева, при установленныхъ арендныхъ условіяхъ на деньги или произведенія, захотятъ всецѣло пользоваться арендуемыми ими землями и уничтожатъ

участки батраковъ, вслѣдствіе чего послѣдніе неминуемо обратятся въ пролетаріевъ. Комитету надлежало такимъ образомъ въ рѣшеніи своемъ сообразоваться и съ интересами безземельнаго класса сельскаго населенія.

Постановленія комитета для устройства была лифляндскихъ крестьянъ, послѣдовавшія въ засѣданіи 24 мая 1846 г., состояли въ существѣ ихъ въ слѣдующемъ. Руководствуясь мнѣніемъ члена государственнаго совѣта генералъ-адъютанта графа Палена, и принявъ во вниманіе, что на круговую отвѣтственность лифляндскихъ крестьянскихъ обществъ возложена поставка рекрутъ, платежъ казенныхъ податей, всевозможныя земскія и общественныя повинности соразмѣрно *предоставленной имъ въ то время въ пользованіе податной земли, комитетъ единогласно призналъ необходимымъ: всю предоставленную по вакенбухамъ 1804 г. и состоящую въ употребленіи крестьянъ землю предоставить въ неотъемлемое пользованіе крестьянскихъ обществъ*, какъ необходимую для достиженія главной цѣли законоположеній по дѣламъ крестьянъ, т.-е для обезпеченія существованія и самостоятельности сельскаго сословія, чѣмъ безъ всякаго нарушенія права собственности помѣщиковъ на ту же землю опредѣлялся лишь справедливый способъ пользованія ею.

По вопросу же о батрацкихъ участкахъ, также согласно съ высказаннымъ графомъ Паленомъ мнѣніемъ, — что для предупрежденія обращенія батраковъ въ пролетаріевъ, могущаго произойти при введеніи арендной платы деньгами, необходимо предоставить въ распоряженіе каждой вотчины *часть податной земли, для надѣленія ею батраковъ*, подобно тому, какъ эти послѣдніе пользуются теперь въ каждой усадьбѣ $1^1/_2$ лофами пахотной земли въ каждомъ изъ трехъ полей съ лугами и сѣнокосами, — комитетъ единогласно постановилъ: состоящіе донынѣ въ пользованіи у рабочихъ $1^1/_2$ лофа въ каждомъ полѣ, равно какъ и луга и выгоны предоставить въ завѣдываніе помѣщиковъ съ тѣмъ, чтобы ближайшій ландтагъ опредѣлилъ правила, сообразно съ которыми *владѣлецъ долженъ распорядиться означенными участками для общаго благосостоянія рабочихъ*. Оба эти постановленія комитета признаны были имъ за *обязательныя основныя начала* будущаго Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ и въ 9-й день іюня 1846 г. были Высочайше утверждены.

Благодаря вліянію лифляндскаго дворянства на ходъ дѣлъ въ остзейскомъ комитетѣ, и аграрное и крестьянское Уложеніе 1849 г. не только не оправдало тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на него и самимъ правительствомъ, и крестьянами, но

измѣнило еще къ худшему и то положеніе вещей, которое создано было рядомъ предшествовавшихъ правительственныхъ мѣропріятій. Даже и остзейскій комитетъ признавалъ разсматривавшійся имъ проектъ не вполнѣ соотвѣтствующимъ цѣли упроченія быта крестьянскаго сословія и заключилъ привести его въ дѣйствіе лишь въ видѣ временной мѣры на 6 лѣтъ и при томъ только во вниманіе къ особому ходатайству генералъ-губернатора князя Суворова (вѣроятно, уступившему въ этомъ случаѣ вліянію лифляндскаго дворянства), который немедленное утвержденіе проекта признавалъ необходимымъ для удовлетворенія возбужденныхъ съ давняго времени надеждъ сельскаго населенія на улучшеніе его быта.

Главнѣйшія положенія закона 1849 г. были таковы:

1) По вопросу о барщинѣ, законная норма которой была только-что возстановлена (въ 1845 г.), опредѣлялось, что *вотчинникъ*, или *помѣщикъ, всегда властенъ и во время дѣйствія барщиннаго контракта превратить барщинно-оброчныя повинности въ денежно-оброчныя, а арендаторъ не вправѣ этому противиться* (ст. 109 Положенія 1849 г). Взамѣнъ этого арендатору предоставлено право, если онъ не желаетъ перейти съ барщины на оброкъ, *отказаться отъ аренднаго контракта* (ст. 111 Положенія 1849 г.) и оставить свою усадьбу. Что же касается мѣры денежно-оброчной повинности, то опредѣленіе ея предоставлено взаимному соглашенію помѣщика съ крестьянами (§ 1-й Положенія 1849 г.) и всѣ законныя постановленія о соразмѣреніи оброчныхъ повинностей съ величиною и производительностью оброчнаго участка признаны несоотвѣтствующими цѣли ихъ и устранены, такъ какъ, будто бы, опытомъ доказано неопровержимо, что изыскать начала правильной поземельной оцѣнки, которыя могли бы быть примѣнены на столь обширномъ и столь разносвойственномъ пространствѣ Лифляндіи, не представляется никакой возможности [1]) (§ 2 Положенія 1849 г.).

Само собою разумѣется, что въ случаѣ несогласія крестьянина на предлагаемыя помѣщикомъ условія денежной аренды, ему предоставлялось право оставить свою усадьбу и перейти въ разрядъ батраковъ.

Такимъ образомъ, стремленіе правительства опредѣлить норму крестьянскихъ повинностей и на этотъ разъ,—какъ было ранѣе,

[1]) Опытъ Россіи говоритъ, однако, совершенно иначе: „Положеніе о крестьянахъ“ 1861 г. установило вполнѣ удовлетворительныя, въ общемъ, нормы оброка для крестьянъ на гораздо болѣе обширной по пространству и разносвойственной части государственной территоріи, чѣмъ одна лифляндская губернія.

въ 1819 г.,—осталось безуспѣшнымъ, и односторонній интересъ лифляндскихъ помѣщиковъ восторжествовалъ вновь, прикрытый и въ данномъ случаѣ благовидными сужденіями, что барщина есть явленіе *ненормальное*, отжившее, служащее несомнѣнно преградою къ успѣшному развитію крестьянскаго быта (§ 4 Положенія 1849 г.), и потому лишь временно терпимое (§§ 137 и 138 Положенія 1849 г.).

2) По вопросу о предоставленіи извѣстной части земли въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ, было постановлено, что всѣ помѣстныя земли, независимо отъ дѣленія ихъ на податныя и неподатныя, раздѣляются еще—по различію правъ пользованія ими—на мызныя и повинностныя. Первыя, попрежнему, должны были оставаться въ безусловномъ распоряженіи помѣщиковъ; послѣдними же имъ предоставлялось пользоваться не иначе, какъ путемъ отдачи ихъ въ аренду или продажи членамъ крестьянскихъ обществъ (ст. 121 Положенія 1849 г.). При исчисленіи пространства повинностныхъ земель каждаго имѣнія предписывалось принять въ основаніе произведенное валкскою межевою коммиссіею регулированіе имѣнія (ст. 7 Положенія 1849 г.) и считать повинностною землею всю ту часть его, которая въ началѣ столѣтія отведена была въ пользованіе крестьянъ и которая по оцѣнкѣ на талеры и гаки обложена была сборами на государственныя и общественныя нужды.

Опредѣливъ такимъ образомъ основаніе для разграниченія помѣстныхъ земель, новый законъ разрѣшилъ помѣщикамъ присоединить значительную долю повинностной земли къ мызнымъ угодьямъ. Сверхъ того, Уложеніе 1849 г. разрѣшило помѣщикамъ отобрать или зачислить въ разрядъ мызныхъ земель всѣ тѣ пространства, которыя, находясь въ предѣлахъ крестьянской земли, не входили по вакенбухамъ въ талерную оцѣнку (14 ст. Уложенія 1849 г.), каковы, напримѣръ, лѣса, болота, воды и вообще всѣ неудобныя земли. Для опредѣленія размѣра этихъ земель и для выясненія, какая часть ихъ отобрана была фактически,—никакихъ данныхъ не имѣется, но несомнѣнно, что и въ этомъ случаѣ отобранныя земли можно считать сотнями тысячъ десятинъ, такъ какъ, судя по находившимся на разсмотрѣніи ревизіи древнимъ картамъ нѣкоторыхъ имѣній, неудобныя и невходившія въ оцѣнку пространства представляли собою въ границахъ крестьянскихъ земель почти такое же количество десятинъ, какъ и удобныя, особенно въ сѣверной части лифляндской губерніи.

3) Подлежащая отдѣленію столь значительная часть крестьянской земли, по силѣ Высочайше утвержденныхъ основныхъ

началъ, изложенныхъ въ журналѣ комитета лифляндскихъ дѣлъ отъ 24-го мая 1846 г., *предназначалась собственно для обезпеченія батраковъ*, но въ текстѣ самаго Уложенія цѣль эта не указана; вслѣдствіе чего названная земля, хотя и отдѣлена отъ крестьянской и во многихъ имѣніяхъ перешла въ непосредственное распоряженіе помѣщиковъ, но до сихъ поръ не получила назначеннаго ей употребленія.

4) По отношенію къ бобылямъ, т.-е. къ тому классу сельскаго населенія, который не находится ни въ оброчномъ, ни въ служебномъ отношеніи съ другими членами общества, постановленія закона 1849 г. отличаются особою суровостью. Законъ этотъ вмѣняетъ, между прочимъ, сельскимъ обществамъ въ обязанность принять самоближайшія мѣры къ обращенію бобылей къ болѣе законному образу жизни и къ недопущенію дальнѣйшаго ихъ приращенія (601 ст.), а вотчинной и волостной полиціи и приходскимъ судамъ поручаетъ имѣть тщательный надзоръ за строгимъ соблюденіемъ правилъ о пользованіи перелогами, гдѣ бобыли будто бы предпочтительно водворяются для безпорядочной разработки и истощенія ихъ. Въ другихъ статьяхъ Уложенія бобыли признаются нетерпимымъ классомъ (600 ст.) сельскаго населенія, такъ что каждому бобылю, не имѣющему, по крайней мѣрѣ, одной коровы и одной лошади, возбраняется всякое поземельное пользованіе (ст. 623), и каждая бобыльская усадьба, не имѣющая 5-ти лофштелей земли, обязательно присоединяется къ смежной съ нею болѣе крупной усадьбѣ, съ тѣмъ чтобы и впредь никогда не составлять отдѣльнаго поземельнаго участка (ст. 619). Приходскимъ судьямъ и губернаторамъ вмѣняется въ обязанность принимать мѣры или къ употребленію бобылей на казенныя работы, или же къ выселенію ихъ въ другія, менѣе населенныя имѣнія (ст. 634). Но классъ бобылей былъ весьма многочисленъ еще во время ревизіи, несмотря на всѣ принятыя противъ него репрессивныя мѣры.

Содержащіяся въ Положеніи 1849 г. репрессіи по отношенію къ бобылямъ можно объяснить только тѣмъ, что лифляндское дворянство, разсчитывая въ то время присоединить нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ крестьянской земли къ мызнымъ угодьямъ и, слѣдовательно, значительно увеличить мызныя запашки, весьма предусмотрительно озаботилось заручиться въ свою пользу такими предписаніями закона, которыя могли бы послужить косвеннымъ средствомъ для принудительнаго обращенія болѣе или менѣе состоятельныхъ бобылей въ простыхъ работниковъ и тѣмъ самымъ не только обезпечить себѣ достаточный контингентъ

послѣднихъ, но и достигнуть удешевленія стоимости земледѣльческаго труда въ расширенныхъ мызныхъ хозяйствахъ.

5) Нормальнымъ видомъ пользованія отграниченной крестьянамъ или такъ называемой повинностной землей Уложеніе 1849 г. признало или отдачу ея въ денежную аренду, или продажу членамъ крестьянскихъ обществъ на условіяхъ полюбовнаго соглашенія съ помѣщикомъ (ст. 137). Для содѣйствія крестьянамъ къ пріобрѣтенію земель въ собственность учрежденъ былъ такъ называемый крестьянскій непрерывно-доходный банкъ, уставъ котораго вошелъ въ текстъ закона 1849 г. (§ 23 и слѣд.), а для поддержанія цѣнности земли разрѣшено было пріобрѣтать ее не только собственно крестьянамъ, которые, какъ сословіе, имѣли историческое право на исключительное пользованіе этою землею, но и лицамъ всякаго званія и состоянія, подъ условіемъ лишь приписки ихъ къ волостному союзу (ст. 251). Вступленіе же въ волостной союзъ новаго члена, сохранявшаго за собою свои прежнія сословныя права, совершалось или по требованію помѣщика, независимо отъ согласія или несогласія на то крестьянскаго общества (ст. 301), или же самымъ фактомъ покупки крестьянскаго участка, слѣдовательно также помимо согласія общества. Вслѣдствіе того, съ 1849 г. крестьянскія земли начали переходить въ собственность не только лицъ крестьянскаго сословія, но и въ руки дворянъ, литераторъ, горожанъ и иностранныхъ подданныхъ.

II.

Уложеніе 1849 года имѣло временный характеръ и введено было въ дѣйствіе лишь на 6 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы, по минованіи ихъ, генералъ-губернаторъ Прибалтійскаго края, вмѣстѣ съ дворянствомъ лифляндской губерніи, представилъ свои предположенія объ измѣненіяхъ, которыя по указанію опыта признаны будутъ полезными. Во исполненіе этого, въ 1856 г. лифляндскимъ дворянствомъ составленъ былъ проектъ новаго Положенія о крестьянахъ, который, по разсмотрѣніи его въ остзейскомъ комитетѣ, внесенъ былъ въ государственный совѣтъ и, по подробномъ его обсужденіи, 13-го ноября 1860 г., былъ Высочайше утвержденъ.

При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ, министръ государственныхъ имуществъ обратилъ вниманіе на то, что всѣ постановленія проекта, относящіяся до предоставленія крестьянамъ правъ поземельной собственности и до огражденія

ихъ интересовъ по оброчнымъ договорамъ, обезпечиваютъ лишь однихъ крестьянъ-домовладѣльцевъ и вовсе не касаются работниковъ, которыхъ между тѣмъ вчетверо больше, чѣмъ хозяевъ, и положеніе которыхъ равнымъ образомъ требуетъ вниманія правительства. Поэтому, для обезпеченія быта этихъ послѣднихъ, по мнѣнію министра государственныхъ имуществъ, также надлежало бы, по мѣрѣ возможности, предоставить имъ участіе въ правахъ непосредственнаго пользованія землею, и для этого отводить имъ при крестьянскихъ дворахъ особые участки, исключительно предназначенные для семейныхъ работниковъ.

Съ такимъ мнѣніемъ министра государственныхъ имуществъ государственный совѣтъ согласился, и положеніе совѣта по этому предмету было, 5-го мая 1860 г., Высочайше утверждено.

Но Положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1860 г., какъ въ отношеніи поземельнаго устройства крестьянъ, такъ и во всемъ остальномъ, было почти буквальнымъ повтореніемъ Уложенія 1849 г. и ничего существенно новаго въ себѣ не содержало. Такъ, по отношенію къ бобылямъ новый законъ во всей силѣ удержалъ всѣ стѣснительныя (ст. 551—586) постановленія Уложенія 1849 года.

Что касается крестьянъ-хозяевъ, то Положеніе 1860 г., дозволивъ помѣщикамъ попрежнему принудительно (6 п. 116 ст.) переводить ихъ съ барщины на оброкъ, установило, указанное въ 1 и 2 п. 116-ой статьи, незначительное вознагражденіе, которое помѣщикъ обязанъ былъ уплатить крестьянину-хозяину въ томъ случаѣ, когда этотъ послѣдній, не признавая возможнымъ перейти съ барщины на денежный оброкъ на условіяхъ, предлагаемыхъ помѣщикомъ, вынужденъ былъ оставить усадьбу. Вознагражденіе это помѣщикъ обязывался уплатить крестьянину и тогда, когда послѣдній, по истеченіи срока арендnаго контракта, не признавалъ возможнымъ согласиться на новыя, болѣе отяготительныя условія.

Условія продажи крестьянскихъ усадебъ остались также прежнія: за помѣщикомъ сохранено право опредѣлять по своему усмотрѣнію стоимость усадьбы (ст. 12), назначать сроки платежа покупной суммы (85 ст.), прерывать актомъ продажи арендные контракты и отчуждать крестьянскія усадьбы лицамъ всѣхъ сословій (ст. 55 и 219). Крестьянину-арендатору во всѣхъ этихъ случаяхъ предоставлено лишь право не согласиться на условія, предлагаемыя помѣщикомъ, и выступить изъ усадьбы.

По отношенію къ барщинѣ, Положеніе 1860 г. оставило въ силѣ всѣ постановленія предшествовавшаго закона, и повсемѣст-

ное прекращеніе издѣльной повинности послѣдовало лишь 23-го апрѣля 1868 года.

III.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ данныхъ историческаго обзора нашего законодательства по устройству быта лифляндскихъ крестьянъ, ревизія 1882 года докладывала, что въ послѣдовавшихъ со дня освобожденія лифляндскихъ крестьянъ лично отъ крѣпостной зависимости (въ 1819 г.) законоположеніяхъ допущенъ былъ рядъ правилъ, по мнѣнію ревизіи—несомнѣнно *вредныхъ* для благосостоянія крестьянъ лифляндской губерніи и притомъ, во многихъ отношеніяхъ, въ нарушеніе или даже совершенную отмѣну прежде имъ принадлежавшихъ и укрѣпленныхъ за ними правъ.

Площадь всей крестьянской или повинностной земли въ частныхъ, пасторатскихъ и городскихъ имѣніяхъ лифляндской губерніи по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ревизіонной лифляндской ландратской коллегіей, составляли 1.190.755 дес., въ числѣ коихъ насчитывалось 321.090 дес. пашни. Въ казенныхъ имѣніяхъ, на материкѣ губерніи, крестьянамъ отведено 241.944 дес. Слѣдовательно, всего въ пользованіи крестьянъ состояло 1.432.699 дес. Площадь мызной или помѣщичьей земли простиралась до 2.114.462 дес. Изъ этого слѣдовало, что всѣ земли крестьянъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ, взятыхъ вмѣстѣ, составляли въ то время лишь двѣ трети помѣщичьихъ земель, между тѣмъ какъ въ сороковыхъ годахъ, судя по донесенію прибалтійскаго генералъ-губернатора барона Палена, мызныя земли въ частныхъ имѣніяхъ находились совершенно въ обратномъ отношеніи къ крестьянскимъ, составляя лишь $^2/_3$ послѣднихъ.

Сравнивая эти данныя съ соотвѣтствующими имъ данными для всей Европейской Россіи, гдѣ по свѣдѣніямъ, собраннымъ податной коммиссіей (въ 1872 г.), площадь крестьянскихъ земель простиралась до 116 милліоновъ десят., а площадь помѣщичьихъ, оставшихся за надѣломъ крестьянъ лишь до 63 милл. дес., и принимая помѣщичье или крупное землевладѣніе за единицу, необходимо было придти къ выводу, что крестьянское землевладѣніе въ Россіи вообще выражалось цифрою 2, въ лифляндской же губерніи цифрою $^2/_3$, или иначе, что отношеніе крестьянскаго или мелкаго землевладѣнія къ помѣщичьему или крупному въ лифляндской губерніи представлялось втрое менѣе благопріятнымъ для крестьянъ, чѣмъ таковое же въ Россіи вообще.

Что касается распредѣленія повинностныхъ земель въ лифляндской губерніи между отдѣльными членами крестьянскаго сословія, то, по свѣдѣніямъ лифляндской ландратской коллегіи и прибалтійскаго управленія государственными имуществами, оказывалось въ этомъ отношеніи слѣдующее: повинностныя земли частныхъ, городскихъ и пасторатскихъ имѣній раздѣлялись тогда лишь на 25.056 болѣе или менѣе крупныхъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ-усадебъ, часть которыхъ состояла въ арендномъ пользованіи крестьянъ и часть пріобрѣтена въ собственность; 939 усадебъ или участковъ, находящихся на податной мызной землѣ, отдѣленной отъ крестьянской по силѣ Уложенія 1849 г.;—слѣдовательно, всего въ частныхъ имѣніяхъ въ пользованіи членовъ волостныхъ обществъ состояло 25.995 усадебъ. Крестьянскія земли казенныхъ имѣній раздѣлялись на 9.458 усадебъ или участковъ, что вмѣстѣ съ предыдущими составило 35.353 усадьбы.

Принимая во вниманіе, что все сельское населеніе материковой части лифляндской губерніи простиралось до 872.535 душъ обоего пола (донесеніе губернатора) и полагая на каждый крестьянскій дворъ по 3 души мужескаго пола и столько же женскаго пола (въ Россіи вообще на крестьянскій дворъ приходится, среднимъ числомъ, 2,9 души мужескаго пола), слѣдуетъ придти къ заключенію, что въ лифляндской губерніи, при наличности указаннаго выше числа самостоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ, обезпечены землею лишь 212.518 душъ обоего пола; число же необезпеченныхъ землею простирается до 660.017 душъ обоего пола, или до 77% всего сельскаго населенія губерніи.

О ходѣ продажи крестьянскихъ земель въ лифляндской губерніи въ собственность членовъ волостныхъ обществъ имѣлись тогда слѣдующія свѣдѣнія:

Изъ общаго числа 25.056 усадебъ, находящихся на повинностной землѣ, закуплены членами волостныхъ обществъ 15.897 усадебъ, или 64,46%, оцѣненныхъ по доходности ихъ въ 322.558 талеровъ и заключающихъ въ себѣ удобной и неудобной земли 790.429 дес., въ числѣ коихъ значится 214.601 дес. пашни. Средній размѣръ проданной усадьбы по пространству составляетъ 49,72 десятины (изъ нихъ 15,51 дес. пашни), а по доходности—20 талеровъ. Средняя стоимость одного талера крестьянской земли по 1881 г. простиралась до 167 руб., а мызной и крестьянской земли, взятыхъ вмѣстѣ—до 174 руб. Въ 1881 г. средняя стоимость талера одной крестьянской земли

возрасла уже до 188 руб., причемъ низшая составляла 66 руб. 25 коп. за талеръ (въ валкскомъ уѣздѣ), а высшая—491 руб. 89 коп. (въ феллинскомъ уѣздѣ). Такія же колебанія цѣнности талера земли замѣчаются и въ каждомъ изъ уѣздовъ, отдѣльно взятомъ: такъ, напримѣръ, въ верровскомъ уѣздѣ талеръ земли продавался и по 71 р., и по 458 рублей.

Что же касается стоимости десятины одной удобной земли, то, имѣя въ виду, что на одинъ талеръ не приходится и полуторы десятины этого рода земли, и что, такимъ образомъ, площадь ея не превыситъ 700 тысячъ дес., необходимо будетъ придти къ выводу, что десятина удобной земли обойдется крестьянамъ около 125 руб.

При сравненіи этихъ данныхъ съ соотвѣтствующими имъ данными, взятыми изъ среды другихъ россійскихъ губерній, оказалось, что десятина удобной крестьянской земли въ лифляндской губерніи пріобрѣтается въ 3 и 4 раза дороже, чѣмъ десятина такой же земли въ другихъ губерніяхъ, такъ какъ, по свѣдѣніямъ главнаго выкупного учрежденія въ губерніяхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ вообще,—считая въ томъ числѣ и мѣстности черноземныя,—десятина удобной земли (за уплатою $^1/_5$ стоимости крестьянскаго надѣла, причитающейся на выкупъ усадебной осѣдлости) выкупалась, среднимъ числомъ, по 30 руб. 85 коп., въ частности же въ с.-петербургской губерніи, вблизи моря и столицы, по 27 руб., въ псковской—по 22 руб., а въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края—лишь по 17 руб. 24 коп. Въ юго-западныхъ губерніяхъ, кіевской, волынской и подольской, гдѣ естественныя свойства грунта значительно лучше, чѣмъ въ лифляндской, крестьяне за 81 милл. руб. выкупили около 4 милл. десятинъ одной удобной земли, т.-е. пространство, почти вчетверо превосходящее площадь всей лифляндской крестьянской земли (удобной и неудобной).

Вышеизложенныя данныя уясняли, какимъ тяжелымъ бременемъ должна лечь на крестьянское хозяйство въ лифляндской губерніи покупка земель, несмотря на ихъ сравнительно лучшее культивированіе; какую громадную денежную цѣнность пріобрѣтало лифляндское дворянство, удерживая, кромѣ того, за собою болѣе 2 милл. десятинъ мызной земли; какое не только экономическое, но и политическое преобладаніе въ краѣ безусловно обезпечено ему надъ другими сословіями не-нѣмецкой народности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какомъ привилегированномъ, исключительномъ положеніи стояло оно сравнительно съ россійскимъ дворянствомъ другихъ частей имперіи.

Сравнивая условія покупки крестьянскихъ земель въ лифляндской губерніи съ условіями выкупа таковыхъ же земель въ остальной Россіи, нельзя было не обратить вниманія, независимо отъ громадной разницы и въ цѣнахъ, еще на слѣдующія различія. Въ то время какъ въ имперіи крестьянинъ или сельское общество, приступивъ къ выкупу своихъ земель при содѣйствіи правительства, прекращали всякія обязательныя отношенія къ помѣщику,— лифляндскій крестьянинъ связывалъ себя съ помѣщикомъ весьма стѣснительнымъ купчимъ контрактомъ, въ силу котораго послѣдній получалъ обыкновенно право вмѣшиваться въ хозяйство крестьянина, контролировать его хозяйственный инвентарь и т. п. Вслѣдствіе этого большая часть лифляндскихъ крестьянъ-хозяевъ и въ особенности тѣ, которые не въ состояніи аккуратно уплачивать покупную сумму, находятся въ *полной* экономической зависимости отъ помѣщиковъ и вынуждены уступать имъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, гдѣ хозяйственные, національные, религіозные и другіе интересы той или другой стороны, или того или другого сословія, сталкиваются между собою. Русскій крестьянинъ или община, выкупивъ землю, становится полнымъ ея собственникомъ, съ правомъ владѣть, пользоваться и распоряжаться ею на тѣхъ же началахъ, на какихъ пользуются своими землями и помѣщики; а крестьянинъ лифляндскій, и по окончательной расплатѣ за свою землю, остается обязаннымъ различными ограниченіями своего поземельнаго права въ пользу помѣщика, какъ, напримѣръ, уступкою послѣднему права охоты на своихъ земляхъ, права проводить сухопутные и водяные пути сообщенія, пролагать водостоки, каналы для орошенія сосѣднихъ помѣщичьихъ земель и проч. (42 ст. Полож. 1860 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно выкупленная имъ земельная собственность никогда не уравнивается съ привилегированными дворянскими землями и крестьянинъ не пріобрѣтаетъ права устраивать на своей землѣ винокурни и пивоварни, открывать корчмы и проч. (ст. 220 Полож. 1860 г. и ст. 883 III т. Св. мѣстн. узак.). Наконецъ, по отношенію къ земскимъ повинностямъ помѣщичьи и выкупленныя крестьянами земли въ имперіи подлежатъ дѣйствію однихъ и тѣхъ же правилъ объ обложеніи ихъ, между тѣмъ какъ въ лифляндской губерніи на пріобрѣтенныхъ крестьянами податныхъ или черныхъ земляхъ лежитъ вся тяжесть общественныхъ или земскихъ повинностей, отъ которыхъ свободны неподатныя помѣщичьи земли (ст. 94 Полож. 1860 г.).

IV.

Въ арендномъ пользованіи членовъ волостныхъ обществъ въ лифляндской губерніи состояло 9.159 участковъ повинностной земли, представляющихъ собою площадь въ 400.326 десятинъ (въ числѣ ихъ насчитывается 106.489 десятинъ пашни) и оцѣненныхъ въ 177.863 талеровъ. Средній размѣръ арендnаго участка по пространству составляетъ до 43,71 дес. (въ числѣ ихъ 11,63 дес. пашни), а по оцѣнкѣ доходности — до 19 талеровъ 37 грошей. Средній размѣръ арендной платы за 1881 и 1882 г.г. за одинъ талеръ земли, сдаваемой помѣщикомъ, составляетъ 8 руб. 32 коп., колеблясь между 2 и 29 руб., а за талеръ земли, сдаваемой въ аренду крестьянамъ-собственникамъ,—11 руб. 50 коп., колеблясь между 3 и 40 руб. Переводя затѣмъ талеры на десятины на основаніи извѣстныхъ средней величины и цѣнности крестьянскаго участка и средняго размѣра арендной платы за талеръ земли, получался выводъ, что средній размѣръ арендной платы, требуемой помѣщикомъ за десятину земли на кругъ, т.-е. считая въ томъ числѣ и неудобную, составляетъ 3 руб. 59 коп. Имѣя затѣмъ въ виду, что на каждый талеръ не приходится обыкновенно и полуторы десятины удобной земли, слѣдуетъ заключить, что средній размѣръ арендной платы, падающей на десятину исключительно удобной земли, составитъ не менѣе 6 руб. При значительномъ развитіи сельскаго хозяйства въ лифляндской губерніи, такая плата не могла бы быть признана высокою по отношенію къ мызной землѣ, но нельзя сказать того же самаго при примѣненіи ея къ крестьянской землѣ, которая, издавна составляя достояніе крестьянъ, была воздѣлываема и улучшаема ихъ трудами и за пользованіе которою они въ теченіе нѣсколько столѣтій отбывали барщину. Арендную плату за эту землю нельзя разсматривать иначе, какъ установленный волею помѣщиковъ средній денежный оброкъ, замѣнившій собою нѣкогда нормированную закономъ издѣльную барщинную повинность. Поэтому, для правильнаго сужденія о величинѣ арендной платы за десятину крестьянской земли въ лифляндской губерніи, надлежитъ сравнивать ее не съ существующими во внутреннихъ частяхъ имперіи вольными арендными цѣнами на владѣльческія земли, а съ нормами оброка, опредѣленными Положеніемъ 19 февраля 1861 г. на отведенныя крестьянамъ земли по уставнымъ грамотамъ. При такомъ сравненіи

окажется, что средняя арендная плата за десятину удобной земли въ лифляндской губерніи весьма высока, ибо, по силѣ 168-ой ст. мѣстнаго Положенія 1861 г. о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ великорусскихъ и другихъ губерніяхъ въ лучшихъ и наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ, напримѣръ, въ курской губерніи, или нѣкоторыхъ уѣздахъ тульской и рязанской губерній при душевомъ оброкѣ въ 9 руб. (и при надѣлѣ лишь въ $2^3/_4$ десятины на душу) на десятину удобной земли падаетъ только 3 руб. 27 коп. оброка; затѣмъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга, при душевомъ оброкѣ въ 12 руб. десятина оплачивается не дороже 3 руб. 70 коп., а въ сосѣдней съ Лифляндіей псковской губерніи подесятинный оброкъ колеблется между 1 руб. 33 коп. и 1 руб. 80 коп.

Независимо отъ того, при сопоставленіи вышеизложенныхъ данныхъ о величинѣ арендной платы за десятину земли съ цѣнами, по которымъ производится продажа крестьянскихъ земель, оказывалось, что средняя покупная цѣна въ лифляндской губерніи представляла собою средній оброкъ, капитализированный изъ $4{,}5^0/_0$, между тѣмъ какъ въ остальной Россіи, на основаніи 66-ой ст. Положенія о выкупѣ 19 февраля 1861 г. выкупъ опредѣлялся капитализаціею изъ $6^0/_0$, т. е., говоря иначе, за каждый рубль аренды лифляндскій крестьянинъ при покупкѣ земли платитъ $22^2/_3$ руб., между тѣмъ какъ крестьяне другихъ губерній — лишь 16 руб. $66^2/_3$ коп. Высокая арендная и покупная цѣна на земли лишаетъ весьма многихъ крестьянъ-арендаторовъ возможности аккуратно выплачивать помѣщику оброки, заключать новые контракты въ случаѣ увеличенія размѣра аренды и пріобрѣтать земельные участки въ собственность. Вслѣдствіе того въ Лифляндіи весьма нерѣдки случаи какъ добровольнаго оставленія крестьянами своихъ усадебъ, такъ и принудительнаго выселенія ихъ изъ нихъ по судебнымъ приговорамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ выселеніе крестьянина обыкновенно производитъ полное потрясеніе его хозяйственнаго благосостоянія и весьма часто превращаетъ его изъ самостоятельнаго хозяина въ зависимаго батрака и бобыля. Удаленный изъ усадьбы хозяинъ не находитъ иногда не только новаго участка, аренда котораго ему была бы по силамъ, но и простого помѣщенія для своей семьи и имущества [1]).

[1]) При производствѣ ревизіи обнаружено было нѣсколько случаевъ, когда выселенные хозяева вынуждены были даже въ осенніе мѣсяцы жить подъ открытымъ небомъ, подвергая опасности здоровье и жизнь своихъ семей и неизбѣжной порчѣ—свое имущество.

Общее число выдвореній арендаторовъ въ теченіе 1880, 1881 и 1882 гг., по свѣдѣніямъ лифляндской ландратской коллегіи, простиралось до 710, изъ числа которыхъ по требованію помѣщиковъ произведено было 515 выселеній, а по требованію крестьянъ-собственниковъ—195. До истеченія сроковъ контрактовъ выдворены были помѣщиками 280 хозяевъ, а по истеченіи такихъ сроковъ вслѣдствіе повышенія арендной платы, продажи усадебъ другимъ лицамъ и по инымъ причинамъ—235 хозяевъ.

Главнѣйшіе недостатки системы обложенія помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель коренились, во-первыхъ, въ существовавшемъ дѣленіи лифляндскихъ земель на неподатныя или привилегированныя и податныя или черныя, и во-вторыхъ, въ оцѣнкѣ земель на талеры и гаки. Первое обусловливаетъ собою неправильность самыхъ основаній обложенія земель, а второе — неправильность способа раскладки всякаго рода сборовъ, съ тѣхъ или другихъ земель слѣдующихъ. Хотя съ 1880 г., т.-е. со времени привлеченія лифляндской губерніи къ участію въ платежѣ государственнаго поземельнаго налога, принципъ раздѣленія земель на два названные разряда отчасти и нарушенъ, такъ какъ означеннымъ налогомъ обложены и неподатныя земли, но по отношенію къ земскимъ или общественнымъ повинностямъ указанный принципъ сохранялъ свое значеніе и во время ревизіи.

Всѣ лежавшія на земельной собственности въ лифляндской губерніи повинности, соотвѣтственно назначенію ихъ, а равно и предметамъ обложенія, ревизія раздѣлила на три слѣдующія категоріи:

1) Государственный поземельный налогъ, взимаемый на общемъ основаніи со всѣхъ удобныхъ земель, независимо отъ того, будутъ ли онѣ податныя или неподатныя.

2) Такъ называемыя дворянскія скидки, которыя взимаются исключительно съ неподатной мызной земли и, слѣдовательно, уплачиваются крупными землевладѣльцами,—

и 3) Общественныя или земскія повинности, которыми облагались исключительно податныя земли и которыя почти всецѣло уплачивались крестьянами.

Для уясненія вопроса, насколько неравномѣрно распредѣлялась тяжесть всѣхъ означенныхъ сборовъ между крестьянами и дворянствомъ лифляндской губерніи, достаточно остановиться на разсмотрѣніи государственнаго поземельнаго налога.

Государственный поземельный налогъ взимался въ лифляндской губерніи со всѣхъ удобныхъ земель, какъ крестьянскихъ, такъ и помѣщицьихъ, а основаніемъ для раскладки его служитъ

оцѣнка какъ податныхъ, такъ и неподатныхъ земель на талеры; такъ что общая сумма причитающагося на лифляндскую губернію государственнаго поземельнаго налога распредѣлялась между крестьянами и помѣщиками соотвѣтственно количеству талеровъ земли, во владѣніи тѣхъ и другихъ находящейся, съ отнесеніемъ при этомъ незначительной части этого налога на лѣса, которые, по существующимъ правиламъ, оцѣнкѣ на талеры не подлежатъ и облагаются сообразно количеству десятинъ. Въ виду неопредѣленной величины лифляндскаго талера, который можетъ простираться отъ $^2/_3$ дес. до $7^1/_2$ дес. и цѣнность котораго колеблется между 66 и 491 р., принятый въ лифляндской губерніи способъ раскладки государственнаго поземельнаго налога не могъ быть признанъ уравнительнымъ даже и по отношенію къ землѣ одной и той же категоріи; но неуравнительность эта дѣлается еще болѣе значительною, если имѣть въ виду распредѣленіе налога между мызными и крестьянскими землями, ибо при одинаковомъ обложеніи талеръ земли мызной представляется обыкновенно болѣе цѣннымъ и болѣе доходнымъ, чѣмъ талеръ земли крестьянской.

Неравномѣрность и неравноцѣнность мызныхъ и крестьянскихъ талеровъ между собою проистекаетъ, — независимо отъ злоупотребленій, допускаемыхъ помѣщиками и землемѣрами при таксаціи земель, — главнымъ образомъ, отъ того, что при кадастрѣ или оцѣнкѣ мызныхъ угодій, произведенной въ 1873—1875 гг., приняты были въ разсчетъ, согласно постановленію лифляндскаго ландтага, лишь такъ называемыя культурныя, или, вѣрнѣе, культивированныя земли, т.-е пашня, покосы и обработанная часть бушланда; вся же остальная и при томъ гораздо бо́льшая часть бушланда въ оцѣнку не вошла и показывалась тогда или въ разрядѣ лѣсовъ, вслѣдствіе чего облагалась лишь незначительнымъ сборомъ, или же въ разрядѣ земель неудобныхъ и, слѣдовательно, не подлежала никакому обложенію. Между тѣмъ въ составъ крестьянскихъ земель, оцѣненныхъ на талеры, входилъ весь, какъ обработанный, такъ и необработанный бушландъ, который въ качествѣ доходной земли былъ оцѣненъ гораздо выше, чѣмъ лѣса, и общая площадь котораго превосходила пространство пахотныхъ крестьянскихъ земель. При этихъ условіяхъ оказывалось, что крестьяне за извѣстное количество десятинъ бушланда, годнаго иногда лишь для пастьбы скота, платили государственнаго податного налога въ 5—6 разъ болѣе, чѣмъ помѣщики за такое же количество весьма цѣннаго и доходнаго лѣса.

Существовавшій тогда способъ отбыванія общественныхъ по-

винностей въ лифляндской губерніи являлся однимъ изъ наиболѣе характерныхъ остатковъ того общественнаго и земскаго строя, который имѣлъ мѣсто въ самомъ началѣ XIX-го столѣтія и совершенно не соотвѣтствовалъ позднѣйшимъ поземельнымъ отношеніямъ крестьянъ къ помѣщикамъ, а равно и отношеніямъ того и другого сословія къ земскимъ нуждамъ мѣстности. Особенность его заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что громадная часть земли, именуемой неподатною, была совершенно свободна отъ обложенія земскими сборами, и, во-вторыхъ, въ томъ, что, соразмѣрно количеству талеровъ земли податной, земскія повинности взыскивались въ весьма неравномъ размѣрѣ, какъ съ крестьянъ, такъ и съ помѣщиковъ, и притомъ независимо отъ того, находится ли податная земля имѣнія въ арендномъ пользованіи членовъ крестьянскихъ обществъ, или же она перешла въ ихъ собственность.

Денежныя земскія повинности по закону подлежали взиманію лишь съ собственниковъ податной земли, т.-е. или съ помѣщиковъ, или съ крестьянъ, купившихъ земельные участки. Крестьяне же арендаторы этихъ земель не могли быть облагаемы денежными сборами (ст. 134 Полож. 1860 г.), но на дѣлѣ этотъ законъ обходился тѣмъ, что арендаторы податныхъ земель, въ силу контрактовъ, заключенныхъ съ помѣщиками, принимали на себя обязанность отбывать всѣ повинности, слѣдовательно въ томъ числѣ и денежныя земскія, что, впрочемъ, иначе и быть не могло, такъ какъ всѣ условія аренды опредѣлялись помѣщиками. Такимъ образомъ, денежные земскіе сборы фактически лежали всецѣло на крестьянахъ, а съ переходомъ въ собственность ихъ остальной части податныхъ земель дворянство перестало быть даже и фиктивнымъ плательщикомъ означенныхъ повинностей. Между тѣмъ денежные земскіе сборы достигали весьма значительной цифры—по росписи на 1883 годъ, 127.000 р.—и, будучи обязательными, расходовались на общія нужды губерніи.

Всѣ натуральныя земскія повинности распредѣлялись между помѣщиками и крестьянами соразмѣрно количеству талеровъ податной земли каждаго имѣнія, вообще такимъ образомъ, что помѣщики отпускали необходимый для удовлетворенія той или другой общественной потребности матеріалъ, а крестьяне подвозили его къ мѣсту назначенія и выставляли требуемое количество работниковъ. Что касается содержанія духовенства и служителей лютеранской церкви, а также и содержанія почтовой станціи, то какъ помѣщики, такъ и крестьяне отпускали необходимое для того количество зерна и другихъ продуктовъ.

Общій размѣръ этихъ повинностей (за исключеніемъ дорожной), по переложеніи стоимости ихъ для крестьянъ натурою (поставками и работою) на деньги, составлялъ, по полученнымъ для 300 волостей свѣдѣніямъ, ежегодно до 160.000 руб., а слѣдовательно для всей губерніи, приблизительно, 400.000 руб.

По отношенію же дорожной повинности, заключающейся въ поправкѣ дорогъ, расчисткѣ ихъ отъ снѣга и въ устройствѣ и исправленіи различныхъ дорожныхъ сооруженій, каковы мосты, гати, переправы и проч., нужно сказать, что она представлялась особенно обременительною для крестьянъ, тѣмъ болѣе, что распредѣленіе ея между помѣщиками и крестьянами оказывалось крайне неравномѣрнымъ, такъ какъ первые отпускали лишь матеріалъ для поправки дорогъ, какъ, напримѣръ, камень, песокъ, бревна, гвозди и проч., а послѣдніе подвозили этотъ матеріалъ и выставляли необходимое количество работниковъ.

Сводя къ одной общей суммѣ доставленныя представителями 300 лифляндскихъ волостей данныя о размѣрѣ всѣхъ платимыхъ крестьянами-хозяевами поземельныхъ повинностей и раздѣляя эту общую сумму на наличное число усадебъ, въ тѣхъ же волостяхъ находящихся, оказывалось, что на каждую крестьянскую усадьбу причиталось однихъ поземельныхъ налоговъ около пятидесяти рублей въ годъ. Имѣя затѣмъ въ виду, что средній размѣръ крестьянскаго участка составлялъ по оцѣнкѣ доходности его около 20 талеровъ, а по пространству около 50 десятинъ, считая въ томъ числѣ и неудобную землю, получался выводъ, что на каждый талеръ крестьянской земли, среднимъ числомъ, упадало ежегодно поземельныхъ налоговъ до $2^1/_2$ руб., а со включеніемъ денежныхъ земскихъ повинностей до 2 руб. 68 коп. на каждую десятину земли, на кругъ болѣе 1 руб., а на десятину удобной земли не менѣе $1^1/_2$ руб. При соразмѣрномъ съ этимъ обложеніи неподатной мызной земли, дворянству пришлось бы уплачивать за одну культурную часть ея, оцѣниваемую въ 312 тыс. талеровъ, болѣе 800 тыс. руб., помимо платежей, которыми могли бы быть обложены лѣса, позже свободные отъ обложенія, и часть бушланда, неправильно исключенная изъ оцѣнки на талеры при кадастрѣ мызныхъ земель въ семидесятыхъ годахъ.

V.

Сопоставляя главнѣйшія данныя объ обложеніи крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель въ лифляндской губерніи съ соотвѣтствую-

щими имъ данными для другихъ мѣстностей Россіи, нельзя было не замѣтить между ними слѣдующаго весьма невыгоднаго для крестьянскаго землевладѣнія въ названной губерніи различія:

1) Во всѣхъ другихъ россійскихъ губерніяхъ раскладка и взиманіе земскихъ повинностей производились исключительно всесословными земскими установленіями или распорядительными комитетами, причемъ большинство членовъ послѣднихъ составляли представители правительственной власти, не заинтересованные лично ни въ установленіи размѣра обложенія, ни въ опредѣленіи способа распредѣленія и взиманія этихъ повинностей; въ лифляндской же губерніи раскладка взиманія расходуемыхъ земскихъ сборовъ была предоставлена исключительно дворянскому сословію и производилась по нормамъ, имъ же установленнымъ.

2) Въ другихъ россійскихъ губерніяхъ обложенію земскими сборами подлежали всѣ удобныя земли, не исключая казенныхъ и удѣльныхъ, и при томъ безъ всякаго раздѣленія ихъ на податныя и неподатныя (ст. 11 и 12 Вр. Прав. для зем. учр. и Прил. къ 55 ст. т. IV Св. Зак. Уст. о зем. пов.); въ лифляндской же губерніи не менѣе $1^1/_2$ милліона десятинъ неподатныхъ помѣщичьихъ земель совершенно были изъяты отъ обязательнаго обложенія земскими повинностями, и дворянство уплачивало за нихъ лишь добровольные взносы, бо̀льшая часть которыхъ расходовалась на нужды дворянскаго же сословія.

3) Во всѣхъ другихъ россійскихъ губерніяхъ общимъ основаніемъ размѣра обложенія служатъ цѣнность и доходность облагаемыхъ имуществъ, находящихся въ данное время въ собственности того или другого физическаго или юридическаго лица (ст. 9 Вр. Пр. для зем. учр. по дѣл. о зем. пов.); въ лифляндской же губерніи владѣльцы дворянскихъ вотчинъ отбывали натуральныя общественныя повинности (почтовый фуражъ, сборъ на содержаніе лютеранскаго духовенства, отпускъ лѣса, песку и камня) и уплачивали часть денежныхъ расходовъ (наемъ мастеровъ при общественныхъ постройкахъ, покупка желѣза, стекла и проч.) соразмѣрно количеству талеровъ податной земли, бо̀льшая часть которой уже не находилась въ ихъ собственности по причинѣ продажи ея крестьянамъ и другимъ членамъ волостныхъ обществъ.

Лифляндское крестьянское и поземельное Уложеніе 1849 г., разрѣшивъ помѣщикамъ при окончательномъ разграниченіи мызныхъ и повинностныхъ земель отдѣлить 36 лофштелей пашни съ соотвѣтствующимъ количествомъ луговъ и выгоновъ отъ каждаго гака крестьянской земли, установило слѣдующія главныя правила и условія этого отдѣленія:

Во-первыхъ, повинностными землями признаны были всѣ оцѣненныя на талеры и гаки угодья, которыя, по регулированіи ихъ валкской межевой коммиссіей, предоставлены были въ началѣ столѣтія въ пользованіе крестьянъ (ст. 7 Улож. 1849 г.).

Во-вторыхъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ, послѣ произведеннаго валкскою межевою ревизіонною коммиссіею регулированія, крестьянскія дачи были уже обращены въ мызныя, — присоединенныя ранѣе 1849 г. пространства должны были быть приняты въ разсчетъ при прирѣзкѣ помѣщикамъ 36 лофштелей съ гака, т.-е., иначе говоря, подлежали вычету изъ общаго количества присоединяемыхъ земель (§ 9).

Въ-третьихъ, присоединяемая къ мызамъ доля повинностной или крестьянской земли, получившая названіе „квоты“ (quote — доля), сохраняла бы свое прежнее податное свойство, вслѣдствіе чего помѣщикъ, отбирая часть крестьянской земли, принималъ на себя и причитающуюся на эту землю часть общественныхъ повинностей соразмѣрно количеству талеровъ ея.

И, наконецъ, въ-четвертыхъ, отдѣленіе части крестьянской земли могло быть произведено не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго приходскаго суда, которому мыза въ теченіе года со дня изданія Крестьянскаго Уложенія обязана была указать, гдѣ и въ какой межѣ предполагалось отобрать присоединяемое къ мызнымъ дачамъ пространство. Независимо отъ того, въ теченіе того же годового срока должно было обозначить присоединенныя крестьянскія земли на планѣ имѣнія, а въ теченіе слѣдующихъ 5 лѣтъ провести границы между мызною и повинностною или крестьянскою землею въ натурѣ.

Присоединенная на этихъ основаніяхъ часть крестьянской земли поступала въ безусловное распоряженіе помѣщика. Что же касается остальной ея части, которая получила названіе повинностной, то ему же предоставлялось пользоваться ею не иначе, какъ путемъ отдачи ея въ аренду или продажи членамъ волостныхъ обществъ, но при этомъ за помѣщикомъ сохранялось право установлять по своему усмотрѣнію новое раздѣленіе повинностной земли и ея участковъ, измѣнять ихъ хозяйственное устройство и производить обмѣнъ угодій, къ тому или другому участку принадлежащихъ, лишь бы этимъ не нарушались контрактныя права отдѣльныхъ лицъ и крестьянское общество не устранялось отъ пользованія какою-нибудь долей повинностной земли (§ 127). Равнымъ образомъ помѣщику разрѣшалось производить и обмѣнъ участковъ повинностной земли на равноцѣнные участки мызной, однако не иначе, какъ съ добровольнаго, выраженнаго въ при-

ходскомъ судѣ и записаннаго въ протоколъ, согласія мѣстнаго крестьянскаго общества; при чемъ соразмѣрное достоинство участка, передаваемаго волости при обмѣнѣ, — въ видѣ равноцѣннаго вознагражденія, — должно было быть предварительно доказано суду межеваніемъ и оцѣнкою его доходности черезъ землемѣра. Предположенный обмѣнъ въ силу этого могъ быть совершенъ лишь съ разрѣшенія приходскаго суда, который составлялъ о томъ особый актъ или такъ называемый обмѣнный листъ (Austauschlist) (§§ 128 и 129).

Вопросъ о томъ, насколько правильно и согласно съ изложенными выше требованіями закона произведено было въ лифляндской губерніи дозволенное Уложеніемъ 1849 г. присоединеніе сказанной доли крестьянской земли, — остановилъ на себѣ особое вниманіе ревизіи, вслѣдствіе чего и въ виду многочисленныхъ жалобъ, поданныхъ какъ отдѣльными крестьянами, такъ и цѣлыми обществами, на неправильные захваты крестьянскихъ земель помѣщиками и уклоненія послѣднихъ отъ платежа повинностей, упадающихъ на податную мызную землю (квоту), предпринятъ былъ рядъ изслѣдованій по этому предмету въ трехъ уѣздахъ лифляндской губерніи. Изслѣдованія эти производились на мѣстахъ, сопровождаясь сличеніемъ древнихъ и новыхъ плановъ нѣсколькихъ частныхъ помѣщичьихъ и пасторатскихъ имѣній, разсмотрѣніемъ древнихъ и новыхъ вакенбуховъ, ревизорскихъ и землемѣрныхъ описаній земель, актовъ приходскихъ судовъ объ отдѣленіи квоты и объ обмѣнѣ участковъ мызной земли на повинностную и, наконецъ, разспросомъ крестьянъ, — и все это дало ревизіи достаточно основанія для заключенія о томъ, что при отдѣленіи указанной закономъ 1849 г. доли крестьянской земли (квоты) и при разграниченіи мызныхъ и повинностныхъ земель мѣстные помѣщики дозволяли себѣ различныя злоупотребленія, состоявшія какъ въ прирѣзкѣ въ свою пользу крестьянскихъ земель свыше мѣры, закономъ указанной, такъ и въ уклоненіи отъ платежа упадающихъ на присоединенную ими землю земскихъ и общественныхъ повинностей. Заключенія ревизіи основывались на томъ, что во всѣхъ десяти изслѣдованныхъ имѣніяхъ, взятыхъ на выдержку въ различныхъ частяхъ лифляндской губерніи, изложенныя выше требованія закона 1849 г. или вовсе не были исполнены, или же исполнялись далеко не во всей ихъ точности. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ разрѣшеніе приходскаго суда на отдѣленіе квоты получено не въ теченіе перваго года со дня изданія Уложенія, какъ того требовалъ законъ, а пять, шесть лѣтъ спустя; въ другихъ — квота отдѣлена безъ вся-

каго разрѣшенія приходскаго суда; въ нѣсколькихъ имѣніяхъ обмѣнъ участковъ мызной земли на повинностную произведенъ безъ согласія крестьянскаго общества, безъ предварительнаго обмежеванія и оцѣнки этихъ участковъ чрезъ землемѣра и безъ составленія надлежащаго судебнаго акта; въ иныхъ—при отдѣленіи квоты не приняты въ разсчетъ отрѣзки земли, имѣвшія мѣсто до 1849 г., и квота присоединена къ мызнымъ землямъ во всемъ ея объемѣ; въ нѣкоторыхъ — сверхъ квоты незаконно присоединена значительная часть крестьянской земли, въ особенности лучшіе покосы, ближайшія къ мызнымъ крестьянскія пашни и нѣкогда находившіяся въ пользованіи крестьянъ обработанныя „кустовыя“ земли среди лѣсовъ. Наконецъ, въ большей части изслѣдованныхъ имѣній, за присоединенныя въ качествѣ квоты и въ особенности до 1849 г. земли, мызы не уплачивали всѣхъ причитающихся на нихъ общественныхъ повинностей, а земли, присоединенныя сверхъ квоты и безъ всякихъ законныхъ основаній, обыкновенно обращались помѣщиками въ неподатныя.

VI.

Всѣ эти указанныя ревизіею злоупотребленія, встрѣчаясь, съ одной стороны, какъ въ крупныхъ, такъ и въ менѣе обширныхъ имѣніяхъ, а съ другой—какъ въ частныхъ дворянскихъ, такъ и въ пасторатскихъ, вызывали заслуживающія вниманія жалобы на нихъ со стороны крестьянскихъ обществъ, которыя, однако, лишь въ немногихъ случаяхъ достигали законнаго удовлетворенія со стороны небезпристрастныхъ сословныхъ судебныхъ мѣстъ, склонныхъ потворствовать интересамъ помѣщиковъ (своихъ избирателей) и подчиняться ихъ вліянію. Между тѣмъ, произвольное отобраніе крестьянскихъ земель и обращеніе ихъ въ неподатныя, сокращая площадь крестьянскаго землевладѣнія и уменьшая платежные источники поселянъ, тѣмъ самымъ усиливали экономическія затрудненія народа и глубоко оскорбляли его нравственное чувство. Незаконныя урѣзки крестьянскихъ земель, подобно тому, какъ это было и въ 40-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, являются одною изъ главныхъ причинъ недовольства и глухого раздраженія крестьянъ противъ помѣщиковъ и въ связи со многими другими неблагопріятными для крестьянъ условіями землевладѣнія,—по мнѣнію ревизіи,—„*могутъ сопровождаться въ будущемъ весьма нежелательными и трудно поправимыми послѣдствіями*“.

Крупный недостатокъ закона 1849 состоялъ не только въ томъ, что дворянству разрѣшалось отдѣленіе такой значительной части крестьянской земли, относительно размѣровъ которой правительство, повидимому, не располагало въ то время надлежащими, хотя бы приблизительными свѣдѣніями, но еще и въ томъ, что самое отдѣленіе ея и вообще разграниченіе мызной земли отъ крестьянъ предоставлено было исключительному вѣдѣнію и наблюденію мѣстныхъ дворянскихъ властей, помимо всякаго участія въ томъ органовъ правительственной власти. Дѣло было далеко не легкое, требовавшее большой осмотрительности; оно близко затрогивало взаимно противоположные интересы крестьянъ и помѣщиковъ, а между тѣмъ, устроить это дѣло призвано было одно — господствующее въ краѣ, различное отъ крестьянъ по національности и издавна презрительно къ нимъ относившееся — сословіе, болѣе склонное, притомъ, къ преслѣдованію своихъ особыхъ цѣлей и выгодъ и къ поддержанію всецѣло своего привилегированнаго положенія, болѣе, чѣмъ къ дѣйствіямъ, соотвѣтствующимъ видамъ и цѣлямъ высшаго правительства, сообразно съ пользами общегосударственными и съ справедливымъ удовлетвореніемъ законныхъ правъ и потребностей большинства населенія. Не удивительно поэтому, что въ данномъ случаѣ многіе изъ членовъ дворянскаго сословія и избираемые дворянствомъ органы власти не оказались на высотѣ предстоявшей имъ задачи и пренебрегли урокомъ исторіи, выразившимся въ прискорбныхъ событіяхъ сороковыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Вообще, не путемъ справедливости и удовлетворенія законныхъ жалобъ крестьянъ старались и продолжали стараться они устранить ропотъ и недовольство сельскаго населенія и всякіе къ тому поводы, но путемъ угнетенія и суровыхъ мѣръ, искусно и успѣшно прикрывая, притомъ, существующія мѣстныя аграрныя нестроенія и злоупотребленія при посредствѣ неправды и особыхъ, — можно сказать, традиціонныхъ, — въ теченіе долгаго ряда лѣтъ выработанныхъ пріемовъ.

При производствѣ ревизіи неоднократно обнаруживались случаи, въ коихъ попытки крестьянъ путемъ законныхъ свидѣтельствъ возстановить правильныя границы крестьянской земли или нарушенное помѣщиками податное свойство присоединенной земли — вызывали удаленіе, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, изъ усадебъ наиболѣе энергичныхъ и стоящихъ въ хозяйствахъ за общіе интересы арендаторовъ и значительное возвышеніе арендной платы для остальныхъ членовъ общества.

Въ виду всего вышеизложеннаго, ревизія сочла долгомъ, въ заключеніе, снова представить со стороны крестьянскихъ обществъ

просьбы о томъ, чтобы вопросы объ отдѣленіи „квоты", разграниченіи мызныхъ и повинностныхъ земель и о правильномъ и уравнительномъ распредѣленіи общественныхъ повинностей, причитающихся съ крестьянскихъ и съ присоединенныхъ къ мызамъ податныхъ земель, подвергнуты были спеціальному изслѣдованію правительственной, составленной изъ русскихъ должностныхъ лицъ, ревизіонной коммиссіи, которая по примѣру прежде дѣйствовавшихъ правительственныхъ коммиссій могла бы оградить въ означенномъ отношеніи законныя права и справедливыя домогательства сельскаго населенія.

Независимо отъ вышеизложеннаго, ревизія признавала необходимымъ доложить и о томъ, что незаконные захваты крестьянскихъ угодій весьма удобно прикрывались при помощи принятаго въ лифляндской губерніи счета земель на талеры. Такъ какъ помѣщику не возбранялось закономъ производить во всякое время переоцѣнку крестьянскихъ участковъ, то, присоединивъ часть ихъ къ мызнымъ угодьямъ, онъ возвышалъ число талеровъ остальной крестьянской земли и тѣмъ самымъ прикрывалъ дѣйствительную убыль ея. Таксація или оцѣнка крестьянскихъ земель въ лифляндской губерніи со времени закрытія валкской межевой коммиссіи производилась исключительно частными землемѣрами, считавшимися на службѣ у дворянства, безъ всякаго правительственнаго контроля. Поэтому, и при отсутствіи твердыхъ и точныхъ правилъ означенной оцѣнки, достаточно было признать тотъ или другой участокъ пашни или покосовъ лучшимъ, чѣмъ онъ былъ прежде, по его качествамъ, или, иначе говоря, возвести его въ высшіе градусы,—и число талеровъ увеличивалось на столько, на сколько это было желательно землемѣру или помѣщику. То же самое достигалось и произвольнымъ включеніемъ въ талерную оцѣнку неудобныхъ крестьянскихъ земель, которыя не даютъ никакого дохода и которыя поэтому такой оцѣнкѣ подлежать не должны.

Устранить такія злоупотребленія было бы возможно, по мнѣнію ревизіи, установленіемъ правила, чтобы въ лифляндской губерніи (подобно другимъ губерніямъ, въ томъ числѣ и курляндской) при совершеніи всѣхъ вообще касающихся земли актовъ или сдѣлокъ и при раскладкѣ падающихъ на нее сборовъ, количество составляющей предметъ акта или подлежащей обложенію земли было обозначаемо въ десятичной мѣрѣ (2400 кв. саж.).

Параллельно съ урѣзкою крестьянскихъ земель въ лифляндской губерніи производилось и во время ревизіи сокращеніе самостоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ. Размѣръ этого сокращенія, за отсутствіемъ необходимыхъ данныхъ, съ точностью опре-

дѣлить было тогда невозможно, но изъ разсмотрѣнія древнихъ и новыхъ вакенбуховъ, относившихся къ изслѣдованнымъ имѣніямъ, оказывалось, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ число самостоятельныхъ хозяевъ уменьшилось на цѣлые десятки.

Такой способъ обезземеленія части сельскаго населенія лифляндской губерніи, не вызываемый никакими хозяйственными потребностями помѣщиковъ, — которые располагали болѣе чѣмъ двумя милліонами мызной земли, — также возбуждалъ справедливое неудовольствіе крестьянъ, такъ какъ на все количество ихъ приходилось въ частныхъ имѣніяхъ лишь 25.000 самостоятельныхъ хозяевъ.

Обезземеленные крестьяне-хозяева, быть можетъ, скорѣе безропотно примирились бы съ отнятіемъ ихъ усадебъ, еслибы послѣднія отходили отъ нихъ для обезпеченія участи батраковъ, — какъ это постановлено было правительствомъ въ 1846 и 1860-хъ годахъ, — но отобранныя земли и усадьбы находились въ безусловномъ распоряженіи помѣщиковъ, причемъ значительная часть этихъ земель была непосредственно слита съ мызными угодьями, а часть крестьянскихъ усадебъ обращена въ мызныя служебныя постройки.

Изъ историческаго обзора судебъ крестьянства, какъ вообще въ Остзейскомъ краѣ, такъ и въ частности—въ лифляндской губерніи, видно, такимъ образомъ, что ревизія 1882 года имѣла цѣлью не только изслѣдовать отступленіе отъ дѣйствовавшаго въ то время закона 1860 года, но также и сравненіе положенія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, какъ оно сложилось на основаніи упомянутаго мѣстнаго закона 1860 года, — съ положеніемъ крестьянъ въ остальной имперіи, освобожденныхъ актомъ 19 февраля 1861 года. Различіе такого положенія выступало съ очевидностью, и, конечно, далеко не въ пользу остзейскаго крестьянства. Отчетъ сенаторской ревизіи послужилъ впослѣдствіи поводомъ къ нѣкоторому улучшенію быта остзейскихъ крестьянъ, но его указанія, какъ мы уже замѣтили выше, были далеко не всѣ использованы, и потому неудивительно, если въ наше время сбылись вышеприведенныя слова ревизіи о томъ, что неблагопріятныя для лифляндскихъ крестьянъ условія землевладѣнія „могутъ сопровождаться въ будущемъ весьма нежелательными и трудно поправимыми послѣдствіями“.

Н. М.

КЛАРИССА МИРАБЕЛЬ

РАЗСКАЗЪ.

— Jakob Wassermann, Clarissa Mirabel (Die Schwestern). Berl. 1906.

I.

Въ маленькомъ городѣ Родесѣ, въ западной части Севеннъ, проживалъ нѣкій адвокатъ Фуальдесъ, человѣкъ самъ по себѣ незначительный. Это былъ уже старикъ, но онъ только недавно пересталъ брать дѣла, и обстоятельства его были настолько плохи, что въ началѣ 1817 года ему пришлось продать свое помѣстье Ла-Морнъ. На вырученныя деньги онъ хотѣлъ поселиться гдѣ-нибудь въ тихомъ мѣстѣ и жить своею рентой. Однажды вечеромъ, девятнадцатаго марта, онъ получилъ отъ покупателя помѣстья, предсѣдателя суда Сегюрэ, остатокъ слѣдовавшей ему суммы бумагами и векселями. Онъ заперъ бумаги въ письменный столъ, затѣмъ ушелъ изъ дому и сказалъ экономкѣ, что долженъ еще разъ отправиться въ Ла-Морнъ, для необходимыхъ переговоровъ съ арендаторомъ.

Но онъ не попалъ въ Ла-Морнъ и не вернулся къ себѣ въ домъ. На слѣдующее утро, жена одного портного изъ деревни Авейронъ увидала его трупъ, лежавшій на отмели рѣки, побѣжала въ Родесъ и стала звать людей.

Скалистый берегъ былъ въ томъ мѣстѣ очень крутъ и вышиной болѣе чѣмъ въ двѣнадцать метровъ. На узкой тропинкѣ, которая вела изъ Родеса въ виноградники, оторвался большой кусокъ земли; очевидно, это и было причиной паденія въ рѣку несчастнаго Фуальдеса. Наканунѣ шелъ сильный дождь, и, по

свидѣтельству нѣсколькихъ винодѣловъ, земля сверху уже давно разрыхлѣла. Но страннымъ образомъ на шеѣ мертвеца оказалась глубокая рана; впрочемъ и это объяснялось тѣмъ, что среди камней обрыва торчали всюду острыя грифельныя плиты. При освидѣтельствованіи стѣны, не было найдено слѣдовъ крови на камняхъ и землѣ; дождь все смылъ.

Вѣсть о случившемся быстро разнеслась по городу, и въ теченіе цѣлаго дня двѣсти или триста жителей Родеса, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, стояли, какъ прикованные, по обоимъ берегамъ рѣки и заглядывали съ жаднымъ любопытствомъ и пріятной дрожью ужаса въ глубину пропасти. Разсуждали о томъ, не свелъ ли старика съ пути блуждающій огонекъ. Одна женщина сказала, что знакомый ей пастухъ слышалъ крики о помощи,—но это было уже около полуночи, а Фуальдесъ вышелъ изъ дому въ восемь часовъ. Толстый гончаръ доказывалъ, что ночь была вовсе не такая темная, какъ думаютъ: онъ самъ шелъ черезъ поле изъ Ла-Валеттъ въ девять часовъ, и тогда свѣтилъ мѣсяцъ. На это таможенный смотритель сердито заявилъ, что вчера было какъ разъ новолуніе,—стоило заглянуть въ календарь, чтобъ убѣдиться. Но гончаръ только пожалъ плечами, какъ бы говоря, что въ такія времена нельзя довѣрять даже календарю.

Когда наступили сумерки, всѣ стали расходиться по домамъ, попарно или маленькими группами; одни разговаривали, другіе молчали; иные спорили или таинственно шептались. Подобно тому, какъ собаки, когда что-нибудь возбуждаетъ ихъ подозрѣніе, начинаютъ кружить вокругъ одного и того же мѣста, и жадное любопытство этихъ людей искало все новой пищи. Они зорко вглядывались во все вокругъ и прислушивались съ особымъ вниманіемъ къ каждому произнесенному кѣмъ-нибудь слову. Нѣкоторые стали недовѣрчиво коситься другъ на друга. У кого были деньги въ домѣ, тотъ закрывалъ двери на запоръ и пересчитывалъ свое богатство. По вечерамъ во всѣхъ пивныхъ разсказывали о несмѣтныхъ богатствахъ, скопленныхъ за долгіе годы скупымъ Фуальдесомъ. Говорили, что помѣстье свое Ла-Морнъ онъ только потому продалъ, что не рѣшался взыскивать по суду арендную плату съ сильно задолжавшаго ему арендатора Грамона, который приходился ему племянникомъ.

Каждое произнесенное слово останавливалось выжидательно на губахъ сказавшаго и влекло за собой другое, необдуманное. Уже установлено было, какъ нѣчто несомнѣнное, что Фуальдеса, либерала и протестанта, состоявшаго на государственной службѣ

при имперіи, давно преслѣдовали угрозами противъ жизни. Вступившія на путь подозрѣній мысли усердно продолжали ткать пряжу страха. Тѣ, которые еще вѣрили въ несчастный случай, не высказывали своихъ доводовъ, чтобы не навлечь подозрѣнія на самихъ себя. Уже называли цѣлый рядъ заговорщиковъ, принадлежавшихъ сплошь къ зазнавшейся партіи легитимистовъ. Слѣпая вражда указывала на іезуитовъ, какъ на истинныхъ виновниковъ темнаго дѣянія. Правосудіе всегда медлитъ,—говорили въ городѣ, — когда преступники пользуются покровительствомъ вліятельныхъ людей.

Весеннее солнце слѣдующаго дня освѣтило напряженныя, возбужденныя лица обезпокоенныхъ гражданъ. Тревога постепенно разгоралась. Роялисты начали опасаться за сохранность своего имущества. Отчасти изъ чувства самообороны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подъ гипнозомъ общаго волненія, порожденнаго неизвѣстностью, они тоже соглашались съ предположеніемъ о совершенномъ преступленіи. Но какъ? и гдѣ? и кѣмъ?

Извѣстно, что сапожники отличаются исключительно хорошей памятью и живымъ, пытливымъ умомъ. Сапожникъ Эскарбефъ сталъ собирать вокругъ себя сосѣдей и друзей и велъ съ ними бесѣды. Оказалось, что онъ ясно помнитъ слова доктора при вскрытіи трупа: онъ стоялъ рядомъ съ докторомъ и слышалъ все отъ слова до слова.

— Положительно можно подумать, что его зарѣзали,—вотъ что̀ сказалъ съ удивленіемъ докторъ, разсматривая рану на шеѣ Фуальдеса.

— Зарѣзали? Да что̀ ты говоришь?—воскликнулъ одинъ изъ слушателей.

— Да, зарѣзали! — повторилъ сапожникъ торжествующимъ тономъ.

— Но вѣдь говорятъ, что къ ранѣ прилипъ песокъ,—робко возразилъ кто-то.

— Ну, что̀ тамъ песокъ!—горячился сапожникъ: — что доказываетъ песокъ?

— Песокъ, дѣйствительно, ничего не доказываетъ,—согласились всѣ.

И уже въ полдень, во всѣхъ домахъ по сосѣдству говорили съ полной увѣренностью, что Фуальдеса зарѣзали. Это слово создавало осязательный образъ, и неугомонные языки обрадовались ему.

По таинственному стеченію обстоятельствъ, какъ разъ въ тотъ самый роковой вечеръ, ночной сторожъ нашелъ передъ

домомъ Банкаля, отдѣленнаго отъ дома адвоката Фуальдеса темной маленькой улицей Ламбрагъ, палку съ набалдашникомъ изъ слоновой кости и съ золотымъ ободкомъ. Палку эту онъ снесъ въ полицію. Экономка Фуальдеса, старая, глухая женщина, признала эту палку собственностью своего господина; ея увѣренность оказалась неопровержимой. Впослѣдствіи выяснилось, что палка принадлежала одному проѣзжему купцу, который прокутилъ ночь съ женщинами. Но съ этого момента все вниманіе сосредоточилось сразу на домѣ Банкаля; полуразрушенный, мрачный домъ съ грязными сырыми углами имѣлъ дурную славу. Прежде онъ принадлежалъ рѣзнику, и на дворѣ еще до сихъ поръ держали свиней. Туда приходили для тайныхъ любовныхъ свиданій, и обычными его посѣтителями были солдаты, контрабандисты и подозрительныя женщины. Иногда, впрочемъ, туда торопливо входили дамы подъ густыми вуалями и хорошо одѣтые мужчины. Въ нижнемъ этажѣ жили, кромѣ четы Банкаль, еще отставной солдатъ Коларъ и его возлюбленная, дѣвица легкаго поведенія Бедосъ и горбатый Мисонье. Наверху жилъ старый испанецъ, политическій эмигрантъ Сааведра съ женой.

Днемъ, двадцать-перваго марта, солдатъ Коларъ стоялъ на углу улицы Ламбрагъ и наигрывалъ на флейтѣ однообразную мелодію, которую слышалъ отъ пиренейскихъ пастуховъ. По улицѣ проходилъ въ это время лавочникъ Галтье. Онъ остановился, сдѣлалъ видъ, что слушаетъ, но вскорѣ прервалъ музыканта и строго сказалъ:

— Что̀ это ты, Коларъ, дѣлаешь видъ, точно ничего не знаешь? Развѣ ты не слыхалъ, что Фуальдеса убили именно у васъ въ домѣ?

Коларъ отвелъ рукой щетинистые усы отъ губъ и отвѣтилъ, что онъ и Мисонье были въ тотъ вечеръ въ кабачкѣ у Розы Фераль, рядомъ съ домомъ Банкаля. — Если бы я услышалъ шумъ,—хвастливо сказалъ онъ,—то ужъ навѣрное пришелъ бы спасать. У меня вѣдь есть два ружья.

— А кто же еще былъ у Розы Фераль? — продолжалъ выспрашивать лавочникъ. Коларъ подумалъ и назвалъ Баха и Бускье, двухъ извѣстныхъ контрабандистовъ. — Не сдобровать теперь этимъ бродягамъ,—сказалъ лавочникъ. — А ты, Коларъ, пойдемъ со мной. Сегодня хоронятъ бѣднаго Фуальдеса, и не слѣдъ играть на флейтѣ.

Какъ только они вышли на главную улицу, гдѣ уже собралась многочисленная толпа, къ нимъ присоединился Бускье. Онъ велъ себя очень странно,—то смѣялся, то покачивалъ головой,

то глядѣлъ въ пространство съ идіотскимъ видомъ. Коларъ искоса взглянулъ на него, а лавочникъ, всецѣло поглощенный мыслью объ убійствѣ, сталъ зорко слѣдить за контрабандистомъ; его странное поведеніе казалось ему проявленіемъ нечистой совѣсти. И другіе тоже стали поглядывать на Бускье, и всѣмъ вдругъ стало ясно, что если кто-нибудь можетъ знать о преступленіи, совершенномъ въ домѣ Банкаля, то это именно Бускье. Взволнованный Галтье прямо спросилъ его громкимъ голосомъ, что онъ знаетъ объ убійствѣ. Бускье былъ слегка подъ хмелькомъ; непривычный видъ шумной толпы еще болѣе его возбуждалъ; онъ былъ нѣсколько смущенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почувствовалъ себя вдругъ важной особой. Сначала онъ дѣлалъ видъ, точно ему не хочется сказать то, что онъ знаетъ, но потомъ онъ разсказалъ съ очень торжественной обстоятельностью, что въ ночь, когда совершилось преступленіе, его позвалъ табачный торговецъ, одѣтый въ синій сюртукъ. Три раза посылалъ за нимъ этотъ незнакомецъ, и когда онъ, наконецъ, пришелъ, то ему дали понести тяжелый тюкъ; за это онъ получилъ золотой.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, на лицѣ его усиливалось выраженіе испуга. Онъ сталъ постепенно понимать, что можетъ выйти изъ его болтовни. Слушатели обступили его тѣснымъ кругомъ, и изъ толпы раздался пронзительный голосъ: — Въ тюкѣ-то навѣрное и былъ упрятанъ трупъ.

У Бускье былъ встревоженный видъ. Ему пришлось нѣсколько разъ начинать сначала, и пристальные взоры окружающихъ понуждали его къ изобрѣтенію новыхъ мелкихъ подробностей; такъ, онъ сообщилъ, напримѣръ, что табачный торговецъ вдругъ непонятнымъ образомъ исчезъ, и что у него была на лицѣ черная маска. — „Куда же онъ велѣлъ тебѣ понести трупъ?“ — спросилъ Галтье, стиснувъ зубы. Бускье въ ужасѣ замолчалъ; потомъ, оробѣвъ отъ множества угрожающихъ взглядовъ, тихо сказалъ: — „Къ рѣкѣ“.

Черезъ два часа его арестовали и посадили въ тюрьму. Въ тотъ же вечеръ еще его привели къ слѣдователю, Жозіону. Несчастный увидѣлъ тогда, что дѣло приняло серьезный оборотъ, что его болтовня превратилась въ свидѣтельское показаніе, что каждое его слово записывается, и что ему придется платиться за него свободой, а можетъ быть даже жизнью. Его охватилъ страхъ. Онъ сталъ отрицать исторію съ табачнымъ продавцомъ и тяжелымъ тюкомъ, а когда слѣдователь разсердился, то онъ окончательно замолкъ. Когда его привели обратно въ его камеру, онъ впалъ въ угрюмое молчаніе. — Не скупись на слова, Бускье, —

сказалъ ему сторожъ,—не томи начальство; если заупрямишься, плохія тебѣ придется провести ночи.

Бускье печально покачалъ головой въ отвѣтъ. Сторожъ принесъ толстую книгу. Самъ онъ былъ неграмотенъ, и потому позвалъ другого заключеннаго. Тотъ и прочелъ мѣсто закона, по которому явствовало, что человѣку, ставшему свидѣтелемъ преступленія противъ воли и чистосердечно въ этомъ сознавшемуся, полагается въ наказаніе только одинъ годъ тюрьмы. Сторожъ поднесъ фонарь къ желтому лицу читавшаго и ободрительно кивалъ головой Бускье. Отъ ужаса Бускье сталъ читать „Отче нашъ“. Сильно встревоженный, ища какого-нибудь выхода, онъ сказалъ наконецъ, что все дѣйствительно было такъ, какъ онъ разсказалъ, но что табачный торговецъ далъ ему не золотой, а только нѣсколько серебряныхъ монетъ. Онъ повторилъ это признаніе слѣдователю, котораго, несмотря на поздній часъ, призвали къ нему въ тюрьму.

На слѣдующее утро, весь Родесъ зналъ о признаніи Бускье. Такимъ образомъ, для всѣхъ стало несомнѣннымъ, что Фуальдеса дѣйствительно зарѣзали въ домѣ Банкаля, а трупъ его ночью снесли къ рѣкѣ. Тогда вдругъ раскрылись уста, которыя до того замыкалъ страхъ. Кто-то—кто именно, нельзя было дознаться,—сказалъ, что видѣлъ мелькающія тѣни людей передъ домомъ купца Констанса. Видѣлъ онъ также, какъ эти люди, пройдя нѣсколько шаговъ, остановились и стали шептаться; тогда, чувствуя, что готовится нѣчто ужасное, онъ поспѣшилъ убѣжать. Тщетно пытались разыскать этого свидѣтеля; его голосъ быстро затерялся среди другихъ голосовъ; но все же онъ сдѣлалъ свое—начертилъ невидимой рукой первый набросокъ картины ночного шествія. Фантазія каждаго въ отдѣльности разрисовывала себѣ эту сцену. Всѣмъ ясно представлялся самый трупъ на носилкахъ. Носилки описывались съ точностью, точно онѣ составляли особенность таинственнаго убійства. Одинъ столяръ нарисовалъ ихъ даже мѣломъ на стѣнѣ ратуши. Одна дама, страдавшая безсонницей, заявила, что сидѣла всю ночь у окна, и что, несмотря на темноту, узнала Банкаля и солдата Колара, которые несли носилки за переднія перекладины. Затѣмъ она слышала, какъ ругался рабочій Мисонье, замыкавшій шествіе. Когда ее сталъ допрашивать слѣдователь, показанія ея сдѣлались сбивчивыми, что, конечно, объяснялось ея понятнымъ волненіемъ. Однажды произнесенныя слова оставались; ихъ дѣйствіе зависѣло уже потомъ отъ особенности обстоятельствъ. То, что съ легкостью говорилось случайному слушателю, ложилось на его сознаніе

тяжестью его собственной вины, и онъ быстро старался свалить съ себя эту тяжесть и скорѣе передать ее дальше; казалось, что слова обожгутъ ему языкъ, если онъ замедлитъ передать ихъ дальше. Можетъ быть, именно эта дама, страдавшая безсонницей, а можетъ быть многоустная молва включила въ картину ночного шествія убійцъ новое лицо—высокаго, широкоплечаго человѣка, съ двустволкой въ рукахъ; онъ будто бы шелъ во главѣ шествія. Такимъ образомъ, въ сѣрой тусклой пряжѣ сталъ обозначаться центральный пунктъ; все освѣтилось и оживилось возможной и вполнѣ постижимой преступностью одного человѣка. Прошло еще двѣнадцать часовъ, и уже каждый ребенокъ въ городѣ зналъ въ точности составъ ночного шествія: впереди шелъ высокій, сильный человѣкъ съ двустволкой; затѣмъ Банкаль и Коларъ, Бахъ и Бускье несли носилки, а горбатый Мисонье шелъ позади въ качествѣ караульщика. У послѣднихъ домовъ въ городѣ, дорога къ рѣкѣ становилась узкой и крутой; нельзя было идти по-двое въ рядъ. Бускье и Коларъ понесли трупъ одни, и тогда-то Бускье—именно Бускье, а не Мисонье—сталъ громко ругаться и разбудилъ своимъ крикомъ лиценціата Кулона, который проснулся и позвалъ лакея. У крутого мѣста передъ подъемомъ въ виноградники трупъ вынули изъ тюка и бросили въ воду. Послѣ этого высокій, сильный человѣкъ, грозя ружьемъ, взялъ съ соучастниковъ клятву вѣчнаго молчанія.

Этотъ поступокъ окончательно выдвинулъ незнакомца съ двустволкой изъ тумана легендарнаго и чисто декоративнаго существованія только въ качествѣ живописной подробности картины. Его угрожающій жестъ проливалъ свѣтъ на многое. Все, что случилось послѣ убійства, пріобрѣло теперь точныя очертанія и движенія. Но неужели ничей взоръ не провожалъ бѣднаго Фуальдеса на его послѣднемъ пути, неужели никто не видѣлъ, какъ онъ, ничего не подозрѣвая, ушелъ изъ дому и, можетъ быть, даже весело насвистывалъ, идя по темной улицѣ Ламбрагъ, гдѣ навѣрное подкарауливали его сообщники убійцы? Оказалось, что были люди, видѣвшіе его. Тотъ же лиценціатъ, который испуганно проснулся ночью отъ ругани Бускье, видѣлъ, какъ старикъ повернулъ на улицу Ламбрагъ въ восемь часовъ вечера, и какъ вскорѣ послѣ того кто-то поспѣшно послѣдовалъ за нимъ,—мужчина ли или женщина, этого онъ не помнилъ. Затѣмъ объявился слесарный подмастерье, говорившій, что будто бы онъ видѣлъ людей, стоявшихъ передъ домомъ мэра: они дѣлали другъ другу условные знаки. Домъ мэра находился, правда, на противоположномъ концѣ города, но это не имѣло значенія въ столь

широко задуманномъ заговорѣ; имѣлось свидѣтельство одного кучера о томъ, что онъ въ одиннадцать часовъ видѣлъ на улицѣ Эбдомадье двухъ неподвижно стоявшихъ людей. Теперь и многіе, жившіе на этой улицѣ, стали вспоминать, что они дѣйствительно слышали шептанье, покашливанье и крики. Но, конечно, ничего не подозрѣвая, они не обратили на это вниманія. Считалось уже несомнѣннымъ, что убійцы разставили караульныхъ на всѣхъ углахъ; кто-то даже замѣтилъ женщину, стоявшую на стражѣ у воротъ ремесленной управы. Портной Бростъ увѣрялъ, что онъ яснѣе всѣхъ другихъ слышалъ шопотъ или стонъ. Онъ тогда будто бы открылъ окно и увидалъ, что вокругъ дома Банкаля ходятъ пять-шесть человѣкъ, и среди нихъ одинъ очень большой и сильный. Гораздо позже, въ тотъ же вечеръ, его сосѣдъ увидалъ, что кого-то тащатъ по мостовой. Онъ подумалъ, что это ведутъ въ полицію какую-нибудь пьяную уличную женщину, и не придалъ значенія шуму. Но знаменательнѣе этихъ смутныхъ слуховъ было то обстоятельство, что на улицѣ Эбдомадье въ тотъ вечеръ играла шарманка между десятью и одиннадцатью часами вечера. Цѣль игры была ясная: заглушить предсмертные крики жертвы. Вскорѣ выяснилось, что шарманщиковъ было тамъ, по крайней мѣрѣ, два. Одинъ изъ нихъ, калѣка, пріютился передъ самымъ поворотомъ на улицу Ламбрагъ. Правда, въ тотъ день была ярмарка въ Родесѣ, и присутствіе шарманщиковъ въ городѣ не представляло ничего загадочнаго. Подозрительно было только то, что они играли въ такой поздній часъ. Иные даже говорили, что слышали звуки шарманки въ полночь. Стали искать музыкантовъ по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ, но они исчезли такъ же безслѣдно, какъ и подозрительный табачный торговецъ.

Затѣмъ сдѣланъ былъ обыскъ въ домѣ Банкаля, и одинъ полицейскій нашелъ на дворѣ бѣлый платокъ съ темными пятнами; въ тотъ же день арестовали чету Банкаль, солдата Колара, Баха, рабочаго Мисонье и повезли ихъ всѣхъ въ тюрьму, надѣвъ кандалы. Ихъ везли по улицамъ въ телѣгѣ, и они тупо глядѣли на толпу людей, которая окружила ихъ, яростно грозя имъ кулаками. Вѣсть о найденномъ на дворѣ платкѣ быстро облетѣла весь городъ. Что пятна на немъ кровяныя—не подлежало никакому сомнѣнію,—и само собой разумѣлось, что платокъ этотъ служилъ для того, чтобы заткнуть ротъ жертвѣ.

Несчастный Бускье совсѣмъ растерялся. Измученный допросами, запуганный угрозами, и еще подъ вліяніемъ лживыхъ обѣщаній скораго освобожденія, онъ съ каждымъ днемъ все

въ большемъ и большемъ сознавался. Его подгонялъ сторожъ, подгонялъ слѣдователь; на послѣдняго дѣйствовали, какъ удары кнута, нетерпѣніе и неистовство толпы и болтовня газетъ. Сначала Бускье какъ будто упирался. Но его прежнія показанія становились какъ бы кредиторами, извлекавшими изъ него ростовщическіе проценты лжи. А когда онъ точно утомился и уже не находилъ словъ, чтобы передать все, что видѣлъ и слышалъ, то слѣдователь сталъ помогать ему вопросами, въ которыхъ уже заключался требуемый отвѣтъ.

Такъ, онъ сознался, что пришелъ въ домъ Банкаля, и что въ комнатѣ были тогда супруги Банкаль, табачный торговецъ, солдатъ Коларъ, контрабандистъ Бахъ, двѣ молодыя женщины и дама подъ вуалью. Чѣмъ больше людей онъ называлъ, тѣмъ лицо слѣдователя становилось добрѣе, и тогда онъ сталъ бросать крохи за крохами, точно въ пасть голоднаго звѣря. Онъ зналъ приблизительно компанію, собиравшуюся у Банкаля, и дама подъ вуалью казалась ему добавленіемъ, которое возвыситъ его въ глазахъ слѣдователя. Но, по мнѣнію Жозіона, въ перечнѣ недоставало еще одного изъ главныхъ участниковъ, и онъ спросилъ Бускье, не забылъ ли онъ еще кого-нибудь. Бускье испугался и задумался.

— Подумай хорошенько, Бускье! — убѣждалъ его слѣдователь:—вѣдь твое утаиваніе можетъ довести тебя до висѣлицы. Скажи: не былъ ли тамъ также одинъ высокій, сильный человѣкъ?

Бускье понялъ, что это новое лицо необходимо. Въ его разстроенномъ воображеніи мелькали какія-то тѣни, безпорядочно метались какія-то фигуры, и нужно было дергать эти маріонетки, чтобы онѣ плясали — въ угоду его мучителямъ. На вопросъ о томъ, каковъ былъ съ виду высокій, сильный человѣкъ и какъ онъ былъ одѣтъ, Бускье отвѣчалъ:—Какъ важный господинъ.

Затѣмъ оставалось разсказать сцену убійства, оживить картину подробностями. Бускье уже признался, что на большомъ столѣ въ комнатѣ Банкаля лежалъ вовсе не тюкъ табаку, когда его позвали, а трупъ, что онъ хотѣлъ-было убѣжать, увидѣвъ это, но высокій, сильный человѣкъ остановилъ его и пригрозилъ пистолетомъ.

Слѣдователь покачалъ головой.

— Пистолетомъ? — спросилъ онъ. — Подумай хорошенько, Бускье: можетъ быть, это было ружье, можетъ быть это была двустволка?

„Ну, хорошо,—подумалъ Бускье въ бѣшенствѣ.—Ружье, такъ ружье. Мнѣ все равно“. Онъ кивнулъ головой, точно устыдившись

сказанной неправды, и продолжалъ разсказывать, какъ онъ долженъ былъ остаться у Банкаля, подъ страхомъ смерти, и какъ ему пришлось помогать убійцамъ. Мертвеца завернули въ большую простыню, перевязали веревками и положили на носилки. Эти носилки были придуманы Бускье при помощи тюремнаго сторожа. Но когда дѣло дошло до описанія похороннаго шествія, измученный Бускье обезсилѣлъ и растерялся. Когда его еще разъ повели на допросъ поздно вечеромъ, — ночь и тусклое освѣщеніе свѣчами въ пустой залѣ всегда сильно вліяли на него, — то онъ неожиданно отъ всего отказался, сталъ плакать, кричать, молиться и велъ себя совершенно безумно. Чтобы ободрить и успокоить его, Жозіонъ рѣшилъ прибѣгнуть къ очень простому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣлому средству. Онъ сказалъ, что Бахъ и Коларъ тоже сознались, и выразилъ радость по поводу того, что ихъ показанія сходятся съ показаніями Бускье.—Такимъ образомъ,—сказалъ онъ,—если Бускье будетъ вести себя благоразумно, то скоро можно будетъ выпустить его изъ тюрьмы.

Бускье пришелъ въ ужасъ отъ словъ слѣдователя. Онъ поблѣднѣлъ и почувствовалъ ознобъ во всемъ тѣлѣ. Впечатлѣніе было такое, точно какой-то дикій сонъ вдругъ оказался несомнѣнной дѣйствительностью, или что разсказанная въ пьяномъ видѣ выдуманная исторія вдругъ подтверждается со всѣми подробностями. Странная тоска охватила Бускье; ему сдѣлалось страшно оставаться одному въ камерѣ, и онъ боялся уснуть.

Весь Родесъ внималъ съ волненіемъ показаніямъ Бускье. Наконецъ, фигура незнакомца съ двустволкой стала обозначаться въ реальныхъ очертаніяхъ. То, что у него былъ видъ важнаго господина, возбуждало негодованіе народной массы, и партія легитимистовъ, состоявшая преимущественно изъ богатыхъ и знатныхъ, стала дрожать отъ страха. Вѣроятно, въ ихъ средѣ назвали впервые имя, которое произнесено было сначала очень осторожно, потомъ уже безъ стѣсненія, и, наконецъ, виновника стали называть совершенно открыто. Изъ полосы тумана образовалась грозовая туча и остановилась, сверкая молніями, надъ головой мнимаго убійцы. Извѣстно было, что Бастидъ Грамонъ, арендаторъ помѣстья Ла-Морнъ, несмотря на свое родство съ адвокатомъ Фуальдесомъ, враждовалъ со старикомъ, или, во всякомъ случаѣ, находился въ тягостной зависимости отъ него, какъ его неоплатный должникъ. Всѣ знали — или такъ, по крайней мѣрѣ, всѣмъ казалось,—что между дядей и племянникомъ происходили часто бурныя сцены. Развѣ это не достаточный мотивъ для преступленія? Принимался также въ соображеніе рѣзкій, властный

характеръ Бастида, а также поспѣшная продажа Ла-Морнъ, и тѣсно сплоченная цѣпь другихъ подозрительныхъ обстоятельствъ,— словомъ, никакихъ сомнѣній уже больше быть не могло.

Неутомимый кузнецъ, который работалъ гдѣ-то въ облакахъ, или подъ землей, позаботился о томъ, чтобы сомкнуть гибельное кольцо, и коварно искалъ помощниковъ для работы на всѣхъ улицахъ, среди знатныхъ и простыхъ. Утромъ девятнадцатаго марта, Фуальдесъ и Грамонъ ходили по променадѣ въ Родесѣ— это всѣ знали. Какая-то старьевщица слышала, какъ Бастидъ сказалъ старику: „Значитъ, сегодня вечеромъ въ восемь часовъ?“ Каменьщикъ, сгребавшій песокъ на постройкѣ, слышалъ, какъ адвокатъ Фуальдесъ воскликнулъ: „Такъ вотъ какъ ты держишь слово!“ На это Бастидъ Грамонъ отвѣтилъ: „Успокойтесь; сегодня вечеромъ мы сведемъ счеты“. Учитель музыки Ла-Комбъ ясно помнилъ, какъ Бастидъ крикнулъ старику съ потемнѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ: „У меня, наконецъ, лопнетъ терпѣніе!“ Случайная легкомысленная болтовня пріобрѣтала въ атмосферѣ неумолчныхъ слуховъ такое же значеніе, какъ честное свидѣтельское показаніе, и все, сказанное до или даже послѣ рокового событія, сплеталось воедино съ наглой безцеремонностью и совершенно произвольно. Такъ, профессоръ Винье, одинъ изъ главарей роялистовъ, сказалъ, что онъ какъ-то незадолго передъ убійствомъ вошелъ, около семи часовъ вечера, въ фруктовую и тамъ встрѣтилъ одного коллегу; тотъ разсказалъ ему, что мимо него быстро прошелъ по улицѣ Бастидъ Грамонъ. По словамъ профессора, онъ будто бы сказалъ при этомъ: „Какое у Грамона жуткое лицо!“ Его коллега будто бы съ нимъ согласился и прибавилъ съ своей стороны, что этого человѣка слѣдуетъ остерегаться. Нашлись свидѣтели, подтверждавшіе этотъ разговоръ. Другіе свидѣтели видѣли Бастида передъ домомъ Банкаля. Онъ будто бы нѣсколько разъ рѣзко свистнулъ и затѣмъ спрятался въ тѣнь.

Бастидъ Грамонъ уже пять лѣтъ жилъ въ Ла-Морнъ. Онъ былъ, быть можетъ, единственнымъ человѣкомъ во всемъ околоткѣ, который никогда не занимался политикой, былъ внѣ всякой партіи, и эта гордая независимость возбуждала недоброе чувство и даже ненависть его согражданъ. Когда однажды въ Родесѣ готовилась манифестація въ честь Бурбоновъ, и улицы были запружены возбужденной толпой, онъ спокойно и величаво проѣхалъ на своей гнѣдой лошади мимо взволнованныхъ группъ и отвѣчалъ презрительной улыбкой на злобные взгляды.

Говорили, что онъ въ молодости очень широко жилъ въ Парижѣ, спустилъ тамъ большое состояніе и вернулся на родину

утомленнымъ отъ общенія съ людьми. Образъ жизни его былъ очень странный. Въ прежніе годы къ нему часто приходилъ въ гости одинъ ученый патеръ изъ сосѣдняго бенедиктинскаго монастыря. Казалось, что тихій монахъ, умѣвшій читать въ человѣческихъ душахъ, полюбилъ Бастида за его независимость и язычески-страстную любовь къ природѣ. Но когда Бастидъ соблазнилъ и увезъ къ себѣ въ домъ швею изъ Альби, хорошенькую Шарлотту Арлабосъ, и зажилъ съ ней безъ вѣнца, то бенедиктинцу пришлось, по приказанію своего начальства, прекратить сношенія съ нимъ.

Послѣ того, Бастидъ ни съ кѣмъ болѣе не водилъ знакомства. У него не было друзей, и онъ не нуждался ни въ чьей дружбѣ. Онъ гордо замыкался въ себѣ. При появленіи новаго лица, онъ принималъ холодный видъ. Съ людьми изъ общества онъ обращался съ оскорбительнымъ равнодушіемъ. Можетъ быть, онъ рѣзко обрывалъ общеніе даже съ людьми, искренно искавшими сближенія съ нимъ, лишь потому, что боялся разочарованія: въ глубинѣ его глазъ свѣтилась жажда любви. Онъ сдѣлался жесткимъ, потому что неисполненныя желанія омрачали и отягчали его душу; онъ оставался одинокимъ, оттого что гордость не позволяла ему свободно дарить кому-либо свое горячее сердце; онъ былъ несправедливъ изъ стыдливости и ложно понятой гордости. Таковой стала его судьба—по его собственной винѣ.

Онъ цѣлыми днями бродилъ со своими собаками по долинамъ въ Севеннахъ. Онъ собиралъ камни, грибы, цвѣты, ловилъ птицъ и змѣй, охотился, пѣлъ и ловилъ рыбу. Если что-нибудь было не по немъ, и въ немъ закипала кровь,—онъ бралъ самаго горячаго коня въ конюшнѣ и ѣхалъ верхомъ въ Эріэ по самымъ опаснымъ скалистымъ дорогамъ. Зимой онъ купался въ холодные утренніе часы на рѣкѣ, а въ душныя лѣтнія ночи онъ любилъ лежать подъ открытымъ небомъ, и онъ утверждалъ, что видитъ, какъ танцуютъ звѣзды, и чувствуетъ, какъ дрожитъ земля. Во время сбора винограда онъ былъ опьяненъ, хотя самъ ничего не пилъ. Онъ устраивалъ праздники съ музыкой и факельными шествіями и покровительствовалъ всѣмъ любовнымъ парочкамъ. Если долго длилась дурная погода, онъ становился блѣднымъ, вялымъ, терялъ сонъ и аппетитъ, и на него находили припадки ярости, пугавшіе его домашнихъ. Во время одного изъ такихъ припадковъ, онъ срубилъ топоромъ полдюжины прекраснѣйшихъ деревьевъ въ саду, которыя онъ, какъ было всѣмъ извѣстно, любилъ такъ страстно, точно это были его братья.

При его неумѣньи вести хозяйство, доходность имѣнія уменьшалась изъ году въ годъ, чему никто не удивлялся, кромѣ его самого. Онъ впутался въ долги, но ему было въ высшей степени непріятно говорить или даже думать объ этомъ. Единственное, что онъ предпринималъ противъ этихъ долговъ,—было то, что онъ аккуратно покупалъ билеты на всевозможныя лотереи, и съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ожидалъ сроки розыгрышей.

Когда судъ, подчиняясь слишкомъ упорнымъ слухамъ и всеобщимъ обвиненіямъ, отдалъ приказаніе арестовать Бастида, тотъ уже зналъ, что ему предстоитъ. Онъ сидѣлъ подъ высокимъ платаномъ, и занимался рѣзьбой изъ дерева, когда полиція явилась на дворъ. Шарлотта Арлабосъ кинулась къ нему и схватила его за руку, но онъ высвободился и сказалъ:—„Оставь. Нарывъ уже давно назрѣлъ“.—Затѣмъ онъ пошелъ навстрѣчу вооруженнымъ полицейскимъ и сказалъ съ иронической величавостью:—„Къ вашимъ услугамъ, господа“.

Все населеніе помѣстья Ла-Морнъ было подвергнуто строгому допросу. Первымъ далъ показаніе самъ Бастидъ. Онъ сказалъ, что поѣхалъ днемъ девятнадцатаго марта въ Родесъ. Въ семь часовъ вечера онъ уже былъ у своей сестры въ деревнѣ Гро, тамъ переночевалъ, затѣмъ утромъ вернулся въ Родесъ и провелъ около получаса въ домѣ Фуальдеса. Сестра его подтвердила, что онъ переночевалъ у нея, и прибавила, что онъ былъ въ тотъ вечеръ очень веселъ и разговорчивъ. И служанка, которая постлала ему постель на ночь, заявила, что онъ легъ спать въ десять часовъ.

Этимъ свидѣтелямъ не повѣрили, и даже ихъ вскорѣ послѣ того арестовали по подозрѣнію въ соучастіи. Слуги въ Ла-Морнѣ болтали каждый что попало. Только для того, чтобы сказать что-нибудь и не изображать изъ себя дураковъ или соучастниковъ, они давали запутанныя, туманныя показанія, подтверждавшія виновность Бастида. Такъ, одинъ сказалъ, что еслибы сѣрая кобыла его господина вдругъ обрѣла даръ слова, она могла бы разсказать, какъ ее загоняли въ ту ночь. Служанки что-то несвязно лопотали или проливали слезы; Шарлотта Арлабосъ пробовала убѣжать, но ее схватили въ виноградникѣ и отвели въ городскую тюрьму.

Отъ Бускье и его товарищей всѣхъ этихъ происшествій не скрывали. Напротивъ того, имъ передавали самыя ничтожныя обстоятельства, какъ нѣчто важное,—для того, чтобы укрѣпить

ихъ въ ихъ показаніяхъ и придти на помощь ихъ памяти. Слѣдователь старался повліять, главнымъ образомъ, на контрабандиста Баха, такъ какъ отъ него, также какъ отъ четы Банкалей, нельзя было добиться никакого показанія. Бахъ напугалъ слѣдователя и сторожа своими бѣшеными выходками, и его пришлось заковать въ цѣпи. Лишеніе свободы больше всего его терзало, такъ какъ онъ былъ типичный бродяга по натурѣ. Однажды ночью, когда онъ пытался удавить себя, слѣдователь Жозіонъ сообщилъ ему о признаніяхъ его товарища Бускье, и сталъ его убѣждать въ безцѣльности его упрямства, въ томъ, что пора ему наконецъ сознаться. Тогда Бахъ вдругъ измѣнилъ свое поведеніе, сталъ казаться веселымъ, общительнымъ и сказалъ, злорадно ухмыляясь:—„Ну, хорошо! Если Бускье утверждаетъ, что онъ много знаетъ, то ужъ я-то знаю еще больше“.— И дѣйствительно оказалось, что онъ знаетъ гораздо больше. Онъ былъ заика, и пользовался этимъ недостаткомъ, чтобы выгадать время на размышленіе, когда воображеніе его изсякало. И каждый разъ, когда онъ уклонялся въ сторону сказочности, проницательный Жозіонъ незамѣтно возвращалъ его на путь реальной дѣйствительности.

Вотъ что онъ разсказалъ. Когда онъ вмѣстѣ съ Бускье вошелъ въ комнату, то адвокатъ Фуальдесъ сидѣлъ на стулѣ у стола и, повидимому, подписывалъ векселя. Возлѣ него стоялъ большой, сильный человѣкъ, Бастидъ Грамонъ. Что это былъ Грамонъ, никто уже не сомнѣвался; Бахъ довѣрялъ въ этомъ отношеніи словамъ слѣдователя и утвержденіямъ молвы. Такъ вотъ, этотъ высокій, сильный человѣкъ, Бастидъ Грамонъ, бралъ у Фуальдеса подписанныя бумаги и клалъ ихъ къ себѣ въ портфель. Тѣмъ временемъ госпожа Банкаль приготовляла ужинъ, жарила курицу съ овощами и телятину съ рисомъ,—подробность, рисующая хладнокровіе убійцъ. Около восьми часовъ пришли два барабанщика, но, замѣтивъ недовольство на лицѣ хозяина и чужого господина, подумали, что мѣшаютъ, и ушли, послѣ чего заперты были ворота. Но послѣ того еще нѣсколько разъ стучались въ ворота: условнымъ знакомъ были три короткихъ удара кулакомъ. Одинъ за другимъ появились солдатъ Коларъ со своей возлюбленной, горбатый Мисонье, аристократическаго вида дама, подъ густою вуалью и съ зелеными перьями на шляпѣ, и табачный торговецъ въ синемъ сюртукѣ. Шляпа съ зелеными перьями была особенно удачнымъ созданіемъ фантазіи Баха и представляла художественный контрастъ съ выдуманнымъ предварительно табачнымъ торговцемъ въ синемъ сюртукѣ.

Въ половинѣ девятаго, госпожа Банкаль увела спать въ комнатку на чердакъ свою маленькую дочь Магдалину, и тогда Бастидъ Грамонъ объявилъ старику, что наступилъ его смертный часъ. Тщетны были мольбы несчастной жертвы. Силачъ Бастидъ схватилъ его и, несмотря на сопротивленіе, положилъ па столъ, съ котораго Банкаль быстро снялъ лежавшіе на немъ два хлѣба. Фуальдесъ жалобно молилъ, чтобы ему дали хоть время помолиться, но Бастидъ Грамонъ грубо крикнулъ ему: „Сведи скорѣе счеты съ дьяволомъ!“

На этомъ мѣстѣ слѣдователь Жозіонъ прервалъ разсказъ, и съ наивнымъ любопытствомъ спросилъ, не стала ли въ этотъ самый моментъ играть шарманка передъ домомъ. Бахъ поспѣшилъ подтвердить этотъ фактъ, и продолжалъ свой разсказъ, который уже началъ волновать его самого:— „Коларъ и Банкаль,— сказалъ онъ,—держали старика за ноги, а табачный продавецъ и возлюбленная Колара схватили его за руки и за голову. Какой-то еще человѣкъ съ деревянной ногой и въ треуголкѣ держалъ свѣчу въ высоко поднятой рукѣ“. Появленіе этой новой фигуры производило жуткое впечатлѣніе, и если она была только художественной прикрасой, завершающей изображеніе страшной ночной сцены, то вполнѣ достигала своей цѣли. Человѣкъ съ деревяшкой и со свѣчой въ поднятой рукѣ казался выходцемъ изъ преисподней, и не было уже надобности изображать особенно подробно его острый подбородокъ, туманный взглядъ и ухмыляющійся ротъ.

— Итакъ, — продолжалъ разсказчикъ, — Бастидъ Грамонъ пырнулъ старика широкимъ ножомъ. Фуальдесъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе, и ему удалось вырваться; онъ вскочилъ, бросился бѣжать, уже раненый, по комнатѣ, издавая хриплые звуки. Бастидъ Грамонъ побѣжалъ за нимъ, обхватилъ его и снова бросилъ его на столъ. Столъ зашатался, одна ножка отломалась. Тогда умирающаго положили на двѣ быстро сдвинутыя скамейки, и Бастидъ Грамонъ всадилъ ему ножъ глубоко въ горло. Когда старикъ испустилъ послѣдній вздохъ, пришли Банкаль съ женой и собрали вытекающую кровь въ глиняный горшокъ. То, что пролилось на полъ, женщины сейчасъ же смыли. Въ карманахъ убитаго нашлось пять франковъ и немного мелочи. Бастидъ Грамонъ бросилъ эти деньги въ передникъ госпожи Банкаль и сказалъ: „Возьмите; мы не изъ-за этихъ денегъ убиваемъ его“. Въ карманѣ оказался также ключъ, и Бастидъ сунулъ его къ себѣ въ карманъ. Жена Банкаля прельстилась тонкой рубашкой убитаго, но ей не позволили снять рубашку. Чтобы удовлетво-

рить ея жадность, ей подарили аметистовое кольцо съ пальца Фуальдеса. Кольцо это выкупилъ у нея на другой день незнакомый господинъ, заплативъ за него десять франковъ.

Когда разсказъ Баха сдѣлался извѣстнымъ во всей своей обстоятельности и съ подавляющимъ обиліемъ своеобразныхъ, убѣдительныхъ подробностей, всѣ стали смотрѣть на этого негодяя съ богатымъ воображеніемъ,—какъ на избавителя. Общее возмущеніе дѣлало всѣхъ легковѣрными, и всякая критика казалась предательствомъ. Публика, свидѣтели, судъ—всѣ вѣрили въ то, что совершено было убійство, и всѣ сочиняли въ перегонку обстоятельства дѣла. На очной ставкѣ между Бахомъ и Буськье они стали спорить, обзывая одинъ другого лжецомъ. Одинъ говорилъ, что явился въ домъ Банкалей до убійства, другой утверждалъ, что послѣ; одинъ показывалъ, что помогалъ убійцамъ, другой—что только унесъ трупъ, завернутый въ простыни и обвязанный веревками. Слабоумный Мисонье назвалъ еще рядъ людей, которыхъ онъ будто бы видѣлъ у Банкалей: двухъ нотаріусовъ изъ Альби и одного повара. Въ кабачкѣ Розы Фераль, гдѣ собирались разные темные люди, и гдѣ обсуждались воровскія предпріятія, какъ разъ въ вечеръ убійства шла рѣчь о грабежѣ въ домѣ одного либерала. Этотъ слухъ распущенъ былъ съ тѣмъ, чтобы усилить страхъ спокойныхъ гражданъ; и то, что потомъ всѣ заговорщики, въ томъ числѣ знатные и состоятельные люди, очутились въ домѣ у Банкаля, не представляло уже ничего страннаго. Все тѣсно сплеталось въ этой бѣсовской ткани, все какъ бы подтверждалось одно другимъ: въ карманахъ Фуальдеса не нашли никакихъ денегъ. Къ Грамону уже семнадцатаго марта явился приставъ описывать его, и это обстоятельство, своевременно выуженное изъ моря лжи, подтверждало обвиненія. Бастидъ окончательно попалъ въ сѣти. Всѣ арестованные были подавлены возрастающимъ волненіемъ въ публикѣ. Каждый считалъ другого виновнымъ, каждый подтверждалъ все, что отъ него требовали, относительно другого, чтобы только спасти себя. Они не знали, что имъ предстояло, перестали понимать смыслъ словъ, перестали чувствовать себя, свое тѣло, свою душу, чувствовали, что ихъ захватили какіе-то невидимые тиски, и каждый старался высвободиться, самъ не зная, что ему собственно слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ. Каждый день производились новые аресты, всѣмъ проѣзжимъ грозило лишеніе свободы, и чрезъ нѣсколько недѣль полъ-Франціи было охвачено яростью, страхомъ и жаждой возмездія. Изъ фигуръ страшнаго, трагикомичнаго разсказа объ убійствѣ выступали съ

большей отчетливостью то та, то другая, и чрезъ нѣкоторое время, наибольшее значеніе пріобрѣла называемая все чаще и чаще дама подъ густой вуалью и съ зелеными перьями на шляпѣ. Она постепенно превратилась въ центръ и двигательную силу кроваваго событія,—можетъ быть, только потому, что ея существованіе и происхожденіе оставались полной тайной. Многіе подозрѣвали сначала Шарлотту Арлабосъ, но она успѣла неопровержимо доказать свою невинность. Кромѣ того, она казалась слишкомъ простодушной и представлялась скорѣе жертвой жестокаго Бастида; все это не соотвѣтствовало демоническому образу таинственной незнакомки.

Бахъ и Бускье соперничали другъ съ другомъ, стараясь умилостивить судъ все новыми и новыми выдумками, и доставляли нескончаемую пищу мутнымъ потокамъ молвы, подтверждая и разукрашивая все, что доходило до нихъ окольными путями изъ городскихъ слуховъ и предположеній.

Тѣмъ временемъ солдатъ Коларъ и чета Банкалей не выдержали тяжкаго заключенія, грубаго обращенія сторожа и мучительныхъ допросовъ. Они сошли съ ума и разсказывали такія вещи, что даже слѣдователь Жозіонъ, достаточно привыкшій къ преувеличеніямъ, долженъ былъ признать ихъ слова порожденіемъ возбужденной фантазіи. Остальные заключенные продолжали подозрѣвать другъ друга, показывали сегодня одно, а завтра—отрекаясь отъ вчерашняго — другое, и то умоляли о пощадѣ, то упрямо замыкались въ молчаніи. Въ это время жители города, деревень и всей провинціи настойчиво требовали, чтобы слѣдствіе наконецъ было закончено и виновные наказаны. Среди безгранично возрастающаго потока обвиненій и навѣтовъ, слѣдствіе совершенно потеряло дорогу и становилось уже орудіемъ въ рукахъ черни. Но въ это время темнымъ силамъ, раздувающимъ возбужденіе въ народѣ, удалось отравить душу ребенка, который выступилъ свидѣтелемъ противъ отца и матери, и этимъ убѣдилъ одураченный народъ, что самъ Господь раскрылъ уста младенца.

Одиннадцатилѣтнюю дочь Банкалей, Магдалину, судебный слѣдователь уже допросилъ разъ въ самомъ началѣ, но она тогда ничего не могла сказать. Но послѣ того дѣвочка попала въ госпиталь, и тогда стали появляться люди, которые будто бы слышали отъ кого-то, кто слышалъ изъ третьихъ и четвертыхъ устъ, что дѣвочка видѣла, какъ старика положили на столъ, и какъ дали деньги ея матери. Правда, членъ суда Пино, единственный, сохранившій ясность и независимость сужденій среди

общаго смятенія, узналъ, что Магдалина получала всяческіе подарки отъ эконома госпиталя и другихъ людей. Но это обстоятельство выяснилось слишкомъ поздно, когда уже невозможно было открыть корень лжи и уничтожить его. Дѣвочку все болѣе укрѣпляли въ ея первомъ показаніи, и разсказъ ея становился все болѣе пространнымъ, по мѣрѣ того какъ на нее устремлялось общее вниманіе, льстившее ея самолюбію. Въ концѣ концовъ она дѣйствительно вообразила, что все это пережила въ дѣйствительности, и сочувствіе взрослыхъ доставляло ей большое удовольствіе. Магдалина разсказала, что мать повела ее спать на чердакъ, но ей сдѣлалось тамъ страшно и холодно, и она тихонько спустилась опять внизъ и спряталась въ кровать, стоявшую въ альковѣ. Черезъ дырку въ занавѣскѣ она видѣла всю сцену убійства. Когда старика зарѣзали, дама съ зелеными перьями стала въ ужасѣ метаться по комнатѣ и попыталась убѣжать черезъ окно. Бастидъ Грамонъ оттащилъ ее отъ окна и хотѣлъ убить и ее. Банкаль и Коларъ просили сжалиться надъ ней, и она произнесла страшную клятву, обязывавшую ее къ молчанію. Нѣсколько времени спустя, Грамонъ изъ предосторожности заглянулъ къ дѣвочкѣ въ альковъ. Магдалина представилась спящей. Онъ два раза дотронулся до нея, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли она спитъ, и сказалъ потомъ матери, что нужно спровадить ребенка. Мать обѣщала, потребовавъ за это четыреста франковъ. На слѣдующее утро мать послала Магдалину на поле, гдѣ какъ разъ отецъ рылъ глубокую яму. Дѣвочка думала, что отецъ броситъ ее туда, но онъ со слезами обнялъ ее и сталъ ей говорить, что нужно быть богобоязненнымъ ребенкомъ.

Всякое другое свидѣтельство еще можно было бы оспаривать, но показаніе ребенка казалось неопровержимымъ, и никто не задумался о томъ, какъ это показаніе было добыто, никто не думалъ, что невиннаго ребенка запутали въ сѣть, подкупили нѣжными словами и опьянили до нѣкоторой степени страхомъ. Пользовались даже тревожнымъ сномъ дѣвочки, будя ее по ночамъ. Каждую новую выдумку привѣтствовали съ радостью; дѣвочку хвалили; она думала, что поступаетъ очень хорошо, и все съ большей готовностью исполняла свою роль. Такъ изъ ничего создавались подробности, которыя придавали странную достовѣрность создавшейся картинѣ убійства. Дѣвочка говорила, напримѣръ, что мать утромъ разрѣзала хлѣбъ тѣмъ же ножомъ, которымъ наканунѣ зарѣзали стараго господина, и что она, Магдалина, отказалась ѣсть этотъ хлѣбъ, внушавшій ей ужасъ. И

затѣмъ другая подробность: кровь, собранную въ горшечкѣ, дали выпить свиньѣ, которая послѣ того взбѣсилась и съ воплемъ помчалась по двору.

Бастидъ Грамонъ претерпѣвалъ съ холоднымъ терпѣніемъ допросъ за допросомъ. Его сухость и надменность, его насмѣшливая улыбка, его нѣмое пожатіе плечъ—часто очень смущали Жозіона. Отъ времени до времени, однако, онъ выходилъ изъ себя, рѣзко обрывалъ слѣдователя, и смѣло и краснорѣчиво потрясалъ основы хрупкаго и въ то же время, казалось, незыблемаго строенія свидѣтельскихъ показаній.

— Еслибы я, дѣйствительно, задумалъ убить дядю изъ личныхъ мотивовъ, зачѣмъ бы я сталъ втягивать въ заговоръ столькихъ людей?—спрашивалъ онъ, и лицо его пламенѣло отъ презрѣнія къ людямъ.—Неужели же я былъ бы настолько глупъ и вступилъ въ союзъ съ содержателями притоновъ, контрабандистами, развратными женщинами, старыми бабами, бывшими каторжниками—съ людьми, которые держали бы меня въ рукахъ, даже еслибы умѣли хранить тайну? И кто бы сталъ хватать человѣка на улицѣ и тащить его въ подозрительный притонъ? Вѣдь это полное безсмысліе. Неужели я не могъ бы найти болѣе удобный случай? Я могъ бы залучить старика къ себѣ въ домъ, или убить его въ лѣсу и тутъ же закопать трупъ? Вы говорите, что я заставилъ его подписать векселя,—гдѣ эти векселя? Они должны же были гдѣ-нибудь объявиться и обнаружить мое преступленіе. Вы сами говорите, что домъ Банкалей совершенно ветхій, и что изъ квартиры испанцевъ можно видѣть черезъ дыры въ сгнившихъ дощатыхъ стѣнахъ все, что дѣлается у Банкалей; какъ же Сааведра ничего не слышалъ? Онъ спалъ? Ну и богатырскій же сонъ, нечего сказать! Или, можетъ быть, онъ тоже участвовалъ въ заговорѣ, какъ моя мать, моя сестра, моя подруга, мои вѣрные слуги? И допустивъ все это, неужели не достаточно было помощи Банкаля и его жены, чтобы справиться съ слабымъ старикомъ,—зачѣмъ было набирать полдюжины подозрительныхъ людей изъ кабаковъ? Почему дядя не кричалъ? Ему заткнули ротъ? Хорошо, но вѣдь тряпку, которую ему всунули въ ротъ, нашли потомъ на дворѣ. Значитъ, онъ все-таки послѣ того кричалъ;—поэтому, говорите вы, я распорядился, чтобы у воротъ въ это время играла шарманка. Исторія съ шарманкой очень остроумно придумана; но вѣдь шарманки привлекаютъ обыкновенно публику, т.-е. лишнихъ свидѣтелей. И зачѣмъ было закалывать жертву ножомъ, когда было на лицо столько сильныхъ людей, которые легко могли бы задушить его. Покажите

мнѣ докторскій протоколъ—вѣдь тамъ, кажется, говорится не о колотой, а о рваной ранѣ. И что́ за безсмысленная болтовня—вся эта исторія погребальнаго шествія—развѣ оно было бы возможно здѣсь, гдѣ каждый подорожный столбъ имѣетъ глаза? Меня обвиняютъ еще въ томъ, что на слѣдующее утро я ворвался въ домъ моего дяди и похитилъ тамъ бумаги. Гдѣ эти бумаги? Дядя мой умеръ почти въ бѣдности. Онъ передалъ свои требованія ко мнѣ предсѣдателю суда, Сегюрэ. Зачѣмъ же мнѣ было убивать его? Чего отъ меня хотятъ? Неужели хоть одинъ зрячій человѣкъ видитъ кровь на моихъ рукахъ?

Слова Бастида имѣли вызывающій характеръ. Они возбудили негодованіе судебныхъ властей и усилили гнѣвъ толпы, до которой дошли въ искаженномъ видѣ. Изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ, ни одинъ адвокатъ не рѣшался взять на себя защиту Бастида Грамона. Членъ суда Пино, единственный, осмѣлившійся говорить о неправдоподобности и безпочвенности большинства свидѣтельскихъ показаній, чуть было не поплатился жизнью за свою искренность и любовь къ правдѣ. Однажды ночью къ дому его пришла толпа народа, въ томъ числѣ и много крестьянъ, разбила ему стекла въ окнахъ, сломала ворота и подожгла лѣстницу. Онъ страшно испугался, съ трудомъ могъ спастись и поспѣшно уѣхалъ въ Тулузу.

Бастидъ Грамонъ понялъ, что всякое сопротивленіе съ его стороны будетъ тщетнымъ. Онъ рѣшилъ поэтому вооружиться терпѣніемъ, такъ сомкнуть уста, точно они были дверью, черезъ которую можетъ уйти навсегда надежда. Онъ, свободнѣйшій изъ людей, вынужденъ былъ теперь проводить сверкающіе солнечнымъ блескомъ весенніе дни и благоуханные лѣтніе вечера въ сырой дырѣ, гдѣ собственное дыханіе становилось противнымъ. Съ нимъ прежде говорили звѣри, на него глядѣли живыми глазами цвѣты, онъ чувствовалъ иногда влюбленность земли, а теперь, благодаря безсмысленной игрѣ обстоятельствъ, ему пришлось предвкусить ужасъ могилы и лишиться всего, что́ составляло истинный смыслъ его жизни. Все чаще онъ переживалъ ночи, когда его охватывало упрямство, когда взглядъ его становился тупымъ отъ мыслей о позорѣ, навлеченномъ на него; все чаще онъ томился цѣлые дни отъ непреодолимой тоски, когда каждая песчинка, отпадавшая отъ сырой стѣны, напоминала ему о таинственной жизни земли, луговъ, лѣса. Онъ съ отвращеніемъ отгонялъ всякія мысли о событіяхъ, омрачившихъ его судьбу, и почти не обратилъ вниманія на сообщеніе сторожа, который явился къ нему однажды утромъ и съ торжествомъ сообщилъ, что таин-

ственная незнакомка, главная свидѣтельница обвиненія, дама съ зелеными перьями—наконецъ найдена. Она сама заявила о себѣ, и оказалось, что это—дочь предсѣдателя суда, Сегюрэ, мадамъ Кларисса Мирабель.

Бастидъ Грамонъ нахмурился и промолчалъ; но съ этой минуты имя Клариссы Мирабель неустанно раздавалось у него въ ушахъ, какъ шумъ крыльевъ вѣющаго вокругъ его головы неотвратимаго рока.

Сторожъ сказалъ правду: мадамъ Мирабель призналась, что она была въ ночь убійства въ домѣ Банкалей. Но это признаніе вырвалось у нея подъ вліяніемъ какого-то безотчетнаго порыва, и не успѣла еще молва разнести эту вѣсть по всему городу, какъ она уже взяла обратно свое признаніе. Но слово было сказано, и событія, порожденныя имъ, потекли своимъ чередомъ.

Кларисса Мирабель была единственная дочь предсѣдателя суда, Сегюрэ. Она воспитывалась въ деревнѣ, въ старомъ замкѣ Перье́, купленномъ ея отцомъ, когда началась революція. Правильнаго образованія она не получила, въ виду политическихъ бурь и неопредѣленности революціоннаго времени, нарушившаго нормальное теченіе жизни. Глубокое уединеніе отцовскаго замка благопріятствовало развитію ея природной мечтательности. Она боготворила своихъ родителей, и въ грозныя времена смуты она въ четырнадцать лѣтъ проявляла такое мужество и такую самоотверженность, выступая рядомъ съ отцомъ, что обратила на себя вниманіе полковника Мирабеля. Пять лѣтъ спустя, онъ пріѣхалъ къ отцу ея просить ея руки. Она его не любила,—незадолго передъ тѣмъ у нея была странная романтическая дружба съ пастухомъ изъ ихъ мѣстности,—но вышла за него замужъ по приказанію отца. Бракъ ихъ не былъ счастливый; черезъ три мѣсяца она разсталась съ мужемъ. Полковникъ уѣхалъ съ войскомъ въ Испанію. Когда война кончилась, онъ вернулся и довелъ до свѣдѣнія Клариссы, что желалъ бы ея возвращенія. Она отказала и сообщила ему свой отказъ и письменно, возмущенная тѣмъ, что онъ прислалъ для переговоровъ постороннихъ людей. Но ей сообщили, что Мирабель раненъ, и это измѣнило ея отношеніе къ нему. Полковника перевезли ночью окольными путями, со всяческими, очень сложными предосторожностями, въ замокъ, положили его въ отдаленную комнату, и Кларисса ухаживала за нимъ съ трогательной преданностью. Пока все это происходило втайнѣ, Клариссу занимало своеобразное отношеніе

къ мужу, какъ къ тайному возлюбленному; но вскорѣ мать открыла тайну и обрадовалась, думая, что наступило полное примиреніе между супругами. Кларисса убѣдила тогда мужа, чтобы онъ уѣхалъ изъ замка, и устраивала тайныя свиданія въ рощѣ. Полковнику Мирабелю надоѣли причуды жены. Онъ получилъ мѣсто въ Ліонѣ и уѣхалъ туда, но вскорѣ умеръ отъ послѣдствій слишкомъ бурнаго образа жизни.

Прошли года. Умерла мать Клариссы, и Кларисса была въ такомъ отчаяніи, что проводила цѣлые дни на ея могилѣ; только изъ любви къ отцу, который легче утѣшился, она примирилась съ опустѣвшей для нея жизнью. Предоставленная всецѣло самой себѣ, она стала увлекаться чтеніемъ, читала все безъ разбора и загорѣлась желаніемъ сильныхъ переживаній. Ея причуды возбуждали много толковъ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ. Она собирала въ замкѣ дѣтей и подростковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, читала имъ стихи, устраивала спектакли, учила ихъ играть на сценѣ. Ея свободное обращеніе создало ей много враговъ. Она говорила все, что думала, обижала многихъ безъ всякаго злого умысла, преувеличивала всякія мелочи и не замѣчала дѣйствительно важнаго, любила переодѣванія, любила сочинять роли и исполняла ихъ въ совершенствѣ. При этомъ она всѣхъ очаровывала своей граціозностью, веселостью и умомъ, а также сердечностью обращенія.

Теперь ей было уже тридцать-пять лѣтъ, но она казалась восемнадцатилѣтней дѣвушкой, не потому только, что она была необычайно стройна, миніатюрна и моложава съ виду, но и тѣмъ, что въ натурѣ ея чувствовалась большая молодость; и когда взоръ ея сосредоточивался на чемъ-нибудь, онъ казался совершенно дѣтскимъ по ясности и мечтательной мягкости. Чувствовалось въ ея существѣ, что она—дитя пограничной земли: южная живость и сѣверная тяжелая кровь сочетались, создавъ безпокойный темпераментъ. Она любила углубляться въ свои мысли или играла какъ звѣрекъ, и очень нравилась всѣмъ мужчинамъ, возбуждая, однако, какое-то чувство страха.

Толки объ убійствѣ Фуальдеса не интересовали ее сначала, хотя отецъ ея, купившій помѣстье Ла-Морнъ, тѣмъ самымъ оказался причастнымъ къ происходившимъ тамъ событіямъ, и ежедневно разсказывалъ всѣ новости о сенсаціонномъ дѣлѣ, когда возвращался домой. Но вся эта исторія казалась ей слишкомъ запутанной, и все, связанное съ нею, слишкомъ отдавало грязью. Только тогда, когда стали называть имя Бастида Грамона, она стала прислушиваться и слѣдить за ходомъ дѣйствія. Она разу-

знала отъ отца и отъ служанокъ, какъ, по общему мнѣнію, произошло убійство, и обнаружила при этомъ больше сочувствія, нежели возмущенія.

Она ничего не знала о Бастидѣ Грамонѣ. И все-таки имя его, какъ только она его услышала, запало въ ея чуткую, полную ожиданій душу, какъ нѣчто, имѣющее вѣсъ. Она начала справляться о немъ, украдкой ѣздила верхомъ въ Ла-Морнъ, вызывала на разговоръ о немъ его слугъ. Однажды ей даже удалось поговорить съ Шарлоттой Арлабосъ, которую въ то время уже освободили изъ тюрьмы. То, что она узнала, вызвало въ ней странное, болѣзненное изумленіе. Ей казалось, что она упустила нѣчто очень важное въ жизни, не видавъ никогда этого человѣка.

И тогда она вспомнила, что видѣла его разъ. Это былъ навѣрное онъ, поскольку она теперь соображала по смутнымъ описаніямъ разныхъ людей. Видѣла она его за годъ передъ тѣмъ, раннимъ утромъ, въ началѣ весны. Охваченная нервнымъ волненіемъ, которое будитъ въ крови весна, она проснулась раньше обыкновеннаго и пошла пѣшкомъ черезъ виноградники въ лѣсистую долину Руа. Проходя по озаренной солнцемъ рощѣ, она радостно внимала ликующему пѣнію птицъ. Надъ нею простиралась сіяющая голубизна небеснаго свода; подъ ногами разстилалась дышащая, какъ живое тѣло, земля. Вдругъ она увидала передъ собой мощнаго человѣка, который стоялъ прямо съ непокрытой головой, поднявъ голову и вдыхая воздухъ. Поднятые вверхъ взоры впивали все, чѣмъ можно было насладиться въ рощѣ: ароматы, солнце, опьяняющую сырость, блескъ эѳира. Онъ втягивалъ воздухъ какъ лѣсной олень. Лицо его, поднятое кверху, выражало стихійную свѣтлую радость, а его опущенныя руки дрожали.

Кларисса испугалась его тогда. Она убѣжала, не замѣченная имъ; онъ не слышалъ шороха вѣтвей и шума шаговъ. Теперь эта картина пріобрѣтала—иное значеніе. Часто, оставаясь наединѣ, Кларисса возсоздавала въ воображеніи тотъ часъ, измышляла новую встрѣчу съ этимъ страннымъ человѣкомъ, придумывала, какъ она искусными вопросами сорветъ отвѣты съ упрямо закрытыхъ устъ, и какъ онъ потомъ не сможетъ ничего таить отъ нея, и добровольно откроетъ ей свое сердце. И потомъ онъ ночью пріѣдетъ на дикомъ конѣ, ворвется въ замокъ, возьметъ ее и уѣдетъ съ ней такъ быстро, точно бурный вѣтеръ у него въ услуженіи и точно конь его окрыленъ бурей. Когда у нихъ за столомъ или въ обществѣ заходила рѣчь о Бастидѣ Грамонѣ

и о его преступленіи, въ которомъ никто не сомнѣвался, Кларисса никогда не думала объ ужасѣ его поступка, о томъ, что онъ навсегда изгнанъ изъ общества честныхъ людей. Она чувствовала въ его преступленіи только силу, возбуждавшую ея страсть, и боль отъ сознанія близости и въ то же время недостижимости образа, не покидавшаго болѣе ея душу. Она сама испугалась себя, боялась заглянуть въ бездонную пропасть своей души. Часто ей казалось, что это она въ заточеніи, а Бастидъ ходитъ взадъ и впередъ передъ дверью, измышляя способы взломать двери ея тюрьмы, и окрыленный конь его торжествующе ржетъ.

Теперь она стала зорко слѣдить за всѣми слухами и измышленіями, и весь клубокъ лжи, въ которомъ сплелись намѣренныя клеветы и вольная фантазія, катился, все увеличиваясь, по ея дорогѣ. Ей становилось все тяжелѣе на душѣ, и воздухъ казался ей отравленнымъ. Когда она шла по улицѣ въ Родесѣ, ей казалось, что на нее устремлены всѣ взоры, требуя у нея отчета. Она ускоряла шаги, входила въ домъ, блѣдная и разстроенная, и останавливалась передъ зеркаломъ съ замирающимъ сердцемъ.

Незадолго передъ тѣмъ она гостила въ помѣстьи друзей ея отца. Однажды хозяинъ дома, ученый, не могъ найти драгоцѣнной рукописи, имѣвшейся у него, и очень встревожился. Всю прислугу подняли на ноги, обшарили всѣ комнаты, причемъ, однако, никого не подозрѣвали въ воровствѣ. Кларисса постепенно стала впадать въ мучительное состояніе. Ей померещилось, что подозрѣваютъ именно ее. Въ каждомъ словѣ она чувствовала намекъ, въ каждомъ взглядѣ—вопросъ. Она стала ревностно помогать поискамъ, воображенію ея рисовались уже тюрьма и позоръ, она хотѣла поспѣшить обратно къ отцу, убѣдить его въ своей невинности. И когда вдругъ рукопись нашлась, Кларисса облегченно вздохнула, точно ее спасли отъ смертельной опасности; и никогда до того она не была такъ остроумна и очаровательна, такъ разговорчива и оживлена, какъ нѣсколько часовъ послѣ того какъ нашли рукопись.

Когда въ воображеніи толпы возникъ образъ еще одной участницы звѣрской расправы съ несчастнымъ Фуальдесомъ—образъ дамы съ зелеными перьями—и когда этотъ образъ сталъ пріобрѣтать все болѣе точныя очертанія,—Клариссу вдругъ охватило странное волненіе. Вначалѣ она только забавлялась возникшей у нея мыслью, какъ бы пробуя себя, играя съ заманчивой возможностью,—подобно мальчику, который пробуетъ ногой проч-

ность льда на рѣкѣ. Она жадно поглощала всѣ отчеты газетъ. Боязливая игра превращалась постепенно въ истинную пытку,— главнымъ образомъ потому, что у Клариссы дѣйствительно была шляпа съ зелеными перьями. Въ этомъ не было ничего страннаго. Тогдашняя мода допускала ношеніе зеленыхъ, желтыхъ и красныхъ перьевъ; но все-таки обладаніе шляпой сдѣлалось мукой для Клариссы. Она уже не осмѣливалась касаться ея; ей казалось, что на перьяхъ лежитъ какой-то кровавый отблескъ; въ концѣ концовъ она спрятала шляпу куда-то на чердакъ. Она стала строить планы путешествія, хотѣла поѣхать въ Парижъ, но рѣшеніе ея съ каждымъ днемъ слабѣло. Наступилъ іюль. Въ Родесъ пріѣхала странствующая труппа актеровъ и назначила рядъ представленій въ театрѣ. Одинъ офицеръ, по фамиліи Клемандо, ухаживанья котораго Кларисса холодно отклоняла за его вульгарность и грубость, принесъ ей билетъ и пригласилъ ее пойти вмѣстѣ съ нимъ въ театръ. Она отклонила, но въ послѣднюю минуту ей все-таки захотѣлось пойти, и ей пришлось претерпѣть общество капитана Клемандо, который, послѣ поднятія занавѣса, сѣлъ на свободное мѣсто, по ея правую руку.

Въ этотъ вечеръ ставили мелодраму, изображавшую съ утомительной пространностью ужасное убійство невиннаго юноши. Въ концѣ перваго акта на сценѣ появилась дама, переодѣтая мужчиной; на головѣ у нея была круглая шляпа, на лицѣ — маска. Торопливая любовная сцена, проведенная шопотомъ при свѣтѣ тусклой лампы, рѣшила судьбу несчастной жертвы, стоявшей тутъ же на колѣняхъ. Публика напряженно молчала, всѣ взоры загорѣлись. Клариссѣ казалось, что она слышитъ громкій стукъ сердецъ; ее бросало въ жаръ и въ холодъ, она утратила ясное сознаніе дѣйствительности. Когда въ антрактѣ капитанъ Клемандо сталъ говорить съ нею, по обыкновенію — полуцинично, полутрусливо, она вся вздрогнула, а отъ виннаго запаха, который шелъ у него изо рта, она чуть не упала въ обморокъ. Но вдругъ она откинула голову, поглядѣла въ упоръ на его заплывшее, пьяное лицо и спросила тихимъ, рѣзкимъ, торопливымъ голосомъ:

— Что бы вы сказали, капитанъ, узнавъ, что именно я присутствовала на убійствѣ Фуальдеса въ домѣ Банкалей?

Капитанъ Клемандо поблѣднѣлъ, губы его медленно раскрылись, щеки затряслись, глаза испуганно заблестѣли, и когда Кларисса расхохоталась мягкимъ, насмѣшливымъ, но не совсѣмъ естественнымъ смѣхомъ, онъ поднялся и, неуклюже поклонившись, ушелъ. Онъ былъ наивный человѣкъ, совершенно необразованный и, какъ всѣ въ Родесѣ, былъ во власти всяческихъ

слуховъ объ убійствѣ. Когда представленіе кончилось, онъ подошелъ къ Клариссѣ, которая равнодушно направлялась къ выходу, гдѣ ее ожидалъ экипажъ, и спросилъ, пошутила ли она надъ нимъ. Но она отвѣтила ему пересохшими губами, съ выраженіемъ любопытства и ненависти на лицѣ:

— Нѣтъ, капитанъ.—При этомъ она коротко разсмѣялась, потомъ лицо ея снова стало серьезнымъ, почти печальнымъ, и она опустила голову.

Клемандо пошелъ домой взволнованный и въ твердой увѣренности, что услышалъ нѣчто очень важное. Онъ счелъ своимъ долгомъ сказать объ этомъ кому-нибудь, и на слѣдующее утро довѣрился одному товарищу. Тотъ сообщилъ тайну другому своему другу; они обсудили дѣло сообща, и уже въ полдень на слѣдующій день извѣстили обо всемъ судъ. Слѣдователь Жозіонъ вызвалъ къ себѣ капитана и мадамъ Мирабель. Послѣ долгаго размышленія, Кларисса заявила, что она пошутила, и слѣдователь пока отпустилъ ее.

Но суду нужны были не шутки. Префектъ, узнавъ о случившемся, явился вечеромъ къ предсѣдателю Сегюрэ, и у него произошелъ краткій разговоръ съ почтеннымъ старикомъ. Де-Сегюрэ былъ потрясенъ услыхавъ, какой позоръ навлекла на него его дочь, угрожая спокойствію его старости. Онъ призвалъ Клариссу. Какъ неживая стояла она передъ двумя стариками, и горе отца, выражавшееся въ каждомъ его движеніи и словѣ, потрясло ея душу. Она сослалась на безразсудный капризъ и мгновенное затмѣніе души; но это не помогло. Префектъ не скрывалъ, что не вѣритъ ей теперь. Самъ Сегюрэ, несмотря на свою веселость, былъ очень подозрителенъ и, кромѣ того, не умѣлъ ясно и твердо судить о людяхъ. Угнетенный видъ дочери показался ему несомнѣннымъ доказательствомъ ея вины, и онъ заявилъ ей рѣзко и строго, что если она не скажетъ ему полной правды, онъ навсегда оттолкнетъ ее отъ себя. Кларисса молчала. Слова отца были для нея пыткой. Сегюрэ не могъ послѣ того лечь спать, и всю ночь проходилъ по замку съ мучительными мыслями. Онъ напряженно обсуждалъ въ умѣ, каковъ характеръ Клариссы, и старался рѣшить, возможно ли такое преступленіе въ ея жизни? По мѣрѣ того, какъ онъ думалъ, онъ ясно понялъ, что ея непонятный характеръ запятнанъ роковой чертой — чрезмѣрнымъ романтизмомъ. Онъ тоже подпалъ подъ гипнозъ общаго возбужденія, общей подозрительности. Страхъ сообщничества съ преступленіемъ былъ сильнѣе, чѣмъ голосъ сердца. Подозрѣніе сдѣлалось увѣренностью, и отрицаніе Кла-

риссы казалось ему уже ложью. Когда онъ думалъ о прошломъ Клариссы, о томъ, какъ она любила уклоняться отъ предписанныхъ путей,—прежде это ему казалось качествомъ, а теперь—дверью, ведущей къ преступленію,—всѣ предположенія казались ему допустимыми, и образъ ея самъ собой вплетался въ темную ткань. Кларисса тоже не могла уснуть. На зарѣ она явилась къ отцу, бродившему по комнатамъ, и бросилась, рыдая, передъ нимъ на колѣни. Онъ не сталъ утѣшать, не поднялъ ее съ полу. Она съ отчаяніемъ спросила его, зачѣмъ бы ей было идти къ Банкалямъ, когда она, какъ вдова, совершенно свободна и можетъ кого угодно принимать у себя. На это предсѣдатель только многозначительно пожалъ плечами, и уже такъ твердо вкоренилось въ немъ мрачное подозрѣніе, такъ далекъ онъ былъ отъ всякаго состраданія, что въ отвѣтъ на просьбу быть справедливымъ къ ней, онъ только отвѣтилъ: „говори правду“.

Молва не дремала, и быстро обнесла по городу новую вѣсть. Къ предсѣдателю стали являться родные и друзья, растерянные, возбужденные, злорадствующіе. Всѣмъ хотѣлось взглянуть на недоступную, непроницаемо-чуждую Клариссу, когда она вдругъ очутилась въ грязи. Нѣсколько дамъ постарше стали лицемѣрно увѣщевать ее сладкимъ голосомъ; презрительное молчаніе Клариссы и ея печальный взоръ казались имъ доказательствомъ ея вины. Пріѣхалъ опять префектъ и съ нимъ еще два чиновника. Для правительства и судебныхъ властей дѣло представляло огромную важность. Съ каждымъ днемъ раздавались все громче крики о мщеніи буржуазнаго населенія, встревоженнаго за свою безопасность, а также злое глумленіе бонапартистовъ. Газеты требовали осужденія виновныхъ, и готовилось уже возмущеніе крестьянъ. Такая непричастная къ преступленію свидѣтельница, какъ мадамъ Мирабель, могла быстро довести дѣло до конца; ее поэтому уговаривали, обѣщали достать папское разрѣшеніе нарушить клятву, которую она дала въ домѣ Банкалей. Мэръ привелъ въ замокъ іезуитскаго патера, который подтвердилъ, что разрѣшеніе отъ папы онъ навѣрное достанетъ. Но когда все оказалось тщетнымъ, и Кларисса стала встрѣчать съ каменнымъ спокойствіемъ всѣхъ, которые вмѣшивались въ это дѣло, ей стали грозить тюрьмой, а также тѣмъ, что во всей Франціи узнаютъ объ ея позорѣ и порочности. При этой угрозѣ префекта отецъ Клариссы опустился передъ нею на колѣни, какъ она передъ нимъ утромъ, умоляя ее, чтобъ она сказала правду. Этого она уже не могла вынести, и съ крикомъ упала на полъ въ глубокомъ обморокѣ.

Кларисса припомнила, что вечеръ девятнадцатаго марта она провела въ Родесѣ, въ семьѣ Паль. Она даже припомнила, что на слѣдующее утро хозяйка дома ей сказала: „Вотъ мы вчера всѣ веселились, а въ это самое время убили бѣднаго Фуальдеса“. Когда она сослалась на это слѣдователю, то семья Паль рѣшительнымъ образомъ отъ всего отреклась, сказала, что Клариссы у нихъ не было въ этотъ вечеръ, и даже, съ перепугу, заявила, что уже много лѣтъ не поддерживаетъ отношеній съ Клариссой, поссорившись съ ней. Чувство состраданія исчезло у людей, охваченныхъ страхомъ и загипнотизированныхъ своимъ воображеніемъ. Еслибы даже отдѣльные люди и продолжали здраво разсуждать, это бы все равно ни къ чему не привело; огромную лавину уже нельзя было остановить. Задуманъ былъ дьявольскій планъ, и префектъ, графъ д'Эстурнель, разработалъ его въ совершенствѣ, надѣясь на блестящіе результаты. Около часу ночи во дворъ замка въѣхала карета. Клариссу пригласили сѣсть въ нее, и съ нею вмѣстѣ сѣли предсѣдатель, префектъ и слѣдователь. Коляска остановилась передъ домомъ Банкалей. Отецъ Клариссы повелъ свою дочь въ комнату нижняго этажа налѣво; комната имѣла видъ пещеры и воздухъ въ ней былъ затхлый. На выступѣ печки горѣла тусклая лампа, озарявшая двухъ жандармовъ и одного писца; они стояли у стѣны съ неподвижными, мрачными лицами. Окна завѣшаны были тряпками, изъ алькова выглядывалъ глубокій мракъ, во всемъ домѣ царила полная тишина.

— Вамъ знакомо это мѣсто, мадамъ? — спросилъ префектъ съ торжественной медлительностью. Всѣ глядѣли на Клариссу. Чтобы смягчить страшное напряженіе, давившее ей грудь, она стала вслушиваться въ дождь, стучавшій объ стѣну. Она вся сосредоточилась на слухѣ. Она почувствовала странную вялость во всемъ тѣлѣ; языкъ ея могъ произнести только „да“, или „нѣтъ“, и такъ какъ „нѣтъ“ создало бы новыя муки, то она произнесла „да“ — маленькое слово, рожденное страхомъ и утомленіемъ, едва живое, но обладающее таинственной силой. Ея душа, смущенная и охваченная пламенной тоской, сдѣлала изъ призрака, созданнаго тысячью воспламененныхъ умовъ, живое явленіе. Полусознательно слышанное, разсѣянно прочитанное превратилось въ дѣйствительность. Ея жизнь волшебнымъ образомъ сплелась съ жизнью человѣка, который стоялъ въ лѣсу съ воздѣтымъ къ небу лицомъ и впитывалъ воздухъ съ жадностью звѣря, изнывающаго отъ жажды. Теперь она очутилась на мосту, который велъ въ его царство. Ей казалось, что она сидитъ у

его ногъ, и что съ его протянутой руки падаютъ капли крови на ея смиренно опущенную голову. Ужасъ и сладостная надежда охватили ея сердце съ двухъ сторонъ, и посрединѣ пылало какъ пламя, ликовало какъ боевой кличъ имя Бастида Грамона,— игрушка ея мечтаній.

Когда она произнесла первый слогъ рокового признанія, лица присутствующихъ просіяли. Предсѣдатель суда Сегюрэ закрылъ глаза рукой. Онъ внутренно рѣшилъ убить въ сердцѣ любовь къ порочной дочери. Кларисса это почувствовала. Всѣ узы, связывавшія ее съ прежнимъ существованіемъ, расторглись.

Такъ, значитъ, она была въ этомъ помѣщеніи девятнадцатаго марта?—спросили ее. Она кивнула головой.—Какъ же она сюда попала?—разспрашивалъ дальше слѣдователь Жозіонъ, и въ голосѣ его слышались особая осторожность и деликатность,—онъ точно боялся помѣшать работѣ робкихъ духовъ памяти. Кларисса молчала.—Вы вошли по улицѣ Эбдомадье?—снова спросилъ префектъ. Кларисса кивнула головой.—Говори же, говори!—крикнулъ Сегюрэ такимъ громовымъ голосомъ, что даже оба жандарма вздрогнули отъ испуга.

— Мнѣ повстрѣчалось нѣсколько людей,—прошептала Кларисса, и всѣ невольно вытянули головы, вслушиваясь въ звуки ея голоса.— Я испугалась и отъ страха вбѣжала въ первый открытый домъ.

Жозіонъ сдѣлалъ знакъ писцу.

— Именно въ этотъ домъ?—ласково спросилъ онъ, въ то время какъ писецъ прикорнулъ у печки и сталъ писать.

Кларисса продолжала тѣмъ же жалобнымъ шопотомъ:

— Я открыла дверь и вошла въ эту комнату. Кто-то схватилъ меня за руку и повелъ въ альковъ. Онъ велѣлъ мнѣ не двигаться съ мѣста. Это былъ Бастидъ Грамонъ.—Наконецъ она произнесла это имя. Выговорить его было совсѣмъ не то, что повторять его только въ мысляхъ. Кларисса закрыла глаза и судорожно сжала руки, замолчавъ на минуту.— Онъ оставилъ меня тамъ одну,—продолжала она затѣмъ, говоря какъ во снѣ,— потомъ вернулся, велѣлъ мнѣ слѣдовать за нимъ и вывелъ меня на улицу. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился и спросилъ, знаю ли я, кто онъ. Я сказала, что нѣтъ, а потомъ, что знаю. Затѣмъ онъ спросилъ меня, видала ли я что-нибудь, и я сказала: нѣтъ. „Уходите“, сказалъ онъ тогда, и я ушла. Но не успѣла я дойти до площади, какъ онъ опять очутился подлѣ меня и взялъ мою руку въ свою. „Я не участвовалъ въ убійствѣ,— сталъ онъ увѣрять меня.— Но, увидавъ васъ, я хотѣлъ васъ

спасти. Поклянитесь молчать, поклянитесь жизнью вашего отца!“ Я поклялась, и тогда онъ меня отпустилъ. Вотъ все, что я могу сказать.

Слѣдователь скептически улыбнулся.

— Вы говорите, что вошли сюда съ улицы,—сказалъ онъ.— Но свидѣтельскими показаніями установлено совершенно неоспоримо, что ворота закрыты были съ восьми часовъ. Какъ же вы это объясните?

Кларисса ничего не отвѣтила.

— И какъ объяснить далѣе, что вы ничего не видѣли, проходя черезъ освѣщенную комнату? Какъ же вы никого и ничего не видѣли, когда нѣтъ никого, кто бы не видѣлъ васъ?

Кларисса продолжала молчать; казалось, точно она даже не дышитъ. Префектъ сдѣлалъ знакъ слѣдователю, что на первый разъ довольно и этого: Кларисса созналась, что видѣла Бастида Грамона у Банкалей. Рѣшеніе ошеломить преступника, упорно отрицающаго свою вину, устроивъ очную ставку между нимъ и свидѣтельницей, явилось само собой.

Клариссу повели къ колескѣ; отъ слабости она не могла сама ступить ни шагу. Дома она впала въ очень странное состояніе. Сначала она долго сидѣла въ креслѣ, застывъ какъ въ летаргическомъ снѣ, потомъ вдругъ вскочила и стала кричать:— „Уведите убійцу!“—Дверь открылась, и въ щелку просунулось испуганное лицо слуги. Вся прислуга столпилась въ сѣняхъ,— большинство хотѣло отказаться отъ службы у предсѣдателя; Кларисса почувствовала, что она лишена отнынѣ опоры отцовской любви, что она изгнана изъ круга, гдѣ чтятъ традиціи, гдѣ сдержанность вмѣняется въ нравственный долгъ. Теперь она сдѣлалась добычей всѣхъ взоровъ; самый наглый взглядъ имѣлъ право касаться ея души,—она сдѣлалась объектомъ общественнаго любопытства. Ничто въ ней не было уже ея исключительной собственностью, она не находила самоё себя, не могла ни на чемъ успокоиться въ себѣ; она была заклеймена внутренне и внѣшне, сдѣлалась пищей общаго злораднаго любопытства. Ее бросили беззащитную въ мутные потоки сплетенъ; она стала центромъ ужаснаго происшествія, отъ котораго уже не могла отвлечь своихъ мыслей. Грусть, страхъ, презрѣніе—эти чувства уже исчезли для нея; кровь ея теперь слишкомъ бурно кипѣла, чтобы испытывать ихъ. Ею овладѣла неувѣренность къ себѣ, сомнѣніе въ своихъ воспріятіяхъ, сомнѣніе относительно всего видимаго. Иногда она нарочно кололa себѣ палецъ, чтобы почувствовать дѣйствіе укола и ощутить боль, которая была бы

доказательствомъ, что она не спитъ, а бодрствуетъ,—чтобы сохранить свое сердце отъ тлѣнія. Больше всего, однако, ее мучили назойливыя приставанія постороннихъ: увѣщанія говорить правду, насмѣшки и ропотъ снизу, приказанія сверху, что разъ сказанное ею слово уже не забывалось и какъ бы мстило за себя. Ей казалось въ концѣ концовъ, что весь міръ полонъ кровавыхъ, неустанно двигающихся языковъ. Всѣ человѣческія лица омрачились въ ея глазахъ—всѣ, за исключеніемъ одного, героически страдающаго. Онъ одинъ, несмотря на свою преступность, царилъ и казался вознесеннымъ надъ всѣми своей виной и твердостью своего духа. И когда ей сообщили, что ее приведутъ на очную ставку съ Бастидомъ Грамономъ, сердце ея впервые снова радостно забилось, и она нарядилась какъ на праздникъ.

Встрѣча должна была состояться въ кабинетѣ слѣдователя. Кромѣ слѣдователя Жозіона и его писцовъ, явился также членъ суда Пино, который уже вернулся изъ Тулузы. Жозіонъ окинулъ его злобнымъ взглядомъ поверхъ очковъ, когда вошла Кларисса Мирабель, въ кружевахъ, съ улыбкой поклонилась присутствующимъ и беззаботно оглянула неуютную комнату. Изъ рамы посреди стѣны на нее глядѣло жирное недовольное лицо короля;—гримаса на его лицѣ была такая, точно каждый отдѣльный изъ его подданныхъ ему особенно противенъ. Она забыла, что это только портретъ, и поглядѣла на него, кокетливо надувъ губы.

Слѣдователь далъ знакъ, открылась боковая дверь и въ комнату ввели Бастида Грамона; онъ шелъ между двухъ солдатъ, съ кандалами на рукахъ. Кларисса слабо вскрикнула, и лицо ея сдѣлалось мертвеннымъ.

Бастидъ былъ весь обвѣянъ воздухомъ темницы. Дико растрепанные волосы, длинная борода, неподвижно упорный и нѣсколько ослѣпленный взглядъ, сгорбленность исполинской фигуры, какъ бы согнувшейся подъ тяжкой ношей, гнѣвная складка на лбу,—все свидѣтельствовало о томъ, что онъ пришелъ изъ тюрьмы. Казалось, что онъ незримо носитъ вокругъ себя стѣны, наполнявшія его грудь тьмой и мукой, обманывавшія его мѣсяцъ за мѣсяцемъ призраками все болѣе и болѣе далекой свободы. Наконецъ, они уже отказались рисовать ему обманные образы цвѣтущихъ деревьевъ, пышныхъ нивъ. И тогда видъ ихъ вызывалъ въ узникѣ представленіе о сѣромъ осеннемъ вечерѣ, когда въ воздухѣ уже чувствуется запахъ зимы, и погребальныя дроги все чаще проѣзжаютъ мимо воротъ по направленію къ маленькому кладбищу, и когда поднимающійся серпъ мѣсяца, пылая, плыветъ

по влажной лазури, какъ кровоточащее, расколотое пополамъ сердце гиганта.

И все же сколько гордости въ этихъ глазахъ, сколько сверкающей рѣшимости остаться вѣрнымъ самому себѣ! И все же какая странная усмѣшка на лицѣ, похожая на осторожность, и въ то же время величавый взглядъ дикой кошки! Какое безконечное презрѣніе на лицѣ, когда онъ взглянулъ на писцовъ, приготовившихся записывать, сколько внутренней свободы и отрѣшенности, несмотря на кандалы и на солдатъ по обѣ стороны!

Вотъ что исторгло крикъ у Клариссы и согнало съ ея лица суетную веселость. Не потому она ужаснулась, что увидѣла того, кто ей явился въ рощѣ, какъ духъ лѣса и земли,—съ завязанными руками, съ надломленными силами,—а потому что ее вдругъ озарила какъ молнія увѣренность, что эта рука не убивала, и что случилось безвыходно-ужасное, безумное, сотканное злобой и ложью и больной фантазіей. У нея закружилась голова; у нея было такое чувство, точно она падаетъ съ высокой башни. Она устыдилась своего пышнаго наряда, своего вызывающаго вида, и въ страстномъ порывѣ отчаянія сорвала драгоцѣнныя кружева съ рукавовъ и бросила ихъ на полъ съ выраженіемъ безмѣрнаго отвращенія.

Слѣдователь Жозіонъ истолковалъ это движеніе совершенно иначе. Онъ снова улыбнулся члену суда Пино, но на этотъ разъ съ торжествомъ, точно желая сказать: вотъ видите, я угадалъ.

— Вы знаете эту даму, Бастидъ Грамонъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ заключенному.

Бастидъ повернулъ къ ней голову, и его взоръ, выражавшій горечь и презрѣніе, проникъ ей въ самую душу.

— Я ее не знаю,— мрачно отвѣтилъ онъ,—я никогда не видалъ ее.

Слѣдователь опять учтиво усмѣхнулся и сказалъ сладкимъ голосомъ, какъ бы исправляя небольшую неточность:

— Едва ли это возможно. Мадамъ Мирабель была въ мужскомъ платьѣ и въ шляпѣ съ зелеными перьями. Она вошла въ домъ Банкалей, и вы сами вывели ее потомъ на улицу и взяли съ нея клятву. Прошу васъ вспомнить это.

Лицо Бастида сморщилось, точно онъ хотѣлъ отмахнуть назойливую муху, и онъ повторилъ энергично и громко:

— Я эту даму не знаю. Я никогда ее не видалъ.

Сжатыя губы его выразили непобѣдимую рѣшимость отнынѣ не нарушать молчанія.

Жозіонъ поправилъ парикъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Что вы можете отвѣтить на это, мадамъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Клариссѣ, которая стояла съ совершенно растерянным видомъ.

— Онъ не можетъ знать, что я его видѣла, — тихо сказала она.

Бастидъ снова обернулся къ ней, и въ нѣсколько косомъ взглядѣ его усталыхъ блестящихъ глазъ мелькнули любопытство и насмѣшка, но лишь такая, съ какой онъ сталъ бы разглядывать своеобразную разновидность гриба или паука. Онъ какъ бы внутренно взвѣсилъ эту нѣжную дѣтскую фигурку, мимолетно удивился ея нервнымъ движеніямъ, лихорадочно возбужденнымъ глазамъ, безпомощному дрожанію губъ, удивился брошеннымъ на полъ кружевамъ. Но, къ великому удивленію, онъ увидѣлъ, что она протянула руки съ мольбой къ нему.

Слѣдователь вскочилъ и крикнулъ Клариссѣ съ искаженнымъ лицомъ:

— Не шутите съ нами, сударыня, это вамъ можетъ дорого обойтись! Говорите же наконецъ. Насильно взятая клятва не имѣетъ силы. Спокойствіе вашихъ согражданъ, спокойствіе страны зависитъ отъ васъ. Освободитесь отъ чаръ этого злодѣя! Ваша наглая улыбка, Грамонъ, попомнится вамъ на судѣ!

Пино подошелъ къ Бастиду и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо. Бастидъ поднялъ руки и приставилъ сжатые кулаки къ глазамъ съ выраженіемъ мучительнаго гнѣва. Кларисса подошла, шатаясь, къ столу слѣдователя и, поблѣднѣвъ какъ смерть, воскликнула:

— Все это ложь! ложь! ложь!

Слѣдователь Жозіонъ оглядѣлъ ее съ головы до ногъ и холодно сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ объявляю васъ подъ судомъ и заявляю вамъ, что вы арестованы.

Тѣнь мрачнаго довольства пробѣжала по лицу Клариссы. Повернувшись къ Бастиду Грамону съ быстротой искусной балерины, она взглянула на него такъ, какъ глядятъ на закатѣ душнаго дня на небо, подернутое тучами, и, болѣзненно вздохнувъ, тихо назвала его по имени. Но онъ отступилъ на шагъ, точно его коснулось что-то нечистое, и никогда передъ тѣмъ Кларисса не испытывала на себѣ такого взгляда, не видала такого безгранично презрительнаго выраженія лица. У нея задрожали колѣни, она почувствовала дурноту и на рѣсницахъ заблестѣли слезы. Только послѣ того, какъ за ней закрылись двери

тюрьмы, прошло у нея чувство тяжкаго униженія, испытаннаго отъ взгляда Бастида. Ее осилили стыдъ и раскаяніе, и ее едва утѣшала лишь до нѣкоторой степени таинственность ея положенія. Ей казалось, что она лишена охраны законовъ, что она выбита изъ колеи, въ которой причины и слѣдствія, навсегда скованныя вмѣстѣ, медленно ползутъ по пути осуществленія.

Соотвѣтственно своему общественному положенію, она была помѣщена въ самую лучшую камеру тюрьмы. Первые часы она пролежала на соломенномъ тюфякѣ и извивалась въ судорогахъ. Когда сторожъ, внявъ ея настойчивымъ просьбамъ, принесъ ей свѣчу—она боялась сойти съ ума въ темнотѣ,—то свѣтъ упалъ на Распятіе, висѣвшее на сѣрой стѣнѣ. Она вскрикнула; ея болѣзненно напряженное воображеніе нашло сходство между ликомъ Спасителя и лицомъ Бастида Грамона. Его губы также сжались мучительнымъ кольцомъ, когда онъ прижалъ кулаки къ глазамъ.

Она еще разъ попыталась ополчиться на судьбу, безмѣрно покаравшую ее. Ея настоящей стихіей была жизнь въ обществѣ; ей хотѣлось быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ людьми. Она потребовала чернилъ и бумаги и написала письмо префекту.

„Правосудія, господинъ графъ!—писала она.—Есть еще время предотвратить величайшее несчастіе. Вспомните, какими усиліями вы выпытали у меня то, что считаете правдой; вспомните, какія угрозы заставили меня уступить вамъ. Я—жертва обстоятельствъ. Все, въ чемъ я призналась—ложь. Ни одинъ разумный человѣкъ не откроетъ въ моихъ словахъ тѣни правдоподобія. Я дала въ порывѣ отчаянія фальшивое показаніе. Скажите моему отцу, что дочь отнята у него его жестокостью, а не моимъ мнимымъ преступленіемъ. Я уже не знаю, чему вѣрить,—прошлое исчезаетъ изъ моей памяти, моя увѣренность начинаетъ колебаться. Если я прошу слишкомъ многаго, взывая къ справедливости, то буду молить лишь о пощадѣ, графъ. Судьба приготовила мнѣ испытаніе, но сердце мое чисто, какъ ясный день“.

Письмо ни къ чему не привело. Было слишкомъ поздно для словъ, даже еслибы они прогремѣли изъ устъ пророка. На слѣдующее утро Клариссѣ показали многихъ изъ числа свидѣтелей и заключенныхъ. Явились Бахъ, Банкали, солдатъ Коларъ, Роза Фераль, Мисонье и маленькая Магдалина Банкаль. Бускье заболѣлъ. Видъ потерянныхъ, едва двигающихся отъ изнеможенія, запуганныхъ всяческими терзаніями, озлобленныхъ и на все готовыхъ существъ встревожилъ Клариссу до глубины души и въ то же время внушилъ ей чувство неизгладимой осквернености

ихъ близостью.—Это она?—спрашивали каждаго изъ этихъ несчастныхъ, и всѣ съ дерзкимъ равнодушіемъ отвѣчали:—Да, она. Только Мисонье стоялъ и смѣялся какъ идіотъ.

Кларисса была изумлена. Она не ожидала такихъ опредѣленныхъ, твердыхъ отвѣтовъ. Она съ внутренними рыданіями отгоняла отъ сознанія несомнѣнность положенія, въ которомъ она очутилась, и съ ужасомъ искала въ мысляхъ путь къ прошлому, на которомъ настоящее покоилось. Ея потрясенный духъ углублялся въ прежніе годы, вплоть до юности, до дѣтства; она старалась открыть тамъ своего двойника и врага. Все жуткое и чуждое въ ея душѣ превращалось постепенно въ сущность и центръ ея существованія, и ночное убійство въ домѣ Банкалей преобразилось, какъ и весь остальной міръ, въ видѣніе крови и ранъ.

Но мрачные фантастическіе образы были путемъ, который велъ къ Бастиду Грамону. Его преступность казалась ей прекрасной. Быть можетъ, губы его коснулись ея губъ, прежде чѣмъ онъ взялъ въ руку ножъ. Она сочетала собственную вину, омрачающую ея душу, съ его виной, еще большей. То, что разрывало его связь съ людьми, соединяло его съ нею. Она не думала о томъ, какія причины побудили его совершить убійство. Мысль о преступленіи навѣрное зародилась у него тогда, когда она увидала его въ первый разъ, когда онъ какъ бы впитывалъ въ себя весь лѣсъ, всю весну. Все равно, окуналъ ли онъ руки въ солнечный свѣтъ или въ кровь,—и то, и другое завершало красоту его образа и нужно было ей для ея мрачной страсти. Фуальдесъ былъ злымъ демономъ, котораго нужно было уничтожить. „Боже!—думала она въ странномъ упоеніи:—знай я это, я бы совершила этотъ подвигъ за него, и была бы героиней, какъ Шарлотта Кордэ“. Но почему онъ не сознается? Почему онъ поглядѣлъ на нее съ уничтожающе-презрительнымъ взглядомъ, котораго она не могла забыть и который все еще горѣлъ на ней, какъ клеймо позора? Или онъ такъ гордъ, что не хочетъ преклониться передъ закономъ, для котораго его подвигъ равенъ дѣянію всякаго уличнаго разбойника? Нѣтъ сомнѣнія, онъ не признаетъ этихъ людей своими судьями. Значитъ, она можетъ потянуть его внизъ за собой, можетъ сдѣлать его зависимымъ отъ движенія ея устъ, можетъ приручить свободнаго дикаго звѣря, и она забыла, что поставлено на карту, забыла желѣзный законъ причинности, который управлялъ теперь событіями, и отдалась своимъ чувствамъ, какъ дитя, еще не знающее о смерти.

На шестнадцатое октября назначено было разбирательство дѣла въ судѣ. Въ полдень десятаго числа Кларисса заявила, что желаетъ говорить съ слѣдователемъ. Когда ее привели къ нему, она сказала, что желаетъ открыть наконецъ всю правду. Жозіонъ призвалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ своихъ писцовъ.

— Я вошла въ комнату и увидѣла, какъ сверкнулъ ножъ,— стала разсказывать Кларисса.—Я вбѣжала въ альковъ; Бастидъ Грамонъ поспѣшилъ за мной, обнялъ меня и поцѣловалъ. Онъ мнѣ сказалъ, что Фуальдеса необходимо убить, потому что этотъ дьяволъ разбилъ его счастье, лишилъ его жизнь всякой радости. Бастидъ былъ въ какомъ-то упоеніи, и когда я стала возражать, онъ опять закрылъ мнѣ ротъ поцѣлуями и цѣловалъ меня такъ, что я не могла оказать сопротивленія. Послѣ того онъ заставилъ меня принести клятву, затѣмъ ушелъ, и я слышала стоны и страшный крикъ маленькой Магдалины Банкаль. Она лежала въ постелькѣ, потомъ вдругъ сѣла и заплакала. Тогда я потеряла сознаніе и пришла въ себя уже на улицѣ.

Все это она произнесла усталымъ, равнодушнымъ тономъ. Звукъ голоса ея былъ какой-то стеклянный, глаза подернулись и были полузакрыты, маленькія ручки тяжело свѣшивались по бокамъ, и, замолчавъ, она странно улыбалась, глядя въ пространство.

— Вы, значитъ, уже видѣлись раньше съ Бастидомъ Грамономъ?—спросилъ слѣдователь.

— Да. У насъ были свиданія въ лѣсу. Вблизи Ла-Морнъ есть старый колодезь на полѣ. Мы часто сходились и тамъ—въ особенности въ лунныя ночи. Разъ Бастидъ посадилъ меня съ собой на лошадь, и мы помчались съ бѣшеной скоростью къ ущелью Гиньоль. Я спросила: „Почему вы такъ быстро мчитесь, Бастидъ?“ Онъ прошепталъ: „Я убѣгаю отъ себя и отъ людей“. Но въ другіе дни онъ былъ очень нѣженъ и добръ. Я никогда не встрѣчала лучшаго человѣка, чѣмъ онъ.

Голосъ ея становился все болѣе серебристымъ, и она стала говорить, наконецъ, какъ въ трансѣ или во снѣ. Ей прочли ея показанія; она спокойно и не колеблясь подписала ихъ, затѣмъ слѣдователь объявилъ ей, что она свободна.

Въ замкѣ ее встрѣтили враждебно. Тѣ немногіе слуги, которые остались въ домѣ, дерзко шипѣли ей вслѣдъ, никто не прислуживалъ ей, и ей пришлось самой принести себѣ изъ кухни кувшинъ воды. Когда отецъ ея вернулся домой, онъ уже зналъ, какъ и весь городъ, о признаніяхъ Клариссы. То обстоятельство, что между нею и Бастидомъ были любовныя отношенія, сразу озаряло все предыдущее и окружало сіяніемъ ея прежнее мол-

чаніе. Но отецъ Клариссы еще суровѣе отстранился отъ дочери, узнавъ про это. Когда онъ увидѣлъ Клариссу на порогѣ ея комнаты, онъ отвернулъ лицо и выразилъ жестомъ свое отвращеніе.

Въ этотъ день у предсѣдателя было нѣсколько гостей къ обѣду. Когда всѣ сидѣли за столомъ, открылась дверь и появилась Кларисса. Де-Сегюрэ вскочилъ со стула, задыхаясь отъ гнѣва.—Уходи!—хрипло крикнулъ онъ, вытянувъ руку.—Уходи!

Но Кларисса не послушалась и подошла къ столу. Лицо ея сіяло. Она посмотрѣла отцу прямо въ глаза, и тотъ опустилъ взоръ, точно ослѣпленный.

— Не брани меня, отецъ!—сказала она мягко, съ неотразимой грустью и мольбой въ голосѣ.

Она обратилась къ одному изъ присутствующихъ съ самымъ обыденнымъ вопросомъ. Тотъ растерялся, изумился, но не могъ противиться ея обаянію. Ея лицо, поблѣднѣвшее отъ тюремнаго воздуха, сдѣлалось одухотвореннымъ. Самое простое слово изъ ея устъ полно было особаго очарованія.

Разговоръ сдѣлался общимъ; гости побѣдили и даже забыли свое первое изумленіе. Остроуміе и живость Клариссы произвели на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Во всемъ ея существѣ чувствовалась страстность, покорявшая всѣ сердца. Въ движеніяхъ ея было что-то манящее, глаза блестѣли мечтательнымъ огнемъ. Внимая ей противъ воли, отецъ ея все-таки не могъ не поддаться обаянію, которое увлекло его гостей. Покоренный ею, онъ забылъ свой гнѣвъ и принялъ участіе въ общемъ разговорѣ, хотя грудь его давила страшная тяжесть. Говорили о политикѣ, о книгахъ, объ искусствѣ, объ охотѣ, о войнѣ, обо всемъ и ни о чемъ въ частности; сверкали перекрестныя шутки, блестящія фразы, раздавался смѣхъ въ перемежку съ серьезнымъ разговоромъ. По временамъ казалось, точно разыгрывается мастерски исполненная сцена комедіи, или точно легкое опьяненіе шампанскимъ окрылило всѣ умы. Всѣ старались превзойти самихъ себя, а Кларисса управляла всѣмъ, какъ фея управляетъ голубями, везущими ея облачную колесницу.

Вскорѣ послѣ полуночи она поднялась; мимолетная, дикая улыбка промелькнула на ея лицѣ. Она поклонилась почти церемонно и вышла; наступило внезапное неловкое молчаніе. Когда де-Сегюрэ пошелъ провожать своихъ гостей, у него былъ очень разстроенный видъ, и они всѣ ушли изъ замка тихо, крадучись, какъ воры.

Предсѣдатель Сегюрэ ходилъ еще нѣсколько времени взадъ и впередъ по залѣ. Вскорѣ его сталъ раздражать звукъ собствен-

ныхъ шаговъ; онъ вышелъ въ садъ и, гуляя по извилистымъ дорожкамъ, облегченно вдыхалъ ночную прохладу. Гуляя по аллеямъ, онъ увидѣлъ полосу свѣта, падавшую на дорогу. Онъ всталъ на край маленькаго фонтана, чтобы заглянуть въ комнату Клариссы; ея окна были открыты. Онъ съ трудомъ подавилъ крикъ изумленія, увидавъ, что Кларисса, въ ночномъ одѣяніи и съ выраженіемъ экстаза на лицѣ, упоенно танцуетъ. Глаза ея были закрыты, точно заперты, брови подняты высоко на лобъ, плечи покачивались въ ритмъ какихъ-то неслышныхъ звуковъ, то страшно быстро, то чрезмѣрно медленно. Вдругъ она схватила какой-то предметъ,—это было зеркало. Взглянувъ въ него, она въ ужасѣ уронила его на полъ, и отецъ ея ясно услышалъ звонъ осколковъ. Потомъ она подошла къ окну, раскрыла платье на груди, положила руки на обнаженную грудь и стала глядѣть вдаль, прямо туда, гдѣ стоялъ ея отецъ. Онъ испугался, что она его увидитъ, но этого не случилось. Не замѣчая его, она поглядѣла нѣсколько времени на несущіяся вдаль облака и потомъ закрыла окно. Де-Сегюрэ простоялъ еще довольно долго, не двигаясь съ мѣста, и никакъ не могъ придти къ какому-нибудь заключенію. „Кого она обманываетъ?—подумалъ онъ съ печалью:—себя, или людей, или Бога?“

Въ эту ночь Кларисса впервые послѣ долгаго времени спокойно уснула. Но когда она ложилась въ бѣлую постель, ей показалось, что подушки обагрились, и она впала въ сонъ, какъ падаютъ въ пропасть. Ей снились пейзажи, страшные дома и небо, похожее на запекшуюся кровь. Она сама шла въ серебристомъ сіяніи, какъ невѣста, и хотя она никого не видѣла и никто не касался ея, все же она чувствовала на губахъ пламенные поцѣлуи, и у нея было такое чувство, точно въ лонѣ ея что-то шевелится.

То же волненіе не покидало ее и въ слѣдующіе дни. Между нею и міромъ лежалъ серебристый покровъ. Изъ страха разорвать его, она стала говорить тихо и ходила медленными шагами. Наканунѣ суда, возвращаясь съ поля, она увидѣла у воротъ замка двухъ женщинъ. Одна изъ нихъ бросилась ей навстрѣчу, упала на колѣни и схватила ее за руки. Это была Шарлотта Арлабосъ.

— Что вы сдѣлали! — прошептала красивая дѣвушка, задыхаясь.—Онъ не виновенъ. Клянусь именемъ Христа, онъ невиновенъ. Сжальтесь — если не надо мной, то надъ его старой матерью!

Заходящее солнце озаряло краснымъ свѣтомъ черты лица, искаженныя мольбой. За Шарлоттой стояла очень полная дама

съ большими бородавками на рукахъ; лицо ея было исхудавшее и неподвижное, какъ у мертвой. Она была похожа на дерево въ полномъ соку, у котораго отсохла верхушка.

Кларисса сдѣлала отстраняющій жестъ рукой, но лицо ея при этомъ оставалось спокойнымъ. На секунду ей показалось, что она узнаётъ себя въ женщинѣ, стоящей на колѣняхъ, что она видитъ своего двойника, и жестокое чувство торжества наполнило ея сердце.

— Не безпокойтесь, дитя мое,—сказала она съ тихой улыбкой:—что касается Бастида, то все уже рѣшено.

Съ этими словами она открыла ворота и вошла въ домъ.

Въ этотъ вечеръ Кларисса рано легла спать, но проснулась уже въ четыре часа утра и начала одѣваться. Она выбрала черное бархатное платье и прикрѣпила брилліантовую звѣзду къ корсажу, подъ обнаженной шеей. Сердце ея билось учащенными ударами по мѣрѣ того, какъ приближался часъ суда. Въ восемь часовъ подали коляску; до Альби, гдѣ засѣдалъ судъ, было довольно далеко. Самъ де-Сегюрэ уѣхалъ верхомъ уже рано утромъ—никто не зналъ, куда.

На улицахъ стараго города толпилось такъ много народа, что лошадямъ пришлось идти шагомъ. Коляску окружили со всѣхъ сторонъ, и всѣ стали заглядывать въ открытыя окна. Женщины поднимали дѣтей на рукахъ, чтобы и они видѣли знаменитую Клариссу Мирабель.

Она не скрывалась отъ любопытствующихъ взоровъ, и сидѣла, улыбаясь, какъ невѣста, высоко поднявъ свои черныя брови.

Ровно въ десять часовъ явился предсѣдатель суда Энжальранъ. Зала была переполнена народомъ. Послѣ прочтенія длиннѣйшаго обвинительнаго акта, вызванъ былъ къ допросу Бастидъ Грамонъ.

Твердо, какъ бронзовое изваяніе, стоялъ онъ передъ судейскимъ столомъ. Отвѣты его были холодные, ясные и краткіе. Онъ теперь понималъ съ начала до конца нелѣпую сказку, сотканную изъ глупости и злобы. Онъ язвительно насмѣхался надъ всѣми, выражая этимъ свое безграничное презрѣніе къ обвинителямъ, и привелъ въ большое смущеніе защитника, котораго судъ назначилъ ему передъ самымъ судомъ и съ которымъ онъ упрямо отказался вести переговоры.

Отъ времени до времени онъ устремлялъ взоръ на высокія, какъ въ церкви, окна; когда онъ замѣтилъ на карнизѣ птичку,

зарывшую желтый клювъ въ перья на грудкѣ, онъ на минуту взволновался, и губы его скорбно раскрылись.

Допросъ его длился очень недолго. Это была простая формальность, потому что судьба его была рѣшена заранѣе. Съ Бахомъ, Коларомъ и другими обвиняемыми предсѣдателю Энжальрану легко было справиться; ихъ показанія были какъ бы закаменѣлыми. Бускье умеръ въ тюрьмѣ. Изъ другихъ же каждый старался, какъ умѣлъ, выгородить себя, и всѣ они казались разбитыми, совершенно безвольными существами. Сильное впечатлѣніе произвелъ старикъ Банкаль. Съ нимъ сдѣлалась истерика во время допроса, и онъ дошелъ до полнаго бѣшенства, доказывая свою невинность. Горбатый Мисонье ухмылялся, когда рѣчь шла объ его присутствіи при убійствѣ; онъ впалъ въ животное состояніе вслѣдствіе долгаго сидѣнія въ тюрьмѣ и постоянныхъ допросовъ. Маленькая Магдалина Банкаль вела себя какъ на сценѣ, посылала воздушные поцѣлуи своимъ знакомымъ и покровителямъ, сидѣвшимъ въ публикѣ. Роза Фераль поблѣднѣла какъ снѣгъ при видѣ кровавыхъ тряпокъ, лежавшихъ передъ нею на столѣ, и не могла произнести ни слова. Жена Банкаля показала, что адвоката Фуальдеса втащили въ домъ шесть человѣкъ и заставили его подписывать нѣсколько бумагъ „вдоль и поперекъ", какъ она выразилась. На слѣдующій день, по ея словамъ, она нашла одинъ изъ векселей, но такъ какъ онъ былъ забрызганъ кровью, то сожгла его. Больше она ничего не хотѣла показывать, тупо молчала въ отвѣтъ на дальнѣйшіе вопросы и сказала, наконецъ, что все, что она еще знаетъ сверхъ сказаннаго, она сообщитъ только на исповѣди.

Свидѣтели показывали самое невѣроятное съ поразительнымъ душевнымъ спокойствіемъ. Память ихъ была такая необыкновенно хорошая, что они помнили по часамъ и минутамъ такія подробности, какія обыкновенно забываются на слѣдующій день. Они разсказывали, что видѣли людей ночью, въ туманѣ, узнавали ихъ лица, ихъ движенія, цвѣтъ ихъ платья. Они слышали черезъ толстыя стѣны слова, сказанныя шопотомъ, и тихіе стоны. Одинъ нищій, по имени Лавиль, который приходилъ ночевать въ хлѣвъ къ Мисонье, слышалъ, какъ четыре человѣка несли ношу,—какъ люди, которые тащатъ бочку. Бастидъ Грамонъ смѣялся, слушая нѣкоторыя показанія, и заявлялъ, что все это—безсовѣстная ложь. Когда жена Банкаля принялась сочинять разныя небывальщины, онъ заявилъ, что ожидалъ еще бо́льшаго отъ старухи, которая, наконецъ, разрѣшилась отъ бремени молчанія и начала выдумывать. Другой свидѣтельницѣ онъ, весь дрожа, пригрозилъ, что

на нее падетъ тяжкая кара небесная и что ребенокъ ея умретъ страшной смертью. Онъ походилъ на борца, который сражается съ туманомъ. Никто собственно не отвѣчалъ ему; онъ былъ одинокъ, и противорѣчія, которыя онъ разбивалъ, оставались противорѣчіями. Сначала онъ сохранялъ твердость духа, держался стойко, смотрѣлъ свидѣтелямъ прямо въ лицо. Но потомъ онъ точно пересталъ понимать значеніе словъ, не только своихъ собственныхъ, но всѣхъ словъ на свѣтѣ. Ему казалось, что онъ теряетъ почву подъ ногами и падаетъ неудержимо черезъ пространство куда-то въ бездну. Онъ съ ужасомъ спрашивалъ себя, дѣйствительно ли то, что происходитъ,—жизнь и можетъ быть названо жизнью? Дивное зданіе природы казалось ему теперь запустѣлымъ, разрушеннымъ, какъ треснувшая отъ бури стѣна. Раскрытыя уста всѣхъ этихъ людей были точно разверзающаяся въ отвратительныхъ судорогахъ пасть. Духъ его открылся для мрака, стыдъ сжигалъ его. Бастидъ стыдился безымяннаго Бога, стыдился, что у него такое же тѣло, какъ у всѣхъ, стоявшихъ вокругъ него. Онъ любилъ міръ, когда-то любилъ людей, и теперь стыдился этого. Ему было больно, что онъ когда-либо питалъ надежды, что онъ успокаивалъ сердце ожиданіями, что видъ неба и солнца могъ исторгнуть у него радостный взоръ, что шутки могли вызвать у него улыбку. Ему хотѣлось бы никогда не выдавать своей внутренней жизни, быть какъ камень на дорогѣ для того, чтобы не стать свидѣтелемъ судьбы передъ собственнымъ заклейменнымъ, истерзаннымъ и неслыханно униженнымъ духомъ... Уже мыслить казалось ему позоромъ, а тѣмъ болѣе позорнымъ было бы сказать хоть слово. Бастидъ замкнулся въ молчаніе и сталъ глядѣть въ открывавшійся ему ликъ смерти.

Уже подъ вечеръ вызвали, наконецъ, въ залу засѣданія главную свидѣтельницу, Клариссу Мирабель, и утомленная публика сразу вся встрепенулась. Кларисса вошла и, несмотря на духоту въ залѣ, почувствовала ознобъ. Произнося присягу, она вся дрожала. Предсѣдатель Энжальранъ сказалъ ей, что она должна говорить только правду. Какимъ-то чужимъ, тусклымъ голосомъ она повторила нѣсколько торопливо показаніе, которое дала слѣдователю. Въ залѣ воцарилась жуткая тишина, и голосъ ея поэтому становился все болѣе тихимъ. Она стала приводить множество подробностей, сказала, что видѣла длинный ножъ на столѣ, что видѣла, какъ Банкаль и Коларъ внесли деревянную ванну, и что адвокатъ Фуальдесъ сидѣлъ тѣмъ временемъ у стола и писалъ, наклонивъ плечи. Она видѣла также, по ея словамъ,

ОБЛАСТНАЯ ЗЕМСКАЯ БИБЛИОТЕКА

таинственнаго незнакомца съ деревяшкой, и замѣтила, что Бахъ и Бускье развернули большую простыню. На вопросъ, почему она пришла въ мужскомъ платьѣ, она не дала никакого отвѣта. Затѣмъ, она заговорила шопотомъ, судорожно сжавъ пальцы, наклонивъ голову, подавшись впередъ своимъ худощавымъ туловищемъ и вся извиваясь, какъ звѣрь, но въ то же время съ блаженной улыбкой, придававшей ея лицу выраженіе тихаго безумія. Когда она стала разсказывать, что Бастидъ обнималъ и цѣловалъ ее въ темномъ альковѣ, Бастидъ вскочилъ, всплеснувъ въ отчаяніи руками, кинулся на нѣсколько шаговъ впередъ и сталъ рядомъ съ ней. Слышно было, какъ тяжело онъ дышалъ.

Предсѣдатель призвалъ его къ порядку, говоря, что онъ ведетъ себя непристойно, но Бастидъ крикнулъ могучимъ, громовымъ голосомъ:

— Клянусь Господомъ, Который слышитъ меня и будетъ меня судить, что все это — неслыханная ложь! Я никогда не касался пальцемъ этой женщины, никогда не видѣлъ ее.

Кларисса сдѣлалась блѣдной, какъ стѣна. Ей казалось, что только теперь она услышала трескъ разбитаго зеркала, которое бросила на полъ послѣ пляски. Когда прокуроръ попросилъ ее продолжать, она замолчала. Глаза ея закатились и все тѣло судорожно затрепетало.

— Да говорите же! — крикнулъ ей Бастидъ Грамонъ, и возмущеніе душило его.—Говорите! Ваше молчаніе еще пагубнѣе для меня, чѣмъ ваша ложь.

Тогда Кларисса подняла къ нему глаза и спросила съ глубокимъ волненіемъ:

— Неужели вы меня дѣйствительно не знаете, Бастидъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — крикнулъ онъ, и, поднявъ глаза кверху, простоналъ:

— Она безумная!

Въ теченіе одной секунды лицо Клариссы сначала побагровѣло, а потомъ сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ. Обернувшись еще разъ къ Бастиду, она произнесла тономъ глубокаго упрека:

— Убійца!

Публика зааплодировала. Наконецъ произнесено было слово истины! Кларисса зашаталась; къ ней подскочилъ служитель и поддержалъ ее; нѣсколько дамъ поднялись съ мѣстъ и стали приводить ее въ себя. Прошло цѣлыхъ полчаса, прежде чѣмъ она очнулась, и тогда видъ ея страшно измѣнился; она точно постарѣла на двадцать лѣтъ. Предсѣдатель Энжальранъ пытался продолжать допросъ, но она отвѣчала телько полу-словами, го-

воря, что не знаетъ, что, можетъ быть, это дѣйствительно такъ,—что она не хочетъ возражать. Бастидъ Грамонъ снова опустился на скамью подсудимыхъ—на лицѣ его отразились безграничная печаль и изумленіе. Товарищъ предсѣдателя попросилъ Клариссу продолжать, разъ она начала говорить.

— Умоляю васъ, говорите ясно!—сказалъ онъ.—Отъ васъ зависитъ спасти невиннаго или возвести его на эшафотъ.

Кларисса молчала, точно ничего не слыша. Въ сердцѣ ея носился, какъ утренній туманъ надъ водой, радовавшій ея душу, обаятельный образъ. Пино обратился тогда къ ней со строгимъ внушеніемъ.

— Не думайте,—сказалъ онъ,—что можно по произволу умалчивать или говорить то, что хочется.—Но послѣ того прокуроръ сталъ говорить за нее, истолковывая ея молчаніе по-своему.

— Она вѣдь сама сказала,—объяснялъ онъ,—что твердо убѣждена въ преступленіи, но не можетъ изложить причинъ—почему. Достаточно, что мы изъ ея устъ узнали самое главное.

Прокуроръ заявилъ даже, что всякое дальнѣйшее настаиваніе было бы неприлично. Но онъ не успѣлъ еще закончить свою рѣчь, какъ его прервала Кларисса. Она подняла правую руку и сказала торжественнымъ тономъ:

— Я не произносила никакой клятвы.

Бастидъ Грамонъ поднялъ глаза. Оправившись отъ оглушающаго впечатлѣнія первой минуты, онъ поднялся и сказалъ спокойнымъ и тѣмъ болѣе проникновеннымъ голосомъ:

— Стѣны темницъ теперь молчатъ. Но когда-нибудь онѣ все-таки заговорятъ и назовутъ тѣ тайныя средства, которыми заставили этихъ несчастныхъ сдѣлать изо лжи орудіе обороны. Фуальдесъ не былъ мой врагъ, а только мой кредиторъ. Еслибы даже жадность могла сбить съ пути добра честнаго и умѣреннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, еслибы она могла совратить меня на преступленіе, то все же я бы не поднялъ руки противъ беззащитнаго старика. Хотите жертву, такъ возьмите меня,—я готовъ; но не объединяйте моей судьбы съ судьбой всѣхъ этихъ презрѣнныхъ людей. Моя семья, жившая всегда въ деревнѣ простой, строгой сельской жизнью, теперь опозорена. Мать моя плачетъ и не переживетъ этого горя. Судите сами, могу ли я, погрузившись въ это море бѣдствій, еще питать любовь къ жизни. Я любилъ когда-то свободу, я любилъ звѣрей, воду, небо, воздухъ и плоды деревьевъ. Но теперь я опозоренъ, и еслибы передо мной было еще будущее,—оно было бы лип-

кимъ отъ позора и вкусъ времени сталъ бы горькимъ для меня. Развѣ я стою теперь передъ судомъ? Нѣтъ, это не судъ, а травля; судьи превратились въ охотниковъ и ловятъ безвиннаго на жаркое толпѣ. Я не требую больше правосудія,—вознаградить меня за все, что я испыталъ—невозможно; даже еслибы мнѣ предложили корону Франціи—этого не было бы достаточно. Я отдаю себя вамъ въ жертву. Пусть совѣсть ваша будетъ отягчена этимъ бременемъ; одинъ виновный создаетъ тысячу другихъ, и дѣти вашихъ дѣтей будутъ покрывать живую землю позоромъ.

Грозная тишина послѣдовала за этими словами. Потомъ вдругъ поднялся невообразимый шумъ. Публика и присяжные поднялись съ мѣстъ, стали грозить кулаками Бастиду Грамону; всѣ кричали и ревѣли, и громовыя увѣщанія предсѣдателя терялись въ общемъ гудѣ. Потомъ вдругъ опять наступила мертвая тишина. Протяжный крикъ, поднявшійся на фонѣ общаго шума, продолжалъ жалобно звучать, наводя ужасъ на всѣхъ присутствующихъ. Всѣ лица застыли, всѣ взоры устремились на Клариссу. Она чувствовала, какъ на нее обрушились всѣ взгляды, точно балки разрушающагося зданія.

Жажда возмездія, охватившая громадную толпу, сожгла ея сердце. Рѣчь прокурора снова собрала во едино всѣ орудія злобы, искавшей жертвъ. Онъ сумѣлъ такъ искусно и красочно изобразить роковую ночь убійства, что ужасъ ожилъ во всѣхъ сердцахъ. Защитникъ Бастида, напротивъ того, ограничился высокопарными фразами. Онъ самъ воспламенялся, но слушатели его оставались холодны. Въ то время, какъ онъ говорилъ, среди публики поднялась суматоха. Въ залу вбѣжала черная собака, оглядѣла публику сверкающими глазами и, подбѣжавъ къ Бастиду, легла у его ногъ съ короткимъ привѣтственнымъ лаемъ. Бастидъ взволнованно положилъ руку на шею собаки и устранилъ властнымъ движеніемъ жандарма, который хотѣлъ удалить звѣря.

Когда судъ удалился для совѣщанія, никто не осмѣливался громко заговорить. Только-какая то женщина зарыдала, и ей велѣли замолчать. Это была подруга Колара. Она обняла за плечи несчастнаго солдата, и на лицѣ ея, залитомъ слезами, выражалось одно единственное желаніе—раздѣлить его участь. Къ Бастиду подошелъ одинъ его родственникъ, чтобы поговорить съ нимъ, но Бастидъ покачалъ головой и даже не взглянулъ на него. Лицо его было точно сонное, и никакія слова не имѣли для него цѣны. Но все же онъ поднялъ одинъ разъ глаза, и послѣ того какъ они долго глядѣли куда-то въ неизмѣримую даль, они встрѣтились съ глазами Клариссы. И эта чужая жен-

щина вдругъ не показалась ему чужой. Онъ снова услышалъ звукъ ея голоса, когда она назвала его убійцей. Что это? Въ голосѣ ея звучала скорѣе мольба о помощи, чѣмъ обвиненіе. И что значилъ ея молящій взоръ—такой, точно какія-то невидимыя руки схватили ее за горло и душили ее? И какая она странно-нѣжная, почти безъ возраста, дрожащая, какъ молодая березка осенью?

Два одинокихъ существа, потерпѣвшія крушеніе, увлеченныя подводнымъ теченіемъ, попадаютъ иногда на одинъ путь; каждый приплылъ изъ другого міра, и они не могутъ отпустить доску, на которой держится ихъ жизнь, не могутъ даже протянуть другъ другу руку, увлекаемые стихающей бурей въ невѣдомыя глубины. Есть что-то странно-призрачное въ жалости одного изъ нихъ къ другому. Но мучительное мрачное изумленіе Бастида снова утонуло въ опьяненіи одолѣвшей его усталости; внимательные глаза его собаки казались ему теперь двумя красноватыми звѣздами промежъ черныхъ верхушекъ деревъ. Онъ выслушалъ смертный приговоръ, когда вернулся судъ. Поднявшись, онъ старался вникнуть въ слова предсѣдателя. Они звучали въ его ушахъ, какъ шумъ падающихъ на увядшіе листья капель дождя. Онъ слышалъ, что самъ что-то сказалъ, но не сознавалъ, что именно. Онъ увидѣлъ въ тускломъ освѣщеніи устремленныя на него лица, и они произвели на него впечатлѣніе червивыхъ, гнилыхъ яблокъ.

Приговоръ другимъ обвиняемымъ долженъ былъ быть объявленъ лишь на слѣдующій день. Толпа въ залѣ и въ корридорахъ медленно расходилась. Когда Кларисса прошла по корридору, всѣ разступились передъ ней, отступая къ стѣнамъ. Она узнала, что Бастида не увезутъ обратно въ Родесъ, а оставятъ въ тюрьмѣ въ Альби. Тогда она отослала ждавшій ее экипажъ и отправилась въ ближайшую гостинницу. Тамъ она взяла номеръ, потребовала бумаги и чернилъ, и написала отцу короткое письмо изъ нѣсколькихъ лихорадочныхъ фразъ: „Я не различаю болѣе, гдѣ правда, гдѣ ложь,—писала она.—Бастидъ невиновенъ, и я его погубила въ то время, какъ моя воля притягиваетъ меня къ нему. Еслибы я туда вернулась, откуда пришла, я бы непрерывно испытывала муки смерти; я иду поэтому туда, куда должна идти“. Уже было за полночь, но она попросила къ себѣ хозяина, несмотря на поздній часъ. Когда онъ явился, она попросила его послать письмо утромъ въ замокъ Перье́, а потомъ попро-

сила еще, чтобы онъ продалъ ей корзинку свѣжихъ плодовъ. Онъ вѣжливо отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію у него нѣтъ ничего въ запасѣ. Страстно настаивая на своей просьбѣ, она предложила заплатить въ десять, въ двадцать разъ больше, чѣмъ плоды могутъ стоить, и бросила золотую монету на столъ. „Это для умирающаго,—сказала она.—Вся жизнь отъ этого зависитъ“. Хозяинъ взглянулъ со страхомъ на блѣдное, возбужденное лицо знатной дамы, подумалъ и сказалъ наконецъ, что пойдетъ разбудить сосѣда и попроситъ плодовъ у него. Оставшись одна послѣ его ухода, Кларисса стала на колѣни передъ кроватью, зарыла голову въ подушки и зарыдала. Черезъ полчаса хозяинъ вернулся и принесъ корзинку, наполненную грушами, виноградомъ, гранатовыми яблоками и персиками. Онъ покачалъ головой вслѣдъ быстро убѣжавшей Клариссы и поднесъ съ любопытствомъ запечатанное письмо къ свѣчкѣ.

Улицы были пустынны и озарены блѣднымъ свѣтомъ луны. Маленькія окна маленькихъ домиковъ сонно мерцали. Гдѣ-то у воротъ стоялъ ночной сторожъ съ алебардой и что-то бормоталъ, точно пьяный. Передъ низкимъ зданіемъ тюрьмы было открытое пространство. Кларисса сѣла на каменную скамейку; по близости былъ фонтанъ, и она жадно напилась воды. Мягкія линіи близкихъ холмовъ незамѣтно сливались съ линіей горизонта; въ углубленіи долины свѣтился отблескъ костра, и, напрягая слухъ, она услышала звонъ колокольчиковъ. Значитъ, не весь міръ еще спитъ, и она можетъ еще одинъ разъ пріобщиться тревожнымъ сердцемъ къ человѣческой жизни. Посидѣвъ немного, она поднялась, подошла къ тюрьмѣ, поставила корзинку съ плодами на землю и постучала молоткомъ въ ворота. Она долго стучала, прежде чѣмъ вышелъ наконецъ привратникъ и очень сердито спросилъ, что ей нужно. „Мнѣ нужно видѣть Бастида Грамона“,—сказала она. Привратникъ взглянулъ на нее, какъ на сумасшедшую, пробормоталъ какую-то угрозу и хотѣлъ сейчасъ же захлопнуть ворота. Но Кларисса схватила его за руку одной рукой, а другой сорвала съ груди бриллiантовую брошь. „Вотъ, вотъ вамъ!“—пробормотала она. Старикъ поднялъ повыше фонарь, который держалъ въ рукѣ, и сталъ разглядывать со всѣхъ сторонъ сверкающіе бриллiанты. Кларисса, не понявъ его испуганно-радостнаго выраженія лица, подумала, что ему мало броши, и дала ему еще свой кошелекъ. „А что въ корзинѣ?“—освѣдомился онъ подобострастнымъ, но недовѣрчивымъ тономъ. Она показала. Онъ этимъ удовлетворился, подумалъ, что она любовница осужденнаго, и впустилъ ее. Закрывъ ворота, онъ по-

шелъ впереди нея. Они спустились на нѣсколько ступенекъ внизъ, потомъ пошли по узкому корридору. „Вы долго останетесь у него?“—спросилъ сторожъ, остановившись у желѣзной двери. Кларисса перевела духъ и сказала шопотомъ, что постучитъ въ дверь три раза, когда захочетъ уйти. Старикъ кивнулъ въ знакъ согласія, сказалъ, что будетъ ждать на лѣстницѣ, осторожно отворилъ дверь, далъ ей свой фонарь и заперъ дверь снаружи.

Очутившись внутри, Кларисса остановилась у стѣны и закрыла глаза, чтобы подождать пока успокоится ея безумное сердце. Помѣщеніе казалось довольно большимъ и жилымъ. Бастидъ лежалъ на соломенномъ тюфякѣ у противоположной стѣны; онъ спалъ въ платьѣ. „Какая тишина!“—подумала, содрогнувшись, Кларисса и подошла къ спящему на кончикахъ пальцевъ. „Какая тишина и на этомъ лицѣ, какъ прекрасно онъ спитъ!“—подумала она, и губы ея раскрылись въ безмолвной скорби. Она поставила фонарь на полъ, чтобы свѣтъ падалъ на его лицо, потомъ стала на колѣни и стала прислушиваться къ его ровному дыханію. Губы Бастида были плотно сжаты, вѣки не дрожали — явный признакъ отсутствія сновъ. Длинная борода окаймляла щеки и подбородокъ, голова опрокинулась нѣсколько назадъ и волосы блестѣли влажнымъ блескомъ. Постепенно мирное выраженіе его лица подѣйствовало и на Клариссу; всѣ слова, съ которыми она пришла, исчезли изъ ея памяти. Она рѣшила только поставить свой даръ у его постели и уйти. Она вынула плоды изъ корзины, и каждый разъ пугалась и останавливалась, когда хотя бы одна песчинка хрустѣла подъ ея ногами. Когда она выложила всѣ плоды, и нѣжно коснулась каждаго изъ нихъ, какъ живого, ей сдѣлалось легче на душѣ. Она уже такъ странно сочеталась съ смертью, что ужаснулась одной мысли о возвращеніи къ людямъ, и спокойно взялась за исполненіе того, чѣмъ преисполнена была ея душа. У нея возникло желаніе поцѣловать спящаго Бастида, и она склонилась надъ нимъ, но ее удержало властное чувство благоговѣнія еще больше, чѣмъ страхъ, что онъ можетъ проснуться. Тѣло ея судорожно вздрогнуло, она мысленно обняла его, и ей показалось, что она такъ же отдѣлена отъ земли, какъ жемчужина, выпавшая изъ кольца. Затѣмъ она тихонько поднялась, перешла на другую сторону комнаты, легла, вынула изъ кармана маленькій ножикъ и глубоко порѣзала на обѣихъ рукахъ жилы. Въ теченіе четверти часа она еще два раза простонала, и рука смерти тщетно пыталась смыть съ ея поблѣднѣвшихъ губъ сладостную улыбку.

Бастидъ спалъ еще нѣсколько времени, погруженный въ невѣдомыя бездны; тѣло и духъ его были скованы и оглушены забвеніемъ всего. Потомъ ему приснился сонъ. Ему казалось, что онъ въ большомъ закрытомъ помѣщеніи, и по срединѣ стоитъ роскошно накрытый столъ. У стола сидитъ много людей; они пьютъ и весело разговариваютъ. Вдругъ всѣ устремили взоры на средину стола, гдѣ очутился вдругъ сосудъ изъ плотнаго синяго стекла. До этой минуты сосуда не было на столѣ. „Что въ немъ? что это означаетъ? кто его принесъ?“—вопрошали темные голоса. Потомъ наступило страшное молчаніе. Всѣ взоры устремлялись то на сосудъ, то съ мрачной подозрительностью другъ на друга. Вдругъ веселые гости поднялись, и каждый сталъ обвинять другого, что онъ поставилъ на столъ закрытый сосудъ. Начался шумъ; одни вынули кинжалы, другіе держали стулья въ поднятыхъ рукахъ, и въ это время изъ сосуда поднялась тонкая фигура дѣвушки, нѣжная, точно бѣлый дымокъ. Лицо ея Бастидъ узналъ—это была клеветница Кларисса. Она глядѣла на него сверкающими, какъ у змѣи, глазами. Всѣ мужчины, слѣдя за направленіемъ ея взгляда, бросились на него.—„Смерть тебѣ! смерть тебѣ!“—кричали хриплые голоса, теряясь постепенно гдѣ-то вдали. Туманныя руки Клариссы вытянулись и раздвинули стѣну: за нею оказался цвѣтущій садъ, по срединѣ котораго стояла висѣлица, увѣшанная вѣтвями спѣлыхъ плодовъ. Бастидъ почувствовалъ себя снова мальчикомъ. Онъ медленно вышелъ въ садъ. Руки Клариссы витали надъ нимъ и снимали плоды. Страхъ смерти ослабѣлъ, побѣжденный опьяняющимъ запахомъ плодовъ, какъ облако наполнившимъ все помѣщеніе, весь міръ.

Онъ проснулся. Его первый сонный взглядъ упалъ на мерцающій свѣтъ фонаря, второй—на гигантскую грушу, желтую, какъ маленькій мѣсяцъ; она лежала подлѣ его постели. Съ изумленіемъ потянулся онъ къ ней, но когда онъ ее поднесъ ко рту, то увидѣлъ, что на ней кровь. Онъ испугался и подумалъ, что это еще сонъ. Но изъ оконъ струилась уже сѣрая утренняя заря. Онъ увидѣлъ остальные плоды, столь прекрасные, точно ихъ принесли изъ рая. Но и на нихъ была кровь. Маленькій, раздѣлившійся надвое, ручеекъ крови струился съ противоположнаго угла комнаты.

И Бастидъ увидѣлъ...

Онъ хотѣлъ подняться, но сонъ сковывалъ еще его члены.

Горькая, дикая скорбь сжала ему грудь. Ему не хотѣлось видѣть день, который такъ устало поднимался за окнами. Утомленный отъ ударовъ собственнаго сердца, зная все, что было и что должно быть, онъ призывалъ земной конецъ. Ему не хотѣ-

лось знать болѣе точно о судьбѣ, завершившейся у другой стѣны тюрьмы,—о судьбѣ, заградившей ему путь вліяніемъ темныхъ силъ. Ему не хотѣлось ничего болѣе знать о людяхъ, о томъ, что они созидаютъ, и о томъ, что они разрушаютъ. Ужасомъ сталъ для него человѣкъ.

И все же, когда взоръ его упалъ на дивные плоды, въ сердцѣ его проснулась жалость. Ему хотѣлось, по крайней мѣрѣ, закрыть глаза той, которая принесла плоды. Но въ эту минуту сторожъ повернулъ ключъ въ замкѣ, чтобы открыть дверь.

Съ нѣм. З. В.

ВОПРОСЫ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО

По поводу „Біографіи Л. Н. Толстого“ т. Бирюкова (Т. I. Спб. 1906) и „Полнаго собранія соч. Л. Н. Толстого, вышедшихъ за границей“ (Т. I. Спб. 1906).

I.

Если понимать подъ біографіей писателя не только очеркъ тѣхъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ зародилось и выросло его творчество, но и внутренній процессъ роста и дифференціаціи духовныхъ силъ, то такого рода работа требуетъ и глубокаго изученія, и чисто художественныхъ пріемовъ. Изъ тѣхъ моментовъ, періодовъ, актовъ творческой дѣятельности, на которые распадается реально осязаемая жизнь, необходимо возсоздать цѣльный и гармонически одухотворенный образъ, который бы раскрылъ намъ умъ и душу писателя, ясно представилъ бы то, что въ его твореніяхъ давалось непосредственному чувству и во многомъ казалось загадочнымъ. Выяснить взаимодѣйствіе жизни и творчества—такова первая задача біографа, который не ограничился бы тонкимъ и глубокимъ анализомъ, но и предпринялъ бы опытъ художественно-психологическаго синтеза.

Конечно, жизнь и творчество Л. Н. Толстого представляютъ такой огромный и сложный матеріалъ, что о біографіи въ полномъ значеніи этого слова еще не можетъ быть и рѣчи. Не-

смотря на обширную литературу объ его произведеніяхъ, послѣднія далеко не изучены во всѣхъ подробностяхъ и не изслѣдованы во всю широту ихъ мысли и духовнаго размаха. Что̀ взято Толстымъ изъ своей личной жизни, каковы вліянія среды и эпохи и что̀ остается на долю чистаго Dichtung—все это вопросы, которые до сихъ поръ рѣшались въ самыхъ общихъ чертахъ. Строить гипотезы о Dichtung и Wahrheit именно у Толстого—вещь чрезвычайно опасная. Имѣютъ наибольшую цѣну только подлинныя свидѣтельства писателя, только его непосредственный разсказъ, — и вотъ въ какомъ отношеніи драгоцѣнна книга г. П. Бирюкова, въ которой онъ дѣлаетъ опытъ біографіи великаго писателя земли русской. Вѣрнѣе, это матеріалы для біографіи, и, что̀ особенно важно, значительная часть ихъ появляется въ печати впервые.

Передъ нами первый томъ задуманной большой работы, которая имѣетъ въ виду охватить всѣ періоды жизни Толстого, включая и ту жизнь, которою живетъ теперь писатель; первый же томъ заключаетъ въ себѣ матеріалы для исторіи рода Л. Н. Толстого и первыхъ періодовъ его жизни — дѣтской, юношеской и возмужалой до женитьбы. Особенно важнымъ является то обстоятельство, что въ трудѣ г. Бирюкова принялъ участіе самъ Толстой, согласившійся сообщить автору свои воспоминанія и помогавшій ему въ характеристикѣ главнѣйшихъ моментовъ своей жизни. Далѣе, В. Г. Чертковъ предоставилъ г. Бирюкову свой архивъ частной корреспонденціи Толстого и выписки изъ его дневниковъ. Г. Бирюковъ исчерпалъ, кромѣ того, обширное количество печатныхъ источниковъ о Толстомъ, и если принять во вниманіе, что онъ принужденъ былъ работать надъ первымъ томомъ заграницей, то придется признать, что трудъ автора исполненъ особаго интереса. Это трудъ большой, необходимый и отвѣтственный, и г. Бирюковъ вправѣ сказать о себѣ, что онъ „сдѣлалъ все, что̀ могъ, по совѣсти и разуму“ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, въ какомъ онъ употребилъ эти слова, говоря о неблагопріятныхъ сторонахъ своей работы.

Л. Н. Толстому, какъ разсказываетъ г. Бирюковъ, нелегко было приступить къ составленію своихъ „черновыхъ неисправленныхъ записокъ“. „Сначала я думалъ, — писалъ Толстой автору,—что не буду въ состояніи помочь вамъ въ моей біографіи, несмотря на все мое желаніе сдѣлать это. Боялся неискренности, свойственной всякой автобіографіи, но теперь я какъ будто нашелъ форму, въ которой могу исполнить ваше желаніе, указавъ на главный характеръ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ

періодовъ моей жизни въ дѣтствѣ, юности и возмужалости". Столь же важно для опредѣленія точки зрѣнія Толстого на характеръ своихъ записокъ и то, что онъ писалъ г. Бирюкову въ другомъ письмѣ: „Боюсь, что я напрасно обнадежилъ васъ обѣщаніемъ писать мои воспоминанія. Я попробовалъ думать объ этомъ и увидалъ, какая страшная трудность избѣжать Харибды—самовосхваленія (посредствомъ умалчиванія всего дурного) и Сциллы—циничесой откровенности о всей мерзости своей жизни. Написать всю свою гадость, глупость, порочность, подлость, совсѣмъ правдиво, правдивѣе даже, чѣмъ Руссо,—это будетъ соблазнительная книга или статья. Люди скажутъ: вотъ человѣкъ, котораго многіе высоко ставятъ, а онъ вонъ какой былъ негодяй, такъ ужъ намъ-то, простымъ людямъ, и Богъ велѣлъ". Однако, уступая настояніямъ г. Бирюкова, какъ мы знаемъ, Толстой обратился къ воспоминаніямъ, и въ результатѣ русская литература пріобрѣла не только важные автобіографическіе матеріалы, но и цѣлый рядъ художественно законченныхъ разсказовъ Толстого, гдѣ эпическая объективность въ изображеніи самого себя достигаетъ высшей степени, соединяясь съ поразительной искренностью и мѣткой изобразительностью передачи. Это не значитъ, чтобы изображеніе самого себя всегда могло быть принято безъ критики. Когда Толстой называетъ свои произведенія „художественной болтовней" или морализируетъ по поводу тѣхъ поступковъ своей юности, которые онъ осуждаетъ съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ въ настоящее время, читатель всегда долженъ имѣть въ виду послѣдній фазисъ въ развитіи морально-религіозныхъ воззрѣній Толстого. Но когда Толстой изображаетъ конкретные образы своего дѣтства и юности, сообщая этимъ періодамъ удивительную, если можно такъ выразиться, наглядность свойственныхъ имъ мыслей, чувствъ и настроеній, нельзя не поддаться ихъ обаянію, ихъ жизненной правдѣ, нельзя отрѣшиться отъ мысли, что передъ нами не бѣглыя замѣтки изъ прошлаго, но очерки, представляющіе собой образцы высшей художественной безыскусственности и реализма.

Новые матеріалы даютъ прежде всего очень много для разгадки въ Толстомъ ребенкѣ и юношѣ отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи сложился могучій родникъ его творчества. Біографическая канва, которая и прежде чувствовалась въ художественной обработкѣ произведеній перваго періода, пріобрѣтаетъ здѣсь нѣсколько важныхъ подлинныхъ документовъ для своего подтвержденія. Такъ, прежде всего имѣютъ значеніе тѣ свѣдѣнія объ отцѣ, которыя живо переносятъ читателя въ

обстановку Николая Ильича Ростова (мать онъ изобразилъ въ княжнѣ Маріи Волконской). Любопытны нѣкоторые штрихи. „Сколько я могу судить, онъ (отецъ Льва Николаевича) не имѣлъ склонности къ наукамъ, но былъ на уровнѣ образованныхъ людей своего времени. Какъ большая часть людей перваго Александровскаго времени и походовъ 13, 14, 15 годовъ, онъ былъ не то, что теперь называется либераломъ, а просто, по чувству собственнаго своего достоинства, не считалъ для себя возможнымъ служить ни при концѣ царствованія Александра I, ни при Николаѣ. Онъ не только не служилъ никогда, но даже всѣ друзья его были такіе же люди свободные, не служащіе и немного фрондирующіе правительство Николая Павловича.

„За все мое дѣтство и даже юность наше семейство не имѣло близкихъ сношеній ни съ однимъ чиновникомъ. Разумѣется, я ничего не понималъ этого въ дѣтствѣ, но я понималъ то, что отецъ никогда ни передъ кѣмъ не унижался, не измѣнялъ своего бойкаго, веселаго и часто насмѣшливаго тона. И это чувство собственнаго достоинства, которое я видѣлъ въ немъ, увеличивало мою любовь, мое восхищеніе передъ нимъ“.

Мы не имѣемъ возможности приводить полностью разсказы Толстого объ отцѣ, но они замѣчательны той проникающей ихъ семейной атмосферой, которая такъ очаровываетъ въ „Войнѣ и мирѣ“. Здѣсь и кабинетъ, куда дѣти приходятъ приласкаться къ отцу, и любовь къ поэзіи, и веселые разсказы за обѣдомъ, и выѣзды на охоту, и „садка“ волка, и травля лисицы. „Мнѣ всегда потомъ казалось, — замѣчаетъ Толстой, — что Пушкинъ списалъ съ него свой выѣздъ на охоту мужа въ графѣ Нулинѣ“... Нѣмецъ Карлъ Ивановичъ Мауеръ былъ не кто иной, какъ Ѳедоръ Ивановичъ Рессель, дѣйствительно учитель, жившій въ домѣ Толстыхъ и имѣвшій, по мнѣнію г. Бирюкова, несомнѣнное и притомъ хорошее вліяніе на ребенка.

Этотъ Ѳедоръ Ивановичъ былъ первымъ лицомъ, со знакомства съ которымъ начинаются болѣе или менѣе опредѣленныя воспоминанія у Толстого. Разсказъ о томъ, какъ маленькаго Льва Николаевича въ первый разъ перевели изъ дѣтской къ Ѳедору Ивановичу и старшимъ мальчикамъ, проникнутъ той силой особой свойственной Толстому памяти, которая удерживала въ себѣ мельчайшія подробности дѣтскихъ ощущеній и мыслей, уже въ самомъ раннемъ возрастѣ вращавшихся на своемъ личномъ „я“. Стоитъ отмѣтить одну любопытную подробность. Говоря о своемъ пятилѣтнемъ возрастѣ, Толстой замѣчаетъ: „ни своихъ нянь, тетокъ, братьевъ, сестеръ, ни отца, ни комнатъ,

ни игрушекъ,—я ничего не помню“ (до этого возраста). Но вотъ переводятъ мальчика къ Ѳедору Ивановичу, и онъ передаетъ свои ощущенія съ такой удивительной отчетливостью, какъ будто это было вчера, и вмѣстѣ съ такой экспрессіей дѣтскаго міросозерцанія, что заподозрить здѣсь наслоенія позднѣйшихъ воспоминаній положительно невозможно. „При переводѣ меня внизъ къ Ѳедору Ивановичу и мальчикамъ,—разсказываетъ Толстой,—я испыталъ въ первый разъ и потому сильнѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, — то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, называютъ чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человѣкъ. Мнѣ было жалко покидать привычное (привычное отъ вѣчности), грустно было, поэтически грустно разставаться не столько съ людьми, съ сестрой, съ няней, съ теткой, сколько съ кроваткой, съ положкомъ, съ подушкой, и страшна была та новая жизнь, въ которую я вступалъ. Я старался находить веселое въ той новой жизни, которая предстояла мнѣ; я старался вѣрить ласковымъ рѣчамъ, которыми заманивалъ меня къ себѣ Ѳедоръ Ивановичъ; старался не видѣть того презрѣнія, съ которымъ мальчики принимали меня, меньшого, къ себѣ; старался думать, что стыдно было жить большому мальчику съ дѣвочками, и что ничего хорошаго не было въ этой жизни наверху съ няней; но на душѣ было страшно грустно, и я зналъ, что я безвозвратно терялъ невинность и счастье, и только чувство собственнаго достоинства, сознаніе того, что я исполняю свой долгъ, поддерживало меня. Много разъ потомъ въ жизни мнѣ приходилось переживать такія минуты на распутьяхъ жизни, вступая на новыя дороги“.

Сила этой памяти, сыгравшей несомнѣнно могучую роль въ творчествѣ Толстого, станетъ еще болѣе поразительной, если мы остановимся на его первыхъ, еще болѣе раннихъ воспоминаніяхъ, чѣмъ приведенныя. Приступая къ нимъ, Толстой дѣлаетъ любопытное для психолога замѣчаніе, что онъ не умѣетъ ставить ихъ по порядку, не зная, что было прежде, что̀ послѣ; о нѣкоторыхъ же онъ не могъ точно установить, было ли это во снѣ или наяву, „вотъ они: я связанъ; мнѣ хочется выпростать руки, и я не могу этого сдѣлать, и я кричу и плачу, и мнѣ самому непріятенъ мой крикъ; но я не могу остановиться. Надо мной стоитъ нагнувшись кто-то, я не помню. И все это въ полутьмѣ. Но я помню, что двое. Крикъ мой дѣйствуетъ на нихъ; они тревожатся отъ моего крика, но не развязываютъ меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Имъ кажется, что это нужно (т.-е., чтобъ я былъ связанъ), тогда

какъ я знаю, что это не нужно, и хочу доказать имъ это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ. Я чувствую несправедливость и жестокость не людей, потому что они жалѣютъ меня, но судьбы, и жалость надъ самимъ собою. Я не знаю и никогда не узнаю, что̀ это такое было: пеленали ли меня, когда я былъ грудной, и я выдиралъ руку, или это пеленали меня уже тогда, когда мнѣ было больше года, чтобы я не расчесывалъ лишаи; собралъ ли я въ одно это воспоминаніе, какъ то бываетъ во снѣ, много впечатлѣній, но вѣрно то, что это было первое и самое сильное мое впечатлѣніе жизни. И памятны мнѣ не крикъ мой, не страданія, но сложность, противорѣчивость впечатлѣнія. Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я, кому сила нужна, я слабъ, а они сильны.

„Другое впечатлѣніе — радостное. Я сижу въ корытѣ, и меня окружаетъ новый не непріятный запахъ какого-то вещества, которымъ трутъ мое маленькое тѣльце. Вѣроятно, это были отруби, и вѣроятно, въ водѣ и корытѣ, но новизна впечатлѣній отрубей разбудила меня, и я въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ свое тѣльце, съ видными мнѣ ребрами на груди, и гладкое темное корыто, засученныя руки няни, и теплую, парную, страшенную воду, и звукъ ея, и въ особенности ощущеніе гладкости мокрыхъ краевъ корыта, когда я водилъ по нимъ ручонками“.

Эти разсказы прелестны, независимо отъ того значенія, какое они имѣютъ для біографіи Толстого. Онъ подмѣтилъ въ себѣ первое „впечатлѣніе жизни“. Онъ запомнилъ моментъ, когда замѣтилъ и полюбилъ свое тѣльце, и глубокимъ старцемъ онъ задаетъ себѣ далѣе роковой вопросъ: „и почему мнѣ радостно представлять себя тогда, а бывало страшно, какъ и теперь страшно многимъ, представлять себя тогда, когда я опять вступлю въ то состояніе смерти, отъ котораго не будетъ воспоминаній, выразимыхъ словами?“... Этому раннему возрасту Толстой придаетъ огромное значеніе. „Развѣ я не жилъ тогда, — продолжаетъ онъ спрашивать, — когда учился смотрѣть, слушать, понимать, говорить, когда спалъ, сосалъ грудь и цѣловалъ грудь и смѣялся и радовалъ мою мать? Я жилъ и блаженно жилъ! Развѣ не тогда я пріобрѣталъ все то, чѣмъ я теперь живу, и пріобрѣталъ такъ много, такъ быстро, что во всю остальную жизнь я не пріобрѣлъ и одной сотой того? Отъ пятилѣтняго ребенка до меня — только шагъ? Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго — страшное разстояніе. Отъ зародыша до новорожденнаго — пучина. А отъ несуществованія до зародыша отдѣляетъ уже не пучина, а непостижимость. Мало того, что пространство, и время, и причина суть формы

мышленія, и что сущность жизни внѣ этихъ формъ, но вся жизнь наша есть большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ опять освобожденіе отъ нихъ".

Ощущенія жизни и личнаго „я" — становятся ближе всѣхъ другихъ къ развивающемуся сознанію мальчика, а затѣмъ и юноши и дѣлаются центромъ порывистой, напряженной дѣятельности ума и воли. Все направлено къ развитію того своеобразнаго познанія самого себя, которое рѣшающимъ критеріемъ избираетъ раздраженіе личнаго самолюбія то въ сторону радости, то—страданія, боли. Самолюбіе, доходившее порою до тщеславія, становится въ юношескій періодъ жизни Толстого для него закономъ. Весь міръ окрашивается въ цвѣта его настроеній и пріобрѣтаетъ свое значеніе лишь постольку, поскольку онъ служитъ ареной его радостей или страданій. Впослѣдствіи, смотря на себя со стороны, Толстой жестоко осуждалъ многіе поступки, совершенные имъ въ тотъ періодъ жизни, когда эгоизмъ заглушалъ всѣ прочія чувства. Разсказавъ о тяжкой болѣзни своего брата Дмитрія, онъ переходитъ къ воспоминанію о своей жизни и дѣлаетъ такое замѣчаніе о себѣ: „я былъ особенно отвратителенъ въ эту пору. Я пріѣхалъ въ Орелъ изъ Петербурга, гдѣ я ѣздилъ въ свѣтъ, и былъ весь полонъ тщеславія. Мнѣ жалко было Митеньку, но мало. Я повернулся въ Орлѣ и уѣхалъ, и онъ умеръ черезъ нѣсколько дней.

„Право, мнѣ кажется, мнѣ въ его смерти было самое тяжелое то, что она помѣшала мнѣ участвовать въ придворномъ спектаклѣ, который тогда устраивался и куда меня приглашали".

Это было бы, можетъ быть, и неважно, даже и по отношенію къ Толстому, еслибы оно не напрашивалось на сопоставленіе съ другой особенностью его души, уживавшеюся съ эгоизмомъ и тщеславіемъ только, такъ сказать, физически, подъ одной крышей, а по существу шедшей изъ другихъ, еще не озаренныхъ сознаніемъ сокровищъ духа. Въ 1852 г. Толстой пишетъ въ своемъ дневникѣ: „есть во мнѣ что-то, что̀ заставляетъ меня вѣрить, что я рожденъ не для того, чтобы быть такимъ, какъ всѣ .

„Эти послѣднія слова,—говоритъ г. Бирюковъ,—суть первое смутное сознаніе своего призванія". Это было написано до окончанія „Дѣтства" и стало быть до литературныхъ успѣховъ. „Это было внутреннее, независимое сознаніе въ себѣ,—продолжаетъ г. Бирюковъ, — той таинственной силы, которая потомъ выдвинула его, какъ одного изъ высшихъ представителей моральнаго сознанія всего человѣчества".

II.

Въ 1852 г. у Толстого появляется уже *прошлое*. „Съ нѣкотораго времени,—замѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—меня сильно начинаетъ мучить раскаяніе въ утратѣ лучшихъ годовъ въ жизни. И это съ тѣхъ поръ, какъ я началъ чувствовать, что я бы могъ сдѣлать что-нибудь хорошее. Интересно бы было описать ходъ своего моральнаго развитія; но не только слово, но и мысль даже недостаточна для этого".

Толстой любитъ описывать себя, любитъ превращать мысль въ чувство и гоняться за каждымъ оттѣнкомъ чувства, стараясь возможно точнѣе выразить ихъ въ словѣ. Его изліянія составляли, можно думать, предметъ упорной борьбы между мыслью и ея выраженіемъ, борьбы, которая замѣтна также на его обширныхъ и полныхъ глубокаго интереса письмахъ къ теткѣ Т. А. Ергольской, такъ же, какъ и въ его литературныхъ произведеніяхъ. „Je viens de déchirer une lettre que j'avais achevée pour vous, parce que j'y avais dit beaucoup de choses que je ne voulais pas vous dire et rien de ce que je voulais vous dire". И Толстой болѣе всего старается, чтобы сказать именно то, о чемъ онъ хотѣлъ говорить, чтобы въ стремленіи точнѣе выразить свою мысль совершенно уничтожить стиль, не дать ему никакой власти надъ собою. Это было ему необходимо для того, чтобы изображеніе его душевнаго состоянія было именно тѣмъ, чѣмъ оно было, правдой души и жизни.

Когда Толстой говоритъ о прошломъ, это или воспоминаніе, наглядное, духовно живое, какъ сама жизнь, или мораль. Когда Толстой говоритъ о настоящемъ, и при томъ о себѣ, какъ, напримѣръ, въ письмахъ,—это почти всегда борьба между какимъ-то стихійнымъ и страстнымъ началомъ и разсудкомъ, при чемъ побѣда склонялась то на одну, то на другую сторону. Это борьба противоположностей натуры Толстого, это неуравновѣшенность острой критической мысли и горячаго темперамента, полнаго кипѣнія силъ и любви къ жизни. Ни одно чувство не овладѣваетъ имъ сполна, не окрашиваясь противоположнымъ, не подтачиваясь рефлексіей, которая, обративъ его въ „прошлое", бросаетъ ему въ догонку раскаяніе или осужденіе. Дружининъ писалъ Толстому по поводу его литературнаго таланта: „каждый вашъ недостатокъ имѣетъ свою часть силы и красоты,—почти каждое ваше достоинство имѣетъ въ себѣ зернышки недостатковъ". То

же можно сказать, кажется, и о всемъ нравственномъ обликѣ Толстого въ молодые годы. И когда, въ борьбѣ противоположностей, разумъ возвышался надъ переживаемымъ положеніемъ вещей и трезво подводилъ общій итогъ, выражавшій истину самоощущенія, онъ произносилъ приговоръ, которому трудно было подобрать какой-либо эпитетъ: онъ ни суровъ, ни мягокъ, ни справедливъ, ни лицепріятенъ, онъ—сама правда: ни малѣйшаго сомнѣнія не зарождается на этотъ счетъ. „Посмотримъ, что такое моя личность, — пишетъ Толстой въ своемъ дневникѣ 7 іюля 1854 г.—Я дуренъ собой, неловокъ, нечистоплотенъ и свѣтски необразованъ. Я раздражителенъ, скученъ для другихъ, нескроменъ, нетерпимъ (intolérent) и стыдливъ какъ ребенокъ. Я почти невѣжда. Что я знаю, тому я выучился кое-какъ, самъ, урывками, безъ связи, безъ толку и то такъ мало. Я невоздержанъ, нерѣшителенъ, непостояненъ, глупо тщеславенъ и пылокъ, какъ всѣ безхарактерные люди. Я не храбръ. Я не аккуратенъ въ жизни и такъ лѣнивъ, что праздность сдѣлалась для меня почти неодолимой привычкой.

„Я уменъ, но умъ мой еще ни на чемъ не былъ основательно испытанъ. У меня нѣтъ ни ума практическаго, ни ума свѣтскаго, ни ума дѣлового.

„Я честенъ, то-есть я люблю добро, сдѣлалъ привычку любить его; и когда отклоняюсь отъ него, бываю недоволенъ собой и возвращаюсь къ нему съ удовольствіемъ, но есть вещи, которыя я люблю больше добра—славу. Я такъ честолюбивъ и такъ мало чувство это было удовлетворено, что часто, боюсь, я могу выбрать между славой и добродѣтелью—первую, ежели бы мнѣ пришлось выбирать изъ нихъ.

„Да, я не скроменъ, оттого-то я гордъ въ самомъ себѣ, а стыдливъ и робокъ въ свѣтѣ“.

И все-таки читатель не удовлетворяется этой правдой. Она не полна, она — на время застывшій вулканъ, огонь котораго скрылся въ глубину. Для страстнаго начала наступила реакція, оно отдыхаетъ и пока разумъ мудритъ, отдыхъ этотъ кажется неподвижностью, сномъ. Роль страстнаго начала исчезла въ этой характеристикѣ, а между тѣмъ въ немъ—источникъ пламенныхъ порывовъ отъ неудовлетворяющаго настоящаго къ лучшему будущему, въ немъ же источникъ охлажденія, сомнѣній, недовѣрчивости къ себѣ и другимъ и новыхъ усилій къ чему-то высшему, къ какому-то всеобъемлюще-доброму началу. Однимъ изъ самыхъ основныхъ поводовъ для всесокрушающаго сомнѣнія во всемъ, къ чему Толстой прикасался чувствомъ или мыслью, было наблю-

даемое имъ несоотвѣтствіе между тѣми возвышенными цѣлями, которыя ставили передъ собою люди, и тѣми средствами, которыя были у нихъ въ рукахъ или которыя они избирали для достиженія этихъ цѣлей. Толстой не допускалъ никакого компромисса между цѣлью и средствомъ, и трудно себѣ представить большаго врага извѣстному положенію о томъ, что высокія цѣли могутъ оправдать низменныя средства, чѣмъ Толстой. На этой почвѣ развивается у него особый даръ ясновидѣнія истинной сущности тѣхъ вещей, изъ которыхъ люди создаютъ себѣ тѣ или иныя формы условнаго или суевѣрнаго культа. Между увлеченіемъ и охлажденіемъ Толстого всегда лежитъ тревожный и мучительный путь сомнѣнія и разочарованія, и всегда охлажденіе влечетъ за собой отрицаніе — и чаще всего не самой сущности вещи, но тѣхъ формъ, въ которыхъ ее познаютъ и признаютъ люди. Когда-то Толстой не доучился въ университетѣ. Онъ вышелъ изъ университета, насколько можно судить по извѣстнымъ въ печати матеріаламъ, по двумъ причинамъ: 1) изъ университета люди сдѣлали „храмъ наукъ“ и 2)—и это самое главное, потому что то, что̀ преподавалось въ этомъ „храмѣ наукъ“, не соотвѣтствовало, по мнѣнію Толстого, требованіямъ жизни. „Мы съ вами, — говорилъ въ свое время Толстой [1]) одному изъ товарищей по университету, — вправѣ ожидать, что выйдемъ изъ этого храма полезными, знающими людьми. А что̀ вынесемъ мы изъ университета? подумайте и отвѣчайте по совѣсти. Что̀ вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись во-свояси, въ деревню? На что будемъ пригодны, кому нужны?“ Толстой, изучавшій уже въ преклонныхъ годахъ тѣ науки, которыя казались ему необходимыми, и уже старикомъ изучившій древне-еврейскій языкъ, еще въ юности предъявлялъ наукѣ требованія, чтобы она, помимо отвлеченнаго знанія, давала людямъ еще нѣчто существенно жизненное, что̀ согласовалось бы съ ея высшими и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшими цѣлями. Вопросъ ставился тогда крайне субъективно. Наука только то даетъ человѣку, что̀ онъ хочетъ и можетъ взять отъ нея своей волей, разумомъ и духовнымъ порывомъ, и Толстой впослѣдствіи такъ и сдѣлалъ. Но „храмъ науки“ былъ разрушенъ еще въ юности, и таинственное божество было объявлено кумиромъ.

Другой храмъ былъ разрушенъ нѣсколько позже, когда Толстой сдѣлался извѣстнымъ писателемъ. Этотъ храмъ—храмъ литературнаго Олимпа, вѣры въ высшее призваніе художественнаго

[1]) Сидя въ карцерѣ.

творчества, выразителями котораго являются особо призванные люди. Въ своей „Исповѣди“ Толстой такъ изобразилъ (впрочемъ слишкомъ субъективно) и этотъ „храмъ“, и ту почву, на которой развилось сомнѣніе, приведшее къ разочарованію и отрицанію. „Взгляды на жизнь этихъ людей, моихъ сотоварищей по писанію, состояли въ томъ,—говоритъ Толстой,—что жизнь вообще идетъ развиваясь, и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы — художники, поэты. Наше призваніе — учить людей. Для того же, чтобы не представился тотъ естественный вопросъ самому себѣ: что я знаю и чему мнѣ учить,—въ теоріи этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художникъ и поэтъ безсознательно учатъ. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. Я—художникъ, поэтъ—писалъ и училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помѣщеніе, женщины, общество; у меня была слава. Стало быть то, чему я училъ, было очень хорошо.

„Вѣра эта въ значеніе поэзіи и въ развитіе жизни была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень пріятно и выгодно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности. Но на второй и въ особенности на третій годъ такой жизни я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было то, что я сталъ замѣчать, что жрецы этой вѣры не всѣ были согласны между собой. Одни говорили: мы—самые хорошіе и полезные учители; мы учимъ тому, что нужно, а другіе учатъ неправильно. А другіе говорили: нѣтъ—мы настоящіе, а вы учите неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали другъ противъ друга.

„Кромѣ того, было много между нами людей, и не заботившихся о томъ, кто правъ, кто неправъ, а просто достигающихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ помощью этой нашей дѣятельности. Все это заставило меня усомниться въ истинности этой вѣры.

„Кромѣ того, усомнившись въ истинности самой вѣры писательской, я сталъ внимательнѣе наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти всѣ жрецы этой вѣры, писатели, были люди безнравственные и въ большинствѣ люди плохіе, ничтожные по характерамъ — много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной и военной жизни, но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ святые или такіе, которые и не знаютъ, что такое свя-

тость. Люди мнѣ эти опротивѣли, и самъ себѣ я опротивѣлъ, и я понялъ, что вѣра эта—обманъ".

Съ той же безпощадностью Толстой отмѣчаетъ и противорѣчіе, остававшееся въ немъ и состоявшее въ томъ, что отрицаніе было неполнымъ: его личность осталась внѣ круга этого отрицанія. Я отрекся, говоритъ онъ, отъ лжи этой вѣры,—„но отъ чина, даннаго мнѣ этими людьми, отъ чина художника, поэта, учителя я не отрекся. Я наивно воображалъ, что я поэтъ, художникъ, и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу"... Отрицаніе приводило къ новымъ исканіямъ, которыя шли въ нѣсколькихъ, но весьма опредѣленныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны Толстой не можетъ освободить себя изъ-подъ власти художественныхъ обаяній. 4-го января 1857 г. онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Обѣдалъ у Боткина съ однимъ Панаевымъ, онъ читалъ мнѣ Пушкина; я пошелъ въ комнату Боткина, и тамъ написалъ письмо Тургеневу, потомъ сѣлъ на диванъ и зарыдалъ безпричинными, но блаженными, поэтическими слезами. Я рѣшительно счастливъ все это время, упиваясь быстротой моральнаго движенія впередъ". Съ другой стороны, среди этихъ душевныхъ настроеній видную роль играли вопросы личнаго счастья. Но характерно, что еще въ октябрѣ 1852 г. Толстой, живя въ станицѣ Старогладовской, набрасываетъ планъ „романа русскаго помѣщика", основная мысль котораго такова: герой ищетъ осуществленія идеаловъ счастья и справедливости въ деревенскомъ быту. Не находя его, онъ, разочарованный, хочетъ искать его въ семейномъ. Другъ его наводитъ его на мысль, что счастье состоитъ не въ идеалѣ, а въ постоянномъ, жизненномъ трудѣ, имѣющемъ цѣлью—счастье другихъ.

Но пока душа искала способовъ рѣшить вопросъ о томъ, что такое счастье другихъ и что такое истинное добро, жизненные факты ставили на очередь проблему личнаго счастья, разрѣшеніе которой послужило, насколько можно судить по свидѣтельствамъ самого Толстого, столь же благопріятнымъ условіемъ для полнаго расцвѣта его духовныхъ силъ, какъ и впечатлѣніе беззаботнаго, счастливаго дѣтства для ихъ зарожденія и первоначальнаго роста.

III.

Женитьбѣ Толстого предшествовала его общественная дѣятельность — на поприщѣ педагогическомъ и мирового посредника. Она хорошо извѣстна по многочисленнымъ воспоминаніямъ

и опубликованнымъ въ сравнительно недавнее время документамъ, не говоря уже о томъ, что было разсказано Львомъ Николаевичемъ въ его сочиненіяхъ. Дѣятельность эта совпала съ первыми годами освобожденія крестьянъ и уже въ то время обнаружила одну коренную черту его характера, которая до послѣдняго времени служила (да и еще продолжаетъ служить) предметомъ недоумѣнія для однихъ и самыхъ странныхъ предположеній для другихъ. Несмотря на то, что Толстой высказался въ своихъ сочиненіяхъ по цѣлому ряду крупнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, волновавшихъ общество въ его освободительныхъ стремленіяхъ, при чемъ какъ бы для вящшаго доказательства независимости этихъ мнѣній на нихъ спѣшили налагать ярлыки цензурнаго запрета, находились голоса, рѣшавшіеся упрекать Толстого въ общественномъ индифферентизмѣ. Между тѣмъ, по самому свойству своего ума, все разлагающаго, во всемъ сомнѣвающагося и ищущаго, Толстой не могъ быть способенъ поддаваться чужимъ влеченіямъ, заражаться настроеніями массъ и ослѣпленно бросаться въ политическую борьбу. Въ практической дѣятельности онъ шелъ, какъ извѣстно, въ томъ же направленіи, въ какомъ шли лучшіе изъ передовыхъ людей того времени; въ теоріи въ немъ тогда уже созрѣвалъ анархистъ, въ смыслѣ отрицанія государственныхъ формъ, въ то время, какъ наиболѣе идейные представители общества только еще разбирались въ формахъ соціальнаго устройства, споря, какой изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе для переживаемаго момента.

Переходя къ періоду общественной дѣятельности Толстого, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, г. Бирюковъ говоритъ: „Л. Н. не былъ увлеченъ общимъ потокомъ возбужденной общественной жизни. Его самобытная, непокорная природа не позволяла ему идти по теченію и заставляла его выбирать новые, особые пути. Боясь ошибиться въ этой трудной оцѣнкѣ отношенія Льва Николаевича къ такъ называемой „эпохѣ 60-хъ годовъ“ и проводя параллель съ теперешнимъ общественнымъ настроеніемъ, мы запросили объ этомъ Льва Николаевича и получили слѣдующій отвѣтъ:

„Что касается до моего отношенія тогда къ возбужденному состоянію всего общества, то долженъ сказать (и это моя хорошая или дурная черта, но всегда мнѣ бывшая свойственной), что я всегда противился невольно вліяніямъ извнѣ, эпидемическимъ, и что если тогда я былъ возбужденъ и радостенъ, то своими особенными, личными, внутренними мотивами, тѣми, которые привели меня къ школѣ и общенію съ народомъ.

„Вообще я теперь узнаю въ себѣ то же чувство отпора противъ всеобщаго увлеченія, которое было и тогда, но проявлялось въ робкихъ формахъ".

Это знаменательныя слова, ихъ необходимо имѣть всегда въ виду при упоминаніи имени Толстого въ связи съ тѣмъ или инымъ моментомъ общественной и политической борьбы. Врагъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу, справа или слѣва, Толстой этимъ самымъ далъ одинъ общій отвѣтъ на всѣ вопросы, въ какую сторону направлено его сочувствіе, когда заходитъ рѣчь о произволѣ властей или о звѣрствахъ толпы, о правѣ на землю, о свободѣ политической, религіозной и національной. Отвѣтъ на всѣ эти вопросы находится въ его сочиненіяхъ; обильныя частными противорѣчіями, они въ вопросахъ истинной свободы и отрицанія рабства каждой строкой своей пролагаютъ великіе пути въ дѣлѣ нравственнаго перевоспитанія людей.

Но обратимся къ книгѣ г. Бирюкова. За очеркомъ общественной дѣятельности Толстого идетъ глава о его женитьбѣ. И она чрезвычайно любопытна тѣми новыми свѣдѣніями, какія сообщаются въ ней. Предложеніе было сдѣлано Толстымъ 17 сентября (1862, въ день именинъ будущей жены). Незадолго до этого въ дневникѣ слѣдуетъ рядъ записей, характеризующихъ его мысли и настроенія въ этотъ періодъ времени. 23 августа, послѣ одного изъ посѣщеній семьи Берсъ, онъ пишетъ: „Я боюсь себя; что если и это—желаніе любви, а не любовь? Я стараюсь глядѣть только на ея слабыя стороны и все таки люблю.

„Всталъ здоровъ, съ особенно свѣтлой головой, писалось хорошо, но содержаніе бѣдно. Потомъ такъ грустно, какъ давно не было. Нѣтъ у меня друзей, нѣтъ. Я одинъ. Были друзья, когда я служилъ Мамону, и нѣтъ, когда я служу правдѣ.

„Пошелъ къ Берсамъ въ Покровское пѣшкомъ. Покойно, уютно. Соня дала прочесть повѣсть. Что за энергія правды и простоты. Ее мучаетъ неясность. Все я читалъ безъ замиранія, безъ признаковъ ревности или зависти, но—„необычайно непривлекательной наружности" и „перемѣнчивость сужденій" задѣли славно. Я успокоился; все это не про меня".

Повѣсть эта была, къ сожалѣнію, уничтожена авторомъ.

Подъ 28 августа, въ день своего рожденія: „Всталъ съ привычною грустью. Придумалъ общество для учениковъ мастерскихъ. Сладкая, успокоительная ночь. Скверная рожа, не думай о бракѣ, твое призваніе—другое, и дано зато много".

„Но потребность семейнаго счастья,—говоритъ г. Бирюковъ,—

взяла верхъ, и желаніе любви перешло наконецъ въ настоящую, страстную любовь, которая уже не знала никакихъ преградъ. И все-таки, несмотря на силу этой страсти, Левъ Николаевичъ и тутъ сумѣлъ проявить свою честность, свою любовь къ правдѣ. Уже сдѣлавъ предложеніе и получивъ согласіе, онъ далъ своей невѣстѣ прочесть свои дневники холостой жизни, въ которыхъ съ самообличеніемъ и голою искренностью описаны были всѣ увлеченія молодости, всѣ паденія и всѣ душевныя бури, пережитыя Львомъ Николаевичемъ. Чтеніе этого дневника было ударомъ и невыразимымъ страданіемъ для молодой дѣвушки, видѣвшей въ своемъ героѣ идеалъ всѣхъ добродѣтелей. Страданіе это было такъ сильно и борьба пережитая была такъ трудна, что она минутами колебалась, не порвать ли уже установившуюся связь. Но любовь разрушила всѣ эти колебанія, и она, выплакавъ ночами свои страданія, отдала Льву Николаевичу дневникъ, и онъ прочелъ въ ея взорѣ прощеніе и еще болѣе сильную, уже закаленную любовь".

На изображеніи этихъ событій заканчивается первый томъ прекраснаго труда г. Бирюкова. Слѣдующій томъ составитель предполагаетъ посвятить изложенію того хода событій въ жизни Толстого, который привелъ его къ принятому имъ познанію единой и руководящей основы жизни—къ религіи.

IV.

Наконецъ, начало выходить, при участіи В. Г. Черткова, и первое неподпольное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого, появлявшихся до послѣдняго времени заграницей. Русское общество знало о нихъ отчасти контрабандой, отчасти по тѣмъ возраженіямъ, которыя сыпались противъ нихъ изъ органовъ охранительнаго лагеря. Цензурный запретъ говорить о нихъ въ независимой печати, съ одной стороны, и тенденціозное толкованіе, нерѣдко переходившее въ извращеніе,—съ другой—сдѣлали то, что до сихъ поръ сочиненія эти не заняли въ общественномъ міросозерцаніи своего времени того положенія, которое они должны были бы занять по своему значенію и проявившейся въ нихъ аналитической мысли и поразительной художественной силы. Вмѣстѣ съ этимъ, и сами они мало были затронуты критикой, передъ которой остается открытымъ великое поприще разобраться въ ихъ глубокомъ и сложномъ содержаніи, выяснить ихъ общественную и художественную цѣнность и, отдѣливъ въ нихъ

добрую пшеницу отъ плевелъ, установить на нихъ опредѣленную точку зрѣнія, указать ихъ важность и цѣнность для жизни.

Цензура проявила свою обычную близорукость, оберегая русскихъ читателей отъ вліянія такъ называемыхъ философскихъ сочиненій Толстого. Въ нихъ есть элементы, которые и безъ цензуры мѣшали бы сдѣлаться этому вліянію всеобщимъ. Это, во-первыхъ, неотразимая убѣдительность основныхъ положеній, которыя въ корнѣ отрицаютъ современный, такъ называемый буржуазный порядокъ жизни, основанный на привязанности и привычкахъ къ порабощенію и собственности и характеризуемый отсутствіемъ высшихъ побужденій въ духѣ вѣры и истины; и, во-вторыхъ, слабость аргументаціи частныхъ положеній, открывающая легкую возможность опровергать, или, вѣрнѣе, придавать видъ опроверженія ученія Толстого, или аргументами, взятыми изъ его же противорѣчій, или доводами той же буржуазной логики, противъ которой возстаетъ Толстой. Мы не говоримъ о возраженіяхъ богословско-догматическаго характера, представляющихъ вопросъ чисто спеціальный, поскольку дѣло шло объ идейномъ выясненіи спорныхъ вопросовъ, а не о преданіи анаѳемѣ инако мыслящаго человѣка.

Сильнѣе противника у Толстого, какъ моралиста и учителя жизни, не было и не могло быть, чѣмъ онъ самъ. Это замѣчено уже давно, но изслѣдовано чрезвычайно мало. Можетъ быть, полное собраніе его сочиненій вызоветъ всестороннее ихъ изученіе и выяснитъ подлинное содержаніе и форму его, какъ выражался Михайловскій, десницы и шуйцы. Въ вышедшемъ первомъ томѣ помѣщена „Исповѣдь“ и рядъ статей, объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ—„Такъ что же намъ дѣлать?“, и обѣ эти статьи драгоцѣнны прежде всего въ біографическомъ отношеніи. Въ первой изъ нихъ Толстой разсказываетъ исторію своихъ религіозныхъ сомнѣній, исканій Бога и, наконецъ, того просвѣтлѣнія вѣрой, въ которомъ онъ живетъ въ настоящее время. Во второй разсказаны попытки Толстого творить добро тѣми способами, какіе существовали и до него въ современномъ обществѣ; попытки эти привели его къ полному отрицанію послѣднихъ и къ признанію полной негодности современнаго общественнаго строя.

Обѣ статьи можно было бы объединить въ одномъ общемъ заглавіи: Толстой и общественная жизнь. Въ „Исповѣди“ Толстой говоритъ преимущественно о себѣ и менѣе объ обстоятельствахъ внѣшняго міра; въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать?“ автобіографическій элементъ занимаетъ подчиненное положеніе.

Мы уже упоминали, что исторію религіозныхъ исканій Толстого собирается дать г. Бирюковъ во второмъ томѣ своего изданія. Въ ожиданіи этой работы, которая охватитъ всѣ сочиненія Льва Николаевича, касающіяся вѣры, и установитъ связь съ обстоятельствами его жизни, мы не можемъ отказаться, однако, отъ желанія подѣлиться съ читателемъ нѣсколькими замѣчаніями, которыя возникаютъ невольно при чтеніи упомянутаго тома сочиненій Толстого.

Въ „Исповѣди“ прежде всего поражаетъ читателя то, что Толстой употребляетъ всѣ усилія, чтобы прорваться сквозь свое личное „я“, чтобы освободиться какъ бы отъ гнета личнаго чувства и стать лицомъ къ лицу съ тѣми вопросами, сущность которыхъ составляла предметъ его самыхъ пламенныхъ исканій. И это вначалѣ ему рѣшительно не удается. Личное „я“ и въ тотъ періодъ, когда онъ писалъ „Исповѣдь“ (1882), какъ и прежде, стоитъ на пути рѣшенія всѣхъ вопросовъ и мѣшаетъ подойти къ нимъ съ объективной стороны. Но зато путь, которымъ подходилъ Толстой къ рѣшенію мучившихъ его вопросовъ, былъ имъ разсказанъ съ такой подробностью и безпощадной искренностью, съ какой едва ли открывалась когда-либо человѣческая душа. Съ нѣкоторыхъ поръ началъ онъ испытывать минуты какого-то страннаго недоумѣнія, „остановки жизни“, какъ будто онъ не зналъ, какъ ему жить и что дѣлать. Эти остановки жизни сопровождались всегда одинаковыми вопросами: зачѣмъ? ну, а потомъ? „Я понялъ,—говоритъ Толстой,—что это—не случайное недомоганіе, а что-то очень важное, и что если повторяются все тѣ же вопросы, то надо отвѣтить на нихъ. И я попытался отвѣтить. Вопросы казались такими глупыми, простыми дѣтскими вопросами. Но только-что я тронулъ ихъ и попытался разрѣшить, я тотчасъ же убѣдился, во-первыхъ, въ томъ, что это не дѣтскіе и глупые вопросы, а самые важные и глубокіе вопросы въ жизни, и, во-вторыхъ, въ томъ, что я не могу и не могу, сколько бы я ни думалъ, разрѣшить ихъ. Прежде чѣмъ заняться самарскимъ имѣніемъ, воспитаніемъ сына, писаніемъ книги, надо знать, зачѣмъ я это буду дѣлать. Пока я не знаю—зачѣмъ, я не могу ничего дѣлать, я не могу жить. Среди моихъ мыслей о хозяйствѣ, которыя очень занимали меня въ то время, мнѣ вдругъ приходилъ въ голову вопросъ: „Ну, хорошо, у тебя будетъ 6.000 десятинъ въ самарской губерніи, 300 головъ лошадей, а потомъ?...“ И я совершенно опѣшивалъ и не зналъ, что думать дальше. Или, начиная думать о томъ, какъ я воспитаю дѣтей, я говорилъ себѣ: „Зачѣмъ?“ Или, раз-

суждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, я вдругъ говорилъ себѣ: „А мнѣ что за дѣло?“. Или, думая о той славѣ, которую пріобрѣтутъ мнѣ мои сочиненія, я говорилъ себѣ: „Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ, — ну, и что-жъ?...“ И я ничего и ничего не могъ отвѣтить. Вопросы не ждутъ, надо сейчасъ отвѣтить; если не отвѣтишь, нельзя жить. А отвѣта нѣтъ.

„Я почувствовалъ, что то, на чемъ я стоялъ, подломилось, что мнѣ стоять не на чемъ, что того, чѣмъ я жилъ, уже нѣтъ, что мнѣ нечѣмъ жить“.

Уже изъ этой постановки вопроса можно предвидѣть, какимъ личнымъ, узко-субъективнымъ путемъ пойдетъ Толстой къ рѣшенію вѣчныхъ вопросовъ. Онъ обращался въ разныя стороны, ища отвѣта, и принималъ и оцѣнивалъ только то, что считалъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ съ своей точки зрѣнія. И прежде всего обратился къ разуму, къ знанію, къ людямъ науки. „Я искалъ вездѣ, — говоритъ онъ, — и, благодаря жизни, проведенной въ ученіи, а также тому, что, по связямъ съ міромъ ученымъ, мнѣ были доступны сами ученые всѣхъ разнообразныхъ отраслей знанія, не отказывавшіе открывать мнѣ всѣ свои знанія не только въ книгахъ, но и въ бесѣдахъ, я узналъ все то, что на вопросъ жизни отвѣчаетъ знаніе.

„Долго я никакъ не могъ повѣрить тому, что знаніе ничего другого не отвѣчаетъ на вопросы жизни, какъ то, что оно отвѣчаетъ. Долго мнѣ казалось, вслушиваясь въ важность и серьезность тона науки, утверждавшей свои положенія, не имѣющія ничего общаго съ вопросами человѣческой жизни, — что я чего-нибудь не понимаю. Долго я робѣлъ передъ знаніемъ, и мнѣ казалось, что несоотвѣтственность отвѣтовъ моимъ вопросамъ происходитъ не по винѣ знанія, а отъ моего невѣжества; но дѣло было для меня не шуточное, не забава, а дѣло всей моей жизни, и я волей-неволей былъ приведенъ къ убѣжденію, что вопросы мои — одни законные вопросы, служащіе основой всякаго знанія, и что виноватъ не я съ моими вопросами, а наука, если она имѣетъ притязательность отвѣчать на эти вопросы“.

Мы припомнимъ, что годы, проведенные въ ученіи, не были, судя по извѣстнымъ даннымъ, и въ частности по тому, что приведено у г. Бирюкова, годами, сплошь посвящавшимися Толстымъ пріобрѣтенію знанія. Уже и тогда — а это было въ очень юномъ возрастѣ — Толстой подвергъ сомнѣнію жизненную приложимость наукъ и покинулъ „храмъ науки“, мало посвященнымъ въ ея

тайны. Далѣе, нельзя не выразить сомнѣнія, чтобы Толстой, при всѣхъ своихъ ученыхъ связяхъ и спеціально возбужденной любознательности, могъ окинуть человѣческимъ взоромъ все, что ему бы могло отвѣтить знаніе на логическую, умственную сторону его вопросовъ. Еслибы даже это было и такъ, мы видимъ самое большое затрудненіе въ томъ, насколько цѣлесообразно было обращать вопросы жизни и духа, постигаемые исключительно и вѣчно-индивидуально, къ представителямъ различныхъ отраслей знанія, какъ будто математикъ, филологъ или естественникъ могъ стоять къ этимъ вопросамъ ближе, чѣмъ любой человѣкъ будничной профессіи, ремесленникъ или земледѣлецъ. И когда представители знанія не удовлетворили Толстого, онъ объявилъ банкротство одной отрасли знанія за другой и, не признавая никакой объективной цѣнности за наукой, объявилъ, что несостоятельнымъ оказался не онъ въ своихъ исканіяхъ, а наука.

И много страницъ посвятилъ Толстой на выясненіе той мысли, что ни философія, ни естественныя, ни соціальныя науки не принесли ему пользы, и, по своей привычкѣ къ обобщенію, объявилъ всѣ науки безполезными для всѣхъ людей.

А между тѣмъ онъ неустанно и напряженно продолжалъ искать Бога и нашелъ его... тамъ, гдѣ знаніе вовсе и не нужно было,— въ непосредственномъ чувствѣ, въ простой, немудреной вѣрѣ, тамъ, гдѣ его нашли галилейскіе рыбаки, гдѣ онъ живетъ въ сердцѣ милліоновъ простыхъ трудящихся и, по отношенію къ наукѣ, невѣжественныхъ людей. Не станемъ спорить здѣсь, насколько вѣра разлита только въ темныхъ массахъ и насколько она несовмѣстима со знаніемъ. Замѣтимъ только, что если, стало быть, Богъ открылся Толстому въ томъ же непосредственномъ чувствѣ, въ какомъ онъ открывался неграмотному, но духовно зрячему человѣку,—ему незачѣмъ было переносить вину за ошибочно пройденный мучительный путь сомнѣній и безплодныхъ вопрошаній съ своей головы на науку. Наука здѣсь не при чемъ, и естественно, что „блужданіе“ въ знаніяхъ не только не вывело Толстого изъ отчаянія, но еще болѣе усилило его.

Зато нѣтъ ничего естественнѣе и выше и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проще, чѣмъ изображеніе того пути, которымъ Толстой пришелъ къ постиженію Бога въ чувствѣ. Онъ замѣтилъ послѣ долгихъ испытаній, что въ немъ происходитъ то умираніе, то оживленіе: первое бывало тогда, когда работа исканія ложилась на умъ, но когда дѣятельность ума въ этомъ направленіи прекращалась, и онъ начиналъ чувствомъ признавать, что Богъ есть, какъ все

вокругъ него оживало и получало смыслъ, и внутри его поднимались „радостныя волны жизни“.

„Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стоитъ забыть, не вѣрить въ него, и я умираю.

„Что же такое эти оживленія и умиранія? вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь я бы уже давно убилъ себя, еслибъ у меня не было смутной надежды найти его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Такъ чего же я ищу его?—вскрикнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ онъ. Онъ есть то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь.

„Живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога. И сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня, и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня“.

Понятно, что для того, чтобы обрѣсти эту вѣру, Толстому незачѣмъ было обращаться ни къ наукѣ, ни къ ея представителямъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ замѣтилъ, что та сила жизни, которая возвратилась къ нему,—„была не новая, а самая старая,—та самая, которая влекла меня,—говоритъ Толстой,—на первыхъ порахъ моей жизни. Я вернулся во всемъ къ самому прежнему дѣтскому и юношескому“.

Рядомъ съ изображеніемъ того процесса, который совершался въ душѣ Толстого, въ „Исповѣди“ есть нѣсколько по-истинѣ драгоцѣнныхъ страницъ, посвященныхъ положенію религіознаго вопроса въ нашемъ обществѣ. Здѣсь Толстой съ сокрушительной силой анализа обрушивается на тѣ застарѣлые предразсудки, которые держатъ живое дѣло религіознаго общенія людей въ тискахъ сухой и безжизненной догмы. Говоря о странностяхъ вражды одного вѣроученія съ другимъ изъ-за частныхъ различій въ догматахъ и высказывая мысль о соединеніи церквей по основнымъ признакамъ вѣроученія при условіи извѣстныхъ уступокъ съ той и другой стороны, онъ услышалъ отъ одного изъ своихъ собесѣдниковъ, что, по существу, мысль Толстого была вѣрная мысль, но—„такія уступки произведутъ нареканія на духовную власть въ томъ, что она отступаетъ отъ вѣры предковъ, и произведутъ расколъ, а призваніе духовной власти—блюсти во всей чистотѣ греко-россійскую православную вѣру, переданную ей отъ предковъ.

„И я все понялъ. Я ищу вѣры, силы жизни, а они ищутъ наилучшаго средства исполненія передъ людьми извѣстныхъ человѣческихъ обязанностей. И исполняя эти человѣческія дѣла,

они исполняютъ ихъ по-человѣчески. Сколько бы ни говорили они о своемъ сожалѣніи о заблудшихъ братьяхъ, о молитвахъ за нихъ, возносимыхъ у престола всевышняго,—для исполненія человѣческихъ дѣлъ нужно насиліе, и оно всегда прилагалось, прилагается и будетъ прилагаться. Если два исповѣданія считаютъ себя въ истинѣ, а другъ друга во лжи, то, желая привлечь братьевъ къ истинѣ, они будутъ проповѣдывать свое ученіе. А если ложное ученіе проповѣдуется неопытнымъ сынамъ церкви, находящейся въ истинѣ, то церковь эта не можетъ не сжечь книги, не удалить человѣка, соблазняющаго сыновъ ея. Что же дѣлать съ тѣмъ сектантомъ, горящимъ огнемъ ложной, по мнѣнію православія, вѣры, который въ самомъ важномъ дѣлѣ жизни, въ вѣрѣ, соблазняетъ сыновъ церкви? Что же съ нимъ дѣлать, какъ не отрубить ему голову, или не запереть? При Алексѣѣ Михайловичѣ сжигали на кострѣ, т.-е. по времени прилагали высшую мѣру наказанія; въ наше время прилагаютъ тоже высшую мѣру,—запираютъ въ одиночное заключеніе. И я обратилъ вниманіе на то, что дѣлается во имя вѣроисповѣданія, и ужаснулся, и уже почти совсѣмъ отрекся отъ православія.

„Второе отношеніе церкви къ жизненнымъ вопросамъ было отношеніе ея къ войнѣ и казнямъ.

„Въ это время случилась война въ Россіи. И русскіе стали во имя христіанской любви убивать своихъ братьевъ. Не думать объ этомъ нельзя было. Не видѣть, что убійство есть зло, противное самымъ первымъ основамъ всякой вѣры, нельзя было. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ церквахъ молились объ успѣхѣ нашего оружія, и учители вѣры признавали это убійство дѣломъ, вытекающимъ изъ вѣры. И не только эти убійства на войнѣ, но во время тѣхъ смутъ, которыя послѣдовали за войной, я видѣлъ чиновъ церкви, учителей ея, монаховъ, схимниковъ, которые одобряли убійство заблудшихъ безпомощныхъ юношей. И я обратилъ вниманіе на все то, что дѣлается людьми, исповѣдующими христіанство, и ужаснулся".

И это дѣйствительно ужасно—не съ точки зрѣнія науки, потому что наука не знаетъ ни жалости, ни состраданія, будучи въ рукахъ человѣка простымъ орудіемъ прогресса, но съ точки зрѣнія того непосредственнаго чувства, которое, озаряя душу человѣка свѣтомъ богоощущенія, не можетъ безучастно относиться къ фактамъ насилія, организованнаго экономическаго и духовнаго порабощенія, къ отсутствію высшихъ руководящихъ началъ въ жизни, ко всему тому, чѣмъ отличается современное

намъ цивилизованное и по-истинѣ по недоразумѣнію называемое христіанскимъ общество.

V.

Статья „Такъ что же намъ дѣлать?“ замѣчательна анализомъ наблюденій Толстого въ сферѣ народной бѣдноты и темной безпомощности, ютящейся по городскимъ подваламъ и притонамъ. Сопоставляя свои наблюденія съ извѣстными ему впечатлѣніями изъ жизни другихъ классовъ, праздныхъ и обезпеченныхъ, онъ устанавливаетъ между ними нивеллирующую связь и съ особымъ, одному Толстому свойственнымъ даромъ, срываетъ оболочки, въ которыя драпируются отношенія различныхъ классовъ, и прозрѣваетъ въ ихъ сущность съ той религіозно-моральной точки зрѣнія, которая служитъ для него исчерпывающимъ критеріемъ истины. И здѣсь, пока Толстой не смѣшивается съ наблюдаемыми людьми и не вноситъ своихъ личныхъ настроеній и чувствъ, впечатлѣнія отъ его наблюденій ужасомъ и дрожью проходятъ по сердцу читателя, въ образахъ такой поразительной наглядности, что ихъ невозможно забыть тѣмъ, кто разъ познакомился съ ними въ изложеніи Толстого. Реализмъ изображенія положительно потрясаетъ душу. Стоитъ прочесть описаніе его посѣщенія Ляпинскаго дома или Ржановскаго, чтобы видѣть, какъ глубоко врѣзывается въ его душу каждая черта наблюдаемаго и какъ застываетъ въ ней образомъ жизни и силы. И черта за чертой, сцена за сценой образуется изъ разсказа Толстого впечатлѣніе чего-то огромнаго, неуклюжаго, неналаженнаго, страшнаго, отъ чего терзаются и страдаютъ люди. Это жизнь, и она взываетъ всѣми своими язвами и стонами и трогаетъ читателя гораздо сильнѣе, чѣмъ вплетающаяся въ нее тоже отдѣльно интересная, но здѣсь диссонирующая съ ней личность Толстого. И происходитъ это потому, что Толстой—величайшій художникъ, на пути котораго стоитъ моралистъ, то подчиняющійся, то расходящійся съ нимъ въ стремленіи къ высшей изъ жизненныхъ правдъ—той, чѣмъ держится міръ и „чѣмъ люди живы“.

Приведемъ характерный образчикъ одного изъ тѣхъ моментовъ борьбы художника съ моралистомъ, гдѣ художническій инстинктъ одержалъ рѣшительную побѣду. Одинъ изъ „пріятелей“ Толстого, ночевавшій въ ночлежкѣ, разсказалъ ему печальный случай, который произошелъ на его глазахъ съ несчастной прачкой, занимавшей уголъ въ ночлежкѣ. Вотъ разсказъ „пріятеля“ въ передачѣ Толстого: „Прачка нѣсколько мѣсяцевъ жила здѣсь

и была тихая женщина, но въ послѣднее время ее не взлюбили за то, что она кашляла и мѣшала жильцамъ спать. Особенно восьмидесятилѣтняя старуха, полусумасшедшая, тоже постоянная жиличка этой квартиры, возненавидѣла прачку и поѣдомъ ѣла ее за то, что она спать не даетъ и всю ночь перхаетъ, какъ овца. Прачка молчала, она задолжала за квартиру и чувствовала себя виноватой, и потому ей надо было быть тихой. Она все рѣже могла ходить на работу, силъ не хватало, и потому не могла выплачивать хозяйкѣ; послѣднюю недѣлю она вовсе не ходила на работу и только отравляла всѣмъ, особенно старухѣ, тоже не выходившей, жизнь своей перхотой. Четыре дня тому назадъ хозяйка отказала прачкѣ отъ квартиры: за ней уже набралось шесть гривенъ, и она не платила ихъ, и не предвидѣлось надежды ихъ получить, а койки всѣ были заняты, и жильцы жаловались на перхоту прачки.

„Когда хозяйка отказала прачкѣ и сказала, чтобы она выходила изъ квартиры, коли не отдастъ денегъ, старуха обрадовалась и вытолкала прачку на дворъ. Прачка ушла, но черезъ часъ вернулась и у хозяйки не хватило духу выгнать ее опять. И второй, и третій день хозяйка не выгоняла ее. „Куда же я пойду?“ говорила прачка. Но на третій день любовникъ хозяйки, человѣкъ московскій и знающій порядки и обхожденіе, пошелъ за городовымъ. Городовой съ саблей и пистолетомъ на красномъ шнуркѣ пришелъ въ квартиру и, учтиво приговаривая приличныя слова, вывелъ прачку на улицу“.

Все это могъ разсказать „пріятель“ Толстого, хотя едва ли отмѣтилъ, что городовой былъ „съ саблей и пистолетомъ на красномъ шнуркѣ“ и что онъ учтиво приговаривалъ приличныя слова. Но ужъ чего онъ рѣшительно не говорилъ, если только не задавался цѣлями художественнаго воспроизведенія, такъ это— дальнѣйшаго, что составляетъ продолженіе разсказа „пріятеля“: „Былъ ясный, солнечный, но морозный мартовскій день. Ручьи текли, дворники кололи ледъ. Сани извозчиковъ подпрыгивали по обледенѣвшему снѣгу и визжали по камнямъ. Прачка пошла въ гору по солнечной сторонѣ, дошла до церкви и сѣла, тоже на солнечной сторонѣ, на паперти церкви. Но когда солнце стало заходить за дома, лужи стали затягиваться стеклышкомъ мороза, прачкѣ стало холодно и жутко. Она поднялась и потащилась... Куда? Домой, въ тотъ единственный домъ, въ которомъ она жила послѣднее время. Пока она дошла, отдыхая, стало смеркаться. Она подошла къ воротамъ, завернула въ нихъ, поскользнулась, охнула и упала“...

Разсказъ былъ такъ трогателенъ и произвелъ, повидимому, такое глубокое впечатлѣніе на Толстого, что, подъ его вліяніемъ, въ душѣ у него создалась цѣлая картина, гдѣ правда искусства слилась съ правдой жизни, и онъ, незамѣтно для самого себя, обычный безыскусственный разсказъ облекъ въ художественную форму, перенеся въ него и тѣ впечатлѣнія, которыя и самъ онъ получилъ на другой день при провѣркѣ разсказа. Столь же художественно переданъ и конецъ его: „Прошелъ одинъ, прошелъ другой человѣкъ. „Должно — пьяна“. Прошелъ еще человѣкъ, споткнулся на прачку и сказалъ дворнику: „какая-то у васъ пьяная въ воротахъ валяется, чуть голову себѣ не проломилъ черезъ нее; уберите вы ее, что-ли!“

„Дворникъ пошелъ. Прачка была мертвая. Вотъ что разсказалъ мнѣ мой пріятель. Можно подумать, что я подобралъ факты— встрѣчу съ пятнадцатилѣтней проституткой (разсказанной выше у Толстого) и исторію съ этой прачкой; но пусть не думаютъ этого; это такъ точно было въ одну ночь—не помню только какого марта 1884 года“.

И всѣ отраженія жизни, которыя подвергаются художественной переработкѣ въ душѣ Толстого, имѣютъ положительное значеніе для жизни и, представляя собой итогъ могучаго обобщенія, совпадаютъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, съ выводами соотвѣтственныхъ наукъ. Напримѣръ, что могли бы сказать наиболѣе отвергаемыя Толстымъ положенія финансовой науки, взятыя въ ихъ конечномъ смыслѣ, противъ моральной тенденціи его изображеній роскошной и праздной жизни богатыхъ и привилегированныхъ классовъ. Вотъ картина вечера, какъ Толстой наблюдалъ ее въ Хамовникахъ, мѣстѣ по преимуществу трудовомъ и фабричномъ. „И вотъ показались со всѣхъ сторонъ кареты, всѣ направлявшіяся въ одну и ту же сторону.

„На козлахъ кучеръ, иногда въ тулупѣ; лакей, щеголь съ кокардой. Сытые рысаки въ попонахъ летятъ по морозу съ быстротой 20 верстъ въ часъ, въ каретѣ дамы, закутанныя въ ротонды и оберегающія цвѣты и прически. Все, начиная отъ сбруи на лошадяхъ, кареты, гуттаперчевыхъ колесъ, сукна на кафтанѣ кучера до чулокъ, башмаковъ, цвѣтовъ, бархата, перчатокъ, духовъ,—все это сдѣлано тѣми людьми, которые частью пьяные завалились на своихъ нарахъ въ спальняхъ, частью въ ночлежныхъ домахъ съ проститутками, частью разведены по сибиркамъ. Вотъ мимо ихъ во всемъ ихнемъ и на всемъ ихнемъ ѣдутъ посѣтители бала, и имъ и въ голову не приходитъ, что есть какая-нибудь связь между тѣмъ баломъ, на который они

собираются, и этими пьяными, на которыхъ строго кричатъ ихъ кучера.

„Люди эти съ самымъ спокойнымъ духомъ и увѣренностью, что они ничего худого не дѣлаютъ, но что-то очень хорошее,— веселятся на балѣ. Веселятся! Веселятся отъ 11-ти до 6-ти часовъ утра, въ самую глухую ночь, въ то время, какъ съ пустыми желудками валяются люди по ночлежнымъ домамъ и нѣкоторые умираютъ, какъ прачка".

Толстой изображаетъ картину, финансовыя науки дадутъ числовое заключеніе, и то и другое подскажетъ вдумчивому и совѣстливому человѣку одинъ и тотъ же моральный итогъ, что въ существующихъ человѣческихъ отношеніяхъ лежитъ изстари какая-то неправда, съ которой мириться никакъ нельзя. Но когда Толстой для доказательства своихъ мыслей обращается къ фактамъ своей жизни и ищетъ въ нихъ подтвержденія, дѣло не обходится безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Недоразумѣнія эти, одинъ-два примѣра которыхъ мы увидимъ ниже, почти ничтожны сравнительно съ общимъ смысломъ его произведенія, а между тѣмъ они-то и служили источникомъ ожесточеннѣйшихъ нападковъ на Толстого со стороны его противниковъ, зачастую изъ-за нихъ не видѣвшихъ самаго главнаго въ его сочиненіяхъ, ихъ основной мысли и духа. Недоразумѣнія эти возникаютъ чаще всего тамъ, гдѣ Толстой опирается на факты своей личной жизни не какъ художникъ, а какъ частный человѣкъ. Съ одной стороны, это бываетъ тамъ, гдѣ Толстой обличаетъ себя, указывая на себя, какъ на вмѣстилище всевозможныхъ недостатковъ и слабостей. Ему кажется, что избавиться отъ всего дурного легко—нужно только понять, что дурное дурно, и не дѣлать этого. И вотъ, на примѣрахъ изъ личной жизни Толстой оставляетъ читателя въ неизвѣстности, всегда ли его пониманіе своихъ недостатковъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и избавленіемъ отъ нихъ. Разсказываетъ онъ, какъ однажды далъ онъ старику нищему 20 копѣекъ. „Я далъ и подумалъ о томъ, какъ моя милостыня должна хорошо подѣйствовать на Семена (спутника Толстого, съ которымъ онъ пилилъ дрова), съ которымъ мы говорили о божественномъ". Семенъ, у котораго было денегъ всего на всего 6 р. 50 коп., тоже далъ нищему 3 коп. Это навело Толстого на слѣдующее разсужденіе. „Стало быть 6 р. 50 коп. было все его сбереженіе. Мое сбереженіе равнялось приблизительно 600-мъ тысячамъ. У меня были жена и дѣти, у Семена были жена и дѣти. Онъ былъ моложе меня, и дѣтей у него было меньше; но дѣти у него были малыя, у меня же ужъ было двое въ возрастѣ ра-

ботниковъ, такъ что наше положеніе, кромѣ сбереженія, было равное; пожалуй, даже мое — нѣсколько выгоднѣе. Онъ далъ 3 коп., я далъ 20 коп. Что же далъ онъ и что я? Что бы я долженъ былъ дать, чтобы сдѣлать то, что сдѣлалъ Семенъ? У него было 600 копѣекъ; онъ далъ изъ нихъ одну и потомъ еще двѣ. У меня было 600 тысячъ. Чтобы дать то, что Семенъ, мнѣ надо было дать 3.000 рублей и попросить 2.000 сдачи и, еслибы не было сдачи, оставить и эти 2 тысячи старику, перекреститься и пойти дальше, спокойно разговаривая о томъ, какъ живутъ на фабрикахъ и почемъ печенка на Смоленскомъ. Я тогда же подумалъ объ этомъ; но только долго послѣ того я былъ въ состояніи сдѣлать изъ этого случая тотъ выводъ, который неизбѣжно изъ него вытекаетъ. Выводъ этотъ такъ необыкновененъ и странен кажется, что, несмотря на его математическую несомнѣнность, нужно время, чтобы привыкнуть къ нему. Все кажется, что тутъ должна быть какая-нибудь ошибка, но ошибки нѣтъ. Есть только страшная тьма заблужденій, въ которой мы живемъ".

И далѣе Толстой подкрѣпляетъ свои разсужденія справкой, откуда произошли его деньги: часть была получена за землю, другая—за свои сочиненія. Прочитавъ все это, читатель вправѣ ожидать далѣе повѣствованія о томъ, какъ Толстой отказался отъ своихъ денегъ и какъ сталъ жить только своимъ личнымъ трудомъ, удѣляя изъ него милостыню, подобную Семеновой. Но повѣствованія этого читатель не встрѣчаетъ и остается неудовлетвореннымъ, и въ лучшемъ случаѣ ему кажется, что этотъ не возросшій до подвига примѣръ изъ жизни Толстого совершенно не нуженъ здѣсь, потому что онъ слишкомъ ничтоженъ по сравненію съ огромнымъ художественнымъ изслѣдованіемъ окружающей жизни тысячъ и милліоновъ людей.

Другимъ разительнымъ примѣромъ является сопоставленіе судьбы мальчика изъ Ржановскаго дома съ судьбою своихъ собственныхъ дѣтей. Толстой взялъ этого мальчика въ свой домъ, чтобы облагодѣтельствовать и исправить его, и что же мальчикъ увидѣлъ въ этомъ домѣ?—спрашиваетъ Толстой:—„моихъ дѣтей—и старше его, и моложе, и ровесниковъ,—которые никогда ничего для себя не только не работали, но и всѣми средствами доставляли работу другимъ, пачкали, портили все вокругъ себя, объѣдались жирнымъ, вкуснымъ и сладкимъ, били посуду, проливали и бросали собакамъ такую пищу, которая для этого мальчика представлялась лакомствомъ. Если я изъ *вертепа* взялъ его и привелъ въ хорошее мѣсто, то онъ и долженъ былъ усвоить тѣ взгляды, которые существуютъ на жизнь въ хорошемъ мѣстѣ;

и по этимъ взглядамъ онъ понялъ, что въ хорошемъ мѣстѣ надо такъ жить, чтобы ничего не работать, а ѣсть, пить сладко и жить весело. Правда, онъ не зналъ того, что дѣти мои несутъ тяжелые труды для изученія склоненій латинской и греческой грамматики, и не могъ бы понять цѣли этихъ трудовъ. Но нельзя не видѣть, что еслибы онъ понялъ это, то воздѣйствіе на него примѣра моихъ дѣтей было бы еще сильнѣе. Онъ понялъ бы тогда, что мои дѣти воспитываются такъ, чтобы, ничего не работая теперь, быть въ состояніи и впредь, пользуясь своимъ дипломомъ, работать какъ можно меньше и пользоваться благами жизни какъ можно больше. Онъ и понялъ это и не пошелъ къ мужику убирать скотину и ѣсть съ нимъ картошки съ квасомъ, а пошелъ въ зоологическій садъ въ костюмѣ дикаго водить слона за 30 коп.“.

Если Толстой „не понималъ“, какъ онъ говоритъ, въ тотъ періодъ своихъ странствованій по бѣднымъ кварталамъ, что дѣти его получаютъ дурное, по его мнѣнію, воспитаніе, то онъ понялъ это нѣсколько позже, ко времени писанія своей статьи (въ половинѣ 80-хъ годовъ), и читатель опять-таки вправѣ былъ бы ожидать, что Толстой, посвятившій его въ такія глубокія нѣдра своей семейной жизни, хотя нѣсколькими словами покажетъ ему, какъ отразилось на дальнѣйшемъ воспитаніи его дѣтей его новое пониманіе назначенія человѣка и къ чему привело осужденіе прежней системы. Но Толстой умалчиваетъ объ этомъ, и читатель, какъ и въ первомъ примѣрѣ, остается неудовлетвореннымъ потому, что видитъ, что этотъ частный примѣръ ничего не доказываетъ ему и, напротивъ, только смущаетъ правильную работу мысли, направленной на усвоеніе общаго смысла статьи.

Этотъ общій смыслъ по-истинѣ громаденъ и знаменателенъ для нашего времени. И именно потому, что онъ является синтезомъ напряженной работы великой художественной мысли, онъ заслоняетъ собой личность художника и ставитъ передъ каждымъ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ, роковую и безотлагательную проблему жизни, какъ сдѣлать чувство воспріимчивымъ къ вѣрѣ и любви, на которыхъ покоятся духовныя основы жизни, и какимъ образомъ направить мысль на познаніе того, что̀ въ окружающемъ человѣка является истиннымъ, божественнымъ, вѣчнымъ и на чемъ лежитъ печать суеты и заблужденія. Этотъ смыслъ ясно, какъ день, обнаруживаетъ неправду нашего общественнаго строя и указываетъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ путей его измѣненія—путь нравственнаго перерожденія людей. И, намѣчая

этотъ путь, Толстой всей силой своего геніальнаго прозрѣнія, всѣмъ убѣжденіемъ своей страстной и вѣчно ищущей души показываетъ невозможность достиженія какихъ бы то ни было идеальныхъ цѣлей, направленныхъ на водвореніе среди людей мира и братства, способами насилія и дикой физической борьбы. Единственный вѣрный способъ къ тому—путь самоуглубленія, безпощаднаго анализа своихъ дѣйствій и поступковъ и убѣжденія. Въ этомъ направленіи вся дѣятельность Толстого представляетъ высокій примѣръ неуклоннаго и беззавѣтнаго стремленія къ истинѣ и истинной свободѣ. И эта дѣятельность особенно поучительна въ наше время.

Евг. Ляцкій.

ЛЮБОПЫТНЫЯ ПАРАЛЛЕЛИ

Письмо въ Редакцію.

II *).

Основаніе чисто экономическому соціализму въ Америкѣ положилъ въ 1824 г. Робертъ Оуэнъ (1771—1858), основатель и англійскаго соціализма. Разбогатѣвъ на своемъ бумаго-прядильномъ предпріятіи въ Ланаркѣ, въ Шотландіи, и достигнувъ тамъ, повидимому, конкретнаго успѣха привлеченіемъ въ дѣло кооперації своихъ рабочихъ, онъ рѣшилъ расширить идею кооперації до полнаго коммунизма, и съ этой цѣлью купилъ высоко благоустроенное имѣніе общины раппистовъ въ штатѣ Индіанѣ, заключавшее въ себѣ 30.000 акровъ со множествомъ солидныхъ каменныхъ построекъ на большую ногу, за $ 150.000^{00}, и, кликнувъ кличъ по всей Америкѣ, собралъ до 900 соціалистовъ разныхъ типовъ и основалъ съ ними коммуну „Новую Гармонію“. Въ Ланаркѣ Оуэнъ имѣлъ дѣло съ притѣсненными фабричными рабочими, въ дѣйствительности мало чѣмъ отличавшимися отъ крѣпостныхъ; они были рады всякому улучшенію своего безпомощнаго, горемычнаго существованія, и безпрекословно слѣдовали его указаніямъ,—они видѣли въ немъ благодѣтеля, но не равнаго себѣ сочлена;—а въ „Новой Гармоніи“ ему пришлось имѣть дѣло съ свободными, независимыми людьми, изъ которыхъ каждый имѣлъ и проводилъ свои собственныя идеи. У Оуэна не было никакой выработанной программы дѣйствія, готоваго шаблона;—онъ никогда не былъ теоретикомъ соціализма, а только его энергичнымъ, вдохновеннымъ апостоломъ;—онъ вѣрилъ, что все зло на землѣ исходитъ отъ оффи-

*) См. выше: ноябрь, стр. 338.

ціальныхъ представителей религіи и власти, и что съ ихъ искорененіемъ человѣчество сразу сдѣлается счастливымъ. Американцу же необходима опредѣленная почва, система даже и для такого новшества, какимъ былъ въ то время коммунизмъ,—одно теоретическое отрицательное отношеніе къ существующему порядку вещей ему недостаточно, ему нужна конституція,—какъ жить и управляться. Есть всякое основаніе предполагать, что единственнымъ матеріаломъ къ оформленію коммунистическихъ идей у Оуэна былъ только схваченный имъ уже на мѣстѣ опытъ раппистовъ;—понятно, что кое-какъ, наскоро составленный имъ временный первый уставъ продержался только самое короткое время, и когда американская организаціонная способность взялась за дѣло, его новизна привела къ тому, что за три года существованія „Новой Гармоніи“ были перемѣнены, одна за другой, семь различныхъ конституцій — отъ сравнительно деспотическихъ до вполнѣ демократическихъ,—и ни одна изъ нихъ не оказалась хоть сколько-нибудь практичной, такъ что въ коммунѣ вмѣсто гармоніи царствовали все время неописуемый сумбуръ и абсолютная безурядица, пока коммуна не распалась окончательно и члены не разбѣжались въ разныя стороны. Какой бы то ни было религіи въ „Новой Гармоніи“ совсѣмъ не было мѣста—зато увеселенія разнаго рода, танцы, музыка и вино, были въ большомъ ходу. Это былъ самый безтолковый, самый жалкій неуспѣхъ отъ начала до конца, и въ этомъ углу штата Индіаны говорить о соціализмѣ и до сихъ поръ небезопасно. Оуэнъ разорился, но удержалъ лучшую часть имѣнія за собой, и его потомки владѣютъ имъ и до сихъ поръ. Самъ же онъ провелъ всю свою остальную жизнь, путешествуя изъ Америки въ Европу и обратно, всюду проповѣдуя соціализмъ и пытаясь заинтересовать въ немъ различныя правительства и общественныя учрежденія, — но такъ и до смерти онъ не далъ никакого опредѣленнаго рецепта. Сынъ его, Робертъ Дэль Оуэнъ (1801—1877), впослѣдствіи довольно извѣстный американскій писатель и общественный дѣятель, вмѣстѣ съ Франциской Райтъ, богатой филантропкой и потомъ одной изъ самыхъ видныхъ поборницъ освобожденія негровъ и эмансипаціи женщинъ, основалъ въ штатѣ Теннеси коммуну „Нашоба“, въ которой были участниками и негры,—но и она просуществовала всего три года, хотя и была безусловно обезпечена въ матеріальномъ отношеніи. Послѣдователями Оуэна были основаны въ пяти штатахъ 11 коммунъ почти одновременно съ „Новой Гармоніей“;—но хотя нѣкоторыя изъ нихъ обладали и средствами, и дѣловитыми участниками, пустившими въ ходъ разнообразные и болѣе тщательно обдуманные и обработанные уставы, все же ни одна изъ нихъ не просуществовала и двухъ лѣтъ.

Макдональдъ, одинъ изъ самыхъ искреннихъ и вдумчивыхъ почи-

тателей Оуэна, пытаясь объяснить сокрушающій неуспѣхъ всего движенія, говоритъ: „Оуэнъ искалъ настойчиваго приложенія коммунистической идеи, а нашелъ нечестность. Онъ требовалъ воздержанія, а встрѣтилъ безчисленныя затрудненія отъ пьянства. Онъ искалъ трудолюбія, а нашелъ лѣнь. Онъ требовалъ чистоты, а встрѣтилъ нечистоплотность. Онъ искалъ жажды знанія, а нашелъ апатію. Никто не понималъ его идей о необходимости выработки соотвѣтственнаго характера. Онъ думалъ найти все доброе и въ отдѣльныхъ лицахъ, и въ общинѣ, какъ цѣломъ,—а не нашелъ въ членахъ ничего, ни достаточнаго терпѣнія, ни самопожертвованія для того, чтобы привить его хотя бы къ дѣтямъ. Ясно, что его принципы были или ложны, или преждевременны для нашей эпохи. Онъ упустилъ изъ виду, что еслибъ каждый и всѣ вмѣстѣ въ той тысячѣ членовъ, которыхъ онъ собралъ, обладали всѣмъ тѣмъ, что онъ считалъ необходимымъ, то не было бы никакой нужды въ его тщетныхъ попыткахъ организовать коммуну,—потому что сами собой господствовали бы братская любовь, добрыя дѣла, прилежаніе и общее благосостояніе. До тѣхъ поръ, пока родители не будутъ готовы воспитывать своихъ дѣтей соотвѣтственно соціализму, у него не можетъ быть никакой надежды“.

Данный Оуэномъ толчокъ вызвалъ въ Америкѣ совершенно самостоятельное соціалистическое движеніе, которое съ теченіемъ времени приняло различныя формы, изъ которыхъ, какъ болѣе опредѣленныя, слѣдуетъ отмѣтить нижеперечисляемыя: Ворренъ съ группой послѣдователей, изъ которыхъ особенно замѣтны Андрюсъ и докторъ Никольсъ, приписывая неудачу „Новой Гармоніи“ вмѣшательству общины въ жизнь отдѣльныхъ членовъ, выработали доктрину суверенитета личности, и очень упорно проводили ее цѣлую четверть вѣка въ нѣсколькихъ общежитіяхъ въ штатахъ Охайо, Индіанѣ и Нью-Іоркѣ. Они требовали абсолютной свободы индивидуума, не связываемой никакими уставами, и основывали свои коммуны на добросовѣстномъ прямомъ обмѣнѣ труда безъ посредства какихъ-либо знаковъ. Ими же было положено начало въ Америкѣ теоріи „свободной любви“, впослѣдствіи развитой „Онеидскою коммуною“ и многими другими. Движеніе Воррена извѣстно подъ именемъ коммунъ типа „Modern Times“; всѣ онѣ имѣли очень кратковременное существованіе и очень близки по существу къ современному анархизму. Все это было впослѣдствіи поглощено съ одной стороны французскимъ позитивизмомъ (Эдгеръ, одинъ изъ десяти апостоловъ Конта, основалъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько позитивистскихъ общежитій, также имѣвшихъ только самое короткое существованіе), а съ другой—спиритуализмомъ, къ которому обратился впослѣдствіи вышеупомянутый докторъ Никольсъ.

Одной изъ самыхъ либеральныхъ религіозныхъ сектъ Америки

всегда были унитаріане;—тѣмъ не менѣе, въ теченіе тридцатыхъ годовъ и въ ихъ средѣ образовалось крайнее теченіе, привлекшее къ себѣ довольно многочисленную группу чрезвычайно талантливыхъ людей, впослѣдствіи, каждый въ отдѣльности, сыгравшихъ большую роль въ американской литературѣ, особенно философской. Къ ней принадлежали оба Чаннинга, Хоуторнъ, Паркеръ, Риплэй, Двайтъ, Чарльсъ Дана, Маргарита Фуллеръ, Куртисъ, миссъ Пибоди; Эмерсонъ былъ къ ней очень близокъ. Русскому читателю имена эти, вѣроятно, мало или и совсѣмъ неизвѣстны, но въ исторіи эволюціи американской мысли они имѣютъ приблизительно то же значеніе, что̀, наприм., Грановскій, Станкевичъ, Бѣлинскій, Чернышевскій въ русской, и издававшійся ими нѣсколько лѣтъ журналъ „Dial“ имѣлъ нѣкоторое сходство съ Герценовскимъ „Колоколомъ“. Само собой разумѣется, что эти сравненія слѣдуетъ понимать примѣнительно къ американскимъ жизненнымъ условіямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ русскими. Группа эта называла себя „Христіанской“, и не отрицала значенія религіи, но считала соціализмъ руководящимъ началомъ, и въ 1841 г. основала въ штатѣ Массачузетсѣ, вблизи города Бостона, коммуну подъ именемъ „Brook Farm“. Къ тому времени неудачи оуэнизма были приписаны въ самой значительной степени его неразборчивости въ пріемѣ члевовъ,—и въ эту коммуну члены принимались только съ большимъ разборомъ и послѣ долговременнаго личнаго знакомства. И „Dial“ въ теоріи, и „Brook Farm“ на практикѣ не дали никакой опредѣленной системы,—они обсуждали соціализмъ только въ широкомъ, общемъ, философскомъ смыслѣ, и представляли собой только чисто экспериментальную стадію. Но печать того времени, удѣлявшая этому движенію немало мѣста, назвала его трансцендентализмомъ, подъ которымъ оно и перешло въ исторію эволюціи американской мысли. Съ появленіемъ на американской сценѣ фурьеризма, „Brook Farm“ реорганизовался въ форменный фаланстеръ въ 1843 г., и я возвращусь къ нему впослѣдствіи.

Трансцендентализмъ, такимъ образомъ, былъ соціалистическимъ расколомъ въ унитаріанствѣ; соціализмъ произвелъ около того же времени такой же расколъ и въ средѣ универсалистовъ,—другой очень либеральной американской религіозной секты. Адинъ Баллу съ группой послѣдователей отдѣлился отъ универсализма и основалъ коммуну въ штатѣ Массачузетсѣ подъ именемъ „Hopedale“, существовавшую съ 1841 по 1856 г. Одно время въ ней было до 200 членовъ, но уже послѣ первыхъ же двухъ лѣтъ изъ нихъ осталось всего нѣсколько семей, не подпавшихъ вліяніямъ фурьеризма. Руководящей идеей было стремленіе „достичь гармоніи между независимостью личности и общественной кооперацією на основѣ христіанства“. Они признавали только Евангеліе, но никакихъ религіозныхъ формъ, практиковали

безусловный коммунизмъ, сохранивъ бракъ и обычныя семейныя отношенія. Впослѣдствіи Баллу написалъ замѣчательную книгу о соціализмѣ, къ сожалѣнію оставшуюся малоизвѣстной. Это—чрезвычайно мастерское и глубоко обдуманное многостороннее изложеніе теоріи соціализма, соединенное съ подробной программой и уставомъ организаціи, соотвѣтствующей его дѣйствительнымъ потребностямъ. Но онъ не успѣлъ привести ее въ исполненіе, такъ какъ коммуна „Hopedale“ захирѣла и потеряла всякую жизненность задолго до своего окончательнаго формальнаго распаденія.

Коммуны „Brook Farm“ и „Hopedale“ имѣли, такъ сказать, полурелигіозныя основанія—ихъ противовѣсомъ съ исключительно экономической подкладкой были нотингаріанцы—отъ слова nothing: ничего,—отрицавшіе какую-либо религію, но признававшіе необходимость стройной организаціи. Въ томъ же штатѣ Массачузетсѣ, Макъ и Бенсонъ основали въ 1842 году нотингаріанскую коммуну въ Нортгамптонѣ, имѣвшую до 220 членовъ и просуществовавшую до 1846 г. Они занимались земледѣліемъ, шелководствомъ и лѣсопильнымъ дѣломъ, но страдали все время отъ недостатка средствъ, приведшаго къ раздорамъ и распаденію.

Представителемъ всяческаго радикализма въ соціализмѣ была коммуна Коллипса въ Сканителесѣ, въ штатѣ Массачузетсѣ, существовавшая съ 1843 по 1846 годъ. Въ ней было до 150 членовъ, демонстративно враждебныхъ и какимъ-либо властямъ, и религіи; будучи строгими вегетаріанцами, они доводили опрощеніе до питанія неободранной вареной пшеницей и рисомъ. Они отрицали мебель, жизненныя удобства—въ видѣ тюфяковъ и одѣялъ—и практиковали свободную любовь. Окрестныя газеты писали про эту коммуну, что ея члены работали цѣлый день, и спорили и ссорились цѣлую ночь; ея основатель, Коллипсъ, человѣкъ очень энергичный и способный, съ ея распаденіемъ сдѣлалъ слѣдующее публичное заявленіе: „На поверхности современнаго общества постоянно плаваетъ извѣстное число безпокойныхъ, разочарованныхъ, завистливыхъ, лѣнивыхъ людей, недовольныхъ современной соціальной системой не потому, что она обрекаетъ массы на нищету, невѣжество и порокъ, а потому что они не въ состояніи обратить ее въ свою личную пользу. Опытъ доказываетъ, что люди эти готовы примкнуть ко всякому новому движенію, которое обѣщаетъ имъ личную свободу и довольство;—и когда подобное предпріятіе отказывается называть бездѣлье свободой и настаиваетъ, чтобы каждый членъ напрягалъ свои способности на общую пользу, они поднимаютъ крикъ противъ тиранніи тѣхъ, кто требуетъ трудолюбія и самопожертвованія,—и предпріятіе дѣлается жертвой и козломъ отпущенія ихъ лѣни, себялюбія и неустойчивости“.

Я описалъ только выдавшіеся прототипы вышеочерченныхъ теченій; всѣ они имѣли и другихъ представителей въ формѣ болѣе мелкихъ коммунъ съ болѣе кратковременнымъ существованіемъ.

Всѣ историки соціалистическаго движенія въ Америкѣ, какъ Нойсъ, Нордгофъ, Хайндсъ, Кентъ, признаютъ 1840-й годъ такимъ историческимъ моментомъ, когда разбуженный оуэнизмомъ чисто экономическій соціализмъ былъ готовъ къ воспріятію какой-либо новой для него практической формулы и искалъ ее вышеперечисленными разнообразными теченіями. Такимъ образомъ, дошелъ чередъ и до французскихъ соціалистовъ. Хотя Сенъ-Симонъ (1760—1725) и Фурье (1772—1837) и были въ сущности современниками, и ихъ книги („L'Industrie" перваго и „Théorie de quatre mouvements et des destinées générales второго) и вышли почти одновременно (первая въ 1817, вторая въ 1808 гг.), но первый очень мало извѣстенъ въ Америкѣ, тогда какъ второй сыгралъ въ ней огромную роль, и только потому, что далъ ей искомую формулу—опредѣленную программу, что̀ нужно дѣлать. Тѣмъ не менѣе, прошло слишкомъ тридцать лѣтъ прежде, чѣмъ фурьеризмъ завладѣлъ почти вполнѣ американскимъ соціализмомъ. Только въ 1840 г. Бризбэнъ выпустилъ свою книгу, „Social Destiny of man", познакомившую американскихъ соціалистовъ съ фурьеризмомъ. Бризбэнъ былъ энергичный, отлично образованный, настойчивый глубоко убѣжденный соціальный реформаторъ—онъ привлекъ на сторону фурьеризма Гудвина, Гораса Грили съ его знаменитой „New-York Tribune", того Грили, который впослѣдствіи, въ 1868 г., былъ кандидатомъ демократической партіи въ президенты Союза противъ генерала Гранта и цѣлую четверть вѣка—самой выдающейся, самой вліятельной фигурой американскаго журнализма. Эти люди дали соціализму вообще и фурьеризму въ частности огромный толчокъ, особенно когда въ 1843 г. успѣли обратить въ его пользу группу „Brook Farm", которая была описана выше, и, сначала съ ея участіемъ, а затѣмъ и подъ ея непосредственнымъ руководствомъ издавали спеціальные фурьеристскіе журналы: „The Phalanx", „The Future", „The Harbinger". Вначалѣ центромъ фурьеристскаго движенія былъ городъ Нью-Іоркъ, затѣмъ онъ былъ перенесенъ въ городъ Бостонъ. Начались національныя конвенціи соціалистовъ;— первая была въ 1844 г. и закончилась организаціей „американскаго національнаго союза соціалистовъ" и большимъ энтузіазмомъ. „Brook Farm" была переименована въ „Фаланстеръ", и его талантливые члены обратились всецѣло къ агитаціи фурьеризма по всей странѣ. Были назначены спеціальные организаторы, которые объѣзжали штаты, созывали вездѣ публичные митинги, печатали въ мѣстныхъ газетахъ свои программы и воззванія къ народу. Бризбэнъ, Гудвинъ и Грили посвятили фурьеризму всѣ свои силы, все свое время. Выше-

перечисленные журналы блистали талантами, замѣчательными философскими обобщеніями и призывами впередъ. Это возбужденіе продолжалось цѣлыхъ пять лѣтъ, пока сокрушающія неудачи фаланстеровъ по всей странѣ не покончили съ фурьеризмомъ на американской почвѣ. Сила и стремительность этого движенія въ Америкѣ происходили оттого, что, во-первыхъ, оно пришлось въ надлежащій историческій моментъ, а во-вторыхъ потому, что фурьеризмъ, въ противоположность оуэнизму съ его все уравнивающимъ коммунизмомъ, воздавалъ коемуждо по его средствамъ и способностямъ, что̀ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ американскому народному духу. Фурьеризму на Америку пожаловаться нельзя—онъ былъ встрѣченъ какъ Евангеліе, наиболѣе выдающіяся литературныя силы страны работали въ его пользу съ энергіей и талантомъ, и тысячи вѣрныхъ сдѣлали все, что̀ могли, для его осуществленія.

Помимо фаланстера „Brook Farm“, распавшагося въ 1847 г., въ десяти штатахъ было основано около 35 фаланстеровъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе.

Фаланстеръ „Трюмбюллъ“ въ штатѣ Охайо, 1844—1847 гг. Руководящимъ членомъ въ немъ былъ все время нѣкто Микеръ, человѣкъ очень искренній и работящій. Коммуна владѣла хорошимъ имѣніемъ и нѣсколькими доходными производствами, такъ что матеріальное положеніе было сравнительно хорошо. Въ ней было до 250 членовъ, съ гораздо болѣе высокимъ среднимъ интеллигентнымъ уровнемъ, чѣмъ большинство общежитій. Причиной распаденія, послѣдовавшаго почти внезапно, несмотря на самые оптимистическіе отчеты, было объявлено несоразмѣрно большое число членовъ, неспособныхъ къ работѣ, но жившихъ на иждивеніи коммуны.

Висконсинскій фаланстеръ въ штатѣ Висконсинѣ, 1844—1850 гг. Основателемъ ея былъ Чэзъ, впослѣдствіи довольно замѣтный спиритуалистъ. Эта коммуна, состоявшая почти исключительно изъ здоровыхъ, работящихъ фермеровъ, росла быстро и быстро достигла сравнительнаго матеріальнаго благосостоянія. Въ ней было до 200 членовъ, и она никогда не имѣла долговъ. Она вынесла вначалѣ жестокія лишенія, поселясь въ дикой глуши; практиковала вначалѣ отчасти общественную столовую, отчасти отдѣльный семейный столъ, смотря по желанію, но большинствомъ голосовъ уничтожила право на послѣдній, что̀ и послужило главнымъ поводомъ къ распаденію. Она представляетъ собою одно изъ немногихъ исключеній въ исторіи коммунъ въ томъ отношеніи, что до конца избѣгла судебныхъ тяжбъ и раздѣлила свое имущество между членами миролюбиво.

Сѣверо-американскій фаланстеръ — „North American Phalanx“ въ штатѣ Нью-Джерсэй, 1843 — 1855. Составъ его членовъ былъ подо-

бранъ съ особенной тщательностью, и выборъ имѣнія былъ сдѣланъ съ большой осмотрительностью и оказался очень удаченъ. Фаланстеръ этотъ за все время своего существованія пользовался особенной помощью — и совѣтами, и деньгами — отъ теоретическихъ вожаковъ фурьеризма въ Союзѣ. Онъ занимался земледѣліемъ, преимущественно огородничествомъ для рынка города Нью-Іорка, и нѣсколькими промышленными производствами, для которыхъ имѣлъ большую даровую водяную силу и всѣ необходимыя новѣйшія машины, и хозяйственное его дѣло велось съ большимъ умѣньемъ и разсчетомъ, да и поземельная собственность постоянно повышалась въ цѣнѣ. Такъ какъ онъ просуществовалъ почти цѣликомъ дольше всѣхъ остальныхъ чисто экономическихъ соціалистическихъ экспериментовъ въ Америкѣ, было время подмѣтить то вліяніе, которое подобныя общежитія имѣютъ на своихъ членовъ. Нѣсколько серьезныхъ безпристрастныхъ посторонихъ наблюдателей, посѣщавшихъ его періодически, благодаря его близости къ городу Нью-Іорку, свидѣтельствуютъ единогласно, что образованіе дѣтей находилось въ самомъ плохомъ, отсталомъ положеніи—застывшемъ на одной точкѣ, какъ выразился одинъ изъ нихъ,— и что, повидимому, взрослые члены цѣликомъ погрузились въ обязательные рутинные хозяйственные интересы, а всякіе умственные— были въ совершенномъ забросѣ. Не было библіотеки, получались только спеціальныя земледѣльческія или фурьеристскія газеты. Внѣшній міръ для общежитія пересталъ существовать. Нѣкоторые члены, до поселенія въ фаланстерѣ отличавшіеся живымъ, энергичнымъ характеромъ, переродились въ узкихъ, односторонихъ автоматовъ; даже шаблонныя увеселенія и собранія отправлялись ими какъ служба, обязательство, а не какъ потребность живыхъ людей. Послѣдніе три года существованія этой коммуны ушли на судебное сутяжничество между партіями, на которыя она раскололась—она распалась на-двое, но и это не помогло, такъ что и обѣ половины окончательно расформировались. Эти тяжбы и раздѣлъ стоили такъ дорого, что участники, несмотря на предшествовавшіе успѣхи, потеряли почти все. Фурьеризмъ былъ особенно популяренъ въ сѣверной части штата Нью-Іорка, гдѣ, въ городѣ Рочестерѣ, въ 1843 г., была даже основана федерація ассоціацій, собиравшаяся нѣсколько разъ на конвенціи и выработавшая четыре типа фаланстеровъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ по нѣсколько представителей въ формѣ отдѣльныхъ коммунъ. Но только „Brook Farm“ и три вышеописанные и просуществовали три года или дольше. Всѣ остальные не пережили и двухъ лѣтъ, а большинство распалось на первомъ же году своего существованія.

Необходимо замѣтить, что ни одинъ изъ фурьеристскихъ фаланстеровъ въ Америкѣ никогда не удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ

Фурье отъ такого общежитія. У нихъ не было ни minimum'а членовъ, 400, ни minimum'а капитала, ни такъ тщательно опредѣленныхъ имъ необходимыхъ зданій. И дѣленіе членовъ на серіи и отдѣлы было только приблизительное, какъ и финансовая бухгалтерія, хотя попытки къ такому дѣленію вызвали во всѣхъ болѣе или менѣе серьезные раздоры. Многіе фаланстеры при самой своей организаціи измѣнили нѣкоторыя основы Фурье сообразно мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ американской жизни.

Всѣ фаланстеры, за исключеніемъ трехъ, состояли изъ природныхъ американцевъ, только съ незначительной примѣсью иностранцевъ; одинъ былъ основанъ австрійцами—„Мирный Союзъ" профессора Смольникара въ штатѣ Пенсильваніи, 1844 — 1845, одинъ—бразильцами и одинъ—венецуэльцами.

Даже въ самый разгаръ увлеченія фурьеризмомъ основывались ничего съ нимъ общаго не имѣвшіе соціалистическіе эксперименты,—самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ была коммуна „Икарія", основанная въ 1848 г. французами подъ предводительствомъ Этьенна Кабе—Cabet (1788—1856), автора „Исторіи французской революціи" и „Путешествія въ Икарію"—Voyage en Icarie, 1840. Икарійцы отвергали христіанство, и признавали своей религіей коммунизмъ. „Икарія" была сначала основана въ штатѣ Техасѣ, затѣмъ переѣхала въ штатъ Иллинойсъ, въ только-что оставленную изгнанными мормонами ихъ колонію Nauvoo, затѣмъ въ 1857 г. въ штатъ Эйоуэ. Икарійцы перенесли страшную массу разнообразнѣйшихъ лишеній, не разъ, буквально, голодали, реорганизовались до основанія много разъ, часто мѣняли свой составъ, но раздоры между ними не прекращались, пока они не распались окончательно въ 1898 г. Детали исторіи этой коммуны чрезвычайно патетичны.

Къ такимъ же самостоятельнымъ попыткамъ слѣдуетъ отнести коммуну подъ названіемъ „Prairie Home Community" въ штатѣ Охайо, основанную и распавшуюся въ 1844 г. У нея было хорошее имѣніе и до 150 членовъ, не признававшихъ никакой организаціи;—работалъ у нихъ кто когда хотѣлъ, такъ что даже самое несложное земледѣльческое хозяйство за одно лѣто обратило имѣніе въ пустыню.

Съ крушеніемъ фурьеризма окончились, повидимому, европейскія соціалистическія вліянія на Америку. Нѣмецкій, или, вѣрнѣе, еврейскій соціализмъ — Шульце-Деличъ, Лассаль, Марксъ — уже не возбуждали въ Союзѣ серьезнаго вниманія и не вызвали такихъ острыхъ опредѣленныхъ движеній, какъ оуэнизмъ и фурьеризмъ. Съ пятидесятыхъ годовъ американскіе соціалистическіе эксперименты идутъ уже своимъ собственнымъ американскимъ путемъ, и были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ теченіе первой половины XIX столѣтія. Нѣко-

торое время чисто экономическій соціализмъ былъ въ загонѣ— американскіе соціалисты были склонны думать, что для его успѣха необходимо его соединеніе съ извѣстнымъ религіознымъ культомъ. Къ соціализму прилѣпился сначала спиритуализмъ, а затѣмъ и сведенборгіанизмъ. Съ теченіемъ времени спиритуализмъ очень распространился въ Америкѣ — но хотя онъ и извѣстенъ подъ этимъ именемъ, какъ самостоятельное умственное теченіе, въ дѣйствительности онъ не что иное, какъ американизированный сведенборгіанизмъ. Прототипомъ первой комбинаціи, т.-е. соціализма съ спиритуализмомъ, была коммуна въ штатѣ Виргиніи, подъ названіемъ „Mountain Cove Community", основанная въ 1853 г.; второй, т.-е. соціализма съ сведенборгіанизмомъ, —„Brocton Community" въ штатѣ Нью-Іоркѣ, основанная въ 1869 г.; у каждой было по нѣсколько подражателей въ разныхъ мѣстностяхъ,— но всѣ онѣ имѣли чисто спазмодическій характеръ и не проявили ни малѣйшей жизненности. Главнымъ элементомъ въ американскомъ спиритуализмѣ всегда были и остаются женщины; взвинченная ими нервная импульсивность быстро испаряется передъ первыми же толчками неумолимой дѣйствительности.

За послѣднюю четверть вѣка всѣ попытки къ основанію религіозныхъ коммунъ были неизмѣнно крайне неудачны. Было нѣсколько движеній, связанныхъ съ разными внѣшними проявленіями крайняго фанатизма или религіознаго невроза, какъ, напр., „High Rollers", „High Jumpers"—въ буквальномъ переводѣ: катающіеся и прыгуны; на ихъ собраніяхъ члены доводятъ себя до нервнаго экстаза и начинаютъ или кататься по полу, или прыгать, утрачивая всякое сознаніе и издавая дикіе вопли. Эти секты много разъ организовали въ разныхъ мѣстностяхъ коммунистическія общежитія, въ которыхъ практиковались всяческія крайности, до половыхъ эксцессовъ включительно. Но и число членовъ въ нихъ, и продолжительность существованія, были всегда крайне ограничены, и никакого серьезнаго значенія они не имѣли и не имѣютъ.

Начиная съ семидесятыхъ годовъ, появились опять чисто экономическія соціалистическія общины, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ существованія и съ самыми разнообразными основами. Между прочими, была основана въ 1871 г. въ Cedar Vale, въ штатѣ Канзасѣ, „Прогрессивная коммуна" — и нѣсколькими русскими матеріалистами, въ числѣ которыхъ былъ скульпторъ Ѳ. Ѳ. Каменскій, и американскими спиритуалистами. Эта комбинація развалилась, конечно, очень скоро, не просуществовавъ двухъ лѣтъ. Другой попыткой въ томъ же родѣ и въ томъ же штатѣ была коммуна француза Буассьера, начатая съ огромными денежными средствами, но сошедшая со сцены еще скорѣе. Вообще, коммуны послѣднихъ тридцати — сорока лѣтъ отличаются

крайней недолговѣчностью, несмотря на основы и условія. Ихъ исторія весьма однообразна, и перечислять ихъ нѣтъ надобности. Нѣкоторый интересъ представляютъ только очень немногія исключенія. Въ 1886 г. инженеромъ А. К. Оуэномъ, очень энергичнымъ и глубоко убѣжденнымъ молодымъ энтузіастомъ соціализма, была основана въ Мексикѣ коммуна „Тополобампо“. Оуэнъ такъ повліялъ на президента Мексики, Діаца, что тотъ даровалъ его колоніи огромныя преимущества—отвелъ ему чуть не цѣлый штатъ съ прекрасной морской гаванью на Тихомъ океанѣ, съ огромными натуральными рессурсами, и земледѣльческими, и лѣсными, и минеральными. Самая немудреная частная компанія, конечно, сумѣла бы извлечь изъ подобной концессіи многіе милліоны. Я не разъ лично слышалъ это отъ нѣсколькихъ вполнѣ надежныхъ людей, отлично знакомыхъ съ тамошними мѣстными условіями. На кликъ Оуэна, распубликованный по всему цивилизованному міру, съѣхалась масса народа разныхъ національностей. Къ сожалѣнію, достовѣрной исторіи этого крупнаго предпріятія все еще нѣтъ, и приходится довольствоваться довольно противорѣчивыми газетными извѣстіями,—на нѣсколько писемъ я не получилъ ни одного отвѣта,—состоявшими въ томъ, что сначала, по обыкновенію, дѣла коммуны шли превосходно, но вскорѣ начались раздоры, отъ которыхъ самъ Оуэнъ долженъ былъ бѣжать, и все дѣло распалось, не просуществовавъ и двухъ лѣтъ.

Извѣстный романъ Беллами „Looking Backward“ далъ въ свое время нѣкоторый толчокъ американскому соціализму. По данному имъ эскизу было основано въ разныхъ мѣстахъ Союза до полудюжины коммунъ—но ихъ участь была еще плачевнѣе обыкновенныхъ, съ извѣстными отпечатками индивидуализма ихъ основателей и членовъ, такъ какъ эскизъ Беллами былъ слишкомъ неопредѣленъ для практическаго имъ пользованія, но, тѣмъ не менѣе, серьезно связывалъ самодѣятельность. Такія произведенія, какъ „Путешествіе въ Икарію“ Кабѐ, „Эмма“ Швейцера, „Looking Backward“ Беллами, „Путешествіе въ Альтрурію“ Хоуэльса, будучи совершенно однородны по своей сущности съ путешествіями на луну, въ нѣдра земли и въ глубину морей Жюля Верна, оказываются гораздо заманчивѣе, такъ какъ никто еще не пробовалъ покуда приводить въ исполненіе идеи Верна, тогда какъ тысячи разоряются, пробуя осуществить нисколько не лучше обоснованные идеалы разныхъ Икарій, Утопій и Альтрурій.

Единственной чисто экономической соціалистической общиной послѣдней четверти вѣка, просуществовавшей шесть лѣтъ, была община Рускина въ штатѣ Теннеси, основанная въ 1894 г. Уэландомъ, довольно талантливымъ журналистомъ, издававшимъ журналъ „The Coming Nation“, т.-е. „Грядущее Государство“, имѣвшій въ одно время

до 60.000 подписчиковъ. Помимо довольно большого пріобрѣтеннаго коммуной имѣнія, этотъ журналъ былъ главной ея матеріальной опорой;—она владѣла превосходными прессами, и такъ какъ члены производили всю необходимую по выпуску журнала работу, за вычетомъ расходовъ на бумагу и чернила, вся подписная плата оказывалась чистымъ доходомъ. Коммуна Рускина нѣсколько разъ мѣняла свой уставъ и свой составъ, и продержалась до 1900 года только благодаря нѣсколькимъ судебнымъ тяжбамъ, затѣяннымъ ея членами между собою и связавшимъ ихъ настолько, что они не могли разойтись, пока адвокаты не прибрали къ рукамъ всего ихъ имущества. Часть членовъ переселилась въ штатъ Джорджію, гдѣ основала новую коммуну подъ тѣмъ же именемъ, очень скоро окончательно распавшуюся.

Въ 1898 г. была основана нѣсколькими женщинами, покинувшими для этого своихъ мужей, исключительно женская коммуна подъ названіемъ „Woman Commonwealth“, „Женское Государство“. Она занималась содержаніемъ пансіоновъ вблизи города Вашингтона, федеральной столицы Союза, и одно время насчитывала больше тридцати членовъ, но вскорѣ распалась.

Старыя названія не нравятся новѣйшимъ соціалистамъ,—они предпочитаютъ теперь называть свои общежитія братствами, хотя сущность ихъ осталась та же. Такихъ братствъ было основано за послѣднее десятилѣтіе нѣсколько, въ штатахъ Мэнѣ, Охайо, Колорадо, Нью-Джерсэѣ, Тексасѣ, Вашингтонѣ. Было и нѣсколько альтруистическихъ общинъ въ штатахъ Миссури и Нью-Джерсэѣ. Въ штатахъ Канзасѣ, Теннеси, Орегонѣ и Калифорніи были основаны колоніи. Кентъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ 36-мъ бюллетенѣ „Вашингтонскаго Департамента Труда“ описываетъ до 25 такихъ коммунъ. Я лично изслѣдовалъ нѣсколько на нашемъ тихоокеанскомъ побережьи. Тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ пришлось посѣтить, поражали запущенностью всей своей внѣшности, заброшенностью инвентаря, небрежностью работы въ поляхъ и садахъ, даже нечистотой жилищъ. Очевидно, все въ нихъ дѣлалось спустя рукава, кое-какъ. Такое же впечатлѣніе производятъ онѣ обыкновенно и на другихъ лицъ, время отъ времени сообщавшихъ о нихъ въ газеты. Каждый годъ приноситъ и уноситъ не менѣе полудюжины въ разныхъ мѣстностяхъ. Каждая утверждаетъ въ своей программѣ, что воспользуется печальнымъ опытомъ прошлаго и дастъ міру примѣръ того, какъ должны быть организованы и ведомы такія общежитія. Но изъ 15-ти или 20-ти существующихъ въ настоящій моментъ, кромѣ „Шэкеровъ“ и „Аманы“, *нѣтъ ни одной* старше года. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одной изъ причинъ распаденія оказывается то недостатокъ средствъ, то неудобства или невыгодность

избраннаго мѣстожительства, то пожаръ или болѣзненность,—дважды фигурируютъ даже женскія сплетни,—но главной вездѣ и всюду являются раздоры и несогласія между членами, неизмѣнно возникающіе раньше или позже. До сихъ поръ общины не могли предотвратить поводовъ къ такимъ раздорамъ, несмотря на обширный и разнообразный опытъ прошлаго. Повидимому, только общины, основанныя на религіозномъ фанатизмѣ, связанномъ съ невѣжествомъ массы и деспотизмомъ въ управленіи, построенномъ на откровеніяхъ свыше, и могутъ разсчитывать на долговѣчность. Даже онѣ, въ большинствѣ случаевъ, держатся только личнымъ вліяніемъ ихъ основателей, и процессъ разложенія начинается съ ихъ смертью, затягиваясь или ускоряясь, смотря по тому, каковы личности ихъ преемниковъ. „Эфрата“ просуществовала полтора столѣтія; „Шэкеры“—столѣтіе съ четвертью; „Раписты“—почти столѣтіе; эти долговѣчныя организаціи были, несомнѣнно, особенно фанатичны, такъ какъ практиковали абсолютное безбрачіе. Но разъ даже религіозная коммуна обращается къ демократическому управленію, какъ было съ шведской колоніей „Bishop Hill“, она не обладаетъ устойчивостью. Нельзя, конечно, въ наше время придавать какое-либо общее значеніе попыткамъ реорганизаціи современнаго соціальнаго порядка вещей посредствомъ такихъ факторовъ, какъ божественное откровеніе, личный деспотизмъ и безбрачіе, такъ какъ они по самому своему существу противны духу свободы, равенства и раціонализма. Что же касается чисто экономическихъ коммунъ, основанныхъ на соціализмѣ и демократическомъ управленіи любого типа—онѣ оказались до сихъ поръ абсолютно непрактичными; анархическія же ни разу не выдержали и годичнаго опыта. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ,—изъ которыхъ многія пользовались и достаточными матеріальными средствами, и отлично выбранными, выгодными мѣстными условіями, и осторожнымъ подборомъ членовъ,—только двѣ просуществовали дольше десяти лѣтъ, и меньше десятка—дольше трехъ. Почти во всѣхъ такихъ случаяхъ составъ членовъ—мѣнялся нѣсколько разъ, и коммуны поддерживались надеждами на слѣдовавшія одна за другой реорганизаціи, въ сущности дѣлавшія ихъ каждый разъ новыми учрежденіями, такъ что даже и эти исключенія въ дѣйствительности доказываютъ только ту же фатальную непрактичность основной идеи. Выше я привелъ опредѣленія Макдональда и Коллинса относительно причинъ неуспѣха американскихъ коммунъ,—опредѣленія, раздѣленныя цѣлою четвертью вѣка; сущность этихъ опредѣленій вполнѣ приложима и къ опытамъ послѣдовавшаго за вторымъ изъ нихъ полувѣка, и нѣтъ рѣшительно ничего, чтобы оспаривать ихъ и въ настоящую минуту.

III.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что экспериментальная провѣрка соціализма частными опытами цѣлаго столѣтія въ Америкѣ привела до сихъ поръ только къ безусловно отрицательнымъ результатамъ. За послѣднее время было продѣлано и до сихъ поръ продѣлывается немало опытовъ и съ муниципальнымъ соціализмомъ. Вопросъ этотъ такъ обширенъ и многостороненъ, что требуетъ гораздо больше мѣста, чѣмъ я могу удѣлить ему въ настоящемъ случаѣ, и потому я остановлюсь на немъ только мимоходомъ. Многіе города выкупали изъ частныхъ рукъ городскіе водопроводы, освѣтительные заводы, трамваи и т. д. и вводили городское выборное ими управленіе. Агитація въ этомъ направленіи ведется съ давнихъ поръ и очень настойчиво, обыкновенно тайно предводимая жаждущими увеличенія числа общественныхъ мѣстъ и окладовъ партійными воротилами, такъ что городское населеніе Союза успѣло раздѣлиться на двѣ рѣзко разграниченныя партіи—одну, требующую муниципальнаго соціализма, и другую, предпочитающую оставленіе городскихъ потребностей въ частныхъ рукахъ, но учрежденіе болѣе строгаго контроля надъ ними посредствомъ ограниченія ихъ хартій и обложенія ихъ прогрессивными подоходными налогами. На практикѣ попытки муниципализаціи въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказывались убыточными для населенія и потребителей, и все чаще и чаще появляются извѣстія объ обратной продажѣ городами этихъ предпріятій въ частныя руки. Политическія партіи въ силѣ обращаютъ ихъ немедленно въ общественный пирогъ, сажаютъ у власти людей безъ достаточныхъ техническихъ знаній и опыта, и матеріальная часть быстро приходитъ въ упадокъ, а въ удовлетвореніи предъявляемыхъ къ ней довольно высокихъ требованій начинаетъ быстро отставать отъ сосѣдей, гдѣ предпріятія эти остаются въ частныхъ рукахъ. Кромѣ того, обыкновенно прекращается всякій прогрессъ: переходя въ руки города, предпріятія эти какъ бы застываютъ и перестаютъ совершенствоваться. Исчезаетъ самодѣятельность въ ихъ управленіи, такъ какъ чиновники довольствуются рутиной. Утверждаютъ, что въ европейскихъ городахъ муниципальный соціализмъ идетъ успѣшнѣе,—но газеты только-что оповѣстили, что городъ Глазго, послѣ шестилѣтняго крайне неудачнаго опыта, перепродалъ свою телефонную систему въ частныя руки, а мэйоръ города Нью-Іорка Макъ Клелланъ, человѣкъ очень дѣльный и энергичный, возвратясь изъ Европы, гдѣ онъ инкогнито изслѣдовалъ муниципальныя учрежденія многихъ германскихъ и бельгійскихъ городовъ, объявилъ

безусловно, что ихъ промышленныя отрасли находятся всюду въ такомъ отсталомъ состояніи, съ какимъ американская публика не могла бы мириться и на минуту. Къ такимъ же заключеніямъ приходили и до него многіе американскіе изслѣдователи европейскихъ муниципальныхъ порядковъ;—всѣ они думаютъ, что европейская публика вообще гораздо менѣе требовательна, чѣмъ американская, и что, благодаря одному этому, никакія сравненія невозможны. Европеецъ смотритъ на всякую власть совсѣмъ другими глазами, чѣмъ американецъ, и спускаетъ ей такія прорухи, которыя въ Америкѣ были бы немыслимы. Выводъ же тотъ, что отъ общественнаго управленія можно ожидать только административныхъ способностей, а отнюдь не профессіональныхъ и техническихъ.

Не только городское муниципальное, но и государственное федеральное хозяйство въ американскомъ Союзѣ отнюдь не можетъ быть названо успѣшнымъ. Почтовое дѣло цѣлое столѣтіе даетъ ежегодно крупные дефициты, постоянно растущіе. Въ прошломъ отчетномъ году этотъ дефицитъ дошелъ до 15 милліоновъ долларовъ, при валовомъ доходѣ въ 145 м. За послѣднія двадцать лѣтъ министрами почтъ назначались особенно способные люди, доказавшіе и свою честность, и свою дѣловитость, и работавшіе несомнѣнно, что называется, во всю,—особенно Ванамакеръ,—чтобы положить конецъ такому анормальному порядку вещей,—и все-таки почтовое вѣдомство и не выходитъ изъ дефицитовъ, и не перестаетъ быть самымъ порочнымъ, самымъ скандальнымъ отдѣломъ всего нашего государственнаго управленія. Вѣчныя злоупотребленія, вѣчныя кражи такъ или иначе, уголовщина во всевозможныхъ формахъ, и въ центральномъ департаментѣ въ Вашингтонѣ, и въ цѣлыхъ сотняхъ городовъ и мѣстечекъ во всѣхъ концахъ Союза заразъ.

Всѣ попытки морского министерства строить военныя суда хозяйственнымъ порядкомъ оканчиваются неизмѣнно чрезвычайно плачевно,—они всегда обходятся и значительно дороже, и требуютъ гораздо большихъ сроковъ на окончаніе, чѣмъ суда, сдаваемыя на подрядъ частнымъ верфямъ. Должно быть, чиновникъ вездѣ одинаковъ по своему существу, кому бы онъ ни служилъ—монархіи или республикѣ. А въ то же время, разъ онъ многочисленъ, онъ неизбѣжно оказываетъ самое серьезное давленіе на всѣ выборы. Хотя на 15 милліоновъ избирателей въ Союзѣ приходится всего нѣсколько сотъ тысячъ федеральныхъ чиновниковъ, они нерѣдко успѣваютъ захватывать контроль надъ штатными и національными конвенціями партій. Независимые кандидаты обыкновенно имѣютъ очень мало шансовъ—„федеральная бригада“, какъ у насъ прозвано народомъ чиновничество, если и не владѣетъ большинствомъ делегатовъ, обыкновенно обладаетъ балансомъ

силы между фракціями, и добивается своихъ цѣлей. И чѣмъ болѣе равносильны обѣ главныя политическія партіи въ извѣстномъ штатѣ или районѣ, тѣмъ вліятельнѣе становится „федеральная бригада“. Не подлежитъ сомнѣнію, что и при назначеніяхъ кандидатовъ, и при выборахъ, когда большинства незначительны, она почти всегда является дѣйствительнымъ рѣшающимъ факторомъ, хотя доказать это, конечно, очень трудно.

Въ американской жизни нѣтъ другой экономической силы, которая пользовалась бы тѣмъ вліяніемъ, которое имѣютъ желѣзныя дороги. Онѣ не только монополіи болѣе или менѣе сами по себѣ, но и до сихъ поръ могли создавать таковыя и изъ другихъ промышленныхъ предпріятій, что онѣ и сдѣлали, напр., съ „Standard Oil Company“, съ мяснымъ и сахарнымъ трѣстами, и, въ меньшей степени, съ десятками и сотнями другихъ комбинацій капитала. Казалось бы, что полный государственный контроль надъ ними, въ формѣ ихъ націонализаціи, былъ бы несомнѣннымъ благодѣяніемъ для страны. Но онѣ стоятъ 12 милліардовъ, имѣютъ свыше двухъ милліардовъ ежегоднаго валового дохода, и у нихъ состоитъ на службѣ свыше полутора милліона лицъ. Весь современный государственный бюджетъ Союза ниже полумилліарда долларовъ, и „федеральная бригада“ насчитываетъ меньше трехъ сотъ тысячъ лицъ, включая всѣхъ и все. Націонализація желѣзныхъ дорогъ сразу увеличила бы обѣ эти цифры въ пять и шесть разъ, и дала бы въ руки господствующей партіи абсолютно непобѣдимую на практикѣ силу. Для всякаго мыслящаго человѣка, знакомаго съ американской дѣйствительностью, одного этого соображенія достаточно, чтобы забраковать идею націонализаціи желѣзныхъ дорогъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что единственнымъ критеріумомъ для этого страшнаго полчища новыхъ чиновниковъ была бы лойяльность партіи, и что въ два, три года все сомнительное было бы выкурено самымъ основательнымъ образомъ. Тотъ фактъ, что одновременно пострадали бы самымъ коренным образомъ техника, эффективность, работоспособность желѣзныхъ дорогъ, былъ бы пустякомъ сравнительно съ фатальными результатами размноженія федеральнаго чиновничества и для настоящей самостоятельности штатовъ, и для народной свободы вообще.

За послѣдніе года русская печать не разъ указывала на предполагаемые успѣхи опытовъ государственнаго соціализма въ Австраліи и особенно въ Новой Зеландіи. Но дѣйствительность совершенно не соотвѣтствуетъ этимъ предположеніямъ, на которыхъ нерѣдко строится очень многое. Опыты эти начались тамъ всего лѣтъ 8—10 тому назадъ, и уже привели къ слѣдующимъ неоспоримымъ результатамъ: ростъ населенія повсюду остановился, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и пошелъ уже назадъ; государственные долги возросли до такихъ пре-

дѣловъ per capita, о которыхъ и понятія не имѣютъ даже наиболѣе задолженныя и придавленныя огромными военными расходами старыя государства Европы, не говоря уже объ Америкѣ; доходовъ не хватаетъ не только на проценты на эти долги, но и на управленіе, и долги растутъ ежегодно, такъ что заложено не только настоящее всей страны, но и нѣсколько будущихъ поколѣній. Этотъ долгъ неоплатенъ, и только при его посредствѣ и оказались возможны австралійскіе эксперименты. Расплата за него полностью еще впереди, но уже началась. За послѣднія пять лѣтъ въ нашъ городъ переселилось до двухсотъ семей изъ разныхъ частей Австраліи, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ, и эмиграція эта усиливается съ каждымъ годомъ, особенно въ Канаду. Я лично знаю нѣсколькихъ очень серьезныхъ людей между ними, и всѣ они единогласно утверждаютъ, что жизненныя условія и налоги сдѣлались въ современной Австраліи абсолютно невыносимыми. Желѣзныя дороги страны, якобы обезпечивающія часть ея государственнаго долга, представляются чрезвычайно сомнительнымъ активомъ, такъ какъ громадное большинство ихъ, будучи выстроены за послѣднее десятилѣтіе государствомъ не потому, что въ нихъ была потребность, а дабы дать работу населенію вслѣдствіе упорной хронической безработицы,—не только бездоходны, но и приносятъ ежегодно чувствительные дефициты. Я не сомнѣваюсь, что Австралія стоитъ наканунѣ самаго широкаго кризиса, который прежде всего погребетъ въ своихъ развалинахъ именно государственный соціализмъ. Въ Новой Зеландіи, съ внезапной смертью ея знаменитаго премьера Сёддона, этого желѣзнаго человѣка, поддерживавшаго все хрупкое зданіе ея новшествъ, кризисъ, повидимому, уже наступилъ. У меня собранъ обширный матеріалъ по этому вопросу, которому я въ ближайшемъ будущемъ посвящу особую статью.

Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы предлагаемый Россіи экспериментъ съ націонализаціей земли почему-либо оказался болѣе успѣшнымъ, чѣмъ все вышеизложенное. Нѣмецкій марксизмъ употребитъ, конечно, всѣ усилія, чтобы продѣлать такой опытъ на русскій счетъ. Чѣмъ бы онъ ни окончился, германская буржуазія можетъ только выиграть, а марксизма ничѣмъ не разубѣдишь. Разгромленной, разоренной Россіи придется платить по счету за это иноплеменное идейное нашествіе, которое окажется хуже и дороже татарскаго, когда этотъ счетъ будетъ окончательно сведенъ будущими поколѣніями.

Какъ бы кто ни относился къ американскому національному характеру, симпатиченъ онъ или нѣтъ,—никто не можетъ отрицать, что американскій народъ, какъ цѣлое, чрезвычайно даровитъ и практиченъ. Хотя его философскій кругозоръ, можетъ быть, и ограниченъ, хотя его пониманіе отвлеченныхъ тонкостей, можетъ быть, и медленно

и несовершенно, тѣмъ не менѣе въ его исторіи почти совсѣмъ нѣтъ крупныхъ политическихъ ошибокъ, и онъ обыкновенно успѣвалъ выходить изъ самыхъ затруднительныхъ положеній весьма успѣшно и съ наименьшими на нихъ расходами. Даже такой острый эпизодъ въ этой исторіи, какъ ужасная междоусобная война 1861—1865 г.г., былъ и единственнымъ способомъ покончить навсегда съ такой неразрѣшимой задачей безъ распаденія Союза, и обошелся онъ дешевле, чѣмъ еслибъ негры были мирно выкуплены по ихъ тогдашней рыночной стоимости. Конечно, Америка только очень несовершенно понимаетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ въ современной Россіи, и совсѣмъ не въ состояніи усвоить многія крайне существенныя его стороны, какъ, напр., возможность той двойственности, которая создана манифестомъ 17 октября 1905 года de jure и всѣмъ ходомъ дѣлъ послѣ его изданія до настоящаго момента de facto. Тѣмъ не менѣе, я могу засвидѣтельствовать, что за послѣднюю четверть вѣка ни одно европейское событіе не занимало Америку такъ искренно и такъ сильно, какъ именно современное русское освободительное движеніе, и что были приняты всѣ мѣры, дабы доходящія до насъ о немъ вѣсти были и вѣрны, и по возможности полны. Извѣстія „Associated Press“ занимаютъ ежедневно въ нашихъ газетахъ цѣлые столбцы, иногда цѣлыя страницы, и необыкновенно безпристрастны, обстоятельны и детальны. Кромѣ того, многія изданія имѣютъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ крупныхъ центрахъ собственныхъ корреспондентовъ, нерѣдко дающихъ мастерскія описанія разныхъ русскихъ событій. „North American Review“, самый вліятельный нашъ серьезный журналъ, имѣетъ въ Петербургѣ превосходнаго корреспондента, дающаго ежемѣсячныя обозрѣнія. Интересъ удивительно поддерживается, и каждый интеллигентный американецъ находится вполнѣ au courant всего происходящаго. Имена Муромцева, Ковалевскаго, Родичева, графа Гейдена, Аладьина хорошо здѣсь извѣстны, также какъ и ихъ портреты и краткія біографіи. Само собой разумѣется, что вся мыслящая Америка искренно и горячо симпатизируетъ освободительному движенію и понимаетъ необходимость и неотложность основной государственной реорганизаціи. Но въ этихъ симпатіяхъ и пожеланіяхъ за послѣднее время замѣчается серьезная недоумѣвающая нотка. Вышеупомянутый корреспондентъ „North American Review“ далъ въ своемъ обозрѣніи въ іюльской книжкѣ потрясающую картину царящей во всей странѣ анархіи, а телеграммы „Associated Press“ съ нѣкотораго времени представляютъ прежде всего длинный перечень убійствъ, грабежей, пожаровъ, возмущеній—словомъ, абсолютное отсутствіе какого бы то ни было порядка. Въ то же время роспускъ Государственной Думы объясняется здѣсь почти исключительно подозрѣніями въ ея скрытой

симпатіи идеѣ націонализаціи земли. Въ свое время нѣкоторые пункты ея отвѣта на тронную рѣчь показались здѣсь слишкомъ радикальными, несоотвѣтственными культурному уровню русскихъ массъ,—но это было объяснено страстнымъ стремленіемъ высказаться, послѣ нѣсколькихъ столѣтій молчанія, и неизбѣжными при такихъ историческихъ моментахъ взвинченностью и возбужденностью. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ идея націонализаціи земли, т.-е. оффиціальный государственный соціализмъ. Въ этомъ видятъ угрозу всей современной цивилизаціи и не въ одной Россіи, и угрозу такую, которая можетъ надѣлать необозримое количество зла, и безъ малѣйшей надежды на какой-либо успѣхъ. Америка вообще не вѣритъ въ соціализмъ, тѣмъ менѣе въ соціализмъ насильственный, въ соціализмъ нахрапомъ. Если соціализму дѣйствительно суждено быть формой будущаго соціальнаго порядка,—до нея нужно дойти естественной эволюціей, а не насиліемъ, пользующимся политическимъ переворотомъ. Настоящій порядокъ вещей несомнѣнно устарѣлъ,—съ этимъ согласны теперь не только передовые наши умы, но и многіе государственные и общественные дѣятели, стоящіе у власти, и такъ называемые дѣловые люди, воротилы промышленности и торговли, и къ этому же приходятъ мало-по-малу и народныя массы. И такъ уже безумная напряженность и стремительность современной жизни все развиваются и усиливаются, идутъ все болѣе и болѣе ускоряющимся темпомъ, все съ большимъ и большимъ трудомъ укладываясь въ старыя, недостаточно отзывчивыя и растяжимыя формы,—но ихъ нельзя передѣлать въ одинъ день, нельзя ввести однимъ декретомъ націонализацію земли безъ одновременнаго разрушенія всего остального. Слишкомъ велико будетъ несоотвѣтствіе всѣхъ другихъ дѣйствующихъ ингредіентовъ, входящихъ въ составъ государства, чтобы можно было остановиться на ней одной.

Націонализація земли не можетъ устоять одна и одной минуты безъ націонализаціи ея нѣдръ и всего того, что находится на ея поверхности. Логика фактовъ вынудитъ такой кризисъ. А состояніе самыхъ идей націонализаціи чего-либо еще такъ туманно, такъ недоступно сколько-нибудь практическому ихъ оформленію, что, въ этомъ смыслѣ, онѣ находятся сравнительно еще позади идей воздухоплаванія. Ввести ихъ въ жизнь въ ихъ настоящемъ сыромъ, необработанномъ, неиспытанномъ видѣ будетъ значить остановить ее, произвести въ ней такой же сумбуръ, какъ еслибъ уничтожить желѣзныя дороги и пароходы. Разрушивъ плотину, нельзя удержать воды. Тогда это будетъ форменный потопъ, такой же безжалостный и неудержимый.

Лосъ-Анжелесъ (Калифорнія). П. А. Тверской.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1906.

Условія, въ которыя поставлены наши политическія партіи.—Военно-полевые суды и вопросъ о смертной казни.—Союзъ 17-го октября и „монархическія“ партіи.—Партія мирнаго обновленія.—Предвыборные „блоки“.—Указъ 9-го ноября.—Будущее земскихъ начальниковъ.—„Еврейская крамола“ и „истинно-русскіе люди“.—Postscriptum.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, до дня открытія Государственной Думы остается только съ небольшимъ три мѣсяца—а время выборовъ все еще неизвѣстно, хотя, по смыслу учрежденія Государственной Думы и основныхъ законовъ, оно должно было быть назначено въ самомъ указѣ о роспускѣ Думы. Съ этимъ существеннымъ правонарушеніемъ связанъ цѣлый рядъ сравнительно второстепенныхъ, но далеко не маловажныхъ отступленій отъ закона, подробно указанныхъ „Русскими Вѣдомостями“ [1]): преждевременно приступлено къ составленію избирательныхъ списковъ; преждевременно установлены сроки для подачи заявленій о внесеніи въ списки; преждевременно образованы уѣздныя и губернскія по дѣламъ о выборахъ коммиссіи—и вмѣстѣ съ тѣмъ искусственно сокращенъ срокъ, въ продолженіе котораго безпрепятственно должны происходить предвыборныя собранія. Направленныя къ тому, чтобы уменьшить интересъ къ выборамъ и понизить предвыборную температуру, всѣ эти мѣры могутъ, однако, привести къ противоположному результату: посягательство на право сплошь и рядомъ обостряетъ его защиту. Напрасно было бы думать, что тщательно поддерживаемая тишина становится, въ силу своей продолжительности, ненарушимой: наоборотъ, она тѣмъ легче можетъ уступить мѣсто бурному порыву. Рано или поздно при-

[1]) См. передовую статью въ № 274.

дется открыть предвыборный періодъ, и его краткость едва ли будетъ способствовать его безмятежности.

Все болѣе и болѣе ощутительнымъ становится неравенство положеній, создаваемыхъ министерствомъ для различныхъ политическихъ группъ. Въ то самое время, когда такъ называемые „монархисты“ чуть не ежедневно устраиваютъ шумныя сборища, обращаются къ правительству съ рядомъ безцеремонныхъ требованій, агитируютъ противъ основъ новаго порядка,—другимъ партіямъ отказываютъ въ легализаціи, не позволяютъ собираться, всячески мѣшаютъ дѣйствовать открыто. Не дальше, какъ 10-го ноября, не могло состояться въ Петербургѣ устроенное съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ условій собраніе конституціонно-демократической партіи. До сихъ поръ остается закрытымъ петербургскій клубъ этой партіи, хотя его существованіе ни разу не давало повода къ безпорядкамъ. Въ провинціи административный произволъ развертывается еще шире, чѣмъ въ столицахъ. Отмѣна чрезвычайныхъ мѣръ охраны признается совершенно немыслимой, хотя новыя доказательства ихъ безцѣльности приноситъ съ собою почти каждый день. Не предупреждаютъ онѣ ни такихъ массовыхъ нападеній, какъ совершившееся недавно на варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ, ни такихъ единоличныхъ посягательствъ, какъ покушеніе на жизнь московскаго градоначальника. Представимъ себѣ, что въ Москвѣ сегодня была бы снята чрезвычайная охрана; развѣ это помѣшало бы полиціи—продолжать розыскъ бомбъ и бомбистовъ, суду—произносить приговоры надъ уличенными преступниками, военнымъ отрядамъ—подавлять вооруженное возстаніе, еслибы оно гдѣнибудь возникло? Развѣ безоружны противъ внутреннихъ враговъ тѣ западно-европейскія правительства, которымъ даже не приходитъ на мысль искать для себя сверхъ-законной охраны? Не достигая цѣли, такая охрана всегда становится источникомъ новыхъ золъ: она еще глубже внѣдряетъ, съ одной стороны, привычку къ произволу, неуваженіе къ закону, съ другой—ненависть ко всему существующему строю и неразборчивость въ выборѣ средствъ борьбы. Будущее покажетъ, во что обойдутся Россіи военно-полевые суды. Число преступленій они не уменьшили: убійства, взрывы, грабежи слѣдуютъ другъ за другомъ такою же нескончаемой вереницей, какъ и три мѣсяца тому назадъ—а цѣнность жизни падаетъ съ каждымъ днемъ, взаимное ожесточеніе захватываетъ все болѣе и болѣе широкія сферы. Учрежденіе, являющееся судомъ только по имени, подрываетъ довѣріе ко всякому суду.... Другія формы произвольной расправы доходятъ до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что вызываютъ реакцію даже въ тѣхъ, отъ кого ожидать ея было всего труднѣе. Баронъ Меллеръ-Закомельскій, назначенію котораго генералъ-губернаторомъ остзейскаго края

предшествовала—и, безъ сомнѣнія, способствовала—репутація суроваго укротителя сибирскихъ безпорядковъ, призналъ необходимымъ воспретить примѣненіе двухъ пріемовъ, излюбленныхъ „карательными экспедиціями“: тѣлесныхъ наказаній и сожженія усадебъ. До какихъ предѣловъ они должны были дойти, чтобы понадобилось такое запрещеніе!

Отъ дѣятельности военно-полевыхъ судовъ можно ожидать одного полезнаго результата, конечно не предусмотрѣннаго ихъ учредителями: она можетъ поколебать предразсудки, препятствующіе до сихъ поръ отмѣнѣ смертной казни. Предметомъ такого крупнаго опыта смертная казнь служила весьма рѣдко—и его исходъ долженъ имѣть значеніе полезнаго урока. Онъ нанесетъ—мы этому твердо вѣримъ—рѣшительный ударъ теоріи устрашенія, давно опровергнутой въ наукѣ, но нашедшей убѣжище въ завѣтахъ мнимой практической мудрости. Съ точки зрѣнія этихъ завѣтовъ угнетающимъ образомъ должна дѣйствовать на волю перспектива близкой, вѣрной смерти. При обыкновенныхъ условіяхъ нарушитель закона можетъ разсчитывать на размѣренный ходъ слѣдствія и суда, на защиту, на высшую судебную инстанцію, наконецъ—на помилованіе. Военно-полевой судъ устраняетъ всѣ эти шансы спасенія, придвигая приговоръ непосредственно къ преступному дѣянію, казнь—къ приговору. Преступникъ знаетъ, что если ему не удастся бѣжать—а при той обстановкѣ, при которой обыкновенно совершаются преступленія, подсудныя военно-полевому суду, успѣшное бѣгство представляется мало вѣроятнымъ,—то его участь рѣшена безповоротно. Если это сознаніе не останавливаетъ поднятую руку, то не ясна ли вся тщета надежды, возлагаемой на боязнь смерти—и не падаетъ ли, затѣмъ, главный традиціонный аргументъ въ защиту смертной казни?

Нѣтъ, впрочемъ, худшихъ глухихъ, чѣмъ нежелающіе слышать. Справедливость этого афоризма подтверждаютъ возраженія, съ которыми одинъ изъ „услужливыхъ“ органовъ печати выступаетъ противъ напечатанной у насъ статьи Н. С. Таганцева о смертной казни. Изъ факта существованія, во многихъ государствахъ, смертной казни газета выводитъ заключеніе, что „политическая жизнь не слѣдуетъ и не можетъ слѣдовать въ ногу съ научными истинами и гуманитарными принципами“. *Не слѣдуетъ* и *не можетъ слѣдовать?* Первый выводъ столь же безспоренъ, какъ и то, что monsieur de-la-Palisse былъ живъ за четверть часа до своей смерти; но гдѣ же логическія основанія для второго? Побѣда „научныхъ истинъ“ и „гуманитарныхъ принциповъ“ неизбѣжна—и совершится она тѣмъ легче и тѣмъ скорѣе, чѣмъ глубже эти истины и принципы проникнутъ въ общественное сознаніе. Нельзя опровергать ихъ простою ссылкою на дѣй-

голосъ за *лицъ*, а не за представителей партіи. Этотъ способъ дѣйствій сопряженъ съ большими трудностями, которыя признаетъ и князь Трубецкой. Намъ кажется, что пока партія народной свободы продолжаетъ составлять одно цѣлое, нѣтъ надобности примѣнять къ ней искусственное дѣленіе на два фланга, правый и лѣвый. Вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: есть ли, въ данный моментъ, общая почва, на которой могутъ сойтись, для временного союза, всѣ группы, принадлежащія къ лѣвому центру? Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно: общей почвой можетъ и должна служить мирная борьба за установленіе новаго государственнаго строя и за проведеніе широкихъ соціальныхъ реформъ, необходимыхъ для его укрѣпленія. Такую борьбу вела съ самаго начала и ведетъ до сихъ поръ партія народной свободы, именно потому имѣющая право на поддержку всѣхъ стремящихся къ той же цѣли. Допустила ли она, въ пылу борьбы, какія-либо тактическія ошибки—это, въ нашихъ глазахъ, вопросъ второстепенный. Въ такія минуты, какъ переживаемая нами, важно не столько прошлое, сколько настоящее—а въ настоящемъ конституціонно-демократическая партія не стоитъ за пріемы, рекомендованные въ выборгскомъ воззваніи. Не споримъ, она могла бы отказаться отъ нихъ рѣшительнѣе, чѣмъ это сдѣлано ею на гельсингфорскомъ съѣздѣ: но изъ-за этого одного нельзя становиться въ враждебные ей ряды и способствовать, тѣмъ самымъ, дальнѣйшему уклоненію ея влѣво.

Затронувъ вопросъ о предвыборныхъ „блокахъ“, мы вспоминаемъ о слухѣ, приписывающемъ министерству намѣреніе принять мѣры противъ подобныхъ соглашеній. Нелегко угадать, въ чемъ могли бы заключаться эти мѣры. Оффиціальный походъ противъ оппозиціонныхъ партій и безъ того уже достигъ крайнихъ предѣловъ: дальше идти рѣшительно некуда. Соединивъ въ одно цѣлое всѣ степени и формы несогласія съ правительствомъ, совѣтъ министровъ объявилъ революціонными такія партіи, которыя никогда не проповѣдывали насиліе, и направилъ противъ нихъ всю силу административнаго произвола. Имъ отказываютъ въ легализаціи, ихъ собранія запрещаютъ, представителей ихъ стараются вытѣснить изъ всѣхъ областей служебнаго міра. Въ высшемъ дисциплинарномъ присутствіи Сената возбуждаются производства не только о членахъ суда, входящихъ въ составъ мѣстныхъ комитетовъ конституціонно-демократической партіи, но и противъ члена судебной палаты, отказывающагося выйти изъ партіи демократическихъ реформъ. Что же еще можно придумать для предупрежденія партійныхъ „блоковъ“? Какія угрозы, какія репрессіи могли бы помѣшать партіямъ вести переговоры о сближеніи и ос

ществить его, когда установлены будутъ его условія?... Неправдоподобнымъ упомянутый нами слухъ представляется и потому, что въ партійныхъ „блокахъ“ можетъ почувствовать надобность и министерство. Въ его интересахъ способствовать предвыборному соглашенію ближайшихъ къ нему группъ — октябристовъ и правового порядка — съ родственными ему по духу, хотя и фрондирующими противъ него „монархическими“ организаціями. Не совсѣмъ удобно было бы принципіально осуждать „блоки“ — и въ то же время поощрять, въ отдѣльныхъ случаяхъ, ихъ образованіе.

Нѣтъ ли, однако, въ самомъ существѣ предвыборныхъ „блоковъ“ чего-нибудь такого, что говорило бы противъ перенесенія ихъ на русскую почву? Мы думаемъ, что образованіе подобныхъ блоковъ, при извѣстныхъ условіяхъ, совершенно неизбѣжно, а слѣдовательно и законно. Установимъ, прежде всего, различіе между блоками предвыборными и блоками парламентскими, прежде носившими, бо́льшею частью, названіе коалицій. Дѣйствіе предвыборнаго блока оканчивается вмѣстѣ съ выборами; оно нисколько не стѣсняетъ выбранныхъ депутатовъ, сохраняющихъ за собою право поступать по собственному усмотрѣнію или по указаніямъ своей партіи, все равно, каковы бы ни были намѣренія и желанія бывшихъ ихъ союзниковъ. Инымъ является положеніе дѣлъ при парламентскомъ блокѣ: здѣсь депутаты, принадлежащіе къ союзнымъ партіямъ, принимаютъ къ руководству рѣшенія, постановленныя союзомъ. Это не представляетъ большихъ неудобствъ, если блокъ составленъ для достиженія одной опредѣленной цѣли — напр. для отклоненія непопулярнаго законопроекта или для сверженія непопулярнаго министерства. Сложнѣе и запутаннѣе отношенія между соединившимися партіями становятся при длительности блока: и отдѣльнымъ лицамъ, и цѣлымъ группамъ чаще приходится поступаться своими взглядами и заключать мало симпатичные компромиссы. Отсюда нѣкоторое предубѣжденіе противъ коалицій, подкрѣпляемое такими историческими прецедентами, какъ знаменитый союзъ Фокса и Норта противъ Питта; но совершенно ошибочно было бы распространять его на предвыборные блоки. Обойтись безъ нихъ можно только при двухъ условіяхъ: если борьба идетъ исключительно между *двумя* партіями — какъ это бывало въ Англіи, въ эпоху пріуроченія всѣхъ политическихъ силъ либо къ торіямъ, либо къ вигамъ, — или если существуетъ пропорціональное представительство, обезпечивающее за каждой партіей, помимо всякихъ соглашеній, такое количество депутатскихъ мѣстъ, какое соотвѣтствуетъ ея численной силѣ. Гдѣ господствуетъ мажоритарная система и имѣется на лицо болѣе двухъ партій, тамъ для каждой партіи, не разсчитывающей на абсолютное большинство, естественно возникаетъ вопросъ, какъ достигнуть избранія нѣкоторыхъ ея

кандидатовъ, а если это невозможно—кого предпочесть изъ кандидатовъ другихъ партій. Предоставить рѣшеніе этого вопроса случаю было бы болѣе чѣмъ странно — и единственнымъ исходомъ остается предвыборное соглашеніе. Всего нормальнѣе оно тогда, когда заключается между партіями близкими другъ къ другу, расходящимися только по вопросамъ не первостепенной важности и не принципіальнаго значенія. Бываютъ, однако, и такіе случаи, когда временной союзъ включаетъ въ себя существенно различные элементы. Представимъ себѣ, напримѣръ, что партіи лѣваго центра, даже объединенныя въ одно цѣлое, не въ силахъ предупредить, въ той или другой мѣстности, побѣду реакціонныхъ группъ, стремящихся къ возстановленію отжившаго, осужденнаго исторіей строя. Мы думаемъ, что онѣ въ правѣ вступить въ соглашеніе съ тѣми лѣвыми группами, которыя не грозятъ, непосредственно, миру и спокойствію страны. За предѣлами союза должны остаться—говоря словами воззванія партіи „демократическихъ реформъ“,—только „крайнія революціонныя партіи, настаивающія на немедленной ломкѣ, насильственнымъ путемъ, всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеній“.

Какъ опредѣлится, ко времени выборовъ, сила каждой отдѣльной группы, какое установится отношеніе между партіями, какимъ окажется составъ новой Государственной Думы — объ этомъ возможны теперь только слабо обоснованныя догадки. Освѣдомленность министерства едва ли превышаетъ освѣдомленность общества. Намъ плохо вѣрится, поэтому, въ существованіе у правительства плана дѣйствій, обнимающаго собою не только ближайшее, но и болѣе отдаленное будущее. Газетные слухи приписываютъ П. А. Столыпину увѣренность, что вторая дума будетъ такою, какою онъ хочетъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимость распустить ее хотя бы вслѣдъ за ея открытіемъ, „если она не вполнѣ будетъ отвѣчать своему назначенію работоспособнаго учрежденія“. Основаніемъ такой *увѣренности* служитъ „глубокій, неизмѣнный консерватизмъ широкихъ массъ населенія“. Да, разсчетъ на этотъ консерватизмъ отразился въ положеніяхъ 6-го августа и 11-го декабря 1905-го года; первымъ создано, вторымъ сохранено особое представительство отъ крестьянъ, въ предположеніи, что крестьянство составляетъ прочную охранительную силу. Но оправдался ли этотъ разсчетъ? Консерваторами ли оказались депутаты, получившіе свои полномочія отъ однихъ крестьянскихъ выборщиковъ? За консерваторовъ ли подавало голосъ большинство крестьянъ-мелкихъ землевладѣльцевъ?.. Или, быть можетъ, побѣдѣ крестьянскаго консерватизма помѣшали тѣ элементы, которые теперь устранены сенатскими разъясненіями отъ участія въ

выборахъ? Такъ ли, однако, они были многочисленны и сильны, чтобы ихъ вліяніемъ можно было объяснить исходъ первыхъ выборовъ? Вѣдь не имъ же принадлежало большинство на волостныхъ сходахъ, на съѣздахъ уполномоченныхъ отъ волостей, въ средѣ выборщиковъ, посланныхъ съѣздами въ губернскія избирательныя собранія. Вездѣ преобладали рядовые крестьяне—и если ими избирались иногда лица, бывшія крестьянами только по имени, то исключительно потому, что послѣдніе признавались наиболѣе способными отстаивать спеціально крестьянскіе интересы, какъ ихъ понимаютъ сами крестьяне. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что той же точкой зрѣнія крестьяне-избиратели и выборщики будутъ руководствоваться и при новыхъ выборахъ—а найти въ своей средѣ людей, проникнутыхъ ею, они всегда съумѣютъ. Не приведетъ къ цѣли и исключеніе изъ мелкоземлевладѣльческой избирательной группы тѣхъ крестьянъ, которые пріобрѣли землю при посредствѣ крестьянскаго банка; останется и безъ нихъ немало крестьянъ-личныхъ землевладѣльцевъ, солидарныхъ съ своимъ сословіемъ и не сочувствующихъ политикѣ министерства, общей и въ особенности аграрной.

Допустимъ, теперь, что составъ второй Думы не оправдаетъ ожиданій министерства. Степень работоспособности собранія не обнаруживается сразу; по первому его шагу или первымъ шагамъ можно судить, и то не вполнѣ, только о его *настроеніи*, а отнюдь не о рабочей силѣ, которою оно располагаетъ. Въ одинъ день или въ два дня нельзя даже закончить обсужденіе адреса на тронную рѣчь. Роспускъ Думы, слѣдуя непосредственно за ея открытіемъ, означалъ бы только одно: рѣшимость министерства не терпѣть рядомъ съ собою неугодную ему Думу. Но гдѣ же право министерства на такую рѣшимость? Что уполномочиваетъ его ставить свои мнѣнія и желанія выше воли, законно выраженной значительною частью народа—именно тою частью, которая призвана съ высоты престола къ участію въ законодательствѣ и въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій власти? Что уполномочиваетъ его удлинять до безконечности переходный періодъ, до крайности тягостный для страны, все больше и больше подрывающій и безъ того уже истощенныя ея силы? Неужели опытъ послѣднихъ мѣсяцевъ не показалъ съ достаточною ясностью, что политикой репрессій и правонарушеній нельзя успокоить населеніе, и что тишина, еслибы она и наступила, была бы тишиною кладбища? И тдѣ же, наконецъ, основаніе утверждать, что „третья Дума выведетъ, наконецъ, Россію на путь законномѣрнаго строя“? Не утратится ли къ тому времени всякое понятіе о законномѣрности, всякое уваженіе къ закону?... Нѣтъ, мы рѣшительно отказываемся вѣрить, чтобы кто-либо могъ уже теперь лелѣять мысль о роспускѣ еще не созванной Думы.

Чѣмъ грозитъ Россіи продолженіе „бездумнаго“ періода—объ этомъ, даетъ понятіе новый государственный актъ, изданный въ порядкѣ, установленномъ ст. 87-ой основныхъ законовъ. За силою этой статьи во время прекращенія занятій Думы мѣры законодательнаго характера могутъ быть принимаемы, по представленію совѣта министровъ, лишь тогда, когда *чрезвычайныя обстоятельства* вызовутъ въ нихъ *необходимость*. Чрезвычайными обстоятельствами могутъ быть признаваемы, очевидно, лишь такія, которыя, возникнувъ *неожиданно*, требуютъ *безотлагательнаго* воздѣйствія со стороны государственной власти. Только тогда, когда промедленіе было бы опасно, когда *необходимо* предотвратить надвигающееся или прекратить надвинувшееся бѣдствіе — только тогда существуетъ легальное основаніе немедленно вступить на путь, при нормальныхъ условіяхъ открытый лишь для совмѣстной работы всѣхъ факторовъ законодательной власти.

Неправильному толкованію статьи 87-ой положило начало уже правительственное сообщеніе 24-го августа: понятіе о *чрезвычайныхъ обстоятельствахъ* замѣнено здѣсь понятіемъ о *чрезвычайной неотложности*, гораздо болѣе неопредѣленнымъ и растяжимымъ, и подъ это понятіе подведены мѣры, намѣченныя еще гораздо раньше созыва Государственной Думы — мѣры, въ *немедленномъ* принятіи которыхъ не было никакой настоятельной надобности. Общему взгляду, высказанному въ правительственномъ сообщеніи, соотвѣтствовала и практика: изъ всѣхъ „временныхъ законовъ“, изданныхъ министерствомъ Столыпина, чрезвычайными обстоятельствами, въ истинномъ смыслѣ этого слова, можно было мотивировать развѣ одно учрежденіе военно-полевыхъ судовъ. Возмутительная по своему содержанію, эта мѣра *съ формальной стороны* менѣе другихъ нарушала буквальный смыслъ ст. 87-ой. Ни указъ 27-го августа о продажѣ казенныхъ земель, ни указъ 5-го октября о крестьянахъ, ни указъ 14-го октября о старообрядцахъ и сектантахъ—чрезвычайными обстоятельствами не вызывались и чрезвычайно неотложными почитаться не могли... Въ правительственномъ сообщеніи были указаны еще другія условія, которымъ должны соотвѣтствовать мѣры, принимаемыя на основаніи ст. 87-ой: онѣ должны касаться вопросовъ, частичное разрѣшеніе которыхъ не можетъ связать свободу дѣйствій будущихъ законодательныхъ учрежденій и направленіе которыхъ, вытекая изъ началъ, возвѣщенныхъ Высочайшими манифестами, уже предрѣшено. Съ этими условіями и не шли въ разрѣзъ указы 5-го и 14-го октября: не отличаясь полнотою, они несомнѣнно являлись шагомъ впередъ на пути необходимыхъ реформъ и не могли стѣснить Государственную Думу, отъ которой будетъ зависѣть дальнѣйшее ихъ развитіе.

Совершенно инымъ является указъ 9-го ноября. О какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ виду которыхъ его изданіе представлялось бы необходимымъ и неотложнымъ, нѣтъ и не можетъ быть и рѣчи; вопросы, которыхъ онъ касается, никогда предрѣшены не были, и то рѣшеніе, которое даетъ имъ указъ, существенно „стѣсняетъ свободу дѣйствій будущихъ государственныхъ учрежденій". Колеблется и подрывается общинное владѣніе землею, о значеніи котораго для Россіи происходили и происходятъ нескончаемые споры. Безъ выслушанія народныхъ представителей, безъ приведенія въ ясность взглядовъ и желаній народной массы, прямо заинтересованной въ судьбѣ земельной общины, безъ совѣщанія съ спеціалистами-знатоками теоріи и практики аграрныхъ отношеній, составляются и вводятся въ дѣйствіе правила, глубоко врѣзывающіяся въ сельскую жизнь. Съ бо́льшею тщательностью и обдуманностью законъ объ общинѣ былъ бы изготовленъ даже при старомъ порядкѣ: гораздо болѣе гарантій представлялъ, въ этомъ отношеніи, даже Государственный Совѣтъ, съ его разнообразнымъ составомъ и осторожной процедурой, чѣмъ совѣтъ министровъ, дѣйствующій на всѣхъ парахъ и слѣдующій внушеніямъ минуты. Ничто не мѣшало отложить на нѣсколько мѣсяцевъ, даже на нѣсколько лѣтъ рѣшеніе вѣкового вопроса, меньше чѣмъ какой бы то ни было другой, допускающаго скороспѣлый, легковѣсный отвѣтъ. Указывается на прекращеніе, съ 1-го января 1907-го года, выкупныхъ платежей; но отсюда вовсе не вытекаетъ цѣлесообразность мѣропріятій, направленныхъ противъ общиннаго владѣнія. Выйти изъ него можно было и при дѣйствіи положенія о выкупѣ; сохранить свое прежнее значеніе община могла и послѣ отмѣны выкупныхъ платежей. Весь вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли поощрять и искусственно ускорять разложеніе общины. Компетентнымъ судьей по этому вопросу можетъ быть только народное представительство, которому и придется имъ заняться: временныя мѣры, принятыя на основаніи ст. 87-ой, теряютъ свое дѣйствіе, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня открытія сессіи не будетъ внесенъ въ Государственную Думу соотвѣтствующій законопроектъ или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ.

Представимъ себѣ, что законопроектъ, санкціонирующій указъ 9-го ноября, будетъ внесенъ до истеченія двухмѣсячнаго срока, т.-е. до 20-го апрѣля будущаго года; представимъ себѣ, далѣе, что Дума, употребивъ на его разсмотрѣніе не менѣе мѣсяца, его отвергнетъ. Указъ 9-го ноября потеряетъ, такимъ образомъ, свою силу, просуществовавъ болѣе полугода. Въ этотъ промежутокъ времени онъ можетъ получить довольно широкое примѣненіе. Требованіе объ укрѣпленіи части земли

въ личную собственность должно быть исполнено сельскимъ обществомъ въ мѣсячный срокъ; въ противномъ случаѣ обязанность его исполнить переходитъ къ земскому начальнику, постановленіе котораго подлежитъ обжалованію также въ мѣсячный срокъ. Жалобы эти разрѣшаются уѣзднымъ съѣздомъ окончательно. Въ теченіе шести мѣсяцевъ часть общинной земли можетъ быть, такимъ образомъ, обращена въ личную собственность; она можетъ даже перейти изъ однѣхъ рукъ въ другія, такъ какъ указъ 9-го ноября признаетъ домохозяина единоличнымъ и полнымъ собственникомъ выдѣленныхъ ему участковъ, ничѣмъ не стѣсненнымъ въ ихъ отчужденіи. „Выдѣляться изъ общины"—говоритъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ земельнаго вопроса, А. А. Мануиловъ—„будутъ преимущественно тѣ, кто богаче другихъ; бѣднымъ останется худшая земля, и имъ придется жить еще тѣснѣе, чѣмъ теперь. Деревенская бѣднота, которой и при настоящихъ условіяхъ трудно кормиться, окажется вынужденной окончательно бросить хозяйство и идти искать себѣ заработка въ городѣ. Тѣ, которые и хотѣли бы остаться на землѣ, не въ состояніи будутъ бороться съ нуждой: они также потребуютъ выдѣла ихъ участковъ изъ мірской земли, чтобы продать ихъ богатымъ сосѣдямъ и на вырученныя деньги поддержать себя на новомъ мѣстѣ. Этимъ путемъ общинная земля скоро окажется въ рукахъ сравнительно немногихъ собственниковъ, а множество крестьянскаго люда останется безъ земли"... Отмѣна Думою правилъ 9-го ноября повлечетъ за собою затрудненія другого рода: нелегко будетъ поворотить обратно въ общинное владѣніе землю, выдѣленную въ частную собственность. Рознь между зажиточными и малоимущими слоями возникнетъ, слѣдовательно, и въ такомъ случаѣ, если правила 9-го ноября сохранятъ свою силу, и въ такомъ случаѣ, если они ее потеряютъ.

Придется ли, однако, второй Думѣ воспользоваться правомъ, которое даетъ ей ст. 87-ая законовъ основныхъ—правомъ отклонить ту или другую законодательную мѣру, принятую послѣ роспуска первой Думы? Предсѣдателю совѣта министровъ приписывается намѣреніе распустить Думу, если ею не будутъ утверждены *всѣ* мѣры этого рода (въ томъ числѣ и учрежденіе военно-полевыхъ судовъ?). По нынѣшнимъ временамъ все возможно; но вѣроятно ли, что ко всѣмъ существующимъ поводамъ конфликта министерство присоединитъ еще одинъ, столь явно для него невыгодный? Издавая рядъ временныхъ правилъ, министерство знало, что его право ограничено въ этомъ отношеніи другимъ, равносильнымъ правомъ, принадлежащимъ Государственной Думѣ. Причинъ торопиться, какъ мы видѣли выше, у него не было никакихъ; не было и основаній разсчитывать на податливость и сговорчивость Думы. Нужно было подождать созыва Думы и туда внести

задуманные законопроекты, ничѣмъ не насилуя и не стѣсняя волю народнаго представительства. Никто не рѣшится утверждать, что отклоненіе Думою двухъ-трехъ законопроектовъ, внесенныхъ министерствомъ въ обычномъ порядкѣ, неизбѣжно должно имѣть послѣдствіемъ роспускъ Думы—а чѣмъ же отличается отъ такого отклоненія непринятіе мѣръ, съ самаго начала имѣвшихъ только временное значеніе?.. Что рѣшеніе распустить Думу не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя позволительно принимать „съ легкимъ сердцемъ"—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, въ виду всего пережитаго Россіею послѣ 9-го іюля.

Правила 9-го ноября, какъ видно изъ сказаннаго выше, предоставляютъ земскимъ начальникамъ очень крупную роль въ ликвидаціи земельныхъ отношеній, вытекающихъ изъ общиннаго владѣнія. Насколько такая роль соотвѣтствуетъ реальному вѣсу земскихъ начальниковъ, насколько она оправдывается довѣріемъ и уваженіемъ, которымъ они пользуются въ деревнѣ—это не требуетъ объясненій. Институтъ земскихъ начальниковъ имѣетъ, если можно такъ выразиться, символическое значеніе. Призывъ его къ жизни знаменовалъ собою кульминаціонный пунктъ реакціи; всякая попытка поднять его авторитетъ, расширить его кругъ дѣйствій служитъ признакомъ усиленія ретроградныхъ тенденцій. Послѣ указа 12-го декабря 1904-го года, возвѣстившаго равноправность крестьянъ и другихъ классовъ населенія, послѣ проекта реформы мѣстной юстиціи, составленнаго во исполненіе этого указа, можно было думать, что для земскихъ начальниковъ наступаютъ послѣдніе дни. Такой же выводъ вытекалъ, повидимому, и изъ указа 5-го октября; но министерство поспѣшило разсѣять преждевременныя надежды. Послѣдовавшій за указомъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, напоминая земскимъ начальникамъ, что не вовсе отмѣнена ихъ дискреціонная власть [1]), открываетъ передъ ними новыя, широкія перспективы, призываетъ ихъ принять живое участіе въ землеустроительныхъ работахъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ старается успокоить ихъ насчетъ ихъ будущаго. „Какія бы реформы ни послѣдовали въ строѣ мѣстнаго управленія"—таковы заключительныя слова циркуляра,—„въ послѣднемъ неизбѣжно будутъ сохранены административные органы, а потому должностныя лица крестьянскихъ учрежденій, усердно выполняющія свои обязанности, могутъ безбоязненно ожидать преобразованій и быть увѣренными, что ихъ знаніе и опытность найдутъ

---

[1]) Неприкосновеннымъ осталось право земскихъ начальниковъ налагать административныя взысканія на крестьянъ, занимающихъ волостныя и сельскія должности.

примѣненіе на иныхъ соотвѣтственныхъ должностяхъ при всякомъ переустройствѣ мѣстнаго управленія". Намъ кажется, что такая увѣренность была бы нѣсколько рискованна. Административные органы на мѣстахъ, безъ сомнѣнія, будутъ, но ихъ устройство можетъ не имѣть ничего общаго съ институтомъ земскихъ начальниковъ; въ основаніе его можетъ быть положено, напримѣръ, выборное начало. Если будетъ удержано назначеніе, то оно можетъ быть обставлено такими условіями, подъ которыя подойдутъ развѣ немногіе изъ числа нынѣшнихъ вершителей судебъ деревни. Не вѣчно же будетъ продолжаться тяготѣніе къ прошлому и исканіе въ немъ уроковъ и вдохновеній.

Что наша администрація никакъ не можетъ разстаться съ такими завѣтами прошлаго, которые меньше всего совмѣстимы съ признаваемымъ ею, на словахъ, новымъ государственнымъ строемъ—это видно, между прочимъ, изъ того, какъ она пользуется правомъ неутвержденія, принадлежащимъ ей въ области земскаго и городского самоуправленія. Московскій губернаторъ не утвердилъ кн. Павла Долгорукова въ должности члена отъ земства въ рузскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ, предсѣдателемъ котораго онъ четырнадцать лѣтъ сряду состоялъ по званію уѣзднаго предводителя дворянства. Не говоримъ уже о томъ, что сдѣлалъ князь для начальныхъ школъ своего уѣзда, поставленныхъ имъ на небывалую прежде высоту; спросимъ только, что опаснаго представляло бы продолженіе его работы въ совѣтѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ засѣдали бы чины министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ? Не ясно ли, что неутвержденіе его вызвано исключительно желаніемъ нанести политическому противнику если не ударъ, то булавочный уколъ? Не ясно ли также, что дискреціонное право, понятное какъ часть все обнимавшей собою системы административнаго произвола, потеряло всякій смыслъ съ паденіемъ системы и обратилось въ источникъ мелкихъ придирокъ, вредныхъ только для того, кто къ нимъ прибѣгаетъ?... Другой характерный примѣръ безцѣльнаго злоупотребленія отжившей властью—неутвержденіе извѣстнаго земскаго статистика А. А. Русова въ должности завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ с.-петербургской городской управы, на которую онъ былъ рекомендованъ лучшими знатоками этого дѣла. Кому или чему могъ бы повредить А. А. Русовъ, руководя переписью петербургскаго населенія или собирая свѣдѣнія о его заболѣваемости и смертности?..

Наглость „истинно-русскихъ людей" доходитъ до колоссальныхъ размѣровъ. Къ угрозамъ по адресу противниковъ присоединяются не-

многимъ отличающіяся отъ угрозъ настоянія по адресу недостаточно ревностныхъ союзниковъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ министрамъ. Нужно прочесть „Открытое письмо правительству", напечатанное, крупнымъ шрифтомъ, на первой страницѣ „Московскихъ Вѣдомостей", чтобы составить себѣ понятіе объ этой своеобразной литературѣ. Подписано письмо однимъ г. Грингмутомъ, но онъ „не сомнѣвается въ томъ, что къ нему присоединятся всѣ русскіе люди, которымъ дорога судьба Россіи". Въ „чисто-еврейской клеветѣ" авторъ письма обвиняетъ... оффиціозную „Россію"; приписавшую правительству намѣреніе „повторить измѣну графа Витте, спустить русскій флагъ передъ еврейскою крамолой". Нѣтъ,—читаемъ мы далѣе,—„правительство должно знать, что торжествующая побѣда еврейской крамолы легла бы на сознаніе русскаго народа болѣе тяжелымъ камнемъ, чѣмъ Цусимское пораженіе и Портсмутскій миръ".

Въ чемъ же заключалась бы „торжествующая побѣда", одна мысль о которой возбуждаетъ неистовые вопли „Московскихъ Вѣдомостей"? Въ небольшомъ смягченіи гнета, тяготѣющаго надъ евреями. Судя по статьѣ „Россіи", въ правительственныхъ сферахъ существовало предположеніе теперь же дать евреямъ полную свободу движенія внутри *черты осѣдлости*, т.-е. отмѣнить „временныя", но дѣйствующія уже почти четверть вѣка правила 3-го мая 1882-го года. Совершенно уничтожить, до Думы, черту осѣдлости, немедленно разрѣшить евреямъ пріобрѣтеніе поземельной собственности, министерство признавало невозможнымъ. И вотъ, противъ полумѣры, направленной къ устраненію вопіющей несправедливости, выдвинута тяжелая артиллерія „монархистовъ", осмѣливающихся говорить отъ имени народа! Неужели ея холостые выстрѣлы произведутъ панику въ министерскомъ лагерѣ? Неужели оставлена будетъ всякая мысль о перемѣнѣ къ лучшему въ положеніи евреевъ—оставлена только потому, что противъ нея возстала горсть людей, прикрывающая шумомъ и крикомъ свое нравственное ничтожество и свое реальное безсиліе?

P. S.—Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда появился указъ 15-го ноября, состоявшійся въ силу все той же 87-ой статьи законовъ основныхъ и разрѣшающій крестьянскому банку выдачу ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель. Къ нему примѣнимо въ полной мѣрѣ все сказанное выше объ указѣ 9-го ноября.

ЗАМѢТКА

Недостатки нашихъ партійныхъ программъ.

Программы нашихъ оппозиціонныхъ партій, какъ умѣренныхъ, такъ и крайнихъ, страдаютъ однимъ существеннымъ недостаткомъ—чрезмѣрною отвлеченностью и доктринерскимъ характеромъ своихъ основныхъ положеній. Самыя названія партій ничего не говорятъ уму и сердцу обывателя, а отчасти даже непонятны для огромнаго большинства населенія. Что̀ поймутъ наши народныя массы въ требованіяхъ для нихъ „демократическихъ реформъ“, конституціонно-демократической „свободы“ и „мирнаго обновленія“? Что̀ представляютъ собою для народа „платформы“ соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ съ ихъ разсужденіями о „пролетаріатѣ“ и „буржуазіи“?

Иностранныя слова и понятія, столь внезапно пущенныя въ оборотъ нашими политическими партіями, должны невольно пугать и отталкивать средняго русскаго обывателя, поддерживая въ его умѣ смутныя подозрѣнія насчетъ опасныхъ будто бы притязаній иностранцевъ и инородцевъ. Не этимъ ли объясняется та странность, что защитники народнаго угнетенія и безправія успѣшно выступаютъ въ роли „истинно-русскихъ людей“ и находятъ въ народѣ благодарную почву для своихъ противонародныхъ, лже-патріотическихъ воззваній и возгласовъ?

Незадолго до первыхъ выборовъ въ Государственную Думу „кадеты“ благоразумно усвоили себѣ добавочное общедоступное названіе „партіи народной свободы“; но и „народная свобода“—неподходящій лозунгъ для массы, озабоченной прежде всего огражденіемъ своихъ реальныхъ правъ и интересовъ. Подъ свободой можно разумѣть и анархію, и отсутствіе твердыхъ законовъ, и неограниченный просторъ для господства сильныхъ надъ слабыми; призывъ къ свободѣ непремѣнно предполагаетъ поясненіе: отъ чего и отъ кого освободиться? Отъ властей, отъ налоговъ, отъ рекрутчины? Или отъ сельскихъ міроѣдовъ и эксплоататоровъ-землевладѣльцевъ? Или только отъ назойливой опеки начальства? Однако, „свобода“ заманчива уже въ силу своей неопредѣленности, и она, безспорно, привлекла широкія народныя симпатіи на сторону „конституціоналистовъ-демократовъ“. Мало того: имъ безспорно помогло и сокращенное популярное названіе „кадетовъ“, вызывавшее представленіе о молодомъ задорѣ и жизнерадостной самоувѣренности...

Наши партійныя программы суть не что иное, какъ краткіе конспекты конституціоннаго права, съ присоединеніемъ ряда законопроектовъ по экономическимъ, поземельнымъ и соціальнымъ вопросамъ. Содержаніе этихъ конспектовъ—насколько дѣло идетъ о политическомъ строѣ—не имѣетъ никакой видимой связи съ вопіющими нуждами русскаго народа и государства; оно нисколько не отражаетъ въ себѣ тѣхъ ужасовъ, которые пережиты нами за послѣдніе годы, и не даетъ никакого отвѣта на волнующія всѣхъ мучительныя недоумѣнія. Программы не говорятъ, что долженъ быть положенъ конецъ владычеству придворныхъ фаворитовъ, доведшихъ Россію до разоренія и позора, и что отнынѣ силами и средствами государства перестанутъ распоряжаться люди, недостойные общественнаго довѣрія; вмѣсто такого заявленія, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ и одинаково желаннаго и понятнаго всѣмъ классамъ народа, указывается сухо на то, что россійская имперія представляетъ собою „конституціонную монархію“. Что скажетъ это опредѣленіе нашему старозавѣтному купечеству, малограмотному мѣщанству и милліонамъ нашего крестьянства? О конституціи народъ знаетъ развѣ лишь одно,—что это нѣчто запретное и преступное, задуманное крамольниками, которыхъ ловятъ, сажаютъ въ тюрьму, вѣшаютъ или ссылаютъ на каторгу. Даже образованные люди изъ такъ называемаго общества не улавливаютъ связи между честнымъ, добросовѣстнымъ, истинно-народнымъ государственнымъ управленіемъ и существованіемъ конституціи на иноземный ладъ: одни вспоминаютъ историческіе примѣры неудачныхъ конституціонныхъ опытовъ, другіе предаются мечтаніямъ объ идилліи самодержавія въ духѣ небывалаго единенія между властью и народомъ, третьи возстаютъ вообще противъ крутыхъ перемѣнъ государственнаго строя, опасаясь смѣлыхъ скачковъ въ область неизвѣстнаго,—и весь насущный и жгучій вопросъ о гарантіяхъ хорошаго управленія исчезаетъ куда-то, покрытый густымъ туманомъ доктринерскихъ споровъ. Виновники всѣхъ нашихъ бѣдствій и ихъ союзники получаютъ возможность „съ поднятымъ челомъ“ участвовать въ этихъ спорахъ, въ качествѣ защитниковъ русской государственности и искорепителей внутренней смуты, и никто даже не вспомнитъ, что они сами избавлены отъ справедливаго и суроваго суда только по благодушію первой Государственной Думы.

Программы устанавливаютъ принципъ, что „министры, въ политической дѣятельности своей, отвѣтственны предъ народнымъ представительствомъ“, но онѣ не опредѣляютъ, въ чемъ будетъ выражаться эта отвѣтственность. Обязаны ли министры выходить въ отставку при заявленномъ недовѣріи къ нимъ Государственной Думы? Какъ заставить ихъ удалиться, если они упорно сохраняютъ власть въ своихъ

рукахъ? Въ какой формѣ и предъ какимъ судомъ должны подлежать отвѣтственности тѣ правительственные и придворные дѣятели, которые своими докладами и совѣтами вводятъ въ заблужденіе Государя и сознательно употребляютъ силы и средства государства *противъ* общества и народа? Обо всемъ этомъ умалчиваютъ программы, и возвѣщаемая ими „отвѣтственность министровъ“ остается лишь пустымъ звукомъ.

Программы говорятъ о составѣ и правахъ народнаго представительства, о двухъ палатахъ и способахъ ихъ избранія, но не упоминаютъ ни объ обязательныхъ ежегодныхъ сессіяхъ Государственной Думы, ни объ условіяхъ и послѣдствіяхъ ея преждевременнаго роспуска. Чѣмъ же обезпечивается существованіе и правильное функціонированіе народнаго представительства? Стоитъ ли хлопотать объ избирательныхъ правахъ и разсуждать о парламентскихъ функціяхъ, когда закулисные дѣятели могутъ въ каждый данный моментъ добиться разгона Думы и возстановить фактическое самодержавіе придворной партіи безъ всякаго для себя риска?

Перечисляя основныя „права гражданъ“, программы не выходятъ изъ круга общихъ теоретическихъ формулъ, обреченныхъ на безсиліе. „Всѣмъ россійскимъ гражданамъ должны быть предоставлены равныя права и *прочно обезпечена* политическая свобода во всѣхъ ея видахъ“; но чѣмъ и какими способами она будетъ „прочно обезпечена“ на практикѣ—неизвѣстно. Относительно неприкосновенности личности и жилища, недопущенія ареста и наказанія помимо суда и т. п., вновь повторяются правила, достаточно ясно и точно выраженныя еще въ судебныхъ уставахъ 1864 года (ст. 1, 8—11 и 14—15 устава угол. судопр.) и оставшіяся съ тѣхъ поръ мертвой буквой. Упоминается, правда, о „судебной защитѣ“ этихъ правъ, но безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій; въ принципѣ судебная защита допускалась и раньше, но она не достигала цѣли и почти не примѣнялась на практикѣ, потому что, съ одной стороны, судебная власть подчинена правительству и администраціи, а съ другой—не существовало и не существуетъ надлежащей гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ предъ судомъ за незаконныя нарушенія частныхъ и публичныхъ правъ гражданъ. Между тѣмъ, въ программахъ ничего не говорится о судебной отвѣтственности правительственныхъ и административныхъ дѣятелей, и, слѣдовательно, фраза о „прочномъ обезпеченіи политической свободы“ является вполнѣ безсодержательной.

Въ области высшаго государственнаго управленія партійныя программы не предлагаютъ никакихъ крупныхъ реформъ: нѣтъ и рѣчи объ урегулированіи такихъ всемогущихъ органовъ беззаконія, какъ департаментъ полиціи и корпусъ жандармовъ; не затрогиваются во-

просы о преобразованіяхъ въ арміи, о сокращеніи ея состава въ мирное время, о предоставленіи военнымъ генераламъ и офицерамъ правъ командованія только надъ войсками, но не надъ мирнымъ населеніемъ,—объ уничтоженіи разорительныхъ для страны должностей намѣстниковъ, генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ, объ измѣненіи системы управленія окраинами, объ искорененіи хищничества и расточительности въ расходованіи казенныхъ средствъ и т. д. Оставляется также безъ вниманія необходимость судебной организаціи, способной обезпечить суду дѣйствительную независимость и высшій авторитетъ въ государствѣ. Въ заявленіяхъ по финансовой и экономической политикѣ недостаетъ указанія на то, въ какой мѣрѣ обязательна уплата налоговъ, не утвержденныхъ народнымъ представительствомъ или взимаемыхъ министерствомъ, которое находится въ прямомъ и явномъ конфликтѣ съ Государственной Думой.

Важнѣйшая задача настоящаго момента—устраненіе того кроваваго, беззаконнаго режима, который давитъ и разоряетъ страну подъ предлогомъ охраны общественнаго порядка, и который въ дѣйствительности не имѣетъ другой цѣли, кромѣ охраны интересовъ небольшой группы правящихъ лицъ. Во имя этой насущной задачи должны соединяться всѣ элементы русскаго общества и, отбросивъ безплодные отвлеченные споры о конституціонализмѣ и парламентаризмѣ, включить въ программы народныхъ партій признаніе безусловно необходимымъ: 1) образованія честнаго, добросовѣстнаго правительства изъ лицъ, заслужившихъ общее уваженіе и довѣріе своею общественною дѣятельностью и свободныхъ отъ традицій бюрократическаго карьеризма; 2) привлеченія къ суду всѣхъ явныхъ нарушителей законовъ, организаторовъ народныхъ избіеній, погромовъ и разстрѣловъ, виновниковъ массовыхъ арестовъ и ссылокъ безъ суда, и вообще тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя открыто злоупотребляли предоставленными имъ исключительными полномочіями въ періодъ времени отъ изданія манифеста 17 октября; 3) ограниченія дѣйствій департамента полиціи и корпуса жандармовъ, какъ воплощеній произвола, доказавшихъ на опытѣ свою полную непригодность и безполезность даже съ точки зрѣнія полицейской охраны носителей государственной власти; 4) устраненія непомѣрной щедрости въ цифрахъ денежныхъ окладовъ, пособій и субсидій, получаемыхъ лицами высшаго правительственнаго персонала; уничтоженія всякихъ формъ казнокрадства и взяточничества путемъ своевременнаго фактическаго контроля; сокращенія штатовъ до предѣловъ дѣйствительной необходимости и введенія строгой разсчетливости во всѣ отрасли государственнаго хозяйства и управленія, подъ постояннымъ надзоромъ народнаго представительства; 5) гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ всѣхъ

ранговъ, отъ самыхъ высшихъ до низшихъ, за распоряженія и дѣйствія, причинившія вредъ или убытокъ частнымъ лицамъ и обществамъ безъ достаточныхъ къ тому законныхъ основаній; 6) отмѣны всѣхъ исключительныхъ положеній и полномочій, какъ главныхъ источниковъ анархіи и беззаконія въ разныхъ частяхъ имперіи;—правительственная анархія, выразившаяся въ предоставленіи не только административныхъ, но и судебныхъ и законодательныхъ правъ отдѣльнымъ случайнымъ генераламъ и офицерамъ, создала хроническую революціонную анархію и довела до полнаго экономическаго разстройства и упадка богатѣйшія области Россіи, — Кавказъ, Царство Польское, Новороссійскій край; беззаконіе, возведенное въ принципъ, порождало беззаконіе—и ничего другого породить не могло; всѣ эти намѣстничества, генералъ-губернаторства и градоначальства, съ ихъ усиленными и чрезвычайными охранами и военными положеніями, поглощаютъ милліоны народныхъ денегъ безъ малѣйшей пользы для государства и съ огромнымъ вредомъ для населенія; 7) созданіе разумно устроенной полиціи безопасности и благочинія, которой нынѣ не существуетъ,—при руководящемъ участіи органовъ мѣстнаго самоуправленія; 8) несмѣняемость судей и примѣненіе выборнаго начала при замѣщеніи высшихъ судейскихъ должностей, въ томъ числѣ и сенаторскихъ; судъ присяжныхъ по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ, о проступкахъ печати и по преступленіямъ должности; 9) обязательное ежегодное утвержденіе государственнаго бюджета народнымъ представительствомъ и недопущеніе взиманія налоговъ по бюджету, не внесенному на разсмотрѣніе Государственной Думы или не разсмотрѣнному ею по винѣ министерства; 10) освобожденіе арміи и отдѣльныхъ ея частей, равно какъ и ея начальствующихъ лицъ, отъ чуждыхъ имъ полицейскихъ функцій; сокращеніе расходовъ на армію и штабный персоналъ, съ возможно большимъ использованіемъ опыта японской войны, доказавшей превосходство качества передъ количествомъ и выяснившей полную осуществимость выступленія огромныхъ боевыхъ силъ при хорошей организаціи незначительныхъ сравнительно постоянныхъ кадровъ; коренное переустройство морского вѣдомства, съ оставленіемъ за штатомъ всѣхъ излишнихъ адмираловъ и съ доведеніемъ расходовъ на администрацію до такой нормы, которая соотвѣтствовала бы нынѣшнему состоянію русскаго флота...

Наши политическія партіи значительно выиграли бы въ общественномъ мнѣніи и увеличили бы шансы своего успѣха въ народныхъ массахъ, еслибы перевели отвлеченныя формулы своихъ программъ на общепонятный языкъ фактическихъ условій и обстоятельствъ современнаго положенія...

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1906.

I.

— Щукинскій сборникъ. Выпускъ пятый. Изд. Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея Императора Александра III — Музея П. И. Щукина. М. 1906 г.

Нами уже нѣсколько разъ отмѣчался характеръ изданія Щукинскаго сборника, не претендующаго на преслѣдованіе какихъ-либо иныхъ научныхъ цѣлей, кромѣ сохраненія болѣе или менѣе любопытныхъ историческихъ матеріаловъ. Какъ въ предыдущихъ, такъ и въ настоящемъ томѣ степень историческаго интереса понимается издателями чрезвычайно широко: рядомъ съ документами высокой научной цѣны и бумагами лицъ, оставившихъ свое имя въ исторіи, находимъ здѣсь матеріалъ, историческое достоинство котораго опредѣлить въ настоящее время представлялось бы нѣсколько затруднительнымъ. Но, сравнительно съ матеріалами мало значительными, находимъ документы весьма любопытные, на протяженіи частью XVIII, частью XIX вѣка.

Есть особая прелесть пробѣгать страницу за страницей эти отрывочныя, случайныя бумаги, оффиціальныя и частныя, протоколы, отношенія, письма, въ которыхъ отразилась общественная и частная жизнь русскаго общества, по преимуществу бытовая ея сторона. Интимная переписка, обрывки воспоминаній, плоды „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“ — все это кажется проникнуто однимъ и тѣмъ же духомъ національнаго единства, все это представляется тончайшими нитями невидимыхъ въ свое время бытовыхъ и общественныхъ отношеній. И цѣлыя картинки возникаютъ въ воображеніи читателя, окруженныя тѣмъ особымъ обаяніемъ, которое основывается

на чувствѣ исторической любознательности. И между старѣйшими и позднѣйшими документами можетъ быть установлена связь, равно интересная и для историка, пожалуй и для романиста. Такъ, напримѣръ, для исторіи нашего быта и нравовъ въ Петровскую эпоху чрезвычайно интересны извлеченія изъ бумагъ кн. А. Д. Меншикова, начало которыхъ было помѣщено въ предыдущемъ выпускѣ. Здѣсь, между прочимъ, находимъ протоколъ допроса нѣкоего злополучнаго Павла, жизнь котораго сложилась изъ такихъ эпизодовъ, которые являются типичными для нравовъ и своей среды, и своего времени: былъ въ гостяхъ, пилъ пиво, въ дракѣ пырнулъ ножомъ какого-то Ивана Сергѣева, который послѣ того „жилъ недѣль съ пять и умре“; бѣжалъ изъ-подъ караула, снова былъ пойманъ и снова бѣжалъ „съ колодникомъ Матвѣемъ“; изловленный и доставленный въ Копорьскую канцелярію, былъ дважды пытанъ въ застѣнкѣ, снова бѣжалъ, въ скитаніяхъ былъ битъ „губернаторскаго княжеской свѣтлости швандрона драгуномъ“ „смертнымъ боемъ“ и снова представленъ властямъ, которыми былъ „битъ батогами“ и допрашиванъ, а—„къ сему допросу вмѣсто вышеописаннаго вора Павла Ѳедорова по его прошенію Копорской писарь Василей Бабинковъ руку приложилъ“.

Въ томъ же томѣ помѣщены извлеченія изъ бумагъ старшаго камеръ-пажа У. 1879 г. Безсодержательныя, ненужныя изліянія 19-тилѣтняго юноши, мечты „о ней“, перепутанныя съ философическими размышленіями. Любопытны только нѣсколько строкъ—оглядка камеръ-пажа на порогѣ новой жизни на свои отроческіе годы: „Сегодня послѣдній день 19-го года моей жизни, — я оглядываюсь назадъ и съ ужасомъ вижу, что ничего путнаго, ничего хорошаго я впродолженіе этого года не сдѣлалъ: помню я, какъ мнѣ минуло 18-ть лѣтъ,—какъ я поступалъ въ Пажескій корпусъ, мои мечты о камеръ-пажествѣ, о кутежахъ, о продолженіи занятій,—все это пошло прахомъ,—осталась только одна пустота, одно тоскливое безвыходное положеніе, одна гадость и мерзость! Уже 20-ть лѣтъ прожилъ я на свѣтѣ и что сдѣлалъ?—Ничего! Вникните въ смыслъ этого слова, и вы увидите, какъ ужасно сказать себѣ: я двадцать лѣтъ прожилъ безслѣдно, я въ двадцать лѣтъ съумѣлъ только развратить себя, пріучить себя къ кутежамъ, — а привычки къ труду, охоты къ чему-нибудь путному и въ поминѣ нѣтъ. Скверно! И теперь начну точно также и 21-ый годъ моей жизни — также глупо и безцѣльно, и онъ канетъ въ Лету, за нимъ другой, третій и т. д.,—и настанетъ наконецъ время завилять хвостомъ передъ незванной гостьею, смертью“...

Читатели могутъ строить самыя произвольныя предположенія о томъ, что сталось въ жизни съ бывшимъ камеръ-пажомъ У... и принесла ли ему пользу благодѣтельная способность самоанализа попыт-

кой избрать какой-либо иной, болѣе сознательный путь, чѣмъ тотъ, который представлялся ему по выходѣ изъ пажескаго корпуса, или же это была просто вспышка юношески чуткаго темперамента, угасшая безслѣдно въ шумѣ свѣтскихъ утѣхъ и служебныхъ успѣховъ. У. во всякомъ случаѣ былъ баловнемъ судьбы, которая не для всѣхъ бываетъ ласковой. Въ той же арміи, гдѣ дѣйствуетъ, можетъ быть, и понынѣ бывшій камеръ-пажъ, служилъ капитанъ Бѣлорусовъ, разсказавшій, на страницахъ того же Щукинскаго сборника, какъ онъ, 73-хъ-лѣтнимъ раненымъ старикомъ, прослуживъ десятки лѣтъ царю и родинѣ, совершилъ пѣшкомъ путешествіе отъ китайской границы въ Петербургъ, чтобы добиться тамъ пенсіи въ законномъ размѣрѣ и дать воспитаніе своимъ дѣтямъ. Исчисливъ свои служебныя заслуги, Бѣлорусовъ говоритъ: „Описывать же мой путь съ 2-хъ-ствольнымъ ружьемъ и мѣшкомъ за плечами, съ необходимыми вещами и припасами, въ которыхъ было болѣе пуда вѣсу, я не могу безъ ужаса, а что приходилось переносить мнѣ на старости лѣтъ, какъ отъ природы, такъ отъ голодающихъ и праздношатающихся бродягъ, только одному Богу извѣстно. Я иногда шелъ подъ проливнымъ дождемъ съ градомъ болѣе голубинаго яйца, какъ это было 25-го іюня въ станицѣ Елизаветинской, спалъ на голомъ полу или на землѣ, подъ однимъ лѣтнимъ пальто, имѣя мѣшокъ въ головахъ, и это все перенесъ не для своего счеславія, мнѣ всего теперь нужно 3 арш. въ длину и $1^1/_2$ арш. въ ширину земли, но я пожертвовалъ всѣмъ именно, только для дорогой моей семьи, несмотря на то, что я во всю жизнь свою не пью и не пилъ никакого вина и пива и не курю табаку“.

Изъ писемъ, имѣющихъ историко-литературный и вмѣстѣ біографическій интересъ, стоятъ несомнѣнно на первомъ мѣстѣ письма И. С. Тургенева къ г-жѣ N., писанныя въ промежуткѣ 1873—1877 гг. Въ письмахъ этихъ, дружескихъ, интимныхъ, Тургеневъ упоминаетъ о своихъ произведеніяхъ, рекомендуетъ прочесть, проситъ высказать мнѣніе, дѣлится своими настроеніями, чувствами; порою читателю начинаетъ казаться, что въ этихъ письмахъ проскальзываютъ намеки на возможный романъ, не свершенный, разрѣшающійся вздохами о молодости, тѣсной дружбой, взаимнымъ пониманіемъ. Тонъ писемъ — искренній, сердечный и бодрый. Читатель можетъ представить себѣ образъ той, кому писалъ Тургеневъ. Она — изъ свѣтскаго круга, не первой молодости, болѣзненная, считающая себя „отпѣтымъ“ человѣкомъ („чему я, въ скобкахъ, не вѣрю“, — замѣчаетъ Тургеневъ), повидимому тонкая цѣнительница поэзіи и вообще разнообразная въ своихъ интересахъ. „Вы мнѣ написали чудесное письмо, милая.....,— пишетъ Тургеневъ въ ноябрѣ 1874 г., — оно весьма живо перенесло

меня въ ту деревенскую, зимнюю глушь, съ которой вы, повидимому, такъ отлично свыклись. Не сомнѣваюсь въ томъ, что вамъ теперь *пока* тамъ очень хорошо; многое въ жизни представилось бы человѣку тяжкимъ испытаніемъ, еслибы не мысль объ этомъ „пока", которое сливается съ ожиданіемъ другого, болѣе свѣтлаго или просто неопредѣленнаго будущаго... На этомъ „пока" можно прокатиться полусознательно, полузадумчиво—до самаго конца существованія. Притомъ то ваше прошедшее, котораго я не знаю, но которое навѣрное до сихъ поръ занимаетъ важное мѣсто въ вашей духовной жизни—наполняетъ нѣкоторымъ образомъ ваше настоящее, отнимая у васъ даже желаніе чего-нибудь новаго и навѣвая на васъ чувство резиньяціи и смиренія. Все это прекрасно, но вы еще настолько молоды, что не можете серьезно думать объ устройствѣ себѣ гнѣзда—гдѣ бы „состарѣться и умереть". Во всякомъ случаѣ мнѣ (я теперь говорю съ эгоистической точки зрѣнія) мнѣ бы хотѣлось встрѣтиться съ вами *до* подобнаго окончательнаго устройства вашей судьбы и до окончательнаго моего превращенія въ старика (о моей молодости рѣчи быть не можетъ). Пять дней, проведенныхъ нами вмѣстѣ въ деревнѣ, показали мнѣ, что между нами много симпатіи—хотѣлось бы возобновить это сближеніе безъ нелѣпаго и досаднаго аккомпанимента болѣзни. А потому мнѣ было очень пріятно узнать, что вы весной собираетесь въ Маріенбадъ и въ Парижъ. Надо только устроить такъ, чтобы не „разминуться", какъ говорятъ малороссы. Я въ началѣ будущаго мая уѣзжаю на шесть недѣль въ Карлсбадъ—вы знаете, что это о-бокъ съ Маріенбадомъ—вотъ бы вамъ такъ же въ ту пору туда пріѣхать! Отлично было бы—какъ вы полагаете? Напишите мнѣ, что вы объ этомъ думаете?

„А мнѣ здѣсь въ Парижѣ все еще не совсѣмъ хорошо. Подагра, подъ той или другой формой, не выпускаетъ меня изъ когтей и мѣшаетъ мнѣ работать.

„Вы говорите о снѣжныхъ степяхъ и мятеляхъ—(помните у Пушкина: „какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ". Предыдущій стихъ отыщите сами). А у насъ хотя холодновато—за то солнце еще свѣтитъ—только я имъ мало пользуюсь—изъ дома не выхожу".

„Вы пишете, что очень ко мнѣ привязались,—пишетъ Тургеневъ черезъ два мѣсяца,—но и я васъ очень люблю—и много ли, мало ли между нами общаго—это въ сущности неважно. Il y a un attrait mutuel—вотъ что важно. Мнѣ очень бы хотѣлось свидѣться съ вами, и я надѣюсь, что это мое желаніе осуществится весной—im wunderschönen Monat Mai. Правда, мы оба будемъ тогда пить богемскія воды, что менѣе поэтично—но что-же дѣлать?—Если вамъ 33 года—мнѣ цѣлыхъ 55—вотъ что не слѣдуетъ упускать изъ вида.

„Такъ какъ ваша хандра и приходитъ и уходитъ вмѣстѣ съ оттепелью, то желаю вамъ снѣга, холода и тѣхъ вьюгъ, что, по словамъ Полонскаго, „растятъ по стекламъ оконъ“—бѣлыя розы. Но и замораживать себя не слѣдуетъ. На свѣтѣ дѣйствительно есть нѣчто получше „предсмертной икоты“, и хотя уже нельзя ожидать, что радость польётся полной чашей — но она можетъ еще окропить послѣдніе жизненные цвѣты. Смыслъ всѣхъ этихъ аллегорій очень хорошо выраженъ въ извѣстной русской поговоркѣ—„живи, пока живется“.

Письма корреспондентки, названной въ одномъ мѣстѣ Юліей Петровной, доставляли, повидимому, Тургеневу большое утѣшеніе въ его страданіяхъ. „Какія вы хорошія письма пишете, милая N., — и съ какимъ удовольствіемъ я ихъ читаю!—восклицаетъ онъ въ февралѣ 1875 г.—Ваши письма мнѣ теперь тѣмъ дороже, что, кажется, подагра, послѣ двухмѣсячнаго отдыха, снова собирается приняться за меня: колѣно распухло и я уже хожу съ трудомъ. „Эдакая“ старость—ужъ точно не радость! За то всѣ наши молодые процвѣтаютъ: и мать, и прелестнѣйшій ея ребенокъ. Я убѣжденъ, что и вашъ долженъ быть чрезвычайно милъ—только и оживаешь, глядя на эти молодые отпрыски...

„Ужъ какъ тамъ ни вертись, а должно сознаться, что если и не веревочкой и не чортъ—а кто-то связалъ насъ. Вы мнѣ ужасно понравились, какъ только я съ вами познакомился; потомъ мы какъ будто нѣсколько разошлись; но со времени посѣщенія въ деревнѣ узелокъ опять затянулся—и на этотъ разъ довольно плотно. Смотрите, не вздумайте ни перерубать, ни развязывать этотъ узелокъ. И къ чему? Кому отъ него вредъ будетъ? Увы! никому — ни даже мнѣ... ни даже вамъ!

„Вы еще не прочли начало романа Л. Н. Толстого, который долженъ явиться въ „Русскомъ Вѣстникѣ“? Какъ только прочтете—сообщите мнѣ свое впечатлѣніе. Я убѣжденъ, что вашъ литературный вкусъ долженъ быть и тонокъ, и вѣренъ. Ваше описаніе сосѣдей, зимней поѣздки и т. д.—живо перенесло меня въ родную Русь. Сознайтесь, вы не пококетничали немного съ „непонятнымъ“ пѣвцомъ въ голубомъ галстухѣ? Водочку онъ попиваетъ—это плохо; при такихъ условіяхъ даже кокетничать нельзя“.

Изъ литературныхъ упоминаній характеренъ отзывъ объ А. К. Толстомъ—„литераторъ онъ былъ посредственный, а человѣкъ отличный“; о Соллогубѣ и Щедринѣ—„Соллогубъ тоже здѣсь—ужасно дряхлѣетъ и разваливается. Прочелъ Салтыкову (Щедрину) и мнѣ преплохую свою комедійку, въ которой онъ ругаетъ молодое поколѣніе на чемъ свѣтъ стоитъ. Салтыковъ взбѣсился, обругалъ его, да чуть съ ногъ не свалился отъ волненія: я думалъ, что съ нимъ ударъ сдѣлается... Онъ мнѣ напомнилъ Бѣлинскаго... Тяжелая была сцена!“

Рядомъ съ похвалой роману Зола „Son Excellence Rougon“ встрѣчаемъ такія строки объ „Аннѣ Карениной“: „я еще не читалъ „Анны Карениной“, но вижу съ сожалѣніемъ, куда весь этотъ романъ поворачиваетъ. Какъ ни великъ талантъ Л. Толстого, а не выдраться ему изъ московскаго болота, куда онъ влѣзъ. Православіе, дворянство, славянофильство, сплетни, Арбатъ, Катковъ, Антонина Блудова, невѣжество, самомнѣніе, барскія привычки, офицерство, вражда ко всему чужому, кислыя щи и отсутствіе мыла—хаосъ, однимъ словомъ! И въ этомъ хаосѣ долженъ погибать такой одаренный человѣкъ!! Такъ на Руси всегда бываетъ“.

Письма съ конца 1876 года говорятъ о надвигавшейся войнѣ и „Нови“, печатавшейся въ „Вѣстникѣ Европы“. „Сегодня важный день,—пишетъ онъ 28-го декабря,—сегодня должна рѣшиться въ Константинополѣ наша судьба: война или миръ? Я боюсь, что выйдетъ война—и мы окажемся несостоятельными; а пока турки окончательно раздавятъ Сербію, столь искусно приготовленную для нихъ Черняевымъ.

„Глупѣе Черняева я знаю только одно: манифестацію передъ Казанскимъ соборомъ. Это уже крайній предѣлъ, дальше котораго идти невозможно. Эта чепуха можетъ, до нѣкоторой степени, повредить моему роману—такъ какъ, не смотря на мои просьбы, Стасюлевичъ не помѣстилъ его въ одинъ нумеръ. Но до васъ съ Топоровымъ слухи доходятъ поздно: Стасюлевичъ читалъ мой романъ въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ—у Евгеніи Максимиліановны; если Стасовъ его хвалитъ—значитъ, онъ о немъ понятія не имѣетъ—ибо онъ тамъ выведенъ въ комическомъ свѣтѣ. Ну а Михайловскому самъ Богъ велѣлъ меня мѣшать съ грязью. Все это мнѣ довольно индифферентно—лишь бы деньги заплатили. А тамъ, господа, кушайте на здоровье“.

Холодный пріемъ первой части „Нови“ чрезвычайно огорчилъ Тургенева, и это ярко отразилось въ тонѣ его писемъ. „Вы упали на улицѣ, ушиблись—и съ тѣхъ поръ ничего не пишете?—спрашиваетъ онъ черезъ мѣсяцъ, въ концѣ января 1877 г. Или, можетъ быть, вы отъ того молчите (какъ это дѣлаютъ теперь всѣ мои пріятели), что вамъ неловко говорить со мною о фіаско, претерпленномъ первой частью „Нови“? Вы можете быть спокойны: фактъ этотъ мнѣ совершенно извѣстенъ—и вамъ не для чего о немъ говорить. Не могу сказать, чтобы къ этому факту я отнесся совершенно равнодушно; но вѣдь горю теперь ужъ пособить нельзя; слѣдовательно, надо стараться позабыть его. Нелучшей участи ожидаю я также и для второй части. Смотрю на литературную свою каррьеру какъ на покончeнную. Но вѣдь и безъ литературы жить можно—и есть вещи въ жизни, которыя кусаются (особенно подъ старость) гораздо больнѣе, чѣмъ какое угодно литературное фіаско“.

Нѣсколько строкъ посвящены умиравшему Некрасову, и онѣ относятся къ печальной исторіи разрыва между нимъ и Тургеневымъ. „Я бы самъ охотно написалъ Некрасову: передъ смертью все сглаживается, да и кто изъ насъ правъ—кто виноватъ? „Нѣтъ виноватыхъ", говоритъ Лиръ... да нѣтъ и правыхъ. Но я боюсь произвести на него тяжелое впечатлѣніе: не будетъ ли ему мое письмо казаться какимъ-то предсмертнымъ вѣстникомъ. Я знаю про себя, что, еслибы я находился въ положеніи Некрасова,—получить такое письмо, при *такой* обстановкѣ—было бы равнозначуще для меня съ „Lascia ogni speranza" или „Frère, il faut mourir". Мнѣ кажется, я не имѣю права идти на такой рискъ. Объясните это Топорову. Надѣюсь, вы увѣрены, что никакой другой причины моему молчанію нѣтъ—и быть не можетъ".

Около того же времени Тургеневъ пишетъ своей корреспонденткѣ любопытное письмо, которое является какъ бы заключительнымъ, хотя и меланхолическимъ аккордомъ въ развитіи ихъ взаимной привязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно характеризуетъ и Тургенева со стороны мало изслѣдованной біографически. „...Вы меня называете „скрытнымъ",—пишетъ Тургеневъ,—ну, слушайте же—я буду съ вами такъ откровененъ, что вы, пожалуй, раскаетесь въ вашемъ эпитетѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ встрѣтилъ, я полюбилъ васъ дружески—и въ то же время имѣлъ неотступное желаніе обладать вами; оно было, однако, не настолько необузданно (да ужъ и немолодъ я былъ)—чтобы попросить вашей руки—къ тому же и другія причины препятствовали; а съ другой стороны я зналъ очень хорошо, что вы не согласитесь на то, что̀ французы называютъ une passade... Вотъ вамъ и объясненіе моего поведенія. Вы хотите увѣрить меня, что вы не питали „никакихъ заднихъ мыслей";—увы! я, къ сожалѣнію, слишкомъ былъ въ томъ увѣренъ. Вы пишете, что вашъ *женскій* вѣкъ прошелъ; когда мой *мужской* пройдетъ—и ждать мнѣ весьма недолго—тогда, я не сомнѣваюсь, мы будемъ большіе друзья—потому что ничего насъ тревожить не будетъ. А теперь мнѣ все еще пока становится тепло и нѣсколько жутко при мысли: ну, что̀ еслибы она меня прижала бы къ своему сердцу не по-братски?—и мнѣ хочется спросить, какъ моя Марія Николаевна въ „Вешнихъ Водахъ":—Санинъ, вы умѣете забывать?—Ну, вотъ вамъ и исповѣдь моя. Кажется — достаточно откровенно?"

Мы остановились лишь на нѣкоторыхъ извлеченіяхъ изъ писемъ Тургенева, которыя въ цѣломъ заключаютъ въ себѣ много интереснаго—для деталей біографіи писателя, для его остроумія и стиля, живого, мѣткаго и разнообразнаго.

Менѣе интересны письма Н. С. Лѣскова къ С. А. Юрьеву, къ ко-

торому Лѣсковъ обратился съ предложеніемъ своего сотрудничества для „Бесѣды“. Лѣсковъ предлагалъ ему романъ „Божедомы“, который, по словамъ Лѣскова, нравился въ деталяхъ всѣмъ „и, между прочимъ, Мих. Ник. Каткову“. Дѣлая въ слѣдующемъ письмѣ еще и другія литературныя предложенія, Лѣсковъ выражалъ желаніе испытать себя въ „Бесѣдѣ“ на поприщѣ фельетониста: „въ Москвѣ этимъ (фельетонными писаніями) вовсе пренебрегаютъ и совершенно напрасно,—замѣчаетъ Лѣсковъ.—Припомните фельетонный пошибъ Гейне и Герцена,—какая это прекрасная форма и какая ловкая и удобная; я не хвалюсь, что я могу сдѣлать это такъ же, какъ они, но я много разъ пробовалъ, и, кажется, моя попытка была не безъ удачъ“... Со времени перваго письма, въ началѣ декабря 1870 г., проходитъ около двухъ лѣтъ, и Лѣсковъ пишетъ Юрьеву письмо уже въ другомъ тонѣ. Отношенія уже опредѣлились, но письмо болѣе кажется характернымъ для Юрьева, чѣмъ для Лѣскова. Юрьевъ три года не могъ собраться напечатать переписку статистика Журавскаго съ гр. Перовскимъ, переданную ему Лѣсковымъ. Послѣдній въ рѣшительныхъ выраженіяхъ просилъ Юрьева „какъ-нибудь кончить эту комедію“... Письмо кончается имѣющей особый интересъ по отношенію къ Юрьеву припиской: „прилагаю мою карточку и адресъ, который, можетъ быть, у васъ не записанъ, хотя я много разъ его напоминалъ“...

Не лишена общественно-литературнаго интереса и выписка изъ дѣла канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера о писателяхъ и журналистахъ 1866 г. (по описи 1866 г., № 69). Приведемъ нѣкоторые изъ отзывовъ, которые были несомнѣнными показателями отношенія правительственной власти къ дѣятелямъ современной имъ литературы:

„Данилевскій Григорій. Студентъ петербургскаго университета, и въ царствованіе имп. Николая Павловича былъ ошибкою посаженъ въ крѣпость въ 1848 г. Эта катастрофа имѣла сильное вліяніе на его настоящую жизнь. Данилевскій исключительно посвятилъ себя литературѣ, и своими *Степными очерками* откровенно сознался въ своихъ политическихъ заблужденіяхъ. Однако, послѣднія капитальныя реформы отозвались и на немъ; не принадлежа ни къ какой партіи, онъ заявилъ себя за сохраненіе правъ собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за монархическое правленіе.

„Щербина Н. Ѳ. Одинъ изъ лучшихъ представителей классическихъ писателей. Щербина—поэтъ и, пользуясь большимъ авторитетомъ и уваженіемъ публики и литературнаго кружка, извѣстенъ, какъ человѣкъ глубоко почитающій и преданный Царской Семьѣ. Онъ—врагъ всякой агитаціи, врагъ нѣмцевъ и заклятой, непримиримый преслѣдователь тѣхъ изъ администраторовъ, которые во зло употреб-

ляютъ довѣріе Монарха. Недостатокъ средствъ, жизненныя невзгоды сдѣлали его желчнымъ и въ задушевной бесѣдѣ онъ часто свирѣпствуетъ противъ крамольныхъ шаекъ, а нигилизмъ прямо совѣтуетъ: „сѣчь и сѣчь и сѣчь!“ (Собственныя слова). Теперь онъ членъ Управленія Печати.

„Головачевъ Андр. А. Бывшій секретарь редакціи „Современника“—и образецъ русскаго крайняго либерализма. Ни во что не вѣритъ, ничто не уважаетъ. Однимъ словомъ, его принципъ: ломать и ломать, а кто опять построитъ—не его дѣло. Впрочемъ, къ счастію общества, у него нѣтъ выдержки, политическаго такта, а отъ этого онъ, кажется, и теряетъ между своими. Они считаютъ его за болтуна и не довѣряютъ.

„Степановъ А. М. Редакторъ „Будильника“. Офицеръ прежней службы, человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ и съ характеромъ стойкимъ и чрезвычайно эластичнымъ. Разница между нимъ и г.г. Курочкиными огромная. Степановъ дорожитъ семействомъ, а Курочкинымъ терять нечего. Степановъ, узнавъ о знакомствѣ Ст. Курочкина съ Лавровымъ, грустно замѣтилъ: „Цезарь перешелъ Рубиконъ! Посмотримъ, что будетъ!“ Степановъ состязается и съ женою своею (нигилисткою). Поймать Степанова въ чистотѣ убѣжденій—дѣло не легкое, и говорить про его убѣжденія нелегко, это просто космополитъ и зорко слѣдитъ за общимъ направленіемъ.

„Салтыковъ М. Евг. При раздражительномъ характерѣ обладаетъ и ѣдкимъ словомъ. Держится за анархическое начало, единственно изъ оппозиціи министерству, въ сущности же деспотъ въ высшей степени. Подчиненные его постоянно ненавидѣли, литературные друзья обманывали, а покровительствуемая имъ молодежь не довѣряетъ. Онъ скорѣе опасенъ въ провинціи, чѣмъ въ столицѣ.

„Шульгинъ. Умѣренной партіи и заботящійся о субсидіяхъ. Съ другими редакціями постоянно личность стремящаяся парализировать ихъ направленіе.

„Шелгуновъ. *Красный, крайнихъ тенденцій.*

„Флоринскій. Безцвѣтная личность неустановившихся убѣжденій. Пока крайній либералъ.

„Писаревъ. Выпущенный изъ крѣпости.

„Пыпинъ. Человѣкъ находящійся подъ сильнымъ вліяніемъ „нигилизма“ и партіи агитаторовъ.

„Елисѣевъ, Слѣпцовъ, Лесковъ. Крайніе соціалисты. Сочувствуютъ всему анти-правительственному. Нигилизмъ во всѣхъ формахъ“.

Изъ другихъ документовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ выпускѣ Щукинскаго сборника, отмѣтимъ дневникъ Н. И. Цылова 1863—1864, гдѣ, между прочимъ, приведены стихотворенія Тютчева и кн. Вязем-

скаго, направленныя противъ петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, кн. Суворова за то, что онъ отказался подписать свое имя подъ хвалебнымъ письмомъ М. Н. Муравьеву, и назвалъ его „людоѣдомъ“.

Кн. Вяземскій писалъ:

„Да, князь, поэтъ нашъ правъ, навѣрно вашимъ дѣдомъ
Было бы скрѣплено письмо друзей къ тому,
Котораго вы, князь, честите людоѣдомъ
За то, что онъ казнилъ по долгу своему“.

Въ дальнѣйшихъ строфахъ попадаются такіе перлы истинно-русскаго патріотизма:

„Немного толку въ томъ, кто вмѣстѣ съ крикунами
Готовъ порочить всѣхъ лишь болтовней пустой;
Кричать немудрено, а мудрено дѣлами
Такъ править хорошо, какъ Муравьевъ Литвой!“

Далѣе, читатель остановитъ вниманіе на письмахъ къ братьямъ Мухановымъ (20-ые и 30-ые годы), на письмахъ къ Раевскимъ, на любопытномъ „дѣлѣ о колокольчикѣ“ 1859 г., на придворномъ отчетѣ за 1814 г. и др. Еще разъ приходится пожалѣть, что выпуски такого цѣннаго изданія, какимъ является Щукинскій „Сборникъ“, не сопровождаются ни указателями, ни примѣчаніями руководящаго свойства, что затрудняетъ пользованіе ими для справочныхъ цѣлей.

II.

— Эптонъ Синклеръ. „Чаща“ (The Jungle). Американскій романъ. Книгоиздательство В. К. Шнеуръ. Спб. 1906.
— Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 г. Книга XI. Спб. 1906.

Нельзя пройти молчаніемъ появленіе въ печати отдѣльной книгой романа Синклера, предложеннаго читателямъ нашего журнала (августъ—ноябрь) подъ заглавіемъ „Дебри“, болѣе соотвѣтствующимъ содержанію романа.

Книга Синклера имѣла громадный успѣхъ въ Америкѣ и Западной Европѣ. Она интересна также и для русскаго читателя—не своими художественными достоинствами, но той соціальной своей стороной, которая сдѣлала его въ Америкѣ своего рода обвинительнымъ актомъ противъ одного изъ наиболѣе чудовищныхъ порожденій современнаго капитализма—такъ-называемаго „мясного трёста“; достаточно сказать, что факты, обнародованные въ этомъ романѣ, вызвали обращеніе президента къ конгрессу.

Въ художественномъ отношеніи роману вредитъ прежде всего его

растянутость, что и заставило многихъ издателей выпускать его преимущественно въ сокращенномъ видѣ, сосредоточивая главное вниманіе читателя на общественномъ элементѣ книги. Но романъ такъ современенъ по своему соціальному характеру, что появленіе его на русскомъ языкѣ должно привлечь къ нему вниманіе читателей, въ ихъ напряженномъ интересѣ ко всему, что уясняетъ положеніе рабочаго класса въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ.

Книга Синклера полна ужасными описаніями, и изображенія, которыя даетъ авторъ, отличаются тѣми признаками точности, которые сдѣлали бы честь его творческой изобрѣтательности, еслибы онъ захотѣлъ пренебречь бившими въ глаза конкретными фактами и придать своему воображенію такое своеобразное направленіе.

Труженики на фабрикѣ Дургема должны были дорожить работой, сознавая, что ею они приносятъ вредъ и себѣ, и другимъ! И никакое усердіе не могло ихъ спасти отъ униженія, позора и, въ концѣ концовъ, нищеты. Изрѣдка они утѣшали себя мечтами, что настанетъ время, когда они поднимутся на „пэкеровъ“ и отомстятъ за себя. Но это было плохое утѣшеніе: день мести не приближался къ нимъ, а между тѣмъ они гибли, обездоленные, лишенные родины и всего, что для людей въ ихъ положеніи является дорогимъ и святымъ. И гнетущее впечатлѣніе книги Синклера влечетъ за собой не одну пассивную жалость, но и горячій протестъ, глубокое возмущеніе общественнаго чувства во имя человѣчности и прогресса.

Невольно хочется сопоставить съ фактами, взятыми изъ книги Синклера, впечатлѣнія писателя, которому лучше, чѣмъ кому-либо, знакомы отрицательныя стороны рабскаго труда. Мы говоримъ о „Городѣ „Желтаго Дьявола“ Горькаго, помѣщенномъ въ одиннадцатомъ сборникѣ товарищества „Знаніе“. Въ очеркѣ этомъ авторъ разсказываетъ о томъ, что онъ пережилъ и перечувствовалъ въ Америкѣ, этой странѣ „Желтаго Дьявола“, — золота. Америка всегда рисовалась эмигрантамъ страной труда и свободы, и смыслъ этихъ словъ имѣлъ особое обаяніе для русскихъ людей, устремлявшихся къ ней, какъ къ миражу гражданской независимости и высшихъ проявленій человѣческаго достоинства. Горькій разрушаетъ иллюзію съ другой стороны, чѣмъ Синклеръ. Онъ бросаетъ на Америку взглядъ съ птичьяго полета. Онъ оцѣниваетъ ее со стороны непосредственнаго чувства, онъ отрицаетъ ее съ высоты творческаго индивидуализма. Онъ смотритъ на нее глазами художника - импрессіониста, и окрашиваетъ все господствующими тонами своего личнаго настроенія.

„... Надъ землей и океаномъ висѣлъ сѣрый туманъ, густо смѣшанный съ дымомъ, мелкій дождь лѣниво падалъ на темныя зданія города и мутную воду залива...

„У бортовъ парохода собрались эмигранты. Молча и серьезно они смотрѣли па все пытливыми глазами надеждъ и опасенія, страха и радости.

— Это кто?—тихо спросила дѣвушка-полька, изумленно указывая на статую Свободы.

„Люди долго молчали, какъ бы не рѣшаясь отвѣтить. Потомъ раздались два слова:

— Американскій богъ...“

Этотъ богъ—жестокій несправедливый богъ, какъ тѣ боги, которые, вмѣстѣ съ паденіемъ владычества Монтезумы, скромно размѣстились по музеямъ, а въ былое время требовали страшныхъ человѣческихъ жертвъ и улыбались только страданіямъ и смерти. И современный американскій богъ кажется Горькому олицетвореніемъ того же чудовища съ огромной челюстью и черными зубами. „Онъ дышитъ въ небо тучами дыма и сопитъ, какъ обжора, страдающій ожирѣніемъ“.

„Войдя въ него (въ городъ), чувствуешь, что ты попалъ въ желудокъ изъ камня и желѣза; въ желудокъ, который проглотилъ нѣсколько милліоновъ людей и растираетъ, переваривая ихъ. И жадно ждетъ еще, еще...

„Улица—скользкое, алчное горло, по нему куда-то вглубь плывутъ темные куски пищи города, живые люди. Вездѣ—надъ головою и подъ ногами, и рядомъ съ тобой живетъ, грохочетъ, торжествуя свои побѣды, темное желѣзо. Вызванное къ жизни силой золота, одушевленное имъ, оно окружаетъ человѣка своей крѣпкой паутиной, глушитъ его, сосетъ кровь и мозгъ, оно пожираетъ его мускулы и нервы и растетъ, и растетъ, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая свои цѣпи“...

И Горькому кажется, что люди, которые строили огромный американскій городъ, строили для себя тѣсную и душную тюрьму. Они только не понимаютъ этого и воображаютъ въ своемъ самомнѣніи, что они-то и являются настоящими хозяевами своей судьбы. Порою они имѣютъ видъ людей, носящихъ въ себѣ сознаніе своей независимости, но на самомъ дѣлѣ—это ли независимость?—они являются жалкой и слѣпой игрушкой въ рукахъ злой силы, истощающей всѣ лучшіе соки ихъ мозга и сердца, и спокойствіе ихъ становится спокойствіемъ мертвеца. Свобода внутренняя, свобода духа не свѣтится въ ихъ глазахъ, а безъ нея—независимость превращается въ жалкую пародію. „Я впервые вижу такой чудовищный городъ, — говоритъ Горькій,—и никогда еще люди не казались мнѣ такъ ничтожны, такъ порабощены жизнью. И въ то же время я нигдѣ не встрѣчалъ ихъ такими трагикомически-довольными собой, каковы они въ этомъ жад-

номъ и грязномъ желудкѣ обжоры, который впалъ отъ жадности въ идіотизмъ, и съ дикимъ ревомъ скота пожираетъ мозги и нервы..."

Изображеніе мало утѣшительное, но все же не столь ужасное, какъ то, о чемъ разсказываетъ Синклеръ. Конечно, отчего же не совершить путешествіе по „воздушной дорогѣ" писательскаго воображенія и не представить, однимъ усиліемъ мысли, жизнь милліоновъ человѣческихъ существъ въ видѣ колоссальнаго желудка—обжоры? Съ этой точки зрѣнія можно и весь земной шаръ, со всѣмъ, что есть на немъ живого, сравнить съ лимбургскимъ сыромъ, въ которомъ кишатъ милліоны существъ, порождая и истребляя другъ друга. Одного картиннаго сопоставленія мало для того, чтобы почеркомъ пера потушить тѣ два грандіозныхъ маяка—труда и свободы,—которые такъ настоятельно притягиваютъ вниманіе Стараго Свѣта: и пессимизмъ Горькаго разступается передъ ними, какъ осенняя мгла. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Америкѣ, какъ и въ цѣломъ мірѣ, нѣтъ свободы внутренней, что является дѣломъ чисто индивидуальнымъ, за то есть свобода внѣшняя, по крайней мѣрѣ та степень ея, которой могутъ похвастать далеко не всѣ народы. Если тамъ трудъ дурно организованъ въ однихъ мѣстахъ, то объ его лучшей организаціи заботятся—въ другихъ; если онъ не обезпечиваетъ всѣхъ, то стремится обезпечить многихъ, и наконецъ... несовершенно не только тамъ, гдѣ кипитъ, „точно супъ на плитѣ", лихорадочная жизнь большого американскаго города, но и тамъ, гдѣ много полей, о которыхъ тоскуетъ Горькій, и гдѣ — „блеститъ луна, есть воздухъ и тихій покой"... И странно, въ странѣ равнинъ и полей, Горькій поэтизировалъ борьбу, праву сильнаго отдавалъ перевѣсъ надъ всѣми другими правами, въ безпріютной нищетѣ босяческаго прозябанія видѣлъ символы и даже идеалы свободы; здѣсь же, въ центрѣ самой кипучей борьбы, въ мірѣ сбывающихся и гибнущихъ иллюзій, гдѣ одинаковое право на добычу получаетъ и человѣческій геній, и зубы хищнаго звѣря—Горькій какъ бы отрекается отъ себя и въ художнической растерянности, вмѣсто свойственныхъ ему сильныхъ и яркихъ контуровъ, онъ даетъ сплошной фонъ субъективнаго настроенія. Слишкомъ много Горькаго, и слишкомъ мало Америки—таково впечатлѣніе читателя.

Живой человѣкъ у Горькаго здѣсь—съ одной стороны художникъ, а съ другой—непремѣнно разрушитель.

„Живому человѣку, который мыслитъ, который создаетъ въ своемъ мозгу мечты, картины, образы, всегда родитъ желанія, тоскуетъ, хочетъ, отрицаетъ, ждетъ—живому человѣку этотъ дикій вой, визгъ, ревъ, эта дрожь камня стѣнъ, трусливый дребезгъ стеколъ въ окнахъ—все это ему мѣшало бы. И, возмущенный помѣхой жизни, онъ вышелъ бы изъ дома и сломалъ, разрушилъ эту мерзость—„воздушную

дорогу", онъ заставилъ бы замолчать нахальный вой желѣза: онъ — хозяинъ жизни, жизнь—для него, и все, что̀ ему мѣшаетъ жить—должно быть уничтожено...

„Люди въ домахъ города Желтаго Дьявола—спокойно переносятъ все, что̀ убиваетъ въ нихъ человѣка и дѣлаетъ изъ нихъ скотовъ".

Нѣтъ, разрушать „воздушную дорогу", какъ и все, что̀ создано геніемъ человѣческимъ, трудомъ и муками, настоящій живой и мыслящій человѣкъ не станетъ. Это было бы безсмысленное разрушеніе, и оно не уничтожило бы зла. Зло не въ томъ, что̀ уже добыто какою бы то ни было цѣною,—и человѣчество этого никогда не отдастъ обратно разрушительнымъ стихіямъ,—зло въ тѣхъ условіяхъ, которыя обезпечиваютъ существованіе и развитіе инстинктовъ порабощенія и наживы. Въ борьбѣ съ ними дѣйствительна только одна сила—сила живительной и проникнутой любовью мысли. Она одна, медленно, но неотступно измѣняетъ среду, въ которой дѣйствуютъ завѣщанные зоологическимъ прошлымъ человѣчества соціальные навыки, она одна, отбрасывая старыя ткани, освѣжаетъ стволъ жизни новыми соками и, какъ весна, одѣваетъ иззябшія деревья новой листвой, вызываетъ новые побѣги...

И революція не есть разрушеніе par excellence, но только замѣна, въ которой разрушительный элементъ занимаетъ подчиненное положеніе. Но въ литературѣ нашей ко всему разрушительному большой порывъ, мы сказали бы даже—мода, еслибы за этимъ не скрывалось страстной и чисто русской тоски о лучшей жизни. Эта тоска звучитъ теперь въ каждомъ словѣ, написанномъ человѣкомъ съ темпераментомъ и талантомъ. Чувствуется она и у Горькаго, какія бы Америки ни открывалъ онъ и какія бы воздушныя дороги ни собирался разрушать. И протестъ его—чисто русскій протестъ противъ всего, что̀ превращаетъ живую, свободную, смѣлую жизнь въ стоячее болото съ плѣсенью и тиной, и въ этомъ протестѣ столько измученнаго, наболѣвшаго, тревожно-близкаго каждой русской душѣ, что глубина этого чувства положительно захватываетъ, втягиваетъ и топитъ въ себѣ всѣ отдѣльно взятыя мысли и мнѣнія автора.

Это же чувство жгучей тоски и протеста осмысливаетъ и послѣднюю пьесу Л. Андреева, помѣщенную въ томъ же сборникѣ „Знанія",—„Савва". Сдѣлать это чувство общечеловѣческимъ, оторвавъ его отъ русской почвы,—значило бы уничтожить всю пьесу. Написать ее нѣсколько лѣтъ раньше—было бы невозможно, читать ее черезъ нѣсколько лѣтъ—будетъ, вѣроятно, весьма утомительно. Она проникнута настроеніемъ нашихъ дней, полна отчаяніемъ и болью. Только бы разрушить, только бы уничтожить, во имя чего-то лучшаго, новаго, иного, чѣмъ то, что̀ было вчера, что̀ есть сегодня, только бы разомъ

смести съ земли все, что̀ мѣшаетъ явиться на ней „новому человѣку“, а тамъ... будь, что̀ будетъ. Жизнь слишкомъ коротка, и тратить ее на диспуты „съ баранами“ не стоитъ... „Огнемъ ихъ надо! Огнемъ! Пусть надолго запомнятъ день, когда пришелъ на землю Савва Тропининъ“... „Чего хочу?—Освободить землю. Освободить мысль! Освободить человѣка и уничтожить всю эту двуногую, болтающую тварь! Онъ, теперешній, умный, онъ уже готовъ для свободы, но прошлое ѣстъ его душу, какъ короста, замыкаетъ его жизнь въ желѣзный кругъ совершившагося, фактовъ. Факты я хочу уничтожить, факты! Сломать тюрьму, въ которую запрятаны идеи, и дать имъ крылья, и открыть имъ новый, великій невѣдомый просторъ. Въ огнѣ и громѣ перейти хочу я міровую грань!“

Это чувство нестерпимой боли и безумной тоски. Приступать къ нему съ логическимъ анализомъ безполезно: здѣсь и ненависть къ прошлому, и „онъ *уже*“ (т.-е. сталъ въ прошломъ) готовъ для свободы“; онъ, „теперешній“,—умный, а они, еще вчерашніе,—бараны, и потому огнемъ—и ихъ, и прошлое, и факты! Но „ихъ“ пока еще и огонь не беретъ,—отсюда отчаяніе, и скорбь, и любовь, и ненависть—до неистовства, до безумія. И сколько же ужасовъ, и страданій, и вражды должно быть разлито на той несчастной землѣ, которая дѣлаетъ заразительнымъ и понятнымъ это въ существѣ своемъ дикое чувство мести и разрушенія!

Но того зла, которымъ отравлена жизнь, не можетъ вытравить даже огонь, и не ясно ли, что для борьбы съ нимъ нужны другія, менѣе разрушительныя, но болѣе дѣйствительныя средства...—Евг. Л.

III.

— Матеріалы для исторіи нравственной и экономической культуры XIX вѣка.—Изслѣдованіе Ю. Г. Жуковскаго.—Деньги и Банки. Спб. 1906 г. Ц. 2 р.—Населеніе и земледѣліе. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Старшему поколѣнію русскихъ читателей хорошо извѣстно имя автора выше названныхъ сочиненій—виднаго сотрудника „Современника“ 60-хъ годовъ, редактора недолго существовавшаго тогда же журнала „Современное Обозрѣніе“ и автора сочиненія „Политическая литература XIX вѣка“, оставшагося незаконченнымъ. Съ 70-хъ годовъ имя автора исчезаетъ со страницъ печатныхъ литературныхъ произведеній, и черезъ нѣкоторое время появляется на кредитныхъ бумажкахъ, въ качествѣ подписи управляющаго русскимъ государственнымъ банкомъ. Послѣ тридцатилѣтняго слишкомъ перерыва, Ю. Г. Жуковскій возвращается къ литературной дѣятельности и

даже замышляетъ громадный трудъ: исторію нравственной и экономической культуры XIX-го вѣка, идея котораго занимала его еще въ начальный періодъ его литературной дѣятельности. Скоро, однако, авторъ призналъ непосильность для себя этой задачи и ограничился собраніемъ „матеріаловъ для монографій по отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся даннаго предмета". Означенныя монографіи не лишены, впрочемъ, внутренней связи по самому своему предмету и обнимаютъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія его стороны, „отъ общихъ основъ нравственной культуры до отдѣльныхъ сторонъ матеріальной культуры, земледѣлія, промышленности, денежнаго хозяйства и банковъ". Авторъ предупреждаетъ, что направленіе и способъ изложенія, которыхъ онъ будетъ держаться въ своихъ новыхъ произведеніяхъ, остались тѣ же, что были раньше. Трудно допустить, чтобы въ промежутокъ времени чуть не въ полстолѣтіе, раздѣляющій старые и новые труды Ю. Г. Жуковскаго, не было внесено существенныхъ измѣненій въ пониманіе нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ процесса соціальной эволюціи, и намъ представляется немотивированной самоувѣренностью заявленіе автора, что „если его прежніе взгляды и методъ изложенія и не совсѣмъ отвѣчаютъ вкусу читателя, который могла воспитать въ нихъ какъ передовая, такъ и не передовая печать за послѣднюю половину столѣтія, то въ оправданіе свое долженъ сказать, что одна страстность и увлеченіе политическими сказками еще не воспитываютъ серьезныхъ и взрослыхъ гражданъ. „Какъ бы ни баловался ребенокъ, но наступаетъ моментъ для всякаго, когда отъ занимающихъ воображеніе повѣствованій и веселящихъ шутокъ его сажаютъ за скучный букварь, съ котораго только начинается для него періодъ грамотности". Мы опасаемся, что пренебрежительное отношеніе г. Жуковскаго къ огромной русской экономической литературѣ цѣлаго полустолѣтія было результатомъ его малаго знакомства съ нею, и это обстоятельство не можетъ, конечно, не отразиться на достоинствѣ его собственныхъ трудовъ. Такое опасеніе, какъ увидимъ ниже, не напрасно. Еще менѣе умѣстны (особенно для бывшаго сотрудника „Современника"), но уже съ другой точки зрѣнія, шовинистскія выходки по адресу нѣмецкаго народа, съ столь характернымъ для нѣкоторыхъ слоевъ приплетеніемъ къ дѣлу „еврейской расы": видно, долговременное пребываніе въ извѣстной средѣ ни для кого не проходитъ безслѣдно!

По случайнымъ причинамъ авторъ начинаетъ свой трудъ съ монографіи о деньгахъ и банкахъ, мѣсто которой—при систематическомъ изложеніи предмета—далеко впереди. Такъ какъ эта тема, къ тому же, довольно спеціальна, то, лишь упомянувъ о первомъ выпускѣ изданія, мы перейдемъ ко второй книгѣ г. Жуковскаго, посвященной вопросамъ о населеніи и земледѣліи.

Г-нъ Жуковскій, подобно множеству другихъ изслѣдователей, держится мнѣнія, что причина соціальнаго прогресса заключается въ размноженіи населенія, что „всѣми измѣненіями въ образѣ жизни людей, въ развитіи ихъ бытовой культуры, руководила одна величина—высота населенности, отношеніе величины населенія къ территоріи“ (стр. 62). Когда это отношеніе переходитъ опредѣленныя границы, и общество начинаетъ испытывать нужду, тогда ему предстоитъ „или найти въ изобрѣтательности выходъ изъ затруднительнаго положенія, или сбывать избытокъ населенія на сторону“ (стр. 2). Націи, способныя къ прогрессу, обыкновенно примѣняютъ оба средства; онѣ „съ одной стороны, работаютъ надъ обогащеніемъ своей культуры новыми изобрѣтеніями, съ другой — надъ распространеніемъ той же культуры черезъ колонизацію“ (стр. 4). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о насильственныхъ и мирныхъ способахъ послѣдней, мы перейдемъ къ болѣе интересному предмету—о размѣщеніи и самого населенія, и его культуры, какъ результатѣ указанныхъ выше процессовъ прогрессивнаго развитія общества. Авторъ полагаетъ, что общимъ закономъ этого размѣщенія служитъ законъ Тюнена, выведенный для уединеннаго государства. Тюненъ „доказалъ ариѳметическимъ расчетомъ“, что въ такомъ государствѣ, при наличности центральнаго пункта, служащаго рынкомъ, „населеніе будетъ селиться концентрическими районами, населенность которыхъ будетъ убывать по мѣрѣ удаленія ихъ отъ центра. Но онъ не указалъ, что то, что онъ вывелъ для уединеннаго государства, составляло уже тогда общій законъ распредѣленія населенія въ системѣ государствъ, какую представляетъ Европа“ (стр. 31). Этому же закону слѣдуетъ и размѣщеніе матеріальной культуры, въ томъ числѣ и главнаго промысла человѣчества—производства пищи или, точнѣе, сельскаго хозяйства. Въ ближайшихъ къ центру районахъ развиваются болѣе интенсивныя, а въ отдаленныхъ—болѣе экстенсивныя системы послѣдняго. Тотъ же законъ Тюнена—переходъ отъ экстенсивныхъ къ интенсивнымъ системамъ хозяйства—примѣняется и къ историческому развитію прогрессирующихъ обществъ. Выяснивъ это на примѣрѣ Англіи, авторъ переходитъ „къ разсмотрѣнію того положенія, въ какое приведено было земледѣліе въ XIX-мъ столѣтіи какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ“ (стр. 88). Послѣдуемъ въ этомъ за авторомъ, замѣтивъ предварительно, что важный вопросъ о распредѣленіи населенія между городомъ и деревней авторъ, нужно полагать, разсмотритъ въ монографіи о промышленности.

Авторъ видитъ лишь одну главную задачу сельскаго хозяйства—производство растительныхъ пищевыхъ продуктовъ—и игнорируетъ фактъ перемѣщенія центра тяжести европейскаго земледѣлія съ культуры зерна на животноводство. Съ точки зрѣнія добыванія хлѣба онъ

оцѣниваетъ и положеніе сельскаго хозяйства въ различныхъ государствахъ. Наблюдая фактъ недостатка внутренняго производства хлѣба для пропитанія населенія главнѣйшихъ европейскихъ странъ, онъ видитъ въ этомъ послѣдствіе низкаго состоянія земледѣлія, причина котораго заключается въ паденіи цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе появленія на европейскихъ рынкахъ зерна, выбрасываемаго заатлантическими странами. Низкая цѣна зерна „задерживаетъ развитіе земледѣлія и удерживаетъ старыя формы хозяйства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ не успѣли переродиться. Удешевленный хлѣбъ можетъ сократить до минимума земледѣліе на Западѣ Европы“ (стр. 102). „Каждый разъ, съ пониженіемъ цѣны хлѣба, мѣстное земледѣліе должно считаться съ ними и поступаться высшими системами, упраздняя ихъ въ пользу низшихъ“. „Не усложнять мѣстное земледѣліе, а удешевлять его—такова задача, которую поставилъ на очередь конецъ XIX вѣка и съ которой, такъ или иначе, придется бороться двадцатому“ (стр. 103). Дѣйствительность, однако, не слѣдуетъ рецепту автора. Только Англія сокращаетъ посѣвы и обращаетъ поля въ пастбища. Германія же „ничего не сдѣлала для того, чтобы подготовить себя къ предстоящему кризису“. Всѣ ея усилія „направлены въ одну точку, къ развитію интенсивной обработки — туда именно, куда не должны были допустить ее цѣны“ (стр. 111). „Вмѣсто сокращенія посѣвовъ, Германія ихъ еще увеличиваетъ. Это автору представляется „совершенно непонятнымъ, и единственнымъ правильнымъ дѣйствіемъ было бы послѣдовать примѣру Англіи, т.-е. уступка силѣ вещей, перестройка аграрныхъ отношеній и, конечно, сокращеніе запашекъ, а не ихъ увеличеніе“ (стр. 117). Какъ видитъ читатель, авторъ совершенно пренебрегаетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что еще болѣе, чѣмъ культуру пищевыхъ хлѣбовъ, Германія расширяетъ область животноводства, и что къ преимущественному развитію скотоводства стремятся всѣ густо населенныя страны Европы, какъ потому, что цѣны соотвѣтствующихъ продуктовъ отличаются устойчивостью, такъ и по той причинѣ, что уходъ за скотомъ дозволяетъ производительное примѣненіе труда земледѣльца въ теченіе цѣлаго года, между тѣмъ какъ добываніе хлѣба даетъ занятіе земледѣльцу лишь въ теченіе лѣтняго полугодія. Авторъ стоитъ, слѣдовательно, еще на точкѣ зрѣнія того момента въ развитіи сельскаго хозяйства, когда скотъ игралъ роль, главнымъ образомъ, образователя удобренія. Еслибы земледѣлецъ могъ лучше сохранять и утилизировать удобрительныя средства,—прямо заявляетъ онъ на стр. 125-ой своего труда,—то „теряющаяся нынѣ часть удобренія возвращалась бы снова на поля, слѣдовательно количество производимаго въ хозяйствѣ навоза могло уменьшиться, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и количество скота и кормовыхъ полей, на счетъ которыхъ могло бы увеличиться пространство посѣвовъ".

Пребывая на той точкѣ зрѣнія, что задача сельскаго хозяйства заключается въ производствѣ хлѣба, и видя еще большія площади нетронутыхъ земель, которымъ предстоитъ въ свою очередь засыпать Европу дешевымъ зерномъ, Ю. Г. Жуковскій высказываетъ заключеніе, что наличность кризиса сельскаго хозяйства „или, по крайней мѣрѣ, его начало несомнѣнно, если только общая продолжительная война не отдалитъ его наступленіе" (стр. 116). Правда, сельское хозяйство Европы можетъ выйти изъ затруднительнаго положенія, удешевивъ производство хлѣба, и авторъ дѣлаетъ экскурсію въ область агрономіи съ цѣлью узнать, „какія есть для этого средства въ распоряженіи земледѣлія". (стр. 118). Экскурсія эта, однако, не привела ни къ чему опредѣленному, и правильному освѣщенію авторомъ этого вопроса мѣшаетъ, по нашему мнѣнію, неясное представленіе его о томъ положеніи сельско-хозяйственной экономіи, согласно которому „чѣмъ интенсивнѣе система, тѣмъ дороже обходится въ ней производство единицы хлѣба при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ" (стр. 130). Авторъ допускаетъ здѣсь „лишь временныя отступленія, временные подъемы производительности до извѣстнаго предѣла, за которымъ должно наступить окончательное паденіе" (стр. 131). Нѣсколько позже авторъ произноситъ, впрочемъ, болѣе благопріятное сужденіе о судьбѣ европейскаго сельскаго хозяйства, полагая, что „оно можетъ увидѣть еще болѣе веселые дни, и недостатокъ предложеній, если два такіе поставщика, какъ Россія и Соединенные Штаты, сократятъ свой ввозъ" (стр. 142). Въ заключеніе авторъ рекомендуетъ реорганизацію современнаго землепользованія въ направленіи образованія хозяйственныхъ участковъ средняго размѣра, какъ допускающихъ болѣе производительное употребленіе средствъ производства.

Ту же самую мысль объ угнетеніи сельскаго хозяйства дешевымъ заатлантическимъ хлѣбомъ Ю. Г. Жуковскій примѣняетъ и къ объясненію упадка помѣщичьяго хозяйства въ центральной и восточной полосахъ Россіи, наиболѣе удаленныхъ отъ внѣшнихъ рынковъ и имѣющихъ поэтому наиболѣе низкія цѣны зерна. „Наше владѣльческое хозяйство подмыла та же волна заокеанскаго хлѣба, которая стала угнетать и западныя" (стр. 171). Говорятъ о возвышеніи интенсивности земледѣлія, какъ средствѣ бороться съ низкими цѣнами хлѣба. Но „улучшеніе культуры и кредитъ—хорошія вещи только въ томъ случаѣ, если улучшеніе культуры оправдывается цѣнами продукта. Но если цѣны на хлѣбъ недостаточны, то заведеніе паровыхъ плуговъ, производство дренажа и введеніе высшихъ системъ полеводства можетъ только окончательно разорить хозяевъ" (стр. 171). Въ даль

нѣйшемъ, однако, оказывается, что, „при нашемъ положеніи вещей, даже нельзя говорить съ полною увѣренностью о безусловной невыгодности хозяйства при настоящихъ цѣнахъ“ (стр. 186), и новые хозяева, не считающіе низкую заработную плату и, слѣдовательно, плохую работу батрака—выгоднымъ для себя обстоятельствомъ, могутъ вывести Россію на болѣе удобный путь. „Естественный выходъ для нашего земледѣлія изъ его затруднительнаго положенія, повидимому, и можетъ заключаться въ образованіи новаго разряда хозяевъ-арендаторовъ и въ преобразованіи помѣстныхъ владѣльческихъ хозяйствъ въ арендныя хозяйства средняго размѣра“ (стр. 187). Что касается русскаго крестьянскаго хозяйства, то нужно „прежде всего освободить крестьянское земледѣліе отъ лишнихъ угнетающихъ его рукъ“ (стр. 190). „Нужно, чтобы, по крайней мѣрѣ, населеніе сѣверной полосы вышло изъ положенія земледѣльцевъ и стало промышленнымъ“ (стр. 192). А для этого крестьянское населеніе должно предъявлять большой спросъ на продукты промышленности и съумѣть прокормить обширный промышленный классъ. „Очевидно, что этого можно достигнуть только улучшая культуру“ (стр. 195). Опытъ западной Европы показываетъ, что „улучшеніе культуры сопровождалось приведеніемъ хозяйственной единицы къ среднему размѣру, какъ наиболѣе производительному. Если же устройство земледѣлія требуетъ высшихъ способовъ культуры, а послѣдніе—и соотвѣтствующей по размѣру хозяйственной единицы, то нечего медлить и съ соотвѣтствующими мѣрами“ (стр. 196). Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса заключается во введеніи того самаго интенсивнаго хозяйства, раціональность котораго многократно подвергалась сомнѣнію на протяженіи всего труда почтеннаго писателя.

Читатель видитъ, что взгляды Ю. Г. Жуковскаго на эволюцію сельскаго хозяйства не приведены, такъ сказать, къ одному знаменателю, и одна изъ причинъ сказаннаго заключается въ слабомъ знакомствѣ автора съ современной не только русской, какъ мы предполагали въ началѣ, но и съ иностранной экономической литературой. Это незнакомство помѣшало ему, какъ мы видѣли, оцѣнить значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ животноводства; оно же мѣшаетъ ему справиться съ закономъ убывающаго плодородія земли, безъ яснаго пониманія котораго невозможна и оцѣнка современнаго состоянія и будущей судьбы сельскаго хозяйства. Неполное знакомство съ литературой служитъ причиною также устарѣлости многихъ статистическихъ данныхъ автора и неправильнаго ихъ пониманія. Наглядным выраженіемъ малаго знакомства Ю. Г. Жуковскаго съ литературой „послѣдняго полустолѣтія“ косвенно служитъ, напр., тотъ фактъ, что въ К. Марксѣ онъ усмотрѣлъ лишь „нѣмецкаго эмигранта изъ евреевъ“,

а не замѣчательнаго ученаго и мыслителя; и прямо—его заявленіе, что всѣ извѣстные ему „реформаторы“ нашего крестьянскаго быта смотрятъ на аграрный вопросъ лишь какъ на вопросъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, и не помышляютъ о поднятіи культуры крестьянскихъ полей. Быть можетъ, ограниченность литературнаго матеріала, находящагося въ распоряженіи автора, служитъ причиною отсутствія въ книгахъ г. Жуковскаго точныхъ ссылокъ на источники, вмѣсто которыхъ фигурируютъ имена авторовъ соотвѣтствующихъ трудовъ, а иногда и указанія вродѣ—„извѣстная книга московскаго общества сельскаго хозяйства“. Надѣемся, что въ дальнѣйшихъ трудахъ почтеннаго автора эти недостатки, по возможности, будутъ упразднены.

IV.

— Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.

Историческія явленія раньше всего стали изучаться съ политической и культурной стороны. Экономическая же жизнь народа, равно какъ и финансовое состояніе государства прошлыхъ временъ, обратили на себя вниманіе изслѣдователей позже. Соотвѣтственно сказанному и исторія государственнаго хозяйства Россіи разработана еще далеко не достаточно. До послѣднихъ временъ трудно даже было указать на спеціальное, сколько-нибудь обширное изслѣдованіе этого предмета, и лишь капитальными трудами гг. Лаппо-Данилевскаго о прямомъ обложеніи въ семнадцатомъ вѣкѣ, и П. Н. Милюкова о государственномъ хозяйствѣ въ началѣ восемнадцатаго вѣка, вышедшихъ въ свѣтъ въ началѣ истекшаго десятилѣтія, открывается періодъ обстоятельныхъ спеціальныхъ изслѣдованій даннаго вопроса. Третье спеціальное изслѣдованіе въ области исторіи русскихъ финансовъ, посвященное финансамъ въ царствованіе Екатерины II, только-что вышло въ свѣтъ и указано въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Называя новый трудъ г. Чечулина—вслѣдъ за сочиненіями гг. Лаппо-Данилевскаго и Милюкова, мы не думаемъ сравнивать эти работы по ихъ значенію. Работа г. Чечулина уже тѣмъ отличается отъ сочиненій вышеназванныхъ ученыхъ, что она основана главнымъ образомъ на печатныхъ матеріалахъ и не можетъ, поэтому, обогатить науку новыми данными крупнаго значенія, и тѣ факты, которые устанавливаются въ этой работѣ, самъ авторъ считаетъ новыми „не въ смыслѣ какихъ-либо открытій, а въ смыслѣ точности и опредѣленности“. Задачей автора было, кромѣ того, не всестороннее и по возможности законченное изслѣдованіе финансовъ Россіи въ царствованіе Екатерины II,—онъ предпринялъ

лишь подготовительную работу къ такому изслѣдованію, „точнѣе даже—часть ея“, предполагая продолжать изученіе данной эпохи и, быть можетъ, выяснить ее вполнѣ, связавъ финансовую политику государства съ экономическою дѣятельностью народа.

Въ „Очеркахъ по исторіи финансовъ“ Н. Д. Чечулинъ разсматриваетъ исторію высшаго управленія финансами Россіи отъ начала восемнадцатаго вѣка до учрежденія министерствъ, иллюстрируя свои заключенія, основанныя на юридическихъ актахъ, нѣкоторыми интересными фактами, извлеченными изъ архивныхъ документовъ, и изслѣдуетъ положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ въ царствованіе Екатерины. Три четверти книги посвящены этому второму вопросу. Авторъ разсматриваетъ возникновеніе различныхъ сборовъ, ихъ измѣненіе во времени, порядокъ ихъ собиранія и суммы, доставляемыя ими государству. Менѣе подробно разсматриваются расходы государства. Но въ той и другой части главное вниманіе авторъ обращаетъ на установленіе болѣе или менѣе точныхъ цифръ доходовъ и расходовъ за каждый годъ царствованія, съ подраздѣленіемъ тѣхъ и другихъ по крупнымъ статьямъ. Современному читателю покажется странной такая забота объ установленіи суммы ежегодныхъ доходовъ государства, потому что онъ самъ получаетъ теперь эти цифры безъ всякаго труда въ отчетахъ государственнаго контроля. Но въ томъ прошломъ, которое составляетъ предметъ изслѣдованія г. Чечулина, не существовало ни публикаціи государственныхъ доходовъ и расходовъ, ни правильнаго ихъ сведенія въ росписи и исполненія смѣтъ, и точныя данныя о доходахъ и расходахъ врядъ ли были тогда извѣстны самому правительству.

Дѣло въ томъ, что въ прежнія времена не существовало ни министерства финансовъ, вѣдающаго всѣ доходы и расходы, ни контрольнаго вѣдомства, слѣдящаго за выполненіемъ тѣхъ и другихъ. Были лишь зачатки такихъ учрежденій, дѣйствовавшіе крайне несовершенно. Въ прежнее время государственные доходы не сосредоточивались въ опредѣленныхъ учрежденіяхъ съ тѣмъ, чтобы распредѣляться потомъ по различнымъ статьямъ государственныхъ расходовъ. Въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка у насъ сохранялась такъ называемая спеціализація доходовъ, т.-е. отнесеніе даннаго расхода на опредѣленную доходную статью. Такъ, сухопутная армія содержалась на доходы отъ подушной подати, флотъ—на таможенные и питейные сборы, и т. д. Соотвѣтственно этому, сборъ разнаго рода доходовъ и завѣдываніе ими находились во многихъ рукахъ. „Въ теченіе всего 18-го столѣтія финансы въ Россіи вѣдались одновременно нѣсколькими, совершенно самостоятельными учрежденіями“. Но, кромѣ этихъ главныхъ учрежденій, „въ меньшемъ размѣрѣ самостоятельно соби-

рали и самостоятельно расходовали казенныя деньги едва-ли не всѣ правительственныя мѣста, и полнаго, точнаго отчета о всемъ движеніи государственныхъ суммъ не собиралось ни въ какомъ учрежденіи". Яркой иллюстраціей состоянія государственной отчетности о финансахъ служатъ часто цитируемыя слова Екатерины о первыхъ годахъ ея управленія государствомъ. „По восшествіи моемъ на престолъ сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходовъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали 16 милл. рублей. По прошествіи двухъ лѣтъ, я посадила кн. Вяземскаго и Мельгунова считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписывались разъ по семи съ каждымъ воеводою. Наконецъ, сочли 28 милл.—12 милл. болѣе, нежели сенатъ вѣдалъ". Г. Чечулинъ находитъ, что разнорѣчіе двухъ счетовъ Екатериной преувеличено; „но въ общемъ замѣчаніе императрицы о томъ, что финансовое положеніе было запутано—справедливо; справедливо и указаніе, что приходилось еще только собирать свѣдѣнія о государственныхъ финансахъ, что свѣдѣній этихъ еще не было" (стр. 62).

Въ виду такого состоянія управленія государственнымъ хозяйствомъ Россіи, становятся понятны затрудненія при опредѣленіи суммы государственныхъ доходовъ и расходовъ великой страны, понятна и необходимость производства спеціальнаго изслѣдованія для установленія болѣе или менѣе точной суммы этихъ доходовъ и расходовъ за продолжительный періодъ времени. Нашему автору, напр., такъ и не удалось добыть свѣдѣній о расходахъ за семь лѣтъ царствованія Екатерины. Результаты же изслѣдованія г. Чечулина по данному вопросу представляются въ слѣдующемъ видѣ. Весь бюджетъ въ первый годъ царствованія Екатерины II превышалъ 17 милліоновъ рублей, въ послѣдній годъ онъ достигъ 74 милліоновъ руб.; за 34 года онъ увеличился, слѣдовательно, въ 4,3 раза. Населеніе Россіи увеличилось за это время менѣе чѣмъ вдвое; выходитъ поэтому, „что на пространствѣ 30 лѣтъ съ каждаго плательщика стали взимать въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ платилъ онъ ранѣе. При Петрѣ Великомъ, съ 1701 по 1724 г., бюджетъ возросъ немногимъ менѣе, чѣмъ втрое, а въ теченіе 40 лѣтъ періода 1724—1764 гг.—немногимъ болѣе, чѣмъ вдвое. Принимая во вниманіе приростъ населенія и въ эти періоды, мы видимъ, что лишь податное обремененіе при Петрѣ I можетъ быть сравниваемо съ обремененіемъ его при Екатеринѣ, но и то первое не было выше послѣдняго. Что же касается 1725—1762 гг., а особенно царствованія Елизаветы Петровны, — въ это время правительство требовало отъ подданныхъ несравненно менѣе денежныхъ средствъ" (стр. 379). Кромѣ непосредственнаго обремененія народа, царствованіе Екатерины оставило ему наслѣдіе и для будущихъ жертвъ; въ это царствованіе положено основаніе государственному долгу Россіи.

За время управленія Екатерины государство, въ видѣ обыкновенныхъ доходовъ, получило всего около 1,4 милліарда рублей; израсходовало же оно 1,6 милліарда руб., т.-е. на 200 милліоновъ рублей больше. Этотъ излишекъ расходовъ былъ покрытъ выпускомъ ассигнацій на сумму 157 милл. руб., внѣшними займами на сумму 33 милл. рублей. Кромѣ того, осталось неуплаченныхъ казною долговъ на 15 милл. рублей. Обращеніе бумажныхъ денегъ, на ряду съ серебряною и мѣдною монетою, было, конечно, большимъ облегченіемъ для торговыхъ и другихъ оборотовъ. Но что указанная выше сумма выпущенныхъ ассигнацій опредѣлилась не потребностями денежнаго обращенія, а фискальными соображеніями—это краснорѣчиво доказывается тѣмъ фактомъ, что къ концу царствованія Екатерины курсъ ассигнацій упалъ почти на одну треть. Таковы финансовые итоги блестящаго царствованія. Обращаясь еще разъ къ книгѣ г. Чечулина, мы должны замѣтить, что, несмотря на сухость содержанія, она написана легко и читается съ большимъ интересомъ. — В. В.

Въ ноябрѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Ив.—Деревенскіе разсказы. Спб. 907. Ц. 7 к.

Александровскій, А. Н.—Дома и заграницей. Разсказы. Спб. 906. Ц. 50 к.

Алексѣевъ, В. П.—Начало и конецъ самодержавія въ Россіи. М. 906. Ц. 15 к.

Амонъ, А. — Соціализмъ и анархизмъ. Соціологическіе этюды. Съ франц. М. 906. Ц. 50 к.

Атлантикусъ. — Государство будущаго. Производство и потребленіе въ соціальномъ государствѣ. Съ предисловіемъ К. Каутскаго. Съ нѣм. А. Гродзинскій. Спб. 906. Ц. 40 к.

Бахъ, Макс. — Австрія въ первую половину XIX-го вѣка. Съ нѣм. Спб. 906. Ц. 2 р.

Берлстрёмъ, Яльмаръ, — Люнгорнъ и К°., ком. въ 4-хъ д. Съ датскаго. А. и П. Ганзенъ. М. 906. Ц. 40 к.

Бухъ-Полтевъ. Н. — Закономѣрность развитія и будущность человѣчества. Механико-экономическая параллель. Харьк. 907. Ц. 30 к.

Быковъ, Б. Ѳ. — Что такое государственная власть. Этюдъ по философіи права. Екатериносл. 906. Ц. 50 к.

Варшавскій, С.— Жизнь и труды первой Государственной Думы. М. 907. Ц. 1 р.

Гартманъ, Эд.—Міровоззрѣніе современной физики. Съ нѣм. С. Контовтъ. Астрах. 906. Ц. 1 р.

Гельгамонъ, І. Б. — Краткая теорія корабля. Перев. Е. В. Стельмаховичъ. Съ 30 рис. и 2 табл. Спб. 907. Ц. 70 к.

Герценъ, А. И.—Движеніе общественной мысли въ Россіи, съ прилож. портрета Г. и статьи „О сельской общинѣ въ Россіи“. Съ франц. М. 907. Ц. 50 к.

Герье, В.—Первая русская Государственная Дума. Политическія воззрѣнія и тактика ея членовъ. М. 906.

Геффдингъ, Г.—Современные философы. Спб. 906. Ц. 50 к.

Граве, О. К.—Женскій вопросъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Грагамъ, В.—Соціализмъ новый и старый. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Гундобинъ, Н. П.—Воспитаніе и леченіе ребенка до семилѣтняго возраста. Спб. 907.

Дегановичъ, Анна.—Три. Бытовые разсказы. М. 906. Ц. 40 к.

Джорджъ, Г.—Общественныя задачи. Съ англ. Б. Николаевъ, съ предисл. Л. Толстого. М. 907. Ц. 40 к.

Ибсенъ, Генрихъ.—Полное собраніе сочиненій. Т. VIII: Статьи, рѣчи, письма. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

К., А.—Семья и женщина. Спб. 906. Ц. 10 к.

Карѣевъ, Н.—Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Очеркъ развитія соціальнаго строя и политическихъ учрежденій въ Западной Европѣ. Спб. 906. Ц. 2 р.

Кофодъ, А.—Борьба съ чрезполосицею въ Россіи и заграницею. Спб. 906. Ц. 1 р.

Ковалевскій, Максимъ.—Отъ прямого пародоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій. Т. III. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Котельниковъ, А.—Нужна ли и зачѣмъ нужна статистика? Спб. 903. Ц. 10 к.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—„Революціонное выступленіе" Думы и земельный вопросъ. Изд. 2-ое. Спб. 907.

——— Изъ эпохи освободительнаго движенія. I: До 17 октября 1905 года. Спб. 907. Ц. 1 р.

Леманъ, Анатолій.—Теорія бильярдной игры. 182 рис., съ портретомъ автора. Спб. 906. Ц. 2 р.

Мартинъ, Р.—Будущность Россіи и Японіи. Съ нѣм., п. р. и съ вступит. статьей Т. Локотя. М. 907. Ц. 1 р.

Моррисъ, В.—Вѣсти ниоткуда, или эпоха счастья. Съ англ. Спб. 906. Ц. 50 к.

Мюллеръ, А.—Рабочіе секретаріаты и государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Съ нѣм. А. Розенштейнъ. Спб. 907. Ц. 50 к.

Новоторжскій, Г.—Земельный вопросъ въ Россіи. М. 906. Ц. 10 к.

Пантелѣевъ, С.—Трудовая самопомощь. Кооперативныя общества Бельгіи. Спб. 906.

Перри, Дж.—Вращающійся волчокъ. Съ англ. Од. 906. Ц. 60 к.

Плансонъ, А.—Бывшая и будущая Государственная Дума. Спб. 906.

Половцовъ, В. В.—Основы общей методики естествознанія. М. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Помпеевъ, С. (Эолъ).—Подъ раскатами боя. Сборникъ стихотвореній на военныя и общественныя темы. Посвящается участникамъ русско-японской войны. Спб. 906. Ц. 1 р.

Рабиновичъ, И. М.—Теорія и практика желѣзнодорожнаго права, по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ, за 1898—1906 г. Спб. 907.

Реклю, Элизе.—Эволюція, революція и идеалъ анархизма. Съ франц. М. 906. Ц. 40 к.

Ренанъ, Эрнестъ.—Апостолы. Перев. Е. Святловскаго. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Россолимо, Г. И.—Врачъ и больной. М. 906.

——— Планъ изслѣдованія дѣтской души. М. 906. Ц. 20 к.

Саллючи. А.—Теорія стачки. Съ итал. Спб. 906. Ц. 40 к.

Стернъ, Даніэль.—Исторія революціи 1848 года. Съ франц. пер. К. Кудрина. Т. I. Спб. 907. Ц. 75 к.

——— Темы жизни: № 17. А. Раппопортъ, Жюль Гэдъ, ц. 15 к. № 18.

П. Берлинъ, Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его. Спб. 906. Ц. 15 к № 113. М. Днѣпровъ. Начало и конецъ абсолютизма во Франціи. Спб. 906. Ц. 5 к.

Толстой, гр. Л. Н. — Полное собраніе сочиненій запрещенныхъ русской цензурой. Т. IV. Спб. 906. Ц. 65 к.

Трубицынъ, Н. — Общественная роль женщины въ изображеніи новѣйшей русской литературы. М. 907. Ц. 40 к.

Туганъ-Барановскій, М. — Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. Спб. 906. Ц. 75 к.

Франсъ, Анатоль.—Таисъ. Съ франц. М. 906. Ц. 1 р.

Хлапонинъ, А.—Геологическая карта Амурско-Приморскаго золотоноснаго района. Спб. 906.

Шампьонъ, Эдамъ.—Франція наканунѣ революціи, по наказамъ 1789 года. Съ франц. М. Брагинскій, Спб. 906. Ц. 50 к.

Юзефовичъ, М.—О значеніи личности у насъ и на западѣ, съ присоединеніемъ письма автора къ кн. П. А. Вяземскому, отъ 9 іюня 1857 г. Спб. 906.

Янжулъ, И. И. — Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Спб. 907. Ц. 50 к.

Rubinow, I. M. — Russia's wheat surplus; conditions, under which it is produced. Washington, 906.

Simmel, G.—Schopenhauer und Nietzsche. Ein Vortragscyclus. Leipz. 907.

— Армянская Муза. Сборникъ, изд. п. р. Юр. Веселовскаго и проф. Г. Халостьянца, съ вступительною статьею: „Нѣсколько словъ о новой армянской поэзіи". М. 907. Ц. 1 р.

— Библіотека свободнаго воспитанія: 1) Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель, Эрнеста Кросби. Съ англ. Ц. 40 к. 2) К. Вентцель, Какъ создать свободную школу. Домъ свободнаго ребенка. Ц. 15 к. 3) К. Вентцель, Освобожденіе ребенка. Ц. 10 к. 4) П. Ермиловъ, Дѣтская страда. Ц. 20 к. 5) К. Вентцель. Цѣпи невидимаго рабства. Ц. 5 к. 6) С. Дурылинъ, Въ школьной тюрьмѣ. Исповѣдь ученика. Ц. 15 к. 7) К. Вентцель, Борьба за свободную школу. М. 906. Ц. 85 к. М. 906.

— Библіотека „Сознательной Россіи".—Сборникъ „На современныя темы" № 4. Спб. 906. Ц. 20 к.

— Вопросы колонизаціи. Сборникъ статей, съ картою и діаграммою. Редакція Ѳ. Шпанскаго. Спб. 907. Ц. 2 р.

— Воспоминанія архимандрита Іерона о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Александромъ III съ Августѣйшей Семьей монастыря „Новый Аѳонъ" въ 1888 г. Спб. 906.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи Сибирской желѣзной дороги. Вып. 28. Спб. 906.

— Дешевая Библіотека, изд. С. Скирмонта: I. Серія соціалъ-демократическая: Роландъ-Гольстъ, Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. Ц. 40 к. II. Серія научно-соціальная: № 5. Б. Россель, Очерки изъ исторіи герман. соціалъ-демократ. рабочей партіи. Ц. 25 к. № 6. В. Фриче, Художественная литература и капитализмъ. Ч. I. Ц. 80 к. № 7. Ж. Ж. Руссо, Общественный договоръ, Съ франц. М. 907. Ц. 40 к.

— Живая старина. Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Имп. Русск. Географ. Общества. П. р. В. И. Ламанскаго. Спб. 906.

— Записка о Сибири, Мань-Чжуріи и объ островахъ сѣверной части Тихаго Океана. Спб. 906.

— Изданія книжнаго магазина „Наша жизнь“: 1) Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи, п. р. В. В. Водовозова. Спб. 906. Ц. 10 к. 2) Дѣло В. В. Водовозова въ спб. судебной палатѣ. Ц. 10 к.

— Изданія товарищества „Знаніе“: 1) Ив. Бунинъ, Стихотворенія. Т. III: 1903 — 1906 г. Ц. 1 р. 2) Авг. Бебель. Постоянная армія и народная милиція, перев. съ нѣмец. 3) Л. Крживицкій, Аграрный вопросъ, съ польск. Ц. 70 к. 4) К. Каутскій, Соціализмъ и сельское хозяйство, съ нѣм. Ц. 15 к. 5) Марксъ и Энгельсъ, Манифестъ коммунистической партіи, съ нѣм. Ц. 12 к. 6) К. Каутскій, Американскій и русскій рабочій, съ нѣм. Ц. 15 к. 7) П. Кропоткинъ, Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ, съ англ. Ц. 1 р. 8) Евг. Чириковъ. Разсказы. Т. V. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Императоръ Александръ III въ отношеніяхъ своихъ къ наставнику своей юности, Я. К. Гроту. Спб. 906.

— Книгоиздательство „Новое Товарищество: 1) А. Оларъ, Отъ монархіи къ республикѣ. Ц. 10 к. 2) Н. Огановскій, Крестьянская община и соціализмъ. Ц. 8 к. 3) П. Вихляевъ. Какъ уравнять пользованіе землей. Ц. 6 р. 4) Г. Новоторжскій, Національный вопросъ, автономія и федерація. Ц. 6 к. М. 906. 5) Н. Сибирякъ, Гдѣ лучше? Ц. 10 к. 6) Закъ, С., Крестьянство и соціализація земли. Ц. 15 к. 7) Житловскій, Х., Матеріализмъ и діалектическая логика. М. 906. Ц. 20 к.

— Краткій обзоръ начальнаго образованія въ Херсонской губерніи за 1904 г. Херс. 906.

— Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1904 годъ. Спб. 906.

— Партія мирнаго обновленія. Постановленія группы прогрессистовъ. Программа партіи, выработанная во время засѣданія Государственной Думы, 27-го апрѣля—8 іюля 1906 г. Спб. 906. Ц. 3 к.

— Пятая книжка Педагогической Психологіи. П. р. А. П. Нечаева. Спб. 906. Ц. 70 к.

— Сверчокъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Спб. 906. Ц. 30 к.

— Сказки Кота-Мурлыки съ рисунками Микѣшина, Клодта, Якобія, Васнецова, Зичи, Шишкина, Куинджи. Изд. 7-ое. Спб. 907. Ц. 2 р.

— Столовая книга патріарха Филарета Никитича. — 7132 (1623—24) годъ. Спб. 906.

— Толковая Библія, или Комментарій на всѣ книги Св. Писанія. Т. III. Спб. 906.

— Тысяча-девятьсотъ-шестой годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV: Урожай хлѣбовъ; урожай фруктовъ. Спб. 906.

— Экономическое изслѣдованіе маслодѣлія въ Сибири. Харьк. Ц. 1 р.

— Экономическое ученіе К. Маркса въ изложеніи К. Каутскаго. Экономическое ученіе К. Маркса: Второй томъ „Капитала“ въ изложеніи К. Каутскаго и От. Бауера.—Экономическое ученіе К. Маркса: Третій томъ „Капитала“ въ изложеніи Бернштейна, съ предисловіемъ Энгельса. Съ нѣм. Кіевъ, 906. Ц. 45 к., 35 к., 35 к.

— Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. LII: А. Вирениусъ. Характеристика ребенка. Спб. 906. Первые 50 вып.—9 рублей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1906 г.

Двадцатипятилѣтіе соціальнаго законодательства въ Германіи. — Особенности прусской внутренней политики. — Отсутствіе реакціи при добросовѣстномъ правительствѣ.—Поучительныя сопоставленія.—Рѣчь кн. Бюлова въ имперскомъ сеймѣ.—„Личный режимъ“ и нравственная отвѣтственность министровъ.—Программа министерства Клемансо.—Сербскія дѣла.

Въ Германіи бываютъ иногда юбилейные дни, дающіе матеріалъ для размышленій въ духѣ оффиціальнаго оптимизма: воспоминанія о пройденномъ пути поддерживаютъ чувство бодрости не только въ органахъ правительства, но и въ обществѣ, не вызывая раздраженія и въ рядахъ оппозиціи. Двадцать пять лѣтъ прошло со времени появленія знаменитаго рескрипта императора Вильгельма I, отъ 17-го ноября 1881 года, которымъ положено начало новѣйшему соціальному законодательству въ пользу рабочаго класса, и правительство могло вспомнить объ этомъ актѣ съ спокойной совѣстью, съ сознаніемъ исполненнаго долга, безъ всякаго оттѣнка горечи или обиды для кого бы то ни было. Внукъ перваго императора современной Германіи съ гордостью указываетъ на плодотворную работу, начатую его дѣдомъ и продолжавшуюся систематически въ теченіе многихъ лѣтъ; нынѣшнее германское правительство стоитъ на той же почвѣ и идетъ по тому же пути полезныхъ для народа реформъ, какъ и правительство 1881 года.

„При сочувственномъ участіи союзныхъ правительствъ и разумномъ содѣйствіи имперскаго сейма,—говорится въ рескриптѣ Вильгельма II на имя канцлера, князя Бюлова, отъ 17-го ноября,—удалось осуществить трудное и крайне сложное дѣло обезпеченія рабочихъ путемъ государственнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни и инвалидности, такъ что нуждающіеся въ помощи получаютъ законное право на установленную регулярную поддержку... Великія творческія мысли императорскаго посланія 1881 года достигли этого успѣха не только въ нашемъ отечествѣ, но дѣйствовали далеко за его предѣлами, вызывая повсюду подражаніе; но, къ сожалѣнію, достиженіе конечной цѣли задерживается и замедляется упорнымъ противодѣйствіемъ именно съ той стороны, которая по преимуществу беретъ на себя представительство интересовъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, я

вѣрю въ окончательную побѣду справедливаго признанія важности того, что̀ сдѣлано, и въ возростающее пониманіе предѣловъ хозяйственно-возможнаго во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго общества. Тогда исполнится также надежда императора Вильгельма I, что страхованіе рабочихъ будетъ прочнымъ залогомъ внутренняго мира въ имперіи. Въ этой увѣренности я высказываю свою твердую волю, чтобы законодательство въ области соціально-политическихъ заботъ не останавливалось и чтобы оно по прежнему направлялось къ исполненію благороднѣйшаго христіанскаго долга въ дѣлѣ покровительства слабымъ и нуждающимся. Однако задача не можетъ быть разрѣшена одними законодательными предписаніями и мѣропріятіями. Въ настоящій день я охотно признаю, что въ нѣмецкомъ народѣ никогда не было недостатка въ людяхъ, добровольно и радостно отдававшихъ свои силы на служеніе благу ближняго, и я выражаю свою императорскую признательность всѣмъ, которые безкорыстно и самоотверженно посвящаютъ себя великому соціальному дѣлу нашего времени".

Мотивы соціальнаго законодательства, указанные въ этомъ рескриптѣ, находятся, конечно, въ полномъ противорѣчіи съ основными идеями соціалъ-демократіи и грѣшатъ чрезмѣрной односторонностью даже съ установившейся оффиціальной точки зрѣнія. Бисмаркъ и его сотрудники приступили къ соціальнымъ реформамъ не въ силу христіанской любви къ ближнему, а по сознательному политическому разсчету, въ виду возраставшаго реальнаго значенія организованнаго пролетаріата; сами рабочіе, какъ и защитники ихъ, опираются въ своихъ требованіяхъ на особое право труда, а вовсе не на побужденія благотворительности и христіанскаго долга господствующихъ классовъ. Въ соціальномъ законодательствѣ дѣло идетъ именно о частичномъ признаніи и удовлетвореніи законныхъ правъ рабочихъ, какъ участниковъ промышленнаго производства, и мысль о государственномъ страхованіи не имѣетъ, разумѣется, ничего общаго съ сентиментальною заботливостью объ оказаніи помощи „слабымъ и нуждающимся". Рабочій классъ, располагающій тремя милліонами голосовъ при выборахъ въ имперскій парламентъ, представляетъ собою крупную силу, съ которою правительство должно поневолѣ считаться, и если государственная власть отчасти пошла на встрѣчу трудящимся, чтобы привязать ихъ къ себѣ извѣстною системою законодательныхъ мѣръ, то она сдѣлала это не потому, что они принадлежатъ къ числу „слабыхъ и нуждающихся".

Эти неточности въ содержаніи недавняго рескрипта нисколько не умаляютъ, однако, интереса и поучительности его, какъ документальнаго свидѣтельства о характерѣ внутренней германской политики. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ нѣмецкіе соціалисты были еще рево-

люціонерами; въ 1878 году совершено было покушеніе на жизнь Вильгельма I, послѣ чего принятъ былъ исключительный законъ противъ соціалистовъ. Но, признавая соціалистовъ опасными внутренними врагами, правительство не ограничилось репрессіею, а постаралось вникнуть въ причины распространенія соціалистическихъ идей въ рабочемъ классѣ; оно занялось выработкою обширной программы положительныхъ мѣръ на пользу рабочихъ, съ цѣлью улучшить ихъ положеніе и этимъ уничтожить или ослабить важнѣйшій реальный источникъ смуты. Возвѣстивъ свою реформаторскую программу, правительство тотчасъ же занялось ея осуществленіемъ и стало неуклонно, въ систематическомъ порядкѣ, сооружать отдѣльныя части новаго зданія соціальнаго законодательства — учрежденія по страхованію рабочихъ отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ, инвалидности и старости. Работа велась послѣдовательно и настойчиво, безъ всякихъ колебаній, вопреки возбуждавшимся сомнѣніямъ и общему недовѣрію теоретиковъ соціальнаго вопроса; и замѣчательнѣе всего, что эта предпріимчивость правительства проявлялась въ такое время, когда императору Вильгельму было уже восемьдесятъ-пять лѣтъ и когда не только его личныя заслуги, но и достигнутое внѣшнее положеніе имперіи давали бы ему, повидимому, полное право отдыхать на лаврахъ. Практическіе результаты этой работы могутъ быть выражены въ немногихъ цифрахъ. Въ Германіи существуетъ теперь 23.200 кассъ, съ 11 милліонами членовъ, съ капиталомъ въ 191 милліонъ марокъ, съ 246 милліонами поступленій и 234 милліонами марокъ расходовъ! Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ обнимаетъ 619.500 промышленныхъ и 4.660.000 сельско-хозяйственныхъ предпріятій съ 19 милліонами застрахованныхъ рабочихъ, сверхъ семисотъ или восьмисотъ тысячъ занятыхъ въ казенныхъ промыслахъ! Пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ было около 335.000, которымъ выплачено приблизительно 127 милліоновъ марокъ вознагражденія! Въ страхованіи на случай инвалидности участвуетъ $13^3/_4$ милліоновъ рабочихъ; 803.000 инвалидовъ и 168.000 стариковъ получаютъ $148^1/_2$ милліоновъ марокъ ренты, при общемъ капиталѣ въ 1.160 милліоновъ марокъ! Въ общей суммѣ выплачивается ежегодно больнымъ, пострадавшимъ, инвалидамъ и старикамъ до пятисотъ милліоновъ марокъ; половина этой суммы составляется изъ взносовъ хозяевъ, 205 милліоновъ вносится рабочими, и 45 милліоновъ—имперскимъ казначействомъ.

Независимо отъ этихъ спеціальныхъ формъ обезпеченія рабочихъ издавались различные законы для защиты интересовъ труда отъ недобросовѣстной эксплуатаціи, и направленіе законодательства не измѣнялось при перемѣнахъ въ высшемъ правительственномъ персоналѣ имперіи. Одно царствованіе смѣнялось другимъ, Бисмаркъ удалился

со сцены, и теперь во главѣ правительства стоитъ уже четвертый канцлеръ; самъ Вильгельмъ II проникнутъ аристократическими идеями, чувствуетъ себя солидарнымъ съ прусскимъ землевладѣльческимъ юнкерствомъ и не скрываетъ своихъ симпатій къ придворнымъ аграріямъ,—и тѣмъ не менѣе, рабочее законодательство сохраняло свой прогрессивный характеръ, пріобрѣтенныя права рабочихъ никѣмъ не урѣзывались, и даже враждебная правительству соціалъ-демократія избавлена отъ всякихъ исключительныхъ мѣръ и пользуется полною свободою дѣятельности и пропаганды, въ силу общихъ конституціонныхъ началъ.

Оттого въ Германіи нѣтъ внутренней смуты, нѣтъ „крамолы“, не бываетъ никакихъ покушеній и заговоровъ, и выстрѣлъ Нобилинга въ 1878 году оказался послѣднимъ. Германія не знаетъ реакціи въ томъ особомъ смыслѣ, какой получило это слово у насъ, — ибо тамъ нѣтъ необходимыхъ условій и спутниковъ реакціи—нѣтъ завѣдомо недобросовѣстнаго правительства, нѣтъ господства невѣжественной и своекорыстной придворной клики надъ политическою жизнью страны. Обычныя разсужденія о реакціи, какъ о чемъ-то естественномъ и законномъ послѣ эпохи реформъ, основаны на грубомъ недоразумѣніи или на простой игрѣ словъ. Нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не вызывается и не оправдывается политика, побуждающая дѣлать одинъ шагъ впередъ и два назадъ. Періодически повторяющаяся и затѣмъ дѣлающаяся почти постоянною правительственная реакція есть не что иное, какъ продуктъ дурной системы управленія и недостаточнаго сознанія долга предъ государствомъ со стороны правителей. Реформы шестидесятыхъ годовъ совершались и поддерживались у насъ только до тѣхъ поръ, пока ближайшими и наиболѣе вліятельными совѣтниками монарха были люди добросовѣстные и просвѣщенные; а такъ какъ подобные люди рѣдко достигаютъ прочнаго успѣха и довѣрія при дворѣ, то они вскорѣ должны были уступить мѣсто льстивымъ карьеристамъ, запугавшимъ государя призраками либеральной оппозиціи и революціи. Правительство перестаетъ исполнять свои прямыя обязанности относительно народа и становится даже его врагомъ и угнетателемъ, подъ предлогомъ охраны государственнаго авторитета; защита сословныхъ привилегій и мнимыхъ „исконныхъ устоевъ“ безправія возводится въ постоянно дѣйствующую политическую систему, и такое положеніе дѣлъ продолжалось десятки лѣтъ, съ ничтожными случайными перерывами. Очевидно, это не реакція, а только сознательно-недобросовѣстный безотвѣтственный режимъ, употребляющій государственныя средства и полномочія для корыстныхъ цѣлей отдѣльныхъ лицъ и кружковъ. Намъ приходится вспоминать немногіе свѣтлые моменты прошлаго только для того, чтобы отмѣтить ихъ позд-

нѣйшее затемнѣніе и извращеніе; хорошія, благотворныя реформы передѣлывались и искажались прежде, чѣмъ онѣ могли принести предположенные плоды; торжественныя оффиціальныя обѣщанія забывались или нарушались вслѣдъ за ихъ обнародованіемъ. Нѣтъ у насъ ни одного доброжелательнаго къ народу законодательнаго акта, который дѣйствительно былъ бы приведенъ въ исполненіе, безъ многочисленныхъ изъятій, произвольныхъ толкованій и отступленій; даже такая простая мѣра, какъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, осталась мертвой буквой послѣ того, какъ была возвѣщена манифестомъ. Строго исполняются только законы, направленные противъ народа и общества, — законы, клонящіеся къ безконечному расширенію правъ и функцій администраціи и къ безковтрольному расходованію казенныхъ суммъ. Не только за четверть вѣка, но и за одинъ годъ не бываетъ у насъ послѣдовательности и единства въ проведеніи какой-нибудь общеполезной реформы; торжество всегда принадлежитъ сѣятелямъ зла, ибо нѣтъ ничего легче, какъ возбуждать подозрѣнія и опасенія, которыми создается для многихъ выгодная роль охранителей и спасителей отечества. Всего только одинъ годъ прошелъ, напримѣръ, со времени манифеста 17 октября, и какъ разнообразна и измѣнчива была судьба его на практикѣ! Дѣло именно въ томъ, что господство случайныхъ и перемѣнчивыхъ придворныхъ вліяній составляетъ основную характерную черту нашего высшаго государственнаго управленія, тогда какъ въ Пруссіи дворъ никогда не игралъ такой разрушительной роли и не вмѣшивался прямо въ дѣятельность отвѣтственнаго правительства.

У насъ нерѣдко ссылаются на устарѣлые прусскіе порядки для оправданія нашихъ россійскихъ недочетовъ и погрѣшностей; указываютъ и на то, что въ Пруссіи нѣтъ парламентаризма, что канцлеръ и министры назначаются императоромъ безъ участія палатъ, что они не отвѣтственны предъ народнымъ представительствомъ, и, слѣдовательно, мы также можемъ обойтись безъ парламентаризма. При этомъ упускается изъ виду одно коренное различіе, подрывающее все значеніе этихъ ссылокъ: прусская администрація заслуженно пользуется репутаціей безукоризненной честности, и не только масса населенія, но и оппозиція относится къ ея органамъ съ безусловнымъ довѣріемъ. Пруссія издавна и понынѣ имѣетъ честное, добросовѣстное правительство; традиціи честности и добросовѣстности проникаютъ собою насквозь весь обширный механизмъ прусско-германскаго управленія, и чувство отвѣтственности предъ государствомъ и обществомъ крѣпко живетъ въ каждомъ прусскомъ чиновникѣ, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, включая министровъ и самого канцлера. Эти же качества—добросовѣстность въ исполненіи служебнаго долга,

честное соблюденіе принятыхъ на себя обязательствъ и твердое сознаніе отвѣтственности предъ страною—отличаютъ и династію Гогенцоллерновъ,—и потому въ Пруссіи и Германіи превосходно дѣйствуетъ правительственная система, несомнѣнно устарѣлая и страдающая многими существенными недостатками. Такъ какъ нашему правительству и нашей администраціи совершенно чужды хорошія прусскія качества и традиціи, то для насъ пріобрѣтаютъ особенную важность правила о формальной отвѣтственности министровъ и прочихъ должностныхъ лицъ,—правила, безъ которыхъ отлично обходится Пруссія. При современныхъ нашихъ условіяхъ нельзя даже сказать, что у насъ существуетъ регулярное правительство, солидарное со всѣми своими органами и имѣющее возможность послѣдовательно проводить опредѣленные взгляды; такого правительства у насъ въ сущности никогда почти и не было: мы всегда имѣли лишь такъ называемыя правящія сферы, въ которыхъ соперничали и перекрещивались между собою различныя вліянія отдѣльныхъ вѣдомствъ, сановниковъ и фаворитовъ, и то направленіе или рѣшеніе, которое торжествовало вчера, могло быть опрокинуто сегодня, такъ что политика государства въ важнѣйшихъ вопросахъ внутреннихъ и внѣшнихъ превращалась въ слѣпую игру случайностей. Одни только отрицательныя свойства и наклонности, пагубныя для государства, проявлялись съ упорнымъ постоянствомъ; общественная смута служила и служитъ источникомъ выгодъ для администраціи, и правящій классъ всего менѣе былъ заинтересованъ въ установленіи прочнаго нормальнаго порядка, связаннаго съ господствомъ строгой законности. Эта принципіальная противоположность между прусскими и нашими отечественными правительственными нравами и понятіями дѣлаетъ безполезными всякія конституціонныя сравненія и параллели. Исторія германскаго рескрипта 17 ноября 1881 года, сравнительно съ судьбою нашихъ реформаторскихъ манифестовъ и указовъ, противорѣчащихъ другъ другу и остающихся большею частью безплодными, краснорѣчиво напоминаетъ намъ о насущныхъ общихъ задачахъ въ области нашей государственности...

Въ германскомъ имперскомъ сеймѣ канцлеръ князь Бюловъ произнесъ въ засѣданіи 14-го ноября (нов. ст.) обширную рѣчь о внѣшней политикѣ, въ отвѣтъ на подробно мотивированный запросъ депутата Бассермана, представителя національно-либеральной партіи. Національ-либералы были въ теченіе многихъ лѣтъ вѣрными союзниками правительства и обыкновенно одобряли всякія его начинанія; теперь они стали обнаруживать оппозиціонный духъ и открыто выступили противъ канцлера по поводу неудовлетворительнаго и недостаточно опредѣ-

леннаго международнаго положенія Германіи. Депутатъ Бассерманъ довольно рѣзко говорилъ о шаткости и безпринципности новѣйшей германской дипломатіи, о разстройствѣ установившейся уже дружбы съ Франціею вслѣдствіе излишней придирчивости въ марокканскомъ вопросѣ, о порчѣ отношеній съ Англіей и о предполагаемыхъ закулисныхъ сдѣлкахъ съ русской бюрократіей. Князь Бюловъ представилъ обстоятельныя объясненія по всѣмъ затронутымъ вопросамъ, сообщилъ нѣкоторые любопытные факты и анекдоты изъ прошлаго, выказалъ обычное свое остроуміе и краснорѣчіе и имѣлъ вообще успѣхъ.

„Имперскій сеймъ вмѣстѣ съ союзнымъ совѣтомъ и имперскимъ канцлеромъ, — замѣтилъ Бюловъ, между прочимъ, въ началѣ своей рѣчи, — образуютъ куполъ имперскаго зданія, фундаментъ котораго былъ заложенъ прошлымъ поколѣніемъ, освященный взаимнымъ довѣріемъ, соединяющимъ правительства и народы". Это довѣріе лежитъ въ основѣ отношеній между канцлеромъ и имперскимъ сеймомъ; оно формально необязательно по конституціи, но по существу предполагается само собою, какъ необходимое условіе правильнаго дѣйствія всей государственной машины. Нельзя себѣ представить, чтобы главою прусско-германскаго правительства назначенъ былъ какой-нибудь нѣмецкій Горемыкинъ, способный лишь раздражать общественное мнѣніе своими бюрократическими притязаніями; напротивъ, императоръ ближе всего заинтересованъ въ томъ, чтобы избранный имъ представитель его власти оказался достойнымъ общаго уваженія и пользовался симпатіями среди вліятельныхъ и популярныхъ парламентскихъ группъ. Князь Бюловъ несомнѣнно обладаетъ всѣми качествами для того, чтобы съ успѣхомъ исполнять роль симпатичнаго и благожелательнаго канцлера; парламентъ всегда слушаетъ его съ удовольствіемъ, и рѣчи его сочувственно обсуждаются въ нѣмецкой печати. По натурѣ и убѣжденіямъ, а можетъ быть, и въ силу счастливыхъ условій своей личной карьеры, онъ является искреннимъ оптимистомъ, точно такъ же, какъ и самъ Вильгельмъ II. Съ точки зрѣнія Бюлова все идетъ прекрасно въ международныхъ дѣлахъ Германіи. Французскій патріотизмъ исключаетъ еще мысль о франко-германскомъ сближеніи и союзѣ; онъ поддерживаетъ еще въ умахъ воинственныя надежды и мечты, которыя, однако, на практикѣ не мѣшаютъ сохраненію мира между обѣими націями. Въ молодости, будучи еще совѣтникомъ посольства въ Парижѣ, Бюловъ вынесъ изъ бесѣдъ съ Гамбеттою чувство глубокаго уваженія къ свѣтлымъ источникамъ французскаго патріотизма; онъ ставитъ французовъ очень высоко, но приписываетъ имъ скрытую вражду къ нѣмцамъ. Онъ надѣется только на корректныя мирныя отношенія со стороны Франціи, на развитіе прочныхъ коммерческихъ связей и на отдѣльныя колоніальныя соглашенія; но Германія вовсе

не думаетъ нарушать существующую близость между Франціею и Россіею или безпокоиться по поводу франко-британской дружбы. „Франко-русскій союзъ до сихъ поръ не представлялъ опасности для мира; напротивъ, онъ своимъ вѣсомъ способствуетъ равномѣрному ходу міровой политики. То же самое можно будетъ, по всей вѣроятности, сказать и объ англо-французскомъ союзѣ. Хорошія отношенія между Германіею и Россіею не повредили франко-русскому союзу; дружба между Германіею и Англіею не можетъ находиться въ противорѣчіи съ франко-британскимъ соглашеніемъ, если послѣднее преслѣдуетъ мирныя цѣли. Политика, которая ставила бы себѣ задачей образовать кругъ державъ, чтобы изолировать и парализовать Германію, была бы опасна для европейскаго мира. Такое образованіе кольца вокругъ Германіи было бы невозможно безъ производства извѣстнаго давленія; давленіе же вызываетъ отвѣтное давленіе, а оттуда могутъ произойти взрывы. Поэтому вполнѣ справедливо признается даже французскими газетами, что хорошія отношенія между Германіею и Англіею необходимы для поддержанія европейскаго мира и соотвѣтствуютъ также французскимъ интересамъ". Неоднократно дѣлались попытки поколебать довѣріе къ тройственному союзу и посѣять неудовольствіе между Германіею и Австро-Венгріею и между Италіею и вѣнскимъ кабинетомъ; но союзъ все-таки существуетъ, и онъ имѣетъ уже то преимущество, что предупреждаетъ конфликты между союзниками. Совершенно неосновательно предположеніе, что германское правительство вмѣшивается во внутреннія дѣла монархіи Габсбурговъ и даетъ австрійцамъ совѣты въ ихъ спорахъ съ мадьярами. „Мы не вмѣшиваемся въ чужія дѣла,—заявляетъ по этому поводу Бюловъ,—и императоръ не даетъ совѣта, когда его не просятъ. Такое вмѣшательство было бы безтактно, какъ и всякая навязчивость; это было бы и глупостью, въ родѣ вмѣшательства въ ссору между супругами, причемъ можно только испортить отношенія съ обоими". Канцлеръ настойчиво подтверждаетъ, что союзъ съ Австро-Венгріею имѣетъ вполнѣ реальную силу и что „въ случаѣ надобности Германія покажетъ ей свою вѣрность, въ согласіи съ имперскимъ сеймомъ и съ цѣлою націею". Что касается Россіи, то не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо германскомъ участіи въ русскихъ внутреннихъ обстоятельствахъ. „Въ чужой работѣ по тушенію пожаровъ мы не участвуемъ. Мы приняли бы свои мѣры только въ томъ случаѣ, еслибы огонь перешелъ въ наши границы. Германія не заключала ни съ кѣмъ никакого соглашенія, съ цѣлью воспрепятствовать будто бы возможному образованію самостоятельнаго польскаго государства при дальнѣйшемъ развитіи русскаго кризиса. Всѣ предположенія о какомъ бы то ни было германскомъ вмѣшательствѣ въ предѣлахъ собственной Россіи, или

въ русской Польшѣ, или въ балтійскихъ провинціяхъ, составляютъ лишь тенденціозныя выдумки. Мы вовсе не чувствуемъ потребности играть гдѣ-нибудь роль жандарма. При извѣстныхъ условіяхъ это было бы рискованнымъ предпріятіемъ". Бюловъ выражаетъ очень теплыя дружескія чувства по отношенію къ Россіи. „Мы желаемъ,—говоритъ онъ,—чтобы русскому правительству и русскому народу удалось найти выходъ изъ настоящихъ затрудненій. Мы желаемъ, чтобы въ совмѣстной работѣ правительства и народа Россія сохранила свое положеніе, какъ великая держава и какъ единое государство. Здоровая внутри и сильная Россія—цѣнный факторъ для сохраненія равновѣсія въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Но для этого мы никакимъ образомъ не должны вмѣшиваться во внутреннія отношенія Россіи. Наша политика тѣмъ и отличается отъ рекомендуемой съ нѣкоторыхъ сторонъ, что при внутреннихъ спорахъ и затрудненіяхъ другихъ государствъ мы сохраняемъ нейтралитетъ и руководствуемся лишь общими интересами и безопасностью нашей собственной страны. Болѣе близкое участіе могло бы оказаться вреднымъ. Наше положеніе въ Европѣ совсѣмъ не такъ просто, чтобы мы могли себѣ позволить роскошь—отдаваться неполитическимъ внушеніямъ чувства, какъ это дѣлаютъ соціалъ-демократы"... Германія очень довольна Россіею и русскимъ правительствомъ: отношенія обѣихъ державъ, по свидѣтельству князя Бюлова, не оставляютъ желать ничего лучшаго. „Я долженъ далеко отойти назадъ въ своихъ дипломатическихъ воспоминаніяхъ,—продолжаетъ канцлеръ,—чтобы найти періодъ, когда отношенія между Россіею и Германіею были бы столь корректны и нормальны, какъ теперь; и я могу удостовѣрить, что личныя встрѣчи между обоими императорами значительно способствовали сохраненію полнаго взаимнаго довѣрія обѣихъ имперій—довѣрія, столь необходимаго для общаго европейскаго мира и для блага обоихъ народовъ. При этихъ свиданіяхъ двухъ монарховъ говорилось не о внутреннихъ русскихъ дѣлахъ и именно не въ духѣ реакціоперовъ; но существовавшія сомнѣнія и разногласія между Россіею и Германіею были устранены. Россія нуждается теперь во всѣхъ своихъ силахъ для установленія новаго порядка и для урегулированія своихъ внутреннихъ отношеній. Послѣ крымской войны князь Горчаковъ писалъ въ знаменитой депешѣ: „Россія сосредоточивается въ самой себѣ". Въ настоящее время русское правительство, очевидно, считаетъ полезнымъ воздерживаться отъ отдаленныхъ предпріятій". По словамъ Бюлова, онъ въ свое время имѣлъ точныя свѣдѣнія о предстоявшей русско-японской войнѣ, совѣтовалъ Японіи сохранить миръ и „сообщалъ императорскому правительству (вѣроятно русскому), что Японія при извѣстныхъ условіяхъ рѣшилась воевать и что она вполнѣ готова къ воен-

нымъ дѣйствіямъ". Соединенные Штаты оказали человѣчеству великую услугу, облегчивъ потомъ возстановленіе мира между обѣими державами; вторая важная услуга американцевъ—содѣйствіе соглашенію по марокккскому вопросу, ибо „неудача конференціи въ Алжесирасѣ внесла бы отрицательный, тревожный элементъ не только въ отношенія между Германіею и Франціею, но и въ общее міровое положеніе и въ общую политику". Въ международныхъ дѣлахъ вѣжливость должна иногда соединяться съ твердостью; но крутые политическіе пріемы, связываемые съ именемъ Бисмарка, вышли уже изъ моды и не приводятъ къ полезнымъ результатамъ. Надменный, высокомѣрный тонъ печати въ международныхъ дѣлахъ приноситъ гораздо больше вреда, чѣмъ можно было бы думать; съ другой стороны, дѣльная критика, хотя бы рѣзкая и смѣлая, должна считаться вообще благотворною. „Лично—говоритъ Бюловъ—я доступенъ критикѣ; я не могу себѣ представить существованіе безъ критики, и не знаю, какъ я бы это выдержалъ. Со мною случилось бы, вѣроятно, то же самое, что было съ мельникомъ, который лишился сна послѣ того, какъ мельница перестала стучать. Однако, нужно остерегаться чрезмѣрной критики, особенно по щекотливымъ международнымъ вопросамъ. Германія не имѣетъ повода бояться; еслибы даже она была изолирована, то она все-таки могла бы быть спокойна. Народъ въ шестьдесятъ милліоновъ человѣкъ съ такимъ войскомъ, какъ нѣмецкое, никогда не изолированъ, пока онъ остается вѣрнымъ себѣ и не отрекается отъ своей защиты. Мы не имѣемъ надобности бѣгать за другими и быть къ нимъ предупредительнѣе, чѣмъ они къ намъ; — это было бы недостойно насъ и даже не было бы полезно. Не слѣдуетъ быть черезчуръ нервными. Мы въ Германіи стали всѣ слишкомъ нервозны, и справа и слѣва, и наверху и внизу". При этихъ словахъ раздались въ палатѣ громкіе возгласы соціалъ-демократовъ: „наверху, наверху!" „Я и говорю,—подтвердилъ ораторъ,—что наверху и внизу". Въ заключеніе Бюловъ призналъ, что колоніальная политика затрудняетъ положеніе Германіи на материкѣ Европы и что главныя заботы должны быть по прежнему направлены къ сохраненію военнаго могущества на сушѣ и на морѣ.

На этотъ разъ возражалъ канцлеру не обычный главный оппонентъ его въ имперскомъ сеймѣ, Бебель, а другой представитель соціалъ-демократіи, фонъ-Фольмаръ. Высказавъ нѣсколько ироническихъ замѣчаній по поводу неожиданной оппозиціонной храбрости націоналъ-либераловъ, депутатъ фонъ-Фольмаръ старался опровергнуть увѣреніе князя Бюлова, что въ германской внѣшней политикѣ все обстоитъ благополучно. „Напротивъ, международныя отношенія не могутъ быть хуже, чѣмъ они есть. Первый пагубный шагъ сдѣ-

ланъ былъ относительно Россіи. Германія соперничала съ Франціею въ угодничествѣ передъ русскимъ деспотизмомъ. Канцлеръ напрасно повторяетъ старые упреки по адресу соціалъ-демократовъ: послѣдніе возставали лишь противъ того, чтобы германское правительство вмѣшивалось въ русскія дѣла въ пользу царской бюрократіи, какъ это было въ кенигсбергскомъ процессѣ и при массовыхъ высылкахъ русскихъ подданныхъ". По мнѣнію Фолльмара, повышенная нервность, овладѣвшая правительствомъ за послѣднія десятилѣтія, выражается въ безпокойной предпріимчивости и въ воинственныхъ рѣчахъ, которыя повсюду вызываютъ тревогу; и если подвести итоги всей этой шумной политикѣ за тотъ періодъ времени, когда ею руководитъ въ сущности самъ глава имперіи, то получается полный провалъ. Политическая репутація, пріобрѣтенная Германіею съ 1870 года, утрачена, и въ этой области приходится вновь начинать съ начала; нѣмецкое общество опасается допущенія элементарныхъ и роковыхъ ошибокъ, въ родѣ возобновленія союза трехъ императоровъ. Дипломатія должна считаться теперь съ чувствами и взглядами народа, и еслибы она зависѣла отъ соціалъ-демократіи, то миръ между націями покоился бы на незыблемыхъ основаніяхъ. Еще яснѣе Фолльмара нападалъ на увлеченія „личнаго режима" депутатъ Вимеръ, членъ свободной народной партіи; онъ говорилъ о новой породѣ государственныхъ людей, которые считаютъ своимъ высшимъ долгомъ быть послушными слугами монарха, а не сознательными совѣтниками короны. Для блага государства необходимо, чтобы принципъ отвѣтственности не ослаблялся личнымъ подчиненіемъ авторитету императора и чтобы министры перестали пассивно прикрывать собою произвольныя и поспѣшныя дѣйствія и заявленія, съ которыми они не могутъ быть вполнѣ солидарны; для этого имперскій сеймъ долженъ взять на себя болѣе дѣятельную, руководящую и контролирующую роль въ области иностранной политики Германіи. На эти намеки и нападки вновь отвѣчалъ Бюловъ. Онъ повторилъ высказанное имъ уже раньше общее положеніе, что „сознающій свою нравственную отвѣтственность имперскій канцлеръ не останется въ должности, если онъ не въ состояніи воспрепятствовать актамъ, которые по его добросовѣстному мнѣнію дѣйствительно причиняютъ вредъ интересамъ имперіи". „Еслибы что-нибудь подобное произошло, — продолжалъ канцлеръ,—то, конечно, вы больше не увидѣли бы меня на этомъ мѣстѣ. Обо мнѣ могутъ думать что угодно, но я не принадлежу къ числу людей, цѣпляющихся за свое оффиціальное положеніе. Даже при заявленіяхъ его величества, на которыя, строго говоря, не распространяется моя конституціонная отвѣтственность, я рѣшительно отклонилъ бы отъ себя нравственную отвѣтственность за послѣдствія и вліяніе

такихъ заявленій въ области высшей и общей политики, ибо передъ союзнымъ совѣтомъ и передъ этимъ высокимъ собраніемъ я отвѣчаю за соблюденіе внѣшнихъ и внутреннихъ интересовъ имперіи при веденіи нашихъ дѣлъ... Гарантія правильности и закономѣрности существующаго конституціоннаго порядка заключается въ самой обстановкѣ государственной дѣятельности; правительственныя распоряженія монарха дѣйствительны лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ найдетъ министра, готоваго исполнить ихъ подъ своею личною отвѣтственностью; министръ можетъ отказаться исполнить эти распоряженія; онъ можетъ объяснить монарху, что, при возлагаемой на него обязанности говорить или дѣлать извѣстныя вещи, онъ вынужденъ будетъ выйти въ отставку. Насколько и въ какихъ предѣлахъ министръ соглашается прикрывать своею отвѣтственностью мнѣнія и выраженія чувствъ своего монарха,—это зависитъ отъ политическаго глазомѣра, отъ сознанія долга передъ короною и страною. Министръ можетъ полагать, что слишкомъ частое личное выступленіе правителя, усиленный монархическій субъективизмъ, слишкомъ частое появленіе монарха безъ сопроводительныхъ документовъ, какъ выражался Бисмаркъ,—несовмѣстимы съ интересомъ монархіи, и что онъ, министръ, не можетъ брать за это отвѣтственность на себя. Но представлять себѣ, что монархъ въ Германіи не можетъ имѣть никакихъ собственныхъ идей о государствѣ и правительствѣ, что онъ можетъ думать только головами своихъ министровъ и высказывать только то, что они ему предложатъ, — было бы совершенно несогласно съ германскимъ государственнымъ правомъ и съ наклонностями нѣмецкаго народа. Нѣмецкій народъ хочетъ имѣть живого императора, изъ мяса и крови, а не какой-то туманный образъ. Притомъ, выступленія и заявленія сильной личности, признаваемой и противниками, далеко еще не означаютъ нарушенія конституціи. Укажите мнѣ хоть одинъ примѣръ, гдѣ онъ поставилъ бы себя въ противорѣчіе съ конституціею. Вы такого случая не укажете. Онъ всегда будетъ добросовѣстно соблюдать конституцію; а пока онъ держится въ границахъ и предѣлахъ конституціи, до тѣхъ поръ жалобы на личный режимъ и на возрожденіе абсолютизма должны быть признаны неосновательными. Наконецъ, упоминалось еще о камарильѣ. Камарилья, это—иностранное слово, чужеземное ядовитое растеніе, котораго никогда не старались или не могли привить въ Германіи, а гдѣ оно насаждалось, тамъ оно причиняло великій вредъ одинаково государю и народу. Но нашъ императоръ обладаетъ слишкомъ яснымъ умомъ и прямымъ характеромъ, чтобы въ политическихъ дѣлахъ почерпать совѣты не изъ своего собственнаго чувства долга и помимо своихъ призванныхъ совѣтниковъ"...

Эти конституціонныя разъясненія германскаго канцлера и прусскаго министра-президента заслуживаютъ особеннаго вниманія въ виду распространенныхъ у насъ ошибочныхъ понятій о роли министровъ и имперскаго парламента въ Германіи.

Въ засѣданіи французской палаты депутатовъ, 5-го ноября, глава преобразованнаго министерства, Клемансо, прочиталъ правительственную декларацію, заключающую въ себѣ изложеніе политической программы кабинета. Прежде всего, разумѣется, республиканская Франція стоитъ за достойный внѣшній миръ:—республика была всегда воплощеніемъ мира, и „за всѣ тридцать пять лѣтъ ея существованія не было ни одного момента, когда можно было бы серьезно обвинять ее въ угрозахъ европейскому миру". Вмѣстѣ съ тѣмъ, „республика принимаетъ тѣ условія международнаго равновѣсія, которыя навязываются народамъ современнымъ положеніемъ Европы. Когда миръ цивилизованнаго міра основывается на силѣ оружія, то какъ можемъ мы разоружиться, т.-е. разрушить нашими собственными руками высшую гарантію нашей независимости? До того счастливаго, но неизвѣстнаго еще дня, когда можно будетъ измѣнить порядокъ отношеній между націями, нашъ первый долгъ передъ отечествомъ—не допускать ослабленія какихъ бы то ни было элементовъ его оборонительной силы". Съ сокращеніемъ срока военной службы до двухъ лѣтъ облегчается преобразованіе арміи въ демократическомъ духѣ; правительство имѣетъ въ виду упразднить спеціальные военные суды. Въ области „соціальной справедливости" вновь учрежденное „министерство труда" объединитъ всѣ усилія и мѣры, направленныя къ улучшенію быта трудящихся массъ; въ палату будутъ внесены законопроекты о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, о коллективномъ договорѣ найма рабочихъ, о распространеніи закона о несчастныхъ случаяхъ на сельскихъ рабочихъ, о профессіональныхъ синдикатахъ, о рудникахъ и копяхъ, а также будетъ доведено до конца обсужденіе закона о пенсіяхъ для рабочихъ. Въ то же время подготовляется крупная реформа финансовой системы, съ установленіемъ прогрессивнаго подоходнаго налога. Наконецъ, новый порядокъ религіозной свободы, на основѣ совершившагося отдѣленія церкви отъ государства, долженъ проводиться въ жизнь съ надлежащею твердостью и послѣдовательностью. Правительство обѣщаетъ ускорить введеніе реформъ и „противопоставить предпріятіямъ насилія преграду законовъ". Политика дѣйствія будетъ и политикой успокоенія: министры „позаботятся о томъ, чтобы смѣлости идей соотвѣтствовала осторожность исполненія, бодрой энергіи правительственной власти—сознательная умѣренность, справедливая

терпимость, безъ которой крайняя строгость права могла бы, въ глазахъ многихъ, принимать видъ тираніи". Но если добрая воля и примирительныя намѣренія правительства не встрѣтятъ должнаго признанія, „ничто не заставитъ министровъ поколебаться въ ихъ твердой рѣшимости превратить справедливыя желанія демократіи въ акты, ничто не остановитъ ихъ въ исполненіи долга".

Впрочемъ, само министерство предупреждаетъ, что оно только намѣтило дорогу, по которой думаетъ идти въ согласіи и подъ контролемъ народнаго представительства, и что не всѣ предположенныя реформы могутъ осуществиться въ короткій періодъ обычнаго существованія одного министерства. Программа кабинета имѣетъ на этотъ разъ характеръ не общедоступнаго оффиціальнаго текста, а витіевато-написанной газетной статьи; она и не произвела большого впечатлѣнія на палату и не вызвала въ ней никакихъ преній. Палата тотчасъ же, большинствомъ 395 голосовъ противъ 96, приняла предложенную однимъ изъ депутатовъ формулу выраженія довѣрія къ министерству.

Сила кабинета Клемансо, разумѣется,—не въ его программѣ, а въ общей свѣжести его состава, въ бодрости и энергіи его членовъ, въ качествахъ и дарованіяхъ такихъ министровъ, какъ Вивіани, Бріанъ и генералъ Пикаръ,—не говоря о самомъ Клемансо, поражающемъ всѣхъ своею неутомимою подвижностью, находчивостью и остроуміемъ. Это правительство чистыхъ, безусловно искреннихъ и убѣжденныхъ идеалистовъ-патріотовъ возбуждаетъ общій интересъ не только во Франціи, но и внѣ ея предѣловъ,—хотя оно едва ли въ состояніи внести что-нибудь существенно-новое въ утвердившуюся рутину французскаго республиканскаго управленія. Оно думаетъ также, по примѣру предшествовавшихъ кабинетовъ, „поддержать и развить союзъ, заключенный съ обѣихъ сторонъ въ интересахъ мира", и въ этомъ отношеніи не ожидается никакихъ рѣшительныхъ перемѣнъ въ ближайшемъ будущемъ.

Странныя сообщенія приходятъ изъ Бѣлграда. Не везетъ новой королевской династіи, какъ и старой, и можно думать, что патріархальный земледѣльческій народъ Сербіи не созданъ для наслѣдственной монархіи. Со времени истребленія фамиліи Обреновичей образовалась при дворѣ и въ арміи особая, вполнѣ самобытная военная партія заговорщиковъ или убійцъ: всѣ лица, прямо или косвенно участвовавшія въ кровавой дворцовой трагедіи, считали себя призванными занимать высшія должности въ военномъ вѣдомствѣ и играть роль закулиснаго правительства, которому должны были подчиняться оффиціальныя власти, министры и самъ король Петръ. На какихъ

основаніяхъ могла возникнуть и дѣйствовать подобная дикая партія, не существующая нигдѣ въ мірѣ,—осталось неяснымъ для иностранцевъ и въ томъ числѣ для русской публики. Говорили, что король Петръ, обязáнный своимъ возвышеніемъ убійцамъ короля Александра, не можетъ избавиться отъ ихъ самоувѣренныхъ притязаній и назойливой опеки, тѣмъ болѣе, что въ ихъ рукахъ находилась отчасти военная сила; но во всякомъ случаѣ первые годы царствованія новаго короля прошли при ненормальной обстановкѣ, и нѣкоторые иностранные дворы даже уклонялись отъ дипломатическихъ сношеній съ сербскимъ правительствомъ, въ виду шумной оффиціальной роли бывшихъ заговорщиковъ. Съ теченіемъ времени вопросъ о привилегіяхъ заговорщиковъ потерялъ свою остроту, и придворная жизнь Карагеоргіевичей казалась уже вполнѣ благополучною; но ненормальность проникла въ королевскую семью и отозвалась на развитіи и характерѣ старшаго сына короля, наслѣдника престола, князя Георгія. По извѣстіямъ, сообщаемымъ вѣнскими газетами, сербскій наслѣдникъ обнаруживаетъ будто бы признаки душевнаго разстройства, выражающіеся въ жестокихъ поступкахъ съ адъютантами и слугами, въ неумѣренныхъ кутежахъ и въ разныхъ некорректныхъ увлеченіяхъ. Король Петръ вынужденъ будто бы заняться теперь непріятнымъ вопросомъ объ измѣненіи порядка наслѣдованія въ пользу младшаго сына; но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ выдвинуться и болѣе общій вопросъ о положеніи и судьбѣ королевскихъ фамилій въ Сербіи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Anatole France. Vers les temps meilleurs. Paris, 1906, édit. Edouard Pelletan.

Многіе у насъ твердо убѣждены, что служеніе общественнымъ интересамъ, даже въ острые моменты дѣйствительности—дѣло профессіоналовъ. Можно быть гражданиномъ — экономисту, статистику, нельзя—художнику, поэту, философу; можно—позитивисту, нельзя—метафизику и идеалисту. Профессіоналы ревниво оберегаютъ свою монополію и всякаго посторонняго гонятъ прочь, не стѣсняясь иногда средствами.—Ваше дѣло—поэзія, или тамъ словопренія о „ноуменахъ и феноменахъ". А жизнь—наша; ее мы дѣлаемъ, говорятъ они.

Съ развитіемъ общественнаго сознанія, когда свобода и стремленіе къ ней перестанетъ быть профессіональнымъ занятіемъ, а сдѣлается тканью жизни, этотъ предразсудокъ долженъ исчезнуть. Каждый общественный моментъ будетъ объединять въ общемъ дѣлѣ людей отвлеченной мысли, служителей искусства и строителей зданія жизни.

Желаніе оградить жизненное строительство отъ постороннихъ объясняется у насъ только неустойчивостью общественнаго сознанія. На Западѣ, напротивъ того, цѣлый рядъ общественныхъ явленій связанъ именно съ „праздными мечтателями дней досуга", какъ называлъ себя англійскій эстетъ, поэтъ и вѣрный апостолъ труда Вильямъ Моррисъ.

Такой же поучительный для русскаго общества примѣръ представляютъ нѣкоторые французскіе писатели. Во Франціи сліяніе общественности даже съ самыми далекими, казалось бы, отъ непосредственной жизни мыслителями и художниками началось въ печальный періодъ дрейфусарства.

Помнимъ очень характерный нашъ разговоръ по этому поводу въ Парижѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на собраніи въ редакціи „декадентскаго" журнала „Mercure de France". Среди присутствующихъ былъ одинъ русскій, пріѣхавшій еще болѣе укрѣпиться въ своемъ индифферентизмѣ къ общественнымъ интересамъ въ обществѣ восхищавшихъ его декадентовъ и символистовъ. Къ его великому изумленію и досадѣ, очень горячая бесѣда въ тотъ день велась исключительно о политикѣ. Журналъ въ то время принялъ рѣзкую позицію въ дрей-

фусовскомъ вопросѣ; произошелъ расколъ между литературными единомышленниками, Реми де Гурмономъ и Густавомъ Каномъ,—послѣдній вышелъ изъ журнала. Русскій гость въ редакціи, слишкомъ увѣренный въ томъ, что безразличіе, чтобы не сказать—презрѣніе къ общественнымъ интересамъ—основа декадентскаго credo, и удивленный также обиліемъ политическаго матеріала въ журналѣ, съ нѣкоторымъ негодованіемъ спросилъ жену редактора Валетта, писательницу Рашильдъ: „Что вамъ за дѣло до политики? Не все ли равно передъ лицомъ вѣчности, каковы будутъ судьбы французскаго милитаризма?“ Но м-мъ Рашильдъ очень сухо оборвала разговоръ, сказавъ: „Это вопросъ національной жизни, который для насъ вмѣщаетъ въ себѣ все. Вамъ, иностранцу, это можетъ быть непонятно“. Никто тогда во Франціи не удивлялся тому, что метафизикъ Реми де Гурмонъ, создатель вольнаго стиха, Густавъ Канъ и Рашильдъ, изобразительница странныхъ до дерзновенности эмоцій, были въ центрѣ волнующаго всю страну общественнаго событія. Они не казались неискренними, никто не думалъ, что они измѣняютъ своему искусству и своимъ мыслямъ, переживая—конечно по своему,—общее волненіе.

Еще одинъ примѣръ въ томъ же родѣ представляетъ собою дѣятельность Анатоля Франса. Недавно вышла его книга подъ заглавіемъ: „Къ лучшимъ временамъ“ (Vers les temps meilleurs). Это сборникъ политическихъ рѣчей Анатоля Франса за восемь лѣтъ, отъ 1898 по 1906 г. Книга эта очень поучительна—въ особенности для русскаго общества.

Анатоль Франсъ создалъ во Франціи особый родъ философскаго романа. Натуралистическій романъ, особенно въ творчествѣ Золá, былъ проникнутъ злобой противъ буржуазнаго общества, разрушительнымъ гнѣвомъ, обращеннымъ на непосредственную дѣйствительность. Онъ стоялъ во времени, былъ активнымъ борцомъ, не изучалъ, а проповѣдывалъ. Золà былъ моралистъ, громко взывавшій на площадяхъ къ походу противъ злыхъ, во имя торжества добрыхъ. Добро и зло были для него ясно обозначенными понятіями, и онъ видѣлъ ихъ только въ современныхъ ему явленіяхъ общественной жизни. Ко всему его эпосу буржуазной Франціи, ко всѣмъ романамъ серіи Ругонъ-Макаровъ, примѣнима, какъ общій заголовокъ, знаменитая фраза его историческаго письма: „Я обвиняю“ („J'accuse“).

И въ то время, когда гремѣли его обличительные громы, выступилъ художникъ-философъ съ совершенно противоположной формулой творчества, явился Анатоль Франсъ съ его первыми спокойно художественными, улыбающимися разсказами изъ смутныхъ переходныхъ эпохъ, разсказами о временахъ, когда сталкивались противоположныя міросозерцанія, когда отживающее старое и возникающее новое ужи-

вались одно рядомъ съ другимъ, тѣсно сплетаясь, проникая одно другое. Таковы были первые разсказы Анатоля Франса изъ переходной эпохи отъ язычества къ христіанству.

Старый и новый міръ отразились въ этихъ нѣжно художественныхъ повѣстяхъ не въ своихъ роковыхъ столкновеніяхъ, а въ своихъ вѣчныхъ сплетеніяхъ: заблудшій пришлецъ изъ царства великаго Пана, языческій сатиръ, пріобщается закону христіанской любви, и возникаетъ святой Сатиръ; суровый христіанскій монахъ познаетъ красоту, законъ языческаго міра, полюбивъ грѣшницу Таису, а она, прекрасная, не измѣняя себѣ, пріобщается къ лику святыхъ. Святыя жены Христовы приходятъ къ римлянкамъ, для которыхъ единственно святое—красота ихъ тѣла, и взаимное душевное любопытство сближаетъ ихъ.

И древній Востокъ, очагъ самыхъ противорѣчивыхъ исканій въ области нравственной и религіозной правды, также привлекаетъ философа и питаетъ его пытливое отношеніе къ жизни. Въ этихъ искаліяхъ укрѣпляется и утверждается философія Анатоля Франса, опредѣляется и сгущается свѣтъ, въ которомъ ему рисуется прошлое и настоящее человѣчества и судьбы міра. Зола гнѣвно проповѣдуетъ, Анатоль Франсъ подходитъ ко всему съ любознательностью; Зола обличаетъ, судитъ,—Анатоль Франсъ все пріемлетъ. Нѣтъ для него ни грѣха, ни зла, потому что онъ заглядываетъ въ источники, и относительныя человѣческія дѣленія и осужденія теряютъ для него силу. Онъ увидѣлъ, что абсолютное добро лежитъ внѣ явленій, и потому все въ судьбахъ и дѣйствіяхъ человѣчества совершается въ кругу относительнаго, и потому все одинаково, все пріемлемо, все достойно жалости и любви. Такова его философія, выросшая на изученіи противорѣчивыхъ правдъ. Укрѣпившись въ ней, онъ сталъ изображать культурное прошлое человѣчества,—и сначала опять періоды перелома, скептическій восемнадцатый вѣкъ, когда вольтеріанство странно сплеталось съ католическимъ благочестіемъ. Сколько тонкой иронія и въ то же время сочной жизнерадостности въ одномъ изъ очаровательныхъ созданій Анатоля Франса, въ его аббатѣ Жеромѣ Куаньярѣ,—большомъ грѣшникѣ, наивномъ чревоугодникѣ и въ то же время учителѣ жизненной мудрости, преисполненномъ любви и жалости къ людямъ.

И когда Анатоль Франсъ подошелъ къ современной дѣйствительности, сталъ изображать жизнь, нравы, политику, чувства современной Франціи и современныхъ французовъ, онъ тоже вооружился всепрощающей улыбкой мудреца. Во имя улыбающейся мудрости онъ прежде всего сталъ разсуждать не изъ центра событій, а отдѣляясь отъ нихъ, отодвигая ихъ такъ, какъ еслибы онъ читалъ на древнемъ папирусѣ исторію Египта при какой-нибудь изъ двадцатыхъ династій, разсматривая смыслъ событій передъ судомъ вѣчности, а не подъ зна-

комъ страсти и гнѣва. Такъ образовалась серія его тонко художественныхъ и глубокихъ книгъ, его „Современной исторіи“. Въ нихъ онъ первый въ литературѣ ввелъ въ художественный вымыселъ реальное изображеніе фактовъ текущей жизни. Съ большой любовью созданъ герой всѣхъ этихъ романовъ, профессоръ Бержере, въ которомъ не трудно признать духовный обликъ самого автора. Онъ—жертва жизни и мишень всѣхъ превратностей судьбы, какъ, напримѣръ, въ семейныхъ катастрофахъ, составляющихъ содержаніе „Mannequin d'osier“. Но въ то же время, возвышаясь надъ судьбой, онъ безстрастно выясняетъ мотивы событій и пріемлетъ ихъ правду. Или когда ему, во время уличныхъ націоналистическихъ манифестацій, бросаютъ въ окно камни, онъ беззлобно разсматриваетъ ихъ и сравниваетъ обычаи современной французской толпы съ проявленіями народнаго гнѣва въ древнемъ Египтѣ. Всепріемлющій художникъ не измѣняетъ себѣ во всѣхъ дальнѣйшихъ книгахъ своей „Современной исторіи“, вплоть до новѣйшей—„На бѣломъ камнѣ“,—гдѣ событія современности отражаются тоже подъ знакомъ вѣчности.

Казалось бы, такимъ образомъ, что философъ и художникъ Франсъ отрѣшенъ отъ битвъ, происходящихъ вокругъ него. Скептическая улыбка, съ которой онъ дѣлаетъ знакъ равенства между язычествомъ и христіанствомъ, между эпикурейцами-аббатами и святыми отшельниками, всепріемлемость, основанная на всеотрицаніи, на сплошномъ недовѣріи ко всѣмъ человѣческимъ начинаніямъ, — все это должно было бы навсегда удалить его отъ живой дѣйствительности и замкнуть въ эстетизмѣ, въ исканіи художественныхъ формъ, наиболѣе полно и сильно отражающихъ равноцѣнныя „да“ и „нѣтъ“, составляющія судьбы міра. У насъ злоупотребляютъ словомъ „декадентство“. Но если понимать его какъ эстетическую брезгливость къ тому, что волнуетъ массы, какъ желаніе занять обособленную позицію, и разсматривать дѣйствительность только какъ предлогъ для эмоцій, то Анатоль Франсъ въ своихъ прежнихъ повѣстяхъ — декадентъ, или, вѣрнѣе, эстетъ.

И вдругъ, въ разгаръ дрейфусарской эпопеи, Анатоль Франсъ становится главой негодующей интеллигенціи, отдается борьбѣ за попранное право, и въ своемъ исканіи новыхъ жизнеспособныхъ силъ въ французскомъ обществѣ, обращается къ рабочему классу и становится другомъ и учителемъ французскаго пролетаріата. Еслибы кто-нибудь прочелъ новую книгу Франса, сборникъ его рѣчей,—„Къ лучшимъ временамъ“,—не будучи знакомъ съ дѣятельностью автора за послѣдніе годы, то былъ бы крайне пораженъ кажущимся противорѣчіемъ между его прежнимъ философскимъ міросозерцаніемъ и его теперешнимъ активнымъ жизнестроительствомъ. Но, помня, какъ дѣя-

тельно выступалъ Анатоль Франсъ въ борьбѣ съ націонализмомъ, какую огромную услугу онъ оказалъ и народной массѣ, и французской интеллигенціи созданіемъ народныхъ университетовъ, и прочтя теперь сборникъ его рѣчей, можно получить цѣльное представленіе о другомъ обликѣ Анатоля Франса — о его дѣятельности, какъ агитатора на пользу французскаго рабочаго класса.

Активная программа Анатоля Франса заключаетъ въ себѣ всѣ требованія внѣпартійныхъ соціалистовъ во Франціи. Начало его общественной борьбы было связано съ первыми побѣдами націоналистовъ, противъ которыхъ онъ выступалъ на предвыборныхъ митингахъ. Онъ велъ ожесточенную кампанію противъ „черной республики“, т.-е. коалиціи милитаризма и клерикализма, двухъ началъ, затемняющихъ общественное сознаніе. Но отъ чисто политической борьбы противъ націоналистовъ Анатоль Франсъ перешелъ къ соціальной дѣятельности, и въ ней—его главное значеніе. Руководящимъ принципомъ его агитаціи сдѣлался призывъ къ соціальной справедливости и къ „свободѣ, которая не допускаетъ свободы противъ себя“. Онъ ищетъ союзниковъ въ борьбѣ за осуществленіе этой свободы—и находитъ ихъ въ рабочей массѣ. „Въ нашемъ эгоистическомъ обществѣ одинъ только пролетаріатъ обладаетъ творческой энергіей“,—говоритъ онъ, и это опредѣляетъ его дѣятельность. Его отношеніе къ рабочимъ массамъ—очень свободное. Онъ не становится въ ряды „партійныхъ работниковъ“, не вступаетъ въ союзъ съ соціализмомъ, какъ политической силой, а видитъ въ пролетаріатѣ культурную силу будущаго и идетъ ей навстрѣчу. Онъ привѣтствуетъ въ одной рѣчи Георга Брандеса за то, что, живя при господствѣ демократіи, онъ никогда не льстилъ ей. Анатоль Франсъ считаетъ самымъ существеннымъ—поднять умственное развитіе рабочихъ. Отсюда его заботы о народныхъ университетахъ. Многія его рѣчи—воззванія къ рабочимъ. Онъ развиваетъ въ нихъ интересъ къ наукѣ, доказываетъ необходимость науки, какъ опоры въ борьбѣ, и призываетъ къ идейнымъ интересамъ, къ тому, чтобы не замыкаться въ защитѣ профессіональныхъ правъ. Постоянный лейтмотивъ его рѣчей—призывъ къ единенію труда съ творческой философской мыслью. Только въ этомъ онъ видитъ залогъ будущаго „идеальнаго города“. Взаимодѣйствіе художника и ремесленника, созидающихъ жилища людей, единеніе рабочихъ для возстановленія вселенскаго мира, органическое нравственное чувство въ людяхъ труда—вотъ что выдвигаетъ постоянно Анатоль Франсъ, привѣтствуя французскій пролетаріатъ въ его борьбѣ и разъясняя ему его политическія и соціальныя права.

Анатоль Франсъ относится къ „грядущей силѣ труда“ какъ учитель, направляетъ ее на путь позитивныхъ знаній, „излечивающихъ

осталось менѣе трехъ мѣсяцевъ, срокъ выборовъ еще не назначенъ. И это, ничѣмъ не стѣсняя предвыборную агитацію правыхъ партій, устраняетъ отъ конкурренціи лѣвыя, такъ какъ ни одна изъ нихъ не легализирована и потому не можетъ устраивать собраній. Но правыя партіи—плохой союзникъ. Надъ ними виситъ злой рокъ безталанной пассивности. Среди ихъ членовъ нѣтъ ни умѣющихъ писать, ни умѣющихъ говорить. Сколько времени октябристы заявляютъ о необходимости издавать свою газету! Въ деньгахъ, повидимому, недостатка нѣтъ—а газета все не появляется. Было „Слово“ г. Перцова—и оно погибло. Какъ ни чурались упорно октябристы столбцовъ „Новаго Времени“, а никакими другими и до сихъ поръ они не могутъ пользоваться. Только-что снова появилось „Слово“ г. М. М. Ѳедорова; врядъ ли, однако, и этой газетѣ будетъ принадлежать солидный успѣхъ. Еще хуже обстоитъ дѣло съ ораторами. Даже въ Петербургѣ, ни союзъ 17-го октября, ни партія правового порядка, ни торгово-промышленная и т. д. ораторовъ не имѣютъ. Чтобы провести торжественное собраніе октябристовъ 5-го ноября, пришлось пріѣхать изъ Москвы „самому“ А. И. Гучкову и привезти съ собой Ѳ. Д. Плевако. Крайніе правые, „черносотенцы“ — ихъ отсутствіе талантовъ не смущаетъ. Среди нихъ есть умѣющіе водить перомъ по бумагѣ, браниться и писать полуграмотные пасквили и доносы — и этого имъ достаточно, чтобы издавать жалкіе листки, вродѣ „Русскаго Знамени“. Среди нихъ есть люди, обладающіе сильными голосовыми средствами и могущіе безсвязно выкрикивать разныя слова, такъ или иначе относящіяся къ слову „жидъ“ — и этого имъ тоже достаточно, чтобы устраивать собранія. Но для серьезнаго воздѣйствія на избирателей въ провинціи правыя партіи, конечно, не могутъ разсчитывать на мѣстныхъ Дубровиныхъ, Булацелей и имъ подобныхъ.

Въ газетахъ, нѣсколько времени назадъ, сообщалось, что правительство имѣетъ въ виду и въ этомъ отношеніи придти на помощь правымъ партіямъ, путемъ образованія кадра политическихъ ораторовъ изъ наиболѣе способныхъ чиновниковъ. Когда мы прочли это сообщеніе, оно намъ показалось явно вымышленнымъ. Въ дѣйствительности же оно было не совсѣмъ далеко отъ истины. Вотъ „разъясненіе“, заимствуемое нами изъ № 216 „Страны“: „Послѣдовавшія со стороны совѣта министровъ указанія относительно участія въ политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, а также служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ по вольному найму, получили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ это видно изъ поступающихъ свѣдѣній, неправильное и несогласное съ точнымъ ихъ смысломъ толкованіе и примѣненіе. Распоряженіемъ совѣта министровъ возбраняется всѣмъ состоящимъ на

государственной службѣ лицамъ принимать участіе въ политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ, преслѣдующихъ противозаконныя цѣли и проявляющихъ стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ. Между тѣмъ, нѣкоторые начальники отдѣльныхъ мѣстныхъ учрежденій придали этому требованію распространительное примѣненіе, предлагая подвѣдомственнымъ имъ служащимъ не принимать участія ни въ какихъ вообще политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ, безъ различія цѣли, преслѣдуемой этими организаціями". Въ дальнѣйшемъ текстѣ „подобное толкованіе преподанныхъ совѣтомъ министровъ указаній" признается „совершенно неправильнымъ", и всѣ вытекающія изъ него распоряженія подлежащими отмѣнѣ. А затѣмъ повторены слова извѣстнаго циркуляра о воспрещеніи чиновникамъ участвовать „въ такихъ политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ, которые представляются явно революціонными, а также и въ такихъ, которые хотя и не причисляютъ себя открыто къ революціоннымъ, тѣмъ не менѣе въ программахъ своихъ, въ воззваніяхъ вожаковъ (какъ, напримѣръ, выборгское воззваніе) и въ другихъ проявленіяхъ своей дѣятельности обнаруживаютъ стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ или призываютъ къ таковой борьбѣ населеніе". Можно ли болѣе ясно сказать чиновнику: „баллотировать на выборахъ съ кадетами — нельзя, а содѣйствовать успѣху правительствомъ одобряемыхъ партій — обязательно"? Въ устраненіе сомнѣній, „разъясненіе" еще добавляетъ, что циркуляръ отнюдь не устраняетъ чиновниковъ, занимающихъ второстепенныя на мѣстахъ должности, „отъ руководительства вышеупомянутыми (т.-е. правыми) партійными организаціями".

Если и подобное участіе правительства въ избирательной кампаніи не можетъ не быть отнесено на счетъ его партійной страстности, то только лишь затуманившею глаза страстью борьбы возможно объяснить слѣдующее оффиціозное оповѣщеніе („Страна", № 217): „Министръ внутреннихъ дѣлъ, — какъ сообщаетъ освѣдомительное бюро, — вошелъ въ правительствующій сенатъ съ рапортомъ о разъясненіи вопроса, могутъ ли быть образуемы, по точному смыслу ст. 14 Положенія о выборахъ въ Государственную Думу и на основаніи ст. 1 отд. X Высочайшаго указа 11 декабря 1905 г., отдѣльные предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ не только по мѣстностямъ уѣзда, но и вообще по „мѣстнымъ удобствамъ", т.-е., между прочимъ, и по разрядамъ владѣльцевъ, имѣющихъ право на участіе въ избраніи уполномоченныхъ".

Путь сенатскихъ толкованій оказался весьма удобнымъ для обхода 87-ой статьи основныхъ законовъ, воспрещающей измѣнять избирательный законъ въ періодъ роспуска народныхъ представителей. Министер-

ство внутреннихъ дѣлъ уже широко использовало право обращаться въ сенатъ за разъясненіями правилъ о производствѣ выборовъ, и сенатъ не менѣе широко использовалъ, если не право, то фактическую возможность, измѣнять законъ въ порядкѣ толкованія. Газеты насчитываютъ многими тысячами число лицъ, которыя при первыхъ выборахъ пользовались избирательными правами, а при вторыхъ—пользоваться ими не будутъ. Достаточно вспомнить всю колоссально большую цифру крестьянъ-собственниковъ, имѣвшихъ неосторожность пріобрѣсти землю при содѣйствіи крестьянскаго банка. Но коренное начало положенія 6-го августа и указа 11-го декабря—безсословность группировки избирателей въ куріи землевладѣльцевъ—до сихъ поръ не было затронуто. Теперь готовится разрушеніе и этого начала.

Объективныхъ основаній для возникновенія возбужденнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вопроса нѣтъ рѣшительно никакихъ. Законъ въ данномъ случаѣ совершенно категориченъ и ясенъ. Ст. 12 положенія о выборахъ перечисляетъ, кто участвуетъ въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, и не дѣлитъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ собственниковъ ни на какіе разряды; особо упоминаются при этомъ лишь „уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею“. Но и это обособленіе устраняетъ ст. 14-ая, гласящая, что „уполномоченные отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ священнослужителей избираются на предварительномъ *ихъ съѣздѣ*“,—т.-е. всѣ на одномъ совмѣстномъ съѣздѣ. Далѣе, считаясь съ протяженностью нѣкоторыхъ уѣздовъ, та же статья положенія говоритъ: „Смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда съѣздъ, или образуется нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ, согласно росписанію, устанавливаемому губернаторомъ“. И сообразно приведенному тексту закона, сенатъ, указомъ 24-го октября 1905 г., № 3, разъяснилъ, что отдѣльные съѣзды могутъ быть образуемы по мѣстностямъ, а не по категоріямъ избирателей.

Законъ 11 декабря внесъ только одно измѣненіе въ постановку вопроса о предварительныхъ съѣздахъ, отнеся „образованіе отдѣльныхъ по мѣстностямъ уѣзда предварительныхъ съѣздовъ“ къ обязанностямъ не губернаторовъ, а уѣздныхъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ еще ярче подчеркнулъ возможность дѣленія уѣздовъ, для образованія нѣсколькихъ предварительныхъ съѣздовъ, исключительно въ территоріальномъ отношеніи. Неопредѣленная ссылка ст. 14 Положенія 6 августа на „мѣстныя удобства“ замѣнена въ ст. 1 отдѣла X закона 11 декабря словами: „отдѣльныхъ *по мѣстностямъ уѣзда*“.

Какъ же, однако, могла возникнуть мысль о разъясненіи правилъ о выборахъ въ смыслѣ образованія предварительныхъ съѣздовъ мел-

кихъ собственниковъ „по разрядамъ владѣльцевъ“? Если посмотрѣть на вопросъ не съ юридической, а съ партійно-политической точки зрѣнія, и если припомнить всѣ уже состоявшіяся по рапортамъ министра внутреннихъ дѣлъ толкованія избирательнаго закона, то возбужденіе вопроса станетъ понятнымъ. Основной принципъ правительственной политической программы—недопустимость принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель и установленіе, взамѣнъ того, покупки государствомъ земель у помѣщиковъ по дорогой цѣнѣ для распродажи крестьянамъ, за счетъ казны, по дешевой. Не нужно быть вовсе тонкимъ психологомъ, чтобы заранѣе безошибочно опредѣлить, какіе представители будутъ въ Государственной Думѣ энергично стоять за эту программу. Значитъ, нужно усилить ихъ шансы. Къ тому же, земскими выборами, постановленіями дворянскихъ собраній, резолюціями и сужденіями дворянскаго съѣзда и съѣзда земельныхъ собственниковъ—дворяне-землевладѣльцы ясно дали понять, что и въ другихъ политическихъ вопросахъ ихъ представители будутъ поддерживать правительство, когда ему придется отвѣчать передъ Думой за все, что̀ дѣлалось съ 8 іюля и еще будетъ дѣлаться до 20 февраля. Дворянскій съѣздъ съ этой цѣлью предлагалъ пренебречь формальнымъ запретомъ и издать новый избирательный законъ. Исходъ—заманчивый, но все-таки какъ будто и не совсѣмъ удобный. Провести дѣло черезъ сенатъ въ порядкѣ толкованія—гораздо проще. Кстати, и отвѣчать впослѣдствіи передъ Думой за незакономѣрность не придется: въ возбужденіи вопроса нѣтъ ничего незакономѣрнаго, рѣшеніе же вопроса—всегда можно сказать—зависѣло не отъ министерства, а отъ неподлежащаго отвѣтственности сената...

Секретъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, что подъ мелкими землевладѣльцами законъ 11 декабря разумѣетъ всѣхъ, владѣющихъ отъ дробной даже части десятины до полнаго ценза, опредѣляемаго по мѣстностямъ различно—въ 200, 225, 250, 300 и болѣе десятинъ. Во-вторыхъ, въ томъ, что на предварительномъ съѣздѣ избирается столько уполномоченныхъ, сколько образуетъ полныхъ цензовъ сумма числа десятинъ, принадлежащихъ явившимся на съѣздъ. Наконецъ, въ-третьихъ, въ томъ, что среднее владѣніе крестьянъ-собственниковъ сравнительно низко—примѣрно 3 или 5 десятинъ, а прочихъ разрядовъ землевладѣльцевъ гораздо выше—десятинъ 50 или 100.

Предположимъ, что въ уѣздѣ образовано „по мѣстностямъ“ десять съѣздовъ. На каждый изъ нихъ, допустимъ, явилось 200 крестьянъ-собственниковъ, владѣющихъ въ совокупности 1.000 десятинъ, десять помѣщиковъ, тоже владѣющихъ 1.000 десятинъ, и пять священниковъ, представляющихъ 300 десятинъ церковной земли. При полномъ цензѣ въ уѣздѣ въ 225 десятинъ, такой съѣздъ будетъ имѣть право

выбрать 10 уполномоченныхъ. Но всякій участникъ будетъ обладать равнымъ правомъ одного голоса и очевидно, что десять голосовъ помѣщиковъ и пять голосовъ священниковъ потонутъ въ двухстахъ голосахъ крестьянъ. И на прошлыхъ выборахъ они почти повсемѣстно тонули. Въ уѣздѣ, въ которомъ и мы принимали участіе въ выборахъ, общее число уполномоченныхъ было около 100, и изъ нихъ только пять было священниковъ, а всѣ остальные были крестьяне, притомъ самые мелкіе собственники. Теперь предположимъ группировку по разрядамъ владѣльцевъ, т.-е. три отдѣльныхъ предварительныхъ съѣзда. Та же самая мѣстность дастъ уполномоченныхъ: четырехъ крестьянъ, четырехъ помѣщиковъ и одного священника. Такимъ образомъ, пріѣдутъ въ уѣздный городъ для избранія выборщиковъ, въ качествѣ уполномоченныхъ, уже только 40 крестьянъ, а помѣщиковъ тоже 40 и священниковъ 10. Здѣсь они встрѣтятъ еще человѣкъ до 50-ти крупныхъ собственниковъ. И, конечно, не крестьянскіе голоса будутъ рѣшать, кого посылать въ губернскій городъ.

Разсчетъ, нами приведенный, основанъ на самыхъ простыхъ и грубыхъ обобщеніяхъ. Но онъ рельефно показываетъ, какія возможны комбинаціи, разъ допустить образованіе предварительныхъ съѣздовъ „по разрядамъ владѣльцевъ“. При извѣстной циркулярной настойчивости, министерству нетрудно будетъ, вмѣсто народомъ избранной Государственной Думы, получить къ 20 февраля строго сословное собраніе ста дворянъ, ста купцовъ, ста крестьянъ и ста духовныхъ, какъ весной 1905 г. рекомендовало „Новое Время“. Не хотѣлось бы вѣрить, что желательное министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ явно не вытекающее изъ закона, толкованіе будетъ дано сенатомъ...

Но какъ трагично вдругъ оказалось положеніе министерства! Столько страстныхъ, героическихъ усилій, столько разъ обходился законъ, столько разъ приходилось дѣйствовать вопреки требованіямъ этики, столько положено труда на юридическую изворотливость — и все можетъ оказаться безъ результата изъ-за какого-то Лидваля!.. На выборахъ дѣло Гурко-Лидваля сыграетъ безъ малѣйшаго въ томъ сомнѣнія огромную роль. Главное—оно такъ конкретно и просто. Исчезло до милліона казенныхъ рублей, назначенныхъ на самое святое дѣло — на удовлетвореніе голодной нужды. На мѣста хлѣбъ не доставленъ, а что доставлено въ томъ столько же дряни, сколько зерна. Нужны ли краснорѣчивые комментаріи, чтобы у самаго далеко стоящаго отъ политики человѣка получился выводъ: кто правъ въ спорѣ правительства съ первой Думой?..

Два мѣсяца назадъ, не безъ укора по адресу первой Думы, мы

отмѣчали неоправдываемую въ нашихъ глазахъ легкость, съ которой большинство Думы отказало министерству въ кредитѣ на борьбу съ голодомъ въ размѣрѣ 50 милліоновъ рублей и ассигновало всего 15 милліоновъ. Теперь намъ приходится признать, что Дума имѣла основанія, не прибѣгая къ сложной мотивировкѣ, проявить такую осторожность. Бюрократіи, очевидно, навсегда суждено остаться вѣрной самой себѣ. Своеобразность, чтобы не сказать болѣе, отношенія къ народному достоянію такъ глубоко вкоренилась въ ея нравы, что ничто не въ силахъ заставить ее отказаться отъ старыхъ привычныхъ пріемовъ распоряженія казенными деньгами—пріемовъ, при которыхъ граница между „своимъ“ и „чужимъ“ оказывается затушеванной формальностями, созданными для того, чтобы она всегда была ясно обозначена.

Первоначально въ „Рѣчи“ появилась короткая замѣтка о томъ, что подрядъ на поставку 10 милліоновъ пудовъ хлѣба для голодающихъ губерній сданъ фирмѣ Лидваля, никогда ничего общаго не имѣвшей съ хлѣбной торговлей, что одновременно съ отдачей подряда фирмѣ было выдано 800 тыс. рублей авансомъ и что обязательствъ своихъ подрядчикъ не исполняетъ. Замѣтка сдѣлалась предметомъ толковъ въ печати, и рядомъ съ именемъ Лидваля сейчасъ же появилось имя товарища министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко, въ рукахъ котораго сосредоточивалось завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ. „Русское Знамя“ приняло подъ свою защиту „сына славнаго русскаго фельдмаршала“. Г-нъ Булацель объявилъ, что „возмущенные тѣмъ, что кадюки и трудовики науськиваютъ убійцъ на Гурко, нѣсколько молодыхъ людей рѣшили осуществить старый законъ: око за око“. Онъ же писалъ: „пусть лучше Жилкинъ, Гессенъ и Милюковъ остерегутся на этотъ разъ; ибо если поднятая ими травля противъ Гурко будетъ имѣть какія-нибудь послѣдствія, то подстрекатели не избѣгнутъ расплаты, хотя бы опять побѣжали къ первому министру Столыпину и директору департамента полиціи Трусевичу просить защиты отъ черносотенцевъ“. Но... нитка запутаннаго клубка отношеній между гг. Гурко и Лидвалемъ уже была дернута, и одинъ за другимъ начали раскрываться прямо изумительные факты.

Оказалось, что г. Лидваль самъ и не намѣревался вести поставку, а принялъ подрядъ въ качествѣ посредника, для передачи другимъ лицамъ, потому что онъ вообще беретъ на себя всякія „выгодныя“ дѣла Въ числѣ этихъ дѣлъ оказались рулетка въ Петербургѣ и игорный домъ на нижегородской ярмаркѣ—съ музыкой, пѣвицами и арфистками, которыхъ уже въ теченіе десяти лѣтъ „начальство“ на ярмарку не допускало, а для г. Лидваля почему-то допустило. Постепенно стали появляться намеки на какую-то содержатель-

ницу не то притона, не то корсетной мастерской. Цифра 800 тыс. выросла въ полтора милліона... Съ другой стороны, обнаружилось, что торговый міръ давно изумлялся отдачѣ подряда Лидвалю, при условіяхъ, при которыхъ исполнить поставку было невозможно; что г. Лидваль въ моментъ заключенія договора былъ наканунѣ несостоятельности, и что по закону онъ не могъ быть допущенъ къ конкурренціи на поставку хлѣба, такъ какъ не выбралъ на 1906 годъ торговыхъ правъ...

Въ моментъ, когда мы пишемъ, дѣло находится въ такомъ положеніи: 17-го ноября Высочайше повелѣно „разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла возложить на члена Государственнаго Совѣта, д. т. с. Голубева, при участіи сенаторовъ: д. т. с. Шрейбера и т. с. Кони, с.-петербургскаго предводителя дворянства, въ должности шталмейстера, гр. Гудовича и предсѣдателя с.-петербургскаго биржевого комитета, д. с. с. Прозорова". Г-нъ Гурко отстраненъ отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ и обязанности его возложены на г. Гербеля. Высокое положеніе, судебная опытность и разнородность состава лицъ, изъ которыхъ образована коммиссія, служатъ ручательствомъ всесторонности и безпристрастія разслѣдованія. Но, къ сожалѣнію, задача коммиссіи ограничена дѣломъ о сдачѣ подряда фирмѣ Лидваля. Между тѣмъ, по городу уже ходятъ слухи, что и другимъ фирмамъ поставки сдавались на основаніяхъ, заслуживающихъ самаго серьезнаго вниманія. Разсказываютъ, что нѣкоему Г. тоже было поручено поставить десять милліоновъ пудовъ и тоже съ громаднымъ авансомъ, но въ порядкѣ не подрядномъ, а коммиссіонномъ, съ уплатою коммиссіоннаго вознагражденія въ процентномъ отношеніи къ покупной цѣнѣ, т.-е. на такихъ условіяхъ, при которыхъ поставщикъ получаетъ тѣмъ бо̀льшее вознагражденіе, чѣмъ дороже платитъ за хлѣбъ. На этихъ самыхъ основаніяхъ въ войну 1877—1878 гг. дѣйствовала знаменитая компанія Когана, Грегера и Горвица... Или вотъ еще двѣ замѣтки, напечатанныя 22-го ноября въ „Странѣ" (№ 219): „Въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года, незадолго до появленія г. Лидваля на горизонтѣ продовольственныхъ операцій, внезапно произошла замѣна представителя отъ государственнаго контроля въ продовольственной коммиссіи другимъ лицомъ. Есть основанія думать, что и тогда уже замѣчались непорядки въ постановкѣ продовольственнаго дѣла, вродѣ системы устныхъ распоряженій, превышенія власти со стороны завѣдывавшаго дѣломъ и т. п." „Товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко было ассигновано на общественныя работы для крестьянъ саратовской губерніи 1.600.000 рублей; на этой ассигновкѣ г. Гурко особенно настаивалъ на междувѣдомственномъ совѣ-

щаніи 5-го ноября. Теперь выясняется, что подобная сумма далеко превышаетъ то, что требовалось губернаторомъ и земствомъ"...

Одинъ только законъ успѣла провести за время своей недолгой дѣятельности Государственная Дума—законъ 3-го іюля объ ассигнованіи чрезвычайнымъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ пятнадцати милліоновъ рублей. Въ этотъ законъ по ея иниціативѣ включено: „Подробные отчеты о расходованіи суммъ на удовлетвореніе сѣменной и продовольственной нужды населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній министръ внутреннихъ дѣлъ публикуетъ ежемѣсячно во всеобщее свѣдѣніе". Правительство, распустившее Думу, оставило это требованіе безъ исполненія. Почему? Хотя оно и вышло изъ нѣдръ „революціоннаго сборища", но вѣдь на немъ стоитъ Высочайшая санкція: „Быть по сему". Если съ вопросами касательно г. Лидваля надлежитъ обращаться къ одному г. Гурко, то о неисполненіи закона 3-го іюля позволительно спросить министерство внутреннихъ дѣлъ. Или, быть можетъ, отчетность въ деньгахъ не совмѣстима съ „твердостью" власти?...

Въ „Рѣчи" (№ 221) напечатанъ документъ, проливающій свѣтъ на военно-полевую юстицію, какъ ее понимаютъ въ практическомъ примѣненіи высшія мѣстныя власти. Документъ этотъ—предписаніе исполняющаго обязанности коменданта г. Владивостока начальнику мѣстной тюрьмы отъ 21-го октября, за № 14107. Предписаніе гласитъ:

„Приказомъ пріамурскаго генералъ-губернатора, отъ 20-го сего октября, за № 241, китайскій подданный *У-шан-минъ* за вооруженный грабежъ 23-го сентября с. г. въ крѣпости Владивостокѣ на Семеновской улицѣ, предается военно-полевому суду, засѣданіе котораго начнется съ 12-ти часовъ дня 22-го октября и *приведеніе приговора въ исполненіе послѣдуетъ* завтра же ночью въ тюремной оградѣ, сейчасъ же по окончаніи засѣданія этого суда".

„Не будемъ останавливаться—справедливо говоритъ газета—на такихъ мелочахъ, какъ назначеніе военно-полевого суда черезъ мѣсяцъ послѣ совершенія преступленія. Это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что генералъ-губернатору уже заранѣе извѣстенъ приговоръ и онъ предусмотрительно опредѣляетъ срокъ его исполненія". Мы отъ души желали бы, чтобы этотъ документъ дошелъ до А. И. Гучкова. Министерство навѣрное лишилось бы въ немъ сторонника expresse-юстиціи"...

Владивостокъ, впрочемъ, далеко. Его отдѣляетъ отъ центра десять тысячъ верстъ. Не менѣе явное же противозаконіе совершается и въ Петербургѣ. Въ № 218 „Страны" читаемъ: „У проживающихъ въ С.-Петербургѣ: финляндскаго уроженца Отто Корхонена было обнаружено восемь заряженныхъ бомбъ и у крестьянъ—Андрея Иванова

Семгина и Якова Тимофеева Долгихъ—одна заряженная бомба и мастерская изготовленія бомбъ; бомбы хранились съ преступною цѣлью для боевыхъ организацій. Корхоненъ, Семгинъ и Долгихъ приговорами военно-полевого суда присуждены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, каковые приговоры 20-го сего ноября приведены въ исполненіе". Ссылокъ на законъ, на основаніи котораго виновные были приговорены къ смертной казни, не приведено. Въ силу ст. 126 уголовнаго уложенія, они не могли быть подвергнуты наказанію выше срочной каторги.

Въ октябрьской хроникѣ мы приводили корреспонденцію газеты „Сегодня" изъ Вендена съ описаніемъ разстрѣла двухъ Шульмейстеровъ и Широна въ отмщеніе за убійство въ Дростенгофѣ неизвѣстно кѣмъ урядника Рейнвальда. Теперь неизвѣстный найденъ, сознался и заявилъ, что онъ не имѣлъ никогда ничего общаго съ жителями Дростенгофской волости („Биржевыя Вѣдомости", № 9595)...

Какъ вяло проходилъ предвыборный періодъ, такъ же вяло прошли и самые выборы въ петербургскую городскую думу. Приняло въ нихъ участіе болѣе чѣмъ ограниченное число избирателей, особенно по второму разряду. Изъ 800 избирателей этого разряда рождественской части подали бюллетени 267; изъ 2.919 литейной—706; изъ 728 казанской—223; изъ 1.400 васильевской — 464; изъ 2.048 московской—509 и т. д. Всего, по даннымъ газетныхъ отчетовъ, изъ 13.364 избирателей исполнили свой гражданскій долгъ 3.087. Въ результатѣ полная побѣда оказалась на сторонѣ стародумской партіи, переименовавшей себя теперь въ „хозяйственно-экономическую". По первому разряду партія не пропустила ни одного прогрессиста. По второму—она включила въ свои списки и тѣмъ допустила пройти въ гласные городского голову Н. А. Рѣзцова, М. М. Стасюлевича, П. А. Потѣхина и И. Д. Зубарева.

Такимъ образомъ, если и до 1907 г. стародумская партія главенствовала въ думѣ, то въ теченіе трехлѣтія 1907—1909 гг. она уже будетъ главенствовать безраздѣльно. Отъ выборовъ 1903 г. въ думѣ осталось самое небольшое число прогрессистовъ, попавшихъ по жребію на шесть лѣтъ. Если до сихъ поръ прогрессистовъ большинство хоть выслушивало, то отнынѣ, пожалуй, и слушать перестанетъ. Установится самый мирный и семейный порядокъ веденія дѣлъ. А главное, установится полное согласіе съ администраціей. Это согласіе, переходящее въ готовность къ подчиненію начальству, составляетъ основную характерную черту, такъ называемыхъ, „правыхъ" въ земствѣ и „стародумцевъ" въ петербургской думѣ. Другая, свойственная

и тѣмъ, и другимъ, черта—мелочная экономія въ расходахъ на удовлетвореніе потребностей обывателей, при значительной тароватости въ оплатѣ труда гласныхъ, избираемыхъ на исполнительныя должности. Лучше ли пойдетъ городское хозяйство? Поживемъ—увидимъ.

Обѣ партіи на выборахъ заявляли, что кампанія ведется не на почвѣ политической группировки. Но, въ сущности, мы всѣ настолько охвачены политикой, что такая группировка сложилась сама собой. Боролись два главныхъ политическихъ теченія: одно, подавляющимъ численнымъ выразителемъ котораго является конституціонно-демократическая партія съ примыкающими къ ней, справа и слѣва, элементами; другое—которое столь же подавляюще выражается союзомъ 17-го октября, и въ которое влились для городскихъ выборовъ всѣ правые элементы, вплоть до черносотенныхъ. Для предстоящихъ государственныхъ выборовъ—городскіе были провѣркой силъ. На основаніи ихъ можно безошибочно сказать, что въ данную минуту, среди состоятельныхъ классовъ населенія Петербурга, оппозиціонность настроенія ни въ какомъ случаѣ не превышаетъ оппозиціонности октябристовъ. Хозяйственно-экономическая партія, кажется, кромѣ одной литейной части, публичныхъ собраній не устраивала. Что говорилось на частныхъ совѣщаніяхъ съ избирателями и особенно при излюбленныхъ стародумцами объѣздахъ избирателей—мы не знаемъ. Но думаемъ, что эпизоды съ рабочими, не разъ приходившими въ думу въ теченіе послѣдняго года требовать работы и помощи, какъ права, и горячая поддержка этихъ требованій нѣкоторыми гласными на основаніи теоретическихъ сужденій о правѣ на трудъ—были главнымъ предметомъ разговоровъ. Тоже—попытки ввести въ больницахъ автономію сидѣлокъ и сторожей. Эти яркіе эпизоды легко могли затмить безобразные и крупные чисто хозяйственные недочеты, обнаружившіеся, напр., въ постройкѣ дѣтской больницы, въ провалѣ Египетскаго моста и т. п.

Всѣ старанія партіи прогрессистовъ вызвать, путемъ публичныхъ собраній, общественный интересъ къ выборамъ не могли пробить бреши въ апатіи избирателей. Въ центральныхъ частяхъ города, адмиралтейской, казанской и др., являлись на приглашенія, вмѣстѣ съ устроителями, 15—20 человѣкъ. Въ окраинныхъ частяхъ—намъ случалось бывать въ петербургской—приходили нѣсколько больше, иногда человѣкъ до 100,—судя по виду, преимущественно изъ мелкихъ домовладѣльцевъ. Собранія здѣсь бывали иной разъ бурныя, но дебаты вертѣлись большей частью вокругъ личныхъ вопросовъ, или вокругъ вопросовъ узко мѣстныхъ.

Въ 1903 г., въ думу вошли новые люди—квартиронаниматели, платящіе за квартиру не менѣе тысячи рублей въ годъ—по цензу, и ли-

бералы—по убѣжденіямъ. Существеннаго поворота въ веденіе городского хозяйства они не внесли. Почему—вопросъ другой. Беремъ фактъ. Теперь ихъ ряды въ думѣ сильно порѣдѣли. Остается ожидать коренной реформы городской избирательной системы. Если суждено не быть снова распущенной второй Государственной Думѣ—реформа не за горами...

Скончавшійся 18-го ноября, въ Москвѣ, Викторъ Александровичъ Гольцевъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ былъ фактическимъ редакторомъ „Русской Мысли“, и умеръ онъ почти наканунѣ смерти этого сыгравшаго такую видную роль журнала: съ 1907 г. изданіе „Русской Мысли“, какъ мы слышали, прекращается. Въ молодости В. А. готовился къ профессурѣ. Ему удалось, однако, лишь весьма недолго быть доцентомъ въ московскомъ университетѣ; раньше онъ былъ выбранъ въ доценты новороссійскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи права, но къ чтенію лекцій не приступалъ „по независящимъ обстоятельствамъ“. Тоже весьма недолго В. А. былъ гласнымъ тверского губернскаго земства, гдѣ оставилъ по себѣ память представленною въ 1880 г. запиской о всесословной волости. Надъ покойнымъ постоянно висѣло неопредѣленное „подозрѣніе“ въ неблагонадежности, стѣснявшее его на каждомъ шагу. М. М. Ковалевскій въ посвященномъ ему некрологѣ вспоминаетъ любопытный эпизодъ: „Однажды на засѣданіи юридическаго общества въ Москвѣ я, смотря въ упоръ на В. А., сталъ критиковать нѣкоторые изъ его взглядовъ. Меня прервали врученіемъ отъ него записки, гласившей: „Вы можете разносить меня безнаказанно, такъ какъ я лишенъ возможности защищаться. Мнѣ позволено присутствовать на засѣданіяхъ общества, но я связанъ обѣщаніемъ молчать на нихъ“...

Въ „Вѣстникѣ Европы“ В. А. Гольцевъ принималъ участіе только до начала имъ самимъ издательской дѣятельности въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. Такъ, въ 1882 г. была помѣщена его статья: „Новыя попытки по рѣшенному вопросу о женскомъ образованіи“ (окт.), а въ 1884 г.—„По вопросу о прекрасномъ“ (іюнь) и „Отвѣтъ автору книги: Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты“.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ „Попечительства Трудовой Помощи".

Попечительство о трудовой помощи, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, не успѣло еще закончить всѣхъ предпринятыхъ имъ общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1905 г., какъ новое бѣдствіе потребовало вновь самой напряженной дѣятельности всѣхъ учрежденій и благотворительныхъ обществъ, призванныхъ къ оказанію помощи при неурожаяхъ.

Нѣкоторые наши сотрудники по оказанію трудовой помощи (въ бузулукскомъ, вольскомъ, хвалынскомъ и камышинскомъ уѣздахъ), оставшись на мѣстахъ, немедленно же съ половины сентября, насколько позволяли средства, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, приступили къ организаціи работъ въ наиболѣе пострадавшихъ селеніяхъ. При этомъ, совершенно исключая даровую помощь, имѣется въ виду доставленіе населенію заработка производствомъ разнообразныхъ работъ по водоснабженію, улучшенію сельскихъ дорогъ, укрѣпленію овраговъ, облѣсенію песковъ и т. п.; такимъ образомъ оказывается помощь вдвойнѣ, такъ какъ независимо заработка весь трудъ крестьянъ обращается на благоустройство ихъ же родного селенія или на улучшеніе ихъ же угодій.

Широко организованныя послѣ неурожая 1905 г. подобныя работы, а также оказанная помощь различнымъ кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ орловской, рязанской, самарской, саратовской, тамбовской и тульской—встрѣтили повсемѣстно большое сочувствіе со стороны крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также постановленія и горячія ходатайства мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній о продолженіи работъ. Къ сожалѣнію средства, которыми располагаетъ нынѣ Попечительство, чрезвычайно ограничены. Запасный капиталъ, образованный для организаціи помощи при народныхъ бѣдствіяхъ, исчерпанъ и въ распоряженіи моемъ имѣется всего 700.000 р., предоставленныхъ Попечительству изъ суммъ, ассигнуемыхъ правительствомъ для борьбы съ послѣдствіями неурожая. Поступившія же непосредственно въ Попечительство ходатайства во много разъ превышаютъ эту сумму. Предстоитъ такимъ образомъ ограничить дѣятельность немногими лишь уѣздами, постоянно въ то же время отказывая нуждающимся въ просьбахъ дать заработокъ и возможность поддержать упадающее хозяйство. Понятно, до чего невыразимо трудно отказывать въ подобныхъ случаяхъ при видѣ дѣйствительной нужды...

Отправляясь въ объѣздъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній, чтобы на мѣстахъ обсудить и выяснить возможность наиболѣе цѣлесообразно использовать тѣ небольшія средства, которыми

мы располагаемъ и изъ которыхъ уже часть израсходована на производство осеннихъ работъ, обращаемся ко всѣмъ, кто пожелаетъ внести свою ленту для облегченія крестьянской нужды и кому по̀ сердцу *трудовая помощь*, съ просьбою теперь же поспѣшить съ посильными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣрами, какъ бы скромны они ни были. Всѣ указанія относительно направленія пожертвованій въ тѣ или иныя мѣстности, или на тѣ или иныя работы, будутъ въ точности исполнены.

Пожертвованія можно направлять непосредственно къ Главноуполномоченному Общества (С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 27) и въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи (Надеждинская, 41).

О пожертвованіяхъ печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и въ журналѣ „Трудовая Помощь“, а также въ тѣхъ изданіяхъ, въ коихъ будетъ открытъ пріемъ пожертвованій.

Главноуполномоченный Попечительства, статсъ-секретарь *Галкинъ-Враской*.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1906 году.

Въ 1906-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск.	178	23. Примор. об.	56	45. Новгородск.	33
2. Кіевская.	166	24. Тверская.	56	46. Калужская.	33
3. Харьковск.	125	25. Вятская.	55	47. Виленская.	33
4. Варшавск.	97	26. Томская.	55	48. Симбирская.	33
5. Таврическ.	91	27. Волынская.	52	49. Сыръ-Д. об.	31
6. Полтавская.	88	28. Курская.	50	50. Уфимская.	31
7. Пермская.	87	29. Иркутская.	50	51. Бакинская.	31
8. Обл. В. Дон.	85	30. Ярославская	50	52. Псковская.	29
9. Тифлисская.	84	31. Тульская.	49	53. Ковенская.	29
10. Саратовск.	74	32. Самарская.	48	54. Закасп. об.	27
11. Екатериносл.	72	33. Смоленская.	47	55. Астраханск.	26
12. Черниговск.	71	34. Костромская	47	56. Эриванская.	25
13. Тамбовская.	71	35. Нижегород.	47	57. Тобольская.	23
14. Казанская.	67	36. Терская об.	47	58. Люблинская	23
15. Владимірск.	64	37. Орловская.	46	59. Кутаисская.	22
16. Пред. Китая.	64	38. Рязанская.	46	60. Акмол. об.	22
17. С.-Петерб.	63	39. Оренбургск.	45	61. Вологодская.	22
18. Подольская.	62	40. Забайк. об.	40	62. Могилевск.	21
19. Бессарабск.	61	41. Минская.	40	63. Эстляндская.	18
20. Московская.	61	42. Витебская.	39	64. Курляндск.	18
21. Лифляндск.	60	43. Гродненская	36	65. Архангельск.	17
22. Воронежск.	59	44. Пензенская.	36	66. Кубанск. об.	16

67. Енисейская.	16	78. Ферган. об.	12	89. Карсская об.	6
68. Ставропольск.	16	79. Амурск. об.	11	90. Дагест. обл.	5
69. Ломжинская.	15	80. Семипал. об.	10	91. Тургайск. об.	3
70. Петроковск.	15	81. Елисаветпол.	9	92. Або-Бьернеб.	2
71. Сувалкская.	15	82. Плоцкая .	9	93. Таваструсск.	1
72. Сѣдлецкая .	15	83. Уральск. об.	9	94. С.-Михельск.	1
73. Олонецкая .	15	84. Якутск. об.	9	95. Куопіосская.	1
74. Нюландская.	14	85. Радомская .	8		
75. Выборгская.	14	86. Черном. окр.	8		3.729
76. Самарк. об.	13	87. Калишская .	8		
77. Семирѣч. об.	12	88. Кѣлецкая.	7		

II. Въ С.-Петербургѣ	960
III. Въ Москвѣ.	454
IV. За границей	148
Всего: экз.	5.291

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

ВЪ **1906** ГОДУ.

Авилова, Л. — Человѣкъ порядка, разсказъ (май, 154).

Амафтунскій, А. — Откуда намъ взять деньги на наши нужды (мартъ, 345).

Андреевскій, С.—Дѣло въ Варшавѣ, разсказъ изъ судебной практики (дек., 602).

Анненковъ, К.—Этика индивидуальная и соціальная, и ея основы (авг., 569).

Арсеньевъ, К. К.—Воспоминанія о Спасовичѣ (нояб., 456).

Бертенсонъ, Сергѣй.—Ив. С. Тургеневъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и въ его письмахъ къ нимъ, съ нѣм. (окт., 829).

Боборыкинъ, П. Д. — „Карты на столъ“, пов. въ 2-хъ частяхъ (янв., 51; февр., 429).

Боровиковскій, А. — Законы и опечатки (нояб., 285).

Брунъ, М. Палата лордовъ въ Англіи (май, 176).

Брусянинъ, Вас. – Осенніе листья, повѣсть (янв., 175).

В., В. — Рабочія силы въ Россіи и ихъ примѣненіе (янв., 122).—Аграрный вопросъ въ Россіи (іюль, 323).

Веселовскій, Алексѣй.—Новая исторія русской литературы за-границей (апр., 851).

Веселовскій, Юрій. — П. Корнель (іюнь, 670).

В., З.—Святой, ром. Antonio Fogazzaro, Il Santo, съ итал. (янв., 236; февр., 654; мар., 194; апр. 636).—Кишсъ, исторія простой души Н. Wells, съ англ. (май, 259; іюнь, 703; іюль, 276).—Дебри, ром., Upton Sinclair, съ англ. (авг., 687; сент., 275; окт., 588; нояб., 301).—Кларисса Мирабель, съ нѣм. (дек., 706).

Веберъ, К. — Призрѣніе сиротъ и кустарные промыслы въ рабочемъ вопросѣ (янв., 329).

Воблый, К. Г.—Иммиграція съ С.-А. Штаты (сент., 156).

Воропоновъ, В. В.—Отвѣтъ г. Ѳедору Самарину (іюль, 366).—Семь лѣтъ въ крестьянскомъ банкѣ (авг., 477; сент., 127).

Газенкампфъ, М. А.—Изъ Дневника на войнѣ 1877—78 гг.—1878-й годъ

(мар., 256; апр., 489; май, 5; іюнь, 524; іюль, 49).

Гейкингъ, бар. Г.—Виды кооперації и ея предѣлы. Очеркъ кооперативнаго движенія въ Великобританіи (янв., 279). — Домашняя и общественная жизнь въ Англіи (дек., 561).

Гершензонъ, М — П. Я. Чаадаевъ 30-хъ и 40-хъ годовъ (апр., 528).—И. П. Галаховъ. Одинъ изъ „людей сороковыхъ годовъ“ (дек., 485).

Дальченко, В. И. — Китай и его вооруженныя силы (янв., 497; февр., 59).

Дерюжинскій, В. Ѳ. — Общественное мнѣніе и законодательство въ Англіи (окт., 441; нояб., 154).

Доброхотовъ, Анат. — Стихотворенія: Изъ Петёфи. I-Ц (мар., 88).—Пѣснь о Сорренто (нояб., 299).

Друцкой-Сокольнинскій, кн. Дм.— Аграрный вопросъ (апр., 751).

Жемчужниковъ, А. М.—Стихотворенія: I. Страшный годъ. II. Въ наши дни (янв., 327).—Стихотворенія: I—IV (февр. 765). — Стих.: „Сердце старое свободу ждать устало“ (май, 304).

Жемчужниковъ, Левъ.—А. Е. Бейдеманъ. Біограф. очеркъ (февр., 705).

Зѣлинскій, Ѳ. — Античная Ленора (мар., 167).

Изъ дружеской переписки гр. А. К. Толстого. — Письмо кн. Каролины Витгенштейнъ (янв., 154).—Письмо А. К. Т. къ А П. Бахметеву (апр., 691).

Калининъ, Э. Х. — Наши задачи на Ближнемъ Востокѣ (окт., 571).

К—нъ, Юл.—На развалинахъ гласнаго суда. Изъ воспоминаній женщины-стенографа 60-хъ и 70-хъ годовъ (іюль, 220).

Корсаковъ, Д. А.—Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ и С. М. Соловьевѣ (сент., 221).

Котляревскій, Н. — Гр. Алексѣй Толстой, какъ сатирикъ (іюль, 5).

Кочубинскій, Александръ. — П. І. Шафарикъ (май, 105; іюнь, 437).

Кругловъ, Александръ.—Внѣ цеха, ром. (май, 52; іюнь, 476; іюль, 169).

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—„Революціонное выступленіе“ Думы и земельный вопросъ (сент., 318).—Уклоненіе отъ воинской повинности (окт., 756).

Левенстимъ, А. А. — Графъ А. К. Толстой, его жизнь и произведенія (окт., 487; нояб., 66).

Лубинскій, М.—Разбитое счастье, пов. (мар., 88; апр., 579).

Ляцкій, Евг.—Среди новыхъ книгъ. Замѣтка (апр., 807).—Книга г. Волжскаго: „Изъ міра литературныхъ исканій“ (май, 402). — Вопросы жизни и творчества гр. Л. Н. Толстого (дек., 755).

М., Н.—Крестьянское дѣло въ лифляндской губерніи, историч. разсказъ, по даннымъ сенаторской ревизіи 1882-83 гг. (дек., 673).

Макіевскій-Зубокъ, Н. Г.—Кавказъ и кавказскіе намѣстники (февр., 613; мар., 91).

Мельникова, Н. К.—Стих.: „Зарница“, съ нѣм. (май, 258).

Нольде, бар. Б. Э. — Англія и ея автономныя колоніи (сент., 5).

Орловскій, Сергѣй. — Въ горахъ Норвегіи (окт., 688; нояб., 35).

Оршанскій, Н. — Университетскій вопросъ и „Проектъ университетскаго устава“ (янв., 5).

Открытіе Государственной Думы и начало ея дѣятельности: I. Тронная рѣчь Государя Императора. — II. Отвѣтъ Государственной Думы на тронную рѣчь, 5-го мая. III. Заявленіе Предсѣдателя Совѣта министровъ.— IV. Отвѣтъ Государственной Думы (іюнь, 760).

Полонскій, Л. А. — Современный

польскій романъ (іюнь, 581; іюль, 123). —Генрикъ Ибсенъ, очеркъ (авг., 728). —Мацѣй Борына, ром., съ польск. (окт., 521). — Смутное время нынѣ и тогда (нояб., 248).

Партія демократическихъ реформъ и ея программа (февр., 786).

Рапопортъ, С. Н. — Очерки изъ жизни лондонскаго юношества (февр., 536).—По поводу „Новой Утопіи“: H. Wells, A Modern Utopia (мартъ, 408).

Самаринъ, Ѳ. Д.—По поводу статьи г. Воронопова: „Крестьянскій банкъ и его начало“ (май, 333).

С., В. — Французскій романъ изъ военнаго быта (іюль, 99).

Свѣтловъ, Валер.—Вешній потокъ (февр., 560; мартъ, 5; апр., 437).

Сементковскій, Р.—Среди бездѣлья, пов. (нояб., 100; дек., 502).

Слонимскій, Л. З.—Недостатки нашихъ партійныхъ программъ (дек., 819).

С—л—ъ, В.—По Манчжуріи домой (авг., 433).

Ст., М.—В. Д. Спасовичъ въ его послѣднихъ письмахъ (нояб., 386).

Сѣверовъ, Н.—Въ порогахъ, пов. (авг., 507); сент., 68).

Таганцевъ, Н. С. — Законопроектъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ. Сессія 1906-го года (нояб., 5).

Тверской, П. А — Американская „злоба дня“ (апр., 616) — По поводу аграрнаго вопроса (май, 305).—Землетрясеніе въ Калифорніи (іюнь, 744). —Мое участіе въ американскомъ трёстѣ (авг., 635).—Америка и Японія (сент., 166).—Любопытныя параллели (нояб., 338; дек., 783).

Толстой, гр. А. К.—Два дня въ Киргизской степи (февр., 523).

Умановъ-Каплуновскій, В. В.—Мертвая правда, разск. (окт., 661).

Умановъ, Н. — Памяти кн. Д. В. Друцкого-Сокольнинскаго (дек., 879).

Ч., О.—Праздныя мысли, съ англ. (янв., 302; февр., 728). — Непокорный, съ франц. (мартъ, 283; апр., 702).—Подъ колесомъ, эск. по ром. Г. Гессе, съ нѣм. (май, 220).—Не герой, пов., съ англ., (іюнь, 627).—Не родной сынъ, съ нѣм. (іюль, 233; авг., 596; сент., 175). —Миссія м-ра Грина, съ англ. (окт., 720).—Въ странѣ тунеядства съ нѣм. (нояб., 197; дек., 619).

Чюмина, О.—Изъ В. Гюго: „Chants de crepuscule“, 1830 г. (апр., 749).—„Листопадъ“, стих. (окт., 586).

Шепелевичъ, Л.—Юбилейная литература о Шиллерѣ (февр., 845).—Н. И. Стороженко, некрол. (мартъ, 417).—М. С. Дриновъ, некр. (апр. 862).

Шильдеръ-Шульднеръ, Э. А.—Крестьянскіе надѣлы и причины ихъ малой производительности (авг., 772).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь. — Новый избирательный законъ.— Временныя правила о печати и о забастовкахъ. — Историческія параллели и историческіе уроки. — На комъ лежитъ отвѣтственность за послѣднія событія?— Новыя формы произвола. — Опасность, грозящая личной свободѣ (стр. 345). — Февраль.—Противоположные взгляды на манифестъ 17-го октября.—Выводы, прямо вытекающіе изъ его текста.—Государственная роспись на 1906-й годъ.—Превышеніе необходимой обороны.—Возвращеніе къ старымъ формамъ административной расправы. — Широкая волна произвола.—Съѣздъ дворянскихъ предводителей. — Проектируемое преобразованіе Государственнаго Совѣта. — Положеніе нашей печати. — Нѣсколько словъ объ учредительномъ собраніи. — По поводу партіи демократическихъ реформъ (стр. 768).—Мартъ.—Назначеніе дня открытія Государственной Думы.—Условія, при которыхъ начинается предвыборный періодъ. — Еще разъ вопросъ о „бойкотѣ“ Думы. — Запрещеніе партійныхъ собраній. — Возможность отмѣны чрезвычайныхъ законовъ.—„Требованія“ аграріевъ и допускаемые ими четыре способа рѣшенія аграрнаго вопроса. — Московскій съѣздъ делегатовъ „союза 17-го октября“. —Нѣсколько словъ о партіяхъ и о партійныхъ „блокахъ“ (стр. 326).—Апрѣль. — Начало выборовъ въ Государственную Думу. — Историческая параллель. — Характерные выборы.—Неунывающій административный произволъ. — Временныя правила объ охранѣ выборовъ и о публичныхъ собраніяхъ. Манифестъ 20-го февраля и „чрезвычайныя обстоятельства“. — Отвѣтственность министровъ и право запроса (стр. 762).—Май.—Условія, при которыхъ открывается Государственная Дума.—Ближайшія ея задачи. — Необходимость поставить на очередь аграрный вопросъ.—Проектъ новой редакціи основныхъ законовъ. —Законъ 14-го и 18-го марта.—„Клубъ независимыхъ“ и московское особое присутствіе. — „Нужны ли Россіи демократическія реформы“? (стр. 317). — Іюнь. — Первые шаги новыхъ учрежденій.—Пренія объ адресѣ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.—Безсиліе консерваторовъ и реакціонеровъ.—Министерство И. Л. Горемыкина и его декларація.—Рѣчь министра юстиціи.—Результаты примѣненія исключительныхъ законовъ. — Безцѣльность политическихъ убійствъ. — Ожидаемое упраздненіе земскихъ начальниковъ. — Запоздалые оправдательные приговоры (стр. 772).—Іюль.—Мнимое бездѣйствіе Государственной Думы.—Роль конституціонно-демократической партіи. — Меньшинство и парламентскія коммиссіи. — Бездѣйствіе Государственнаго Совѣта.— Программа его „центра“.—Министерство Горемыкина; его законопроекты и его административная дѣятельность. — Рѣчь главнаго военнаго прокурора.—Рѣчи министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.— Рѣчь кн. Урусова. — Положеніе періодической печати.—Вопросъ о неприкосновенности депутатовъ.—Еще о программѣ партіи демократическихъ реформъ (стр. 347). — Августъ. — Высочайшій манифестъ 9-го іюля. — Значеніе досрочнаго распущенія; условія, отъ которыхъ зависятъ его результаты.—Вопросъ о диктатурѣ.—Вопросъ о примѣненіи ст. 45-ой основныхъ законовъ. — Возможно ли было образованіе министерства изъ среды Государственной Думы?—Обвиненія, взводимыя на Думу.—Слова и дѣйствія новаго министерства. — Единственный нормальный выходъ изъ труднаго положенія. — Беззастѣнчивое пророчество.—Post-scriptum (стр. 757).—Сентябрь. — Тяжелое время.—Единственный выходъ изъ ужаснаго положенія.—Высочайшій указъ 12-го августа. — Несостоявшееся либеральное министерство. — Возможно ли теперь измѣненіе избирательнаго закона?—Партія мирнаго обновленія и отношеніе къ ней другихъ конституціонныхъ партій.— Партія народной свободы и крайніе лѣвые. — Думскій законопроектъ о неприкосновенности личности. — Ѳ. Г. Терперъ †. — Post-scriptum (стр. 243). — Октябрь. — Правительственное сообщеніе 24-го августа.—Предѣлы, въ которыхъ насиліе законно можетъ быть отражаемо насиліемъ.—Военно-полевые суды и диктатура.—Гдѣ таится жажда власти?— Новый видъ православныхъ братствъ.— Вопросы, признаваемые неотложными.— Земство и недоимки.—Возможно ли измѣненіе избирательнаго закона? — Еще о

партіи мирнаго обновленія. — Общеземская организація продовольственной помощи (стр. 771). — Ноябрь. — Тяжелый годъ.—Неприкосновенность закона о выборахъ. — Разъясненіе его Сенатомъ. — Высочайшій указъ 5-го октября.—Новыя правила о старообрядцахъ и сектантахъ. — Вопросы земскій, еврейскій и аграрный на съѣздѣ „группы центра“ Государственнаго Совѣта —Циркуляры о военно-полевомъ судѣ и объ отношеніи должностныхъ лицъ къ политическимъ партіямъ (стр. 369).—Декабрь.—Условія, въ которыя поставлены наши политическія партіи. — Военно-полевые суды и вопросъ о смертной казни.—Союзъ 17-го октября и „монархическія“ партіи.—Партія мирнаго обновленія.—Предвыборные „блоки“. —Указъ 9-го ноября.—Будущее земскихъ начальниковъ. — „Еврейская крамола“ и „истинно-русскіе люди“. — Post-scriptum (стр. 802).

II. Литературное Обозрѣніе.—Январь.—I. Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1905 г. Кн. седьмая. — II. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, А. Н. Радищева.— III. Щукинскій Сборникъ, вып. 4.—IV. Арсеній Мацѣевичъ, митроп. Ростовскій и Ярославскій, священника М. С. Попова.—**Евг. Л.**—Новыя книги и брошюры (стр. 374).—Февраль. — I. А. Ѳ. Кони, Очерки и воспоминанія.—II. О государствѣ русскомъ, Флетчеръ. — III. Карлъ Каутскій, Т. Моръ и его утопія.— IV. Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова, томъ четвертый. —V. Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ, изд. Г. Ѳ. Львовича.—**Евг. Л.**—Новыя книги и брошюры (стр. 807).—Мартъ.—I. Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. XX. — II. Былое, кн. I.—III. Исторія города Харькова за 250 л. его существованія (1655 — 1905 г.г.), проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера.—**Евг. Л.**—IV. С. Мартыновъ, Печорскій край.—**W.**—V. Н. А. Рубакинъ, Среди книгъ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 366).—Апрѣль. —I. В. К. Николай Михаиловичъ, Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ имп. Александра и Наполеона, т. I.—II. Алексѣй Веселовскій, Западное вліяніе въ новой русской литературѣ.—III. Сватиковъ, С., Общественное движеніе въ Россіи, 1700—1895 г.г.—IV. Розановъ, В., Около церковныхъ стѣнъ, т. I. — V. Валерій Брюсовъ, Вѣнокъ. Стихи. 1903—5.—**Евг. Л.** —VI. Библіографическій обзоръ земской статистической и оцѣночной литературы, 1864—1903 г.г., состав. В. Караваевъ.— VII. П. Соковнинъ, Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ.—**В. В.**—VIII. Отечественная война 1812 года, А. Н. Попова, т. I.—**Н. М.** —Новыя книги и брошюры (стр. 779).— Май. — I. Ад. Олеарій, Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Введеніе, переводъ, примѣчанія и указатель А. Ловягина.—II. Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 г. Кн. IX.—III. Розановъ, В., Около церковныхъ стѣнъ.—IV. С. Рафаловичъ, „Свѣтлыя Пѣсни“.— V. Графъ П. Шереметевъ, Замѣтки. — **Евг. Л.** — VI. М. Герценштейнъ, Аграрный вопросъ. — VII. Проф. М. Грушевскій, Очеркъ исторіи украинскаго народа. **А. Лотоцкаго.** — VIII. страхованіе рабочихъ, Е. Дементьева.—IX. Выкупная операція, Ал. Лосицкаго. – **В. В.** – Новыя книги и брошюры (стр. 341). — Іюнь. — I. Рейтенфельсъ, Як., Сказанія о Московіи. — II. М. М. Антокольскій, его жизнь, творенія и статьи. — III. И. Ѳ. Анненскій, Книга отраженій.—**Евг. Л.**—IV. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества и Архивъ князя А. И. Чернышева.—**Н. М.** —V. О. Н. Чюмина (Михайлова). „Новыя стихотворенія“.—**К. Ч-ій.** — VI. А. Фортунатовъ, Поземельныя отношенія въ Западной Европѣ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 788).—Іюль.—I. Сочиненія Пушкина, изд. Акад. Наукъ, т. II. — II. П. И. Пестель, Русская Правда, наказъ Временному Верховному Правленію.—III. Противъ смертной казни, сборникъ статей п. р. М. Гернета.—IV. А. С. Пругавинъ, Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898—99 г.г.—V. Тюшовъ, В. Н., По западному берегу Камчатки. — VI. Мережковскій, Д. С., Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго.—**Евг. Л.**—VII. Декабристы, 86 портретовъ. Біограф. текстъ П. Головачева, вступленіе В. Мякотина.—**А. Г.** —Новыя книги и брошюры (стр. 371).— Августъ. — I. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя столѣтъ его существованія (1805—1905).— II. Патлановъ, С. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I, вып. I-й и II-й. — III. Монголія и Камъ. Труды Экспедиціи Имп. Русскаго Геогр. Общества, подъ руководствомъ П. К. Козлова. Т. I. Часть первая и вторая. —IV. Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—Исторія русской интеллигенціи.— V. Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 годъ. Книга десятая.—**Евг. Л.**—VI. „Маякъ“. Литературно-публицистическій сборникъ. —**W.**—VII. Справочная книга соціалиста. Гуго и Штегманна. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго и Л. Марковича. Т. I-ый, выпуски I, II, III. — **Д. Кле-**

менца.—Новыя книги и брошюры (стр. 787). — Сентябрь. — I. Андреевъ, Л., Мелкіе разсказы. Т. III.—II. Довнаръ-Запольскій, М. В., Мемуары декабристовъ. —III. Изъ писемъ и показаній декабристовъ, п. р. А. К. Бороздина.— IV. Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694), изслѣд. Н. В. Чарыкова.—**Евг. Л.**—V. Карлъ Каутскій, Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. — **К. Ч—скій.** — Новыя книги и брошюры (стр. 363).—Октябрь. — I. Довнаръ-Запольскій, М. В., проф., Идеалы декабристовъ.— II. I. Г. Корбъ, Дневникъ путешествія въ Московію, перев. А. И. Малеина.—III. Фаресовъ, Мужики и начальство.—IV. Е. В. Пѣтуховъ, Императорскій юрьевскій, бывшій дерптскій университетъ, 1865—1902 г.—V. Ларенко, Страдные дни Портъ-Артура. — Веревкинъ, Н., и Ножинъ, Е. К., — объ осадѣ Портъ-Артура. — Купчинскій, Ф., Въ японской неволѣ. — **Евг. Л.**—VI. Г. Галина, Предразсвѣтныя пѣсни. — **К. Ч.** —VII. Качоровскій, Народное право. — VIII. И. Х. Озеровъ, Политика по рабочему вопросу въ Россіи, за послѣдніе годы.—IX. Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ земельномъ вопросѣ, изслѣд. П. Н. Соковнина. — **В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 791). — Ноябрь.—I. Эмиль Верхарнъ, Стихи о современности, въ перев. В. Брюсова.— II. Нелидовъ, Ѳ., Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы.—Саводникъ, В., Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка.—Келтуяла, В., Курсъ исторіи русской литературы, ч. I.—Сиповскій, В., Исторія русской литературы, ч. I и II.—III. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, тт. I и II, изданіе В. Кн. Николая Михаиловича.— **Евг. Л** — IV. Н. Рожковъ, Происхожденіе самодержавія въ Россіи.—**Н. П. С.**—V. М. А. Рейснеръ, Русскій абсолютизмъ и европейская реакція.—VI. А. И. Шершенко, Правовое и экономическое положеніе иногородныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ.— **В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 394).—Декабрь. — I. Щукинскій сборникъ, вып. 5-ый. — II. Эптонъ Синклеръ, „Чаща“ (The Jungle), амер. романъ. — Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 г., кн. XI.—**Евг. Л.** — III. Ю. Г. Жуковскій, Деньги и банки.—IV. Н. Д. Чечулинъ, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. —**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 824).

III. Иностранное Обозрѣніе.—Январь.—Печальные итоги истекшаго года. —Послѣдствія военныхъ катастрофъ. — Вліяніе внѣшнихъ неудачъ на внутреннее политическое положеніе. — Международныя отношенія: военно-морскіе инциденты и крейсерство. — Политика Германіи.— Портсмутскій миръ.—Главныя событія въ другихъ государствахъ (стр. 361).—Февраль.—Избраніе новаго президента республики во Франціи и побѣда либеральной партіи въ Англіи. — Политическое значеніе этихъ событій, въ связи ихъ съ печальнымъ положеніемъ Россіи. — Версальскій конгрессъ и президентъ Фалліеръ. — Особенности республиканскаго режима и мечты о славной старинѣ. — Скорбный „возгласъ“ въ честь короля.— Англійскіе парламентскіе выборы. — Перемѣна царствованія въ Даніи (стр. 794). — Мартъ. — Вопросъ о войнѣ и мирѣ, въ связи съ особенностями военно-политическаго строя.—Международный кризисъ изъ-за Марокко.— Конференція въ Алжесирасѣ.—Французскія дѣла.—Энциклика папы Пія X.—Волненія въ Австро-Венгріи. — Новая парламентская сессія въ Англіи (стр. 352).—Апрѣль.—Министерскій кризисъ во Франціи. — Парламентскія пренія по поводу „катастрофы въ Бешенѣ“.—Инциденты при примѣненіи закона о церковныхъ имуществахъ.—Печальныя параллели. — Программа новаго французскаго кабинета. — Марокканская конференція. — Отголоски русско-японской войны (стр. 824). — Май.— Странная роль нынѣшней русской дипломатіи. —Проектъ созыва новой конференціи въ Гаагѣ.—Марокскій вопросъ, франко-русская дружба и русскій заемъ.—Волненія рабочихъ во Франціи. — Вопросъ о реформахъ въ Австріи и новое министерство въ Венгріи.—Конституція въ Черногоріи (стр. 379). — Іюнь.—Иностранная печать о первомъ русскомъ парламентѣ. — Разсужденія нѣкоторыхъ лондонскихъ газетъ. — Странныя обмолвки въ „Temps“.—Отзывы нѣмецкой прессы. —Защита русскихъ подданныхъ въ прусской палатѣ депутатовъ. — Французскіе парламентскіе выборы.—Балканскія дѣла: турецкія и прочія звѣрства (стр. 819).— Іюль.—Отголоски русскихъ дѣлъ заграницей. — Митингъ протеста въ Берлинѣ и рѣчь проф. Листа.—Парламентскія пренія во Франціи.—Луи Пасси о забытыхъ либеральныхъ принципахъ. — Министерская декларація.—Политическіе вопросы и соціальныя программы.—Рѣчи Жореса и Клемансо. — Внутренніе кризисы въ Австріи и Венгріи (стр. 397).—Августъ. —Международное значеніе русскаго кризиса.—Отсрочка англо-русскихъ манифестацій. — Толки о секретныхъ политическихъ планахъ и вопросъ о вмѣшатель-

ствѣ. — Личная политика Вильгельма II. —Иностранная печать о русскихъ дѣлахъ. —Британскій премьеръ о роспускѣ Думы. —Международная конференція мира въ Лондонѣ. —Конецъ дѣла Дрейфуса (стр. 820). — Сентябрь. — Годовщина Портсмутскаго мира.— Перемѣны въ общемъ международномъ положеніи, подъ вліяніемъ упадка русскаго могущества.— Либеральная политика Англіи. — Личная роль короля Эдуарда VII.—Особыя преимущества его конституціоннаго положенія. — Вильгельмъ II и его министры.— Неудобства безотвѣтственности правительства.—Церковный вопросъ во Франціи. — Балканскія дѣла (стр. 395).—Октябрь.—Рѣчи Вильгельма II и прусскій монархизмъ.—Консервативная оппозиція противъ короля.—Внутреннія дѣла Пруссіи и Германіи.—Соціалистическій съѣздъ въ Мангеймѣ. —Критскій вопросъ. Реформы въ Китаѣ и Персіи (стр. 842).— Ноябрь. — Мемуары князя Гогенлоэ. — Разоблаченія относительно причинъ и обстоятельствъ отставки Бисмарка.—Новыя черты для характеристики „Желѣзнаго канцлера“. — Забавно-поучительная исторія въ Кепеникѣ —Перемѣна министерства во Франціи. — Австрійскіе министры иностранныхъ дѣлъ (стр. 427).— Декабрь. — Двадцатипятилѣтіе соціальнаго законодательства въ Германіи. — Особенности прусской внутренней политики.—Отсутствіе реакціи при добросовѣстномъ правительствѣ.—Поучительныя сопоставленія. — Рѣчь кн. Бюлова въ имперскомъ сеймѣ. — „Личный режимъ“ и нравственная отвѣтственность министровъ.—Программа министерства Клемансо.—Сербскія дѣла (стр. 851).

IV. Новости Иностранной Литературы. — Январь.— I. René Doumic, Etudes sur la littérature française. — Charles Maurras, L'avenir de l'Intelligence. — Jean Lionnet, L'évolution des idées chez quelques uns de nos contemporains.—II. H. Sudermann, Das Blumenboot, Schauspiel in 4 Akten. — **З. В.** (стр. 396).—Февраль.—I. Arthur Schnitzler. Zwischenspiel. Komödie.—II. Hermann Bahr. Der arme Narr. Schauspiel.— **З. В.** (стр. 831). —Мартъ.—I. Gerhardt Hauptmann, „...Und Pippa tanzt“.—II. Tristan Bernard, Amants et voleurs. — **З. В.** (стр. 892) —Апрѣль.—I. Eugène Gilbert, France et Belgique.—II. Johannes Schlaf, Maeterlinck.—**З. В.** (стр. 839).— Май. — James Huneker. Iconoclasts. A book of dramatists.—**З. В.** (стр. 398).— Іюнь.—I. Marcelle Tinayre. La Rebelle. Roman.—II Alfred Surto. Mollentrave on Women. Comedy.—**З. В.** (стр. 835).— Іюль.—Nicolas Notovitch. La Russie et l'Alliance anglaise. Étude historique. — **Л. С.** (стр. 411).—Августъ.—I. R. Garnett. De Flagello Myrteo.—II. François de Curel. Le Coup d'Aile.—**З. В.** (стр. 836).—Сентябрь.—I. John Galsworthy, „The Man of Property“.—II. Saint-Georges de Bouhelier. „Le Roi sans couronne“. Pièce en 5 actes. — **З. В.** (стр. 407).— Октябрь.—Georg Brandes, Henrik Ibsen. —**З. В.** (стр. 858). — Ноябрь.—I. Marcel Prevost. Monsieur et Madame Moloch.—**З. В.**—II. Eugène Pierre, Traité de droit politique, électoral et parlementaire.—**Кн. Н. Г.** (стр. 441).—Декабрь. — I. Anatole France, Vers les temps meilleurs. — II. Jérome - Jean Tharaud. Dingley, l'illustre écrivain. — **З. В.** (стр. 866).

V. Изъ Общественной Хроники.— Январь.—Ходъ развитія революціоннаго настроенія. — Слова и дѣйствія министерства графа Витте. — Декабрьская политическая забастовка въ Петербургѣ. — Забастовка ресторанной прислуги.— Итоги вооруженнаго возстанія въ Москвѣ. — Ожидаемое возстаніе въ Петербургѣ.—Событія въ прибалтійскомъ краѣ. — Характерныя мелочи (стр. 470). — Февраль.—Памятная годовщина.—Идейное значеніе событій 9-го января 1905 года въ Петербургѣ и нѣсколько воспоминаній.—Петиція рабочихъ.—Георгій Гапонъ. — Арестъ „временнаго правительства“.—Смѣна общественнаго настроенія. — Характерные показатели. — Что̀ поддерживаетъ революціонное настроеніе въ обществѣ?—Несостоявшееся тверское губернское земское собраніе. — Новая народная газета.—Проф. Н. И. Стороженко; Р. А. Писаревъ; Н. А. Лейкинъ † (стр. 849). — Мартъ.—Тяжелыя перспективы. —Реакція и ея проявленія.—Военная диктатура.—Девятнадцатое февраля.—Кого будутъ выбирать въ Государственную Думу?—Страница изъ исторіи „свободной“ печати въ Харьковѣ.—Изъ недавняго прошлаго: г. Зубатовъ о „зубатовщинѣ“ (стр. 422). — Апрѣль.— Первая стадія выборовъ въ Думу.—Впечатлѣнія избирателя. —Общій тонъ отношенія крестьянъ къ „начальству“ и къ „господамъ“.—Выборы въ Государственный Совѣтъ и земство.— — Казнь Шмидта.—Дѣло Спиридоновой. — Судебные процессы редакторовъ „Руси“, „Нашей Жизни“, „Начала“ и др.— Безпримѣрная репрессія. — В. А. Крыловъ; В. И. Лихачевъ † (стр. 864). — Май.—Результаты выборовъ въ Государственную Думу.—Что̀ ими опредѣлилось? —Кто побѣдилъ на выборахъ и кто побѣжденъ?— Крестьяне и партійныя про-

граммы.— Къ вопросу о прямомъ и степенномъ голосованіи. — „Разгонятъ“ ли Думу?—„Тибетская медицина“ и заключеніе по ней медицинскаго совѣта. — Postscriptum (стр. 418).—Іюнь.—Открытіе Государственной Думы.—Впечатлѣнія первыхъ дней.—Пренія по аграрному вопросу.—Нежелательные пріемы партійной борьбы.— Первые запросы. — Допустима ли для Думы забастовка? — Тонъ деклараціи министерства. — Иллюстрація къ „диктатурѣ пролетаріата“.—И. С. Соколовъ † (стр. 849). — Іюль. — „Передъ грозой“.—Ожидаемое министерство изъ думскаго большинства.— Общее настроеніе Государственной Думы.— Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. — Инцидентъ съ генераломъ Павловымъ.—Отмѣна смертной казни. — Своевременна ли эта мѣра? — Бѣлостокскій погромъ въ обрисовкѣ правительственнаго сообщенія и доклада коммиссіи Государственной Думы (стр. 416). — Августъ. — Роспускъ Государственной Думы.—Кому нанесенъ тяжелый ударъ?— Послѣдніе дни засѣданій Думы.—Объясненія товарищей министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. — Признаки готовившагося перехода къ дѣловой работѣ. — Ближайшія перспективы. — Юридическій хаосъ. — Отчетъ училищной коммиссіи въ Петербургѣ. — М. Я. Герценштейнъ † (стр. 853). — Сентябрь.— Мѣсяцъ кровавыхъ событій.—Военные бунты.—Покушеніе на П. А. Столыпина.—Что можетъ положить конецъ?—Попытки реакціи повернуть общественное настроеніе.—Отношеніе деревни къ „черносотенцамъ“.— Критическое положеніе земства. — Къ предстоящему началу учебнаго года. — Новыя средства борьбы съ революціонной пропагандой въ войскахъ (стр. 422). —Октябрь.—Два террора.—Письмо А. И. Гучкова.—Торжество революціонныхъ элементовъ справа.—Исключеніе бывшихъ членовъ Думы изъ курскаго дворянскаго собранія. — Родительскіе комитеты въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Пріѣздъ англійской депутаціи. — Л. Е. Оболенскій † (стр. 866).— Ноябрь.—Годовые итоги. — Процесъ совѣта рабочихъ депутатовъ.—Судебная ликвидація „дней свободы“ и войны. — Предварительное слѣдствіе о бывшихъ членахъ Государственной Думы. — Городскіе выборы въ Петербургѣ. — Несостоявшійся пріемъ англійской депутаціи.—В. Д. Спасовичъ †. —Александръ Веселовскій и В. В. Стасовъ †. — И. Н. Захарьинъ-Якунинъ † (стр. 462). — Декабрь. — Подавлена ли революція и наступило ли успокоеніе?— Партійная предвыборная страстность министерства.—Дѣло Гурко-Лидваля. — Изъ практики expesse-юстиціи. — Результатъ городскихъ выборовъ въ Петербургѣ. — В. А. Гольцевъ † (стр. 882).

VI. Извѣщенія.—I. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія (янв., 496; апр., 880; май, 434; іюнь, 868; авг., 868; окт., 882).—II. Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра (янв., 426; апр. 880; май, 434; окт., 882).—III. Отъ Комитета Литературнаго Фонда (іюнь, 868; авг., 868; окт., 882; нояб., 481). — IV. Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина (окт., 882). — V. Отъ партіи „демократическихъ реформъ“ (нояб., 481).—VI. Отъ „Попечительства Трудовой помощи“ (дек. 898).

VII. Библіографическій Листокъ. —Январь.—А. Ѳ. Кони, Очерки и воспоминанія. — Дружининъ, Н. П., Избиратели и народные представители.—Избранныя сочиненія Т. Н. Грановскаго.— Пири, Р. Е., По большому льду къ сѣверу, пер. съ англ., подъ ред. П. Беркоса.— Февраль. — Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. I, вып. 4. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича. — Государство и вѣрующая личность, М. Рейснера. — Политическій строй современныхъ государствъ, т. II. — Н. Веревкинъ, Страничка изъ Дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. — Мартъ.—Курсъ русской исторіи, проф. В. Ключевскаго, ч. II. — Отечественная война 1812 года, А. Н. Попова, т. I. — Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, 1808 — 1812 г.г. Т. I, II, III. Съ введеніемъ и предисловіемъ В. К. Николая Михаиловича.—А. Веселовскій, Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. — И. И. Янжулъ, Забастовки или стачки рабочихъ и чиновниковъ. — Апрѣль. — Г. Тардъ, Преступникъ и преступленіе. — Л. Котельманъ, Основы школьной гигіены. — Философія Давида Юма, Н. Д. Виноградова.—Проф. Г. Челпановъ, Введеніе въ философію.—По аграрному вопросу. Отрывочныя мысли, В. Гурко.—Май.—Костомаровъ, Н. И., Собраніе сочиненій. Кн. VIII и послѣдняя.—Политическая энциклопедія, въ 3-хъ томахъ. Т. I, вып. 1, к. р. Л. З. Слонимскаго. — Арсеньевъ, К. К., Салтыковъ-Щедринъ.—Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ имп. Александра и Наполеона, 1808 — 1812 г.г., т. IV, изд. В. К. Николая Михаиловича. — Буркгардтъ, Як., Культура Италіи въ эпоху „Возрожденія“, т. I и II. Перев. С. Бриліанта.—Іюнь.—Никоновъ, Ѳ. П. Крестьянскій правопорядокъ и его желательное

будущее.—Паткановъ, С., Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I: Тунгусы собственно. Вып. 1 и 2.—Сочиненія А. П. Щапова. Томъ второй.—Кайгородовъ, Д., Перватые хищники. Популярные очерки изъ міра русскихъ хищныхъ птицъ. Съ 12-ью красочными и многочисленными рисунками въ текстѣ. — Іюль.—Кабанесъ и Л. Нассъ, Революціонный неврозъ. Перев. съ франц., подъ ред. Д. Ф. Коморскаго.—М. В. Бернацкій, Къ аграрному вопросу. — Людовикъ Нодо, письма о войнѣ съ Японіей. Перев. съ франц. Н. М. Лагова. — Августъ. — Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка.—Эдмъ Шампьонъ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 года. — І. І. Липковскій. Революція или эволюція?—Г. Г. Савичъ. Къ вопросу о мелкой земской единицѣ; село Павлово и его общественное устройство. — Гражданскіе законы Калифорніи. Соч. Кронида Малышева, I—II т. — Сентябрь.—Политическая Энциклопедія. Т. I, вып. 2-ой. — Проф. В. А. Косинскій. Къ аграрному вопросу. Вып. I.—Крестьянское и помѣщичье хозяйство.—Проф. П. П. Мигулинъ. Аграрный вопросъ.—М. Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. — Октябрь.— Черевanскій, Вл., Исчезнувшее царство. — А. Н. Пыпинъ, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. Третье изданіе. — В. Святловскій, Къ исторіи политической экономіи и статистики въ Россіи. — М. Оленовъ, Такъ-называемый „кризисъ марксизма“. — Жоржъ Вейль, Исторія соціальнаго движенія во Франціи (1852—1902 г.).—Ноябрь. — Русскіе портреты XVIII и XIX ст. Т. II, вып. 3. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича.—М. Ковалевскій, Отъ прямого народоправства къ представительному, т. II.—Политическая Энциклопедія, т. I, вып. 3.—Н. Д. Чечулинъ, Очерки изъ исторіи русскихъ финансовъ въ царств. Екатерины II.—Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 2.—Полное собраніе сочиненій А. П. Щапова, т. I.—Декабрь.—Янжулъ, И. И., Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. — Кузьминъ-Караваевъ, В. Д., Изъ эпохи освободительнаго движенія. I: До 17-ое октября 1905 года. — Э. Н. Берендтсъ, Кое-что о современныхъ вопросахъ. — Вильг. Блосъ, Исторія германской революціи 1848 г.

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь—Декабрь, 1906.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

стр.

Законопроектъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ.—Сессія 1906 года. —I—VI.—Н. С. ТАГАНЦЕВА. 5

Въ горахъ Норвегіи.—Изъ путевыхъ замѣтокъ. — XIII—XXII.— Окончаніе.— СЕРГѢЯ ОРЛОВСКАГО. 35

Графъ А. К. Толстой, его жизнь и произведенія. — VI — XI. — Окончаніе. — А. А. ЛЕВЕНСТИМА. 66

Среди вездѣлья.—Повѣсть.—I—XIII.— Р. СЕМЕНТКОВСКАГО 100

Общественное мнѣніе и законодательство въ Англіи.—IV—VI.—Окончаніе.— В. Ѳ. ДЕРЮЖИНСКАГО 154

Въ странѣ тунеядства.—Романъ Генриха Манна.—Съ нѣм. О. Ч. 197

Смутное время нынѣ и тогда.—1600—1900. — La Crise révolutionnaire, 1584 —1614, par K. Waliszewski. — Л. ПОЛОНСКАГО. 248

Законы и опечатки. — Посмертный трудъ. — Съ предисловіемъ Z. — АЛЕКСАНДРА БОРОВИКОВСКАГО 285

Стихотвореніе.—Пѣснь о Сорренто.—Изъ Поля Гейзе.—А. ДОБРОХОТОВА. 299

Дебри.—Романъ.—Upton Sinclair. The Jungle.—XXIII—XXX.—Съ англ. З. В. 301

Хроника. — Любопытныя параллели. — Письмо въ Редакцію. — I. — П. А. ТВЕРСКОГО. 338

Внутреннее Обозрѣніе. — Тяжелый годъ.—Неприкосновенность закона о выборахъ.—Разъясненіе его Сенатомъ.—Высочайшій указъ 5-го октября.— Новыя правила о старообрядцахъ и сектантахъ.—Вопросы земскій, еврейскій и аграрный на съѣздѣ „группы центра“ Государственнаго Совѣта.—Циркуляры о военно-полевомъ судѣ и объ отношеніи должностныхъ лицъ къ политическимъ партіямъ 369

Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ—въ его послѣднихъ письмахъ.—М. СТ. 386

Литературное Обозрѣніе. — I. Эмиль Верхарнъ, Стихи о современности, въ перев. В. Брюсова. — II. Нелидовъ, Ѳ., Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. — Саводникъ, В., Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка.—Келтуяла, В., Курсъ исторіи русской литературы, ч. I. — Сиповскій, В., Исторія русской литературы, ч. I и II.— III. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, тт. I и II, и т. д. . . 394

Иностранное Обозрѣніе. — Мемуары князя Гогенлоэ. — Разоблаченія относительно причинъ и обстоятельствъ отставки Бисмарка.—Новыя черты для характеристики „Желѣзнаго канцлера“. — Забавно-поучительная исторія въ Кепеникѣ.—Перемѣна министерства во Франціи.—Австрійскіе министры иностранныхъ дѣлъ 427

Новости Иностранной Литературы. — I. Marcel Prevost. Monsieur et Madame Moloch.—З. В.—II. Eugène Pierre, Traité de droit politique, électoral et parlementaire.—Кн. Н. Г. 441

Воспоминанія о В. Д. Спасовичѣ. — К. К. АРСЕНЬЕВА. 456

Изъ Общественной Хроники. — Годовые итоги. — Процессъ совѣта рабочихъ депутатовъ. — Судебная ликвидація „дней свободы“ и войны. — Предварительное слѣдствіе о бывшихъ членахъ Государственной Думы. — Городскіе выборы въ Петербургѣ.—Несостоявшійся пріемъ англійской депутаціи.—В. Д. Спасовичъ †.—Александръ Веселовскій и В. В. Стасовъ †.—И. Н. Захарьинъ-Якунинъ †. 462

Извѣщенія. — I. Отъ партіи „демократическихъ реформъ“. — II. Отъ Комитета Литературнаго Фонда 481

Библіографическій Листокъ.—Русскіе портреты XVIII и XIX ст. Т. II, вып. 3. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича.—М. Ковалевскій, Отъ прямого народоправства къ представительному, т. II.—Политическая Энциклопедія, т. I, вып. 3. — Н. Д. Чечулинъ, Очерки изъ исторіи русскихъ финансовъ въ царств. Екатерины II.—Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 2.—Полное собраніе сочиненій А. П. Щапова, т. I.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

	стр.
И. П. Галаховъ, одинъ изъ „людей сороковыхъ годовъ“.—М. ГЕРШЕНЗОНА.	485
Среди бездѣлья. — Повѣсть. — XIV—XXIV. — Окончаніе — Р. СЕМЕНТКОВСКАГО	502
Домашняя и общественная жизнь въ Англіи. — Наблюденія и замѣтки.—Бар. Г. ГЕЙКИНГА	561
Дѣло въ Варшавѣ.—Разсказъ изъ судебной практики.—С. АНДРЕЕВСКАГО.	602
Въ странѣ тунеядства.—Романъ Г. Манна.—H. Mann, Im Schlaraffenland.—VII—XII.—Окончаніе. — Съ нѣм.—О. Ч	619
Крестьянское дѣло въ Лифляндской губерніи. — Историческій очеркъ, по даннымъ сенаторской ревизіи 1882 — 1883 гг.—I-VI.—Н. М.	673
Кларисса Мирабель. — Разсказъ.— Jakob Wassermann, Clarissa Mirabel (Die Schwestern).— Съ нѣм. З. В	706
Вопросы жизни и творчества гр. Л. Н. Толстого. — По поводу „Біографіи Л. Н. Толстого“, г. Бирюкова, т. I, и „Полнаго собранія соч. Л. Н. Т.“, вышедшихъ заграницей. Т. I.—ЕВГ. А. ЛЯЦКАГО	755
Хроника.—Любопытныя параллели. — Письмо въ Редакцію.—II.— П. А. ТВЕРСКОГО.	783
Внутреннее Обозрѣніе.—Условія, въ которыхъ поставлены наши политическія партіи. — Военно-полевые суды и вопросъ о смертной казни. — Союзъ „17-го октября“ и „монархическія“ партіи. — Партія „мирнаго обновленія“.—Предвыборные „блоки“.—Указъ 9-го ноября. — Будущее земскихъ начальниковъ. — „Еврейская крамола“ и „истинно-русскіе люди“.	802
Замѣтка.—Недостатки нашихъ партійныхъ программъ.—Л. З. СЛОНИМСКАГО.	819
Литературное Обозрѣніе. — I. Щукинскій сборникъ, вып. 5-ый. — II. Эптонъ Синклеръ, „Чаща“, романъ. — Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 г., кн. XI.—Евг. Л.—III. Ю. Г. Жуковскій, Деньги и банки.—IV. Н. Д. Чечулинъ, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. В. В.—Новыя книги и брошюры	824
Иностранное Обозрѣніе — Двадцатипятилѣтіе соціальнаго законодательства въ Германіи. — Особенности прусской внутренней политики.—Отсутствіе реакціи при добросовѣстномъ правительствѣ. — Поучительныя сопоставленія.—Рѣчь кн. Бюлова въ имперскомъ сеймѣ.—„Личный режимъ“ и нравственная отвѣтственность министровъ.—Программа министерства Клемансо.—Сербскія дѣла	851
Новости Иностранной Литературы.—I. Anatole France. „Vers les temps meilleurs“. — Jérome-Jean Tharaud, Dingley.—В. В.	866
Памяти кн. Д. В. Друцкого-Сокольнинскаго.—Н. УМАНОВА	879
Изъ Общественной Хроники.—Подавлена ли революція и наступило ли успокоеніе? — Партійная предвыборная страстность министерства. — Дѣло Гурко-Лидваля. — Изъ практики exgresse-юстиціи. — Результатъ городскихъ выборовъ въ Петербургѣ.—В. А. Гольцевъ †	882
Извѣщенія.—Отъ „Попечительства Трудовой Помощи	898
Матеріалы Журнальной Статистики.—„Вѣстникъ Европы“, въ 1906 г.	900
Алфавитный Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, въ 1906 г.	902
Объявленія	913
Библіографическій Листокъ.— Янжулъ, И. И., Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва.—Кузьминъ-Караваевъ, В. Д., Изъ эпохи освободительнаго движенія. Ч. I. По 17-ое октября 1905 г.—Э. Н. Берендтсъ, Кое-что о современныхъ вопросахъ. — Вильгельмъ Блосъ, Исторія германской революціи 1848-го года. Полный переводъ съ нѣм., п. р. А. Луначарскаго.	

Приложеніе. — Третій дополнительный Каталогъ „Вѣстника Европы“ за восьмое пятилѣтіе изданія журнала: 1901—1905 гг., съ Алфавитнымъ Указателемъ именъ авторовъ . . . . . 1—59

Объявленія.—I—VIII.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

3—